

Хесус
УЭРТА ДЕ СОТО

СОЦИАЛИЗМ,
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
РАСЧЕТ И
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ
ФУНКЦИЯ

Серия: «ЭКОНОМИКА»

Jesús HUERTA DE SOTO

SOCIALISMO,
CÁLCULO ECONÓMICO
Y FUNCIÓN EMPRESARIAL

Unión Editorial
Madrid

Хесус УЭРТА ДЕ СОТО

СОЦИАЛИЗМ,
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
РАСЧЕТ И
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ
ФУНКЦИЯ

Москва 2008

УДК 330.86:332.012.32

ББК 65.011

У98

Редакционный совет серии:

В. Завадников (председатель),

П. Горелов, Дж. Дорн, М. ван Креveld, Д. Лал,

Б. Линдси, Я. Романчук, Т. Палмер

Редколлегия: Ю. Кузнецов, А. Якимчук, Е. Болотова,

И. Комарова, А. Нагайцев, Е. Белова

Редактор серии: Ю. Кузнецов

Перевод: В. Кошкин

Научный редактор: А. Куряев

Уэрта де Сото Хесус

У98 Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция / Хесус Уэрта де Сото ; пер. с англ. В. Кошкина под ред. А. Куряева. — М., Челябинск: ИРИСЭН, Социум, 2008. 488 с. (Серия «Экономика»)

ISBN 978-5-91066-015-5

ISBN 978-5-901901-74-8

Крушение социализма застало врасплох большинство экономистов. Ока-
завшись не в состоянии своевременно предсказать и верно оценить развитие
событий, они впоследствии сделали вид, что ничего особенного не произошло,
и как ни в чем не бывало занялись текущими проблемами. Однако автор
данной книги глубоко убежден в фундаментальной необходимости необхо-
димо провести критическую переоценку проводившихся до сих пор исследований
социализма и использовавшегося в них теоретического инструментария.
В своей работе он опирается на теорию невозможности экономического
расчета при социализме, разработанную в 1920-х годах Людвигом фон
Мизесом и Борисом Бруцкусом, концепцию неявного и неартикулируемого
знания Майкла Полани, теорию предпринимательства Мизеса—Кирцнера,
концепцию стихийного порядка Хайека и его идеи о роли знания в эконо-
мике. В книге также подробно излагается ход полемики о невозможности
экономического расчета при социализме, разгоревшейся среди экономистов
в 1930-е годы. Весь этот концептуальный аппарат применяется для анализа
социалистической экономики. Это делает книгу актуальной для понимания
современных процессов, происходящих в экономике разных стран.

Книга рассчитана на студентов и преподавателей экономических специ-
альностей, профессионалам, работающим в сфере экономического анализа.
Она будет также полезна людям, оказывающим влияние на выработку
экономической политики — законодателям, правительственным экспертам,
руководителям органов исполнительной власти.

УДК 330.86:332.012.32

ББК 65.011

*Все права защищены. Никакая часть этой книги
не может быть воспроизведена в какой бы то ни было
форме и какими бы то ни было средствами без пись-
менного разрешения владельца авторских прав.*

ISBN 84-7209-420-0

ISBN 978-5-91066-015-5

ISBN 978-5-901901-74-8

© 1992 Jesús Huerta de Soto.

© АНО «Институт распространения
информации по социальным и эконо-
мическим наукам», 2008.

© ООО «Социум», 2008, перевод.

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ	15
ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ.	17
ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ	20
ГЛАВА I. ВВЕДЕНИЕ	25
1. СОЦИАЛИЗМ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	25
<i>Историческое поражение социализма</i>	25
<i>Субъективистский подход к экономическому анализу социализма</i>	28
<i>Наше определение социализма</i>	29
<i>Предпринимательство и социализм</i>	30
<i>Социализм как интеллектуальная ошибка</i>	31
2. СПОР О НЕВОЗМОЖНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАСЧЕТА ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ	32
<i>Людвиг фон Мизес и начало спора о социализме</i>	33
<i>Неоправданный сдвиг по направлению к статике в ходе спора</i>	34
<i>Оскар Ланге и «конкурентное решение»</i>	35
<i>«Рыночный социализм» как квадратура круга</i>	35
3. ДРУГИЕ ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ	36
1) <i>Анализ так называемого «социализма, основанного на самоуправлении»</i>	36
2) <i>«Индикативное планирование»</i>	37
4) <i>Последствия спора для будущего экономической теории</i>	38
5) <i>Реинтерпретация и исторический анализ различных реальных типов социализма</i>	38
6) <i>Выработка теории этической недопустимости социализма</i>	44
7) <i>Разработка теории предотвращения и демонтажа социализма</i>	44
4. Заключение	45

ГЛАВА II. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО	47
1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА	47
<i>Человеческая деятельность: цели, ценность, средства и полезность</i>	50
<i>Редкость материальных благ, планы действий и акты воли</i>	51
<i>Субъективное восприятие времени: прошлое, настоящее и будущее</i>	52
<i>Творчество, удивление и неопределенность</i>	53
<i>Издержки как субъективная концепция. Предпринимательская прибыль</i>	55
<i>Рациональность и иррациональность. Предпринимательская ошибка и убыток</i>	57
<i>Предельная полезность и временное предпочтение</i>	58
2. ОСОБЕННОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА	59
<i>Предпринимательство и бдительность</i>	59
<i>Информация, знания и предпринимательство</i>	60
<i>Субъективное и практическое, а не теоретическое знание</i>	61
<i>Эксклюзивное и рассеянное знание</i>	63
<i>Неявное знание, которое невозможно выразить словами</i>	67
<i>Принципиально творческая природа предпринимательства</i>	70
<i>Создание информации</i>	74
<i>Передача информации</i>	75
<i>Обучающий эффект: координация и приспособление</i>	76
<i>Арбитраж и спекуляция</i>	78
<i>Право, деньги и экономический расчет</i>	79
<i>Вездесущность предпринимательства</i>	85
<i>Основной принцип</i>	86
<i>Конкуренция и предпринимательство</i>	90
<i>Разделение знания и расширенный порядок общественного сотрудничества</i>	93
<i>Творчество versus максимизация</i>	96
<i>Заключение: наша концепция общества</i>	98
3. Предпринимательство и концепция социализма	99
Глава III СОЦИАЛИЗМ	101
1. Определение социализма	101
2. Социализм как интеллектуальная ошибка	107

3. НЕВОЗМОЖНОСТЬ СОЦИАЛИЗМА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ОБЩЕСТВА	110
«Статический» аргумент	110
«Динамический» аргумент	112
4. НЕВОЗМОЖНОСТЬ СОЦИАЛИЗМА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ОРГАНА ВЛАСТИ	115
5. ПОЧЕМУ КОМПЬЮТЕРИЗАЦИЯ НЕ ДЕЛАЕТ СОЦИАЛИЗМ ВОЗМОЖНЫМ	119
6. ДРУГИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СОЦИАЛИЗМА	126
Отсутствие координации и социальный беспорядок	127
Ошибочная информация и безответственное поведение	132
Эффект разложения	135
Подпольная, или «теневая», экономика	141
Отставание в социальном (экономическом, технологическом, культурном) развитии	142
Деградация традиционных представлений о законе и порядке. Моральный распад, порождаемый социализмом	144
Социализм как «опиум народа»	151
Заключение: антисоциальная сущность природы социализма	153
7. РАЗЛИЧНЫЕ ТИПЫ СОЦИАЛИЗМА	154
Реальный социализм, или экономики советского типа	154
Демократический социализм, или социальная демократия	155
Консервативный, или «правый», социализм»	158
Социальная инженерия, или сициентистский социализм.	160
Другие типы социализма (христианский, или солидарный, синдикалистский и т.п.)	166
8. КРИТИКА ДРУГИХ ОПРЕДЕЛЕНИЙ СОЦИАЛИЗМА	167
Традиционное определение и процесс выработки нового определения	167
Социализм и интервенционизм	171
Бессодержательность «идиллических» концепций социализма	173
Может ли термин «социализм» когда-либо возродиться?	174

ГЛАВА IV. ЛЮДВИГ ФОН МИЗЕС И НАЧАЛО СПОРА ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАСЧЕТЕ	177
1. КОНТЕКСТ.	177
2. ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ ОТКРЫТИЕ ЛЮДВИГА ФОН МИЗЕСА	191
<i>Суть и основное содержание открытия Мизеса</i>	193
3. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СОЦИАЛИЗМА ПО МАРКСУ	201
4. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О КОНЦЕПЦИИ МИЗЕСА	210
<i>Опровержение Маркса Мизесом</i>	210
<i>Денежный расчет прибылей и убытков</i>	213
<i>Достаточность экономического расчета на практике</i>	214
<i>Расчет как фундаментальная экономическая (а не техническая) задача</i>	216
<i>Консолидация бизнеса и экономический расчет</i>	218
5. ПЕРВЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ СОЦИАЛИСТОВ ПО ПОВОДУ ТОГО, КАК РЕШИТЬ ПРОБЛЕМУ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАСЧЕТА	223
<i>Экономический расчет в натуральном выражении</i>	223
<i>Экономический расчет в рабочем времени</i>	226
<i>Экономический расчет в единицах полезности</i>	229
ГЛАВА V. НЕОПРАВДААННЫЙ СДВИГ В СПОРЕ В СТОРОНУ СТАТИКИ: АРГУМЕНТЫ ФОРМАЛЬНОГО СХОДСТВА И ТАК НАЗЫВАЕМОЕ «МАТЕМАТИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ»	233
1. АРГУМЕНТЫ ФОРМАЛЬНОГО СХОДСТВА.	233
<i>Аргументы формального сходства, выдвинутые Ойгеном фон Бём-Баверком и Фридрихом фон Визером</i>	235
<i>Статья Энрико Бароне как аргумент формального сходства</i>	239
<i>Другие теоретики формального сходства: Кассель и Линдаль</i>	241
2. АНАЛИЗ «МАТЕМАТИЧЕСКОГО» РЕШЕНИЯ	242
<i>Статья Фреда Тейлора</i>	244
<i>Идеи Генри Диккинсона</i>	246
<i>Математическое решение у немецких авторов</i>	250
3. «МАТЕМАТИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ» И ЕГО НЕГАТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ НА ХОД СПОРА	251

4. МЕТОД «ПРОБ И ОШИБОК»	259
<i>Критика метода «проб и ошибок»</i>	261
5. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ НЕВОЗМОЖНОСТЬ ПЛАНОМЕТРИКИ	271
ГЛАВА VI. ОСКАР ЛАНГЕ И «КОНКУРЕНТНОЕ РЕШЕНИЕ»	293
1. ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ	293
2. ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ «КОНКУРЕНТНОГО РЕШЕНИЯ»	298
<i>Идеи Эдуарда Хеймана и Карла Полянши</i>	299
<i>Первые критические возражения Мизеса, Хайека и Роббинса против «конкурентного решения»</i>	303
3. ПОЗИЦИЯ ОСКАРА ЛАНГЕ: ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ	314
<i>Модель Ланге – Брейта</i>	315
4. ОСКАР ЛАНГЕ И ЕГО КЛАССИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «РЫНОЧНОГО СОЦИАЛИЗМА»	317
<i>Рыночные цены versus «параметрические цены»</i>	318
<i>Первый пункт Ланге</i>	320
<i>Второй пункт Ланге</i>	323
<i>Третий пункт Ланге</i>	324
<i>Четвертый пункт Ланге</i>	334
5. КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЛАССИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ЛАНГЕ	339
<i>Вводные терминологические разъяснения</i>	339
<i>Описание модели</i>	340
<i>Две интерпретации модели Ланге</i>	343
<i>Критический анализ максимально широкой интерпретации модели Ланге</i>	344
1) <i>Невозможность составить список капитальных благ</i>	345
2) <i>Абсолютно произвольная продолжительность периода времени, на которое устанавливаются параметрические цены</i>	347
3) <i>Отсутствии настоящего рынка труда, потребительских благ и услуг</i>	348
4) <i>Бессмысленность предложенных Ланге «правил»</i>	349
5) <i>Теоретическая невозможность использования метода «проб и ошибок»</i>	358
6) <i>Произвольная фиксация ставки процента</i>	361
7) <i>Игнорирование поведения, характерного для бюрократических органов</i>	363

Оглавление

<i>Другие замечания о классической модели Ланге</i>	369
6. ТРЕТИЙ И ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРИОДЫ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛАНГЕ	372
<i>Третий период: 1940-е годы</i>	372
<i>Четвертый этап: со Второй мировой войны до смерти Отказ от рынка и оправдание сталинистской системы</i>	376
<i>Ланге: эпилог</i>	381
ГЛАВА. VII. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ	383
1. ДРУГИЕ ТЕОРЕТИКИ «РЫНОЧНОГО СОЦИАЛИЗМА»	383
<i>Ивен Фрэнк Моттрэм Дурбин</i>	384
<i>Книга Генри Дугласа Диккинсона «Экономическая теория социализма»</i>	391
<i>Участие в споре Аббы Лернера</i>	401
2. «РЫНОЧНЫЙ СОЦИАЛИЗМ»: КВАДРАТУРА КРУГА	412
3. МОРИС ДОББ И ПОЛНОЕ УНИЧТОЖЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ	419
4. В КАКОМ СМЫСЛЕ СОЦИАЛИЗМ НЕВОЗМОЖЕН?	431
5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ	445
БИБЛИОГРАФИЯ	447
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	475
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	482

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Крушение социализма застало врасплох большинство экономистов. Оказавшись не в состоянии своевременно предсказать и верно оценить развитие событий, подавляющее большинство представителей этой славной профессии впоследствии сделали вид, что ничего особенного не произошло и как ни в чем не бывало занялись текущими проблемами — переходной экономикой, глобализацией и т.п. Но шила в мешке не утаишь, и нашелся ученый, который принял интеллектуальный вызов. Это профессор Хесус Уэрта де Сото, заведующий кафедрой экономической политики Университета короля Хуана Карлоса в Мадриде, известный также своими работами по теории денег и кредита. Результаты его творческой работы предлагаются вниманию русскоязычного читателя.

Теоретическое осмысление идеи и опыта социализма для нас, переживших распад Советского Союза, имеет совершенно конкретное прикладное значение. Без этого у наших стран всегда будет присутствовать соблазн начать поиск решений текущих проблем в направлении расширения государственного вмешательства в экономику и жизнь граждан. То есть двинуться по тому пути, который уже однажды привел нас к тяжелейшему экономическому и общественному кризису.

Но актуальность книги Х. Уэрта де Сото не ограничивается осмыслением нашего прошлого. Как он убедительно показывает в своей работе, те же аргументы, которые демонстрируют экономическую несостоятельность социализма, в полной мере приложимы к более «мягким», на первый взгляд, формам насильственного вмешательства со стороны правительств, центральных банков, профсоюзов и т.п. в добровольное взаимодействие людей на свободном рынке. Нам, создающим рыночную экономику практически «с нуля» полезно учитывать опыт тех, кто прошел этот путь раньше, и не повторять их ошибок.

Кроме очевидного прикладного значения, предлагаемая вниманию читателей книга Х. Уэрта де Сото, по мнению Редакционного совета, принесет большую пользу и как теоретическая работа. Дискуссия об экономическом расчете,

которой посвящено немало страниц этой работы, стала важной вехой на пути развития современной экономической теории, и знакомство с этим материалом необходимо всякому образованному экономисту, чем бы он ни занимался и к какому бы интеллектуальному течению ни принадлежал.

Х. Уэрта де Сото относит себя к одному из бурно развивающихся направлений современной экономической мысли — австрийской, или праксеологической, школе экономической теории. Эта школа, ведущая начало от великих ученых конца XIX — начала XX вв. К. Менгера, О. фон Бём-Баверка и Ф. фон Визера, в настоящее время является одним из самых перспективных подходов к решению тех теоретических и прикладных экономических проблем, с которыми «традиционная» наука, или «мэйнстрим», не может справиться или просто отказывается иметь дело. Вопрос об экономической жизнеспособности социализма и его современных аналогов (т.е. всевозможных вариаций на тему «третьего пути») — как раз одна из таких проблем.

Испанский оригинал книги Х. Уэрта де Сото «Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция» выдержал три издания (первое в 1992 г., третье в 2005-м). Книга также переведена на английский язык и готовится к изданию в США. Популярность этой работы свидетельствует о том, что исследуемые в ней проблемы продолжают быть актуальными с момента ее выхода и до сегодняшнего дня. Мы рассчитываем, что ее русское издание принесет большую пользу всем представителям экономической профессии, а также будет интересно политологам, социологам и всем, кто интересуется историей социализма и современными экономическими проблемами.

Валентин ЗАВАДНИКОВ,
Председатель Редакционного совета
Декабрь 2007 г.

*Славной памяти Людвиг фон Мизеса
и 70-летней годовщине публикации
его сочинения «Die gemeinwirtschaft
Untersuchungen über den Sozialismus»
(«Социализм: экономический и социо-
логический анализ») посвящается эта книга*

Предисловие

к третьему изданию

Мне чрезвычайно приятно представить испаноязычным читателям и студентам третье издание моей книги «Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция». Четыре года назад я сделал в предисловии ко второму изданию три замечания, и следует учитывать, что они не утратили своего значения.

В промежутке между выходом второго и третьего изданий произошло два важных события. Во-первых, я закончил работу над англоязычной версией книги и, с Божьей помощью, в Англии и США она будет опубликована известным издательством под названием *Socialism, Economic Calculation and Entrepreneurship*. Во-вторых, все больше исследователей, студентов и преподавателей, и в Испании, и в остальном мире стало проявлять интерес к изучению динамической концепции конкуренции и рыночных процессов, а также к ее применению к теории неосуществимости социализма и экономического интервенционизма. Этот растущий интерес привел к появлению научного журнала под названием *Market Processes: European Journal of Political Economy*¹, создавшего площадку для публикаций, в особенности для публикаций того нового поколения исследователей, которое является частью общепризнанного бума австрийской школы экономической теории. Эти ученые развивают парадигму, способную сменить ту, которая, хотя и господствует в настоящее время, уже вступила в фазу острого кризиса, упадка и дезинтеграции.

Наконец, я хотел бы отдать должное энтузиазму и исследовательскому духу, которую год за годом проявляют студенты, использующие эту работу в качестве учебника по моему курсу. То, что они, как и мои аспиранты и ассистенты на кафедре политической экономии Университета Короля

¹ Те, кто заинтересовался, могут попросить выслать им опубликованные номера журнала, написав по адресу ommcamp@teletel.es, а также могут ознакомиться с ними на сайте www.jesushuertadesoto.com.

Предисловие к третьему изданию

Хуана Карлоса в Мадриде, которую я возглавляю, поддерживают мои усилия по продвижению в Испании благородной исследовательской программы австрийской экономической школы, оказывает на меня огромное стимулирующее воздействие.

Хесус УЭРТА ДЕ СОТО
Мыс Форmentor, о-в Майорка
22 августа 2005 г.

Предисловие

ко второму изданию

Я рад возможности представить испанскому читателю второе издание моей книги «Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция» (*Socialismo, cálculo económico y función empresarial*). Мне хотелось бы сделать три важных предварительных замечания.

Во-первых, во избежание путаницы и для того, чтобы не усложнять работу исследователей, имеющих дело с многочисленными цитатами из первого издания и ссылками на него в научной литературе, в этом издании полностью сохраняется оглавление, структура и нумерация страниц первого издания. Кроме того, в новом издании исправлены все опечатки и ошибки, обнаруженные в тексте первого издания. В текст также было внесено несколько мелких стилистических правок; обновлены указания на часть библиографических источников. Никакие другие изменения в текст не вносились.

Во-вторых, по указанным выше соображениям в этом издании я воздержался от цитирования и комментирования важнейших книг и статей о социализме, опубликованных с момента выхода первого издания: таких текстов было не слишком много; они добавили мало нового к тому, что уже было написано; кроме того, подробный анализ этих работ существенно повлиял бы на содержание книги, которое я предпочел оставить неизменным². Однако обязательно

² Заслуживает упоминания, по крайней мере за широту подхода, книга Дэвида Рамси Стила: David Ramsay Steele, *From Marx to Mises: Post-Capitalist Society and the Challenge of Economic Calculation* (La Salle, Illinois: Open Court Publishing, 1992). Вероятно, полезен был бы критический разбор дискуссии с участием Джозефа Салерно, Гвидо Хюльсмана, Ганса-Германа Хоппе и Лиланда Егера, которая происходила между 1992 и 1995 гг. на страницах *Review of Austrian Economics*. Предметом их разногласий была разница в подходах Мизеса и Хайека к критике социализма; в этом отношении, на основаниях, изложенных в сносках 16 и 30 к главе 4, я согласен с точкой зрения Лиланда Егера, который считает эту разницу в основном воображаемой.

нужно отметить, что за время, прошедшее с выхода первого издания, в Испании были впервые опубликованы все статьи Хайека, посвященные проблеме экономического расчета при социализме. Эти статьи вошли в 10 том (*Socialismo y guerra*, «Социализм и война») выходящего под моей редакцией полного собрания сочинений Ф. А. Хайека в переводе на испанский³. Эту чрезвычайно важную книгу следует рассматривать как необходимое дополнение к моей работе, которое не было доступно испанскому читателю в момент выхода первого издания книги в 1992 году.

В-третьих, я могу с большим удовлетворением сообщить, что за 9 лет, прошедших с выхода первого издания этой книги, традиционный взгляд на спор о невозможности экономического расчета при социализме медленно разрушался, что привело к возникновению нового консенсуса: сейчас большинство экономистов согласны, что в споре победили Мизес и Хайек — экономисты австрийской школы. Убедительным доказательством этого служат следующие слова Марка Блауга, одного из крупнейших специалистов по истории экономической мысли: «Постепенно и крайне неохотно я все-таки пришел к выводу, что они [австрийцы] правы, а мы все были неправы». Блауг считает использование неоклассической парадигмы для обоснования возможности экономического расчета при социализме «с управленческой точки зрения наивной настолько, что она была решительно смешотворна. Повестись на весь этот вздор могли только люди, одурманенные статической теорией равновесия в условиях совершенной конкуренции. В 1950-х я оказался в числе тех, кто, будучи студентом, схавал все это, но сейчас могу только изумляться собственному идиотизму»⁴. Это признание является крайне важным, потому что только тот, кто принимает динамическую концепцию рынка и предпринимательского процесса, в состоянии осознать ошибки социализма. Более того, с этим связана отчетливая смена парадигмы в мире экономической теории,

³ F. A. Hayek, *Socialismo y guerra*, vol. 10, *Obras Completas de F. A. Hayek*, издание на испанском языке под редакцией Хесуса Уэрты де Сото (Madrid: Unión Editorial, 1998).

⁴ Mark Blaug and Neil de Marchi, eds., *Appraising Economic Theories* (London: Edward Elgar, 1991), 508 и *The Economic Journal* 103, no. 421 (November 1993): 1571.

и этот процесс, в случае, если он будет продолжаться, должен произвести в фундаментальных основаниях нашей науки переворот, который сделает экономическую теорию только что начавшегося века более глубокой, гораздо более действенной и гораздо более гуманной, чем это было в веке ушедшем.⁵

Хесус УЭРТА ДЕ СОТО
Мыс Форmentor, о-в Майорка
28 августа 2001 г.

⁵ См.: Jesús Huerta de Soto, *La Escuela Austríaca: mercado y creatividad empresarial* (Madrid: Síntesis, 2000) [Уэрта де Сото Х. Австрийская школа: рынок и предпринимательское творчество. Челябинск: Социум, 2007]. Автор будет благодарен за любые читательские отзывы. С ним можно связаться по электронной почте: huertadesoto@dimasoft.es.

Предисловие

к первому изданию

Эта книга представляет собой итог долгого процесса, начавшегося в Мадриде почти 20 лет назад, осенью 1973 г., когда по рекомендации моего отца Хесуса Уэрты Бальестера и благодаря содействию Хосе Рамона Каносы-Пенабы я стал посещать еженедельный семинар по австрийской экономической школе, который устраивали по четвергам братья Хоакин и Луис Реиг Альбиоль у Луиса дома. Энтузиазму и неутомимой поддержке, которую мне всегда оказывал Луис Реиг, а также тому, что в 1970-е годы я был участником этих еженедельных семинаров, я обязан не просто бесценным и необыкновенным опытом, полученным в период формирования моих взглядов на экономическую теорию: оттуда я вынес глубокую убежденность, что только австрийская экономическая теория дает возможность решить проблемы и преодолеть слабости, внутренне присущие другим экономическим теориям, например, кейнсианству или чикагской школе, чей обманчивый блеск вначале привлекал меня.

Позже, в 1980 г., благодаря рекомендации лауреата Нобелевской премии по экономике Фридриха фон Хайека и стипендии Банка Испании, давшей мне возможность продолжить изучение экономической теории в Стэнфордском университете, я смог посвятить два года расширению моих знаний об австрийской экономической школе в целом и австрийской теории капитала и рыночных процессов, в частности. Я хотел бы поблагодарить за щедрую помощь мне в это время Леонарда Лиджио и Уолтера Гриндера из Института гуманитарных исследований (*Institute for Humane Studies*), тогда располагавшегося в Менло-Парке, рядом с университетом. Я особенно благодарен им за одно из самых больших интеллектуальных впечатлений моей жизни: за возможность встретиться с выдающимся представителем современной австрийской школы Мюрреем Ротбардом, одним из самых блестящих учеников Людвиг фон Мизеса, и обсудить с ним некоторые из самых спорных и увлекательных тем экономической науки.

Я вернулся в Испанию и в 1983 г. получил из рук Его Величества Международную премию короля Хуана Карлоса по экономике за работы о системе частных пенсионных накоплений и приватизации испанской системы социального обеспечения. После этого тогдашний ректор Мадридского университета Комплутенсе Густаво Вильяпалос Салас пригласил меня на работу. С тех пор я — профессор Мадридского университета, где преподаю политическую экономию. Я хотел бы искренне поблагодарить своих студентов и аспирантов за то усердие, энтузиазм и трудолюбие, с которым они относились к изучению фундаментальных принципов экономической теории вообще и австрийской школы, в частности. Я преподавал многим студентам — в год их было в среднем 300 человек, а за семь лет, с учетом аспирантов, около 2000 — и поэтому, к сожалению, за очевидным недостатком места здесь невозможно перечислить имена всех, кто блестяще проявил себя. Тем не менее я хотел бы поблагодарить за сотрудничество и помощь Эстебана Гандару-Труэбу, Эухенио Ильяну-Родригеса, Мигеля Анхеля Ферреро-Андреса, Сару Гонсалес-Перес и Карлоса де Мигеля.

За те годы, что я преподаю, и особенно за последние несколько лет, я постепенно убедился, что при помощи субъективистской методологии австрийской школы необходимо сформулировать такую теорию социализма, которая была бы основана на теории человеческой деятельности и предпринимательства в том виде, как она была разработана сначала Людвигом фон Мизесом, а позднее, в частности, Израэлем Кирцнером. Я также пришел к выводу, что необходимо перейти к новому определению социализма, которое гораздо полезнее и действеннее нынешних в том отношении, что оно объясняет реальные проблемы и позволяет нам одинаковым образом трактовать различные типы социализма, существующие сейчас или существовавшие ранее. Кроме того, новое определение способно стать стимулом для развития экономической науки, которую, как я считаю, можно и нужно превратить в универсальную теорию эффектов институционального приращения, используя предложенный в данной книге подход.

В первый раз я вынес на публичное обсуждение свою новую концепцию социализма в ходе организованного мной коллоквиума Фонда свободы (Liberty Fund) на тему «Экономический расчет, экономическое планирование и экономиче-

ская свобода», который проходил в Королевском коллегииуме Марии Кристины (Сан-Лоренсо дель Эскориаль) с 30 октября по 1 ноября 1988 г.

В числе наиболее активных участников коллоквиума⁶ были Джералд О'Дрискол и Дон Лавой. Профессор Лавой, ведущий специалист по дискуссии о невозможности экономического расчета при социализме, убедил меня в важности более глубокого погружения в эту полемику с целью ее детального анализа и всесторонней переоценки в контексте предложенной мной концепции социализма.

Так возникла идея книги под общим заголовком «Критический анализ социализма: теоретический, исторический и этический» (*Análisis Crítico del Socialismo: Teórico, Histórico, y Ético*), задуманной как достаточно объемный и глубокий труд, который должен стать исчерпывающим анализом феномена социализма. Я надеюсь, что этот проект, систематизирующий и продолжающий труд других теоретиков, будет способствовать лучшему пониманию, объяснению и предотвращению социализма. Чтобы избежать затягивания публикации отдельных частей проекта, чего с учетом его масштаба невозможно было бы избежать, а также с практической целью — чтобы снабдить своих студентов новыми, более актуальными рабочими материалами — я счел возможным начать с публикации первой части, которая в основном состоит в критическом анализе социализма с *теоретической* точки зрения и носит название «Социализм, экономический расчет и предпринимательство» (*Socialismo, Cálculo Económico y Función Empresarial*). Историческая интерпретация конкретных случаев социализма с точки зрения предложенного в этой книге теоретического анализа, а также исследование его моральной допустимости и теория его предотвращения и демонтажа будут опубликованы позже.

⁶ Кроме них, в этом коллоквиуме Фонда свободы участвовали Карл Паке из Кильского института экономики, Чарльз Кинг из Фонда свободы, Норман Берри из Букингемского университета, Карлос Родригес Браун, Хосе Рага Хиль, Франсиско Кабрильо Родригес, Сантос Пастор Прието, Лукас Бельтран Флорес и Педро Шварц Хирон из университета Комплутенсе (Мадрид), Антонио Аргандонья из университета Барселоны, Анри Лепаж из парижского Института предпринимательства и Луис Реиг Альбиоль из Мадрида.

Израэль Кирцнер из Нью-Йоркского университета, Лукас Бельтран Флорес, Хосе Луис Перес де Айала и Лопес де Айала, Хосе Рага Хиль, Франсиско Кабрильо Родригес и Кардос Родригес-Браун из Университета Комплутенсе (Мадрид), Педро Шварц Хирон из Автономного университета Мадрида, Сантос Пастор Прието из Университета Карлоса III (Мадрид), Хоакин Триго-Портела из Университета Барселоны и Хавьер Паредес Алонсо из Университета Алькала-де-Энарес любезно согласились прочитать эту книгу в рукописи и высказали ценные критические замечания и предложения. Я выражаю им всем свою глубочайшую благодарность и признательность. Разумеется, они не несут никакой ответственности за то, что в результате получилось. Английский вариант главы 3 я кратко изложил на региональной конференции Общества Мон-Пелерен в Праге в начале ноября 1991 г. и значительно более подробно — на Первой европейской конференции по австрийской экономической теории, которая проходила в Маастрихтском университете с 9 по 11 апреля 1992 г. под председательством Израэля Кирцнера⁷.

Я очень признателен моим помощникам Кармен Гальяне, Сандре Мойано и Энн Льюис, которые печатали и вычитывали многочисленные варианты рукописи. Я в глубоком долгу перед моей женой, помощницей и ученицей Сонsoles Уарте Хименес за преданность и терпение, с которым она переносила то, что я посвящал исследованиям и работе долгие часы, которые в нормальных обстоятельствах проводил бы с семьей. Всем им я выражаю свою глубокую благодарность.

Х. У. С.
Сеньорио-де-Сафриа,
7 июля 1992 г.

⁷ Опубликовано под заголовком «Экономический анализ социализма» (“The Economic Analysis of Socialism”) в качестве главы 14 сборника *New Perspectives on Austrian Economics*, ed. Gerrit Meijer (London and New York: Routledge, 1995).

Глава I

ВВЕДЕНИЕ

Эта вступительная глава будет посвящена краткому изложению тех главных особенностей и новых идей, которые составляют специфику предложенного нами анализа социализма. Мы коротко опишем содержание, структуру и выводы нашей работы и завершим главу указанием на некоторые возможные направления для исследований, которые, если положить в их основание предложенный нами анализ, должны будут представлять существенный интерес и иметь большое значение, а следовательно, у исследователей есть стимул заниматься ими.

1. Социализм и экономический анализ

Историческое поражение социализма

Крушение социализма в странах Восточной Европы было историческим событием огромной важности, к тому же оно застало врасплох большинство специалистов по экономической теории. Проблема не только в том, что экономическая наука оказалась не на высоте перед лицом бурных исторических событий, которые экономисты были не в состоянии предсказать, но также — что гораздо серьезнее — в том, что ей не удалось предоставить человечеству необходимые аналитические инструменты для того, чтобы предотвратить те серьезные ошибки, которые были совершены¹. На деле экономисты часто поступали ровно наоборот: они использовали свой

¹ Теперь, когда стало ясно, что экономисты мало или вовсе не занимались этой темой, которая до недавнего времени была исключена практически из всех научно-исследовательских программ, то, что экономическая наука в очередной раз не оправдала надежд, когда ее помощь потребовалась для того, чтобы осуществить переход к рыночной экономике в странах, переживших крушение социализма, собственно говоря, кажется не таким уж и важным.

профессиональный престиж и ауру академической учености для того, чтобы оправдывать и рекламировать меры экономической политики и социальные системы, которые были явно неудачными и принесли людям огромные страдания.

Столкнувшись с этой ситуацией, западные экономисты не ощутили особого дискомфорта и не пришли в замешательство: они продолжали заниматься своей наукой так, *как будто ничего не случилось*². В тех редких случаях, когда какой-либо известный экономист задавался неприятным вопросом о том, почему большинство профессиональных теоретиков оказались не в состоянии своевременно предсказать и верно оценить развитие событий, ответы ему были наивными, поверхностными, и, вследствие этого, неудовлетворительными. К примеру, экономисты ссылались на «ошибку» в интерпретации статистических данных по странам бывшего Восточного блока и на то, что эти данные, возможно, были восприняты специалистами недостаточно «критически». Они также упоминали о недостаточном внимании ученых к роли «стимулов» в экономике³. Наиболее выдающиеся члены экономического сообщества, как и сообщество в целом, и в дальнейшем не слишком озаботились проблемой собственной ответственности. Никто или, точнее, почти никто, не допускает возможности того, что корень проблемы может лежать в методах, господствовавших в экономической науке в период существования социалистических систем. Более того, тех экономистов, кто предпринял важнейшую и необходимую работу по анализу и переоценке спора об экономической невозможности социализма, можно пересчитать на пальцах одной руки. Этот спор начал Людвиг фон

² Ведущие экономисты Восточной Европы не последовали примеру своих западных коллег, и в последующих главах мы подробно опишем их реакцию. Более того, эти авторы чрезвычайно остро осознают теоретическую недостаточность западной экономической теории, вызывающую у них характерные теоретические опасения и замешательство, которые их самоуверенные западные коллеги не в состоянии постичь.

³ В «Президентском послании», с которым Гэри Беккер (Gary Becker) обратился к участникам региональной конференции общества Мон-Пелерен, состоявшейся 3–6 ноября 1991 г. в Праге под общим названием «В поисках перехода к свободному обществу», он не дал никаких иных объяснений.

Мизес в 1920 г. и он продолжился в следующие десятилетия⁴. Представляется, что, за этими редкими и приятными исключениями, большинство экономистов предпочли сознательно игнорировать в своих исследованиях все то, что они и их предшественники писали о социализме вплоть до его крушения.

Однако нельзя просто перевернуть ту страницу в истории, на которой написано «социализм», как если бы крах этой системы никак не повлиял на научные знания человечества. Дело в том, что история экономической мысли значительно пострадала бы, если бы теоретики стали в очередной раз фокусироваться на самых острых из актуальных проблем современности, пренебрегая фундаментальной необходимостью тщательной критической переоценки и изучения существовавших до сих пор аналитических исследований социализма, и особенно — необходимостью обосновать окончательное теоретическое опровержение этой общественной системы. Во всяком случае, мы должны иметь в виду, что экономическая наука опять не оправдала тех надежд, которые человечество — совершенно правомерно — на нее возлагает. В действительности, если не предпринимать меры по его предотвращению, то социализм как абстрактная идеология, проистекающая из присущей человеческим существам от рождения рационалистической гордыни и самонадеянности⁵, будет неизбежно воспроизводиться снова и снова. Чтобы предупредить его возвращение, необходимо воспользоваться нынешней уникальной исторической возможностью, которая может никогда не повториться, чтобы тщательно исследовать теоретическое осмысление этого феномена, обозначить допущенные ошибки, подвергнуть тотальной переоценке использовавшийся ранее теоретический инструментарий и не допустить того, чтобы какой-либо исторический период считался завершенным, прежде чем будут

⁴ Из работ этих исследователей следует отдельно отметить книгу, ставшую обязательным чтением для всех специалистов по этой теме: Don C. Lavoie, *Rivalry and Central Planning: The Socialist Calculation Debate Reconsidered* (Cambridge: Cambridge University Press, 1985).

⁵ Этот тезис развивает Ф. А. Хайек в своей книге *Fatal Comceit: The errors of Socialism*, опубликованной в первом томе его собрания сочинений: *Collected Works of F. A. Hayek* (London: Routledge, 1989) [Хайек Ф. А. «Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма». М.: Новости, 1992].

сделаны необходимые теоретические выводы, по возможности, окончательные.

Субъективистский подход к экономическому анализу социализма

В этой книге мы выносим на обсуждение и развиваем тезис о том, что социализм можно и нужно анализировать исключительно исходя из глубокого и ясного понимания человеческой деятельности, а также тех динамических процессов социального взаимодействия, которые она запускает. Существовавшие до сих пор попытки анализа социализма по большей части не смогли должным образом учесть принципы методологического индивидуализма и субъективизма, которые Хайек считает критически важными для развития нашей науки. Действительно, он пишет: «И, наверное, не будет преувеличением, если мы скажем, что на протяжении последних ста лет каждое серьезное открытие в экономической теории было шагом вперед в последовательном приложении субъективизма»⁶. Имен-

⁶ F. A. Hayek, *The Counter-Revolution of Science* (New York: Free Press of Glencoe, 1952), 31 [Хайек Ф. А. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблении разумом. М.: ОГИ, 2003. С. 49]. (См. великолепное переиздание 1979 г. в издательстве Liberty Press, Indianapolis.) В сноске 24, с. 209–210 [указанного издания на английском языке. Сноска 7 на с. 49 русск. изд.], Хайек добавляет по поводу субъективизма: «Возможно, наиболее последовательным в этом был Людвиг фон Мизес, и я считаю, что в большинстве своем особенности его воззрений, поначалу поражающие многих читателей своей странностью и кажущиеся неприемлемыми, могут быть объяснены тем, что *в последовательной приверженности к субъективистскому подходу он намного опередил своих современников*. Возможно, все характерные черты его теорий, начиная от теории денег (трудно поверить, что она создана в 1912 г.!) и кончая тем, что он сам назвал своим априоризмом, его воззрения на математическую экономику вообще и на измерение экономических явлений, в частности, как и его критика планирования, прямо (хотя, может быть, и не всегда с одинаковой неизбежностью) вытекают из этого центрального положения». (Всюду курсив наш, если не указано иначе. Мы также приводим цитаты в оригинале везде, где это возможно, хотя для удобства читателей часто дается английский перевод. — Прим. У. де С.)

но это мы попытались осуществить в ходе нашего исследования социализма: проанализировать этот феномен, радикально и последовательно используя принцип «субъективизма», и построить наш анализ на самой главной и сокровенной особенностях человека — на его способности действовать творчески и «предпринимательно».

В свете сказанного выше мы последовательно прилагали усилия, чтобы освободить наше исследование — во всех отношениях — от остатков того «объективизма», который на сознательном или на бессознательном уровне все еще пронизывает многие области нашей науки, ограничивая ее продуктивность и серьезнейшим образом препятствуя ее развитию. Несмотря на то, что нельзя быть абсолютно уверенным в том, что заполонивший нашу науку бесплодный объективизм не пролез в наше исследование, мы сделали все, что в наших силах, чтобы порвать с господствующей парадигмой. Именно поэтому мы предприняли специальные предосторожности, чтобы не поддаться ошибочному представлению о том, что экономические явления якобы существуют «на самом деле», «объективно», вне пределов той субъективной интерпретации и того субъективного знания, которое порождают в процессе деятельности действующие индивиды. Следовательно, мы рассматриваем экономическую теорию как науку, имеющую дело исключительно с «интеллектуальными» фактами, то есть с субъективными данными или знаниями, которые создаются людьми в процессе социального взаимодействия.

Наше определение социализма

Постулированное нами желание применять принцип субъективизма для анализа социализма с максимально возможной жесткостью и последовательностью проявляется прежде всего в нашем определении этой общественной системы. Мы уже сформулировали утверждение, что, с нашей точки зрения, спецификой, или главной чертой человека как вида является присущая всем людям способность действовать свободно и творчески. Исходя из этого, мы считаем социализмом *любую систему институциональной агрессии (вмешательства) против свободы человеческой деятельности или предпринимательства*. Позже, в главе 3 у нас будет случай подробно

исследовать все элементы нашего определения и все следствия из него; мы также опишем его явные преимущества по сравнению с иными использовавшимися ранее определениями. Пока нам достаточно подчеркнуть, что наше представление о социализме как о систематическом и агрессивном *препятствовании деятельности*, иными словами, как об институциональном *принуждении*, неизбежно и с необходимостью влияет на повышение значимости нашего анализа, который представляет собой целостную *экономическую теорию институционального принуждения*. Кроме того, становится понятно, что для того чтобы изучить теоретические результаты систематической агрессии против человеческой деятельности и человеческого сотрудничества, нужно сначала приобрести достаточно глубокие знания основ теоретического анализа беспрепятственной человеческой деятельности. Глава 2, которой мы дали название «Предпринимательство», целиком посвящена именно этому.

Предпринимательство и социализм

Наша концепция предпринимательства является одновременно очень широкой и очень четкой. В самом общем смысле мы рассматриваем предпринимательство и человеческую деятельность как синонимы. В более узком смысле, предпринимательство представляет собой типично человеческую способность находить возможности для извлечения прибыли, имеющиеся в окружении человека. Деятельность — это типично предпринимательский феномен, и в главе 2 мы подробно изучим ее главные компоненты и характерные черты. Самая замечательная из ее особенностей — это творческая и координирующая энергия предпринимательства. Действительно, любой акт предпринимательства порождает новую, не выраженную словами, рассеянную информацию субъективного и практического характера и поощряет вовлеченных в него людей изменить свое поведение или приспособить его к потребностям и обстоятельствам других: именно таким образом, стихийно и бессознательно, возникают обязательства, делающие возможной жизнь в обществе. Кроме того, только предпринимательство в состоянии порождать информацию, необходимую для *экономического расчета*, понимаемого как

любая оценка результата различных вариантов действия. Если правильно определить и ясно понять сущность удивительного процесса социальной координации и экономического расчета, дать толчок которому способно только предпринимательство, то в сравнении и по контрасту с ним можно постичь тяжелую социальную дискоординацию и отсутствие экономического расчета, которые являются неизбежными последствиями любого институционального принуждения в отношении предпринимательской свободы. Иными словами, только исходя из правильного понимания свойств рыночных процессов и рыночного общества можно полностью осознать все первичные и вторичные последствия социалистической системы. В главе 3 мы проанализируем их с этой точки зрения и рассмотрим связи между ними.

Социализм как интеллектуальная ошибка

Социализм потому так часто защищали в научных, политических и философских кругах, что считалось, будто систематическое использование принуждения может существенно увеличить эффективность социальной координации. Вся первая половина главы 3 посвящена теоретическому опровержению этой идеи; мы развиваем нашу аргументацию, опираясь на две различных, но дополняющих друг друга точки зрения: «статическую»⁷ и «динамическую». Мы приходим к заключе-

⁷ Наше «статическое» доказательство не имеет никакого отношения к анализу равновесия, то есть к той статической концепции, которую мы так резко критикуем в главе 4 и на протяжении всей книги. Однако за неимением лучшего мы используем термин «статический» потому, что оно имеет дело с *рассеянной* информацией, которая гипотетически *уже существовала ранее*, в отличие от «динамического» доказательства, относящегося к процессу, посредством которого порождается *новая* информация. Позже мы покажем, что в контексте нашей теории оба доказательства имеют в равной степени динамический характер и, следовательно, в равной степени несовместимы с теорией равновесия. В действительности оба доказательства ссылаются на одновременно протекающие и неотделимые друг от друга процессы, которые мы рассматриваем отдельно друг от друга исключительно в учебных целях.

нию, что в свете этого социализм представляет собой просто интеллектуальное заблуждение, поскольку с точки зрения теории систематическое применение принудительных методов не приводит к социальной координации.

Вторая половина главы 3 отчасти посвящена вторичным следствиям из нашего основного тезиса, рассматриваемым в контексте междисциплинарного подхода. Она также содержит объяснение и обоснование нашего определения социализма, отличающегося от господствовавших в прошлом концепций. Глава завершается анатомическим описанием различных исторических разновидностей (или типов) социализма. Хотя разновидности социализма различаются мотивировкой, степенью вмешательства и другими конкретными характеристиками, все они имеют общий знаменатель: все они в той или иной степени опираются на систематическое использование агрессии против свободного проявления предпринимательства.

2. Спор о невозможности экономического расчета при социализме

Вышеупомянутый анализ социализма настоятельно требует переоценки спора о невозможности экономического расчета при социализме, который происходил в 1920—1930-е годы между Мизесом и Хайеком, с одной стороны, и различными теоретиками социализма — с другой. Во-первых, как мы уже говорили, произошедший недавно исторический крах социализма в странах Восточной Европы обязывает всех серьезных и добросовестных исследователей вернуться к теоретическим утверждениям о социализме, выдвигавшимися теми, кто максимально тщательно и детально изучал связанные с ним проблемы, и подвергнуть их внимательному рассмотрению. Во-вторых, наша концепция предпринимательства и социализма представляет собой высшую точку теоретического синтеза, который зародился в начале спора и постепенно развивался, приближаясь к завершению, по мере его продолжения. Следовательно, для того, чтобы ясно обозначить все следствия из проведенного нами анализа социализма, абсолютно необходимо проанализировать и подвергнуть переоценке эту дискуссию. Наконец, в процессе изучения

этого спора приходит осознание, что парадигма мейнстрима, которая базируется на анализе равновесия, оказалась не в состоянии объяснить внутренне присущие социализму теоретические проблемы. И в самом деле, в силу того, что эта парадигма основана на ньютоновской механистичности и на представлении о равновесии, то есть о «повторяющемся бездействии», она не может даже сформулировать ту неизбежную теоретическую проблему, которую ставит перед нами институциональное принуждение. Кроме того, то, что большинство авторов вторичных текстов об этом споре и большинство специалистов, которые его комментировали, получили мейнстримное образование, показывает, почему они были неспособны понять суть открытия Мизеса и Хайека; это также объясняет, почему «миф» о победе в споре социалистов оказался таким живучим.

Людвиг фон Мизес и начало спора о социализме

Дискуссия вовсе не случайно возникла вокруг статей Мизеса, опубликованных вскоре после окончания Первой мировой войны. На самом деле только человек, подобный Мизесу, который приобрел глубокие знания в области свойств и последствий рыночных процессов, движимых человеческой деятельностью, был в состоянии интуитивно угадать и логически постичь неизбежно возникающие при социализме проблемы с экономическим расчетом. Глава 4 целиком посвящена основополагающему вкладу Мизеса в изучение социализма и связанным с этим обстоятельствам. Мы с особенной тщательностью учитываем исторический контекст фундаментального открытия Мизеса, а именно доминирование типично марксистских представлений о социализме. В то же время мы стремимся продемонстрировать, что мизесовский анализ социализма основан на динамической теории, то есть на австрийской традиции в узком смысле слова, и поэтому не имеет отношения ни к анализу статического равновесия, ни к основанной на нем «чистой логике выбора». Главу завершает подробный критический обзор «решений» проблемы экономического расчета, которые предлагались в то время теоретиками социализма. Это был натуральный расчет, расчет в рабочих часах и расчет в так называемых «еди-

ницах полезности»; ни один из этих вариантов не позволял преодолеть неизбежно возникающие теоретические проблемы, описанные Мизесом.

Неоправданный сдвиг по направлению к статике в ходе спора

Нелепое представление, будто бы «теорией» является исключительно экономический анализ равновесия, лежащий в основании парадигмы мейнстрима и пронизывающий ее насквозь, с неизбежностью развернуло спор в сторону статических проблем. Как мы увидим в главе 5, экономисты либо не смогли понять открытие Мизеса, либо поняли, что его анализ не относится к равновесию, и сделали из этого вывод, что он является не «теоретическим», а практическим, либо — в случае большинства — истолковали его в узких терминах равновесия и жесткой «чистой логики выбора». В последнем случае они пренебрегли тем, что с самого начала очень четко сформулировал Мизес, а именно что в статическом отношении социализм не представляет никакой проблемы, и что соответственно его теоретическая критика социализма была динамической по своей сути и основывалась на его теории процессов человеческого взаимодействия, протекающих на рынке. Сдвиг спора по направлению к статике был *нерелевантным*, поскольку статика не имела никакого отношения к первоначальному теоретическому открытию, а также *неоправданным*, поскольку он сделал теоретическую полемику совершенно бессмысленной. (Статическая точка зрения помешала экономистам обнаружить, в чем проблема, и понять, что она является первичной и неразрешимой). Кроме того, в главе 5 мы описываем также различные попытки экономистов-социалистов найти «математическое решение» проблемы, начиная с доказательств «формального сходства» между рынком и социализмом в контексте статической точки зрения и заканчивая более серьезными идеями Тейлора и Диккинсона. Наконец, мы подробно рассматриваем «метод проб и ошибок», который возник как практическая стратегия, направленная на решение соответствующей системы уравнений. Главу 5 завершает критический анализ «параметрических» моделей, основанных на идеях соци-

алистических теоретиков — моделей, которые экономисты с упорством, достойным лучшего применения, разрабатывают по сей день.

Оскар Ланге и «конкурентное решение»

Вероятно, одним из самых больших мифов в истории экономической мысли является представление о том, что Оскару Ланге удалось теоретически опровергнуть аргументы Мизеса против социализма. Действительно, наиболее известные учебники и пособия, а также почти все посвященные спору о социализме вторичные источники категорически настаивают на этом мифическом и поверхностном утверждении. Этот миф унаследовали и некритически усвоили два поколения экономистов. По этой причине мы посчитали крайне важным подвергнуть подробнейшему анализу предложенное Оскаром Ланге «конкурентное решение». Этому посвящена глава 6, содержание, объем и глубина которой делают ее, пожалуй, одним из наиболее оригинальных и поучительных элементов нашей попытки использовать субъективистскую методологию для экономического анализа социализма. Если наша работа, наряду с другими новейшими исследованиями на ту же тему, к которым мы будем обращаться по ходу изложения, будет хотя бы отчасти способствовать окончательному разрушению мифа о том, что Ланге опроверг открытие Мизеса, мы будем считать, что наши усилия не были напрасными.

«Рыночный социализм» как квадратура круга

В седьмой и последней главе мы завершаем анализ «конкурентного решения» обзором предложений Диккинсона, Дурбина и Лернера, сделанных в развитие идей Оскара Ланге. В этой главе мы приходим к заключению, что конкуренция, то есть творческая деятельность, и социализм, то есть принуждение, представляют собой радикально и фундаментально противоположные понятия. Любопытно, что, как мы увидим, целая школа социалистических теоретиков во главе с Доббом придерживалась того же мнения и неизменно присваивала звания

лицемеров и мечтателей коллегам, выступавшим за рыночный социализм. Мы завершаем эту главу размышлениями о подлинном значении невозможности социализма и кратким резюме всей книги.

3. Другие возможные направления исследования

Теоретический анализ социализма, которому посвящена наша книга, оставляет большой простор для будущих исследований. Действительно, мы рассматриваем нашу работу как первый шаг в направлении самых разнообразных возможностей для исследовательской работы, которая, как мы считаем, могла бы дать многообещающие результаты при условии использования разработанной нами методологической базы. Из этих областей, которые станут в будущем предметом интереса исследователей, нам кажутся особенно значимыми следующие⁸:

1) Анализ так называемого «социализма, основанного на самоуправлении»

Несмотря на то, что [производственное] «самоуправление», или «синдикалистский» социализм, полностью дискредитировало себя, особенно после экономического, социального и политического краха югославской модели, мы считаем, что изучение этого социализма с применением нашего подхода представляло бы значительный теоретический интерес. Это особенно верно в свете специфических проблем с координацией, возникающих в этой модели на всех уровнях, а также того, что ее часто отстаивали в качестве третьего пути, способного преодолеть недостатки и капитализма, и социализма (в их традиционном понимании).

⁸ Данный список, как должно быть совершенно очевидно, не претендует на полноту, и соответствует плану нашей второй книги о социализме, которая будет продолжением этой. Часть работы по этому новому проекту уже сделана.

2) «Индикативное планирование»

Хотя в наши дни об индикативном планировании почти совсем забыли, по ряду причин мы полагаем, что его следует изучать. Во-первых, особенно в 1960-е годы, у этой модели было много защитников, пытавшихся оправдать свою позицию с помощью ряда теоретических утверждений, по существу сильно напоминавших доводы, на которых была основана модель «рыночного социализма»; в то время эти утверждения практически не встретили возражений. Поэтому, несмотря на то, что «индикативное планирование» вышло из употребления, до того как папка с этой теорией будет навсегда сдана в архив, необходимо как следует проанализировать его заново. Во-вторых, вследствие описанного выше любопытного феномена (когда теоретические позиции бросают или забывают вместо того, чтобы подвергнуть их необходимому научному изучению и придти к серьезным теоретическим выводам по их поводу), различные восточноевропейские экономисты пытались оживить «индикативное планирование», видя в нем универсальное средство от экономических проблем своих стран. Наконец, в-третьих, мы должны отметить, что наш анализ социализма полностью распространяется и на теорию «индикативного планирования», поскольку именно теоретические доводы в пользу невозможности социализма, которые мы будем рассматривать в этой книге, как раз и объясняют, почему индикативное планирование не может достичь заявленных целей. То же самое относится к широкому набору технических приемов (в частности, к межотраслевому балансу), которые упорно используют многие ученые-экономисты, пытаясь доказать, что планирование (индикативное или иного рода) возможно⁹.

⁹ В качестве примера можно привести ученого-экономиста Василия Леонтьева, который в своем постоянном стремлении найти новые «приложения» для своего «интеллектуального детища» (межотраслевого баланса) без колебаний выдвигает всё новые и новые планы посягательства на общество и вмешательства в его дела. См.: Don C. Lavoie, "Leontief and the Critique of Aggregative Planning," in *National Economic Planning: What is Left?* (Cambridge, Massachusetts: Ballinger Publishing, 1985), 93–124.

3) Разумное определение «научной ответственности»

Одним из самых любопытных аспектов этой полемики является возникновение и настойчивое распространение (в течение почти 40 лет) мифа о том, что социалистические теоретики «выиграли» спор о невозможности экономического расчета при социализме и, следовательно, социализм как модель не представляет собой никакой теоретической проблемы. Ответственность за создание этого мифа несут в особенности те исследователи, которые описывали этот спор, а также полчища экономистов, которые все эти годы либо соглашались с наиболее популярной версией, не утруждая себя самостоятельным исследованием вопроса, либо оставляли этот спор вообще без внимания, полагая, что социализм, разумеется, не составляет никакой теоретической проблемы. Хотя можно с уверенностью утверждать, что в том, что касается проблем, связанных с социализмом, большинство исследователей социальных наук обманули ожидания, которые по праву возлагает на них человечество, и как минимум не выполнили своего главного научного долга, не проинформировав и не предупредив граждан о серьезных опасностях, исходящих от социалистического идеала, между отдельными теоретиками имеется существенная разница в степени проявленной ими нечестности, небрежности или обычного невежества. Соответственно, для нас будет очень важно, чрезвычайно полезно и крайне поучительно определить степень ответственности отдельных исследователей. С точки зрения обычных граждан и будущего экономической науки, такой подход должен представить каждого теоретика в истинном свете, безотносительно к его личности, его нынешней или исторической репутации и популярности.

4) Последствия спора для будущего экономической теории¹⁰

Пожалуй, наше наиболее смелое утверждение состоит в том, что крах социализма обязательно будет иметь большое влияние на доминирующую парадигму и на будущее экономиче-

¹⁰ В качестве примера такого подхода можно привести увлекательную статью: Don C. Lavoie, "A Critique of the Standard Account of the Socialist Calculation Debate," *The Journal of Libertarian Studies: An Interdisciplinary Review* 5, no. 1 (winter 1981): 41–87.

ской науки. Представляется очевидным, что экономическая наука блестяще продемонстрировала свою ненадежность, когда экономисты, за крайне редким исключением, оказались неспособны предсказать событие такого масштаба. К счастью, этот тяжелый удар сегодня дает нам возможность правильно оценить причины и степень теоретической близорукости парадигмы мейнстрима, который до этого момента не позволял экономистам достаточно ясно проанализировать и интерпретировать наиболее значительные события в сфере социального. Кроме того, нам не нужно начинать с чистого листа, поскольку благодаря усилиям экономистов австрийской школы, направленным на объяснение, защиту и детализацию их позиций в ходе спора о невозможности экономического расчета при социализме, многие из новых аналитических инструментов были развиты и усовершенствованы¹¹.

Хотя мы не смогли бы даже перечислить здесь все области нашей науки, которые затронуло это событие, не говоря уже о том, чтобы педантично подвергнуть их пересмотру, приведем несколько примеров. Вероятно, начать следует с *метода* нашей науки. Те самые факторы (субъективный, творческий, рассеянный и неартикулированный характер информации, используемой обществом), которые делают невозможным социализм, приводят к недостижимости идеалов эмпирического сравнения и точного измерения, которые экономисты страстно и наивно защищали до сегодняшнего дня. При этом мы еще не упомянули о негативных последствиях для развития нашей науки «математического» формализма и пагубной одержимости анализом, основанным на полной информации и равновесии. Также необходимо отказаться от функционального объяснения цен в пользу *теории цен*, объясняющей, как цены устанавливаются динамически посредством непрерывно развертывающегося процесса, основанного на энергии

¹¹ Израэль М. Кирцнер показал ключевую роль этого спора в качестве катализатора развития, усовершенствования и корректного выражения теорий австрийской школы в целом, а также для тщательного анализа и понимания теории предпринимательства и динамических рыночных процессов, связанных с предпринимательским творчеством и предпринимательскими открытиями, в частности. См.: Israel M. Kirzner, "The Economic Calculation Debate: Lessons for the Austrians" in *The Review of Austrian Economics*, vol. 2 (Massachusetts: Lexington Books, 1988), 1–18.

предпринимательства, иначе говоря, на человеческой деятельности его участников, а не на пересечении таинственных кривых или функций, не имеющих никакого отношения к реальности, поскольку информация, необходимая для того, чтобы их построить, не содержится даже в сознании участников рынка. Кроме того, необходимо отказаться от шаткой статической теории *«совершенной» конкуренции и равновесия*, заменив ее теорией конкуренции как динамического процесса соперничества предпринимателей, теорией, отменяющей проблему монополий в традиционном смысле, так как для нее они нерелевантны, и сконцентрированной на институциональных ограничениях свободы предпринимательской деятельности в любых областях рынка.

Субъективистская концепция оказывает столь же глубокое влияние на теорию капитала и процента, описывая в качестве капитального блага каждую из промежуточных стадий, которую действующий субъект в контексте специфической деятельности, в которую он погружен, воспринимает таким образом. Переживание действующим субъектом наивысшей точки подъема порождает субъективную идею хода времени. Капитал предстает как интеллектуальная категория в экономических расчетах действующего субъекта или как субъективная оценка ценности каждой из стадий в ценах денежного рынка. Это представление объясняет ведущую роль, которую в установлении ставки процента играют временные предпочтения; оно также объясняет отсутствие всякой причинно-следственной связи между ставкой процента и эффективностью капитала. Вера в такого рода связь проистекает из трех различных, но тесно связанных друг с другом заблуждений: анализа, ограничивающегося исключительно состоянием совершенного равновесия, представлением о производстве как об одномоментном «процессе», который не занимает времени, и восприятием капитала как реального «фонда», не зависящего от человеческого разума и способного к самовоспроизводству.

Теория денег, кредита и финансовых рынков — это, возможно, главный теоретический вызов, с которым сталкивается наша наука в XXI в. В самом деле, мы рискуем утверждать, что теперь, после того как «теоретическая лагуна», вызванная отсутствием корректного анализа социализма, заполнена, наиболее малоизученной и самой важной областью экономической науки, где повсеместно господствуют систематиче-

ское принуждение, методологические ошибки и теоретическое невежество, остаются деньги. Ведь социальные отношения, в которых участвуют деньги, гораздо абстрактнее и сложнее для восприятия, чем любые другие¹²; следовательно, то знание, которое они порождают и оформляют, тоже является сложным, масштабным и малопонятным, а это делает систематическое принуждение в данной сфере чрезвычайно разрушительным. *Теория интервенционизма* в целом и *теория экономических циклов*, в частности, прекрасно согласуются с предлагаемыми нами определением и анализом социализма, ясно объясняющими разрушительное влияние систематического принуждения на синхронную и диахронную рыночную координацию во всех сферах, особенно в денежной и фискальной.

Экономисты построили теорию *экономического роста и экономического развития* на макроэкономических агрегатах и концепции равновесия, не заметив единственного подлинного главного действующего лица этого процесса: человека, его бдительность [к открывающимся возможностям извлечения прибыли] и его творческие, предпринимательские способности. Таким образом, нужно перестроить всю теорию роста и отсталости, устранив из нее все оправдывающие институциональное принуждение элементы, которые до сих пор делали ее деструктивной и бесплодной. Необходимо переместить фокус этой теории на теоретическое изучение процессов открытия неиспользованных — в силу отсутствия ключевого компонента, то есть предпринимательской интуиции — возможностей для развития. Примерно то же самое можно сказать о так называемой *экономической теории благосостояния*, которая основана на химерическом понятии эффектив-

¹² «Функционирование денег и кредитной системы, так же как язык и мораль, представляет собой случай стихийного порядка, хуже всего поддающийся попыткам адекватного теоретического объяснения, и оно остается предметом серьезных разногласий между специалистами... Вмешательство в процессы отбора чувствуется здесь сильнее, чем где бы то ни было еще: на пути эволюционного отбора становится государственная монополия, и это делает невозможным экспериментирование в ходе конкуренции» (F. A. Hayek, *The Fatal Conceit: The Errors of Socialism* (Chicago: The University of Chicago Press, 1989), 102–103 [Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность: Ошибки социализма. М.: Новости, 1992. С. 178]).

ности по Парето и на практике оказывается нерелевантной и бесполезной, поскольку для ее использования требуется статическая среда с полной информацией, существование которой в реальном мире невозможно. Дело в том, что куда больше, чем от критериев Парето, эффективность зависит от способности предпринимателей стихийно устранять диспропорции, возникающие в ситуациях неравновесия, и именно в этих терминах следует ее определять. *Теория «общественных» благ* всегда формулировалась в строго статических терминах и основывалась на равновесии, а ее приверженцы по умолчанию подразумевали, что обстоятельства, порождающие выгодность «совместной поставки»* и «несоперническое потребление» — это данность, которая остается вечной и неизменной. С точки зрения динамической теории предпринимательства любая ситуация, в которой кажется, будто бы некое «общественное» благо существует, предоставляет кому-то явную возможность обнаружить и устранить эту ситуацию посредством предпринимательского творчества, и, следовательно, в динамической перспективе свободных предпринимательских процессов множество «общественных» благ в тенденции остается пустым. Тем самым исчезает одно из самых избитых оправданий, использовавшихся для оправдания систематического институционального принуждения по отношению к свободному предпринимательству во многих областях жизни общества.

Наконец, упомянем теории школы *общественного выбора* и *экономического анализа права и институтов*. В этих областях теоретики борются против нездорового влияния статической модели, основанной на полной информации. Эта модель порождает псевдонаучный анализ многочисленных рекомендаций, основанный на методологических предпосылках, идентичных тем, которые экономисты одно время пытались использовать для оправдания социализма. Такие предпосылки полностью игнорируют динамический, эволюционный анализ стихийных общественных процессов, которые запускаются и управляются предпринимательской деятельностью. Есть явная непоследовательность в том, что-

* Имеется в виду ситуация, когда совместная поставка двух или более товаров обходится дешевле, чем поставка каждого товара в отдельности.

бы стремиться проанализировать рекомендации и правила, исходя из концепции, постулирующей существование полной информации о прибыли и издержках, поскольку такая информация, если бы она существовала, сделала бы рекомендации и правила ненужными (тогда гораздо эффективнее было бы заменить их просто приказами); и если что-нибудь объясняет возникновение и эволюцию права, то это как раз неустранимое неведение, в состоянии которого постоянно пребывают люди.

Можно было бы перечислить еще много областей для исследования (теория народонаселения, экономический анализ налоговых доходов и перераспределения, экология рынка и т.п.), но нам кажется, что сказанного выше достаточно для того, чтобы обозначить то направление, в котором, с нашей точки зрения, будет развиваться экономическая теория после того, как избавится от теоретических и методологических дефектов, вскрывшихся в связи с крахом социализма. Есть надежда, что в результате появится настоящая социальная наука, служащая человечеству — гораздо более универсальная, полезная и действенная, чем сегодня.

5) Реинтерпретация и исторический анализ различных реальных типов социализма

Это направление исследований предполагает, что экономический анализ социализма, содержащийся в этой книге, будет использован для исправления того, что сделано в области «экономической компаративистики», которая до настоящего времени страдала от серьезных недостатков ввиду отсутствия необходимых аналитических инструментов. Следовательно, задача здесь состоит в том, чтобы провести подробное исследование, состоящее в исторической реинтерпретации каждого из различных типов социализма, существовавших или до сих пор существующих в реальном мире. Цель такого исследования — не только в том, чтобы проиллюстрировать теорию, но и в том, чтобы выяснить, до какой степени развитие исторических событий соответствует ей.

6) Выработка теории этической неприемлемости социализма

Нужно понять, повлияли или нет те методологические и аналитические пороки, которые являются объектом нашей критики, на попытки подвести теоретический фундамент под идею справедливости и следствия из нее. Иными словами, нам нужно попытаться заново сформулировать теорию справедливости, отбросив статическую парадигму полной информации и вместо этого обратившись к творческой и неопределенной практике человеческой деятельности, для того, чтобы выяснить, в какой степени социализм, кроме того, что представляет собой интеллектуальное заблуждение и историческую неудачу, является (или не является) также этически неприемлемым.

7) Разработка теории предотвращения и демонтажа социализма

Если будет сделан вывод, что социализм не только историческая неудача и интеллектуальное заблуждение, но еще и этически неприемлемая доктрина, то возникнет необходимость выработать целостную тактическую и стратегическую теорию его демонтажа и предотвращения. Это будет предполагать анализ конкретных трудностей, возникающих в процессе демонтажа конкретных исторических типов социализма («реального», социал-демократического, самоуправляемого и т.п.), а также оценку конкретных преимуществ и недостатков разных вариантов программы действий, в особенности «постепенные шаги *versus* революция», в зависимости от возможной специфики каждого конкретного случая. Наконец, с учетом циклической, дезориентирующей и по сути разлагающей природы тех структур, которые всегда поощряют возрождение социализма, ключевое значение приобретает профилактика социализма и неустанная бдительность — не только в области научного знания, но и в том, что касается защиты и развития институтов, обычаев, принципов и поведения, необходимых любой здоровой и свободной от систематического принуждения социальной структуре.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все эти замечания были необходимы для понимания контекста, который окружает наше исследование социализма и институционального принуждения. Только знакомство с общей теорией человеческой деятельности способно объяснить неизбежные последствия любых попыток насильственно пресечь свободное предпринимательство. Поэтому в центре нашего анализа находятся человеческие существа, понимаемые как творческие, действующие субъекты, на протяжении всей человеческой истории неустанно борющиеся за то, чтобы свободно выражать себя и свободно действовать в соответствии со своими самыми глубокими личными устремлениями — без каких-либо пут и без принуждения, которому их систематически пытаются подвергнуть под самыми разнообразными необоснованными предлогами.

Глава II

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

Поскольку невозможно усвоить концепцию социализма, предварительно не разобравшись, в чем состоит сущность предпринимательства, данная глава будет посвящена этому понятию, а также характерным свойствам и основным элементам предпринимательства. Наше представление о предпринимательстве является очень широким и в то же самое время очень четким. Оно тесно связано с восприятием человеческой деятельности как неотъемлемой и фундаментально творческой особенности, присущей всем людям, а также как множества согласованных умений, стихийно обеспечивающих возникновение, сохранение и развитие цивилизации. Наконец, наш анализ предпринимательства позволит нам предложить оригинальное определение социализма как «социальной болезни», наиболее характерными симптомами которой являются широко распространившаяся рассогласованность и масштабные нарушения координации между индивидуальными поступками и социальными процессами, в совокупности образующими жизнь общества.

1. Определение предпринимательства

В широком или в общем смысле, предпринимательство — это то же самое, что *человеческая деятельность*. По этому поводу можно сказать, что любой, кто *действует*, чтобы изменить свое настоящее и достичь своих целей в будущем, занимается предпринимательством. Хотя на первый взгляд это определение может показаться слишком широким и несоответствующим нынешнему словоупотреблению, нужно учитывать, что оно находится в русле той концепции предпринимательства, которую изучает и развивает все

больше экономистов¹. Кроме того, эта концепция полностью согласуется с исходным этимологическим значением термина *empresa* (исп. предпринимательство). Действительно, и испанское слово *empresa*, и французское, а также английское, *entrepreneur* (*предприниматель*)² восходят к латинско-

¹ В контексте нашей книги главный авторитет в области изучения предпринимательства — это Израэль Кирцнер, бывший профессор экономической теории в Нью-Йоркском университете. Кирцнер — автор трилогии (*Competition and Entrepreneurship; Perception, Opportunity, and Profit; Discovery and the Capitalist Process* [Chicago: University of Chicago Press, 1973, 1979, и 1985 соответственно] [существует русский перевод первой книги: Кирцнер И. Конкуренция и предпринимательство. М.: ЮНИТИ, 2001. 2-е изд. Челябинск: Социум, 2008]), в первой книге которой он безупречно справился с задачей исследования и разработки первоначальной концепции предпринимательства, созданной его учителями Людвигом фон Мизесом и Фридрихом Хайеком. Кроме того, Кирцнер написал четвертую книгу (*Discovery, Capitalism, and Distributive Justice* [Oxford: Basil Blackwell, 1989]), которая целиком посвящена последствиям для *социальной этики*, вытекающим из его представления о предпринимательстве. Наконец, уже после того, как эта глава была написана, Кирцнер опубликовал еще одну достойную внимания книгу, *The Meaning of Market Process: Essays in the Development of Modern Austrian Economics* (London: Routledge, Chapman, and Hall, 1992), где собраны его последние тексты, а также серия публиковавшихся ранее статей, которые мы по возможности учитывали в нашей работе. В Испании, кроме моих собственных текстов, экономическому анализу, основанному на предпринимательстве, посвящены, в частности, следующие работы: José T. Raga, “Proceso Económico y Acción Empresarial” in *Homenaje a Lucas Beltrán* (Madrid: Moneda y Crédito, 1982), 597—619; Pedro Schwartz, *Empresa y Libertad* (Madrid: Unión Editorial, 1981), esp. chap. 3, 107—148; Juan Marcos de la Fuente, *El empresario y su función social*, 3rd ed. (Madrid: Fundación Cánovas del Castillo, 1983).

² Любопытно, что английский язык усвоил французское слово *entrepreneur* в его буквальном значении. Однако это произошло довольно поздно, как следует из английского перевода «Трактата по политической экономии» Жана-Батиста Сэя 1821 г.; переводчик, Ч. Р. Принсеп был вынужден передавать французское слово *entrepreneur* (предприниматель) английским *adventurer* (авантюрист, искатель приключений), что свидетельствует о том, что заимствования этого термина еще не произошло. См. по этому поводу, например, с. 329 и 330 указанного английского издания в репринтном воспроизведении 1971 г. нью-йоркским изда-

му глаголу *in prehendo-endi-ensum*, означающему *открывать, видеть, воспринимать, осуществлять, достигать*; а латинское *in prehensa* явно подразумевает действие и означает *брать, ловить, хватать*. Говоря коротко, *empresa* является синонимом действия. Во Франции термин *entrepreneur* использовался давно, и в Высоком Средневековье он обозначал людей, ответственных за выполнение важных задач, в основном связанных с войной³, или за реализацию проектов по строительству больших соборов. Словарь Испанской Королевской Академии [*Diccionario de la Real Academia Española*] определяет одно из значений слова *empresa* так: «...напряженная и тяжелая деятельность, доблестно исполненная»⁴. Это слово тоже вошло в употребление в Средние века, когда так называли инсигнии некоторых рыцарских орденов, указывавших на то, что те, кто их носит, дали клятву исполнить какое-либо важное дело⁵. Представ-

тельством *Augustus M. Kelley*. Со своей стороны, Джон Стюарт Милль жаловался на то, что в английском языке нет эквивалента французскому слову *entrepreneur* и в 1871 г. писал: «Приходится сожалеть о том, что это слово — предприниматель [*undertaker*] — непривычно для английского слуха. Современные французские политэкономы, имеющие возможность постоянно говорить о *les profits de l'entrepreneur* (предпринимательской прибыли), пользуются огромным преимуществом перед английскими политэкономомы» (John Stuart Mill, *Principles of Political Economy*, Augustus M. Kelley reprint (Fairfield, 1976), note 406 [См.: Милль Дж. С. Основы политической экономии. М.: Эксмо, 2007. С. 463 сн.]. Милль здесь практически дословно воспроизводит заголовок 3 раздела 7 главы 2 книги 16-го издания «Трактата» Сэя: *Traité d'Économie Politique*, J. B. Say (reprinted in Geneva: Slatkine, 1982), 368.

³ Bert F. Hoselitz, "The Early History of Entrepreneurial Theory," *Explorations in Entrepreneurial History* 3, no. 4 (15 April 1956): 193–220.

⁴ «Action ardua y dificultosa que valerosamente se comienza».

⁵ Например, в начале главы 2 части 1 бессмертного романа Сервантеса мы читаем про Дон Кихота: «Но как скоро он очутился за воротами, в голову ему пришла страшная мысль, до того страшная, что он уже готов был отказаться от задуманного *предприятия*, и вот почему: он вспомнил, что еще не посвящен в рыцари и что, следовательно, по законам рыцарства ему нельзя и не должно вступать в бой ни с одним рыцарем; а если б даже и был посвящен, то ему как новичку подобает носить белые доспехи, без девиза

ление о предпринимательстве как о деятельности необходимо и неизбежно связано с предпринимательской установкой, которая состоит в постоянной готовности искать, открывать, создавать или обнаруживать новые цели и средства (в полном соответствии с описанным выше этимологическим значением *inprehendo*).

Человеческая деятельность: цели, ценность, средства и полезность

Теперь, когда мы дали определение предпринимательства через человеческую деятельность, нам нужно объяснить, что мы понимаем под этим. Человеческая деятельность — это любое преднамеренное поведение⁶. Действуя, все люди стремятся достичь определенных *целей*, которые, как они обнаружили, для них важны. Мы будем называть *ценностью* субъективную и в большей или меньшей степени эмоционально нагруженную оценку действующим человеком собственной цели. *Средство* — это любой метод, который, с субъективной

[*empresa*] на щите, до тех пор, пока он не заслужит его своею храбростью» (курсив мой. — *У. де С.*).

⁶ О концепции человеческой деятельности и его основных компонентах см.: Ludwig von Mises, *Human Action: A Treatise on Economics*, 3rd rev. ed. (Chicago: Henry Regnery Company, 1966), 11—29, 251—256 [Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005. С. 14—31, 238—242]. Мизес пишет: «Любое *действующее* лицо всегда является *предпринимателем* и спекулянтом» (р. 252 [с. 239]) и «*Предприниматель* — это *действующий* человек, ориентирующийся на изменения рыночной информации» (р. 254 [с. 240]). Вероятно, также полезно познакомиться с книгой Ричарда Тейлора «Действие и цель» (Richard Taylor, *Action and Purpose* [New Jersey: Humanities Press, 1980]), хотя, с нашей точки зрения, Тейлор уделяет недостаточное внимание тому, что по существу человеческая деятельность состоит в познании и открытии новых целей и средств, а не только в эффективном распределении имеющихся средств между заранее установленными целями. Тадеуш Котарбинский допускает ту же ошибку, но заходит в своих заблуждениях гораздо дальше, см.: Tadeusz Kotarbinski, *Praxiology, An Introduction to the Sciences of Efficient Action* (Warsaw: Polish Scientific Publishers, 1965).

точки зрения действующего человека, подходит для достижения его цели. Мы будем использовать термин *полезность* для указания на субъективную оценку действующим человеком его средства, зависящую от ценности той цели, которой, с его точки зрения, это средство даст возможность ему достичь. В этом смысле цель и ценность — это две стороны одной медали, поскольку человек проецирует субъективную ценность, которую он приписывает своей цели, на средство, которое, по его мнению, полезно для ее достижения, и это происходит именно с помощью понятия полезности.

*Редкость материальных благ, планы действий
и акты воли*

Средства по определению должны быть редкими, поскольку в противном случае действующий человек даже не принимал бы их в расчет в своих действиях. Иными словами, там, где нет *редкости благ*, нет и человеческой деятельности⁷. Цели и средства никогда не являются данностью; напротив, они возникают в результате ключевой предпринимательской деятельности, состоящей именно в создании, открытии или просто осознании целей и средств, значимых для человека в каждой из ситуаций, с которыми он сталкивается в жизни. Как только человек понимает, что он обнаружил, какие цели важны для него и какие средства достижения этих целей доступны для него, он объединяет их, почти всегда неявно⁸, в некий

⁷ В этом смысле определение экономической теории как «науки, которая изучает человеческую деятельность в условиях редкости благ» (Avelino Garcia Villarejo и Javier Salinas Sánchez, *Manual de Hacienda Pública* [Madrid: Editorial Tecnos, 1985], 25) является чистым плеоназмом, поскольку любая человеческая деятельность предполагает редкость. Как красноречиво пишет Мизес: «Если человек не стеснен недостаточным количеством вещей, то отсутствует необходимость в какой-либо деятельности» (Mises, *Human Action*, 93 [Мизес. Человеческая деятельность. С. 90]).

⁸ Ниже мы объясним, почему наиболее существенные для человеческой деятельности данные или знания почти всегда очень сложно сформулировать и почему они обычно носят *неявный*, а не эксплицитный характер.

план действий⁹, который он принимает и исполняет благодаря индивидуальному акту воли¹⁰.

Субъективное восприятие времени: прошлое, настоящее и будущее

Любая человеческая деятельность протекает во времени, однако не в детерминистском, ньютоновском, физическом

⁹ План — это предполагаемая мысленная картина будущего, соответствующая представлениям действующего человека о различных этапах, элементах и обстоятельствах, которые могут иметь значение для его деятельности. Таким образом, план состоит из специфически структурированной практической информации, которой человек обладает и которую он получает постепенно в контексте каждого из своих действий. В этом смысле можно утверждать, что, в силу того, что действующий человек порождает новую информацию, каждое действие вызывает непрерывный процесс индивидуального, или личного, планирования. Централизованное планирование имеет совершенно иной характер и, как мы увидим, удовлетворяет потребность руководящего органа социалистической системы в организации средств принуждения (максимально формальным и согласованным образом) для достижения поставленных целей. Централизованное планирование терпит неудачу, потому что власти неспособны получить необходимую практическую информацию. Следовательно, вопрос не в том, планировать или нет; если считать, что планирование необходимо для любой человеческой деятельности, то вопрос состоит в том, кто должен планировать: отдельный действующий человек, единственный, кто владеет необходимой практической информацией, или не имеющий к нему отношения орган принуждения, у которого эта информация отсутствует. См.: F. A. Hayek, "The New Confusion about Planning" in *New Studies in Philosophy, Politics, Economics and the History of Ideas* (London: Routledge and Kegan Paul, 1978), 232—246. Планирование можно разделить на интегральное, частичное, индикативное и индивидуальное, и все эти типы планирования, за исключением индивидуального, содержат неустранимое эпистемологическое противоречие, которое мы будем называть «парадоксом планирования» (см. в главе 3 сноску 11 и раздел с части 6).

¹⁰ Согласно св. Фоме Аквинскому, *voluntatis autem motivum et obiectum est finis* (то есть «цель является причиной и объектом воли»). *Summa Theologiae*, pt. 1—2, ques. 7, art. 4, vol. 4 (Madrid: B. A. C., 1954), 301.

или аналогичном смысле, а в субъективном смысле, то есть во времени, субъективно воспринимаемом и переживаемом человеком в контексте каждого действия¹¹. Согласно этому субъективному понятию времени, человек воспринимает и переживает его по ходу действия, то есть по мере того, как он создает, открывает или просто осознает наличие новых целей и средств в соответствии с сущностью предпринимательства, которую мы объяснили выше. Таким образом, прошлые переживания, хранящиеся в памяти человека, постоянно соединяются в его сознании с его текущим, творческим взглядом на будущее в форме мысленных образов или *ожиданий*. Будущее никогда не бывает предопределено; вместо этого действующий человек воображает его и шаг за шагом создает его.

Творчество, удивление и неопределенность

Таким образом, будущее всегда является *неопределенным* в том смысле, что его еще предстоит создать и относительно него у действующего есть лишь некоторые идеи, мысленные образы и ожидания, которые он надеется воплотить посредством собственной деятельности и *взаимодействия* с другими людьми. Кроме того, будущее *открыто* для всех *творческих* возможностей человека, и поэтому каждый действующий субъект находится по отношению к нему в состоянии *перманентной неопределенности*, которую можно уменьшить посредством его собственных паттернов поведения, паттернов поведения других (институтов), а также посредством деятельности и предпринимательской бдительности. Однако

¹¹ О том, что к сфере человеческой деятельности приложим только субъективистский, практический и динамический концепт времени, см.: Gerald P. O'Driscoll and Mario J. Rizzo, *The Economics of Time and Ignorance* (Oxford: Basil Blackwell, 1985), chap. 4, 52–70. Такую концепцию времени уже выдвигал Бергсон, для которого «чистая длительность является формой, которую принимает последовательность состояний нашего сознания, когда наше “я” просто живет, когда оно не отделяет своего нынешнего состояния от предыдущих» (Henry Bergson, “Essai sur les Données Immédiates de la Conscience,” en *Oeuvres* [Paris: Presses Universitaires de France, 1959], 67).

он не в состоянии полностью устранить эту неопределенность. *Открытый и неограниченный* характер неопределенности, которую мы имеем в виду, делает как традиционные понятия об объективной и субъективной вероятности, так и байесовскую концепцию последней неприменимыми в сфере человеческой деятельности. Тому есть две причины: во-первых, люди даже не осознают всех потенциальных возможностей или вариантов; во-вторых, у каждого человека есть специфические субъективные знания или убеждения — в терминологии Мизеса, «вероятности события» (применительно к *уникальным событиям*)¹² — которые, по мере того, как они модифицируются или становятся больше, имеют обыкновение *внезапно*, то есть резко и радикально, менять всю «карту» мнений и

¹² Mises, *Human Action*, 110—118 [Мизес. Человеческая деятельность. С. 105—108]. Данная таблица отражает главные различия, существующие, согласно Мизесу, между концепцией вероятности в сфере естественных наук и в сфере человеческой деятельности:

<i>Сфера естественных наук</i>	<i>Сфера человеческой деятельности</i>
1. <i>Вероятность</i> класса: поведение класса известно или может быть известно, в то время как поведение единичных элементов класса неизвестно.	1. « <i>Вероятность</i> » уникального случая или события: класса не существует и если некоторые факторы, влияющие на единственное событие, известны, другие остаются неизвестными. Деятельность сама вызывает или создает событие.
2. Для всего класса в целом существует ситуация <i>страхования риска</i> .	2. С учетом творческого характера человеческой деятельности, существует <i>перманентная неопределенность</i> . Ее невозможно застраховать.
3. Вероятность можно выразить <i>математически</i> .	3. Вероятность нельзя выразить <i>математически</i> .
4. Вероятность измеряется с помощью логики и <i>эмпирических исследований</i> . Теорема Байеса позволяет оценить вероятность класса по мере появления новой информации.	4. Вероятность обнаруживается с помощью интуиции и <i>предпринимательской оценки</i> . Каждый новый элемент информации <i>заново</i> создает всю карту мнений и ожиданий (концепция удивления).
5. Предмет исследований <i>ученого-естествоиспытателя</i> .	5. Концепция, которую обычно используют <i>предприниматели</i> и историки.

знаний человека. Так действующий человек постоянно обнаруживает совершенно новые ситуации, которых ранее даже не мог себе представить¹³.

Издержки как субъективная концепция.

Предпринимательская прибыль

Всякий раз, когда действующий человек понимает, что желает достичь определенной цели, а затем обнаруживает и выбирает определенные средства ее достижения, он одновременно отказывается от возможности реализовать иные цели, которые, *ex ante*, ценит меньше, но считает, что мог бы достичь их, используя доступные ему средства иным образом. Мы будем использовать термин *издержки* для обозначения субъективной ценности, приписываемой человеком той цели, от которой он отказывается, когда принимает решение и приступает к вы-

¹³ «Удивление — это смещение и искажение привычных представлений, протекающее либо из переживания, которое находится за пределами того, что казалось реально возможным, либо из переживания такого рода, которое человек никогда не представлял себе и поэтому никогда не оценивал как возможное или невозможное; внезапное событие — *противоречащее ожиданиям или неожиданное*» (G. L. Shackle, *Epistemics and Economics* [Cambridge: Cambridge University Press, 1972], 422). Для описания типично предпринимательской способности подмечать случайно и внезапно появляющиеся возможности, не занимаясь специально их поиском, англосаксы используют слово *serendipity*. Этимологически это слово происходит от арабского *sarandib*, старого названия Шри-Ланки, а в нынешнем значении его ввел в XVIII в. Гораций Уолпол. Он вдохновлялся неожиданными открытиями, которые часто делали герои персидской притчи о трех принцах Серендипа. В письме Уолпола к Манну от 28 января 1754 г. он пишет, что герои этой притчи «благодаря счастливой случайности и собственной сообразительности постоянно делали открытия, к которым не стремились». Он заключает: «Это открытие, действительно, почти такого рода, как те, что я называю Serendipity» (см.: *Oxford English Dictionary*, 2nd ed. [Oxford: Clarendon Press, 1983], 15: 5). Грегорио Мараньон имеет в виду то же самое, когда замечает: «Творение гения отличается от творений обычных людей тем, что он *создает* нечто *неожиданное* и поразительное» (Gregorio Marañón, *El Greco y Toledo, Obras Completas* [Madrid: Espasa Calpe, 1971], 421).

полнению определенного плана действий. Иными словами, деятельность всегда предполагает жертву; ценность, которую человек приписывает тому, от чего он отказывается, — это его издержки, представляющие собой чисто субъективную оценку, мнение или суждение¹⁴. Как правило, все люди действуют потому, что субъективно оценивают ценность предполагаемой цели выше, чем издержки, которые они планируют понести, иными словами, потому, что они надеются получить предпринимательскую прибыль¹⁵. Следовательно, прибыль — это выигрыш, приобретаемый с помощью человеческой деятельности; она представляет собой *стимул*, побуждающий или заставляющий людей действовать. Для деятельности, не связанной с издержками, субъективная ценность цели совпадает с прибылью. Позже мы покажем, что любая человеческая деятельность обязательно включает чистый, творческий в своей основе предпринимательский компонент, не связанный ни с какими издержками, и именно этот элемент в широком смысле слова привел нас к выделению концепций человеческой деятельности и предпринимательства. Кроме того, поскольку ценность цели всегда включает прибыль или выгоду, в дальнейшем мы часто будем рассматривать «цель» практически как синоним «прибыли», не останавливаясь всякий раз ради того, чтобы напоминать о вышеуказанном различии между ними.

¹⁴ См.: J. M. Buchanan and G. F. Thirlby, eds., *L. S. E. Essays on Cost* (New York: New York University Press, 1981), esp. 14 and 15.

¹⁵ «В широком смысле, прибыль — это выигрыш, извлекаемый из деятельности; это увеличение удовлетворения (уменьшение беспоконства); это разница между более высокой ценностью, приписываемой полученным результатам, и более низкой ценностью, приписываемой жертвам, принесенным ради их достижения; другими словами, это доход минус издержки. Извлечение прибыли постоянная цель любой деятельности» (Ludwig von Mises, *Human Action*, 289 [Мизес. Человеческая деятельность. С. 273]). С точки зрения Мизеса, убытки компании означают, что она неправильно использует редкие ресурсы, которые больше нужны в других сферах. Кажется, что это наконец понял и Иоанн Павел II. Он утверждает: «Когда предприятие дает прибыль, это значит, что производственные факторы использованы как надо и соответствующие потребности удовлетворяются» (John Paul II, *Centesimus Annus*, chap. 4, section 35 [1991]).

*Рациональность и иррациональность.
Предпринимательская ошибка и убыток*

По определению человеческая деятельность всегда рациональна¹⁶ в том смысле, что *ex ante* действующий человек всегда ищет и выбирает те средства, которые он считает наиболее подходящими для достижения значимой для него цели. Это, разумеется, не противоречит тому, что *ex post* человек может обнаружить, что совершил *предпринимательскую ошибку*, иными словами, что понес предпринимательские *убытки*, выбрав определенные цели или средства и не заметив существования других, более ценных для него. Однако с учетом фундаментально субъективной природы целей, издержек и средств внешний наблюдатель не может объективно классифицировать действие как *иррациональное*. Таким образом, в области экономической теории можно утверждать, что человеческая деятельность является *конечной данностью* в том смысле, что она представляет собой *аксиоматическое* понятие, не требующее дальнейшего объяснения или ссылок на другие понятия. Аксиоматический характер понятия человеческой деятельности также очевиден: ведь критическое отношение к нему или сомнения в нем создают неразрешимое логическое противоречие, поскольку критика также может выражаться исключительно посредством (человеческой) *деятельности*¹⁷.

¹⁶ Таким образом, экономическая наука — это не теория выбора и принятия решений (*ex ante* они всегда рациональны по определению), а теория социальных процессов координации, которые, вне зависимости от рациональности связанных с ними решений, могут быть согласованы хорошо или плохо, в соответствии с уровнем осведомленности, которую демонстрируют различные действующие субъекты в ходе предпринимательской деятельности. См.: I. M. Kirzner, *The Meaning of the Market Process*, 201—208. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что именно фундаментально *субъективный* характер компонентов человеческой деятельности (целей, средств и издержек) и обеспечивает экономической теории, в том смысле, который кажется парадоксальным только на первый взгляд, полную *объективность* — объективность теоретической науки, выводы которой распространяются на любые типы действий (*праксеологии*).

¹⁷ Mises, *Human Action*, 19—22 [Мизес. Человеческая деятельность. С. 22—25]. Мы полагаем, что Мизес идет на нетипичную для него уступку, в которой нет никакой необходимости, когда за-

Предельная полезность и временное предпочтение

Наконец, с учетом того, что средства по определению являются редкостью, действующий человек будет стремиться в первую очередь достичь тех целей, которые он ценит больше, а затем — тех, которые для него относительно менее важны. В результате он будет оценивать каждую взаимозаменяемую и значимую в контексте его деятельности единицу доступных ему средств через наименее важную цель, которой, по его мнению, он может достичь с ее помощью (*закон предельной полезности*). Кроме того, поскольку деятельность осуществляется ради какой-то определенной цели и поскольку любая деятельность протекает во времени и тем самым имеет определенную длительность, то человек *ceteris paribus* постарается достичь своей цели как можно быстрее. Иными словами, при прочих равных человек всегда будет оценивать выше те цели, которые ближе к нему по времени, и будет готов предпринимать действия большей длительности только тогда, когда он будет считать, что, поступая таким образом, он сможет достичь более важных для него целей (*закон временного предпочтения*)¹⁸.

являет, что человеческая деятельность является конечной данностью только до тех пор, пока не будет установлено, каким образом внешний, природный мир детерминирует человеческое мышление. Мы не просто согласны с Ф. А. Хайеком, что человеческий разум неспособен объяснить сам себя (Hayek, *The Sensory Order* [Chicago: University of Chicago Press, Midway Reprint, 1976], 184—191) — мы считаем также, что все детерминисты впадают в неразрешимое логическое противоречие: поскольку знание о том, каким образом внешний мир детерминирует мышление, которое они надеются обрести, само по себе является детерминированным, то, с точки зрения их же собственных критериев, оно не может быть надежным. См.: M. N. Rothbard, *Individualism and the Philosophy of Social Sciences* (San Francisco: Cato Institute, 1980), 5—10.

¹⁸ Значит, ни закон предельной полезности, ни закон временного предпочтения не являются эмпирическими или психологическими законами. И тот, и другой представляют собой логические следствия из фундаментального понятия человеческой деятельности. Согласно Мизесу, «закон предельной полезности уже заключен в категории деятельности», а «временное предпочтение

2. Особенности предпринимательства

Предпринимательство и бдительность

Предпринимательство в узком смысле слова состоит в основном в том, чтобы открывать и подмечать (*prehendo* (исп.)) возможности для достижения какой-либо цели, получения прибыли или выгоды, и действовать, используя возникающие вокруг возможности. Кирцнер считает, что предпринимательство связано с особой *бдительностью*, то есть с постоянной *настороженностью*, позволяющей человеку обнаруживать и понимать то, что происходит рядом с ним¹⁹. Возможно, Кирцнер использует английское слово *alertness* (бдительность) из-за того, что *entrepreneurship* (предпринимательство) происходит из французского и в английском языке, в отличие от романских языков, не предполагает представления о *prehendo*. Во всяком случае, испанское прилагательное *perspicaz* (прозорливый) вполне подходит для предпринимательства, поскольку, как утверждает Словарь Испанской Королевской Академии, оно описывает «зоркий и очень острый взгляд»²⁰. Это представление прекрасно согласуется с тем, чем занимается предприниматель, когда решает, какие действия он совершит, и когда оценивает будущий эффект этих действий. Хотя *el estar alerta* (бдительность), вероятно, тоже является приемлемым указанием на предпринимательство, поскольку предполагает внимание или пристальный взгляд, нам оно все-таки представляется менее подходящим, чем *perspicaz*, — возможно, потому, что подразумевает более статический подход. В то же время нам следует иметь в виду, что существует поразительное сходство между бдительностью, которую должен проявлять историк, отбирая и интерпретируя интересующие его важные события в прошлом, и бдительностью предпринимателя, относящейся к событиям, которые,

категориально неотделимо от человеческой деятельности» (см.: Mises, *Human Action*, 124, 484 [Мизес. Человеческая деятельность. С. 118, 451]).

¹⁹ Israel M. Kirzner, *Competition and Entrepreneurship*, 65 and 69 [Кирцнер. Конкуренция и предпринимательство. 2-е изд. С. 36—37 и 70].

²⁰ «La vista or mirada muy aguda y que alcanza mucho».

как он считает, произойдут в будущем. На этом основании Мизес утверждает, что историки и предприниматели используют очень похожие подходы и даже дает такое определение: «предприниматель» — это тот, кто смотрит в будущее глазами историка²¹.

*Информация, знания
и предпринимательство*

Чтобы как следует уяснить свойства предпринимательства в нашем понимании, сначала нужно усвоить то, как оно модифицирует и меняет *информацию* и *знания*, которыми обладает действующий человек. Осознание или понимание новых целей и средств подразумевает модификацию знаний действующего человека в том смысле, что он обнаруживает новую информацию.

Кроме того, это открытие меняет всю карту, весь информационный контекст, которым обладает индивид. Давайте зададим себе следующий фундаментальный вопрос: какие свойства информации и знаний значимы с точки зрения предпринимательства? Мы подробно изучим 6 основных черт этого типа знания:

- 1) оно *субъективно* и носит *практический*, а не теоретический характер;
- 2) это *эксклюзивное* знание;
- 3) оно *рассеяно* в умах всех людей;
- 4) это в основном *неявное* знание и поэтому оно не выражено в словах;
- 5) это знание, созданное *ex nihilo*, из ничего, именно в связи с предпринимательством;
- 6) это знание, которое может быть *передано*, в основном бессознательно, посредством сложных социальных процессов, исследование которых является предметом экономической науки.

²¹ «Действующий человек смотрит в будущее глазами историка» (Mises, *Human Action*, 58 [Мизес. Человеческая деятельность. С. 58]).

*Субъективное и практическое,
а не теоретическое знание*

Интересующее нас знание — то, которое является ключевым для осуществления человеческой деятельности, — прежде всего *субъективно* и носит *практический*, а не научный характер. Практическое знание — это такое, которое нельзя представить формальным способом; оно приобретаетя посредством практики, то есть самой человеческой деятельности в ее разнообразных контекстах. Как считает Хайек, это знание имеет значение в *конкретных обстоятельствах* любого типа, то есть для различных множеств конкретных субъективных координат времени и места²². Говоря коротко, мы имеем в виду знание в виде конкретных человеческих суждений, в виде информации, относящейся к целям, которые преследует данный человек и к целям, которые, по его мнению, преследуют другие люди. Это знание также включает практическую информацию о сред-ствах, которые, по мнению человека, доступны ему и могут

²² Фома Аквинский определяет конкретные обстоятельства как *accidentia individualia humanorum actuum* (то есть индивидуальные качества человеческих действий) и утверждает, что, за исключением времени и места, наиболее значимым из этих конкретных обстоятельств является цель, которой действующий субъект стремится достичь (*principalissima est omnium circumstantiarum illia quae attingit actuum ex parte finis*). См.: *Summa Theologiae*, pt. 1–2, ques. 7, art. 1 and 2, vol. 4 (Madrid: B. A. C., 1954), 293–294, 301. Следует отметить, что различие между «практическим знанием» и «научным знанием» провел Майкл Оукшотт. (См.: Michael Oakeshott, *Rationalism in Politics* [London: Methuen, 1962]. Расширенная версия этой книги была опубликована под названием *Rationalism in Politics and Other Essays* [Indianapolis: Liberty Press, 1991]; см. в особенности с. 12 и 15. Другая фундаментальная работа: Michael Oakeshott, *On Human Conduct* [Oxford: Oxford University Press, 1975], переиздано [Oxford: Clarendon Paperbacks, 1991], 23–25, 36, 78–79, 119–121.) Отмеченное Оукшоттом различие соответствует тому, которое Хайек проводит между «рассеянным знанием» и «централизованным знанием», тому, которое усматривает Майкл Поланьи между «неявным знанием» и «артикулированным знанием», а также тому, о котором говорил Мизес применительно к знанию о «единичных событиях» и к знанию о поведении целого «класса явлений». В нижеследующей таблице представлены подходы этих четырех авторов к двум базовым типам знания:

дать ему возможность достичь его целей, особенно информацию обо всех обстоятельствах, личных или иных, которые, как

Взаимосвязь между двумя типами знания сложна и плохо изучена. Всякое научное знание (тип В) основано на неявном знании, которое невозможно выразить словами (тип А). Кроме того, научный и технический прогресс (тип В) быстро приводит к новому, более продуктивному и мощному практическому знанию (тип А). Подобно этому, экономическая теория сводится к знанию типа В (научному) о процессах создания и передачи практического знания (тип А). Теперь ясно, почему главным риском для экономической теории как науки Хайек считает опасность того, что, поскольку она состоит из теорий о знании типа А, люди могут начать считать, что, те кто ей занимается («экономисты»), каким-то образом способны получить доступ к конкретному содержанию практического знания типа А. Ученые могут даже совершенно пренебречь специфическим содержанием практического знания, что справедливо критиковал Оукшотт, по мнению которого, самая опасная, преувеличенная и ошибочная версия рационализма состояла бы в «утверждении, что то, что я назвал практическим знанием, вовсе не является знанием, в утверждении, что, строго говоря, любое знание является техническим знанием» (Michael Oakeshott, *Rationalism in Politics and Other Essays*, 15).

считает действующий субъект, могут иметь для него значение в контексте любого конкретного действия²³.

Эксклюзивное и рассеянное знание

Практическое знание является эксклюзивным и рассеянным. Это означает, что каждый человек обладает только несколькими «атомами» или «битами» всей информации, которая генерируется и распространяется в обществе²⁴, и что, пара-

²³ См. в особенности основополагающие статьи Ф. А. Хайека: “Economics and Knowledge” («Экономическая теория и знание»; 1937) и “The Use of Knowledge in Society” («Использование знания в обществе»; 1945), опубликованные в книге: Hayek F. A. *Individualism and Economic Order* (Chicago: Henry Regnery, 1972), 35—56, 77—91 [Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф; Начала-фонд. С. 51—71, 89—101]. Важно отметить, что две эти статьи Хайека принадлежат к наиболее значительным текстам по экономической теории. Тем не менее, особенно по первой статье, видно, что когда она была написана, в сознании автора еще имелась некоторая путаница относительно характера экономической теории как науки. Действительно, одно дело — утверждать, что экономическая теория изучает процессы, вовлеченные в передачу практической информации, конкретное содержание которой зависит от обстоятельств, специфических в каждом месте и в каждый момент времени, и совсем другое дело — намекать, как иногда ошибочно делает Хайек, на то, что в силу этого экономическая теория является наукой, имеющее некое эмпирическое содержание. Верно диаметрально противоположное: то, что исследователь в принципе не может получить доступ к рассеянной практической информации, которой владеют объекты его наблюдения, неизбежно делает экономическую теорию по сути своей *теоретической*, а не эмпирической наукой. Это наука, изучающая *форму*, а не конкретное содержание предпринимательских процессов, с помощью которых создается и передается практическая информация (процессов, объект которых соответствует фигуре историка или предпринимателя, в зависимости от того, прошлое или будущее находится в фокусе интереса). Израэль Кирцнер в своей выдающейся статье «Хайек, знание и рыночные процессы» (Israel Kirzner, “Hayek, Knowledge and Market Processes,” in Kirzner, *Perception, Opportunity and Profit*, 13—33), высказывает то же самое критическое замечание в адрес Хайека в несколько ином контексте.

²⁴ Thomas Sowell, *Knowledge and Decisions* (New York: Basic Books, 1980), 3—44. Однако, мы должны отметить, что, с нашей точки

доксальным образом, этими битами владеет только он: иными словами, только он сознательно обращается к ним и интерпретирует их. Следовательно, каждый человек, действующий и занимающийся предпринимательством, делает это своим собственным, *личным и неповторимым* способом, поскольку он начинает с того, что стремится достичь определенных целей в соответствии с неким видением мира и некоей суммой знаний о нем, которыми во всех их разнообразных и многочисленных оттенках владеет только он и которые в этой форме недоступны никому другому. Поэтому знание, которое мы имеем в виду, не является *данностью*, чем-то, что может быть доступно каждому через материальные средства хранения информации (газеты, журналы, книги, компьютеры и т.п.). Напротив, знание, значимое для человеческой деятельности, является принципиально практическим и строго эксклюзивным; оно *«распространяется»* исключительно в сознании каждого из людей, которые действуют и составляют общество. На рис. II-1 изображены симпатичные человечки, которые будут сопровождать нас через всю книгу, служа наглядной иллюстрацией нашего анализа²⁵.

зрения, Суээлл продолжает находиться под влиянием неоклассической концепции равновесия и пока не понимает роли предпринимательства. По этому поводу см. I. M. Kirzner, “Prices, the Communication of Knowledge and the Discovery Process” in *The Political Economy of Freedom: Essays in Honor of F. A. Hayek* (Munich: Philosophia Verlag, 1984), 202—203.

- ²⁵ Без сомнения, Адам Смит осознавал, что практическое знание принципиально является рассеянным или рассредоточенным, когда писал: «Очевидно, что *каждый человек, сообразуясь с местными условиями, может гораздо лучше, чем это сделал бы вместо него любой государственный деятель или законодатель, судить о том, к какому именно роду отечественной промышленности приложить свой капитал и продукт какой промышленности может обладать наибольшей стоимостью*» (курсив мой. — *У. де С.*). Однако Смит не удалось выразить эту идею с полной ясностью (каждый человек не просто знает «гораздо лучше» — он *единственный*, кто знает в совершенстве свои собственные конкретные обстоятельства). Кроме того, Смит не смог довести свою мысль до ее логического заключения в том, что касается невозможности без опасений вручить центральной власти распоряжение всеми делами людей. (Смит считал, что каждый государственный деятель, который попытается взять

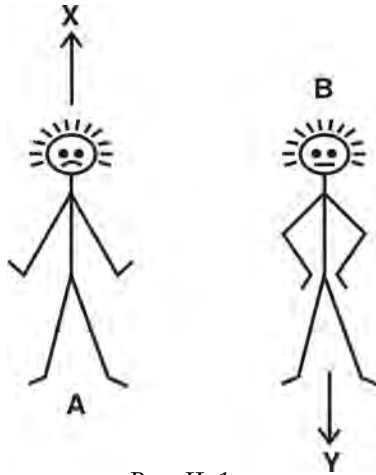

Рис. II-1

Человечки на этом рисунке символизируют двух *реальных людей* из плоти и крови, которых мы будем называть *A* и *B*. Каждый из людей, которых обозначают *A* и *B*, обладает неким личным и эксклюзивным знанием, то есть знанием, которым не обладает другой. Действительно, с нашей точки зрения внешнего наблюдателя мы видим, что в этом случае «существует» знание, которым не обладает внешний наблюдатель, и что оно рассеяно между *A* и *B*, в том смысле, что частью его обладает *A*, а другой частью — *B*. Предположим, например, что информация, которой владеет *A*, состоит в том, что он планирует достичь цели *X* (эту цель обозначает направленная на *X* стрелка над его головой), и у него есть конкретное практическое знание, значимое в контексте его деятельности (набор

на себя такую ответственность, «обременит себя совершенно излишней заботой», но не говорил о том, что он столкнется с логической невозможностью это сделать.) (Adam Smith, *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*, The Glasgow Edition [Indianapolis: Liberty Classics, 1981], IV.2.10 [Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. С. 443]). Наглядно проиллюстрировать процессы, посредством которых передается практическая, то есть рассеянная информация, очень сложно; мы решили изобразить их с помощью симпатичных человечков. Надеемся, что наш пиктографический анализ будет с энтузиазмом воспринят экономической наукой будущего.

практических знаний или информации обозначен лучиками вокруг головы A), чтобы помочь ему в этом. У B похожая ситуация, за исключением того, что он преследует совершенно иную цель Y (ее обозначает стрелка, направленная от его ног к Y). Набор практической информации, которую действующий B считает значимой в контексте своей деятельности, деятельности ради достижения Y , также изображен лучиками вокруг его головы.

Во многих случаях, когда деятельность является простой, действующий человек обладает всей необходимой информацией, чтобы достичь цели, и у него нет необходимости иметь дело с другими людьми. В таких ситуациях то, предпринимается действие или нет, зависит от *экономического расчета*, то есть от оценки, которую осуществляет действующий человек, *прямо* сравнивая и взвешивая субъективную ценность своей цели с издержками, то есть с ценностью, которую он приписывает тому, от чего он вынужден будет отказаться ради достижения избранной им цели. Человек может принять решение такого типа прямо только применительно к некоторым, очень простым типам действий. Большая часть деятельности, в которую мы вовлечены, гораздо сложнее и относится к типу, который мы сейчас опишем. Давайте представим себе, что, как изображено на рис. II-1, A горячо желает достичь цели X , но для этого ему требуется средство R , которое ему недоступно и про которое он *не знает*, где или как его найти. Давайте также предположим, что B находится в другом месте, что он стремится к совершенно другой цели (к цели Y), направляя на это все свои усилия, и что он знает, или имеет в своем распоряжении достаточное количество ресурса R или знает о существовании ресурса R , который не нужен или не подходит для его целей, но при этом случайным образом представляет собой именно то, что необходимо A , чтобы достичь желанной для него цели (X). В действительности, мы должны указать, что X и Y *противоречат друг другу*, как в большинстве реальных случаев: люди преследуют разные цели с различной степенью интенсивности и обладают несопоставимыми или рассогласованными знаниями об этих целях и о средствах, находящихся в их распоряжении (этим объясняются унылые физиономии наших человечков). Позже мы увидим, как предпринимательство позволяет преодолеть эти противоречия и отсутствие координации.

Неявное знание, которое невозможно выразить словами

Практическое знание — это в основном *неявное знание, которое нельзя выразить словами (неартикулируемое знание)*. Это означает, что человек знает, как выполнить какие-то действия (*знание как*), но он не может выделить части или элементы того, что он делает или определить, ложны они или истинны (*знание что*)²⁶. Например, когда человек учится играть в гольф, обучение состоит не в том, что он зазубривает набор объективных научных правил, позволяющих ему делать нужные движения, предварительно рассчитав их с помощью формул математической физики. Вместо этого процесс обучения состоит в том, что он усваивает определенные *практические навыки поведения*. Мы можем также вслед за Поланьи сослаться на пример человека, который, учась ездить на велосипеде, пытается сохранить равновесие, поворачивая руль в ту сторону, в которую он начинает падать, и создавая тем самым центробежную силу, не дающую велосипеду упасть, — при том, что практически ни один велосипедист не знаком с физическими принципами, стоящими за его *умением*, и не осознает их. Наоборот, на самом деле велосипедист использует свое «чувство равновесия», которое каким-то образом подсказывает ему, как себя вести в каждый момент времени, чтобы не упасть. Поланьи утверждает даже, что неявное знание в действительности представляет собой доминирующий принцип любого знания²⁷. Даже максимально формализованное

²⁶ Это различие привилось с тех пор, как его в 1949 г. ввел Гилберт Райл в знаменитой статье «Знание как и знание что» (“Knowing How and Knowing That”), опубликованной в: Gilbert Ryle, *The Concept of Mind* (London: Hutchinson’s University Library, 1949).

²⁷ Michael Polanyi, *The Study of Man* (Chicago: University of Chicago Press, 1959), 24–25. Все специалисты по экономической теории обязаны прочитать эту маленькую книжку, настоящий социологический шедевр. Другие важные работы Поланьи: *The Logic of Liberty, Personal Knowledge и Knowing and Being*; все они опубликованы University of Chicago Press (Chicago, 1951, 1958, и 1969 соответственно [вторая книга переведена на русский язык: Полани М. Личностное знание. М.: Прогресс, 1985]). Майкл Поланьи (1891–1976) — брат Карла Поланьи (1886—

и научное знание всегда восходит к интуитивной догадке или к творческому акту, то есть к проявлениям неявного знания. Кроме того, новое, формализованное знание, источником которого являются формулы, книги, графики, карты и т. п., значимо для нас в основном потому, что оно помогает нам реструктурировать всю уже имеющуюся у нас информацию в контексте иного, более глубокого и ценного общего видения, что в свою очередь открывает новые возможности для творческой интуиции. Поэтому невозможность передать вербально практическое знание выражается не только «статически» — в том смысле, что любое, на первый взгляд, явно сформулированное утверждение содержит информацию только постольку, поскольку оно интерпретируется посредством определенного сочетания мнений и неартикулируемого знания, — но и «динамически», поскольку *мыслительный процесс*, который используется для любой попытки вербализации, представляя собой неявное знание, не поддающееся артикулированию²⁸.

1964) — был очень разносторонним ученым и занимался исследованиями в области химии, философии, политических наук, социологии и экономической теории. Пример с велосипедом можно найти на с. 144 в книге *Knowing and Being*. Поланьи возводит представление об ограниченных возможностях для вербализации человеческого мышления к некоторым математическим открытиям и, в особенности, к трудам Курта Гёделя. См.: Michael Polanyi, *Personal Knowledge*, 259 [Полани. Личностное знание. С. 267—268]. В свою очередь, Хайек утверждает, что «теорема Гёделя является частным случаем более общего принципа, справедливого для всех сознательных и, в особенности, для всех рациональных процессов и состоящего в том, что среди их детерминантов всегда должны быть правила, которые невозможно выразить и даже осознать». См.: F. A. Hayek, "Rules, Perception and Intelligibility" in Hayek, *Studies in Philosophy, Politics and Economics* (New York: Simon and Schuster, 1969), 62. Гёдель сформулировал свою теорему в статье: Kurt Gödel, "Über formal unentscheidbare Sätze der *Principia Mathematica* und verwandter Systeme I," *Monatshefte für Mathematik und Physik*, no. 38 (1931): 173—198. (английский перевод: *Collected Works of Kurt Gödel* (Oxford: Oxford University Press, 1986), 1: 145—196.

²⁸ Заметим в связи с этим, что мы получили большое удовольствие от великопленной книги Роджера Пенроуза «Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики» (Roger Penrose, *The Emperor's New Mind: Concerning Computers, Minds and the Laws of Physics* [Oxford: Oxford University Press, 1989]), в ко-

Следует подчеркнуть, что любое неявное знание сложно выразить в силу самой его природы. Если спросить у девушки, которая только что купила юбку определенного цвета, почему она ее выбрала, она, скорее всего, ответит: «Просто так»; или: «Потому что она мне понравилась», — и не сможет предоставить нам более подробное и формализованное объяснение своего выбора. Другой тип неартикулируемого знания, играющего ключевую роль в функционировании общества, представлен набором *обычаев, традиций, институтов* и юридических *норм*, в совокупности образующих право, которое делает возможным существование общества. Люди обучаются следовать нормам, несмотря на то, что не могут теоретизировать на их счет и подробно описать точную функцию, которую эти нормы и институты исполняют в различных ситуациях и в общественных процессах, где они участвуют. То же самое можно сказать о языке, а также, например, о *финансовом учете и учете издержек*, использующихся предпринимателями в качестве ориентира для своих действий и представляющим собой просто практические знания или инструменты, которые в контексте конкретной рыночной экономики обеспечивают предпринимателей общими директивами для достижения их целей, хотя большинство предпринимателей неспособны сформулировать научную теорию учета и уж тем более неспособны объяснить, какую роль он играет в сложных процессах координации, делающих возможной жизнь в обще-

торой он несколько раз подробно объясняет, как даже для самых выдающихся ученых важны мысли, которые нельзя выразить в словах (например, см. с. 423—425). Грегорио Мараньон, замечательный испанский врач и эссеист, писал о том же самом много лет назад, пересказывая свой разговор с Бергсоном незадолго до его смерти. Французский мыслитель сказал ему следующее: «Я уверен, что великие открытия Кахалья (Сантьяго Рамон-и-Кахаль — великий нейроанатом и нейрогистолог, лауреат Нобелевской премии) были просто объективным подтверждением фактов, которые *его мозг предвидел* в качестве практических реалий» (Gregorio Marañón, “Cajal y su Tiempo” in *Obras Completas* [Madrid: Espasa Calpe, 1971], 7: 331). В свою очередь, К. Лоренц утверждает, что «любое из важных научных открытий было сначала просто и непосредственно увидено посредством интуитивного гештальт-восприятия, и только потом “доказано»» (Lorenz “The Role of Gestalt Perception in Animal and Human Behaviours” in *Aspects of Form* [London: L. L. Whyte, 1951], 176).

стве²⁹. На этом основании можно сделать вывод, что предпринимательство в нашем понимании (способность открывать и замечать возможности извлечения прибыли и сознательно использовать их) в сущности сводится к неявному знанию, которое невозможно выразить словами.

Принципиально творческая природа предпринимательства

Занятие предпринимательством не требует никаких средств. Это значит, что предпринимательство не порождает никаких издержек и по своему существу носит творческий характер³⁰. Творческий аспект предпринимательства воплощается в том, что оно производит прибыль такого рода, которая, в определенном смысле, возникает из ничего и которую мы будем называть *чистой предпринимательской прибылью*.

²⁹ Don Lavoie, *Rivalry and Central Planning* (Cambridge: Cambridge University Press, 1985). Лавой добавляет, что, если бы издержки можно было бы вычислить объективно, научным способом и единообразно, то принятие экономических решений могло бы сводиться к следованию некоему набору конкретных явно сформулированных правил. Однако, с учетом того, что издержки субъективны и их может знать только действующий человек в контексте каждого конкретного действия, предпринимательская практика не может быть сформулирована в деталях или заменена каким-либо объективным научным критерием. (Ibid., 103—104).

³⁰ Согласно Фоме Аквинскому, *creare est aliquid ex nihilo facere* (творить — это делать что-то из ничего). См.: *Summa Theologiae*, pt. 1, ques. 45, art. 1 и сл., vol. 2 (В. А. С., 1948), 740. Мы не можем согласиться с тезисом томистов о том, что творить способен только Бог, поскольку люди также постоянно творят — во всех тех случаях, когда занимаются предпринимательством. Аквинат использует термин *ex nihilo* в *чрезмерно* материалистическом смысле, в то время, как мы считаем, что творение *ex nihilo* происходит всякий раз, когда кто-нибудь замечает или понимает что-то, чего он даже не мог себе представить до этого (Ibid., 756). Представляется, что, несмотря на то, что папа Иоанн Павел II иногда путает понятие «человеческой деятельности» с понятием «труда» (см. также сноску 31), в своей энциклике *Laborem Exercens* («Совершая труд») он склоняется к нашей интерпретации, когда говорит, что человек «продолжает делание Самого Творца Вселенной» (главы 4 и 25 [1981]).

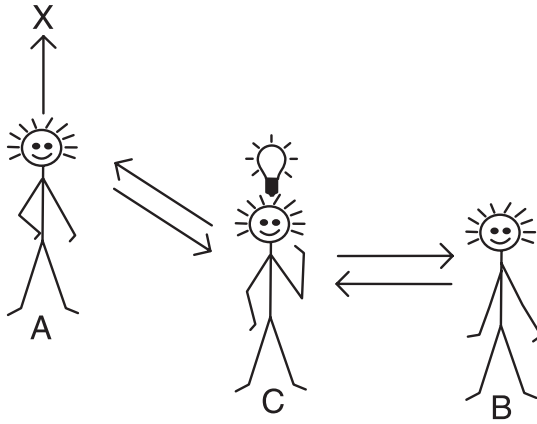

Рис. II-2

Чтобы извлечь предпринимательскую прибыль, человеку не нужно предварительно никаких средств — ему нужно только правильно распорядиться своей предпринимательской способностью. Чтобы проиллюстрировать это, вернемся к ситуации, изображенной на рис. II-1. Простого осознания того, что между *A* и *B* имеется *рассогласованность* или *отсутствует координация*, достаточно, чтобы из него немедленно вспыхнула искра возможности извлечения чистой предпринимательской прибыли³¹. Рис. II-2 соответствует предположению, что предпринимательством занимается некто третий, в данном случае *C*, и что он приступает к этому, открыв возможность получения прибыли, вытекающую из рассогласованности и отсутствия координации, которые изображены на рис. II-1. (Лампочка показывает то, что *C* увидел эту возможность. Вполне логично, что на практике предпринимательст-

³¹ Мы считаем, что всякая человеческая деятельность включает в себе творческий компонент и что нет оснований разделять творческую активность предпринимателя в сфере экономики и творческую активность в других сферах человеческой жизни (в искусстве, общественной жизни и пр.). Нозик ошибается, проводя такое разделение, потому что не понимает, что *сущность творчества всегда одна и та же* и концепция и характеристики предпринимательства, которые мы сейчас анализируем, относятся к любой человеческой деятельности, вне зависимости от ее типа. См.: Robert Nozick, *The Examined Life* (New York: Simon and Schuster, 1989), 40.

вом могут заниматься *A*, *B* или оба одновременно, с различной или одинаковой интенсивностью, но в наших целях для большей наглядности мы используем третье лицо *C*.)

На самом деле *C* нужно только вступить в контакт с *B* и предложить купить у него по какой-нибудь цене, скажем, за три денежных единицы, тот ресурс, который в изобилии доступен для *B* и не имеет для него почти никакого значения. *B* будет ужасно рад, поскольку ему никогда не приходило в голову, что он может столько получить за имеющийся у него ресурс. Вслед за этой сделкой *C* получает возможность вступить в контакт с *A* и продать ему ресурс, который так остро нужен *A* для достижения его цели. *C* может продать *A* этот ресурс, например, за 9 денежных единиц. (Если у *C* нет денег, то он может достать их, например, убедив кого-нибудь дать ему на время в долг.) Итак, с помощью предпринимательства *C* извлекает *ex nihilo* чистую предпринимательскую прибыль в размере 6 денежных единиц³².

³² То, что предпринимательство носит отчетливо творческий характер, и, следовательно, чистые предпринимательские прибыли возникают из ничего, может привести нас к следующему *теологическому отступлению*: если допустить, что есть *Высшее Существо*, сотворившее все вещи из ничего и если мы считаем предпринимательство сотворением *ex nihilo* чистой предпринимательской прибыли, то представляется вполне очевидным, что человек подобен Господу именно тогда, когда занимается чистым предпринимательством! Это означает, что в большей степени, чем *homo sapiens* (человек разумный), человек есть *homo agens* (человек действующий) или *homo empresario* (человек предпринимательский), и что более всего он подобен Господу не тогда, когда он думает, а тогда, когда он действует, то есть видит и открывает новые цели и средства. Мы могли бы даже выстроить целую теорию *счастья*, которая утверждала бы, что человек счастливее всего тогда, когда он подобен своему Создателю. Иными словами, источником самого большого счастья для человека было бы обнаружить собственные цели и достичь их (что предполагает деятельность и предпринимательство). Тем не менее иногда мы, безусловно, совершаем многочисленные *предпринимательские ошибки*, и прежде всего они касаются выбора целей. (К счастью, человек не одинок — у него есть советчики, которые могут помочь ему, например, религия и мораль.) Я надеюсь, что профессору Кирцнеру, глубоко религиозному человеку, мое отступление не покажется «кощунственным использованием теологической метафоры» (см.: Israel M. Kirzner, *Discovery, Capitalism, and Distributive Justice* [Oxford: Basil Blackwell, 1989], 40).

Как мы упоминали в сноске 29, папа Иоанн Павел II в энциклике *Laborem Exercens* (главы 4 и 25 [1981]), вероятно, склоняется к нашей точке зрения, когда говорит, что человек «продолжает делание Самого Творца Вселенной», подражая ему. Несмотря на это, иногда Иоанн Павел II, видимо, смешивает понятие «человеческой деятельности» с понятием «труда», вводя тем самым несуществующую дихотомию человеческих действий (те, что связаны с «трудом» *stricto sensu*, и те, что связаны с «капиталом»). Реальной социальной проблемой является не противоречие между «трудом» и «капиталом», а вопрос о том, законно ли систематически осуществлять институциональную агрессию или институциональное насилие против творческой способности, которую человек реализует, когда действует, и о том, какого типа правила и законы должны регулировать деятельность. Кроме того, автор энциклики не понимает, что если он говорит о человеческой деятельности вообще, то не имеет смысла говорить (как делает он в главе 19) о праве получать «справедливое вознаграждение», поскольку у каждого человека, как мы увидим, есть право на весь результат (то есть на прибыль или убыток) его предпринимательского творчества и его деятельности; а если автор пишет про труд в узком смысле, то есть производственный фактор, то этим он теоретически уничтожает любые связанные с ним творческие возможности. Большую помощь в этих размышлениях нам оказала статья Фернандо Морено: Fernando Moreno, “El Trabajo según Juan Pablo II,” in *Cristianismo, Sociedad Libre y Opción por los Pobres*, ed. Eliodoro Matte Larrain (Chile: Centro de Estudios Públicos, 1988), 395—400. Представление Иоанна Павла II о предпринимательской способности, то есть о творческой человеческой деятельности и ее ключевой роли в жизни общества, или по крайней мере то, что и как он пишет об этом предмете, стало значительно корректнее в его более поздней энциклике *Centesimus Annus*, где он прямо утверждает, что определяющим фактором является «сам человек, то есть его знания», как научные, так и практические (необходимые для того, чтобы «видеть нужды других и удовлетворять их»). Эти типы знания позволяют людям «развивать свой творческий потенциал», а также быть членами той «сети знаний и отношений», которую представляют собой рынок и общество. В завершение Иоанн Павел II пишет: «Все более явной и насущной становится роль упорядоченного *творческого* труда и, как составляющей его части — *инициативы и предприимчивости*». (John Paul II, *Centesimus Annus*, chap. 4, sections 31, 32, and 33 [1991].) Без сомнения, из энциклики *Centesimus Annus* следует, что верховный понтифик очень сильно модернизировал свои представления об экономической теории и, с научной точки зрения, сделал большой качественный шаг вперед, тем самым отбросив многие устаревшие элементы предыдущей социальной доктрины

На этом этапе особенно важно подчеркнуть, что у данного акта предпринимательства имеются три чрезвычайно важных последствия. Во-первых, предпринимательство создало новую информацию, которой раньше не существовало. Во-вторых, эта информация была передана с помощью рынка. В-третьих, данный предпринимательский акт научил его участников подстраивать свое поведение под поведение других. Эти последствия предпринимательства настолько важны, что их имеет смысл рассмотреть по отдельности.

Создание информации

Каждый предпринимательский акт приводит к созданию новой информации *ex nihilo*. Информация создается в уме того индивида (в нашем случае человека *C*), который первым приступает к предпринимательству. Действительно, когда *C* понимает, что существует ситуация с участием *A* и *B*, подобная описанной нами, у него в уме появляется новая информация, которой он до того не обладал. Более того, как только *C* начинает действовать и вступает в контакт с *A* и *B*, новая информация возникает также в умах *A* и *B*. Так, *A* понимает, что ресурс, которого у него не было и в котором он так остро нуждался для достижения своих целей, доступен в ином месте на рынке в больших количествах, чем он думал, и что, следовательно, теперь он может предпринять то действие, к которому не мог приступить ранее из-за отсутствия этого ресурса. *B*, в свою очередь, понимает, что имеющийся у него в изобилии ресурс, которого он не ценил, является объектом желания других, и что, следовательно, он может дорого продать его. Кроме того, часть новой практической информации, которая первоначально появилась в уме *C* в ходе его предпринимательской деятельности, а позже возникла в умах *A* и *B*, в сильно сокра-

Церкви. По своим нынешним, модернизированным взглядам папа даже опережает значительную часть профессиональных экономистов: те группы, которые, оставаясь приверженцами механицизма, не способны учитывать в своих «моделях» фундаментально творческую и динамическую природу предпринимательства. См.: Michael Novak, *The Catholic Ethic and the Spirit of Capitalism* (New York: Free Press, 1993).

щенной и сжатой форме фиксируется в данных о *ценах*, или об исторических пропорциях обмена (то есть, что *B* продал за три денежных единицы, а *A* купил за девять).

Передача информации

Создание информации предпринимательством подразумевает ее *передачу* на рынке. Действительно, передать что-то кому-то означает стать причиной того, чтобы в уме этого человека возникла часть информации, созданной или обнаруженной нами до этого. Строго говоря, хотя в нашем примере произошла передача *B* мысли о том, что его ресурс важен и он не должен расходовать его попусту, а *A* — передача мысли, что он может приступить к реализации цели, которую поставил себе, но не начал осуществлять из-за отсутствия конкретного ресурса, распространение информации на этом не закончилось. Действительно, соответствующие цены, образующие чрезвычайно мощную систему передачи (ведь они передают большой объем информации при очень низких издержках), распространяясь волнами по всему рынку и в обществе, сообщают рынку и обществу о том, что данный ресурс следует накапливать и производить, поскольку на него есть спрос, и в то же самое время — что все те, кто воздерживался от действий, потому что считал, что этого ресурса не существует, могут получить его и приступить к реализации соответствующих планов. С логической точки зрения, важная информация всегда субъективна и не существует вне людей, способных истолковать или обнаружить ее, поэтому информацию всегда создают, воспринимают и передают люди. Ошибочное представление, что информация объективна, проистекает из того, что часть созданной предпринимательством субъективной информации «объективно» выражается в знаках (ценах, институтах, правилах, «фирмах» и т.п.), и многие могут обнаружить их и субъективно интерпретировать в контексте своих конкретных действий, тем самым облегчая создание новой, более разнообразной и сложной субъективной информации. Однако, несмотря на видимость, передача социальной информации в основном является неявной и субъективной; это значит, что информация не формулируется специально и сообщается в сильно сокращенном виде. (Действительно, субъективно

сообщается и воспринимается необходимый для координации социальных процессов минимум информации.) Это позволяет людям наилучшим образом использовать ограниченную способность человеческого ума непрерывно создавать, обнаруживать и передавать новую информацию.

*Обучающий эффект:
координация и приспособление*

Наконец, нам следует обратить внимание на то, каким образом действующие субъекты *A* и *B* научились действовать, подстраиваясь друг под друга. В результате предпринимательской деятельности, которой первоначально занялся *C*, *B* больше не обходится расточительно с имеющимся у него ресурсом, а сохраняет его, действуя в своих собственных интересах. Поскольку в таком случае *A* может рассчитывать на этот ресурс, он в состоянии достичь своей цели и приступает к той деятельности, от которой отказывался ранее. Итак, оба учатся действовать *скоординировано*, то есть обуздывать себя и подстраивать свое поведение к нуждам другого. Кроме того, обучение происходит наилучшим из возможных способов: по собственному побуждению и *не осознавая факта обучения*; иными словами, добровольно и в рамках плана, где каждый из них стремится к своим личным целям и преследует собственные интересы. Именно это является ядром изумительного по своей простоте и эффективности процесса, который делает возможной жизнь в обществе³³. Наконец,

³³ Как мы увидим, когда будем говорить об арбитраже и спекуляции, посредством предпринимательства человеческие существа учатся обуславливать свое поведение, в том числе даже обстоятельствами жизни и нуждами будущих, еще не родившихся людей (*межвременная, или интертемпоральная, координация*). Более того, этот процесс было бы невозможно воспроизвести, даже если бы люди, повинувшись приказам доброжелательного диктатора или собственному филантропическому желанию помочь человечеству, *намеренно* попытались бы отрегулировать все ситуации, в которых отсутствует социальная координация, воздерживаясь при этом от поиска и использования возможностей для получения прибыли или выгоды. На самом деле, в отсутствие выгоды или прибыли, которые выступают как стимул, практическая информация, необходимая

мы видим, что предпринимательская активность *C* не только делает возможными отсутствовавшие до этого координированные действия *A* и *B*, но и позволяет им обоим произвести *экономический расчет* для собственных действий, используя ранее недоступные данные и информацию, владение которыми значительно повышает вероятность того, что каждый из них достигнет своей цели. Короче говоря, именно информация, порождаемая в ходе предпринимательского процесса, и есть то, что позволяет каждому действующему субъекту произвести экономический расчет. В отсутствие предпринимательского процесса информация, необходимая людям для того, чтобы правильно посчитать или оценить ценность каж-

людям для того, чтобы действовать и координировать ситуации социальной рассогласованности, даже не возникает. (Это не имеет отношения к возможному решению человека использовать свою предпринимательскую прибыль в благотворительных целях после того, как она была получена.) Общество, члены которого посвящали бы большую часть своего времени «намеренной помощи своим собратьям» и не занимались бы предпринимательством, было бы племенным, докапиталистическим обществом, неспособным прокормить даже небольшую часть нынешнего населения Земного шара. Таким образом, теоретически невозможно, чтобы принципы «солидарности» и «альтруизма» могли служить людям руководством к действию в такой системе, как общество: системе, основанной на ряде абстрактных связей человека с многочисленными иными индивидами, которых он, вероятно, никогда в жизни не встретит и о которых он получает только рассеянную информацию и сигналы в виде цен, институтов и содержательных, или материальных, норм. Следовательно, принципы «солидарности» и альтруизма являются племенными атавизмами и могут применяться только в первичных малых группах и между чрезвычайно ограниченным числом участников, каждый из которых хорошо знаком с личными обстоятельствами всех остальных. Хотя и не может быть возражений против того, что многие люди в обществе занимают различную деятельность, чтобы удовлетворить собственную более или менее атавистическую или инстинктивную потребность выглядеть альтруистами в глазах ближних, мы имеем право категорически заявить, что с помощью принуждения построить общество на принципах «солидарности» и альтруизма не просто невозможно теоретически: такая попытка разрушит ту цивилизацию, где мы живем, и уничтожит столько ближних и дальних, что потенциальных получателей помощи останется чрезвычайно мало. См.: Ф. А. Найек, *The Fatal Conceit*, 13 [Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. М.: Новости, 1992. С. 51].

дого из возможных вариантов действий, не возникает. Итак, *в отсутствие предпринимательства экономический расчет невозможен*³⁴.

В этих наблюдениях заключаются важнейшие и наиболее фундаментальные уроки социальной науки, позволяющие нам сделать вывод о том, что предпринимательство, несомненно, является наиболее существенной из социальных функций, поскольку, корректируя и координируя поведение его отдельных членов, оно делает возможной жизнь в обществе. В отсутствие предпринимательства представить существование какого бы то ни было общества невозможно³⁵.

Арбитраж и спекуляция

Во временном аспекте предпринимательством можно заниматься двумя различными способами: синхронным и диа-

³⁴ Английский термин *calculation* (расчет) этимологически восходит к латинскому *calx-calcis*, одно из значений которого — известковый мел, камушки из которого использовались в греческих и римских счетах абаках. Ниже будет дано более строгое определение экономического расчета (в разделе «Право, деньги и экономический расчет»).

³⁵ Кирцнер придерживается мнения, что предпринимательство позволяет обнаружить и устранить ошибки, которые случаются в обществе и до поры до времени остаются незамеченными. Однако нам такое представление об «ошибках» не кажется полностью удовлетворительным, поскольку оно подразумевает суждение с позиции гипотетического всеведущего существа, знающего обо всех ситуациях рассогласованности, случающихся в обществе. С нашей точки зрения, имеет смысл говорить только о субъективной «ошибке», иными словами, когда действующий человек *a posteriori* понимает, что он не должен был стремиться к данной цели или что ему не нужно было использовать данные средства, действуя, он понес издержки. Он отказался от целей, которые имели для него более высокую ценность, чем те, которых он достиг (это значит, что он понес *предпринимательские убытки*). Кроме того, мы не должны забывать, что устранение *ошибки* по Кирцнеру (то есть объективистски) человек обычно воспринимает как удачное и мудрое решение, которое приводит к существенной выгоде или к значительной предпринимательской прибыли. См.: Israel M. Kirzner, “Economics and Error” in *Perception, Opportunity and Profit* (Chicago: The University of Chicago Press, 1979), 120—137.

хронным. Первый способ называется *арбитражем* и представляет собой предпринимательство, осуществляемое в настоящем (имеется в виду временное настоящее с точки зрения действующего человека)³⁶ и использующее различие между двумя разными местами или двумя ситуациями в обществе. Второй способ называется *спекуляцией* и обозначает предпринимательство, осуществляющееся между двумя разными моментами во времени. Можно было бы подумать, что в случае арбитража предпринимательство сводится к обнаружению и передаче *уже существующей*, но рассеянной информации, а в случае спекуляции создается и передается «новая» информация. Однако эта разница — искусственная, потому что обнаружить то, что «уже существовало», если никто не знал, что оно существовало, — это то же самое, что *создать*. Таким образом, в качественном и теоретическом отношении между арбитражем и спекуляцией нет разницы. Оба типа предпринимательства порождают социальную координацию (*интратемпоральную* в случае арбитража и *интертемпоральную* в случае спекуляции) и *создают* одни и те же тенденции, направленные на коррекцию и координацию.

Право, деньги и экономический расчет

В ситуации, изображенной на нашем рисунке, *С* не мог бы с такой легкостью заниматься предпринимательским творчеством, если бы кто-либо был властен отобрать у него ее результат *силой* или, например, если бы *А* или *В* *обманули* его и не предоставили бы ему ресурс или обещанные денежные единицы. Это означает, что предпринимательство и вообще человеческая деятельность требуют от участников постоянного и непрерывного следования определенным стандартам и нормам поведе-

³⁶ «Настоящее как текущий период времени есть продолженность условий и возможностей, предоставляющихся для деятельности. Каждый вид деятельности требует особых условий, к которым он должен приспособливаться относительно искомого результата. Понятие настоящего поэтому различно для разных областей деятельности» (Ludwig von Mises, *Human Action*, 101 [Мизес. Человеческая деятельность. С. 97]).

ния: иными словами, они должны *повиноваться закону*. Этот закон состоит из ряда шаблонов поведения, которые были развиты и улучшены посредством обычая. Эти шаблоны определяют в основном права собственности (то, что Хайек недавно назвал *several property* — индивидуализированной собственностью³⁷), и их можно свести к нескольким фундаментальным принципам: уважение к жизни, гарантии владения ненасилственно приобретенной собственностью, переход собственности из рук в руки по взаимному согласию и исполнение обещаний³⁸. Анализ оснований законных прав, делающих возможной жизнь в обществе, можно проводить с трех различных, но дополняющих друг друга точек зрения: утилитаризма, эволюционизма и обычая, теории социальной этики прав собственности. Однако подобный анализ выходит за границы этого проекта, и поэтому мы просто скажем, что, в то время как право делает возможным осуществление человеческой деятельности, а следовательно, возникновение и развитие общества и цивилизации, оно одновременно является эволюционным продуктом предпринимательского процесса и не является ничьим единоличным сознательным произведением. Юридические институты, и все социальные институты вообще (язык, деньги, рынок и т.п.) возникают в результате эволюционных процессов, в которые на протяжении истории вносит вклад — в виде практической информации и собственного предпринимательского творчества — множество отдельных людей. Таким образом, в соответствии с известной теорией Менгера, они стихийно

³⁷ F. A. Hayek, *The Fatal Conceit: The Errors of Socialism*, 12 [Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. М.: Новости, 1992. С. 54].

³⁸ «Теперь мы рассмотрели три основных естественных закона: о стабильности собственности, о передаче последней посредством согласия и об исполнении обещаний. От строгого соблюдения этих трех законов всецело зависят мир и безопасность человеческого общества, и нет возможности установить хорошие отношения между людьми там, где их не соблюдают. Общество абсолютно необходимо для благоденствия людей, а указанные законы столь же необходимы для поддержания общественного строя» (David Hume, *A Treatise of Human Nature*, bk. 3, pt. 2, sec. 6 [Oxford: Oxford University Press, 1981]), 526. [Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Соч. В 2-х т. Т. 1. С. 565].

порождают институты³⁹, которые, без сомнения, представляют собой результат *взаимодействия* многих людей, несмотря на то, что они *не были никем сознательно спроектированы или организованы*. Дело в том, что ни один человеческий ум и ни одно организованное множество человеческих умов не обладают необходимыми интеллектуальными способностями для того, чтобы объять и постичь огромный объем практической информации, участвовавшей в постепенном формировании, консолидации и позднейшем развитии этих институтов⁴⁰. Итак,

³⁹ Институтом мы называем любой повторяющийся паттерн, норму или модель поведения, вне зависимости от того, к какой сфере они относятся: лингвистической, экономической, правовой и т.п.

⁴⁰ Carl Menger, *Untersuchungen über die Methode der Socialwissenschaften und der politischen Ökonomie insbesondere* (Leipzig: Duncker Humblot, 1883) [Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005]. Для обозначения «непреднамеренных последствий индивидуальных действий» Менгер использует термин *Unbeabsichtigte Resultante* (непреднамеренные результаты). Конкретно Менгер пишет, что социальное явление характеризуется тем, что оно возникает как «непреднамеренный результат (*unbeabsichtigte Resultante*) индивидуальных (преследующих индивидуальные интересы) человеческих стремлений... как непредвиденный социальный результат индивидуальных идеологических факторов» (р. 182 [с. 392]). См. введение Лоренса Уайта к изданию книги Менгера на английском языке: Carl Menger, *Investigations into the Method of the Social Sciences with Special Reference to Economics* (New York: New York University Press, 1985), vii-viii, 158 (там находится английский перевод с. 182 немецкого оригинала). См. также статью Хайека: F. A. Hayek, “The Results of Human Action but not of Human Design” in *Studies in Philosophy, Politics and Economics*, 96–105. Иногда считается, что первым, кто обратил внимание на эти стихийные социальные явления, был Адам Фергюсон. Действительно, на с. 187 его книги «Опыт истории Гражданского общества» (Adam Ferguson, *An Essay on the History of Civil Society* (London: T. Caddel in the Strand, 1767) мы читаем: «...целые нации спотыкаются об установления, которые являются результатом человеческих действий, но не представляют собой исполнение какого бы то ни было человеческого замысла» [см.: Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. М.: РОССПЭН, 2000. С. 189]. Он прибавляет к этому знаменитую фразу, которую де Рец приписывает Кромвелю: о том, что чело-

парадоксальная истина состоит в том, что человек не способен создать сам, намеренно, самые важные и необходимые для его жизни в обществе институты (лингвистические, экономические, правовые и моральные), потому что это превышает его интеллектуальные возможности. Эти институты постепенно возникли в ходе предпринимательского процесса человеческого взаимодействия и распространились на все более и более широкие группы с помощью описанного выше бессознательного механизма обучения и подражания. Кроме того, возникновение и усовершенствование институтов обеспечивает, с помощью типичного для них механизма обратной связи, рост разнообразия и сложности предпринимательского процесса человеческого взаимодействия. По той же причине, по какой человек был неспособен намеренно создать свои институты⁴¹, он так же неспособен

век достигает наивысших высот тогда, когда не ведает, куда идет (*on ne montait jamais si haut que quand on ne sait pas où l'on va*). Однако Фергюсон, как мы увидим в начале главы 4, следует гораздо более древней традиции, которая восходит через Монтескье, Бернара де Мандевилля и испанских схоластов XVI в. к целой школе классической древнегреческой и древнеримской мысли.

⁴¹ Следовательно, мы должны отвергнуть представление о законе Фомы Аквинского, который определяет закон как *rationis ordinatio ad bonum commune, ab eo qui curam communitatis habet promulgata* (*Summa Theologiae*, pt. 1—2, ques. 90, art. 4, vol. 6 [1955], 42; разумное установление ради общего блага, введенное в действие тем, кто печется об общине) и, таким образом, ошибочно считает его сознательным результатом человеческих усилий. В этом смысле Фома Аквинский выступает как провозвестник критикуемого Хайеком «ложного рационализма», предполагая, что посредством разума человек может постичь гораздо больше, чем он способен постичь. Этот мнимый и ненаучный рационализм достигнет пика в эпоху Французской революции, в момент триумфа утилитаризма, а в сфере права — в позитивистских идеях Кельзена («венская школа» права, или нормативизм) и взглядах Тьебо. См.: F. A. Hayek, “Kinds of Rationalism” in *Studies in Philosophy, Politics and Economics*, chap. 5, 82—96. Позже Хайек подверг критике Аристотеля за то, что он, хотя и не впал в социалистические крайности, подобно Платону, тем не менее был не в состоянии постичь ни существование стихийного социального порядка, ни сущность идеи развития (Hayek, *The Fatal Conceit: The Errors of Socialism*, 45—47 [Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. М.: Новости, 1992. С. 81—84]), и как следствие, стимулировал

полностью постичь ту роль, которую существующие институты играют в каждый отдельный исторический момент. Институты и порождающий их социальный порядок постепенно становятся все более *абстрактными* в том смысле, что уже невозможно выделить и различить бесконечное множество разнообразных конкретных знаний, которыми располагают люди, действующие в границах какого-либо института, и преследуемых ими личных целей. Институты — это крайне могущественные знаки, потому что все они состоят из норм поведения или обычаев и, таким образом, руководят действиями людей.

Из всех этих институтов *деньги* являются, вероятно, наиболее абстрактным и, соответственно, самым сложным для понимания. Действительно, деньги, или общепризнанное средство обмена, — это один из институтов, жизненно необходимых для существования и развития нашей цивилизации. Однако очень немногие люди хотя бы интуитивно понимают, каким способом деньги обеспечивают экспоненциальный рост возможностей социального взаимодействия и предпринимательского творчества, и какую роль они выполняют, упрощая и делая возможными чрезвычайно сложные и все более и более трудоемкие экономические расчеты, которые требуются современному обществу^{42, 43}.

возникновение того наивного сциентистского течения, которое и в наше время препятствует развитию социальных наук и в значительной степени обесмысливает их.

⁴² В своей теории происхождения денег Менгер ссылается на деньги как на один из самых ярких и образцовых примеров своей теории возникновения, развития и стихийной эволюции социальных институтов. См.: Carl Menger, *Investigations into the Method of the Social Sciences with Special Reference to Economics* (New York: New York University Press, 1985), 152 ff. [Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 257 сл.]

⁴³ Другой институт, представляющий большой экономический интерес и являющийся примером экономической организации, это то, что в Испании, к несчастью, называют *empresa* [предприятие], тогда как его следовало бы вслед за англосаксами именовать простым словом *firma* [*firm*, фирма], чтобы избежать путаницы между понятием человеческой деятельности, или предпринимательства, и понятием фирмы, которая является просто одним из институтов, пусть и весьма важным, и возникает на рынке из-за того, что, по

В нашей элементарной модели предпринимательства мы приняли как данность то, что деньги существуют, и что, следовательно, *A*, *B* и *C* согласны совершать сделки в обмен на определенное количество денежных единиц. Деньги имеют значение, потому что, как показал Мизес, они представляют собой общий знаменатель, который делает возможным *экономический расчет* применительно ко всем благам и услугам, являющимся объектами торговли или обмена между людьми. Итак, пусть термин «экономический расчет» обозначает *любой приблизительный расчет в денежных единицах результатов различных вариантов действий*. Такой экономический расчет делает любой человек во всех тех случаях, когда он проявляет предпринимательство; он возможен исключительно благодаря существованию денег и практической информации, которую постоянно генерирует и передает предпринимательство⁴⁴.

мнению действующих субъектов, некоторый уровень организации часто помогает им реализовывать свои интересы. Мы полагаем, что имеется целая школа экономической мысли, преувеличивающая важность фирм и компаний в качестве объекта для исследований экономической науки. Фирма — это просто один из многих институтов, возникающих в результате человеческого взаимодействия, и ее возникновение и эволюцию можно понять исключительно с точки зрения изложенной здесь теории предпринимательства. Теоретики фирмы не просто маскируют субъективную природу предпринимательства, создают путаницу в этом вопросе или пренебрегают им, но также склонны объективизировать сферу экономических исследований и неправомерно ограничивать ее фирмой. См., напр.: R. H. Coase, “The Nature of the Firm” *Economica* no. 4 (November 1937). Эта статья позже была опубликована в сборнике статей Рональда Коуза: Ronald Coase, *The Firm, the Market and the Law* (Chicago: University of Chicago Press, 1988), 33—35 [Коуз Р. Фирма, рынок и право. М.: Новое издательство, 2007. С. 37—57]. См. также: A. A. Alchian, “Corporate Management and Property Rights,” in *Economic Policy and the Regulations of Corporate Securities* (Washington, D. C.: American Enterprise Institute, 1969), 342 ff. Подробный критический разбор взглядов этой школы см.: Israel M. Kirzner, *Competition and Entrepreneurship*, 52 ff. [Кирицнер И. Конкуренция и предпринимательство. Челябинск: Социум, 2008. С. 55 сл.]. См. также главу 4, сноску 50.

⁴⁴ Согласно Людвигу фон Мизесу, «экономический расчет является либо оценкой ожидаемого исхода будущего действия, либо установлением последствий прошлого действия» (Mises, *Human*

Вездесущность предпринимательства

Все люди, когда они действуют, проявляют предпринимательство. Они проявляют его в большей или меньшей степени, с большим или меньшим успехом. Иными словами, предпринимательство в своем наиболее чистом виде *вездесуще*. Например, предпринимательство проявляет *рабочий*, когда ищет новое место и решает, менять или нет работу, принять предложение работы или нет и т. п. Если он принимает мудрые решения, он найдет более привлекательную работу, чем в иных обстоятельствах. Если его выбор неудачен, то условия его труда окажутся хуже, чем могли бы быть. В первом случае он получит предпринимательскую прибыль, во втором — понесет убыток.

Action: A Treatise on Economics, 210, 198—231 [Мизес. Человеческая деятельность. С. 200, 188—218]). Мюррей Ротбард, кажется, не понимает, что экономический расчет всегда связан с проблемой создания и передачи рассеянной, эксклюзивной информации, без которой такую оценку провести невозможно. Это становится ясно из того, что он пишет по поводу полемики об экономическом расчете в своей последней книге: Murray N. Rothbard *Ludwig von Mises: Scholar, Creator and Hero* ([Auburn, Alabama: Ludwig von Mises Institute, 1988], chap. 5, 35—46). Позиция Ротбарда, вероятно, вытекает из его почти что навязчивого желания подчеркивать различие, а не сходство между Мизесом и Хайеком. Хотя утверждение Ротбарда о том, что позиция Хайека иногда интерпретировалась слишком жестко, как будто он трагивал исключительно проблему, вытекающую из рассеянной природы *существующего* знания и как если бы проблемы неопределенности и порождения будущего знания, вопросы, особенно значимые для Мизеса, не представляли никаких трудностей, верно, мы полагаем, что обе точки зрения можно легко соединить, потому что они тесно связаны между собой. В следующей главе мы объединим эти две позиции, изложив их соответственно как *статический* и *динамический* доводы против возможности экономического расчета при социализме. См. в особенности: Murray N. Rothbard, “The End of Socialism and the Calculation Debate Revisited”, *The Review of Austrian Economics* 5, no. 2 (1991): 66. См. также: Joseph T. Salerno, “Ludwig von Mises as Social Rationalist,” *Review of Austrian Economics* 4 (1990): 36—48; а также: Joseph T. Salerno, “Why Socialist Economy is Impossible: A Postscript to Mises” in *Economic Calculation in the Socialist Commonwealth* (Auburn, Alabama: Ludwig von Mises Institute, 1990). См. также конец сноски 16 в главе 4.

Капиталист тоже постоянно проявляет предпринимательство. Он проявляет его, например, тогда, когда решает нанять одного менеджера, а не другого или когда изучает возможность продажи одной из своих компаний, вхождения в какую-либо отрасль или включения в свой портфель какой-либо конкретной комбинации бумаг с фиксированным доходом и бумаг с переменным доходом и т.п. Наконец, *потребитель* тоже постоянно действует как предприниматель. Он ведет себя как предприниматель, когда пытается решить, какое потребительское благо он предпочитает, когда следит за новыми продуктами на рынке или, наоборот, когда решает прекратить тратить время на поиски новых возможностей и т.п. Итак, в реальной жизни предпринимательство, в форме конкретных действий и предприятий, происходит ежедневно, в той или иной степени и с большим или меньшим успехом. Предпринимательство проявляют все, кто действует на рынке, вне зависимости от того, в какой роли они там выступают, и соответственно на практике чистые предпринимательские прибыли и убытки почти всегда смешаны с доходами других экономических категорий (с заработной платой, незаработанными доходами и т.п.). Только подробное историческое исследование поможет нам определить для каждого конкретного случая, в чем состоят такие прибыли и убытки и кто в наибольшей степени проявил себя как предприниматель в контексте каждого отдельного действия или предприятия.

Основной принцип

С теоретической точки зрения по-настоящему важно не то, кто конкретно исполняет предпринимательскую функцию (хотя в практическом отношении именно это — самый важный вопрос) — важна ситуация, когда нет институциональных и юридических ограничений на осуществление предпринимательства, и, следовательно, любой человек может использовать свои предпринимательские способности, извлекая преимущества из той эксклюзивной практической информации, которую он обнаружил в каждом конкретном случае.

Исследовать более глубоко происхождение той врожденной силы, которая побуждает человека действовать по-предпринимательски во всех областях жизни — это задача не для экономиста, а для психолога. На этом этапе мы хотим просто

подчеркнуть следующий основополагающий принцип: *человек стремится находить интересующую его информацию и в силу этого, при условии, что он свободен в достижении своих целей и отстаивании своих интересов, его цели и интересы будут работать как стимулы⁴⁵ для предпринимательства, позволяя ему замечать и находить практическую информацию, необходимую для реализации его стремлений.* Верно также и обратное. Если в какой-либо области жизни общества, все равно, по какой причине, предпринимательство ограничено или запрещено (посредством принудительных юридических или институциональных ограничений), то люди даже не станут рассматривать возможность достижения целей в этой *запретной области*, и, следовательно, *раз цели не будут достижимыми, то они не будут работать как стимулы и действующий субъект, соответственно, не будет ни замечать, ни находить никакой практической информации, значимой для их достижения.* Кроме того, в этих условиях даже те люди, которых это затронет, *не будут осознавать* огромной ценности и многочисленности тех целей, которые перестают быть осуществимыми в результате институциональных ограничений⁴⁶. На приме-

⁴⁵ Согласно словарю *Merriam-Webster's Collegiate Dictionary* (11th ed.), *стимул* — это «то, что стимулирует или обычно стимулирует кого-либо на принятие решений или совершение действия»; это определение совпадает с тем, которое мы дали *прибыли* и *выгоде*. Субъективная прибыль (выгода), которую человек стремится получить с помощью деятельности, как раз и есть стимул или мотив, побуждающий его к действию. Хотя здесь неподходящее место для подробного объяснения психологической природы предпринимательства, в принципе, чем четче человек видит свою цель, и чем сильнее его психологическое стремление к ее достижению, тем мощнее будет поток творческих идей, значимых для достижения этой цели, и тем легче ему будет различить и отбросить ненужную информацию, которая могла бы отвлечь его. См. также в главе 7 раздел под заголовком «Книга Генри Дугласа Диккинсона “Экономическая теория социализма”». В этом разделе мы объясняем два разных значения термина «стимул»: статическое и динамическое.

⁴⁶ В течение многих лет студенты в странах Восточной Европы, особенно в бывшем СССР, проводили многие тысячи часов, выписывая цитаты из библиотечных книг и не осознавая, что копии могли бы облегчить эту работу или полностью избавить их от нее.

ре человечков, изображенных на рис. II-1 и II-2, мы видим, что если люди свободны в своей человеческой деятельности, то в каждом случае социальной рассогласованности и отсутствия координации свободно может загореться «предпринимательская лампочка», запустив процесс создания и передачи информации, процесс, приводящий к устранению рассогласованности; именно такая координация делает жизнь в обществе возможной. Однако, если в какой-либо сфере имеются препятствия для предпринимательства, то «предпринимательская лампочка» загореться не может. Иными словами, у предпринимателя нет возможности обнаружить существующую рассогласованность, которая в силу этого продолжает существовать и может даже углубляться. С этой точки зрения, легко оценить мудрость старой испанской поговорки *ojos que no ven, corazón que no siente* [«с глаз долой — из сердца вон»], которая описывает как раз рассматриваемую нами ситуацию. Парадокс в том, что человек не способен ощутить или заметить то, что он теряет, в ситуации, когда он неспособен свободно действовать или проявлять предпринимательство⁴⁷.

Наконец, следует помнить, что каждый действующий человек обладает каким-то количеством *битов* практической информации, которую, как мы видели, он склонен находить и использовать для реализации какой-либо цели. Несмотря на послед-

Только когда они обнаружили, что на Западе такие машины широко используются, в том числе непосредственно в сфере науки и образования, они стали ощущать потребность в копирах и требовать, чтобы они были доступны. В относительно авторитарных обществах такие случаи более очевидны, чем в западных странах. Однако нам не следует почивать на лаврах или ошибочно полагать, что в западных обществах таких случаев не бывает, поскольку отсутствие обществ с меньшим, чем на Западе, уровнем ограничений, которые могли бы служить нам базой для сравнения, не дает нам понять, как много потеряли западные общества из-за интервенционизма.

⁴⁷ Первым, кто сформулировал фундаментальный принцип, который анализируется в этой главе, был Сэмюэль Бейли, когда он утверждал, что каждое действие требует «детальных знаний тысячи подробностей, которые будет узнавать только тот, чей интерес в этом состоит, и никто более» (Samuel Bailey, *A Defense of Joint-Stock Banks and Country Issues* [London: James Ridgeway, 1840], 3). См. также в главе 3 раздел под названием «Социализм как “опиум народа”».

ствия, которые это имеет для всего общества, данной конкретной информацией владеет только действующий человек; это значит, что только он осознанно обладает ей и осознанно интерпретирует ее. Понятно, что мы не имеем в виду ту информацию, которая публикуется в специализированных журналах, книгах, газетах, хранится в компьютерах и т.п. Для общества значимы исключительно та информация и те знания, которые в данный исторический момент кто-либо осознает, — пусть и неявно, как это имеет место в большинстве случаев. Следовательно, всякий раз, когда человек действует и проявляет предпринимательство, он делает это характерным лично для него индивидуальным и неповторимым способом, вытекающим из его стремления достичь определенных целей или прийти к конкретному видению мира, причем стимулами для него служат все эти цели — цели, которые в данной конкретной форме и в данных конкретных обстоятельствах имеются только у него, и ни у кого другого. *Это позволяет каждому человеку добывать конкретные знания и информацию, которые он обнаруживает только в связи со своими целями и обстоятельствами и которыми в идентичной форме не может обладать никто другой*⁴⁸.

Из этого следует насущная необходимость считаться с любыми проявлениями предпринимательства. Даже самые скромные люди с самым низким социальным статусом, не обладающие формальным знанием, эксклюзивно владеют как минимум маленькими кусочками или фрагментами знания или информации, которая может иметь решающее значение для хода исторических событий⁴⁹. С этой точки зрения очевидно, что наша концепция предпринимательства имеет принци-

⁴⁸ Леон Фелипе писал в одном из своих лучших стихотворений:

*Nadie fue ayer
ni va hoy
ni irá mañana
hacia Dios
por este mismo camino que yo voy.
Para cada hombre
guarda un rayo nuevo de luz el sol
y un camino virgen Dios.*

Никто не пришел вчера
И не приходит сегодня
И не придет завтра
К Господу
Тем же путем, что и я.
Для каждого человека
Есть новый луч света у солнца
И новый, нехоженный путь у
Господа.

León Felipe, *Obras Completas* (Buenos Aires: Losada, 1963), 25 (пролог к Собранию сочинений).

⁴⁹ «Каждый из живущих, даже самый скромный, творит самим фактом своего бытия» (Gregorio Marañón, *El Greco y Toledo: Obras Completas* [Madrid: Espasa Calpe, 1971], 7: 421).

пиально гуманистическую природу и превращает экономическую теорию прежде всего в гуманистическую науку.

Конкуренция и предпринимательство

По самой своей природе и по определению предпринимательство всегда является *конкурентным*⁵⁰. Это означает, что как только человек обнаруживает конкретную возможность получения прибыли и начинает действовать, эта возможность исчезает и никто другой не может увидеть ее и воспользоваться ей. Точно так же, если человек обнаруживает возможность получения прибыли лишь частично, или, обнаружив ее полностью, использует ее лишь частично, то определенная доля этой возможности остается латентной и другой человек может обнаружить ее и воспользоваться ей. Следовательно, социальный процесс носит ярко выраженный конкурентный характер в том смысле, что различные действующие субъекты сознательно или бессознательно *конкурируют* друг с другом за то, чтобы первыми обнаружить и использовать возможности для извлечения прибыли⁵¹.

⁵⁰ Термин *competition* (конкуренция) этимологически восходит к латинскому слову *сuрpetitio* (одновременное наличие многочисленных требований на владение одной и той же вещь, которая должна в итоге достаться одному собственнику), состоящему из двух частей: *сuт* — с; и *рetere* — требовать, нападать, *искать*. Словарь *Merriam-Webster's Collegiate Dictionary* (11th ed.) толкует *competition* как «соревнование соперников». Итак, конкуренция представляет собой динамический процесс соревнования соперников, а не так называемую «модель совершенной конкуренции», когда многочисленные оференты производят одну и ту же вещь и продают ее по одной и той же цене, что парадоксальным образом означает, что никто ни с кем не конкурирует. См. мою статью: Huerta de Soto, “La crisis del Paradigma Walrasiano,” *El País*, 17 December 1990, 36.

⁵¹ См.: Israel M. Kirzner, *Competition and Entrepreneurship*, 12–13 [Кирицнер И. Конкуренция и предпринимательство. Челябинск: Социум, 2008. С. 14–15], а также: Idem., *Discovery and the Capitalist Process*, 130–131. Кирицнер подчеркивает, что все, что необходимо для того, чтобы гарантировать конкурентный характер социального процесса — это свобода входа, то есть отсутствие во всех социальных сферах юридических и институциональных ограничений на свободное проявление предпринимательства.

В нашей модели, иллюстрацией которой служат человечки, нам следует изображать предпринимательство не с помощью одной «лампочки», как мы сделали из соображений простоты, а одновременным и последовательным появлением множества «лампочек», символизирующих многочисленные различные акты диагностики и экспериментирования с новыми и разнообразными решениями проблемы отсутствия социальной координации, соперничающими друг с другом, так что не все они смогут добиться успеха или стать господствующими.

Каждый предпринимательский акт вскрывает, координирует и устраняет случаи социальной рассогласованности, а ввиду принципиально конкурентной природы предпринимательства ни у кого нет возможности заново заметить и устранить несогласованность после того, как она была обнаружена и урегулирована. Можно было бы ошибочно решить, что социальный процесс, движущей силой которого является предпринимательство, мог бы затухнуть и прекратиться или исчезнуть после того, как энергия предпринимательства обнажила и исчерпала все существующие возможности для социальной корректировки. *Однако предпринимательский процесс социальной координации никогда не прекращается и не исчерпывается.* Это происходит потому, что основной координирующий акт, суть которого мы объяснили с помощью рис. II-1 и II-2, сводится к созданию и передаче новой информации, неизбежно меняющей общее восприятие средств и целей у всех его участников. Это изменение, в свою очередь, вызывает бесчисленные новые случаи несогласованности, представляющих собой новые возможности для извлечения предпринимательской прибыли, и этот динамический процесс распространяется, никогда не останавливается и приводит к постоянному развитию цивилизации. Иными словами, предпринимательство не только *делает* жизнь в обществе *возможной*, координируя рассогласованное поведение его членов, но также обеспечивает *развитие* цивилизации, постоянно приводя к созданию новых целей и нового знания, которые волнами распространяются во всем обществе. Кроме того, оно осуществляет крайне важную функцию, *позволяя этому развитию быть максимально согласованным и гармоничным, насколько это возможно при данных исторических условиях*, поскольку та несогласован-

ность, которая постоянно воспроизводится по мере развития цивилизации и появления новой информации, в свою очередь обычно обнаруживается и устраняется самой предпринимательской энергией человеческого действия⁵². Это значит, что предпринимательство является той силой, которая объединяет общество и обеспечивает его гармоничное развитие, так как оно берет на себя координацию неизбежных и необходимых случаев несогласованности, вызванных этим развитием⁵³.

⁵² Следовательно, предпринимательский процесс порождает своего рода непрерывный социальный «большой взрыв», создающий возможность *неограниченного* роста знания. По мнению Фрэнка Типлера, профессора математики и физики в Университете Тулейна, предел распространения знания на Земле составляет 10^{64} бит (это увеличивает физические пределы роста, рассматривавшиеся до сих пор, в 100 млрд раз), и с помощью математики можно доказать, что человеческая цивилизация, освоившая космос, могла бы *бесконечно* увеличивать свои знания, богатства и население. Типлер делает вывод: «Физики, не знающие абсолютно ничего об экономической теории, написали много ерунды о физических пределах экономического роста. Корректный анализ физических пределов роста возможен *только с учетом открытия Хайека, согласно которому экономическая система производит не материальные вещи, а нематериальные знания*». См.: Frank J. Tipler, "A Liberal Utopia," in "A Special Symposium on *The Fatal Conceit* by F. A. Hayek," *Humane Studies Review* 6, no. 2 (winter 1988–1989): 4–5. См. также знаменитую книгу Барроу и Типлера: John D. Barrow and Frank J. Tipler, *The Anthropic Cosmological Principle* (Oxford: Oxford University Press, 1986), esp. 658–677.

⁵³ На рис. II-3 представлена базовая ситуация, подобная той, которая описана в тексте. Действительно, *A* в состоянии предпринять свое действие потому, что предпринимательский акт *C* сообщает ему, что имеется достаточное количество ресурса *R*. Впоследствии, в свете действия, предпринятого *A*, четвертому субъекту *D* приходит в голову, что он мог бы в свою очередь достичь цели *Z*, если бы располагал ресурсом *S*; где достать этот ресурс, *D* не знает, но он доступен *E*, действующему где-то на рынке. Следовательно, вследствие того, что в ходе первого предпринимательского акта была создана новая информация, возникает рассогласованность между *D* и *E*, создавая новую возможность извлечения прибыли, которая ожидает кого-нибудь, кто обнаружит и использует ее. Таким образом этот процесс воспроизводится и пролонгируется.

Разделение знания и расширенный порядок общественного сотрудничества

С учетом ограниченной способности человеческого ума усваивать информацию и растущего объема новой информации, постоянно создаваемой в ходе социального процесса, двигателем которого является предпринимательство, понятно, что развитие общества требует постоянного расширения и углубления *разделения знания*. Эта идея в исходной, неуклюжей объективистской формулировке «разделение труда»⁵⁴ просто

54

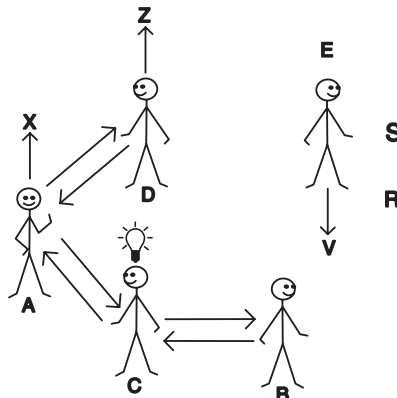

Рис. II-3

О «законе разделения труда» и более общем «законе образования связей» Рикардо см. замечания Мизеса в *Human Action*, 157—165 [Человеческая деятельность. С. 150—155]. См. также: Ludwig von Mises, *Nationalökonomie: Theorie des Handelns und Wirtschaftens*, The International Carl Menger Library, 2nd ed. (Munich: Philosophia Verlag, 1980), 126—133. (Там Мизес переводит «закон образования связей» как *Vergesellschaftungsgesetz*.) Как верно замечает Роббинс (Lionel Robbins, *Politics and Economics* [London: Macmillan, 1963], 141), заслуга Мизеса состоит в том, что он видел, что «закон сравнительных издержек» Рикардо является всего лишь частным случаем более общего закона, «закона образования связей», который объясняет, каким образом сотрудничество между наиболее квалифицированными и наименее квалифицированными людьми выгодно обоим сторонам при условии, что каждый человек совершает предпринимательское открытие и приходит к пониманию, что ему выгодно специализироваться на том виде деятельности, где он имеет большее *относительное*

означает, что процесс развития, если смотреть на него с высоты птичьего полета, подразумевает постоянное углубление, специализацию и детализацию знания, *которому, чтобы распространяться горизонтально, требуется постоянно растущее население*. Рост населения одновременно является следствием развития цивилизации и необходимым условием для него, так как возможности человеческого ума довольно ограничены и он не в состоянии воспроизвести огромный объем практической информации, что было бы необходимо в том случае, если бы постоянное создание людьми посредством предпринимательства новой информации не сопровождалось соответствующим ростом числа людей и человеческих умов. Рис. II-4 изображает процесс, посредством которого разделение практического и рассеянного знания углубляется и распространяется — процесс, который приводится в движение предпринимательством и представляет собой развитие общества⁵⁵.

Цифры на рис. II-4 обозначают различных людей. Буквы обозначают практическое знание, которое каждый из людей

сравнительное преимущество. Тем не менее даже здесь Мизесу не удается выкорчевать все остатки объективистской позиции, которая господствовала в теории закона разделения труда со времен Адама Смита. Только на с. 709 *Human Action* [Человеческая деятельность. С. 664] он упоминает *умственное разделение труда*, которые мы в нашей книге называем «разделением знания» или «разделением информации».

⁵⁵ Не будем забывать, что наглядно изобразить даже основные особенности социального процесса, двигателем которого является предпринимательство, процесса, который, по мнению Хайека, вероятно, представляет собой самую сложную структуру во Вселенной («Расширенный порядок — это, пожалуй, самая сложноорганизованная структура во Вселенной» (Hayek, *Fatal Conceit*, 127 [Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. С. 218]), почти невозможно. Этот «расширенный порядок общественного сотрудничества», который мы описывали в этой главе, в то же самое время является квинтэссенцией *стихийного*, эволюционного, абстрактного и незапланированного порядка. Хайек называет его «космосом» и противопоставляет намеренному, конструктивистскому или организованному порядку (таксису). См.: F. A. Hayek, *Law, Legislation and Liberty*, vol. 1, chap. 2 (Chicago: The University of Chicago Press, 1973), 35—55 [Хайек Ф. Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН, 2006. С. 53—72].

ет процесс, посредством которого практическое знание, необходимое для экономического развития, становится более глупым и более специализированным⁵⁶.

Творчество versus максимизация

Фундаментальный смысл предпринимательства, или человеческой деятельности, состоит не в оптимальном распределении данных средств относительно целей, которые являются данностью. Вместо этого, как мы уже видели, в процессе предпринимательства человек воспринимает, определяет и узнает цели и средства, то есть активно и творчески ищет и находит новые цели и средства. Соответственно, нам следует особенно критично подойти к тому неуклюжему и узкому представлению об экономической теории, которое восходит к Роббинсу и его известному определению этой дисциплины как науки, изучающей человеческое поведение с точки зрения соотношения между целями и ограниченными средствами, которые могут

⁵⁶ «Мы становились цивилизованными, поскольку увеличивалась наша численность, а развитие цивилизации в свою очередь делало возможным это увеличение: мы можем быть либо горсткой диких, либо множеством цивилизованных людей. Если бы численность человечества снизилась до той, какая была 10 тысяч лет назад, оно не смогло бы сохранить цивилизацию. В самом деле, даже если бы все накопленное знание сохранилось в библиотеках, людям от этого было бы мало проку: им не удалось бы заполнить все рабочие места, а без этого невозможна ни широкая специализация, ни разделение труда. В случае ядерной катастрофы все имеющееся в книгах знание не избавило бы десять тысяч человек, уцелевших в каком-нибудь тихом месте, от необходимости вернуться к жизни охотников и собирателей» (Ф. А. Найек, *The Fatal Conceit*, 133 [Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. С. 229]). Следовательно, тот процесс, который мы описали как великолепный и удивительный *большой взрыв*, основан на чрезвычайно важном феномене обратной связи: он обеспечивает потребности растущего населения, которое, в свою очередь, питает и создает еще более мощный импульс для социального развития и распространения социального *большого взрыва*, что заставляет процесс продолжаться. Итак, спустя тысячелетия мы, наконец, в состоянии объяснить научно и рационально библейскую заповедь книги Бытия (Быт 1, 28): «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею».

иметь различное употребление⁵⁷. Эта позиция подразумевает предсуществование знания о целях и средствах, и, таким образом, сводит проблемы экономической теории к *технической* проблеме простого распределения, максимизации и оптимизации. С точки зрения Роббинса и его последователей, человек — это автомат или карикатура на человека, способная лишь пассивно *реагировать* на события. Этой точке зрения противостоит позиция Мизеса, согласно которому человек является *homo agens* (человеком действующим) или *homo empresario* (человеком предпринимательским) даже в большей степени, чем *homo sapiens* (человеком разумным), потому что он действует. На самом деле человек не просто распределяет наличные средства в соответствии с данными целями, а постоянно находит новые цели и средства, извлекая уроки из прошлого и пользуясь своим воображением, чтобы обнуживать и шаг за шагом создавать будущее⁵⁸. На самом деле, как убедительно показал Кирцнер, даже те действия, которые на первый взгляд кажутся чисто максимизирующими или оптимизирующими, содержат в себе предпринимательский компонент, поскольку действующий субъект должен сначала осознать, что именно подход такого рода — автоматический, механический и пассивный — является в данном случае самым

⁵⁷ Lionel Robbins, *An Essay on the Nature and Significance of Economic Science* (London: Macmillan, 1972), 16. Роббинс, выражающий во вступлении к своей книге признательность Мизесу, демонстрирует, насколько плохо и неточно он усвоил теорию Мизеса. [Эта книга Роббинса была написана в 1932 г. (2-е изд. 1935). Л. фон Мизес впервые в полном виде сформулировал свою теорию в трактате *Nationalökonomie*, опубликованном в Женеве в 1940 г. — *Прим. науч. ред.*]

⁵⁸ В результате Мизес воспринимает экономическую теорию как часть более глобальной и более общей науки — общей теории человеческой деятельности, которую он называет *праксеологией*. См.: *Human Action*, Part 1, 11—200 [Мизес. Человеческая деятельность. Часть 1. С. 14—134]. В свою очередь, Хайек пишет, что если для новой науки, возникающей по мере расширения наших взглядов на экономическую теорию, «необходимо название, то наиболее подходящим представляется термин “праксеологические” науки... широко применяемый четко его определившим Л. фон Мизесом» (F. A. Hayek, *The Counter-Revolution of Science* (New York: Free Press of Glencoe, 1952), 209 [Хайек Ф. Контрреволюция науки. М.: ОГИ, 2003. С. 44 сн.]).

выгодным⁵⁹. Иными словами, концепция Роббинса представляет собой просто частный и относительно маловажный случай модели Мизеса, которая является более глубокой, более общей и гораздо лучше объясняет социальную реальность.

Заключение: наша концепция общества

В завершение мы определяем общество⁶⁰ как *процесс* (то есть динамическую структуру). Этот процесс: *стихийный* и, таким образом, у него нет сознательного «проектировщика»; *очень сложный*, так как он включает миллиарды людей с их бесконечно разнообразными целями, вкусами, оценками и практическими знаниями; *состоящий из человеческих взаимодействий* (по сути представляющих собой акты обмена, которые часто продуцируют денежные цены и всегда происходят в соответствии с определенными правилами, обычаями или нормами поведения). За всеми человеческими взаимодействиями такого рода стоит сила предпринимательства, постоянно *создающая, обнаруживающая и передающая* информацию по мере того, как она с помощью *конкуренции* корректирует и координирует противоречащие друг другу планы отдельных индивидов и дает им возможность *существовать* во все более разнообразной и сложной среде⁶¹.

⁵⁹ Israel M. Kirzner, *Discovery, Capitalism and Distributive Justice*, 36 ff. Кирцнер также подробно критикует неудачные попытки свести понятие предпринимательства к методологической схеме равновесия и неоклассической парадигме.

⁶⁰ Мы придерживаемся мнения, что в широком смысле концепции «общества» и «рынка» совпадают и, таким образом, данное определение «общества» полностью подходит для рынка. Более того, Словарь испанского языка Королевской Академии определяет «рынок» как «собрание людей» [*concurrencia de gente*], так что Королевская Академия, видимо, разделяет нашу точку зрения и тоже считает «общество» и «рынок» синонимами.

⁶¹ Экономическая наука должна сконцентрироваться именно на изучении описанного выше социального процесса. Хайек считает, что главная цель экономической теории — анализ того, как стихийный социальный порядок позволяет нам использовать преимущества огромного объема практической информации, которая не доступна в консолидированной форме, а рассеяна в умах миллионов индивидов. Он придерживается мнения, что

3. Предпринимательство и концепция социализма

Как мы увидим далее, наше определение социализма основано на концепции предпринимательства, и, следовательно, было важно провести относительно подробный и глубокий анализ предпринимательства, что мы и сделали в этой главе. Действительно, в этой книге мы будем называть «социализмом» *любое институциональное ограничение, или агрессию, по отношению к свободному проявлению человеческой деятельности или предпринимательства*. Мы посвятим следующую главу тщательному анализу этого определения и всех следствий из него. Пока же мы просто отметим, что очень часто институциональные ограничения или институциональное вмешательство возникают из *сознательного* желания улучшить процесс социальной координации и достичь определенных целей или рубежей. Иногда происхождение институциональной атаки социализма на человеческую деятельность может восходить к традиции или истории, как, например, в некоторых докапиталистических обществах с кастовой системой. Однако социализм как современный феномен, вне зависимости от его конкретного типа, возникает как сознательная попытка достичь с помощью институционального принуждения следующих целей: «усовершенствования» общества, повышения эффективности его развития и функционирования, а также достижения конкретных целей, которые счита-

экономическая теория должна изучать динамический процесс, посредством которого обнаруживается и передается информация, процесс, постоянно приводящийся в движение предпринимательством, который стремится корректировать и координировать индивидуальные планы и тем самым делает возможной жизнь в обществе. Это и только это является фундаментальной проблемой экономической теории, и, соответственно, Хайек чрезвычайно критически относится к исследованиям равновесия. Он считает, что они не представляют научного интереса, поскольку основаны на презумпции того, что вся информация дана и, следовательно, фундаментальная проблема экономической теории уже решена. См.: Hayek, “Economics and Knowledge” и “The Use of Knowledge in Society” in *Individualism and Economic Order*, 51 и 91 [«Экономическая теория и знание» и «Использование знания в обществе» в кн.: Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф; Начала-фонд, 2000. С. 66 и 101].

ются «справедливыми». Таким образом, предложенное выше определение социализма можно дополнить следующим образом: *социализм это любая система институционального ограничения или вмешательства по отношению к свободному осуществлению человеческой деятельности или предпринимательства, которую обычные люди, политики и ученые обычно оправдывают тем, что она способна улучшить функционирование общества и достичь некоторых целей, которые считаются благими*. Серьезное исследование социализма в указанном понимании требует *теоретического анализа* этого понятия и следствий из него, позволяющего выяснить, является или нет интеллектуальным заблуждением мнение, что можно улучшить систему социальной координации посредством институционального принуждения, которое всегда влечет за собой социализм. Необходимо также *эмпирическое исследование, или историческая интерпретация* различных примеров бытования социализма в реальности, интерпретация, которая должна дополнить и обогатить выводы теоретического анализа. Наконец, следовало бы провести аналитическое исследование в области *теории социальной этики*, для того чтобы выяснить, допустимо или нет с этической точки зрения подвергать агрессии наиболее сокровенную и существенную особенность человека: его способность к творческому действию. Как мы отмечали во введении, мы посвятим следующие главы книги подробному анализу первого из этих вопросов, оставив необходимые исторические и этические штудии будущим исследователям.

Глава III

СОЦИАЛИЗМ

Предыдущая глава была посвящена анализу концепции предпринимательства. Эту главу мы начнем с подробного объяснения природы социализма и того, как социализм препятствует возникновению необходимых для жизни в обществе координирующих тенденций. В частности, будет рассмотрено воздействие социализма на стимулы и на генерирование информации, а также порождаемую им девиантную вариацию предпринимательского процесса. Кроме того, мы объясним, в каком смысле социализм является интеллектуальным заблуждением и почему его сущность всегда неизменна, несмотря на то, что исторически он проявлялся в различных типах и формах, чьи основные характеристики мы попытаемся выделить. Глава завершается критическим анализом традиционных концепций социализма.

1. Определение социализма

Мы называем «социализмом» *любую систему институциональной агрессии против свободного проявления предпринимательства*. Под *агрессией* или *принуждением* мы имеем в виду любое физическое насилие или угрозу физического насилия, которые иницирует или предпринимает против действующего субъекта иное лицо или группа лиц. В результате такого *принуждения* человек, который в ином случае свободно проявлял бы предпринимательство, вынужден, чтобы избежать худшего зла, действовать не так, как он действовал бы свободно в подобных обстоятельствах, и, следовательно, менять собственное поведение и приспособлять его к целям лица или лиц, которые его принуждают¹. Агрессию в

¹ Словарь испанского языка Королевской Академии определяет слово «принуждение» (*coaccion*) как «силу или насилие, используемое для того, чтобы заставить кого-либо что-либо сделать»

указанном смысле можно рассматривать как в высшей степени *античеловеческую деятельность*. Причина в том, что принуждение (вмешательство, агрессия) не дает человеку свободно проявлять предпринимательство. Иными словами, если обратиться к определению из предыдущей главы, принуждение мешает человеку добиваться тех целей, которые он обнаруживает, и использовать для их достижения средства, которыми он, руководствуясь собственным мнением и основываясь на своих знаниях, располагает. Следовательно, агрессия — это зло, ведь оно не дает человеку заниматься самым главным, что делает его человеком, тем, что наиболее полно отвечает его сокровенной человеческой сути.

Агрессия бывает двух типов: систематическая, или институциональная, и несистематическая, или неинституциональная. Второй тип принуждения, рассредоточенный, произвольный и малопредсказуемый, воздействует на предпринимательство

[*la fuerza o violencia que se hace a una persona para que ejecute alguna cosa*]. Это слово восходит к латинскому *cogere*, заставлять, и к *coactionis*, которое относится к сбору налогов. О концепции принуждения и его воздействии на действующего субъекта см.: Ф. А. Хайек, *The Constitution of Liberty* (reprint, London: Routledge, 1990), esp. 20—21. В свою очередь, Мюррей Ротбард определяет «агрессию» следующим образом: «Агрессия определяется как инициирование физического насилия или выражение угрозы его применения против человека или чужой собственности» (Murray N. Rothbard, *For a New Liberty* [New York: Macmillan Publishing, 1973], 8). Существует три типа принуждения или агрессии: *аугустическое*, *двустороннее* и *трехстороннее*. Аугустическая агрессия означает, что приказ отдается только одному субъекту и меняет его поведение, но никак не влияет на взаимодействие между ним и другими людьми. В случаях двусторонней агрессии орган власти использует по отношению к действующему субъекту принуждение, чтобы получить от него что-то против его воли; то есть орган власти насильственно меняет в свою пользу условия обмена между собой и подвергающимся принуждению действующим субъектом. Трехстороннее принуждение происходит, когда целью приказа и принуждения со стороны органа власти является насильственный обмен между двумя разными действующими субъектами. Эта система классификации заимствована из книги Мюррея Ротбарда: Murray N. Rothbard, *Power and Market: Government and the Economy*, 2nd ed. (Menlo Park, California: Institute for Humane Studies, 1970), 9, 10 [Ротбард М. Власть и рынок: государство и экономика. Челябинск: Социум, 2008. С. 18].

тогда, когда человек считает более или менее вероятным, что в ходе конкретной деятельности он будет подвергнут принуждению третьей стороной, которая даже, возможно, насильно отнимет у него продукт его предпринимательского *творчества*. В то время как в зависимости от обстоятельств результат несистематических вспышек агрессии по отношению к согласованному осуществлению человеческого взаимодействия может быть более или менее серьезен, *институциональная или систематическая* агрессия, которая является ядром нашего определения социализма, оказывает гораздо более вредное влияние, если такое возможно. Действительно, институциональное принуждение носит высокопредсказуемый, повторяющийся, методичный и организованный характер².

² Конечно, мы не относим к институциональной агрессии (вмешательству) тот минимальный уровень институционального принуждения, который необходим для предотвращения и исправления последствий неинституциональной (несистематической), произвольной агрессии. Даже сам неинституциональный агрессор одобряет существование этого минимального уровня институционального принуждения — разумеется, не по отношению к его личной несистематической агрессии — и желает мирно пользоваться его преимуществами. Решение, в котором нуждается каждое общество, пытающееся избежать несистематической и неинституциональной агрессии и исправить ее последствия, требует развития этической теории прав собственности. Такая теория должна основываться на идее, что человек является законным собственником всех плодов своей предпринимательской активности, если он осуществлял ее, не прибегая к агрессии или принуждению по отношению к кому-либо другому. Мы рассматриваем как социализм любое расширение сферы систематического принуждения за пределы минимума, необходимого для защиты правых институтов, определяющих и регулирующих права собственности. Наиболее типичной организацией, использующей систематическое, или институциональное, принуждение, является государство, и в этом смысле во всех случаях, когда минимальный уровень принуждения, необходимый для предотвращения и ликвидации несистематической агрессии, превышен, государство и социализм становятся непосредственно связанными понятиями. Здесь неподходящее место для изложения различных аргументов, высказанных в дискуссиях между либертарианцами разного толка: защитниками строго ограниченной роли государства, с одной стороны, и сторонниками анархокапитализма — с другой. Тем не менее следует отметить, что анархокапиталисты утверждают,

что утопично ожидать от организации, обладающей монополией на насилие, успешного самоограничения, — и действительно, все исторические попытки ограничить государственную власть описанным выше минимумом провалились. (По этой причине теоретики анархокапитализма предлагают систему конкурирующих организаций с добровольным членством, которые взялись бы за задачу определения и защиты прав собственности, а также за дело предупреждения преступности и борьбы с ней.) Кроме того, если строго ограниченное государство принудительно финансируется за счет налогов, то есть за счет систематического насилия по отношению к гражданам и их свободе действий в том, что касается определения и защиты прав собственности, то и строго ограниченное государство можно назвать социалистическим в строгом значении этого термина. В свою очередь, защитники ограниченного государства утверждают, что различные частные охранные агентства будут вынуждены договариваться об общих принципах и общей организации, и, таким образом, де-факто государство неизбежно возникнет вновь, как результат процесса развития общества. О содержательной стороне этой стимулирующей дискуссии см., в частности: David Friedman, *The Machinery of Freedom* (Illinois: Open Court, 1989); Murray N. Rothbard, *For a New Liberty* (New York: Macmillan, 1973), *The Ethics of Liberty* (New Jersey: Humanities Press, 1982), chap. 23; Robert Nozick, *Anarchy, State and Utopia* (New York: Basic Books, 1974) [Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН, 2008]. Хайек не высказывался определенно о шансах на то, что в будущем возникнет анархокапиталистическая система. Он упоминает о том, что процесс социального развития еще ни разу не приводил к безгосударственному обществу. Затем он пишет, что, с другой стороны, эволюционный процесс социального развития еще не дошел до конца, и поэтому сегодня нельзя знать, что произойдет в будущем: исчезнет ли государство, став печальной и темной исторической реликвией, или же выживет, но в минимальной форме, и власть его будет строго ограничена. (Он исключает возможность долгосрочного выживания интервенционистского государства или государства реального социализма, в силу теоретической невозможности обеих этих моделей.) См.: *The Fatal Conceit: The Errors of Socialism* [Хайек. пагубная самонадеянность: Ошибки социализма]. В свою очередь, Иоанн Павел II (*Centesimus Annus*, chap. 5, section 48 [1991]), отмечает, что главная обязанность государства — гарантировать людям личную свободу и защиту собственности, «чтобы те, кто трудится, производит, могли пользоваться плодами своего труда, а потому работали хорошо и честно». Он добавляет, что государству следует вмешиваться только в чрезвычайных обстоятельствах, что

1. Определение социализма

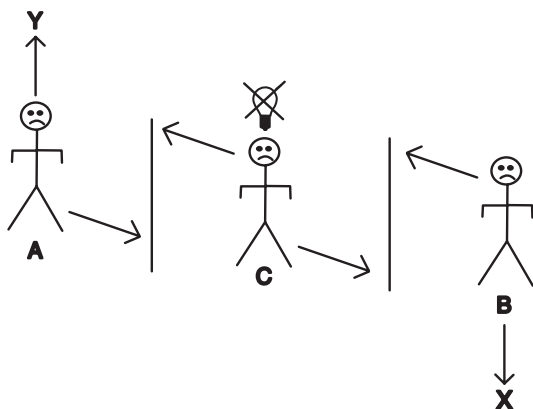

Рис. III-1

Главное последствие систематической агрессии против предпринимательства состоит в том, что она существенно мешает предпринимательской деятельности, а также извращает сущность предпринимательства во всех общественных сферах, где принуждение оказывает большое воздействие.

Предположим, что на рис. III-1 свободной человеческой деятельности *C* по отношению к *A* и *B* в конкретной сфере социальной жизни систематически и организовано препятствуют путем принуждения. Мы обозначили это вертикальными линиями, отделяющими *C* от *A* и *B*. Систематическое принуждение представляет собой серьезную угрозу, и вследствие этого *C* больше не в состоянии обнаружить и использовать возможность прибыли — в отличие от того, что было бы, если бы он мог свободно взаимодействовать с *B* и *A*. Очень важно ясно понимать, что агрессия не только препятствует людям пользоваться прибыльными возможностями; она исключает даже

вмешательство должно быть временным, и что следует уважать принцип субсидиарности в отношении гражданского общества. Наконец, необходимо упомянуть о том, что во многих обществах систематическая агрессия совершается не только непосредственно государством; во многих сферах, при общности и с согласия государства, агрессия такого типа осуществляется группами и ассоциациями, которые, как например, профсоюзы, на практике пользуются «привилегией» безнаказанного использования систематического насилия против остального населения.

*саму возможность их обнаружить*³. Как мы объяснили в предыдущей главе, вероятность получить прибыль стимулирует человека к поиску возможностей. Следовательно, если в какой-то сфере социальной жизни имеет место систематическое принуждение, то люди обычно приспосабливаются к этому, считают такое положение данностью, и, соответственно, в данной сфере в принципе не создают, не находят и не замечают возможностей получить прибыль. Чтобы показать это на нашей схеме, мы перечеркиваем лампочку, обозначающую творческий акт чистого предпринимательского открытия.

Чисто логически, если агрессия состоит в систематическом использовании насилия в какой-либо социальной сфере и если в результате люди не могут проявлять в ней предпринимательство, то не возникнет ни одного из изученных нами типичных последствий предпринимательского акта. Во-первых, новая информация не будет создана и передана от человека к человеку, а во-вторых, в случаях отсутствия социальной координации не будет происходить необходимое приспособление. (Второе из этих последствий гораздо опаснее первого.) Действительно, если у людей не будет возможности свободно использовать возможности для получения прибыли, у них не будет и стимула находить ситуации социальной рассогласованности или отсутствия координации. Короче говоря, информация не будет создаваться и не будет распространяться, а индивиды не будут учиться приспосабливать свое поведение к поведению других людей.

Таким образом, на рис. III-1 мы видим, что отсутствие у *C* условий для предпринимательства поддерживает систему в состоянии перманентной разбалансированности: *A* не может преследовать цель *Y*, потому что у него нет ресурса, который есть у *B*, но совсем ему не нужен; а *B*, не зная, что *A* существует и остро нуждается в ресурсе, тратит его впустую. На основании нашего анализа можно сделать вывод, что главное последствие социализма, как мы его определили, состоит в сдерживании действия координирующих сил, которые делают возможной

³ «Ведь в самом деле, там, где интересы личности насильственно подавлены, их заменяет *обременительная система бюрократического контроля, иссушающая источники инициативы и творческой деятельности*» (John Paul II, *Centesimus Annus*, chap. 3, section 25, paragraph 3 [1991]).

жизнь в обществе. Означает ли это, что сторонники социализма борются за хаотическое и беспорядочное общество? Совсем наоборот. За редкими исключениями, защитники социалистического идеала отстаивают его потому, что они явно или неявно считают (или предполагают), что система социальной координации не только не будет повреждена институциональной, или систематической, агрессией, к которой они призывают, но, напротив, что эта система станет гораздо более эффективной, поскольку систематическое принуждение будет осуществляться *органом власти*, чьи оценки и знания (в отношении целей и средств) и в количественном, и в качественном отношении значительно превосходят те, на которые способны жертвы принуждения на индивидуальном уровне. Теперь мы можем дополнить определение социализма, сформулированное в начале раздела: *Социализм — это любое систематическое или институциональное принуждение или агрессия, которое ограничивает свободное осуществление предпринимательства в какой-либо социальной сфере и осуществляется органом власти, отвечающим за обеспечение необходимой социальной координации в этой сфере*. В следующем разделе мы выясним, в какой степени социализм в нашем понимании является (или не является) интеллектуальным заблуждением.

2. Социализм как интеллектуальная ошибка

В предыдущей главе мы видели, что социальная жизнь возможна благодаря тому, что отдельные люди, стихийно и не осознавая этого, обучаются подстраивать свое поведение к потребностям других. Этот бессознательный процесс обучения естественно возникает в ходе осуществления человеком предпринимательской деятельности. Итак, по мере того как человек взаимодействует с другими людьми, он спонтанно инициирует процесс корректировки или координации, в ходе которого новая, неявная, практическая и рассеянная информация постоянно создается, открывается и распространяется между людьми. Мы знаем, что социализм состоит в основном из институциональной агрессии против свободы человеческой деятельности и предпринимательства. Поэтому вопрос, который ставит социализм, таков: может ли в принципе механизм принуждения инициировать процесс, который корректирует

и координирует поведение разных людей и является ключевым для функционирования жизни в обществе; и может ли он запустить такой процесс в среде, где люди постоянно находят и создают новую практическую информацию, которая обеспечивает развитие цивилизации? Идеал социализма дерзок и честолюбив⁴, поскольку включает не просто утверждение о том, что механизм социальной координации и коррекции возможно запустить с помощью органа власти, применяющего институциональное принуждение в соответствующей сфере, но и представление о том, что эта принудительная процедура может привести к более высокому уровню координации.

Рис. III-2 иллюстрирует наше определение социализма. На «нижнем» уровне изображенной на нем схемы мы находим людей, которые обладают практическим знанием или информацией и, следовательно, пытаются свободно взаимодействовать друг с другом, несмотря на то, что в некоторых сферах институциональное принуждение препятствует их взаимодействию. Мы изображаем это принуждение с помощью вертикальных линий, которые отделяют друг от друга человек в каждой группе из трех членов. На «высшем» уровне нарисован орган власти, который осуществляет институциональное принуждение в некоторых сферах социальной жизни⁵.

⁴ Людвиг фон Мизес писал: «Идея социализма в одно и то же время и грандиозна, и проста... Можно сказать, что это одно из самых дерзких созданий человеческого духа... это затея настолько величественная, настолько отважная, что она вполне заслуженно вызвала величайшее восхищение. Мы должны победить социализм, нельзя беззаботно от него отмахнуться, если мы намерены спасти мир от нового варварства» (Mises, *Socialism: An Economic and Sociological Analysis* (Indianapolis: Liberty Classics, 1981), 41 [Мизес Л. фон. Социализм: экономический и социологический анализ. М.: Catallaxy, 1994. С. 39]).

⁵ Ту же самую терминологию использует Иоанн Павел II в своей энциклике *Centesimus Annus*, где, в контексте критики «социальной помощи» или социального государства, он пишет: «сообщество более высокого порядка не должно вмешиваться во внутреннюю жизнь сообщества более низкого порядка, присваивая его функции». — *Centesimus Annus*, chap. 5, section 48, paragraph 4 [1991]). Типичное принуждение высокого порядка может осуществлять один-единственный человек, но обычно это группа людей, действующих организованно, хотя и не обязательно последовательно. В обоих случаях принуждение

Вертикальные стрелки, идущие от человечков нижнего уровня и направленные вверх и вниз, указывают на наличие несогласованных личных планов, которое является типичным признаком отсутствия социальной координации. Эти случаи отсутствия координации невозможно обнаружить и устранить с помощью предпринимательства из-за барьеров, воздвигнутых институциональным принуждением. Стрелочки, идущие от головы «высшего» человечка к каждому из человечков нижнего уровня, обозначают *приказы*, воплощающие типичную для социализма институциональную агрессию и предназначенные для того, чтобы заставить граждан согласованно действовать ради достижения цели *F*, которую *орган власти* считает «справедливой».

Под *приказом* понимается любое специфическое указание или правило, которое, хотя и напоминает формально правовую норму, запрещает, приказывает или заставляет людей выполнять определенные действия в конкретных обстоятельствах. Приказ характеризуется тем, что он запрещает людям свободно заниматься предпринимательством в данной социальной сфере. Кроме того, приказы представляют собой сознательные произведения властного органа, применяющего институциональное принуждение; они предназначены для того, чтобы принудить всех людей реализовывать не свои собственные цели, а цели властей⁶.

применяет очень небольшое количество людей по сравнению с количеством тех, кто подвергается принуждению (социальные группы низшего порядка).

⁶ Ф. А. Хайек противопоставляет приказу материальное право, которое можно определить как абстрактную норму, которая имеет общее содержание и в равной степени распространяется на всех людей без учета их конкретных обстоятельств. В отличие от того, что мы говорили о приказах, *закон* устанавливает рамку, внутри которой каждый человек может создавать и находить новое знание, а также пользоваться его преимуществами по мере того, как он продвигается к своим личным целям, сотрудничая с другими; и если он соблюдает закон, то не имеет значения, в чем состоят его цели. Кроме того, *законы*, в отличие от приказов, не являются сознательными произведениями человеческого разума — они происходят из *обычаев*. Иными словами, это институты, которые развивались в течение очень долгого периода времени с помощью многих отдельных людей, каждый из которых своим поведением участвовал в передаче другим своего собственного маленького

Социализм представляет собой интеллектуальное заблуждение потому, что теоретически невозможно, чтобы орган, отвечающий за осуществление институциональной агрессии, получил доступ к информации, достаточной для того, чтобы отдавать приказы, способные координировать жизнь общества. Этот простой довод, который мы рассмотрим довольно подробно, можно развивать с двух разных, но дополняющих друг друга, точек зрения: во-первых, с точки зрения группы человеческих существ, которые составляют общество и подвергаются принуждению; во-вторых, с точки зрения органа принуждения, систематически осуществляющего агрессию. Сейчас мы проанализируем проблемы социализма с каждой из этих двух точек зрения.

3. Невозможность социализма с точки зрения общества

«Статический» аргумент

Каждый из взаимодействующих друг с другом людей, образующих общество («нижний» уровень на рис. III-2), обладает несколькими битами эксклюзивной, практической, рассеянной информации, которая по большей части неявная, так что ее нельзя выразить словами (артикулировать). Следовательно, передать эту информацию органу власти («высшему» уровню на рис. III-2) *логически невозможно*. Общий объем всей практической информации, существующей в рассеянном виде на индивидуальном уровне и используемой всеми людьми, настолько велик, что невозможно представить себе, чтобы орган власти смог сознательно овладеть ею. Кроме того, что гораздо важнее, эта информация рассеяна по умам всех людей

запаса опыта и информации. Эту очевидную разницу между законом и приказами часто не замечают из-за изменений в государственном законодательстве, которое состоит по большей части из приказов, введенных в действие под названием законов. См.: F. A. Hayek, *The Constitution of Liberty* (Chicago: University of Chicago Press, 1959), chap. 10 [Хайек Ф. Конституция свободы. М.: Новое издательство, 2008. Гл. 10]. В табл. III-1 показывается, каким образом социализм извращает закон и справедливость, подменяя их произвольными приказами.

3. Невозможность социализма с точки зрения общества

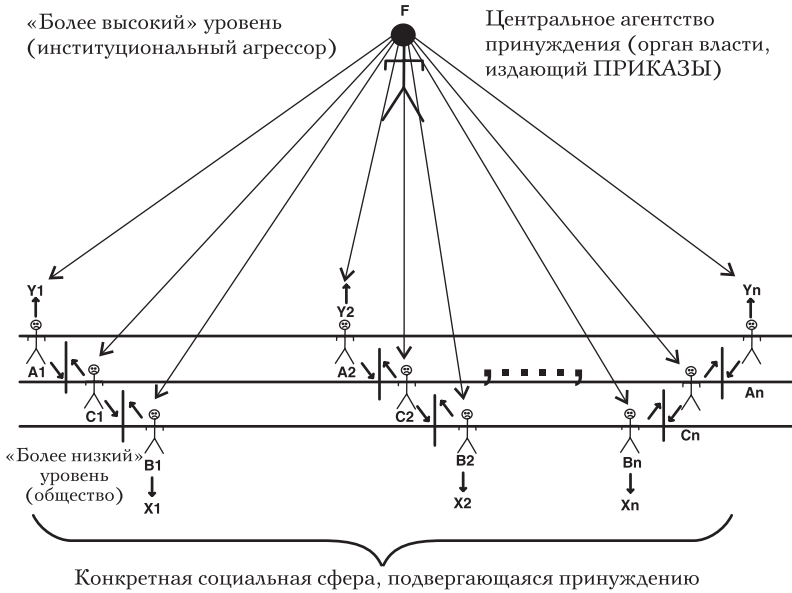

Рис. III-2

в форме неявного знания, которое невозможно заключить в слова, и, следовательно, *его нельзя выразить формально или явным образом передать какому-либо правительственному органу.*

В предыдущей главе мы видели, что действующие в обществе субъекты создают и передают значимую для жизни общества информацию неявным образом, децентрализованно и в рассеянном виде; иными словами, они делают это бессознательно и ненамеренно. Различные субъекты деятельности действительно *обучаются* согласовывать свое поведение с интересами других, но они не осознают этого, как и того, что они сами играют ключевую роль в процессе обучения: они просто считают, что действуют, то есть пытаются достичь своих собственных, частных целей, используя те средства, которыми, по их мнению, они располагают. Следовательно, знание, о котором идет речь, доступно только людям, действующим в обществе, и по своей природе оно таково, что его нельзя явным образом передать централизованному органу принуждения. Поскольку это знание необходимо для социальной координации различных индивидуальных моделей поведения, дела-

ющей возможным существование общества, и поскольку его нельзя выразить и соответственно нельзя передать органу власти, мнение о том, что социалистическая система работоспособна, с точки зрения логики абсурдно⁷.

«Динамический» аргумент

Социализм невозможен не только потому, что информация, которой обладает действующий человек, по своей природе не поддается эксплицитной передаче, но и потому, что с дина-

⁷ Хайек пишет: «Это означает, что рынок находит применение личным знаниям и умениям, образующим всегда уникальные в том или ином отношении индивидуальные сочетания и основанным не только и даже не столько на усвоении таких фактов, которые можно было бы перечислить и сообщить по требованию некоей власти. Знание, о котором говорю я, связано скорее со способностью разбираться в конкретных деталях и обстоятельствах; оно обретает действительность только тогда, когда рынок информирует обладателей подобного знания, в каких товарах и услугах ощущается потребность и насколько она настоятельна» (Хайек, "Competition as a Discovery Procedure" (1968) in *New Studies in Philosophy, Politics, Economics and the History of Ideas* [London: Routledge and Kegan Paul, 1978], 182 [Хайек Ф. Конкуренция как процедура открытия // *Мировая экономика и международные отношения*. 1989. №12]). Кроме того, на с. 51 второй главы первого тома (под названием «Правила и порядок») книги F. A. Hayek, *Law, Legislation and Liberty* (Chicago: University of Chicago Press, 1973) [Хайек. Право, законодательство и свобода. С. 69], читаем: «В этом и состоит суть доводов против *вмешательства* или *вторжения* в рыночный порядок. Изолированные приказы, требующие от субъектов стихийного порядка выполнения определенных действий, не только не способны улучшить, но, напротив, неизбежно должны разрушить этот порядок по той причине, что *они относятся к части системы независимых действий, направляемых информацией и целями, которые известны только нескольким действующим лицам, но не властям*. Стихийный порядок возникает в результате того, что каждый элемент [этого порядка] осуществляет уравнивание действующих на него сил и *согласовывает друг с другом все свои действия*; однако если некоторые действия станут направляться другой силой, которая стремится к *иным целям и учитывает иные знания, этот баланс неизбежно будет разрушен*» (курсив мой. — У. де С.).

3. Невозможность социализма с точки зрения общества

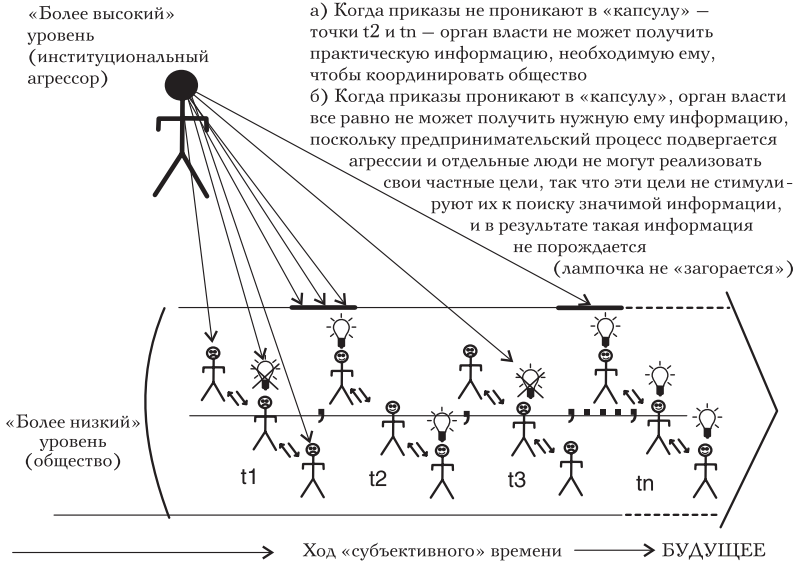

Рис. III-3

мической точки зрения, когда люди занимаются предпринимательством, то есть действуют, они постоянно *создают и открывают* новую информацию. Кроме того, вряд ли можно передать органу власти информацию или знание, которые *еще не созданы*, а возникают постепенно в ходе самого социального процесса, если этому процессу не мешают.

На рис. III-3 изображены действующие субъекты, создающие и находящие новую информацию в ходе социального процесса. По мере того, как идет *время* (*время* в субъективном смысле, по Бергсону), те, кто занимается предпринимательством, взаимодействуя с другими людьми, непрерывно обнаруживают новые возможности для получения прибыли, которыми они стремятся воспользоваться. В результате информация, которой владеет каждый из них, постоянно меняется. На рисунке это изображено с помощью разных *лампочек*, зажигающихся по мере того, как проходит время. Ясно, что орган власти в принципе не может получить информацию, необходимую ему для координирования общества посредством приказов, не только потому, что эта информация рассеянная, эксклюзивная и не поддающаяся вербализации, но и потому, что она постоянно меняется и возникает *ex nihilo*, по мере того как

проходит время и действующие субъекты свободно проявляют предпринимательство. Кроме того, вряд ли было бы возможно передать органу власти информацию, которая всегда оставалась бы необходимой для управления обществом, в случаях, когда эта информация еще не была создана предпринимательским процессом или — в случае институционального принуждения — когда она в принципе не может быть создана.

Например, когда утро предвещает перемену погоды, фермер *понимает*, что ему следует изменить свои планы в том, что касается конкретных дел, которые он собирался сделать *в этот день*, хотя и не может формально изложить причины своего решения. Поэтому фермер не смог бы передать эту информацию, плод многих лет опыта и труда на ферме гипотетическому органу власти (например, столичному Министерству сельского хозяйства) и ожидать от него указаний. То же самое относится к любому другому человеку, который занимается предпринимательством в конкретной сфере и решает, инвестировать ему или нет в конкретную компанию или в конкретную отрасль, покупать или нет конкретные акции или ценные бумаги, нанимать или нет конкретных людей на работу и т.п. Таким образом, можно рассматривать практическую информацию как, так сказать, *герметичную*, в том смысле, что она недоступна для высшей власти, осуществляющей институциональное вмешательство. Кроме того, эта информация постоянно меняется и возникает в новых формах, по мере того как люди шаг за шагом создают будущее.

Наконец, вспомним, что, чем продолжительнее и действеннее социалистическое принуждение, тем сильнее оно будет препятствовать свободному достижению личных целей, то есть не будет позволять этим целям служить стимулами, а людям — находить или создавать в ходе предпринимательского процесса практическую информацию, необходимую для координирования общества. Итак, перед властным органом неизбежно встает дилемма. Ему необходима информация, которую порождает социальный процесс, но он в принципе не в состоянии получить ее: если орган власти вмешивается в этот процесс, он разрушает способность процесса создавать информацию; а если не вмешивается, он все равно не получает никакой информации.

Итак, можно сделать вывод, что с точки зрения социального процесса социализм представляет собой интеллектуальное заблуждение, поскольку орган власти, отвечающий за вмеша-

тельство посредством приказов, в принципе не может получить информацию, необходимую, чтобы добиться координации в обществе. Он не может этого сделать по следующим причинам: *во-первых*, орган принуждения не в состоянии сознательно усвоить тот огромный объем практической информации, который рассеян в умах людей. *Во-вторых*, поскольку необходимая информация по своей природе является неявной и не может быть выражена словами, ее невозможно передать центральной власти. *В-третьих*, невозможно передать информацию, которую люди еще не обнаружили и не создали, информацию, которая возникает только в процессе свободного проявления предпринимательства. *В-четвертых*, использование принуждения препятствует тому, чтобы предпринимательский процесс вызывал открытие и создание информации, необходимой для поддержания координации в обществе.

4. Невозможность социализма с точки зрения органа власти

С точки зрения того, что на наших рисунках фигурирует как «высший» уровень, то есть лицо или более или менее организованная группа лиц, осуществляющие систематическую институциональную агрессию против свободного осуществления предпринимательства, можно сделать ряд замечаний, даже в большей степени, чем предыдущие, если такое возможно, подтверждающих вывод о том, что социализм представляет собой просто интеллектуальную ошибку.

Допустим для начала в порядке дискуссии, как это делает Мизес⁸, что властный организм (будь то диктатор, военный лидер, элита, группа ученых или интеллектуалов, министерство, группа представителей, демократически избранных «народом», или любое сочетание любого уровня сложности всех или некоторых из этих элементов) обладает максимальными техническими и интеллектуальными возможностями, опытом и мудростью, а также исполнен наилучших намерений (правда, вскоре мы увидим, что действительность не соответствует этому допущению, и узнаем, почему). Однако, веро-

⁸ Ludwig von Mises, *Human Action*, 696 [Мизес. Человеческая деятельность. С. 653].

ятно, мы не можем предположить, что орган власти обладает сверхчеловеческими способностями и конкретно даром *всеведения*, то есть способностью одновременно собирать, усваивать и истолковывать всю рассеянную, эксклюзивную информацию, существующую в умах каждого из действующих в обществе людей, информацию, которую эти люди постоянно генерируют *ex novo*⁹. Истина в том, что управляющий орган, который иногда называют центральным или отраслевым плановым органом, чаще всего не обладает рассеянным знанием, существующим в умах всех тех людей, которые потенциально являются объектами его приказов, или имеет об этом чрезвы-

⁹ Что такое справедливая, или математическая цена вещей? Изучив этот вопрос, испанские схоласты XVI—XVII вв. пришли к выводу, что *справедливая цена* зависит от такого количества *конкретных обстоятельств*, что ее может знать только Господь, и что, соответственно, для целей человека справедливой ценой является цена, стихийно установленная в ходе социального процесса, иными словами, рыночная цена. Ту же точку зрения выражает Иоанн Павел II в энциклике *Centesimus Annus* (chap. 4, section 32 [1991]), где он пишет, что справедлива та цена, о которой люди «свободно договорились». Возможно, в самом фундаменте социализма лежит скрытое атавистическое желание человека уподобиться Богу, или, выражаясь более корректно, *повернуть в то, что он — Бог*, и соответственно, волен использовать гораздо больший запас информации, чем по силам человеку. Поэтому иезуит кардинал Хуан де Луго (1583—1660) писал: *pretium iustum mathematicum, licet soli Deo notum* (точную математическую цену позволено знать только Господу). См.: Juan de Lugo, *Disputationes de iustitia et iure*, Lyon 1643, volume 2, D. 26, S. 4, N. 40. В свою очередь Хуан де Салас, также иезуит и профессор философии и теологии в разных университетах Испании и в Риме, соглашался с Хуаном де Луго, когда говорил по поводу возможности узнать справедливую цену: *quas exacte comprehendere et ponderare Dei est, non hominum* (постичь и измерить ее в точности — дело Господа, а не человека; *Commentarii in Secundam Secundae D. Thomas de Contractibus*, Lyon 1617, Tr. Empt. et Vend., IV, number 6, p. 9). Другие интересные цитаты испанских схоластов приведены в: F. A. Hayek, *Law, Legislation and Liberty*, vol. 2, 178, 179 [Хайек. Право, законодательство и свобода. С. 567—568]. Великолепный обзор вклада испанских схоластов XVI—XVII века в экономическую теорию см.: Murray N. Rothbard, “New Light on the Prehistory of the Austrian School,” in *The Foundations of Modern Austrian Economics* (Kansas City: Sheed and Ward, 1976), 52—74.

чайно смутные представления. Поэтому вероятность того, что плановый орган узнает, что и как искать, а также, где найти фрагменты рассеянной информации, которая порождается в ходе социального процесса и так отчаянно нужна ему, чтобы контролировать и координировать процесс, практически равна нулю.

Кроме того, орган принуждения не может не состоять из людей из плоти и крови со всеми их пороками и добродетелями, из людей, которые, как и все остальные действующие субъекты, имеют личные цели, работающие как стимулы, которые побуждают их находить информацию, значимую для них в контексте их частных интересов. Следовательно, очень вероятно, что те, из кого состоит орган власти, обладают хорошо развитой предпринимательской интуицией, и, следовательно, в этом случае они будут реализовывать свои собственные цели и интересы, создавая информацию и опыт, необходимые им, например, для того, чтобы оставаться у власти всю жизнь, оправдывать собственные действия перед собой и другими и рационализировать их, использовать принуждение все более изощренными и эффективными способами, преподносить свою агрессию гражданам как нечто неизбежное и правильное и т.п. Иными словами, хотя в начале мы предположили, что власти руководствуются наилучшими побуждениями, в стандартной ситуации указанные выше стимулы будут наиболее типичны и будут господствовать над остальными, особенно интерес к важной и конкретной практической информации, которая всегда существует в обществе в рассеянном виде и которая необходима для того, чтобы заставить общество действовать согласованно с помощью приказов. Специфичность этих стимулов будет мешать властям осознать уровень своего неизбежного неведения, и они будут все больше и больше погружаться в процесс, постепенно отдаляющий их от той самой социальной реальности, которую они пытаются контролировать.

Кроме того, руководящий орган будет неспособен производить *экономический расчет*¹⁰ в том смысле, что, вне зави-

¹⁰ В 1920 г. Мизес сделал оригинальное и блестящее открытие, когда привлек внимание коллег к невозможности экономического расчета в отсутствие рассеянной практической информации и знания, которые способен генерировать только свободный ры-

симости от их целей (допустим даже, что они чрезвычайно «гуманны» и «моральны»), у властей не будет никакого способа узнать, как издержки реализации этих целей соотносятся с той субъективной ценностью, которую они им приписывают. Издержки — это просто субъективная ценность для действующего человека того, от чего он отказывается, когда он действует ради достижения какой-либо конкретной цели. Ясно, что орган власти не может получить знания или информации, необходимых ему, чтобы понять те издержки, которые он несет, с точки зрения своей собственной шкалы ценностей, потому что информация о конкретных обстоятельствах времени и места, необходимая для оценки издержек, рассеяна по умам всех людей, которые составляют социальный процесс и подвергаются принуждению со стороны (демократически избранного или иного) органа власти, ответственного за осуществление систематической агрессии против общества.

Если называть *ответственным* действие, которое совершает тот, кто, основываясь на приблизительном экономическом расчете, осознает издержки этого действия, то можно сделать вывод, что руководящая обществом власть, вне зависимости от ее структуры, способа рекрутирования и ценностных представлений, будет действовать безответственно, так как она не в состоянии *увидеть* собственные издержки и оценить их. Здесь возникает неразрешимый *парадокс*: чем больше орган власти настаивает на планировании и контроле применительно к какой-либо области социальной жизни, тем менее

нок. См.: Mises, “Die Wirtschaftsrechnung im sozialistischen Gemeinwesen” in *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, vol. 47, 86—121. По-английски эта статья появилась под названием “Economic Calculation in the Socialist Commonwealth” in F. A. Hayek (ed.), *Collectivist Economic Planning* (Clifton: Augustus M. Kelley, 1975), 87—130. Свою главную мысль Мизес излагает на с. 102: «Распределение среди некоторого числа индивидов административного контроля над экономическими благами в сообществе людей, принимающих участие в производстве благ и экономически заинтересованных в них, *приводит к своего рода интеллектуальному разделению труда*, которое было бы невозможно в отсутствие системы расчета производства и в отсутствие экономики» (курсив мой. — *У. де С.*). Следующая глава будет полностью посвящена рассмотрению всех следствий из этого аргумента Мизеса и анализу возникновения последовавшей за этим дискуссии.

вероятно, что он достигнет своих целей, потому что не в силах получить информацию, необходимую для того, чтобы организовывать и координировать общество. На самом деле, в той степени, в какой власть успешно применяет принуждение и ограничивает предпринимательские возможности людей, она станет причиной новых, более тяжелых случаев рассогласованности и искажений¹¹. Следовательно, мы должны сделать вывод, что полагать, будто органы власти способны производить экономические расчеты по аналогии с тем, как их делает отдельно взятый предприниматель — грубая ошибка. Наоборот, чем выше ступень социалистической системы, тем больше необходимой для экономического расчета непосредственной и практической информации теряется: до такой степени, что расчет становится полностью невозможен. Орган институционального принуждения препятствует экономическому расчету именно тогда, когда он успешно вмешивается в свободную человеческую деятельность.

5. Почему компьютеризация не делает социализм возможным

Разные люди, не слишком хорошо понимающие особую природу знания, от которого зависит существование общества, часто утверждают, что необыкновенный прогресс в сфере компьютеризации может обеспечить — и в теоретическом, и в практическом отношении — функционирование социалистической системы. Однако, несложное теоретическое доказательство позволяет нам показать, что развитие компьютерных систем и

¹¹ «Парадокс планирования состоит в том, что оно не может состояться из-за отсутствия экономического расчета. То, что называется плановой экономикой, вообще не является экономикой. Это просто система блуждания в потемках. Здесь не стоит вопроса о рациональном выборе средств для максимально возможного достижения преследуемых целей. То, что называется осознанным планированием, представляет собой как раз устранение осознанной целенаправленной деятельности» (Ludwig von Mises, *Human Action*, 700—701 [Мизес. Человеческая деятельность. С. 656]). О парадоксе планирования и концепции ответственности см. раздел 6 этой главы.

увеличение их мощности *никогда не смогут компенсировать* внутренне присущее социализму неведение.

Наше доказательство основано на предположении, что выгода от развития компьютерных технологий будет доступна и органу власти, и различным индивидуальным действующим субъектам, принимающим участие в социальном процессе. Если это так, то в любых условиях, при которых люди осуществляют свою предпринимательскую деятельность, новые компьютерные инструменты, ставшие им доступными, в огромной степени увеличат их возможности создавать и открывать новую практическую информацию, рассеянную и неявную. И в качественном, и в количественном отношении произойдет колоссальный рост объема информации, которая будет генерироваться в процессе предпринимательства с помощью новых компьютерных инструментов, и эта информация будет становиться все более разнообразной и подробной, причем в степени, которую мы сегодня не можем представить себе на основании того знания, которым располагаем. Кроме того, с точки зрения логики, для органа власти будет все так же невозможно получить эту рассеянную информацию, *даже если он постоянно будет иметь в своем распоряжении самые современные, производительные и мощные компьютеры.*

Иными словами, значимое предпринимательское знание, порождаемое социальным процессом, всегда будет неявным и рассеянным, и, следовательно, его в принципе невозможно передать никакому органу власти, а развитие в будущем компьютерных систем лишь *еще сильнее обострит эту проблему* для власти, поскольку практическое знание, произведенное при помощи таких систем, будет становиться все более обширным, сложноорганизованным и разнообразным¹². Сле-

¹² Будет всегда существовать «лаг», или «качественный скачок», между тем уровнем сложности, который способен воспринимать орган власти со своим компьютерным оборудованием, и тем, который децентрализованно и стихийно создают социальные факторы, используя похожее оборудование (или по крайней мере оборудование того же поколения). У последних уровень сложности всегда будет несравненно выше. Вероятно, лучше всех это объяснил Майкл Полань, писавший: «Весь наш вербализуемый умственный багаж оказывается всего - навсего чрезвычайно эффективным набором инструментов для работы с теми нашими способностями, которые нельзя выразить словами. И мы не

5. Почему компьютеризация не делает социализм возможным

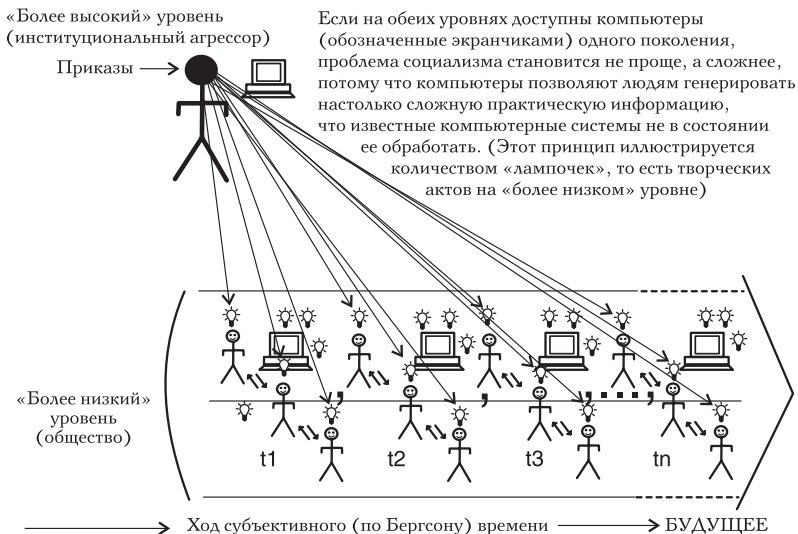

Рис. III-4

довательно, развитие компьютеров и компьютерных технологий не только не упрощает проблему социализма, но сильно осложняет ее, так как компьютеры дают действующим субъектам возможность предпринимательски создавать гораздо больший объем все более сложноорганизованной и подробной практической информации и данных, которые всегда будут более разнообразными и полными, чем те, которые способен обнаружить с помощью компьютеров орган власти. Рис. III-4 служит иллюстрацией этого доказательства.

Необходимо также отметить, что созданные человеком компьютеры и компьютерные программы никогда не будут способны действовать или заниматься предпринимательством; они никогда не будут способны создавать новую прак-

должны останавливаться перед выводом о том, что фактор неявного и личного знания преобладает также и в сфере эксплицитного знания, таким образом, отражая на всех уровнях первичную для человека способность приобретать знание и владеть им. ...Карты, графики, книги, формулы и т.п. представляют великолепные возможности для реструктуризации нашего знания с новых точек зрения. И такая реструктуризация, как правило, происходит неявно» (Michael Polanyi, *The Study of Man*, 24, 25). См. также доводы Ротбарда, которым посвящена сноска 84 в главе 6.

тическую информацию из ничего, находить и использовать новые, не замечавшиеся ранее возможности для получения прибыли¹³.

«Информация», хранящаяся в компьютерах, не является «познанной», то есть сознательно усвоенной и интерпретированной человеческими умами, ее нельзя превратить в практическую информацию, значимую с социальной точки зрения. «Информация, сохраненная» на диске компьютера или ином современном носителе информации, идентична «информации», заключенной в книгах, графиках, картах, газетах и журналах, — простых инструментах, используемых действующим человеком в контексте конкретных действий, которые важны для достижения его частных целей. Иными словами, «хранящаяся информация» не является «информацией» в нашем смысле слова, то есть важным практическим знанием, которое действующий человек знает, интерпретирует и использует в контексте конкретного действия.

Кроме того, компьютер в принципе не в состоянии обрабатывать ту практическую информацию, которая не существует, потому что в ходе предпринимательства ее еще не нашли и

¹³ Как утверждает Хайек, во мнении, что человеческий разум когда-либо будет способен объяснить сам себя и тем более будет способен воспроизвести собственную способность порождать новую информацию, также содержится логическое противоречие. Доказательство Хайека, изложенное нами в сноске 17 к главе 2, состоит в том, что порядок, представляющий собой некоторую категориальную систему, способен объяснить более простой порядок (представляющий собой более простую категориальную систему), но с точки зрения логики невозможно, чтобы он сам мог дать себе объяснение, воспроизвести себя самого или объяснить более сложный порядок. См. Ф. А. Хайек, *The Sensory Order*, 185—188. См. также в книге Роджера Пенроуза, цитировавшей в сноске 28 предыдущей главы, возражения Пенроуза против возможного создания в будущем искусственного интеллекта. Наконец, даже если в будущем будет успешно создана модель искусственного разума (что нам представляется невозможным по изложенным выше причинам), это будет просто означать создание новых «человеческих умов», которые будут включены в социальный процесс, усложнят его еще больше и еще больше отдалят его от социалистического идеала. (Этим наблюдением я обязан моему доброму другу Луису Рейгу Альбиолу.)

не открыли. Таким образом, для координации процесса социальной корректировки, осуществляемого с помощью приказов, компьютерные системы бесполезны; творческая природа человеческой деятельности — это единственный катализатор, способный активировать и поддерживать этот процесс. Компьютеры могут обрабатывать только ту информацию, которая уже была создана и явным образом сформулирована; несомненно, для действующего субъекта это очень полезный и мощный инструмент, но компьютеры неспособны создавать, открывать или замечать новые возможности извлечения прибыли, а это значит, что они не могут выступать в качестве предпринимателя. Компьютеры — это инструменты, находящиеся в распоряжении действующего субъекта, но они не действуют и никогда не будут действовать. Их можно использовать только для работы с *артикулированной, формализованной и объективной* информацией, а информация, значимая на социальном уровне, по большей части не может быть выражена словами (артикулирована) и всегда носит *субъективный* характер. Следовательно, компьютеры не просто неспособны создавать новую информацию; они в принципе неспособны обрабатывать уже созданную информацию, если она, как информация, порождаемая в ходе социальных процессов, по большей части не может быть выражена словами. Применительно к ситуации, изображенной на рис. II-2 это означает, что даже если *A* и *B* были бы способны формально и детально вербализовать информацию о тех отсутствовавших у них ресурсах, в которых они нуждались, чтобы реализовать свои цели, и даже если бы они каким-то образом могли передать эту информацию в гигантскую и чрезвычайно современную базу данных, то акт, посредством которого человеческий ум (ум *C*) осознает, что ресурс одного можно использовать для достижения целей другого, все равно представлял бы собой предпринимательский акт чистого творчества, субъективный по своей сути, акт, который невозможно приравнять к объективным и формализованным действиям машины. Чтобы компьютер мог работать четко и эффективно, он не только должен сначала получить формализованную информацию — кроме этого, кто-то должен его *запрограммировать*. Иными словами, предварительно необходимо подробно и формально определить условия для совершения действия примерно следующим образом: во всех тех случаях, когда человек обладает определенным количеством ресурса *R*, этот

ресурс будет использоваться человеком, преследующим цель X. Таким образом, очевидно, что *компьютерные системы способны исключительно на то, чтобы применять открытую ранее информацию к конкретным ситуациям*; они в принципе не в состоянии создать новую информацию в отношении тех ситуаций, которые еще не были обнаружены и в которых преобладает создание *ex novo* субъективной, неявной и рассеянной информации, типичной для социальных процессов.

Следовательно, вера в то, что компьютеры сделают социализм возможным, не менее абсурдна, чем вера (в гораздо менее развитых обществах) в то, что изобретение книгопечатания и другие более простые способы сбора и анализа формализованной информации сделают доступным практическое субъективное знание, необходимое для существования общества. Результатом изобретения книг и книгопечатания было как раз обратное: общество стало разнообразнее и его стало сложнее контролировать. Возможно, что проблему социализма можно было бы несколько упростить, исключительно в количественном отношении (но не решить), если бы правящая власть могла использовать максимально современные компьютеры по отношению к обществу, в котором постоянное порождение новой практической информации сведено к минимуму. Этого можно было бы добиться только посредством крайне жесткой системы, насильно препятствующей, насколько это возможно, предпринимательской деятельности, и запрещающей людям использовать компьютеры, машины, калькуляторы, книги и т.п. Только в этом гипотетическом обществе *невежественных рабов* проблема экономического расчета при социализме могла бы выглядеть несколько менее сложной. Тем не менее теоретически эту проблему невозможно было бы решить даже в таких экстремальных обстоятельствах, потому что даже в самых тяжелых условиях у людей сохраняется врожденная творческая способность к предпринимательству¹⁴, которую невозможно контролировать.

¹⁴ Доказательство, которое мы излагаем в тексте, демонстрирует абсурдность веры многих «интеллектуалов», плохо разбирающихся в том, как функционирует общество, в «очевидность» того, что чем сложнее становится общество, тем больше необходимость внешнего институционального принудительного вмешательства. Эта идея возникла у Бенито Муссолини, утверждавшего: «Мы

Наконец, в свете всех вышеизложенных соображений нас не должно удивлять, что именно наиболее квалифицированные компьютерные специалисты и программисты чрезвычайно скептически оценивают возможность использования компьютеров для того, чтобы регулировать и организовывать социальные процессы. Действительно, они не просто ясно понимают, что введенная в машину неточная информация дает результаты, приводящие к умножению ошибок («мусор на входе — мусор на выходе»), но и знают по своему ежедневному опыту, что по мере того как они пытаются создать все более пространные и сложные программы, им становится все труднее освобождать их от логических ошибок, чтобы обеспечить их работоспособность. Следовательно, запрограммировать социальный процесс такого уровня сложности, чтобы он содержал важнейшие творческие способности человека, невозможно. Кроме того, информатика вовсе не пришла на помощь интервенционистам, как наивно предполагали и надеялись многие «социальные инженеры»; напротив, прогресс компьютерных технологий последних лет во многом связан с освоением знаний и открытий тех специалистов в области экономической теории, которые занимаются стихийными социальными процессами, в особенности — Хайека, чьи идеи сегодня считаются чрезвычайно важными в практическом отношении для развития и повышения эффективности разработки новых компьютерных программ и систем¹⁵.

были первыми, кто сказал, что чем более сложные формы принимает цивилизация, тем более ограниченной становится свобода личности» (цит. по: F. A. Hayek, *The Road to Serfdom*, [Chicago: University of Chicago Press, 1972] [Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2006. С. 65]). Однако, как мы показали, в реальности — и с точки зрения логики, и с точки зрения теории — положение прямо противоположное: по мере роста богатства общества и развития цивилизации социализму становится все труднее. Чем менее развито общество, чем оно примитивнее, и чем больше у правящей власти средств для того, чтобы работать с информацией, тем менее сложной кажется проблема социализма (хотя с логической и теоретической точки зрения он все равно невозможен, если речь идет о людях, то есть о существах, одаренных врожденной творческой способностью к деятельности).

¹⁵ Здесь нам следует упомянуть целую группу «специалистов по информационным технологиям», которые познакомили теоретиков этой области научных знаний с идеями австрийской

6. Другие теоретические последствия социализма

В предшествующих разделах мы показали, что социализм является интеллектуальной ошибкой, вытекающей из *пагубной самонадеянности*¹⁶, из представления о том, что человек достаточно разумен, чтобы организовать жизнь в обществе. В этом разделе мы представим краткий систематический анализ неизбежных последствий, возникающих, когда человек пренебрегает логической невозможностью существования социализма и настаивает на создании институциональной системы принуждения, которая в большей или меньшей степени ограничивает свободу человеческой деятельности.

школы экономики и на практике разработали новую научно-исследовательскую программу под названием «Агорические системы» (термин, производный от греческого слова, обозначающего рынок), в которой подчеркивается ключевое значение теории рыночных процессов в связи с дальнейшим развитием компьютерных технологий. В особенности мы должны отметить Марка Миллера и Кима Эрика Дрекслера из Стэнфордского университета (см. их статью: Mark S. Miller and K. Eric Drexler, “Markets and Computation: Agoric Open Systems” in *The Ecology of Computation*, ed. V. A. Huberman [Amsterdam: North Holland, 1988]). См. также следующую статью (включающую все упомянутые нами источники), кратко излагающую содержание этой программы: Don Lavoie, Howard Baetjer, William Tulloh, “High-tech Hayekians: Some Possible Research Topics in the Economics of Computation” in *Market Process* 8 (spring 1990): 120—146.

¹⁶ Так называется последняя работа Хайека: *Fatal Conceit: The Errors of Socialism, The Collected Works of F. A. Hayek*, ed. W. W. Bartley III (Chicago: University of Chicago Press, 1989) [Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность: ошибки социализма. М.: Новости, 1992]. Сам Хайек в интервью Карлосу Родригесу-Брауну сказал об этой книге, что самым главным для него было показать, как «нагло и самонадеянно считать, что человек знает достаточно, чтобы организовать жизнь в обществе, которая на самом деле есть результат процесса, использующего рассеянную информацию миллионов людей. Думать, что мы в состоянии планировать этот процесс — полнейший абсурд». См.: *Revista de Occidente*, no. 58 (March 1986): 124—135.

Отсутствие координации и социальный беспорядок

а) Мы уже видели, что когда предпринимательская деятельность в той или иной степени затруднена, она перестает выявлять возникающие в обществе ситуации несогласованности. Когда для того, чтобы удерживать людей от использования возможностей для извлечения прибыли, которые создает каждый из случаев несогласованности, используется принуждение, люди даже не видят этих возможностей, и следовательно, они остаются незамеченными. Кроме того, если человек, подвергающийся принуждению, случайно увидит прибыльную возможность, это не имеет значения, потому что институциональное принуждение не позволяет ему действовать, чтобы воспользоваться этой возможностью. Кроме того, невозможно представить, чтобы орган власти, отвечающий за применение институционального принуждения, был в состоянии координировать социальное поведение посредством приказов и указаний. Чтобы делать это, он должен был бы иметь доступ к информации, которую он получить в принципе не может, потому что эта информация рассредоточена по умам всех людей в обществе, и каждый из них имеет эксклюзивный доступ к принадлежащей ему части этой информации.

Следовательно, с теоретической точки зрения первым из последствий любой попытки установить социалистическую систему будет широкое распространение *социальной дискоординации или несогласованности*, характеризующейся систематическими конфликтами между действиями субъектов, которые не будут приспособлять свое поведение к поведению других и не смогут понять, что они совершают множество систематических ошибок. В результате не будет осуществлено очень большое количество человеческих действий, потому что несогласованность им воспрепятствует. Став типичным явлением, *крушение планов*, или дискоординация, поражает самые основы социальной жизни и проявляется *интратемпорально* и *интертемпорально*. Это означает, что в каждом социальном процессе отсутствие координации проявляется и в текущих действиях, и при согласовании прошлых действий с будущими.

Хайек называет «порядком» любой процесс, в котором множество различных элементов взаимодействуют таким образом, что знание одной части позволяет сформулировать

корректные ожидания относительно целого¹⁷. Это определение демонстрирует, что социализм производит социальный беспорядок; в той степени, в какой он препятствует необходимой корректировке рассогласованных человеческих поступков и даже блокирует ее, он препятствует и возможным человеческим действиям, основанным на обоснованных ожиданиях относительно поведения других, и даже блокирует их, так как социальная рассогласованность, всегда возникающая там, где создаются помехи для свободного проявления предпринимательства, продолжает существовать и остается скрытой от общества. Следовательно, волюнтаристское желание «организовать» общество с помощью распоряжений принудительного характера создает беспорядок, и чем сложнее социальный порядок (в понимании Хайека), тем очевиднее будет нереальность социалистического идеала, потому что более сложный порядок потребует делегирования гораздо большего числа решений и функций, зависящих от обстоятельств, совершенно неизвестных тем, кто стремится контролировать общество.

б) Парадоксальным образом, высокий уровень нарушений социальной координации часто становится предлогом для очередных доз социализма; иными словами, институциональная агрессия, распространяющаяся на новые сферы социальной жизни, становится либо более активной, либо более жесткой, чем раньше. Так обычно происходит из-за того, что руководящий орган, хотя он и не в состоянии заметить конкретные конфликтующие и плохо согласованные друг с другом действия, раньше или позже осознает, что социальный процесс в целом не работает. Опираясь на свою чрезвычайно ограниченную способность оценивать реальность, руководящий орган истолковывает эту ситуацию как логическое следствие «отсутствия сотрудничества» со стороны тех граждан, которые не желают выполнять его приказов; соответственно эти приказы становятся все более резкими, подробными и жесткими. Повышение уровня социализма заражает социальный процесс еще большей дискоординацией или рассогласованностью, что в свою очередь используется для того,

¹⁷ F. A. Hayek, *Rules and Order*, vol. 1 of *Law, Legislation and Liberty*, 2: 35—54 [Хайек. Право, законодательство и свобода. С. 53—72] и José Ortega y Gasset, *Mirabeau o el Politico*, vol. 3 of *Obras Completas* (Madrid: Revista de Occidente, 1947), 603.

чтобы оправдать новые «дозы» социализма и т.д. Итак, мы видим в социализме очень сильную тенденцию к *тоталитаризму*, понимаемому как такой режим, при котором правительство склонно «силовым образом вмешиваться во все сферы жизни»¹⁸. В других случаях этот тоталитарный процесс постепенного роста принуждения сопровождается постоянными *встрясками*, то есть внезапными переменами в политике, резкими изменениями содержания приказов или сферы, на которые они распространяются, или и того, и другого — все это в тщетной надежде, что несистематические «эксперименты» с новыми видами интервенционизма и изменениями его уровня принесут решение неразрешимых задач¹⁹.

в) Принудительные интервенционистские меры, воплощением которых является социализм, обычно оказывают на общество влияние, *обратное* тому, которое планирует правительство. Власть стремится достичь своих целей, направляя приказы в сферы социума, в наибольшей степени связанные с этими целями, но парадоксальным образом оказывается, что эти приказы мешают человеческой деятельности в этих сферах, причем чрезвычайно «успешно». Иными словами, власть сковывает энергию предпринимательства именно там, где она более всего необходима, поскольку без этой энергии в данной сфере невозможна координация и, соответственно, реализация целей правительства. Итак, необходи-

¹⁸ См. второе значение слова *totalitarismo* в Словаре испанского языка Королевской Академии.

¹⁹ Даже такой проницательный исследователь, как Майкл Полани, совершил типичнейшую ошибку, сочтя эти эксперименты с планированием относительно безобидными по той причине, что они не могут дать практических результатов; однако он не заметил того значительного ущерба для социальной координации, к которому приводят попытки внедрить утопические программы социальной инженерии. См.: Michael Polanyi, *The Logic of Liberty*, 111. Те, кто руководит органами принуждения, не в состоянии понять, почему, несмотря на все их усилия, социальная инженерия не работает или работает все хуже — и в итоге они часто впадают в лицемерие или отчаянье, приписывая неблагоприятное развитие событий либо божественному провидению, как сделал граф-герцог Оливарес (см. ниже, сноска 49), либо «отсутствию помощи со стороны гражданского общества и его злонамеренности», как заявил Фелипе Гонсалес в своей речи по случаю Дня Конституции 6 декабря 1991 г. в мадридском Университете Карлоса III.

мый процесс приспособления не запускается и на самом деле его перспектива становится более отдаленной, а вероятность того, что социальный процесс обеспечит достижение желаемых целей, уменьшается. Чем более эффективны приказы, тем сильнее они искажают предпринимательскую деятельность. Приказы не только не содержат необходимой практической информации — они удерживают людей от ее создания, и субъекты экономической деятельности не могут воспринимать их как руководства по обеспечению координации. Теоретики уже давно знакомы с этим саморазрушительным эффектом социализма, известным как «парадокс планирования или парадокс интервенционизма», но они лишь недавно смогли объяснить его в ясных терминах теории предпринимательства²⁰.

²⁰ Возможно, первым, кто обнаружил этот саморазрушительный итог институционального принуждения, был Ойген фон Бём-Баверк в статье: Eugen von Bohm-Bawerk, “Macht oder ökonomisches Gesetz?” *Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung* (Vienna) 23 (December 1914): 205—271. В 1931 г. Дж. Р. Мез перевел ее на английский язык: “Control or Economic Law?” in *Shorter Classics of Eugen von Böhm-Bawerk*, vol. 1 (South Holland, Illinois: Libertarian Press, 1962), 139—199. В частности, на с. 192 английского издания читаем: «...любая ситуация, созданная средствами “власти”, может снова ввести в игру эгоистические мотивы, препятствующие ее стабильности». Позже этой темой занимался Людвиг фон Мизес в работе *Kritik des Interventionism: Untersuchungen zur Wirtschaftspolitik und Wirtschaftsideologie der Gegenwart* (Jena: Gustav Fischer, 1929) (Mises, *A Critique of Interventionism* (New York: Arlington House Publishers, 1977)). Мизес делает вывод, что «любые типы вмешательства в деятельность рынка не просто не достигают тех целей, которые имели в виду их авторы и сторонники, но приводят к такому положению дел, которое — с точки зрения оценок их авторов и сторонников — менее желательно по сравнению с предыдущим положением дел, изменить которое они были предназначены». Также стоит специально отметить более позднюю работу: M. N. Rothbard, *Power and Market: Government and the Economy* (Menlo Park, California: Institute for Humane Studies, 1970) [Ротбард М. Власть и рынок: Государство и экономика. Челябинск: Социум, 2003. 2-е изд. 2008]. Однако, по нашему мнению, наиболее правильным является подход, который избрал Израэль Кирцнер в блестящей статье: Israel M. Kirzner, “The Perils of Regulation: A Market Process Approach” in Kirzner, *Discovery and the Capitalist Process*, 119, 149.

г) Хотя *сдерживающий* эффект, который социализм оказывает на создание практической информации, проявляется во всех социальных сферах, лучше всего он виден, вероятно, в экономике. Во-первых, к примеру, одним из самых типичных проявлений отсутствия координации при социализме является *низкое качество* производимых товаров и услуг — и оно связано как раз с отсутствием у участников социального процесса и членов руководящего органа стимулов к тому, чтобы генерировать информацию и выяснять подлинные желания людей по поводу стандартов качества.

Во-вторых, из-за отсутствия необходимой информации для того, чтобы осуществлять даже приблизительный экономический расчет, в социалистической системе инвестиционные решения и в качественном, и в количественном отношении становятся чисто произвольными. Действительно, в социалистической экономике невозможно знать или оценить альтернативные издержки, и такая проблема возникает даже тогда, когда руководящий орган навязывает свои временные предпочтения всему обществу. Кроме того, отсутствие информации у руководящего органа не позволяет рассчитать даже приблизительно нормы амортизации основного оборудования. Таким образом, социализм вызывает и обеспечивает широкое распространение непроизводительного инвестирования ресурсов и факторов производства, причем это непроизводительное инвестирование к тому же часто носит несколько хаотический циклический характер из-за упомянутых нами в конце предыдущего раздела внезапных изменений в политике.

В-третьих, социализм приводит к острому и всеобщему *дефициту* на всех уровнях общества, в основном потому, что институциональное принуждение уничтожает саму возможность для человеческой предпринимательской изобретательности, характеризующейся колоссальной силой, систематически обнаруживать ситуации дефицита и находить новые, более эффективные способы их устранения. Кроме того, как мы видели, невозможность посчитать экономические издержки приводит к тому, что значительная доля производительных ресурсов тратится на бессмысленные инвестиции, что еще больше усугубляет проблему дефицита²¹. Кроме того, дефи-

²¹ Для обозначения этой особенности социализма — принятия на всех уровнях решений, не ограниченных надлежащим образом со-

циту сопутствует неэффективный избыток некоторых ресурсов, который связан не только с ошибками производства, но и с тем, что экономические субъекты запасаются всеми благами и ресурсами, которые им доступны, так как в условиях систематического дефицита люди не могут полагаться на нормальное предложение товаров, услуг и факторов производства.

Наконец, применительно к труду ошибки в размещении ресурсов особенно серьезны. Трудом систематически злоупотребляют, и это приводит к высокому уровню *безработицы* — в зависимости от конкретного типа социализма, более или менее скрытой. Так или иначе, высокий уровень безработицы является одним из наиболее типичных последствий институционального принуждения по отношению к свободному предпринимательству в социальных процессах, связанных с сектором занятости.

Ошибочная информация и безответственное поведение

Для социализма характерно не только то, что он препятствует созданию информации, но и то, что он запускает процессы,

ображениями издержек, Янош Корнай придумал термин «мягкие бюджетные ограничения». Хотя этот термин получил некоторое распространение, нам кажется, что он чересчур фокусируется на наиболее очевидных проявлениях этой фундаментальной проблемы (невозможности порождения информации, необходимой для калькуляции издержек, в отсутствие свободного предпринимательства), и что это привело многих исследователей к неправомерному пренебрежению этой проблемой или недостаточному вниманию к ней. См.: János Kornai, *Economics of Shortage* (Amsterdam: North Holland, 1980) [Корнай Я. Дефицит. М.: Экономика, 1990]. Позже, однако, Корнай удалось сформулировать свою теорию в терминах предпринимательства, продемонстрировав тем самым, что он наконец полностью понял суть австрийской позиции в отношении планирования. См.: János Kornai, “The Hungarian Reform Process: Visions, Hopes and Reality,” *Journal of Economic Literature* 24 (December 1986), переиздано в: *Visions and Reality: Market and State* (London: Harvester, 1990), 156—157. На эту тему см. также работы Яна Винецкого, особенно: Jan Winiecki, *The Distorted World of Soviet-Type Economics* (London: Routledge, 1988 and 1991) и Idem., *Economic Prospects East and West: A View from the East* (London: CRCE, 1987).

систематически привлекающие и порождающие *ошибочную информацию, тем самым поощряя широкое распространение безответственного поведения.*

а) Нет никаких гарантий, что *руководящий орган*, осуществляющий систематическое принуждение, будет в состоянии распознать конкретные возможности для извлечения прибыли, возникающие в ходе социального процесса. С учетом отсутствия у власти практической информации, значимой для подвергающихся принуждению людей, нам сложно представить себе, что она в состоянии обнаружить существующие ситуации социальной рассогласованности, за исключением небольшого числа отдельных ситуаций или когда это происходит по чистой случайности. Действительно, даже если член руководящего органа случайно обнаруживает рассогласованность, его «находка», вероятнее всего, будет замаскирована или скрыта инерционностью органа принуждения, у которого, за очень небольшим исключением, не будет интереса к тому, чтобы вытаскивать наружу непопулярные проблемы, решение которых обязательно потребует «хлопотных» мер и изменений. В то же время члены органа власти не будут даже осознавать своего глубокого, неустранимого неведения. Следовательно, информация, порожденная с помощью приказов, будет изобиловать ошибками, и в принципиальном отношении будет *безответственной*, потому что члены руководящего органа не могут получить практическую (рассеянную) информацию о тех вариантах, от которых они отказываются, когда решают следовать определенному плану, и, соответственно, они будут не в состоянии учесть истинные издержки и истинную ценность этих альтернатив в процессе принятия решений²².

²² Мы считаем действие «ответственным», когда тот, кто его предпринимает, учитывает издержки, которые он и другие связанные с ним люди несут в результате этого действия. Издержки — это субъективная ценность, которую человек приписывает тому, от чего он отказывается ради своей деятельности, и их может корректно оценить только тот, кто обладает необходимой субъективной и неявной практической информацией о своих личных обстоятельствах и об обстоятельствах тех людей, с которыми он взаимодействует. Если из-за того, что свободное предпринимательство не разрешено (ситуация систематического принуждения) или из-за того, что соответствующие права собственности плохо определены и защищены (ситуация несистематического

б) То, что руководящий орган неизбежно отделен от социального процесса постоянной пеленой неведения, сквозь которую можно различить только наиболее очевидные и заметные детали, всегда заставляет его сосредоточиться на достижении своих целей *экстенсивными* и *волюнтаристскими* методами. «Волюнтаристский» означает то, что орган власти рассчитывает достичь своих целей с помощью воли к принуждению в чистом виде, выраженной в приказах. «Экстенсивный» означает, что для того, чтобы измерить и оценить реализацию этих целей, используются только те параметры, которые легче всего определить, выразить и передать. Иными словами, руководящий орган интересуется исключительно статистические, количественные параметры, которые не учитывают или не могут учесть субъективных и качественных нюансов, являющихся наиболее ценной и важной частью рассеянной по человеческим умам практической информации.

Таким образом, разрастание массива *статистики* и чрезмерная склонность к ее использованию тоже является одной из особенностей социализма, и совершенно неудивительно, что слово «статистика» происходит как раз от термина, обозначающего принцип организации институционального принуждения.

в) Когда систематическое генерирование неверной информации ведет к широкому распространению безответственного поведения, а властный орган принуждения реализует свои цели волюнтаристскими и экстенсивными способами, из этого возникают трагические последствия для окружающей среды. Как правило, уничтожение окружающей среды будет происходить именно в тех географических областях, где больше всего социализма (то есть там, где на свободу предпринимательства наложены наибольшие ограничения), и чем универсальнее и

принуждения), такую практическую информацию нельзя создать или передать, человек *не в состоянии оценить издержки* и склонен действовать безответственно. О концепции ответственности см.: Garret Hardin, "An Operational Analysis of Responsibility" in *Managing the Commons*, ed. Garret Hardin and John Baden (San Francisco: W. H. Freeman, 1977), 67. Типичная для социализма безответственность становится причиной того, что при социалистическом режиме феномен «трагедии общинных выгонов» распространяется на все сферы общества, где он возможен. (См.: M. Rothschild, *Bionomics* [New York: Henry Holt, 1990], ch. 2).

масштабнее вмешательство органа принуждения, тем страшнее будут его последствия для окружающей среды²³.

Эффект разложения

Социализм имеет свойство *разлагать*, или *искажать*, ту энергию предпринимательства, которая проявляется в любой человеческой деятельности. Словарь Королевской Академии испанского языка дает глаголу *corromper* определение «портить, развращать, наносить ущерб, разлагать, растлевать, уничтожать или деформировать»²⁴; кроме того, в словаре специально отмечается, что эта порча относится в основном к социальным институтам, под которыми понимаются шаблоны поведения. Разложение является одним из наиболее типичных и фундаментальных последствий социализма, потому что социализм систематически деформирует процесс, посредством которого в обществе создается и распространяется информация.

а) Во-первых, управляемые или испытывающие принуждение человеческие существа вскоре делают предпринимательское открытие: шансы достичь цели повышаются, если, вместо того, чтобы пытаться находить случаи социальной рас-

²³ Квазирелигиозное почитание статистики восходит к самому Ленину, который писал: «Мы должны понести [статистику] в массы, популяризовать ее, так чтобы трудящиеся постепенно учились сами понимать и видеть, как и сколько надо работать...» Перевод сделан с работы *Die nächsten Aufgaben der Sowjetmacht* (Berlin, 1918), процитированной Хайеком в: F. A. Hayek, *Collectivist Economic Planning* (Clifton: Augustus M. Kelley, 1975), 128 [Ленин В. И. Очередные задачи советской власти // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 36. С. 192]. О перепроизводстве статистики в результате интервенционизма и о связанных с этим серьезным социальным ущербом, издержками и неэффективностью см.: Stephen Gillespie, «Are Economic Statistics Overproduced?» *Public Choice* 67, no. 3 (December 1990): 227–242. О социализме и его влиянии на окружающую среду см.: T. L. Anderson and D. R. Leal, *Free Market Environmentalism* (San Francisco: Pacific Research Institute for Public Policy, 1991).

²⁴ «Echar a perder, depravar, dañar, pudrir, pervertir, estragar o viciar.» Real Academia Española de la Lengua, Diccionario, s. v. «corromper.»

согласованности и заниматься их координацией, используя предоставляемые ими возможности для извлечения прибыли, люди посвятят свое время, усилия и свойственную им смекалку тому, чтобы повлиять на процесс принятия решений органом власти. Таким образом, впечатляющий запас человеческого хитроумия — тем более впечатляющий, чем больше социализма — будет тратиться на придумывание все более и более действенных способов оказать влияние на орган власти в реальной или иллюзорной надежде получить преимущества для себя. Следовательно, социализм не просто мешает каждому из членов общества научиться подстраивать свое поведение под поведение других членов общества — он также создает колоссальный стимул для попыток различных индивидов и групп повлиять на орган власти, чтобы посредством его приказов силой получить персональные привилегии или преимущества за счет остальных членов общества. Соответственно, стихийный и способный к самокоординации социальный процесс искажается и подменяется *процессом борьбы за власть*, в ходе которого систематическое насилие и конфликт различных индивидов и социальных групп, добывающихся власти или влияния, становятся лейтмотивом жизни в обществе. Таким образом, в социалистической системе люди теряют привычку поступать морально (то есть в соответствии с обычаями и принципами); их личности и поведение постепенно меняются, становясь все более и более аморальными (то есть независимыми от принципов) и *агрессивными*²⁵.

²⁵ Вероятно, лучше всех коррумпирующий эффект социализма описал Ганс-Герман Хоппе: «Перераспределение шансов на приобретение дохода должно приводить к тому, что все больше людей начинают использовать агрессию для достижения личного удовлетворения и/или к тому, что все больше людей становятся агрессивными, то есть переключаются с неагрессивных ролей на агрессивные, что постепенно приводит к личностным изменениям; эта перемена в структуре морального характера общества, в свою очередь, приводит к очередному сокращению уровня инвестиций в человеческий капитал». См.: Хоппе Н.-Н., *A Theory of Socialism and Capitalism* (London: Kluwer Academic Publishers, 1989), 16—17. См. также мою статью: “El Fracaso del Estado Social,” in *ABC* (April 8, 1991): 102—103. Другой признак разлагающего влияния социализма — это общий рост «социального спроса» на принудительные распоряжения государства и государственное регулирование, возникающий из комбинации следующих факто-

б) Во-вторых, мы сталкиваемся с другим проявлением разлагающего эффекта социализма, когда те группы людей, которые не смогли завладеть властью, вынуждены тратить большую часть своего предпринимательского хитроумия и своей предпринимательской активности на попытки смягчить последствия особенно жестких и разрушительных для них приказов или избежать их, наделяя привилегиями, преимуществами, а также некоторыми благами и услугами тех людей, которые отвечают за исполнение и контроль этих приказов. Такое искажение носит защитный характер, так как оно действует как «предохранительный клапан», позволяя несколько смягчить тот ущерб, который социализм приносит обществу. Оно может иметь позитивные последствия, обеспечивая людям возможность поддерживать некоторые минимальные согласованные социальные связи даже в условиях самой радикальной социалистической агрессии. В любом случае, как ясно показывает Кирцнер, искажение, или деформация, предпринимательства всегда остается *поверхностным и избыточным*²⁶.

ров: 1) желания каждой отдельной группы интересов добиться привилегий за счет остальных членов общества; 2) абсурдной и наивной веры в то, что усиление регулирования сможет уменьшить всеобщую, господствующую повсюду правовую неопределенность, связанную с ростом и запутанностью паутины противоречащих друг другу законодательных актов; и 3) деградацией понятия о личной ответственности, что субъективно и бессознательно усиливает покорность государственному патернализму и чувство зависимости от властей.

²⁶ См.: Israel M. Kirzner, "The Perils of Regulation: A Market Process Approach" in *Discovery and the Capitalist Process*, 144, 145. При социалистическом режиме *связи (блат)* являются жизненной необходимостью — и потому, что людям нужно влиять на орган принуждения, одновременно, по крайней мере внешне, демонстрируя подчинение его приказам, и потому, что власть принимает крайне произвольные и деспотические решения. На практике, чем более интервенционистской является система, тем более необходимым и важным становится блат, и тем больше сфер в жизни общества он затрагивает (это именно те сферы, где уровень вмешательства наиболее высок). Люди полагаются на личные связи в ущерб типичным для свободного мира видам взаимодействия, более абстрактным и безличным, где, соответственно, вопрос знакомства отходит на задний план, подчиняясь главной задаче — реализации собственных целей посредством максимально возможного удовлетворения интересов других людей в том виде,

в) В-третьих, члены руководящего органа, то есть та более или менее организованная группа, которая систематически осуществляет принуждение, тоже будут склонны использовать свои предпринимательские способности и свое хитроумие извращенным образом. Их главной задачей будет *удерживать власть*, оправдывая свою политику принуждения перед остальными членами общества. Детали и конкретные особенности коррупционной активности тех, кто находится у власти, будут зависеть от конкретного типа социализма (тоталитарного, демократического, консервативного, сциентистского и т.п.). В данный момент мы хотим подчеркнуть, что деформированная предпринимательская активность тех, под чьим контролем находится руководящий орган, будет *создавать* ситуации, в которых эта власть сможет расти, распространяться и выглядеть оправданной²⁷. Так, например, те,

как их выявляет рынок. Кроме того, попытки завоевать расположение власти и *сервильность*, которая с этим связана, часто порождают своего рода «стокгольмский синдром», когда у жертвы принуждения поразительным образом возникают «понимание» и чувство товарищества по отношению к тем, кто применяет против нее институциональное принуждение и препятствует ей в свободной реализации ее врожденного творческого потенциала.

²⁷ См.: Thomas J. DiLorenzo, "Competition and Political Entrepreneurship: Austrian Insights into Public Choice Theory" in *The Review of Austrian Economics*, vol. 2, 59—71. Хотя мы считаем вклад школы общественного выбора в анализ проблемы функционирования бюрократии и политических органов, отвечающих за институциональное принуждение, очень существенным, мы согласны с Дилоренцо, что до сих пор серьезной слабостью подхода этой школы была его чрезмерная зависимость от методологии неоклассической экономической теории, то есть использование формальных инструментов, характерных для экономического анализа равновесия, чрезмерно статичного по своей сути, и неспособность полностью признать динамический анализ, основанный на теории предпринимательства. Введение концепции предпринимательства приводит нас к заключению, что принудительная институциональная активность извращена гораздо, гораздо больше, чем традиционно считала школа общественного выбора. Эта школа в целом не обращала внимания на способность руководящего органа, действуя предпринимательно, *создавать* искаженные, разлагающие действия и стратегии, которые являются новыми и более эффективными, чем старые. Изложение главных достижений школы общественного выбора в этой области см.: William Mitchel,

кто находится у власти, будут поощрять возникновение привилегированных групп интересов, поддерживающих власть в обмен на выгоды и привилегии, которые она им предоставляет. Кроме того, любой социалистический режим обычно злоупотребляет политической *пропагандой*, которую он использует для идеализации последствий влияния приказов руководящего органа на социальный процесс, настаивая на том, что отсутствие такого вмешательства приведет к чрезвычайно негативным последствиям для общества. Систематический обман населения, искажение фактов, фабрикация кризисов ради того, чтобы убедить общественное мнение в том, что данная структура власти необходима и ее следует сохранять и укреплять, и т. п. — все это типичные проявления того порочного и разлагающего влияния, которое социализм оказывает на собственные руководящие органы и учреждения²⁸. Кро-

The Anatomy of Government Failures (Los Angeles: International Institute of Economic Research, 1979); J. L. Migué and G. Bélanger, "Toward a General Theory of Managerial Discretion," *Public Choice*, no. 17 (1974): 27–43; William Niskanen, *Bureaucracy and Representative Government* (Chicago: Adine-Atherton Press, 1971); Gordon Tullock, *The Politics of Bureaucracy* (Washington D.C.: Public Affairs Press, 1965); см. также первопроеходческий труд: Ludwig von Mises, *Bureaucracy* (New Rochelle, New York: Arlington House, 1969) [Мизес Л. фон. Бюрократия. Челябинск: Социум, 2006]. Я кратко пересказал упомянутые источники в своей статье: "Derechos de propiedad y gestión privada de los recursos de la naturaleza," *Cuadernos del Pensamiento Liberal* (Madrid: Unión Editorial), no. 2 (March 1986): 13–30, переиздано в: Huerta de Soto, *Estudios de Economía Política* (Madrid: Unión Editorial, 1994), 229–249.

²⁸ Именно потому, что социализм порождает коррупцию и аморальность, к власти при нем обычно будут приходиться самые коррумпированные, аморальные и беспринципные личности, то есть те, кто имеет самый большой опыт нарушения закона, применения насилия и успешного обмана людей. История неоднократно подтверждала этот принцип в самых разных обстоятельствах, и в 1944 г. Хайек подробно проанализировал его в 10 главе («Почему к власти приходят худшие?») «Дороги к рабству»: F. A. Hayek, *The Road to Serfdom* (Chicago: The University of Chicago Press, 1972 edition), 134–152 [Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2006. С. 141–155]; испанский перевод Хосе Вергары, *Camino de Servidumbre*, Libros de Bolsillo, no. 676 (Madrid: Alianza Editorial, 1978). Название

ме того, эти проявления будут общими и для высших властей, принимающих решения и отвечающих за институциональную агрессию, и для промежуточных *бюрократических* органов, необходимых для того, чтобы издавать приказы и следить за их выполнением. Эти вспомогательные бюрократические организации обычно имеют тенденцию расширяться, искать поддержку групп интересов и создавать искусственную потребность в собственном существовании, преувеличивая «благотворные» результаты своего вмешательства и систематически скрывая его негативные эффекты.

Наконец, становится очевидным *мегаломаниакальный* характер социализма. Бюрократические организации не просто склонны к неограниченному расширению — те, кто контролирует их, также инстинктивно пытаются воспроизвести макроструктуры этих организаций в обществе, на которое направлены их действия, и под многочисленными ложными предложениями силовым образом иницируют создание все более крупных подразделений, организаций и фирм. Причин, побуждающих их к этому, две: во-первых, они инстинктивно верят, что такие структуры облегчают контроль за исполнением поступающих сверху приказов; во-вторых, такие структуры дают бюрократическим властям ложное чувство безопасности в отношении настоящих предпринимательских усилий, которые всегда возникают в результате индивидуалистического по своей сути творческого микропроцесса²⁹.

El Camino hacia la Servidumbre («Дорога к рабству», а не «Дорога рабства», как у Вергары) кажется мне более подходящим. Его предложил Валентин Андрес Альварес в своей рецензии 1945 года на книгу Хайека (Valentín Andrés Alvarez, “El Camino hacia la Servidumbre del Profesor Hayek,” *Moneda y Crédito*, no. 13 [June 1945]; переиздано в качестве главы 2 сборника *Libertad Económica y Responsabilidad Social*, выпущенного в честь столетия со дня рождения Валентина Андреса Альвареса. [Madrid: Centro de Publicaciones del Ministerio de Trabajo y Seguridad Social, 1991], 69—86); в атмосфере политической нетерпимости Испании того времени автор чуть было не поплатился за эту рецензию местом профессора в Мадриде.

²⁹ Jean-François Revel, *El estado megalómano* (Madrid: Planeta, 1981). Согласно Камило Хосе Селе, лауреату Нобелевской премии по литературе за 1989 г., «государство порвало с природой; теперь оно выше стран, выше крови, выше языка. Левиафан раскрыл пасть, чтобы пожрать человечество. Тысячи шестеренок

Подпольная, или «теневая», экономика

Другим типичным следствием социализма является то, что он запускает неумолимую социальную реакцию, в ходе которой различные действующие субъекты, насколько им это удастся, систематически не подчиняются приказам руководящего органа, предпринимая действия и вступая во взаимодействия вне той «правильной» рамки, на создание которой направлены приказы. Таким образом, за спинами тех, кого руководящий орган считает «правильными», начинается целый социальный процесс, который показывает до какой степени институциональное принуждение обречено на неудачу в долгосрочной перспективе из-за того, что оно противоречит фундаментальной сути человеческой деятельности. Поэтому часто у власти нет иного выбора, как править, неявно мирясь с «неправильными» социальными процессами, которые существуют рядом с построенными по ее указанию окостеневшими структурами. Соответственно, возникновение скрытой, «теневой», «неправильной», *подпольной экономики* (или общества) представляет собой неотъемлемую черту социализма, которая проявляется во всех без исключения сферах, где есть принуждение, и масштаб этой черты зависит от уровня принуждения. Основные особенности коррупции и подпольной экономики в странах реального социализма и в странах со смешанной экономикой одни и те же. Единственное различие состоит в том, что в странах со смешанной экономикой коррупция и подпольная экономика присутствуют исключительно в тех областях социальной жизни, куда вмешивается государство³⁰.

государства кишат его прислужниками, похожими на червей, они ползают рядом с червями, *выучившими* урок о том, что они должны беречь тело-носителя» (Camilo José Cela, “El Dragón de Leviatán” [лекция в ЮНЕСКО, июль 1990 года] in “Los Intelectuales y el Poder,” *ABC* (Madrid), 10 July 1990, pp. 4, 5).

³⁰ Теория теневой экономики и обзор важнейших источников по этой теме блестяще изложены в книгах: *La Economía Irregular* (Barcelona: Generalitat de Catalunya, 1983) и Joaquín Trigo Pórtela, Carmen Vázquez Arango, *Barreras a la Creación de Empresas y Economía Irregular* (Madrid: Instituto de Estudios Económicos, 1988). Потрясающую иллюстрацию нашего тезиса применительно к конкретному случаю Перу можно найти в: Hernando

Отставание в социальном (экономическом, технологическом, культурном) развитии

а) Социализм заведомо предполагает атаку на человеческую способность к творчеству и, соответственно, на общество и на развитие цивилизации. Действительно, в той степени, в какой свободная человеческая деятельность насильно ограничена приказами, люди не могут создавать и находить новую информацию, что блокирует развитие цивилизации. Иными словами, социализм подразумевает систематическое воздвижение барьеров на пути свободного взаимодействия людей, и эти барьеры останавливают развитие общества. Этот эффект ощущается во всех областях развития общества, а не только в экономике. Одной из наиболее характерных особенностей социалистической системы является *сопротивление новшествам* и низкие темпы внедрения современных технологических инноваций; вследствие этого социалистические режимы всегда отстают от своих конкурентов в сфере развития и практического применения новых технологий³¹. Это происходит несмотря на то, что социалисты, в свойственной им экстенсивной и волюнтаристской манере, стремятся форсировать технологическое развитие общества, отдавая приказы и создавая претенциозные институты и советы по научным исследованиям и планированию будущего развития новых технологий. Однако само создание таких бюрократических учреждений для развития инноваций представляет собой очевидное и однозначное доказательство того, что в системе заблокирована возможность научного и технологического развития. Дело в том, что *невозможно запланировать будущее развитие знания,*

de Soto, *El Otro Sendero: La Revolución Informal* (Mexico: Editorial Diana, 1987) [Сото Э. де. Иной путь. Челябинск: Социум, 2008].

³¹ В.А. Найшуль отметил, что социалистическая система враждебна изменениям и инновациям еще и в силу глубокой и радикальной дезорганизации, которую инновации вносят в ригидную структуру экономики. См.: “The Birthmarks of Developed Socialism,” («Родимые пятна развитого социализма») глава 5 книги V. A. Naishul, *The Supreme and Last Stage of Socialism* (London: CRCE, 1991), 26–29, esp. p. 28, “Hostility to Change”. [Найшуль В. А. Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину. М.: Прогресс, 1991].

если оно еще не было создано и к тому же может возникнуть исключительно при условии предпринимательской свободы, которую нельзя учредить приказом.

б) Эти замечания относятся к любой сфере, где происходит стихийное и постоянное социальное развитие или эволюция. В частности, мы имеем в виду культуру, искусство и язык, а в общем — все сферы, где имеет значение стихийная эволюция и свободное развитие социальных обычаев и привычек. *Культура* — это просто стихийный итог социального процесса, в ходе которого взаимодействует множество людей, и каждый из них вносит в нее небольшой вклад своим личным опытом, воображением и творчеством. Если власти применяют к этому процессу систематическое принуждение, они калечат и расстраивают его, если не останавливают совсем. (И снова власть будет стремиться выглядеть инициатором импульсов культурного развития, учреждая всевозможные агентства, министерства, советы и комиссии, и поручая им поддерживать и «стимулировать» «развитие» культуры с помощью приказов³².)

в) Эволюция и развитие новых социальных привычек также чрезвычайно важны потому, что они учат людей, как вести себя по отношению к возникающим в процессе социального развития новым обстоятельствам, товарам, услугам и пр. Нет ничего более трагического, чем общество, стагнирующее из-за институциональной агрессии против взаимодействия между его членами, то есть из-за насилия, которое препятствует процессу обучения, необходимому для реакции на новые обстоятельства и максимально эффективного использования новых, постоянно возникающих возможностей³³.

³² Перу Жака Гарелло принадлежит блестящий анализ негативного влияния социализма на культуру, в частности, во Франции. См.: Jacques Garello, "Cultural Protectionism" (статья была представлена на региональной конференции Общества Мон-Пелерен, состоявшейся в Париже в 1984 г.).

³³ Примером, наглядно иллюстрирующим наше утверждение, является негативное влияние, которое систематическая агрессия властей против производства, распространения и потребления наркотиков оказывает на социальный процесс, в ходе которого люди учатся, как вести себя по отношению к наркотикам. Действительно, многие наркотики вызывали в прошлом меньшую агрессию властей, и в результате, с помощью процесса корректировки, который вызывает предпринимательская деятельность,

*Деградация традиционных представлений
о законе и порядке. Моральный распад,
порождаемый социализмом*

а) В предыдущей главе мы увидели, как возможность существования социального процесса, приводимого в движение энергией предпринимательства, обеспечивается набором традиционных правил, которые, как и многое другое, возникают из предпринимательства. Эти поведенческие привычки составляют субстанцию, или содержание, частного договорного и уголовного права, при том, что их никто намеренно не проектировал. Они представляют собой эволюционные институты, возникшие в результате накопления практической информации, которую вкладывало в них огромное множество людей в течение очень длительного периода времени. С этой точки зрения, право (закон) состоит из ряда материально-правовых законов и норм, которые носят *общий* (в равной степени распространяются на всех) и *абстрактный* (устанавливают лишь общую рамку для поведения человека, не задавая никакого конкретного результата для социального процесса) характер.

Поскольку социализм основан на институционализированной, систематической агрессии (в виде *принудительных распоряжений или приказов*) против человеческой деятельности, он приводит к исчезновению описанного выше традиционного понятия закона и его замене подложным «законом», составленным из массы административных распоряжений, инструкций и приказов, подробно устанавливающих, как именно должен вести себя каждый человек. Таким образом, по мере того как социализм распространяется и развивается, законы в тра-

общество смогло создать большой объем информации и опыта, научившего людей, как правильно обращаться с этими вещами. Например, во многих обществах так произошло с такими наркотиками, как алкоголь и табак. Однако этот процесс невозможен в отношении веществ, обнаруженных позже, так как они с самого начала стали объектом чрезвычайно жесткой системы принуждения, системы, которая не только полностью провалилась, но и помешала людям в ходе экспериментов с этими веществами научиться тому, как с ними следует обращаться. См.: Guy Sorman, *Esperando a los bárbaros* (Barcelona: Seix Barrai, 1993), 327—337.

диционном смысле перестают быть для людей руководством к действию, и эту роль присваивают себе принудительные распоряжения или приказы, исходящие от органа власти (который может как быть, так и не быть демократически избранным; это значения не имеет). Так область практического применения закона постепенно сводится к тем публичным или теневым сферам жизни, на которые социалистический режим не влияет прямо и глубоко.

Кроме этого, возникает очень важный дополнительный эффект: когда люди теряют мерку, которой является материальное право, их личности начинают меняться в результате того, что они избавляются от привычки приспосабливаться к общим абстрактным нормам; соответственно люди все хуже и хуже усваивают традиционные нормы поведения и все меньше и меньше подчиняются им. На самом деле, учитывая, что в одних случаях для того, чтобы выжить, человеку необходимо уклоняться от выполнения приказов, а в других это означает успех предпринимательства того искаженного и порочного типа, который всегда сопутствует социализму, население в целом начинает оценивать нарушения правил в большей степени как похвальные проявления человеческого хитроумия, достойные подражания и поощрения, чем как покушение на систему норм и угрозу для общества. Следовательно, социализм побуждает людей нарушать закон, лишает закон содержания и калечит его, совершенно дискредитируя в глазах общества; в результате граждане полностью теряют уважение к закону.

б) Деграция понятия закона, о которой мы только что говорили, всегда сопровождается параллельным разложением понятия *справедливости* (в том числе *справедливо суда*) и его применения. *Справедливый суд* в традиционном смысле слова состоит в равном применении к каждому человеку абстрактных материально-правовых норм поведения, составляющих частное и уголовное право. Следовательно, Фемида не зря изображается с повязкой на глазах, потому что юстиция, прежде всего, действительно должна быть слепа, в том смысле, что на применение законов не должны оказывать влияние ни дары богатых, ни слезы бедных³⁴. Поскольку

³⁴ «Не делайте неправды на суде; не будь лицепрятен к нищему и не угождай лицу великого; по правде суди ближнего твоего». Лев 19, 15. «За то и Я сделаю вас презренными и униженными перед

социализм систематически извращает традиционное понятие закона, он также модифицирует и традиционное представление о справедливости. Действительно, в социалистической системе «справедливость» по большому счету состоит в произвольном решении руководящего органа, основанном более или менее на эмоциональном впечатлении его членов от конкретного «окончательного результата» социального процесса, который, как они считают, они чувствуют и который дерзко пытаются *организовать* сверху посредством приказов. Таким образом, объектом оценки являются не поступки людей, а субъективно воспринимаемый «результат» этих поступков с точки зрения фиктивной «справедливости», к которой добавляется эпитет «социальная», чтобы сделать ее привлекательнее для тех, кто вынужден ее выносить³⁵. С точки

всем народом, так как вы... лицеприяствуете в делах закона». Мал 2, 9.

³⁵ Слово «социальный» полностью меняет значение любого термина, к которому его прибавляют (справедливости, защиты, демократии и т.п.). Другие прилагательные, которые используются для того, чтобы замаскировать действительность и приукрасить ее, это, к примеру, «народный» (часто употребляется с существительным «демократия») или «естественный». Американцы употребляют выражение *weasel words* (обтекаемые фразы), когда говорят о словах, которые используются для семантического обмана граждан, поскольку позволяют смело употреблять нравящиеся людям слова (например, «справедливость» и «демократия») в значении, прямо противоречащим их стандартному смыслу. Термин *weasel word* (горностаевое слово) восходит к известным строкам Шекспира, отсылающим к способности мелких хищников семейства куньих (в том числе ласки и горностая) высасывать содержимое яйца, не повреждая скорлупы. (“I can suck melancholy out of a song, as a weasel sucks eggs.” *As You Like It, The Riverside Shakespeare* [Boston: Houghton Mifflin, 1974], 2.5.11, p. 379. [В русском переводе «Как вам это понравится», сделанном Т. Щепкиной-Куперник, по крайней мере в последних изданиях, вместо горностая (или ласки) почему-то фигурирует ласточка: «Я умею высасывать меланхолию из песен, как ласточка высасывает яйца». — *Перев.*) Подробнее об этом см. гл. 7 книги Хайека «Пагубная самонадеянность». Другой термин, подвергшийся порче, это *солидарность* — в наши дни его используют как алиби для государственного насилия, которое считается оправданным, если применяется якобы ради «помощи» угнетенным. Однако тра-

зрения традиционной справедливости, *нет ничего несправедливее, чем социальная «справедливость»*, ведь она основана на мнении, впечатлении или оценке «результатов» социальных процессов и не зависит от конкретного поведения каждого человека с точки зрения традиционного закона³⁶. Роль судьи в традиционном праве — чисто интеллектуальная: он не должен поддаваться своим эмоциям или собственному мнению о том, какое влияние приговор окажет на обе стороны процесса. Если, как это происходит при социализме, беспристрастное применение закона затруднено, а принятие юридических решений,

диционно «солидарность» означала нечто совсем иное: взаимодействие людей, возникающее в ходе стихийного социального процесса, мотором которого выступает предпринимательство. Слово «солидарность» происходит от латинского *solidare* (спаять или объединить) и, согласно Словарю испанского языка Королевской Академии, означает «обусловленное обстоятельствами присоединение к предприятию, инициаторы которого — другие люди». Таким образом, рынок в нашем определении представляет собой квинтэссенциальный механизм солидарности или же систему солидарности людей. В этом смысле, нет ничего более противоположного солидарности, чем попытка насильно ввести сверху некие принципы «солидарности», столь же близорукие, сколь и ангажированные. Кроме того, проблема перманентного неведения регулирующих органов неизбежно затрагивает и тех, кто понимает солидарность строго как помощь нуждающимся; эта помощь будет неэффективной и ненужной, если ее будет оказывать государство, а не отдельные люди, заинтересованные в том, чтобы добровольно помогать другим. Нам очень приятно, что Иоанн Павел II в энциклике *Centesimus Annus*, не просто говорит, что рынок «образует длинную цепь *солидарности*» (гл. 4, разд. 43: 3 [в русском переводе употреблено слово «соратничество». — *Перев.*]), но и утверждает, что «нужду лучше распознает и удовлетворит тот, кто ближе к ней и действует как ближний», а также выступает с критикой «государства социальной помощи»: «Вмешиваясь прямо и лишая общество ответственности, государство социальной помощи приводит к тому, что люди работают хуже, зато расходы страшно растут, и все больше учреждений, где царит скорее бюрократия, чем забота о человеке». (гл. 5, разд. 48: 5).

³⁶ Лучшая критика ложного понятия социальной справедливости принадлежит Хайеку. См.: F. A. Hayek, *The Mirage of Social Justice*, vol. 2 of *Law, Legislation and Liberty* [Хайек Ф. Мираж социальной справедливости // Хайек. Право, законодательство и свобода. С. 165—318].

основанных на более или менее субъективных эмоциональных впечатлениях, разрешено, то вся определенность закона исчезает, и вскоре люди начинают понимать, что достаточно произвести благоприятное впечатление на судью, чтобы получить юридическую защиту любого своего желания. Соответственно, создается очень сильный стимул для судебных тяжб, и в сочетании с хаосом, который производит куча все более путаных и противоречивых приказов, это перегружает судей до такой степени, что их работа становится все более тяжелой и неэффективной. И так продолжается этот процесс прогрессирующего распада; он прекращается только с исчезновением юстиции в традиционном смысле и превращением судей в обыкновенных бюрократов на службе у властей, которые контролируют исполнение отдаваемых ими приказов. На следующих страницах представлена систематическая таблица, где мы перечисляем наиболее значимые различия между стихийным процессом, основанным на предпринимательстве и свободном взаимодействии людей, и системой организации, основанной на институциональном принуждении (социализмом). В таблице мы отмечаем противоположный эффект, который они оказывают на концепции и практику права и справедливости.

в) Другая типичная черта социализма — это утрата привычки приспособлять свое поведение к общим стандартам, сформировавшимся в результате традиции, к стандартам, чья ключевая роль в социуме не может быть до конца понята ни одним отдельным человеком. Мораль ослабевает на всех уровнях и даже исчезает, ее заменяет отражение мистического подхода руководящего органа к социальной организации, и этот мистицизм склонен воспроизводиться на уровне поведения каждого человека. Таким образом, в сфере достижения целей типичная для социализма склонность выдавать желаемое за действительное господствует и на уровне отдельного индивида; персональные цели человека обычно бывают продиктованы капризом и реализуются посредством «приказов», которые отдают ему его желания и инстинкты, а не вытекают из человеческого взаимодействия в рамках, установленных законом и моралью.

Выдающимся примером морального распада, порождаемого социализмом, был лорд Кейнс, один из главных вдохновителей систематического принуждения и интервенционизма в денежной и фискальной сфере. Кейнс объяснял свою «мораль-

ную» позицию следующим образом: «Мы совершенно отказывались признавать своим личным долгом подчинение общепринятым правилам поведения, считая, что у нас есть право самостоятельно, сообразуясь с обстоятельствами, принимать решение в каждом отдельном случае, а также что нам хватает мудрости, опыта и самоконтроля, чтобы действовать успешно. Это было очень важной частью наших убеждений, которую мы защищали яростно и агрессивно, и для внешнего мира это было нашей самой заметной и опасной чертой. Мы полностью отвергли традиционные моральные нормы, обычаи и традиционный здравый смысл. Иными словами, мы были имморалистами в самом строгом смысле этого слова... Мы не признавали никаких моральных обязательств, не признавали обязанности приспособиться или подчиниться... Что касается меня, поздно уже что-либо менять, я был и навсегда останусь имморалистом»³⁷.

Итак, социализм выглядит одновременно и как естественный продукт ложного, преувеличенного рационализма, так называемого «Просвещения», и как результат проявления самых низких и наиболее атавистических инстинктов и страстей человека. Действительно, веря в неограниченные возможности человеческого разума, наивные рационалисты, подобно Кейнсу, Руссо и огромному числу других, бунтуют против тех институтов, обычаев и моделей поведения, которые делают возможным социальный порядок, по определению не могут быть полностью рационализированы и безответственно именуются подавляющими и угнетающими социальными традициями. Парадоксальным результатом такого «обожествления» человеческого разума становятся уничтожение моральных принципов, правил и норм поведения, которые позволяли цивилизации развиваться, и неизбежное возвращение человека, который нуждается в этих жизненно важных ориентирах и нормах, в плен наиболее атавистических и примитивных страстей³⁸.

³⁷ См. цитату на с. 25 и 26 1-го тома сочинения Хайека: Ф. А. Хайек, *Law, Legislation and Liberty* [Хайек. Право, законодательство и свобода. С. 44], где цитируется книга John Maynard Keynes, *Two Memoirs* (London, 1949), 97–98. См. также: Robert Skidelsky, *John Maynard Keynes: Hopes Betrayed, 1883–1920* (London: Macmillan, 1983), 142–143.

³⁸ См.: Ф. А. Хайек, *The Fatal Conceit*, chap. 1 [Хайек. Пагубная самонадеянность. Гл. 1].

ТАБЛИЦА III-1

<p>Стихийный СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС основанный на предпринимательстве (свободное социальное взаимодействие)</p>	<p>СОЦИАЛИЗМ (систематическая институциональная агрессия против предпринимательства и человеческой деятельности)</p>
<p>1) Социальная координация происходит стихийно, благодаря предпринимательству, постоянно находящему и устраняющему случаи социальной рассогласованности, так как они воспринимаются как возможности для извлечения прибыли. (Стихийный порядок)</p>	<p>1) Делаются попытки навязать социальную координацию сверху посредством принудительных указаний, приказов и инструкций, которые исходят от властей. (Организованная иерархия — от hieras, священный, и archein, править)</p>
<p>2) Главный персонаж в процессе — человек, который действует и осуществляет творческое предпринимательство.</p>	<p>2) Главный персонаж — лидер (демократический или нет) и государственный чиновник (тот, кто действует в соответствии с административными указаниями и инструкциями, исходящими от властей)</p>
<p>3) Социальное взаимодействие основано на договоре, участники которого обмениваются товарами и услугами согласно нормам материального права. (Закон)</p>	<p>3) Социальное взаимодействие основано на господстве; некоторые люди приказывают, а остальные — подчиняются. При «социальной демократии» «большинство» подавляет «меньшинство».</p>
<p>4) Господствует традиционная, материально-правовая концепция закона, понимаемого как абстрактное, общее правило, которое применяется в равной степени ко всем вне зависимости от конкретных обстоятельств.</p>	<p>4) Господствуют приказы и инструкции, которые, несмотря на то, что они выглядят как формальные законы, представляют собой специфические, конкретные директивы, приказывающие людям делать конкретные вещи в конкретных обстоятельствах и не распространяются в равной степени на всех.</p>
<p>5) Законы и институты, делающие возможным социальный процесс, не были созданы сознательно, а эволюционировали из обычаев; они включают огромный объем практического опыта и информации, аккумулировавшихся на протяжении многих поколений.</p>	<p>5) Приказы и инструкции сознательно издаются органами власти; они крайне несовершенны и ненадежны в силу неустраняемого неведения властей в отношении общества.</p>

<p>6) Стихийный процесс делает возможным социальный мир, поскольку каждый человек использует в рамках закона преимущества своих практических знаний и стремится достичь своих собственных частных целей с помощью мирного сотрудничества с другими, а также стихийно приспособлявая свое поведение к поведению других людей, преследующих свои собственные цели.</p>	<p>6) Одна цель (один набор целей) должен господствовать и навязывается всем посредством системы приказов. Это приводит к неразрешимому, бесконечному социальному конфликту и насилию, которые препятствуют социальному миру.</p>
<p>7) Свобода понимается как отсутствие принуждения и агрессии (институциональной и несистематической).</p>	<p>7) «Свобода» понимается как способность достигать конкретных, желанных в данный момент целей (посредством простого акта воли, приказа или каприза).</p>
<p>8) Доминирует традиционная концепция справедливости, а значит, закон в материально-правовой форме применяется в равной степени ко всем, вне зависимости от конкретных результатов социального процесса. Единственное гарантированное равенство — это равенство перед законом; его обеспечивает система юстиции, слепая к конкретным различиям между людьми.</p>	<p>8) Доминирует ложное чувство «справедливости результата» или «социальной справедливости», иными словами, равенства результатов социального процесса, вне зависимости от поступков (вне зависимости от их правильности с точки зрения традиционного права) его участников.</p>
<p>9) Господствуют абстрактные, экономические и коммерческие отношения. Ложные концепции «лояльности», «солидарности» и «иерархии» не играют никакой роли. Каждый человек контролирует собственное поведение, основываясь на материально-правовых нормах, и является участником всеобщего социального порядка, где нет ни «друзей», ни «врагов», ни «ближних», «ни дальних» — есть только множество людей, с большинством из которых он знаком и с которыми он ко взаимному удовлетворению взаимодействует, используя все более и более масштабные и сложные средства (истинное значение слова «солидарность»)</p>	<p>9) В социальной жизни преобладает политическое, а основные связи носят «племенной» характер: а) лояльность к группе и вождю; б) уважение к иерархии; в) помощь знакомым «собратьям» и забывчивость или даже презрение по отношению к «другим», более или менее неизвестным людям, которые являются членами других «племен»; им не доверяют и считают их «врагами» (ложное и близорукое представление о солидарности)</p>

Социализм как «опиум народа»

Наконец, у социализма есть системный эффект, состоящий в том, что он препятствует гражданам обнаружить те негативные последствия, к которым он приводит. В силу самой своей приро-

ды социализм мешает появлению значимой информации, необходимой для того, чтобы подвергнуть его критике или устранить. Когда людей насильственно удерживают от свободной творческой деятельности, *они даже не понимают, какие возможности для творчества теряют в пронизанной принуждением институциональной среде, в которую погружены их жизни.*

Как утверждает пословица: «С глаз долой — из сердца вон»³⁹. Таким образом, возникает нечто вроде миража, побуждающего некоторых людей отождествлять орган принуждения с теми благами и услугами, которые считаются самыми важными для жизни и которые предоставляет этот орган. В умы людей даже не закрадывается мысль о том, что несовершенный результат, достигнутый посредством приказов, мог бы быть куда более творческим, успешным и высоким, если бы был итогом свободной, предпринимательской человеческой деятельности. В результате распространяются самодовольство, цинизм и пассивность. Только подпольная экономика и информация о том, что происходит при других, относительно менее социалистических системах правления, способны запустить механизмы гражданского сопротивления, необходимые для демонтажа — посредством социального развития или революции — организованной институциональной системы принуждения, направленной против людей. Кроме того, социализм, как любой наркотик, вызывает «зависимость» и симптомы «ригидности»; как мы видели, власти стремятся оправдать увеличение дозы принуждения, и для людей, которые впали в зависимость от нее, система делает возвращение к предпринимательским обычаям и моделям поведения, не основанным на принуждении, очень мучительным и тяжелым⁴⁰.

³⁹ [Ojos que no ven, corazón que no siente; чего глаза не видят, о том сердце не болит]. Мигель Сервантес («Дон Кихот», гл. 67) использует форму “Ojos que no ven, corazón que no quiebra” (чего глаза не видят, от того сердце не разобьется); имеется также вариант “Ojos que no ven, corazón que no llora” (чего глаза не видят, по тому сердце не плачет). (См. pp. 327—328, *Diccionario de Refranes*, Juana G. Campos, Ana Barella, Приложение 30 к: *Boletín de la Real Academia Española*, Madrid, 1975.)

⁴⁰ С этой точки зрения, при «социальной демократии» ситуация еще тяжелее — если такое возможно — чем при «реальном социализме», потому что там примеров и альтернатив, которые

Заключение: антисоциальная сущность природы социализма

Если вспомнить определение «общества», которое мы дали в конце прошлой главы, становится очевидно, что нет ничего более антисоциального, чем социализм. Наш теоретический анализ выявил, каким образом в *моральной сфере* социализм разрушает принципы, то есть нормы поведения, которые необходимы для поддержания ткани общества, дискредитируя закон (при этом происходит подмена этого понятия) и поощряя его нарушения, а также избавляясь от справедливости (включая систему правосудия) в ее традиционном смысле. В *политической сфере* социализм неизбежно скатывается к тоталитаризму, поскольку систематическое принуждение имеет тенденцию проникать во все уголки и закоулки общества, уничтожая свободу и личную ответственность. В *материальном отношении* социализм серьезно препятствует производству товаров и услуг, затрудняя таким образом экономическое развитие. В культурном отношении социализм сковывает творческие возможности, мешая развитию и усвоению новых моделей поведения и вмешиваясь в процесс открытия и введения в оборот культурных новаций. В сфере науки социализм представляет собой интеллектуальное заблуждение, вытекающее из веры в неограниченные возможности человеческого разума, и, следовательно, в то, что возможно получить информацию, необходимую для улучшения общества, путем принуждения⁴¹. Итак, социализм является по сути античе-

могли бы открыть глаза гражданам, практически не существует, а возможности скрывать негативные последствия демократического социализма посредством демагогии и рационализации постфактум почти безграничны. Таким образом, в наши дни, когда «рай» реального социализма утрачен, подлинный «опиум народа» — это социальная демократия. По этому поводу см. с. 26—27 моего предисловия к испанскому изданию первого тома собрания сочинений Хайека: *Obras Completas de F. A. Hayek (La Fatal Arrogancia. Los Errores del Socialismo, obra citada)*.

⁴¹ Сам Хайек по этому поводу писал: «В моральном отношении социализм может лишь разрушить фундамент морали, личной свободы и ответственности. В политическом отношении он рано или поздно приводит к тоталитарному правлению. В материаль-

ловеческим и антисоциальным, так как он основан на систематическом принуждении, направленном против самого сокровенного, что есть у человека: его способности к свободной и творческой деятельности.

7. Различные типы социализма

После того, как мы дали теоретическое определение социализма, объяснили, почему эта система представляет собой интеллектуальное заблуждение и рассмотрели его теоретические последствия, обратимся к истории наиболее известных случаев социализма. Сначала мы намерены установить связь между нашим теоретическим анализом и реальным миром, используя наш анализ для интерпретации основных отличительных особенностей каждого из типов социализма. Все примеры, о которых мы будем упоминать, объединяет то, что они относятся к социалистическим системам, иными словами, к режимам, основанным на систематической институциональной агрессии против свободного предпринимательства. Как мы увидим, различия между ними связаны с их общими ориентирами и целями, и, в особенности, с масштабом и уровнем использования институциональной агрессии.

Реальный социализм, или экономики советского типа

Эту систему характеризует высокий уровень и значительный масштаб институциональной агрессии против человеческой деятельности отдельных людей и, в особенности, то, что эта агрессия всегда выражается (как минимум) в попытках заблокировать свободу предпринимательства в отношении экономических благ высшего порядка, то есть материальных факторов производства. Любые материальные факторы производства (капитальные блага и природные ресур-

ном отношении он, если и не становится причиной обнищания, будет серьезно мешать производству богатства». См.: Ф. А. Хайек, "Socialism and Science" in *New Studies In Philosophy, Politics, Economics and the History of Ideas* (London: Routledge, 1978), 304.

сы) — это экономические блага, которые не удовлетворяют прямо человеческие нужды и требуют вмешательства других производственных факторов, в особенности, труда, для того, чтобы посредством процесса производства, который всегда занимает какое-то время, были произведены потребительские блага и услуги. С точки зрения теории человеческой деятельности, любые материальные факторы производства, или экономические блага высшего порядка, относятся к *промежуточным* — в субъективном восприятии человека — этапам, составляющим процесс деятельности до его окончательного завершения. Таким образом, теперь мы в состоянии оценить то мощное влияние, которое будет иметь институциональная агрессия, если она распространяется на факторы производства; такая агрессия в большей или меньшей степени окажет фундаментальное влияние на все действия людей. Такой тип социализма долго считался социализмом в наиболее чистом виде. Он также известен под названием «*реальный социализм*» — и, действительно, для многих незнакомых с динамической теорией предпринимательства теоретиков и мыслителей это единственный тип социализма, существующий в реальности.

Что касается его *мотивов*, то реальный социализм обычно стремится, причем чрезвычайно страстно, не только «освободить человечество от цепей», но и достичь *равенства результатов*, что считается воплощением идеала «справедливости». Было бы весьма интересно провести тщательное исследование развития и основных особенностей этого типа социализма, который сейчас находится в состоянии ярко выраженного упадка.

*Демократический социализм,
или социальная демократия*

В наши дни это самая популярная разновидность социализма. Исторически она возникла в результате *тактического* отхода от реального социализма и отличается от него тем, что, будучи социальной демократией, предназначается для того, чтобы достичь целей своих приверженцев с помощью традиционных демократических механизмов, которые сформировались в странах Запада. Позже, в основном благодаря развитию социальной

демократии в странах типа Западной Германии⁴², демократические социалисты постепенно отказались от цели «обобществления» средств и факторов производства и перешли к концентрации систематической, или институциональной, агрессии в сфере налогообложения — ради того, чтобы выровнять «социальные возможности» и результаты социального процесса.

Следует отметить, что, вопреки впечатлению, которое этот тип социализма желает произвести на общественное мнение, разница между реальным социализмом и демократическим социализмом непринципиальна; это разница в степени. На самом деле, при социальных демократиях институциональная агрессия достаточно масштабна и проникает весьма глубоко; мы имеем в виду и количество затронутых агрессией социальных сфер и процессов, и уровень реального принуждения, направленного против действий миллионов людей; эти люди — свидетели систематической экспроприации посредством налогов очень значительной доли плодов их предпринимательского творчества; кроме того, с помощью разнообразных приказов и инструкций их принуждают принимать участие в многочисленных действиях, которых они или не предприняли бы добровольно, или выполняли бы по-другому.

Социал-демократы обычно преследуют якобы «благородные» цели, например, «перераспределение» доходов и богатства, «улучшение функционирования» общества. Эта система стремится создать иллюзию, что, поскольку ее главная цель — это воплощение «демократического» идеала, а институциональную агрессию осуществляют на практике демократически избранные «представители», то эта агрессия не является проблемой. Таким образом, эта система скрывает то, что теоретические последствия социализма возникают с неизбежностью, вне зависимости от того, состоит руководящий орган из демократически избранных представителей народа или нет. *Демократические выборы не оказывают влияния на фундаментальную проблему неустранимого неведения, в котором пребывает руководящий орган, отвечающий за принуждение систематического принуждения.* Вне зависимости

⁴² По поводу возникновения и развития социальной демократии в Западной Германии см. пронизательные замечания, высказанные Гансом-Германом Хоппе в книге: Hans-Hermann Hoppe, *A Theory of Socialism and Capitalism*, chap. 4, esp. pp. 61—64.

от того, является или нет ее источником независимый парламент, агрессия в какой-то степени всегда мешает основанному на творческом предпринимательстве человеческому взаимодействию и тем самым препятствует социальной координации и вызывает все остальные теоретические последствия социализма, которые мы описывали выше.

Следовательно, главное, от чего зависит гармония социальных отношений, — это не «демократический» или недемократический способ их организации, а масштаб и уровень систематического принуждения, направленного против свободного человеческого взаимодействия. Именно поэтому Хайек заявляет, что если так называемый «демократический идеал» означает предоставление избранным представителям полномочий неограниченного институционального вмешательства (агрессии), то он не считает себя демократом. Он отстаивает систему, основанную на ограничении власти государства и недоверии к типичной для государства институциональной агрессии, опирающуюся на ряд взаимно уравнивающих друг друга органов, которые состоят из демократически избранных представителей. Хайек предлагает для такой системы имя «демархия»⁴³.

Наконец, во всех, случаях господства демократического социализма возникает описанный в предыдущем разделе эффект «миража»: поскольку эта система в какой-то степени распространилась по всем странам, где отсутствует реальный социализм, то у граждан нет базы для сравнения, которая могла бы

⁴³ F. A. Hayek, *The Political Order of a Free People*, vol. 3 of *Law, Legislation and Liberty*, 38–40 [Хайек Ф. Общество свободных // Хайек. Право, законодательство и свобода. С. 362–364]. На р. 39 [с. 363] Хайек ясно говорит: «Я, конечно, твердо верю, что правление должно осуществляться согласно принципам, одобренным большинством, и что только такой порядок правления может обеспечить мир и свободу. Но я заявляю вполне откровенно: *если демократия означает неограниченную волю большинства, я — не демократ, а такое правление считаю гибельным, в долгосрочной же перспективе — не жизнеспособным*» (курсив мой. — У. де С.). Далее Хайек объясняет, почему он отвергает термин «демократия», указывая на то, что греческий корень *kratos* восходит к корню *kratein* и связан с идеей «грубого насилия» или «доминирования», несовместимым с демократическим правлением в рамках закона, понимаемого в материальном смысле и равно применимого ко всем («изономия», или равенство перед законом).

открыть им глаза на негативные последствия социал-демократической институциональной агрессии (вмешательства), как это происходит сейчас в странах реального социализма, где наличие возможности для сравнения усиливает движения (революционные и нет), выступающие за демонтаж и реформирование этой системы. Тем не менее благодаря прогрессу как теории⁴⁴, так и практики, простые люди все в большей степени осознают вред, наносимый им социал-демократическим государством-агрессором. (На самом деле крах реального социализма отразился на социальной демократии, несмотря на многочисленные попытки доказать, что это не так.) Во все большем числе обществ перечисленные выше факторы создают тенденции, сейчас уже более или менее оформившиеся, направленные на сокращение масштаба и уровня систематического принуждения, свойственного социальной демократии.

Консервативный, или «правый», социализм

«Консервативным», или «правым», социализмом можно называть такой тип социализма, когда институциональная агрессия используется для сохранения статус-кво и привилегий некоторых групп и лиц. Главная цель «правого» социализма состоит в том, чтобы сохранить все, как есть, не давая свободному предпринимательству и творческой человеческой деятельности разрушить предварительно установленную рамку социальной организации. В достижении этой цели «правые» социалистические системы опираются на систематическую институциональную агрессию, которая применяется всюду, где это им необходимо. В этом отношении консер-

⁴⁴ Конкретно мы имеем в виду главные открытия школы общественного выбора и теорию интервенционизма, выдвинутую австрийской школой. См. комментарии по этому поводу, а также библиографию в сноске 27 к этой статье. Подробный обзор причин, по которым бюрократическое государственное управление обречено на провал, даже когда оно опирается на «демократическое» основание, можно найти в моей статье “Derechos de Propiedad y Gestión Privada de los Recursos de la Naturaleza,” Cuadernos del Pensamiento Liberal (Madrid: Unión Editorial), no. 2 (March 1986): 13–30; переиздано в моей книге Lecturas de Economía Política, vol. 3 (Madrid: Unión Editorial, 1987), 25–43.

вативный и демократический социализм различаются только мотивами и теми конкретными социальными группами, которым они стремятся предоставить привилегии.

Консервативный, или «правый», социализм также характеризуется ярко выраженным *патернализмом*, понимаемым как попытка «подморозить» поведение людей, назначив им те роли в потреблении или производстве, которые считает подобающими консервативный регулирующий орган. Кроме того, при социалистической системе такого типа власти обычно стремятся навязать обществу в приказном порядке определенное поведение, которое они считают моральным или правоверным⁴⁵.

С консервативным, или «правым», социализмом, тесно связан *военный социализм*. Мизес определяет его как социализм, где все институты подчинены целям ведения войны, а шкала ценностей, по которой определяется социальный статус и доход граждан, зависит в первую очередь, или исключительно, от положения человека по отношению к вооруженным силам⁴⁶. *Гильдейский и аграрный социализм* также можно отнести к типу консервативного, или «правого», социализма. В первой из этих систем власти стремятся создать общество, основанное на иерархии специалистов, менеджеров, мастеров, офицеров и рабочих, а во второй — насильственно разделить землю между определенными социальными группами⁴⁷.

Наконец, необходимо подчеркнуть, что философия консерватизма абсолютно несовместима с новаторством и творчеством; она обращена в прошлое, не доверяет тому, что могли бы

⁴⁵ Лучшее теоретическое объяснение консервативного, или «правого», социализма дал Ганс-Герман Хоппе. См.: Hans-Hermann Hoppe, *A Theory of Socialism and Capitalism*, chap. 5.

⁴⁶ Ludwig von Mises, *Socialism: An Economic and Sociological Analysis* (Indianapolis: Liberty Press, 1981), 220 (перевод на английский J. Kahane работы *Die Gemeinwirtschaft. Untersuchungen über den Sozialismus* [Jena: Gustav Fischer, 1922]) [Мизес. Социализм: экономический и социологический анализ. С. 161]. Однако Мизес показывает, что военный социализм не может конкурировать на избранном им самим поле боя с обществами, где разрешена творческая предпринимательская деятельность; в качестве примера он упоминает о том, как великая военно-коммунистическая империя инков была уничтожена горсткой испанцев (pp. 222—223 [с. 162—163]).

⁴⁷ О гильдейском и аграрном социализме см. Mises, *Socialism*, 229—232, 236—237 [Мизес. Социализм. С. 167—170; 173].

создать рыночные процессы, оппортунистична по своей сути и лишена принципов, поэтому она обычно рекомендует доверить институциональное принуждение «мудрым и добрым лидерам», следующим в каждом конкретном случае разным критериям. Итак, консерватизм представляет собой обскурантистскую доктрину, которая абсолютно пренебрегает тем, что функционирование социальных процессов происходит за счет энергии предпринимательства, и, в особенности, проблемой неустрашимого неведения, свойственного всем лидерам⁴⁸.

*Социальная инженерия, или сциентистский социализм*⁴⁹

Сциентистский социализм — это тип социализма, предпочитаемый учеными и интеллектуалами, которые считают, что, поскольку они владеют артикулированным знанием и информацией «более высокого порядка», чем та, которая доступна остальным членам общества, они имеют право рекомендовать и направлять систематическое принуждение на уровне общества. Сциентистский социализм особенно опасен тем, что он легитимирует все остальные типы социализма в интеллектуальном отношении и часто сопровождает как демократический социализм, так и типичный для «правого» социализма просвещенный деспотизм. Его происхождение связано с интел-

⁴⁸ F. A. Hayek, “Why I am not Conservative” in *The Constitution of Liberty*, 397–411 [См.: Хайек Ф. Конституция свободы. М.: Новое издательство, 2008].

⁴⁹ В Словаре испанского языка Королевской Академии используемое нами слово *cientismo* [сциентизм] отсутствует. Из похожих слов там есть *cientificismo*, пятое значение которого — «склонность придавать излишнюю ценность научным или якобы научным представлениям». Грегорио Мараньон, хотя и употреблял иногда термин *cientismo*, в итоге, кажется, предпочел *cientificismo*, который он называет «карикатурой на науку» и описывает как «чрезмерную демонстрацию отсутствующих научных знаний». В заключение он пишет: «Суть дела в том, что *cientificista* [сциентист] некритически приписывает исключительное догматическое значение собственным обширным познаниям; он пользуется своим положением и репутацией, чтобы вводит в заблуждение своих последователей и слушателей» (курсив мой. — У. де С.). См.: Gregorio Marañón, “La plaga del Cientificismo,” chap. 32

лектуальной традицией *картезианского, или конструктивистского рационализма*, согласно которому разум интеллектуалов способен на все: в частности, именно он сознательно создал или изобрел все социальные институты, и поэтому его вполне достаточно, чтобы менять и планировать их по собственному разумению. Таким образом, приверженцы этого «рационализма» не признают границ для человеческого разума; замороженные колоссальными успехами естественных наук, технологий и инженерии, они пытаются применить их методы к социальной сфере и выработать своего рода *социальную инженерию*, способную организовать общество более «справедливым» и «эффективным» способом.

Главную ошибку интеллектуал-социалист или социальный инженер-сциентист совершает, полагая, что возможно научными средствами организовать централизованное наблюдение, вербализацию, архивирование и анализ той практической информации, которую люди постоянно порождают и передают друг другу в ходе социального процесса. Иными словами, отдельно взятый сциентист считает, что в силу своих «высших» знаний и интеллектуального превосходства над остальными

of *Cajal: su tiempo y el Nuestro*, vol. 7, *Obras Completas* (Madrid: Espasa Calpe, 1971), 360—361. Нам, однако, кажется, что термин *cientismo* точнее, чем *cientificismo*, так как он в большей степени относится к злоупотреблению наукой как таковой, чем к недобросовестной манере *заниматься* наукой. (Слово *científico* происходит от латинского *scientia* — наука, и *facere* — делать.) Кроме того, в английском языке слово *scientism* используется для обозначения некорректного применения методов естественных наук, физики, технологии и инженерного дела к сфере социальных наук. («Утверждение, что методы естественных наук следует использовать для любых исследований, в том числе в области философии, гуманитарных и социальных наук». См.: *Webster's Third New International Dictionary of the English Language Unabridged*, vol. 3 [Chicago: G. & G. Merriam, 1981], 2033). Наконец, Мануэль Секо в своем знаменитом словаре (*Manuel Seco, Diccionario de Dudas y Dificultades de la Lengua Española*, 9th ed. [Madrid: Espasa Calpe, 1990], 96), утверждает, что допустимы слова *ciencismo* и *cientista*, хотя мы считаем, что они хуже, чем *cientismo* и *cientista*, поскольку так же, как и соответствующие выражения в английском и французском языках, вторая пара происходит от латинского *scientia* (а не от испанского *ciencia*).

людьми в обществе он может и должен занимать высшую ступень в социалистической системе управления, и что это дает ему полномочия координировать общество посредством приказов и регулирования⁵⁰.

⁵⁰ Замечательной иллюстрацией такого высокомерия интеллектуала-социалиста может быть легенда, рассказывающая о короле Альфонсо X, которого называли также Альфонсо Мудрым или Альфонсо Образованным. Он был «так дерзок и высокомерен от своего великого знания человеков и причастности тайн природы, что самонадеянно бахвалился, в посрамление провидения и высшей мудрости всемогущего Творца, говоря, что ежели бы Господь просил у него совета, творя мир и все сущее, и он был бы тогда с Господом, то некоторое из сущего вышло бы лучше и совершенней, чем нынче, а иное не было бы сотворено вовсе или было бы поправлено и улучшено». Легенда гласит, что король был наказан ужасным ударом грома, молнией и бурей, от которых крепость Алькасар в Сеговии, где он пребывал со своим двором, загорелась, так что несколько людей погибло, несколько было ранено, а сам король спасся лишь чудом и немедленно покаялся в своей пагубной гордыне. Ужасная гроза, разразившаяся 26 августа 1258 г. и ставшая причиной пожара в сеговийской крепости, во время которого король чуть не погиб — это событие, подтвержденное историческими источниками. См. великолепную биографию Альфонсо X Мудрого, написанную Антонио Баллестеросом Береттой (Antonio Ballesteros Beretta, *Alfonso X El Sabio* [Barcelona: Ediciones “El Albir,” 1984], 209—211). Там мы находим критическую оценку всех версий этой легенды и ее связи с реальными историческими событиями. Хотя легенда носит апокрифический характер, нет сомнений, что сциентистские склонности «мудрого» короля проявились как минимум в жестких правилах, с помощью которых он безуспешно пытался устанавливать и контролировать цены, чтобы помешать их неизбежному и естественному росту, связанному с систематическим обесцениванием денег в результате его собственной денежной политики. Провалилась также попытка Альфонсо заменить традиционные кастильские законы о наследовании «научным» кодексом под названием «Семь партий», который поссорил его с собственным сыном и наследником Санчо и привел страну к гражданской войне, омрачившей последние годы жизни короля. Другая историческая фигура, которая может служить ярким примером краха сциентистского конструктивизма в социальной сфере, — это граф-герцог Оливарес, фаворит короля Филиппа IV, на протяжении большей части царствования Филиппа державший в своих руках судьбы империи. Благие намерения, работоспособность и усилия графа-герцога были столь же неумеренны, сколь тщетны. На самом деле главным недостат-

Картезианский рационализм — это просто ложный рационализм в том отношении, в котором он отказывается признать пределы человеческого разума как такового⁵¹. Он воплощает крайне серьезную интеллектуальную ошибку, значение которой особенно возрастает оттого, что ее носители — это люди, вроде бы получившие самое лучшее интеллектуальное образование, которые, казалось бы, в силу этого должны быть скромнее других в оценке собственных возможностей. Ошибка рационалистов заключается в том, что они полагают, что социальные законы и институты, делающие возможным процесс человеческого взаимодействия, являются результатом сознательных усилий человека. Они не учитывают, что эти институты и законы могут быть итогом эволюционного процесса, в котором на протяжении чрезвычайно долгого времени принимали участие миллионы и миллионы людей: каждый вносил в него свой маленький запас практической информации и опыта, порожденный в ходе социального процесса. Именно поэтому эти институты в принципе не могли возникнуть в результате сознательной и намеренной деятельности человеческого ума, *неспособного вместить всю ту практическую информацию и знания, которые в них содержатся.*

Хайек рассмотрел весь длинный и скучный список ошибок, в которых повинны социалисты сциентистского толка, и свел их к четырем ошибочным идеям: 1) идее о том, что неразумно следовать какому-либо плану действий, если его невозможно

ком графа-герцога было то, что «по своей природе он стремился всюду навести порядок»; поэтому он не смог преодолеть искушения и отказаться от господства во всех сферах социальной жизни. На закате своего правления он сам выразил «глубокое разочарование тем, что любая его попытка поправить дела *производила эффект, прямо противоположный его намерениям*». Однако граф-герцог так и не понял, что таков естественный и неизбежный результат любых попыток силой контролировать и организовывать все общество; поэтому он никогда не считал причиной катастрофического состояния, в котором он оставил Испанию, собственный метод управления, а объяснял его гневом Божиим и моральной развращенностью века сего. См. блестящее исследование: J. H. Elliot, *El Conde-Duque de Olivares* (Barcelona: Edit. Crítica, 1990), esp. 296, 388.

⁵¹ F. A. Hayek, “Kinds of Rationalism” in *Studies in Philosophy, Politics and Economics* (New York: Simon and Schuster, 1967), 82—95.

но обосновать научно или подтвердить путем эмпирических наблюдений; 2) идее о том, что неразумно следовать какому-либо плану действий, если он непонятен (ввиду того, что он основан на традициях, обычаях или привычках); 3) идее о том, что неразумно следовать какому-либо плану действий, если его цель не была ясно установлена априори (эту серьезную ошибку допускали умы масштаба Эйнштейна, Рассела и самого Кейнса); 4) тесно связанной с ними идее, что неразумно совершать какие бы то ни было действия, кроме тех случаев, когда все их результаты заранее известны, наблюдаемы, а их благотворность, в утилитаристском понимании, подтверждена⁵². Таковы четыре основных ошибки, которые допускают интеллектуалы-социалисты, и все они происходят от одной фундаментальной ошибки — веры в то, что наблюдатель-интеллектуал способен постичь, проанализировать и с помощью «науки» усовершенствовать практическую информацию, которую создают и используют те, за кем он наблюдает.

В то же время, когда социальный инженер верит, что он обнаружил в социальном процессе противоречие или рассогласованность, и «научно» обосновывает или рекомендует меры приказного характера, включающие институциональное принуждение или агрессию, дабы устранить рассогласованность, он совершает еще четыре ошибки: 1) он не понимает, что, скорее всего, его «наблюдения», относящиеся к обнаруженной им социальной проблеме, ошибочны, потому что он не в состоянии собрать всю существенную практическую информацию;

⁵² F. A. Hayek, *The Fatal Conceit: The Errors of Socialism*, 61, 62 [Хайек. Пагубная самонадеянность. С. 108—109]. Утилитаризм основан на той же интеллектуальной ошибке, что и социализм, так как он предполагает, что ученому-утилитаристу будет доступна вся информация об издержках и выгодах, необходимая для принятия «объективных» решений. Однако, поскольку такая информация не доступна централизованно, утилитаризм не может использоваться в качестве политико-социальной философии, и, таким образом, единственное, что остается — это действовать в рамках закона и шаблонных принципов поведения (морали). Действительно, это может казаться парадоксом, но с учетом неустрашимого человеческого неведения для человека нет ничего более полезного и практичного, чем действовать согласно своим принципам, отказавшись от наивного и близорукого утилитаризма.

2) он пренебрегает тем, что если эта рассогласованность действительно существует, то чрезвычайно вероятно, что какие-либо стихийные предпринимательские процессы уже начали действовать и устранят ее гораздо быстрее и с большим успехом, чем предложенные им приказные меры; 3) он не понимает, что если к его рекомендации прислушаются и социальный «ремонт» будет проведен с помощью принуждения, то, по всей вероятности, это типичное проявление социализма остановит, преврет или сделает невозможным тот необходимый предпринимательский процесс, в ходе которого рассогласованность могла бы быть обнаружена и устранена, и, следовательно, вместо того, чтобы решить проблему, приказ, основанный на рекомендациях социальной инженерии, еще больше осложнит ее и делает неустранимой; 4) интеллеktуал-социалист в особенности склонен пренебрегать тем, что его поведение изменит весь каркас человеческой деятельности и предпринимательства, извратит их, сделает избыточными, и, как мы уже видели, направит их энергию на несвойственную им активность (на коррупцию, покупку привилегий у правительства, теневую экономику и т.п.)⁵³. Наконец, следует сказать, что социальная инженерия основана на распространенном в экономической науке и социологии некорректном методологическом подходе, который обращает внимание исключительно на конечные состояния равновесия и зависит от самонадеянного предположения о том, что вся необходимая информация дана ученому и доступна ему; этот подход и соответствующая ему презумпция буквально насквозь пропитывают большую часть современной экономической аналитики, полностью обесмысливая ее⁵⁴.

⁵³ На эти четыре ошибки, которые совершают социальные инженеры, советующие, на псевдонаучных основаниях, применять принуждение, обратил внимание Израэль Кирцнер. См.: Israel M. Kirzner, "The Perils of Regulation: A Market Process Approach" in *Discovery and the Capitalist Process*, 136—145.

⁵⁴ Norman P. Barry, *The Invisible Hand in Economics and Politics. A Study in the Two Conflicting Explanations of Society: End-States and Processes* (London: Institute of Economic Affairs, 1988). В следующих главах у нас будет возможность увидеть, как теоретики-сциентисты с их фиксацией на равновесии не сумели понять доводы Мизеса о невозможности экономического расчета в социалистической экономике. Мы также рассмотрим один из самых существенных побочных результатов этой полемики, а именно то, что она

Другие типы социализма (христианский, или солидарный, синдикалистский и т.п.)

Социализм, основанный на христианстве, или «солидарности», возникает тогда, когда конкретные результаты социального процесса оцениваются как неблагоприятные с «моральной» точки зрения и имеет место оправдание применения систематического институционального принуждения во имя того, чтобы исправить эти «несправедливости». В этом смысле основанный на «святом принуждении» христианский социализм не отличается от других проанализированных нами ранее типов социализма, и мы упоминаем его отдельно только из-за особых, более или менее религиозных оснований, которыми люди его оправдывают. Кроме того, христианский социализм обычно демонстрирует полное отсутствие знания и понимания того, как функционируют социальные процессы, движимые предпринимательством. В формулируемых им моральных суждениях господствует неопределенное представление о «солидарности» по отношению *к ближне-му* или *собрату*; однако оно не сопровождается пониманием того, что социальный процесс человеческого взаимодействия делает достижения цивилизации доступными не только для «ближних», но и для дальних и незнакомых. И это происходит стихийно, посредством процесса, в ходе которого разные люди, преследуя каждый свои собственные цели, сотрудничают друг с другом, несмотря на то, что они незнакомы. Наконец, христианские социалисты не считают принуждение морально недопустимым, если оно направлено на достижение *высших моральных* целей. Тем не менее систематическое принуждение, даже «святое», все равно остается античеловеческим и в силу этого является социализмом со всеми его характерными теоретическими последствиями, которые мы уже описывали⁵⁵.

обнажила методологическую непоследовательность современного экономического анализа, основанного на равновесии.

⁵⁵ Особенно важный источник по христианскому социализму — это книга *Religion, Economics and Social Thoughts*, ed. Walter Block and Irving Hexham (Vancouver, Canada: Fraser Institute, 1989). См. также: Mises, *Socialism*, 223—226 [Мизес. Социализм. С. 163—166].

Синдикалистский социализм — еще одна разновидность социализма; его сторонники пытаются с помощью систематического институционального принуждения создать общество, в котором рабочие *напрямую* владеют средствами производства. Эта разновидность, которую иногда называют социализмом самоуправления, все равно является социализмом в той мере, в какой опирается на массовое и систематическое использование принуждения и, таким образом, она воспроизводит все особенности и последствия социализма, которые мы уже рассматривали в этой главе. Однако синдикалистский социализм также порождает особые формы нарушения координации, несвойственные другим типам социализма, особенно если он не ограничивается простым перераспределением богатства, а задуман как стабильная экономическая и социальная система. Теоретики подробно проанализировали его типичные отличительные особенности и сделанные ими теоретические выводы были полностью подтверждены конкретными историческими примерами, скажем, Югославией, где была предпринята попытка осуществить синдикалистский социализм на практике⁵⁶.

8. Критика других определений социализма

Традиционное определение и процесс выработки нового определения

Социализм традиционно определяли как систему социального устройства, основанную на государственной собственности на средства производства⁵⁷. По историческим и поли-

⁵⁶ См. о синдикалистском социализме как таковом и о попытке реализовать его в Югославии: Svetozar Pejovich, “The Case of Self-Management in Yugoslavia” in *Socialism: Institutional, Philosophical and Economic Issues* (Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1987), 239–249 (включая ссылки на источники). См. также: E. Furubotn and S. Pejovich, “Property Rights, Economic Decentralization, and the Evolution of the Yugoslavian Firm, *Journal of Law and Economics* no. 16 (1973): 275–302.

⁵⁷ Действительно, Словарь Королевской Академии испанского языка определяет социализм именно «как систему социального и экономического устройства, основанную на коллективной,

тическим причинам это значение, которое на практике совпадает с данным нами чуть ранее определением «реального социализма», господствовало в течение длительного времени. Именно это определение Мизес использовал в 1922 г. в своем критическом трактате о социализме⁵⁸; позже и он сам, и другие его последователи использовали его в качестве отправной точки в ходе спора о невозможности экономического расчета при социализме, который у нас будет возможность тщательно изучить в следующих главах.

Однако традиционное определение социализма с самого начала было явно неудовлетворительным. Во-первых, оно носило очевидно статический характер, так как было сформулировано в терминах существования (или несуществования) конкретного правового института (прав собственности) в связи с конкретной экономической категорией (средствами производства). Использование этого определения требовало предварительного объяснения того, что такое права собственности, и связанных с этим экономических последствий. Кроме того, в ходе спора о невозможности социализма выяснилось, что его участникам было довольно сложно понимать друг друга именно из-за того, что они вкладывали разный смысл в понятие прав собственности. Наконец, под традиционное определение не подпадали интервенционизм и экономическое регулирование, которые, хотя и не требуют полной национализации средств производства, также порождают в качественном отношении аналогичный эффект нарушения координации. По всем этим причинам представлялось весьма разумным продолжение поисков такого определения социализма, чтобы оно описывало самую суть этого явления, было свободно, насколько это возможно, от понятий, которые легко ошибочно истолковать,

государственной собственности и управлении средствами производства» [*el sistema de organización social y económica basado en la propiedad y administración colectiva y estatal de los medios de producción*].

⁵⁸ Мизес утверждает: «Суть социализма в следующем: все средства производства находятся в исключительном распоряжении организованного общества. Это, и только это, является социализмом. Все остальные определения вводят в заблуждение» (Ludwig von Mises, *Socialism*, 211 [Мизес. Социализм. С. 155]). По причинам, изложенным в тексте, мы полагаем, что Мизес ошибался, делая столь категорическое утверждение.

а также, подобно процессам, к которым оно относится, носило бы явно выраженный динамический характер.

Одним из самых важных следствий спора о невозможности экономического расчета при социализме стало создание и развитие экономистами австрийской школы (Мизесом, Хайеком, и в особенности Кирцнером) теории предпринимательства, которая раскрыла роль предпринимательства как ведущей творческой силы, стоящей за всеми социальными процессами. Направление, в котором следовало искать действительно научное определение социализма, было окончательно определено открытием, что врожденная способность человека к предпринимательству, выраженная в его личной творческой деятельности, это именно то, что делает возможной жизнь в обществе, так как она выявляет случаи социальной несогласованности и приводит к созданию и передаче информации, которая необходима для каждого человека, чтобы научиться приспособлять свое поведение к поведению других людей.

Следующий важный шаг на пути к созданию корректного определения социализма сделал Ганс-Герман Хоппе⁵⁹. Он выяснил, что ключевая характеристика социализма, его фундамент — это институционализированное вмешательство, или агрессия, против прав собственности. Его определение более динамично и в силу этого более практично, чем традиционное. Оно имеет дело не с наличием или отсутствием прав собственности, а с вопросом, используется ли принуждение или физическое насилие институционально, то есть организовано и регулярно, для нарушения прав собственности. Хотя мы считаем определение Хоппе большим прогрессом, оно не вполне удовлетворяет нас, так как требует предварительного определения или уточнения того, что имеется в виду под «правами собственности», и не упоминает о предпринимательстве как о главной силе, стоящей за всеми социальными процессами.

Если мы соединим идею Хоппе о том, что социализм всегда предполагает систематическое использование принуждения, с тем, что недавно сделал Кирцнер в теории предпринима-

⁵⁹ Hans-Hermann Hoppe, *A Theory of Socialism and Capitalism*, 2. Хоппе утверждает, что «социализм, который гораздо старше, чем марксизм XIX в., следует концептуализировать как институционализированное вмешательство, или агрессию, против частной собственности и прав частной собственности».

тельства, то придем к выводу, что наиболее адекватное определение социализма — это определение, которое предлагается и используется в этой главе, то есть, что социализм это *любая организованная система институциональной агрессии против предпринимательства и человеческой деятельности*. Это определение обладает тем преимуществом, что оно общепонятно и не нуждается в подробном предварительном объяснении того, что такое права собственности и какие последствия они влекут за собой. Очевидно, что человеческая деятельность может либо быть, либо не быть агрессивной, и что если она не агрессивна, а также не сводится исключительно к защите от произвольной или несистематической внешней агрессии, то эта деятельность есть наиболее сокровенная и типичная, то есть совершенно законная особенность человека, и, соответственно, ее следует уважать.

Иными словами, мы полагаем, что наше определение социализма наиболее уместно потому, что оно сформулировано в терминах человеческой деятельности, самой сокровенной и фундаментальной черты человека. Кроме того, социализм рассматривается как институционализированное насилие против как раз тех сил, которые делают возможной жизнь в обществе, и в этом смысле утверждение, что *нет ничего более антисоциального, чем социалистическая система*, парадоксально только на первый взгляд. Одно из самых больших достоинств нашего определения социализма состоит в том, что оно демонстрирует это. Несомненно, процесс свободного от агрессии (вмешательства) социального взаимодействия требует соблюдения целого ряда норм, законов и обычаев. Все вместе они образуют материальное право, то есть рамку, внутри которой могут мирно совершаться человеческие действия. Тем не менее право не предшествует человеческой деятельности, а эволюционирует (в виде обычая) как раз по мере процесса социального взаимодействия. Следовательно, согласно нашему определению, *социализм это не система институциональной агрессии против результата эволюции предпринимательства (то есть прав собственности), а система агрессии против человеческой деятельности (предпринимательства) как таковой*. Наше определение социализма позволяет нам прямо связать теорию общества с теорией права и его возникновения, развития и эволюции. Кроме того, оно позволяет нам поставить на уровне теории вопрос о том, какие права собственности возникают в результате доб-

ровольного (непринудительного) социального процесса, какие права собственности являются справедливыми и в какой степени социализм этически допустим (или недопустим).

Социализм и интервенционизм

Другое достоинство нашего определения социализма состоит в том, что под него подпадает социальная система, основанная на интервенционизме. Действительно, вне зависимости от того, рассматривать ли интервенционизм как типичное проявление социализма, или — что встречается чаще — как промежуточную систему между «реальным социализмом» и свободным социальным процессом, ясно, что, поскольку любые интервенционистские меры представляют собой агрессивное институциональное насилие по отношению к конкретной социальной сфере⁶⁰, интервенционизм, какими бы ни были его мотивы и его степень, и к какому бы типу он не относился, с точки зрения нашего определения является социализмом и, соответственно, неизбежно будет порождать все описанные в этой главе нарушения социальной координации.

Приравнивание термина «социализм» к термину «интервенционизм» не означает неоправданного расширения обычного значения этих слов, и является, собственно говоря, ана-

⁶⁰ Вот второе значение, которое дает Словарь испанского языка Королевской Академии для слова «интервенционизм»: «промежуточная система между индивидуализмом и коллективизмом, которая поручает государству управлять частной инициативой в жизни общества и дополнять ее» (*sistema intermedio entre el individualismo y el colectivismo que confía a la acción del Estado el dirigir y suplir, en la vida del país, la iniciativa privada*). Однако, мы видим, что составители словаря противоречат сами себе, приписывая интервенционизму «промежуточный» характер, поскольку они занимают позицию, очень близкую к нашей, когда в том же самом словаре определяют «социализм» (*socialismo*) как «государственное регулирование экономической и социальной активности и распределения благ (*regulación por el Estado de las actividades económicas y sociales, y la distribución de los bienes*)». Последнее определение очень близко по смыслу к определению, которое словарь дает слову *intervencionismo*, и это оставляет у нас впечатление, что его авторы считают эти два термина — *socialismo* и *intervencionismo* («социализм» и «интервенционизм») — почти полными синонимами.

литическим требованием основанной на предпринимательстве теории социальных процессов. В самом деле, хотя первые теоретики австрийской школы, занимавшиеся интервенционизмом, первоначально рассматривали его в качестве отдельной от социализма категории, по мере развития полемики о невозможности экономического расчета при социализме границы между двумя этими понятиями стали размываться, и это продолжалось вплоть до наших дней, когда сторонникам теории предпринимательства стало ясно, что между социализмом и интервенционизмом нет качественной разницы⁶¹, хотя в разговорной речи эти слова иногда используются для обозначения разных степеней одного и того же феномена.

Кроме того, предлагаемое определение социализма позволяет ученым выполнить важную функцию, представив в истинном свете совершающиеся сейчас в очень многих политических, социальных и культурных областях искусные попытки придать интервенционизму устойчивость к тем естествен-

⁶¹ Например, относительно «интервенционизма», Дон Лавой недавно сделал такой вывод: «Можно продемонстрировать, что он саморазрушителен и иррационален примерно по тем же причинам, по которым Мизес объявил невозможным полностью централизованное планирование... разрозненные акты государственного вмешательства в систему цен точно так же должны считаться препятствующими процедуре открытия [нового знания] и, соответственно, настолько же извращающими знание, которое при этом порождается. Таким образом, аргумент экономического расчета может использоваться для объяснения многих частичных провалов, возникающих в результате *кромсания* государством системы цен, примерно так же, как он используется для объяснения полного экономического краха, неизбежно следующего за попытками *отменить* систему цен». См.: «Introduction,” *The Journal of Libertarian Studies* 5, no. 1 (winter 1981): 5. В свою очередь, Израэль Кирцнер много раз упоминал о *параллелях* между «социализмом» и «интервенционизмом». См.: Israel Kirzner, “Interventionism and Socialism: A Parallel” in “The Perils of Regulation: A Market-Process Approach,” chap. 6 in *Discovery and the Capitalist Process*, 121 ff. Нам следует подвергнуть критике идею о возможности экономического расчета в условиях интервенционизма, которую раз или два случилось защищать даже Мизесу: в тех сферах, где существует вмешательство, такой расчет невозможен и если в принципе расчеты возможны, то только потому, что вмешательство системы не распространяется на все общество (в той степени, которая характеризует реальный социализм).

ным и неизбежным последствиям, которые логически вытекают для него из экономического, социального и политического коллапса его ближайшего предшественника и интеллектуального предтечи: «реального социализма». По большей части, реальный социализм и интервенционизм представляют собой просто два проявления разной степени интенсивности одного и того же феномена институционального принуждения; они полностью разделяют одно и то же фундаментальное интеллектуальное заблуждение и его пагубные последствия⁶².

*Бессодержательность «идиллических»
концепций социализма*

Бессмысленно и бесполезно давать социализму определения, основанные на субъективных, идиллических оценках. Определения такого типа, которые господствовали первоначально, никогда не исчезали полностью, а их возрождение в наше время является побочным продуктом демонтажа «реального социализма» и упорного желания многих интеллектуалов спасти хотя бы идиллическую концепцию социализма, способную сохранить некоторую привлекательность для общества. Таким образом, нередко можно снова встретить определение социализма как «социальной гармонии»⁶³, «гармоничного союза чело-

⁶² Наше определение социализма, является все же менее широким, чем определение Алчиана. Он утверждает, что «*государство — это по определению социализм*» и делает из этого вывод, что для сохранения рыночной экономики необходим по крайней мере некий минимум социализма. Во-первых, как мы уже отмечали (см. сноску 2), минимально необходимый для того, чтобы предотвратить и подавлять изолированные всплывающие несистематического принуждения, уровень институционального принуждения нельзя считать социализмом. Во-вторых, неясно, насколько этот минимум принуждения должна обязательно обеспечивать монополистическая, государственная организация. См.: Armen Alchian and William R. Allen, *University Economics: Elements of Inquiry*, 3rd ed. (Belmont, California: Wadsworth Publishing, 1971), 627—628.

⁶³ См. в связи с этими «идиллическими» определениями статью А. Ноува: Alec Nove, “Socialism” in *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, vol. 4 (London: Macmillan Press, 1987), 398. Ноув в конце концов приходит к традиционному определению социализма, согласно которому «общество может считаться соци-

века и природы» или просто «максимизации благосостояния населения»⁶⁴. Все эти определения не имеют смысла, потому что мешают понять, намерен ли тот, кто их предлагает, оправдывать систематическое использование институционального принуждения против свободного человеческого взаимодействия. Таким образом, в каждом случае нужно будет отдельно выяснять, с чем мы имеем дело: с примитивным и откровенным оппортунизмом, с сознательным желанием укрыть институциональную агрессию за красивым фасадом или попросту со спутанностью сознания и туманными идеями.

Может ли термин «социализм» когда-либо возродиться?

Хотя это и не абсолютно невозможно, нам представляется очень сомнительным и крайне маловероятным, что значение слова «социализм», которое относится к грубой интеллектуальной ошибке и проистекает из пагубной сциентистской самонадеянности, в будущем изменится настолько, что возникнет возможность возрождения этого слова и его переопре-

алистическим, если большая часть средств производства товаров и услуг находится не в частных руках, а в некотором смысле в общественной собственности и управлении: либо у государства, либо у обобществленных предприятий, либо у кооперативов». Между прочим, на с. 407 этой статьи Ноув обнаруживает полное непонимание динамической теории предпринимательства, когда объединяет Мизеса с «чикагской утопией» и критикует капитализм за то, что он отличается от модели «совершенной конкуренции», которую можно найти в учебниках.

⁶⁴ Это определение дал Оскар Ланге в 1942 г., в свой наиболее «либеральный» период, до того, как он эволюционировал к бескомпромиссному сталинизму. На лекции 9 мая 1942 г. в Социалистическом клубе Чикагского университета Оскар Ланге сказал: «Под социалистическим обществом я имею в виду общество, где экономическая, особенно производственная активность, направлена на максимизацию благосостояния населения». Он добавил также, что в его определении «главное — это цель, а не средства». См. лекции Оскара Ланге: Oskar Lange, “The Economic Operation of a Socialist Society: I and II” in Tadeusz Kowalik, “Oskar Lange’s Lectures on the Economic Operation of a Socialist Society,” переиздано в: *Contributions to Political Economy* no. 6 (1987): 3, 4.

деления на основе теоретического анализа социальных процессов, свободного от научных ошибок. Единственно возможный вариант обновления слова «социализм» — это его переопределение на основании концепции общества как стихийного порядка и процесса, движимого врожденной способностью человека к предпринимательству, который мы подробно описали в предыдущей главе. В этом случае люди больше не считали бы социализм принципиально антисоциальным и это слово стало бы означать любую свободную от принуждения систему, которая уважает процессы добровольного человеческого взаимодействия. Таким образом, «социализм» стал бы синонимом таких словосочетаний, как «экономический либерализм» и «рыночная экономика», выражающих сегодня идею уважения к стихийным социальным процессам и минимизации систематического принуждения, применяемого к ним государством⁶⁵. Однако разочарование, вызванное интенсивной и непрерывной погоней за социалистическим идеалом, а также безумная самонадеянность, которую человечество демонстрирует во всех сферах жизни, и особенно — в науке, политике и в обществе, не позволяет поверить, что подобное семантическое развитие может реализоваться на практике.

⁶⁵ Это стало бы примером реабилитации слова и придания ему логически обоснованного значения в ходе процесса снятия семантической порчи, которую всегда наводит прилагательное «социальный», присоединяясь к какому-нибудь существительному (см. выше, сноску 35).

Глава IV

ЛЮДВИГ ФОН МИЗЕС И НАЧАЛО СПОРА ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАСЧЕТЕ

В этой и последующих главах мы намерены тщательно проанализировать спор о невозможности экономического расчета в социалистических экономиках. Статус его участников в научном сообществе, теоретическая глубина и влияние на последующее развитие нашей науки обеспечили этому спору очень важное место в истории экономической мысли. Мы дадим описание наиболее важных мнений каждого из участников, а также этапов полемики и ее наиболее значимых аспектов. Кроме того, мы подвергнем критическому анализу наиболее распространенную версию сущности спора и его исхода (которую мы считаем ошибочной) и попытаемся предложить несколько объяснений, почему именно эта версия стала господствующей. Эту главу мы начнем с анализа исторического контекста спора, и с подробного изучения принципиального открытия Людвиг фон Мизеса, вокруг которого он разгорелся.

1. Контекст

То, что социализм является интеллектуальным заблуждением и, следовательно, теоретически и практически невозможен, становится очевидно, с точки зрения истории экономической мысли, только в результате осознания, что общество и рынок функционируют как стихийный порядок, возникающий из постоянного взаимодействия друг с другом миллионов людей. Хотя тому представлению об обществе, которое мы излагали в двух предыдущих главах, более двух тысяч лет¹, его судьба была

¹ Прекрасный исторический обзор представлений об обществе как о стихийном порядке можно найти в статье F. A. Hayek, "Dr. Ver-

непростой, поскольку оно находилось в постоянном конфликте с оправдывающим систематическое принуждение и насилие конструктивистским рационализмом, к которому почти неумолимо интуитивно склоняется разум человека. От древнегреческого *kosmos*, естественного или стихийного порядка, созданного независимо от сознательной воли человека, через значительную часть проверенной временем римской правовой традиции² и через более близкие к нам по времени открытия Мандевиля, Юма, Адама Смита и Менгера, к Мизесу, Хайеку и другим современным либеральным мыслителям ведет длинная дорога, часто поворачивавшая в обратном направлении и на многих этапах маршрута полностью скрытая «черным приливом» *сциентизма*.

Главная идея, на которой построена наша критика социализма, состоит в том, что ни один человек и ни одна группа людей не могут получить информацию или знания, необходимые для того, чтобы организовать и координировать общество с помощью приказов и принуждения. Эта идея естественно следует из концепции общества как стихийного порядка. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, хотя эта концепция была подробно сформулирована совсем недавно, по крайней мере в эмбриональной форме люди отстаивали ее очень давно. Например, Цицерон рассказывает нам, что Катон считал римскую правовую систему превосходящей все остальные потому, что она «была создана умом не одного, а многих людей и не в течение одной человеческой жизни, а в течение нескольких веков и на протяжении жизни нескольких поколений. Ибо... никогда не было такого одаренного чело-

nard Mandeville” in F. A. Hayek, *New Studies in Philosophy, Politics, Economics and the History of Ideas*, 249–266.

² В двух предыдущих главах мы стремились показать тесную связь между нашей концепцией общества и материальным правом, то есть набором абстрактных норм, которые в равной степени применяются ко всем людям. Только рамка, заданная законом, понимаемым в этом смысле, делает возможными предпринимательство и человеческую деятельность, а значит, непрерывное порождение и распространение рассеянной информации, которым характеризуется развитие цивилизации. Соответственно, тот факт, что выдающиеся классические авторы, писавшие о римском праве, внесли свой вклад в ту философскую традицию, которую мы обсуждаем, не является чистым совпадением.

века, от которого ничто не могло бы ускользнуть, и все дарования, сосредоточенные в одном человеке, не могли бы в одно и то же время проявиться в такой предусмотрительности, чтобы он мог объять все стороны дела, не обладая долговременным опытом»³.

³ “Nostra autem res publica non unius esset ingenio, sed multorum, nec una hominis vita, sed aliquod constitutum saeculis et aetatibus, nam neque ullum ingenium tantum extitisse dicebat, ut, quem res nulla fugeret, quisquam aliquando fuisset, ñeque cuneta ingenia conlata in unum tantum posse uno tempore providere, ut omnia completerentur sine rerum usu ac vetustate”. — Marcus Tullius Cicero, *De Re Publica*, II, 1—2 (Cambridge, Massachusetts: The Loeb Classical Library, 1961), 111—112. Английский перевод принадлежит Бруно Леони и цитируется по: Bruno Leoni, *Freedom and the Law*, expanded 3rd ed. (Indianapolis: Liberty Fund, 1991; 1st ed. 1961, 2nd ed. 1972) [Леони Б. Свобода и закон. М.: ИРИСЭН, 2008] [русск. пер. по изд.: Марк Туллий Цицерон. Диалоги. М.: Научно-издательский центр «Ладомир»—Наука, 1994]). Книга Леони поразительна со всех точек зрения, не только потому, что в ней показан параллелизм между рынком и обычным правом, с одной стороны, и позитивным законодательством и социализмом — с другой, но и потому, что Леони — первый юрист, который понял, что тезис Людвиг фон Мизеса о невозможности экономического расчета при социализме — это просто «частный случай более общего утверждения о том, что ни один законодатель не смог бы самостоятельно, без постоянного сотрудничества со всеми людьми, которых это касается, установить правила, регулирующие реальное поведение каждого человека в тех бесконечных отношениях, которые связывают каждого с каждым. Никакие опросы общественного мнения, никакие референдумы, никакие консультации не смогут обеспечить законодателям возможность устанавливать эти правила, точно так же, как аналогичная процедура не смогла дать директорам в плановой экономике возможность обнаружить, какими будут спрос и предложение всех товаров и услуг. Реальное поведение людей состоит в том, что они постоянно приспосабливаются к меняющимся условиям. Более того, реальное поведение людей не следует путать с их мнениями, полученными, например, в результате социологических опросов; это не более разумно, чем отождествление словесного выражения желаний потребителей с “реальным” спросом на рынке» (Bruno Leoni, *Freedom and the Law*, 20 [Леони Б. Свобода и закон. С. 34] [курсив мой. — У. де С.]). О Бруно Леони, который в 1950 г. создал авторитетный журнал *Il Politico*, см.: *Omaggio a Bruno Leoni*, ed. Pasquale Scaramozzino (Milan: A. Giuffrè, 1969) и Peter H. Aranson, “Bruno Leoni in Retrospect,” *Harvard Journal*

Много веков спустя, развивая эту идею, Монтескье и Тюрго высказали мысль, имеющую еще более прямое отношение к тому, что нас интересует. Они сочли *противоречивым* мнение, что государство одновременно способно посвящать усилия и крупным проектам, и всем мелким подробностям их организации⁴. Чуть более ста лет спустя, в 1854 г., Госсен повторил эту мысль почти дословно и стал первым, кто использовал ее для критики коммунистической системы. Госсен пришел к заключению, что запланированная коммунистами центральная власть, цель которой состоит в принудительном распределении разных типов труда и вознаграждения за него, вскоре обнаружит, что взяла на себя задачу, непосильную для отдельно взятого человека⁵. Через

of Law and Public Policy (summer 1988). Леони, как и Поланьи, был разносторонним человеком; он активно занимался правом, бизнесом, высшим образованием, архитектурой, музыкой и лингвистикой. В ночь на 21 ноября 1967 г. он трагически погиб; его убил один из арендаторов, с которого он пытался взыскать арендную плату. Ему было 54 года.

⁴ Действительно, Монтескье писал в «Духе законов» (1748): «Поэтому-то Цицерон и сказал: “Я не допускаю, чтобы один и тот же народ был одновременно и властелином, и торгошом вселенной”. В самом деле, в противном случае надо было бы допустить, что каждый человек в этом государстве и *даже все государство в целом были бы всегда поглощены одновременно великими замыслами и мелочными делишками; но одно противоречит другому*» (Montesquieu, *De L'Esprit de Lois*, part 4, book 20, ch. 6, p. 350 in *Oeuvres Complètes: Avec des notes de Dupin, Crevier, Voltaire, Mably, Servant, La Harpe, etc.* (Paris: Chez Fermin Didot Frères Libraires, 1843) [Монтескье Ш. А. О духе законов. М.: Мысль, 1999. С. 283]); A. R. J. Turgot, “Éloge de Gournay” (1759) in *Oeuvres*, vol. 1 (Paris: Guillaumin, 1844), 275, 288 [См.: Тюрго А. Р. Ж. Похвальное слово Венсану де Гурне // Тюрго А. Р. Ж. Избранные экономические произведения. М.: Изд-во соц.-эк. лит., 1961].

⁵ Hermann Heinrich Gossen, *Entwicklung der Gesetze des Menschlichen Verkehrs und der daraus Fließenden Regeln für Menschliches Handeln* (Braunschweig: Friedrich Vieweg und Sohn, 1854), 231. «Darum würde denn die von Kommunisten projectierte Zentralbehörde zur Verteilung der verschiedenen Arbeiten sehr bald die Erfahrung machen, dass sie sich eine Aufgabe gestellt habe, deren Lösung die Kräfte einzelner Menschen weit übersteigt». Рудольф Блисс сделал замечательный перевод Гос-

двадцать лет Альберт Шеффле, непосредственный предшественник Менгера на кафедре экономической теории Венского университета, показал, что невозможно представить себе, чтобы центральный орган планирования смог успешно (и в количественном, и в качественном отношении) размещать общественные ресурсы без имитации системы определения цен, свойственной рыночным процессам⁶. В кон-

сена на английский язык: Hermann Heinrich Gossen, *The Laws of Human Relations and the Rules of Human Action Derived Therefrom* (Cambridge, Massachusetts: M.I.T. Press, 1983). Приведенный выше текст находится на с. 255 английского издания: «Следовательно, центральная власть — запланированная коммунистами для распределения различных типов труда и вознаграждения — вскоре обнаружит, что она поставила себе задачу, далеко превосходящую возможность любого индивида» (курсив мой. — *V. de C.*). В третьем немецком издании книги Госсена (Berlin: R.L. Praga, 1927) имеется написанная Ф. А. Хайеком обширная вводная статья, в которой Хайек доказывает, что Госсен был предтечей скорее математической школы Вальраса и Джевонса, чем австрийской школы в строгом смысле этого слова. Недавно эта статья переведена на английский Ральфом Райко и опубликована в третьем томе собраний сочинений Хайека: *The Trend of Economic Thinking: Essays on Political Economists and Economic History*, vol. 3 of *The Collected Works of F. A. Hayek* (London: Routledge, 1991), 352—371. Именно в этом контексте следует воспринимать письмо Карла Менгера Леону Вальрасу от 27 января 1887 г., где Менгер пишет, что имеется лишь несколько пунктов, по которым он согласен с Госсеном, и ни один из них не является существенным. («Nur in einigen Punkten, nicht aber in den entscheidenden Fragen zwischen uns Übereinstimmung, bez. Ähnlichkeit der Auffassung»). См.: William Jaffé, *Correspondence of Léon Walras and Related Papers*, vol. 2 (Amsterdam: North-Holland, 1965), 176, letter no. 765.

⁶ *Die Quintessenz des Sozialismus*, 18th ed. (Gotha: F. A. Perthes, 1919), 51—52 (1st ed. 1874). Собственно, Менгер возглавил кафедру экономической теории, когда она оказалась вакантной после неожиданного назначения Шеффле министром торговли в феврале 1871 года. О несомненном влиянии, которое наименее зараженный историзмом сектор немецкой школы экономической теории до Менгера оказал на некоторые его ключевые работы, см. интересную статью: Eric W. Streissler, “The Influence of German Economics on the Work of Menger and Marshall” in *Carl Menger and His Legacy in Economics*, ed. Bruce J. Caldwell, Annual

це столетия Уолтер Бэдждот⁷, проницательно отметив, что первобытный, нецивилизованный человек не умел даже приблизительно оценивать издержки и выгоды, сделал из этого вывод, что во всех промышленных обществах ведение расчетов в денежных единицах необходимо для оценки производственных издержек.

Далее нам следует упомянуть о работах Вильфредо Парето. Влияние Парето на спор об экономическом расчете при социализме было противоречивым. Оно было негативным в той степени, в какой Парето был сосредоточен на математическом анализе *экономического равновесия*: подхода, предполагающего, что вся информация, необходимая для достижения равновесия, доступна с самого начала. Этот подход породил мнение — которое позже развивал Бароне, а за ним повторяли *ad nauseam* многие экономисты, — что проблему экономического расчета в социалистических экономиках можно разрешить математическими методами, точно также, как она была описана и решена экономистами-авторами модели математического равновесия применительно к рыночной экономике. Тем не менее мы должны отметить, что ни Парето, ни Бароне не несут ответственности за ту некорректную интерпретацию, о которой мы только что упомянули, потому что оба исследователя специально оговаривали, что соответствующую систему уравнений нельзя решить, не располагая информацией, которую предоставляет рынок. В частности, в 1897 г. Парето утверждал в связи с системой уравнений, описывающей состояние равновесия: «Практическая сторона вопроса не находится во власти алгебраического анализа. ...В этом случае роли переменялись бы и не математика пришла бы на помощь политэкономии, а политэкономия — математике. Иными сло-

Supplement to vol. 22 of *History of Political Economy* (Durham: Duke University Press, 1990), 31–68. Подробный критический разбор книги Шеффле о социализме дал Эдвард Стэнли Робертсон в статье: Edward Stanley Robertson, “The Impracticability of Socialism” in *A Plea for Liberty: An Argument against Socialism and Socialistic Legislation, Consisting of an Introduction by Herbert Spencer and Essays by Various Writers*, ed. Thomas Mackay; 1891, reprint 1981 (Indianapolis: Liberty Classics), 35–79.

⁷ Walter Bagehot, *Economic Studies* (London: Longmans Green, 1898), 54–58. (Имеется также современное издание [Clifton, New Jersey: Kelley, 1973].)

вами, если бы все эти уравнения были действительно известны, то единственным способом их решить было бы наблюдение за практическими решениями, которые предоставляет рынок»⁸. Парето явным образом отрицает саму возможность получить информацию, необходимую для создания системы уравнений, одновременно касаясь сопутствующей проблемы: алгебраической невозможности на практике решить систему уравнений, формально описывающую равновесие.

⁸ Мы приводим здесь, ввиду его чрезвычайной важности, целиком раздел 217 главы 2 книги Парето *Manuel D'Économie Politique*, в издании Droz, Geneva, 1966, pp. 233—234: «Условия экономического равновесия, которые мы перечислили, дают нам общее представление об этом равновесии. Чтобы узнать, что представляют собой определенного рода феномены, мы должны были изучить их проявления; чтобы узнать, что такое экономическое равновесие, мы должны исследовать, каким образом оно было определено. *Заметим, впрочем, что процесс определения этого ни в коем случае не имеет целью численный расчет цен.* Выберем гипотезу, которая в наибольшей степени благоприятствует такому расчету; предположим, что, преодолев все трудности, мы узнали данные нашей задачи, и что мы знаем все полезности (*ophélimités*) всех товаров для каждого человека, все детали производства товаров и т.п. *Совершенно очевидно, что эта гипотеза абсурдна — но и она еще не дает нам практической возможности для решения этой задачи.* Мы видели, что в случае 100 человек и 700 товаров имелось 70 699 условий (на самом деле здесь мы пренебрегли многими обстоятельствами, в реальности их было бы гораздо больше); таким образом, нам следовало бы решить систему из 70 699 уравнений. Это превосходит возможности алгебраического анализа и превзошло бы их еще больше, если принять во внимание баснословное число уравнений для населения численностью 40 млн человек и несколько тысяч наименований товаров. В этих случаях роли переменялись бы: и не математика пришла бы на помощь политэкономии, а политэкономия — математике. *Иными словами, если бы можно было действительно узнать все эти уравнения, то единственным доступным для человеческого разума способом их решения было бы следование тому практическому решению, которое дает рынок*» (курсив мой. — У. де С.). Существует английский перевод Энн Швир под названием *Manual of Political Economy* (New York: Augustus M. Kelley, 1971). См. перевод цитаты в тексте в разделе 171. [Между английским переводом и французским оригиналом есть мелкие различия, отраженные в русском переводе. — Перев.]

Вслед за Парето, Энрико Бароне в знаменитой статье 1908 г., посвященной рассмотрению коллективистского государства в русле идей Парето, явным образом подтверждает, что даже если было бы можно преодолеть практические сложности алгебраического характера, связанные с решением вышеописанной системы уравнений (что не является теоретически невозможным), то все равно *немыслимо* (и, соответственно, *теоретически невозможно*) было бы получить информацию, необходимую для определения технических коэффициентов для этой системы уравнений⁹.

⁹ Enrico Barone, "Il Ministro della Produzione nello Stato Collettivista," *Giornale degli Economisti* (Sept.-Oct. 1908), английский перевод Ф. А. Хайека: "The Ministry of Production in the Collectivist State," in *Collectivist Economic Planning*, ed. F.A. Hayek (Clifton: Augustus M. Kelley, 1975), appendix A, 245–290. В частности, Энрико Бароне пишет: «Решить уравнения равновесия на бумаге не невозможно. Это огромная — колоссальная — но не *невозможная* задача. Однако совершенно *немыслимо*, чтобы можно было экономически априори определить технические коэффициенты... Коллективисты определенно пренебрегают экономической дисперсностью технических коэффициентов. ... Именно из-за этого априори невозможно вычислить на бумаге уравнения равновесия для максимального коллективного благосостояния» (pp. 287–288). Невозможно себе представить, как после этих прямых заявлений Бароне многие экономисты, в том числе такие знаменитые, как Шумпетер, утверждали, что Бароне решил поставленный Мизесом вопрос о теоретической невозможности социализма. Из текстов этих ошибавшихся экономистов становится понятно, что, во-первых, они не поняли сути вопроса, поставленного Мизесом; во-вторых, они невнимательно читали Бароне и Парето; в-третьих, что презумпция доступности полной информации, которая используется при формальном описании равновесия, — это мираж, способный обмануть даже самые блестящие умы. Бароне (1859–1924) прожил интересную и увлекательную жизнь, где чередовались взлеты и падения; он не только занимался математическими методами в экономике, а был еще журналистом и сценаристом (для своих сценариев полковник Бароне использовал свои обширные познания в военной истории, которую он долго преподавал в центре переподготовки офицеров), активным участником становления итальянского кинематографа. О Бароне см.: Del Vecchio, "L'opéra scientifica di Enrico Barone," *Giornale degli Economisti* (November 1925) и F. Caffé, "Barone" in *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, 1: 195–196.

Несмотря на эти ясные (хотя и немногочисленные) предостережения, мы начали с того, что оценили роль Парето и Бароне как противоречивую. Действительно, хотя оба этих автора ссылаются на практические препятствия, не позволяющие решить соответствующую систему уравнений, а также упоминают о том, что получить информацию, необходимую для описания равновесия, теоретически невозможно, создавая новую научную парадигму в экономической теории, парадигму, основанную на использовании математических методов для описания модели равновесия (по крайней мере, в формальных рамках), они неизбежно оказываются вынуждены предположить, что, по крайней мере в этих формальных рамках необходимая информация доступна. Поэтому, несмотря на сомнения, которые *мимоходом* выражали Парето и Бароне, очень многие их последователи до сих пор не в состоянии понять, что математический анализ равновесия имеет в лучшем случае герменевтическую или интерпретативную ценность, которая ни на йоту не увеличивает шансов теоретического решения задачи, с которой сталкивается любой орган власти, стремящийся получить практическую информацию, необходимую для принудительного планирования и координации жизни общества.

Первым, кто написал статью о неразрешимой экономической проблеме, с которой должно столкнуться коллективистское общество, был голландский экономист Николаас Пирсон¹⁰. Статья Пирсона особенно достойна похвалы с учетом того, что она была написана в 1902 г. Пирсон считает, что проблема ценности вообще и, в частности, проблема, возникающая

¹⁰ Nicolaas G. Pierson, "Het Waardeprobleem in een socialistische Maatschappij," опубликовано в голландской газете *De Economist* vol. 1 (1902): 423—456; перевод на английский Гардинера под названием "The Problem of Value in the Socialist Community," chap. 2 of *Collectivist Economic Planning*, 41—85. Пирсон (1839—1909), который находился под сильным влиянием австрийской школы, был председателем Центрального банка, министром финансов и премьер-министром Голландии. См. увлекательную биографию этого выдающегося голландского экономиста и государственного деятеля, написанную Ван Маарсеveenом (J. G. Van Maarseveen; Rotterdam: Erasmus University, 1981), а также статью: Arnold Heertje, "Nicolaas Gerard Pierson" in *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, 3: 876.

относительно любого человеческого действия в свете необходимости оценки целей и средств, неотделима от природы человека, и в силу этого будет существовать вечно и не будет устарена с созданием социалистической системы. Кроме того, Пирсон упоминает о больших препятствиях, возникающих для оценки и расчета при отсутствии цен, а также критикует те неуклюжие планы практического установления коммунизма, которые существовали на тот момент, и, в особенности, экономический расчет в рабочих часах. Однако, несмотря на все эти существенные замечания, Пирсон ограничился лишь блестящими догадками и не смог точно описать проблему, которую составляет рассеянный характер практической информации, постоянно возникающей и передающейся на рынке; впервые эту проблему четко проанализировал и объяснил Мизес¹¹.

Незадолго до Мизеса наличие этой фундаментальной экономической проблемы почувствовал Визер, когда в 1914 г. писал, что в экономике рассредоточенная деятельность миллионов людей гораздо более результативна, чем централизованная организация сверху, поскольку последняя «не в состоянии быть в курсе бесчисленных возможностей»¹².

Вслед за Визером, немецкий социолог Макс Вебер в своем *opus magnum*, «Хозяйство и общество», опубликованном посмертно в 1922 г. после длительного периода издательской подготовки, прямо обращается к экономическим проблемам, которые воспоследуют в случае попытки воплотить социализм в жизнь. В частности, Вебер отмечает, что расчеты натурой, предлагавшиеся некоторыми социалистами, не могут считаться разумным решением этих проблем. Действительно, Вебер специально подчеркивает, что сохранение и эффективное использование капитала может быть обеспечено только в обществе, основанном на добровольном обмене и использовании денег, и что из-за потерь и уничтожения экономических ресурсов, которые будут вызваны социалистической системой (в отсутствие разумного экономического расчета), невоз-

¹¹ Мизес тем не менее великодушно утверждает, что Пирсон «ясно и полностью описал проблему в 1902 г.» (Mises, *Socialism*, 117 [Мизес. Социализм. С. 91 сн.]). Любопытно, что там же Мизес пишет по поводу Бароне: «Бароне не смог проникнуть в суть проблемы».

¹² См. в следующей главе сноску 4.

можно будет даже поддерживать тот уровень населения, который имелся в наиболее густонаселенных районах на момент ее установления¹³. У нас нет оснований не верить Веберу, когда в сноске он пишет, что узнал о новаторской статье Мизеса только тогда, когда книга уже была сдана в печать.

Наконец, мы должны упомянуть русского профессора Бориса Бруцкуса, работы которого тесно связаны с трудами Макса Вебера и Мизеса. В начале 20-х годов Бруцкус занимался практическими проблемами, возникшими в связи с установлением коммунизма в Советской России, что привело его к выводам, очень похожим на выводы Мизеса и Вебера; он

¹³ Max Weber, *Economy and Society* (Berkeley: University of California Press, 1978), chap. 2, points 12, 13, 14, pp. 100 ff. [См.: Вебер М. Хозяйство и общество. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2008 (готовится к печати).] Особенно важен вывод, который делает Вебер: «Там, где применяется радикальный вариант плановой экономики, следует смириться с неизбежным снижением уровня формальной, счетной рациональности, что вытекает из уничтожения денег и бухгалтерского учета капитала. Этот фундаментальный и в конечном счете неизбежный элемент иррациональности является одним из важнейших источников всех «социальных» проблем и, прежде всего, проблем социализма» (р. 111). Вебер даже ссылается на статью Мизеса (р. 107), отмечая, что он обнаружил ее только тогда, когда рукопись его собственной книги была уже готова; таким образом, оба исследователя пришли к своим открытиям независимо друг от друга. Кроме того, Макс Веберу принадлежит неоспоримая заслуга: он первый показал, что социализм препятствует росту населения. Действительно, Вебер пишет: «Следует серьезно отнестись к тезису о том, что *поддержание определенной численности населения в конкретном регионе возможно только на основании верного расчета*. В той степени, в какой это верно, возможный уровень национализации будет ограничен необходимостью поддерживать систему эффективных цен». (Max Weber, *The Theory of Social and Economic Organization* [New York: The Press of Glencourt, 1964], 184—185.) Согласно нашим аргументам, изложенным в главе 3, при социалистическом режиме разделение знания не в состоянии распространяться и углубляться, так как свободное создание и передача новой практической информации запрещены. В связи с этим появляется необходимость воспроизводить заново огромные объемы информации, и, с учетом ограниченности человеческого ума, это приводит к тому, что единственно возможной становится экономика простого выживания при небольшой численности населения.

даже прямо утверждал, что экономический расчет в обществах с централизованным планированием и отсутствием рыночных цен теоретически невозможен¹⁴.

Итак, мы перечислили наиболее значительные работы, которые составляют *предысторию* спора о невозможности экономического расчета в социалистических экономиках. Их объединяет неполнота и интуитивность восприятия главной проблемы социализма, которую мы подоробно проанализировали в предыдущей главе и которая состоит в теоретической невозможности для центрального планового органа получить практическую информацию, необходимую для того, чтобы организовать общество. Кроме того, ни одна из этих работ не пробудила теоретиков социализма от летаргии, в которой они пребывали, в лучших марксистских традициях ограничиваясь критикой капиталистической системы и оставляя вне поля зрения фундаментальный вопрос о том, как собственно, должен функционировать социализм. Только Каутский, уязвленный упомянутой выше статьей Пирсона, осмелился нарушить молчаливое согласие, царившее на этот счет среди марксистов, и попытался описать будущую организацию социалистического общества, несмотря на то, что этим он лишь продемонстрировал свое абсолютное непонимание важнейшей экономической проблемы, поднятой Пирсоном¹⁵. После этого представ-

¹⁴ Первоначально работы Бруцкуса появились по-русски в журнале «Экономист» в 1921 и 1922 гг. Позже, в 1928 г., они были переведены на немецкий и опубликованы под названием *Die Lehren des Marxismus im Lichte der russischen Revolution* (Berlin: H. Sack, 1928); и, наконец, они были переведены на английский и изданы в виде сборника: Boris Brutzkus, *Economic Planning in Soviet Russia* (London: Routledge, 1935). (Существует переиздание 1982 г.: Hyperion Press, Westport, Connecticut.) В последнее время работы Бруцкуса получили очень высокую оценку, в особенности потому, что ему удалось соединить исторический и теоретический аспекты проблемы, избежав того разрыва между теорией и практикой, который был присущ позднейшим этапам полемики. См.: Peter J. Boettke, *The Political Economy of Soviet Socialism (The Formative Years 1918–1928)* (Dordrecht, Holland: Kluwer Academic Publishers, 1990), 30–35, 41–42.

¹⁵ Мы имеем в виду лекцию, прочитанную Каутским в Дельфте 24 апреля 1902 г., английский перевод которой был опубликован в 1907 г. под названием *The Social Revolution and on the Morrow of the Revolution* (London: Twentieth Century Press). Взгляды,

ляющая интерес социалистическая аналитика появилась только в ответ на основополагающий текст Мизеса. Единственным исключением был Отто Нейрат¹⁶, в 1919 г. опубликовавший

близкие позиции Каутского, можно найти у Г. Зулцера: G. Sulzer, *Die Zukunft des Sozialismus*, Dresden, 1899.

- ¹⁶ Otto Neurath, *Durch die Kriegswirtschaft zur Naturalwirtschaft* (Munich: G. D. W. Callwey, 1919). Имеется перевод на английский под названием “Through War Economy to Economy in Kind” in *Empiricism and Sociology* (Dordrecht, Holland: D. Reidel, 1973). Следует учитывать, что Отто Нейрат был директором баварского *Zentralwirtschaftsamt*, органа, отвечавшего за план национализации в Баварской советской республике, советском революционном режиме в Баварии, который существовал в Мюнхене весной 1919 г. После поражения революции Нейрата судили, в качестве свидетеля от защиты выступал Макс Вебер. Нейрат умер в 1945 г. Идеи, похожие на идеи Нейрата, высказывал Отто Бауэр в книге: Otto Bauer, *Der Weg zum Sozialismus*, Vienna, Ignaz Brand, 1919. В этой книге Бауэр, подобно Нейрату, защищает возможность экономического расчета в натуральной форме, то есть без использования денежных единиц. Недавно к работам Нейрата вновь обратился испанский экономист Хуан Мартинес-Альер: Juan Martinez-Alier, *Ecological Economics*, 2nd ed. (Oxford: Basil Blackwell, 1990), 212—218. Нужно отметить, что и Нейрат, и Бауэр более или менее регулярно посещали семинар Бём-Баверка, одним из наиболее активных участников которого до 1913 г. был Людвиг фон Мизес. Если реплики Нейрата в основном сводились к прямой марксистской ортодоксии, то другой марксист, Отто Бауэр, был вынужден признать, что марксистская теория ценности неубедительна и что своим «ответом» Бём-Баверку Гильфердинг всего-навсего продемонстрировал собственную неспособность хотя бы осознать проблему. В это время Мизес решил выступить с критическим анализом социализма, основанным на мыслях, которые возникли у него во время войны, когда он служил сначала артиллерийским капитаном на восточном фронте (в Карпатах), а после того, как в 1917 г. перенес тиф — в экономическом управлении министерства обороны Австро-Венгрии (затем — Австрии). См. об этом в его захватывающей интеллектуальной автобиографии: Ludwig von Mises, *Notes and Recollections* (South Holland, Illinois: Libertarian Press, 1978), 11, 40—41, 65—66, 110—111. Так или иначе, взгляды Мизеса на социализм были одним из компонентов той новаторской теоретической концепции, к которой он пришел уже в 1912 г. (Mises, *Theorie des Geldes und der Umlaufsmittel* [Munich und Leipzig: Duncker und Humblot, 1912] [Мизес Л. фон. Теория денег и средств обращения. Челябинск: Социум, 2008]). Лучшее издание этой книги на английском языке: *The Theory of*

книгу, где он утверждал, будто бы события Первой мировой войны «доказали», что имеется возможность централизованного планирования *in natura*. Именно книга Нейрата вызвала острую реакцию Мизеса в форме прочитанной им в 1919 г. лекции, которая легла в основание знаковой статьи, опубликованной весной следующего, 1920 г.¹⁷

Money and Credit (Liberty Press, 1981). Теория Мизеса объединила субъективную, внутреннюю область (ординальных) индивидуальных оценок и объективную, внешнюю область оценочных цен рынка, выраженных в (кардинальных) денежных единицах. Эти две области *соединяются* во всех случаях, когда различие в субъективных оценках участников, выраженное в денежной рыночной цене или в денежных единицах, приводит к акту межличностного обмена. Эта цена имеет определенное реальное, количественное выражение и предоставляет предпринимателю ценную информацию для оценки будущего хода событий и принятия решений (то есть для экономического расчета). Таким образом, очевидно, что если свободной человеческой деятельности насильственно препятствуют, то добровольные обмены между людьми происходить не будут, и соединение субъективного, внутреннего мира (ординальных) прямых оценок и объективного, внешнего мира (кардинальных) цен, которое выражается в этих обменах, станет совершенно невозможным. Этой чрезвычайно важной мысли об эволюции и логической связности концепции Мизеса мы обязаны Мюррею Ротбарду: Murray N. Rothbard, "The End of Socialism and the Calculation Debate Revisited," *The Review of Austrian Economics* 5, no. 3 (1991): 64–65. Однако, мы полагаем, что Ротбард, стремясь обозначить различия между Хайеком и Мизесом, не осознает, что разрыв открытой Мизесом связи между внутренней сферой субъективных оценок и внешней сферой цен прежде всего ставит проблему, возникающую из-за того, что перестают создаваться и распространяться (существующие и будущие) информация и знание, необходимые для экономического расчета, и что, соответственно, мы можем рассматривать работы Хайека и Мизеса, очевидно и неизбежно различающиеся акцентами и мелкими деталями, в качестве неразличимых по существу элементов одной и той же аргументации, направленной против экономического расчета при социализме: Мизес обращает больше внимания на *динамические* проблемы, в то время как Хайек, возможно, иногда уделяет больше внимания проблемам, связанным с дисперсностью *существующего* знания. См. также сноску 44 в главе 2.

¹⁷ Существует два прекрасных аналитических обзора «предыстории» спора об экономическом расчете: F.A. Hayek, "Nature and History of the Problem" in *Collectivist Economic Planning*, 1–40; David

2. Фундаментальное открытие Людвиг фон Мизеса

Если есть что-то, с чем согласны все участники спора об экономическом расчете при социализме, то это с тем, что он официально начался со знаменитой статьи Мизеса 1920 г. “Die Wirtschaftsrechnung im Sozialistischen Gemeinwesen”, или «Экономический расчет в социалистическом сообществе»¹⁸.

Ramsay Steele, “Posing the Problem: the Impossibility of Economic Calculation under Socialism,” *Journal of Libertarian Studies* 5, no. 1 (winter 1981): 8—22. Несмотря на процитированные нами тексты, относящиеся к «предыстории» вопроса до Мизеса, как верно отмечает Ротбард (“The End of Socialism and the Calculation Debate Revisited,” 51), проблема социализма всегда воспринималась в большей степени не как экономическая, а как политическая проблема, связанная со «стимулами». Блестящий пример такого рода наивной критики социализма — книга William Hurrell Mallock, *A Critical Examination of Socialism*, впервые изданная в 1908 г. и переизданная в 1990 (New Brunswick: Transaction Publishers).

¹⁸ Статья была опубликована в *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik* 47 (April 1920), 86—121. (Позже она была переведена на английский С. Адлером под названием “Economic Calculation in the Socialist Commonwealth,” и опубликована в качестве главы 3 книги *Collectivist Economic Planning* [1933], 87—130.) Спустя два года, в 1922 г. Мизес практически буквально воспроизвел текст статьи в книге, посвященной систематической критике всех аспектов социализма: Mises, *Die Gemeinwirtschaft. Untersuchungen über den Sozialismus* (Jena: Gustav Fischer, 1922); книга была переведена на английский Дж. Кахане и опубликована под названием *Socialism: An Economic and Sociological Analysis*. В этом переводе она несколько раз переиздавалась разными издательствами; лучшее издание — Liberty Classics edition (Indianapolis, 1981), 95—197 [русск. изд.: Мизес Л. фон. Социализм: экономический и социологический анализ. М.: Catallaxy, 1994. С. 76—145]. Недавно английская версия этой культовой статьи Мизеса вышла в роскошном издании с двойным предисловием российского экономиста Юрия Мальцева и Яцека Кохановича (профессор экономики Вашавского университета); книга включает постскрипtum Джозефа Салерно, озаглавленный «Почему социалистическая экономика невозможна?» (Auburn, Alabama: The Ludwig von Mises Institute, Auburn University, 1990). Хотя статья Мизеса не переводилась на испанский, Луис Монтес де Ока сделал довольно хороший перевод *Die Gemeinwirtschaft*, который был опубликован под названием *Socialismo, Análisis Económico*

В этой статье воспроизведено содержание лекции, прочитанной Мизесом в 1919 г. на заседании Экономического общества (Nationalökonomische Gesellschaft); в лекции он ответил на главный тезис свежееопубликованной книги Отто Нейрата. Трудно переоценить то мощное влияние, которое статья Мизеса оказала на сообщество его коллег-экономистов и на теоретиков социализма. Из-за его холодной, неумолимой логики, прозрачности его объяснений и полемического духа статьи его доводами было невозможно пренебречь, как это произошло с доводами его предшественников. Так, Отто Лейхтер видит заслугу Мизеса в том, что он первым привлек внимание теоретиков социализма к необходимости решения проблемы экономического расчета¹⁹. Экономист-социалист Оскар Ланге, о котором мы будем подробнейшим образом говорить несколько позже, иронически заметил, что Мизес оказал социалистической теории такую услугу, что ему следует поставить памятник в Госпланах всех социалистических стран²⁰. Возможно, в свете недавних исторических событий в странах вос-

y Sociológico, в Мехико (Editorial Hermes, 1961) и Буэнос-Айресе (Instituto Nacional de Publicaciones de Buenos Aires, 1968), а также переиздан Western Books Foundation (WBF), New York (1989). Кроме того, эта книга была переведена на французский и опубликована с предисловием Франсуа Перру (François Perroux) (Paris: Librairie de Medicis, 1952).

¹⁹ «Большая заслуга Людвиг фон Мизеса состоит в том, что он с такой энергией привлек внимание социалистов к этому вопросу. В этом ему следует отдать должное, хотя он и не стремился к тому, чтобы его критика послужила толчком для развития социалистической теории и практики» (Otto Leichter, *Die Wirtschaftsrechnung in der Sozialistischen Gesellschaft* [Vienna: Verlag der Wiener Volksbuchhandlung, 1923], 74. Английский перевод цитаты приводится по: Trygve J. В. Hoff, *Economic Calculation in the Socialist Society* [Indianapolis: Liberty Press, 1981]).

²⁰ «Статуе профессора Мизеса должно быть отведено почетное место в большом зале министерства национализации или центрального совета планирования каждой из социалистических стран... и в знак признания его заслуг, и в память об огромной важности правильного экономического учета» (Oskar Lange, "On the Economic Theory of Socialism," *Review of Economic Studies* [October 1936]: 53). Эта статья была перепечатана в книге: *On the Economic Theory of Socialism*, ed. В. Е. Lippincott (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1938 and 1964), 55—143. Недавно часть статьи Ланге была снова опубликована в книге: *Friedrich*

точного блока было бы неудивительно, если бы саркастические замечания Ланге аукнулись ему и во многих столицах бывших коммунистических стран воздвигли статуи молодого Людвиг фон Мизеса на месте старых, обветшавших памятников марксистским лидерам прошлого²¹.

Суть и основное содержание открытия Мизеса

Мизес был первым, кто сосредоточился на теоретическом анализе процессов, с помощью которых создается и передается практическая информация, процессов, которые в совокупности образуют жизнь общества и которые мы рассмотрели в главах 2 и 3. Терминология Мизеса была еще довольно неуклюжей, и вместо того, чтобы говорить о рассеянной практической информации, он ссылаясь на некое *разделение умственного труда*; оно, с его точки зрения, составляло сущность рынка, представляло и порождало информацию, обеспечивающую экономический расчет, или оценку, которая требуется для принятия любых предпринимательских решений. В частности, Мизес пишет: «Распределение среди некоторого числа людей административного контроля за экономическими благами в сообществе людей, принимающих участие в работе по их производству и заинтересованных в них экономически, создает своего рода разделение умственного труда, которое было бы невозможно без какой-либо системы учета продукции и без экономического хозяйствования»²². Через два года, в 1922 г. В своем систематическом трактате о социализме Мизес выразил ту же самую мысль еще более ярко: «В обществах, основанных на разделении труда, распределение прав собственности создает свое-

A. Hayek: Critical Assessments, ed. J. C. Wood and R. N. Woods (London: Routledge, 1991), chap. 17, 180–201.

²¹ Бюст Мизеса уже украшает библиотеку кафедры экономической теории Варшавского университета, где преподавал Оскар Ланге; он стоит рядом с бывшим кабинетом Ланге. Открытие памятника состоялось в сентябре 1990 г. благодаря усилиям Джорджа Кеттера. (См. *Free Market* 9, no. 2 [February 1991]: 8; а также: *The Journal of Economic Perspectives* 5, no. 3 [summer 1991]: 214–215.)

²² Ludwig von Mises, “Economic Calculation in the Socialist Commonwealth” in *Collectivist Economic Planning*, 102.

го рода разделение умственного труда, и без такого разделения ни экономичное хозяйство, ни упорядоченное производство не были бы возможны»²³. Кроме того, еще через пять лет в работе 1927 г. «Либерализм» Мизес четко сформулировал вывод о том, что его анализ основан на невозможности порождения внутри социалистической системы практической информации в виде рыночных цен, необходимой для разделения умственного труда, которого требует современное общество и которое возникает исключительно из творческого характера человеческой деятельности, или предпринимательства: «Это и есть то *решающее возражение*, которое экономическая наука выдвигает против возможности социалистического общества. Такое общество должно было бы отказаться от *разделения умственного труда*, заключающегося в сотрудничестве всех предпринимателей, землевладельцев и рабочих — производителей и потребителей — в процессе формирования *рыночных цен*»²⁴.

Другое важнейшее открытие Мизеса состояло в том, что информация, которую постоянно генерирует рынок, возникает в ходе предпринимательства, ориентированного на те конкретные обстоятельства времени и места, которые могут быть известны только самому действующему индивиду. Таким образом, практическое предпринимательское знание возникает на рынке в результате уникального положения, которое каждый действующий человек занимает в процессе производства. Если существуют помехи для свободного предпринимательства и предпринимаются попытки принудительно организовать общество сверху, то предприниматели будут не в состоянии действовать свободно и, следовательно, перестанут быть предпринимателями. Они не будут даже знать о существовании той информации, которую они не смогут находить или создавать. Это произойдет со всеми предпринимателями, вне зависимости от их научных достижений и профессиональной управленческой квалификации²⁵. Мизес пишет: «Ком-

²³ Ludwig von Mises, *Socialism*, 101 [Мизес. Социализм. С. 80].

²⁴ Ludwig von Mises, *Liberalism* (San Francisco: Cobden Press, 1985). Первое издание этой книги было опубликовано в 1927 г. под названием *Liberalismus* (Jena: Gustav Fischer) [Мизес Л. фон. Либерализм. Челябинск: Социум, 2006. С. 113].

²⁵ Эта ключевая мысль Мизеса прямо восходит к Карлу Менгеру, как видно по записной книжке, в которой кронпринц Рудольф в 1876 г. начал записывать мысли, которые, можно сказать, дик-

мерческая установка и коммерческая активность предпринимателя возникают из его *положения* в экономическом процессе и исчезают с его потерей. Когда успешного бизнесмена назначают управляющим государственным предприятием, он может быть еще способен какое-то время рутинно использовать свой предыдущий опыт. Однако, переходя в государственный сектор, он перестает быть коммерсантом и становится точно таким же бюрократом, как любой человек на госу-

товал ему Менгер, официально назначенный его наставником. На страницах 50—51 шестой книжечки мы читаем: «Правительству в принципе не могут быть известны интересы всех граждан. ... Вне зависимости от того, насколько тщательно спроектированы институты и насколько благими являются их намерения, они не могут устроить всех. *Только сам человек знает все о своих интересах и способах их осуществления.* ... Даже самый лояльный государственный служащий — это лишь *слепое орудие* машины, которая решает все задачи стереотипно, посредством постановлений и инструкций. Он не способен соответствовать ни требованиям современного прогресса, ни разнообразию практической жизни. Поэтому невозможно подходить ко всем экономическим занятиям одним и тем же стереотипным образом, следуя одному и тому же правилу и не обращая никакого внимания на индивидуальные интересы» (Эрцгерцог Рудольф, кронпринц Австрии, *Politische Oekonomie* [Heft, January-August, 1876], рукопись, написанная принцем собственноручно, и хранящаяся в *Österreichisches Staatsarchiv*. Эти записки обнаружила историк Бригитте Хаман (Brigitte Hamann), а Моника Штрайслер и Дэвид Гуд перевели их на английский. Перевод приводится по Erich W. Streissler, *Carl Menger on Economic Policy: the Lectures to Crown Prince Rudolf in Carl Menger and his Legacy in Economics*, ed. Bruce J. Caldwell, Annual Supplement to vol. 22, *History of Political Economy* [Durham: Duke University Press, 1990], 107—130, esp. 120—121). Любопытно, что Мизес считал трагическую смерть эрцгерцога Рудольфа результатом влияния на него Карла Менгера. Менгер осознавал тот разрушительный эффект, который распространение антилиберальной интеллектуальной заразы неизбежно должно было оказать на Австро-Венгерскую империю, и «передал собственный пессимизм своему молодому ученику и другу эрцгерцогу Рудольфу, наследнику австро-венгерского трона. Эрцгерцог покончил с собой, разочаровавшись в будущем собственной империи и в судьбе европейской цивилизации, а не из-за женщины (он действительно увел за собой девушку, тоже желавшую умереть, но не она стала причиной его самоубийства)». См.: Mises, *Notes and Recollections*, 34.

дарственной службе. Человека делает коммерсантом не знание бухгалтерии, не умение организовать дело, не стиль деловой переписки и даже не диплом высшей коммерческой школы, а его *особое положение в процессе производства*, позволяющее ему отождествлять интересы фирмы со своими собственными интересами»²⁶. Мизес углубляет и развивает эту идею в трактате о социализме, где он приходит к краткому выводу: «Предприниматель, отчужденный от столь характерной для него роли в экономической жизни, перестает быть бизнесменом. Сколь бы ни были велики его знания и опыт, он теперь не более чем должностное лицо»²⁷.

Итак, в той степени, в какой социализм насильственно препятствует свободному предпринимательству в базовой сфере факторов производства (капитальных благ и природных ресурсов), он мешает и возникновению, и передаче той практической информации, которая была бы необходима для оптимального размещения этих факторов центральным плановым органом. Поскольку эта информация не возникает, ее невозможно учитывать в приблизительном расчете, которым должно сопровождаться любое рациональное экономическое

²⁶ Ludwig von Mises, "Economic Calculation in the Socialist Commonwealth" in *Collectivist Economic Planning*, 120—121. См. также интересную статью моего друга Виллема Кейзера: W. Keizer, "The Property Rights Basis of von Mises' Critique of Socialism" (представлена на Первой европейской конференции по австрийской экономической теории, Маастрихтский университет, 9—12 апреля 1992 г.).

²⁷ Ludwig von Mises, *Socialism*, 191 [Мизес. Социализм. С. 143]. Соответственно, противопоставление, которое формулирует Салерно, совершенно абсурдно ("Ludwig von Mises as Social Rationalist," 45 and 55). Салерно утверждает, что Мизес считал проблемой социализма экономический расчет, а не рассеянный характер знания, в то время как оба этих вопроса неразрывно связаны. Сам Мизес, как мы видели с самого начала, не только подчеркивал значение той «характерной роли» предпринимателя, которая обеспечивает его информацией, но и неизменно рассматривал экономическую теорию как науку, которая занимается не вещами, а информацией или знанием, то есть объектами духовного мира. («Экономическая теория — это не наука о предметах и осязаемых материальных объектах; это наука о людях, их *намерениях* и действиях». — *Human Action*, 92 [Мизес. Человеческая деятельность. С. 89].)

решение. Итак, люди из центрального регулирующего органа, принимая решения и действуя, не в состоянии осознавать даже того, не отказываются ли они при этом от достижения тех целей, которые они сами сочли бы более желанными. Следовательно, при социализме экономические решения принимаются произвольно и наобум.

Здесь очень важно подчеркнуть, что доказательство Мизеса носит теоретический характер и относится к *интеллектуальной ошибке*, которая пронизывает все социалистические идеи, поскольку невозможно организовать функционирование общества с помощью принуждения, если надзорный орган в принципе не может получить необходимую для этого информацию. Доказательство Мизеса — это *теоретическое доказательство* практической невозможности социализма²⁸. Иными словами, это *типично* теоретическое доказательство, так как теория — это просто абстрактный и формальный качественный анализ реальности, анализ, который никогда не должен терять свою связь с реальностью и должен обладать максимальной значимостью по отношению к реальным ситуациям и процессам. Тем самым, совершенно ложны утверждения многих авторов, которые в силу своей неспособности отличить «теорию» от анализа равновесия, ошибочно заявляли, что Мизес рассматривал невозможность социализма с точки

²⁸ «Противопоставление “теоретического” и “практического” является ложным. Все аргументы экономической теории носят теоретический характер. А поскольку экономическая теория описывает реальный мир, то эти теоретические аргументы одновременно являются и практическими» (Murray N. Rothbard, *Man, Economy and State: A Treatise on Economic Principles*, vol. 2 [Los Angeles: Nash Publishing, 1970], 549). На самом деле нет ничего практичнее хорошей теории, а доказательство Мизеса, как и доказательство его критиков — сторонников математических методов носит теоретический характер. Разница в том, что теоретическое доказательство Мизеса имеет важное значение для практического функционирования рыночной экономики и для социализма, в то время как теоретическое доказательство, предложенное экономистами — сторонниками математических методов, *такого значения не имеет*, поскольку относится к модели равновесия, по определению подразумевающей, что эта экономическая проблема уже решена; ведь модель равновесия исходит из того, что вся необходимая информация дана и доступна регулирующему органу.

зрения формальной модели равновесия, или «чистой логики выбора». На самом деле уже в 1920 г. Мизес специально оговаривал, что его анализ не может быть применен к модели равновесия. Эта модель с самого начала предполагает, что вся необходимая информация уже доступна, а это означает, что фундаментальная экономическая проблема социализма уже решена *ab initia*, что и приводит к тому, что теории равновесия не замечают этой проблемы. На практике проблема социализма связана с тем, что когда регулирующий орган издает декрет или приказ в поддержку какой-либо экономической меры или против нее, у него нет информации, необходимой для того, чтобы установить, верно или нет он действует, и, соответственно, он в принципе не в состоянии провести экономический расчет, или оценку. Если предположить, что контрольный орган имеет в своем распоряжении всю необходимую информацию, а также, что никаких перемен не произойдет, то очевидно, что проблемы с экономическим расчетом не возникает, поскольку эта проблема заведомо считается несуществующей. Итак, Мизес пишет: «*Статичное государство может обойтись без экономического расчета*. Ведь если в экономической жизни все время повторяются одни и те же события и если мы предположим, что статичная социалистическая экономика возникает на основе конечного состояния конкурентной экономики, то мы могли бы в любом случае концептуально представить себе такую социалистическую систему производства, которая, с экономической точки зрения, находится под рациональным контролем. Но это возможно лишь в концептуальном отношении, пока мы оставляем в стороне то, что в реальной жизни статичное государство невозможно, поскольку экономические данные постоянно меняются и, таким образом, статический характер экономической активности это лишь теоретическое предположение, не соответствующее реальному положению дел»²⁹. Следовательно, доказательство Мизеса является теоретическим доказательством логической невозможности социализма, но при этом оно учитывает теорию и логику человеческой деятельности и порождаемых ею реальных социальных, динамических и стихийных процессов, а не «логику» и

²⁹ Ludwig von Mises, “Economic Calculation in the Socialist Commonwealth” in *Collectivist Economic Planning*, 109.

«теорию», основанную на механической деятельности в условиях совершенного равновесия, которой занимаются «всезнающие» существа, не имеющие ничего общего ни с людьми, ни с их реальной жизнью. Спустя два года в своей книге о социализме Мизес выразил это даже еще яснее: «В стационарных условиях больше не существует проблем, которые требовали бы экономических расчетов. В соответствии с *ипотезой* основная функция экономических расчетов предполагается уже выполненной, и больше нет нужды в аппарате расчета. Используя популярную, хотя и не вполне удовлетворительную, терминологию, можно сказать, что проблема экономического расчета есть проблема экономической динамики, а не статике»³⁰. Это утверждение Мизеса абсолютно вписывается в австрийскую традицию в том ее виде, в котором она была создана Менгером, развивалась Бём-Баверком и была продолжена в третьем поколении самим Мизесом. Действительно, по словам самого Мизеса, «заслугой австрийской школы и тем, что составит в будущем ее бессмертную славу, является именно то, что она создала теорию экономической деятельности, в отличие от теории экономического равновесия, то есть бездеятельности»³¹. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, в связи с тем, что в состоянии равновесия никакой экономической расчет не нужен, единственными, кто смог открыть теорему невозможности экономического расчета при социализме, были представители австрийской школы, которая занималась теоретическим анализом реальных, динамических процессов, происходящих на рынке, а не разработкой математических моделей частичного или общего равновесия.

Мы продемонстрировали, что Мизес в своей статье 1920 г. уже четко сформулировал суть теории невозможности соци-

³⁰ Ludwig von Mises, *Socialism*, 120–121 [Мизес. Социализм. С. 94]. Таким образом, утверждение Салерно, что Мизес будто бы рассматривал проблему экономического расчета просто как проблему максимизации по Роббинсу (когда цели и средства являются данностью), бессмысленно. (См.: Joseph T. Salerno, “Ludwig von Mises as Social Rationalist,” *Review of Austrian Economics* 4 (1990): 46.) С динамической точки зрения, ни цели, ни средства не являются данностью — их следует постоянно создавать и находить. Для расчетов нужно заглядывать в будущее, и соответственно создавать новую информацию.

³¹ См.: Mises, *Notes and Recollections*, 36.

ализма, которую мы подробно изложили в главах 1 и 2. Статья Мизеса оказала сильнейшее влияние на его юного ученика по имени Ф. А. Хайек, побудив его отказаться от своих «благонамеренных» социалистических взглядов и посвятить значительные интеллектуальные усилия развитию и углублению идей учителя³². Поэтому мы не можем согласиться с ошибочным мнением, будто бы имеются два различных доказательства невозможности экономического расчета в социалистической экономике. Те, кто придерживается этого мнения, заявляют, что первое доказательство, которое является просто *алгебраическим или вычислительным*, было предложено Мизесом; оно доказывает невозможность экономического расчета во всех тех случаях, когда нет цен, позволяющих посчитать прибыли и убытки. Второе доказательство якобы носит *эпистемологический* характер, принадлежит в основном Ф. А. Хайеку и доказывает, что социализм не может функционировать из-за того, что центральный плановый орган в принципе не способен получить доступ к насущной практической информации, необходимой для организации жизни в обществе³³.

В действительности Мизес считал, что два доказательства — расчетное и эпистемологическое — представляют собой просто две стороны одной медали. Ведь никакой экономический расчет (как и связанная с ним предварительная оценка) невозможен, если необходимая информация в виде цен *рынка* недоступна. Кроме того, к постоянному *созданию* такой информации приводит как раз свобода предпринимательства. Предприниматели, держа в уме условия торговли, или рыноч-

³² «Источником вдохновения для меня были взгляды Людвиг фон Мизеса на проблему того, как упорядочить плановую экономику. ...Но мне понадобилось много времени для того, чтобы сформулировать в принципе простую мысль». F. A. Hayek, "The Moral Imperative of the Market" in *The Unfinished Agenda: Essays on the Political Economy of Government Policy in Honour of Arthur Seldon* (London: Institute of Economic Affairs, 1986), 143.

³³ Многие авторы ошибочно считают, что расчетное доказательство не выражает косвенным образом эпистемологического доказательства, и наоборот. См., напр.: Chadran Kukathas, *Hayek and Modern Liberalism* (Oxford: Clarendon Press, 1989), 57; Murray N. Rothbard, *Ludwig von Mises: Scholar, Creator and Hero* (Auburn, Alabama: Ludwig von Mises Institute, 1988), 38, а также упомянутые выше работы Джозефа Салерно.

ные цены, существовавшие в прошлом, пытаются оценить или обнаружить те рыночные цены, которые будут существовать в будущем. Затем они начинают действовать в соответствии со своими оценками и, таким образом, действительно устанавливают будущие цены. Сам Мизес в 1922 г. писал: «Именно спекулирующие капиталисты *создают* те *данные*, к которым он [менеджер акционерной компании] должен приспособиться, и соответственно, именно они задают направление для его торговых операций»³⁴.

Все сказанное выше не должно заслонять от нас того, что новаторская статья Мизеса 1920 г. была еще довольно далека от тех законченных и тщательно проработанных книг, которые он сам и Хайек напишут в следующие десятилетия — книг, где будет дан полный анализ предпринимательства и следующих из него процессов, посредством которых генерируется информация, процессов, которым мы посвятили главы 2 и 3. Также следует учитывать то, что в момент написания первой статьи Мизес считал своей важнейшей задачей критику доминировавшей на тот момент марксистской концепции, чем и объясняется акцент, который он делает на том, что для экономического расчета необходимы деньги и цены. Чтобы рассмотреть статью Мизеса 1920 г. В ее реальном контексте, следующий раздел следует посвятить более или менее подробному изучению марксистских взглядов; эти взгляды господствовали в тех академических и интеллектуальных кругах, где вращался Мизес, и он имел возможность подробно познакомиться с ними на семинаре Бём-Баверка, заседания которого были прерваны Первой мировой войной.

3. Функционирование социализма по Марксу

Нет сомнений, что, когда Мизес писал свою новаторскую работу, он имел в виду марксистскую концепцию социализма, господствовавшую в Европе в начале 1920-х годов. Таким образом, необходимо сделать остановку с тем, чтобы изложить идеи того времени на этот важный предмет.

Для начала следует поставить вопрос, было ли у Карла Маркса ясное представление о том, как должна работать на

³⁴ Ludwig von Mises, *Socialism*, 121 [Мизес. Социализм. С. 94].

практике проповедуемая им социалистическая система. Это важно по двум причинам: во-первых, потому что Мизес неоднократно обвинял Маркса и его последователей в том, что они пытаются обеспечить себе иммунитет по отношению к любому критическому анализу социалистической системы посредством простого утверждения, что такой анализ является утопическим и бессмысленным, так как социализм неотвратимо вытекает из развития капитализма; во-вторых, потому что сам Маркс понимал, что в рамках его теории тщательные и подробные рассуждения о конкретных аспектах будущего социализма «ненаучны». Несмотря на это, а также на то, что марксистским подходом явно и систематически злоупотребляли ради того, чтобы избежать теоретического обсуждения шансов на нормальное функционирование социализма, мы полагаем, что возможно отделить критический анализ капитализма, составляющий ядро марксистского мировоззрения, от анализа, пусть в зачаточной и имплицитной форме, того, как социализм должен функционировать на практике³⁵. По нашему мнению, Маркс был настолько одержим рикардианской моделью приспособления и равновесия, что вся его теория направлена на то, чтобы оправдать *нормативное* равновесие в том смысле, что, согласно Марксу, пролетариат должен силой навязать сверху «координацию», уничтожающую типичные особенности капитализма. Что касается настоящего, подробного анализа экономической реальности, то следует подчеркнуть, что Маркса волнуют нарушения равновесия и согласованности, возникающие на рынке, и тем самым марксистская теория является по большому счету теорией неравновесия. Парадоксальным образом, в отдельных, очень любопытных моментах ее позиции иногда совпадают с анализом рыночных процессов австрийскими экономистами вообще, и Мизесом и Хайеком, в частности.

Следовательно, Маркс, как это ни забавно, в определенной мере понимал, что рынок, представляя собой стихий-

³⁵ В основном мы согласны с Доном Лавоем, чья глава о марксистском социализме представляет собой одну из лучших частей его книги: Don Lavoie, *Rivalry and Central Planning*, chap. 2, pp. 28—47. См. также: N. Scott Arnold, *Marx's Radical Critique of Capitalist Society: A Reconstruction and Critical Evaluation* (Oxford: Oxford University Press, 1990).

ный и безличный процесс, действует как процесс, создающий и передающий информацию, которая обеспечивает координацию в обществе. Действительно, в *Grundrisse* мы читаем: «Говорили и, возможно, еще говорят, что красота и величие покоятся именно на этой *стихийной*, независимой от знания и воли индивидов связи, предполагающей как раз их взаимную независимость и безразличие по отношению друг к другу, на материальном и *духовном* обмене веществ. И, несомненно, эту вещную связь следует предпочесть отсутствию всякой связи между ними или же наличию всего лишь локальной связи, основанной на самом тесном кровном родстве или на отношениях господства и подчинения»³⁶ (курсив мой. — У. де С.). Кроме того, Маркс явно признает и ту роль, которую играют *институты* в предоставлении людям возможности приобретать практическую информацию и передавать ее на рынке, и значение институтов для знания, которым располагают экономические субъекты: «Одновременно с развитием этого отчуждения и на его собственной основе делаются попытки преодолеть его: [возникают *институты*,] при помощи которых каждое отдельное лицо получает *сведения* о деятельности всех остальных и старается приспособить к ней свою собственную деятельность. ...хотя спрос и предложение каждого человека выступают независимо от всех остальных, все же каждый старается осведомляться относительно состояния всеобщего спроса и предложения, а эта осведомленность затем в свою очередь оказывает на них практическое влияние»³⁷.

Маркс осуждает рынок именно потому, что противопоставляет его «идеальной» экономической системе, в которой индивиды имеют возможность подчинить все свои социальные связи принудительному, централизованному и совместному органу управления, который, как предполагается, сделает так, чтобы весь социальный процесс стал результатом сознательной и намеренной организации, в то время как на рынке этот процесс безличен, никем не контролируется и не является резуль-

³⁶ Karl Marx, *Grundrisse: Foundations of the Critique of Political Economy* (New York: Random House, 1973), 161. [Маркс К. Экономические рукописи 1857—1858 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 105.]

³⁷ *Ibid.* [Там же. 104.]

татом чьих-либо сознательных намерений, а следовательно, ведет к «отчуждению». Кроме того, такое организованное управление всем обществом зависит от подробного плана, сформулированного априори, позволяющего властям организовать жизнь всего общества, подобно тому, как архитектор чертит детальные планы здания до того, как начать строительство: «Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове»³⁸. Итак, марксова критика капитализма и защита им социалистической системы, которая, по его утверждению, неизбежно придет на смену капитализму, основаны исключительно на противопоставлении «анархического» производства, характерного для стихийного рыночного порядка, и «совершенной организации», которая якобы должна возникнуть в результате централизованного планирования.

Очевидно, что *главная ошибка* Маркса связана и с тем, что он путает практическую и научную информацию, и с его верой в то, что практическая информация объективна и может быть «усвоена» центральным плановым органом. Маркс пренебрегает субъективным, эксклюзивным, рассеянным, неявным и невербализуемым характером практической информации, о чем мы подробно говорили в главе 2, и не понимает, что с точки зрения логики, централизованная координация социальной рассогласованности не просто невозможна, но что, кроме того, новая информация может непрерывно развиваться и созда-

³⁸ Karl Marx, *Capital: A Critique of Political Economy*, vol. 1, *The Process of Capitalist Production* (New York: International Publishers, 1967), 178 [Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 189]. В других своих работах Маркс еще более ясно высказывается в защиту централизованного планирования как единственного способа организации экономической активности: «...объединенные кооперативные товарищества организуют национальное производство *по общему плану*, взяв тем самым руководство им в свои руки и прекратив постоянную анархию и периодические конвульсии, неизбежные при капиталистическом производстве» (p. 213 of “The Civil War in France: Address of the General Council,” in *The First International and After: Political Writings*, ed. D. Fernbach (New York: Random House), 3: 187–268 [Маркс К. Гражданская война во Франции // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 17. С. 347]).

ваться только в ходе капиталистического предпринимательского процесса, который нельзя воспроизвести принудительно и централизовать. Иными словами, новые технологии, товары, способы их распространения и вообще новая предпринимательская информация могут, с точки зрения логики, возникнуть исключительно из стихийного рыночного процесса, движимого энергией предпринимательства, который Маркс так жестко критиковал. Парадоксальным образом, *с точки зрения самого Маркса, марксистский социализм — это утопический социализм*, потому что правильное понимание логической природы информации, которую создает и использует рынок, неизбежно приводит к заключению, что действующие на рынке силы технологического и экономического развития делают невозможным движение рынка к общественному порядку, основанному на централизованной и принудительной организации всей практической информации.

Именно в этом состоит фундаментальное заблуждение Маркса, а остальные его экономические и социальные ошибки можно рассматривать просто как частные следствия этой исходной радикальной ошибки. Например, трудовая теория ценности это просто естественный результат его веры в то, что информация и знание объективны и в безошибочном виде доступны внешнему наблюдателю. Мы же знаем, что ценность это просто субъективная, рассеянная и невербализованная идея, или «бит» информации; иными словами, ее оценивает или проецирует на вещи и экономические средства человеческий ум, и чем полезнее, с субъективной точки зрения действующего человека, для него эти средства в процессе достижения его целей, тем с большей психологической интенсивностью он будет воспринимать их ценность.

Ошибочный подход Маркса к теории ценности также лишает оснований всю его теорию прибавочной ценности и эксплуатации. Дело не только в том, что Маркс эгоистично проигнорировал те экономические средства, которые не являются товарно-материальными ценностями, и, соответственно, не включил труд в процесс их создания; дело также в том, что, как блестяще показал Бём-Баверк³⁹, марксистский анализ

³⁹ Итак, главные аргументы против объективной трудовой теории ценности и сопутствующей ей марксистской теории эксплуата-

ции таковы: *во-первых*, не все экономические блага являются продуктом труда. *Природные ресурсы* редки и полезны для достижения человеческих целей, и, следовательно, являются экономическими благами, хотя и не содержат человеческого труда. Кроме того, два блага, которые содержат одинаковое количество труда, могут, что совершенно очевидно, иметь разную ценность, если на их производство требуется различное *время*. *Во-вторых*, ценность благ *субъективна*; как мы объяснили в главе 2, ценность это просто оценка, которую делает действующий человек; он проецирует на средства свою оценку их важности для достижения конкретной цели. Следовательно, блага, содержащие большое количество труда, могут стоить очень мало или даже ничего не стоить, если позже действующий человек понимает, что они бесполезны для достижения цели. *В-третьих*, теоретики трудовой ценности находятся в зависимости от неразрешимого противоречия и *порочного круга*: идея, что труд определяет ценность экономических благ и что ценность труда в свою очередь определяется ценностью экономических благ, необходимых для его воспроизводства и поддержания производительных способностей рабочего, представляет собой порочный круг; конечный фактор, определяющий ценность, остается незазванным. Наконец, *в-четвертых*, защитники теории эксплуатации вопиющим образом пренебрегают законом *временного предпочтения* и, соответственно, значением того, что при прочих равных условиях ныне существующие блага всегда ценнее, чем будущие блага. Вследствие этой ошибки они ожидают, что рабочие будут получать заработную плату, превышающую ценность произведенного ими: защитники этой теории утверждают, что после того, как рабочий выполнил свою работу, ему должны заплатить, исходя из всей ценности того блага, которое будет полностью произведено только в конце периода времени неопределенной длины. Все перечисленные нами критические возражения против марксистской теории ценности подробно изложены в классической работе Бём-Баверка: Eugen von Böhm-Bawerk, "The Exploitation Theory" in *Capital and Interest* (South Holland, Illinois: Libertarian Press, 1959), vol. 1, chap. 12, pp. 241—321 [Бэмь-Баверк Е. Капитал и прибыль. История и критика теорий процента на капитал. СПб.: 1909. Гл. XII. С. 402—518]. Это английский перевод первого тома главного труда Бём-Баверка, *Capital und Kapitalzins*, который имел подзаголовок "Geschichte und Kritik der Kapitalzins-Theorien" и вышел в четырех изданиях (1884, 1900, 1914, и 1921). Кроме того, Бём-Баверк посвятил отдельную статью тем логическим несоответствиям и противоречиям, в которых увяз Маркс, когда попытался в 3 томе «Капитала» исправить ошибки и несты-

демонстрирует полнейшее незнакомство с ролью временного предпочтения и отсутствие осознания того, что любая человеческая деятельность вообще, и любой производственный процесс, в частности, протекает во времени. Итак, Маркс ожидает, что рабочим оплатят не ценность произведенного ими, а значительно больше, потому что он требует, чтобы им оплатили всю ценность их вклада в процесс производства, размер которого оценивается не тогда, когда производится данный конкретный вклад, а проецируется на более позднее время, когда процесс производства уже завершился. Кроме того, марксов анализ прибавочной ценности неизбежно превращается в ничего не объясняющий порочный круг. Действительно, якобы объективная ценность труда устанавливается на основании издержек по его воспроизводству, измеряемому в ценности благ, необходимых для этого, чья ценность в свою очередь определяется трудом, заключенным в этих благах, и т.д., и т.п. — бесконечный бег по кругу, который ничего не проясняет.

ковки в собственной теории эксплуатации, сформулированной в 1-м томе. Статья называется “Zum Abschluss des Marxschen Systems,” pp. 85—205 of *Staatwissenschaftliche Arbeiten-Festgaben für Karl Kries zur Fünfundsiebzigsten Wiederkehr* (Berlin: Haering, 1896). Мы использовали английский перевод под названием “The Unresolved Contradiction in the Marxian Economic System,” chap. 4 of *Shorter Classics of Eugen von Böhm-Bawerk* (South Holland, Illinois: Libertarian Press, 1962), 1: 201—302 [Маркс К. К завершению марксистской системы // Бём-Баверк О. Критика теории Маркса. Челябинск: Социум, 2002. С. 3—135]. В марксистском лагере только Рудольф Гильфердинг (1877—1941) пытался, хотя и безуспешно, возразить Бём-Баверку в статье: Rudolph Hilferding, “Böhm-Bawerk’s Marx Kritik,” опубликованной в 1-м томе *Marx-Studien* (Vienna: I. Brand, 1904). По поводу этой статьи Гильфердинга Бём-Баверк писал: «В ней нет ничего такого, что хоть как-то могло бы изменить мое мнение». См.: *Capital and Interest*, vol. 1, p. 472 [См.: Бэмь-Баверк Е. Капитал и прибыль. История и критика теорий процента на капитал. СПб.: 1909]. Действительно, даже Отто Бауэр, теоретик социализма, так же как и Гильфердинг с Мизесом, участвовавший в семинаре Бём-Баверка, прямо сказал Мизесу, что Гильфердинг даже не понял сути возражений Бём-Баверка против теории Маркса. См.: Mises, *Notes and Recollections*, 40.

Маркс верил в то, что в идеальном социалистическом государстве общество будет организовано как «огромная фабрика», чья деятельность целиком планируется сверху «рациональным» способом. Он считал, что это единственный способ избежать колоссальной неэффективности и столь же огромной избыточности, типичных для капиталистической системы, и что в первую очередь это позволит уничтожить вообще все рыночные отношения и денежное обращение (если понимать деньги как средство обмена), в частности. Поэтому Маркс делает специальную оговорку: «При общественном производстве *денежный капитал отпадает*. Общество распределяет рабочую силу и средства производства между различными отраслями производства. Производители могут, пожалуй, получать бумажные удостоверения, по которым они извлекают из общественных запасов предметов потребления то количество продуктов, которое соответствует времени их труда. *Эти удостоверения не деньги. Они не совершают обращения*»⁴⁰. В другом месте Маркс писал об этих удостоверениях, что они «имеют с “деньгами” так же мало общего, как, скажем, театраль- ный билет»⁴¹. Ученики Маркса усвоили это представление в нетронутom виде, и Фридрих Энгельс популярно разъясняет его в «Анти-Дюринге»: «Общество может просто подсчитать, сколько часов труда заключено в паровой машине, в гектолитре пшеницы последнего урожая, в ста квадратных метрах сукна определенного качества. ...общество также не станет приписывать продуктам какие-либо стоимости. Тот простой факт, что сто квадратных метров сукна потребовали для своего производства, скажем, тысячу часов труда, оно не будет выражать нелепым и бессмысленным образом, говоря, что это сукно обладает *стоимостью* в тысячу рабочих часов. Разумеется, и в этом случае общество должно будет знать, сколько труда требуется для

⁴⁰ Karl Marx, *Capital: A Critique of Political Economy*, vol. 2, *The Process of Circulation of Capital* (New York: International Publishers, 1967), 358 [Маркс К. Капитал. Т. 2 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 402].

⁴¹ Karl Marx, *Capital: A Critique of Political Economy*, vol. 1, *The Process of Capitalist Production*, 94 [Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 100].

производства каждого предмета потребления. Оно должно будет сообразовать свой производственный план со средствами производства, к которым в особенности принадлежат также и рабочие силы. Этот план будет определяться в конечном счете взвешиванием и сопоставлением полезных эффектов различных предметов потребления друг с другом и с необходимыми для их производства количествами труда. *Люди сделают тогда все это очень просто, не прибегая к услугам прославленной “стоимости”*»⁴². Таким образом, нам следует рассматривать особое внимание, которое Мизес уделял в 1920 г. необходимости для экономического расчета денег и денежных цен, в контексте этих работ Маркса⁴³. Мы подробнее рассмотрим этот вопрос, а также некоторые другие, в следующем разделе.

⁴² Friedrich Engels, *Anti-Dühring: Herr Eugen Dühring's Revolution in Science*, trans. Emile Burns (Moscow: Progress Publishers, 1947) [Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 321].

⁴³ Кроме того, Маркс считал интервенционистский и синдикалистский варианты социализма «утопией». Его мнение об интервенционизме объяснялось тем, что его защитники стремились сохранить анархический характер рыночного производства, корректируя его с помощью отдельных приказов правительства, направленных на достижение социалистических целей. В этом отношении Маркс был полностью согласен с возражениями против интервенционизма классической школы экономической теории, и ему казалось, что социальное и трудовое законодательство никогда не достигнут поставленных перед ними целей, ибо это не более вероятно, чем возможность отмены закона притяжения. Соответственно, официальные распоряжения не приведут к существенному повышению ставок заработной платы, даже если предположить, что государство или бюрократия действительно искренне хотят их повысить. Маркс считал синдикалистов утопистами из-за их неспособности объяснить, как разные независимые отрасли и компании, находящиеся под контролем рабочих, смогут рационально координировать свои действия в интересах всего общества. Однако, как мы показали, Маркс не понимал того, что с точки зрения его собственной теории предельный им вариант социализма также *утопичен*, поскольку информация, необходимая для экономического, технологического и социального развития, не может возникнуть в рамках принудительного централизованного планирования.

4. Дополнительные замечания о концепции Мизеса

Опровержение Маркса Мизесом

Очень важно иметь в виду, что мизесово доказательство того, что социализм логически невозможен, это не только теоретическое рассуждение о шансах социализма в будущем, но и *полномасштабная прицельная атака на центральное звено в теории Карла Маркса*. Собственно, Мизес полностью согласен с Марксом, что в состоянии равновесия нет необходимости в деньгах или в средстве обмена, если предположить, что вся информация объективна и доступна центральному регулируемому органу. Поэтому Мизес прямо пишет: «...деньги необходимо являются “динамическим фактором”; в “статичной” системе места деньгам не остается»⁴⁴. Однако, как мы видели,

⁴⁴ Ludwig von Mises, *Human Action*, 249 [Мизес. Человеческая деятельность. С. 236]. Кроме того, Мизес полностью согласен с Марксом по поводу того, что «деньги», использующиеся в состоянии равновесия, это совсем не деньги. Он не утверждает, как Маркс, что это будут удостоверения, подобные театральным билетам, однако пишет: «...это вообще не деньги; это просто *numéraire*, бесплотная и неопределенная единица учета весьма смутного и неопределимого характера, который воображение ряда экономистов и заблуждения многих обывателей ошибочно приписывают деньгам» [Мизес. Человеческая деятельность. С. 235]. В другом месте «Человеческой деятельности» (р. 417 [с. 390]) Мизес добавляет: «В идеальной конструкции, отличительной чертой которой является неизменность и жесткость условий, невозможно присвоить никакой функции ковенному обмену, средствам обмена и деньгам. Там, где нет неопределенности будущего, нет необходимости в каких бы то ни было остатках наличности. Когда деньги обязательно должны храниться людьми в виде остатков наличности, не может быть никаких денег. Использование средств обмена и поддержание остатков наличности обусловлено изменчивостью экономической информации. Деньги сами являются элементом изменчивости экономической информации. Их существование несовместимо с представлением о размеренном течении событий в равномерно функционирующей экономике». По нашему мнению, лучший анализ различий концепции денег в рыночной экономике и в социалистической системе можно найти в книге Trygve J. B. Hoff, *Economic Calculation in the Socialist Society* (Indianapolis: Liberty Press, 1981),

ключевой довод Мизеса не связан с моделью равновесия, столь же гипотетической, сколь и невозможной, с моделью, в которой никогда не происходит изменений и все случаи социальной рассогласованности исчезли, потому что они подверглись принудительному согласованию сверху, центральным плановым органом, владеющим всей необходимой информацией. Напротив, в таких обстоятельствах, которые не могут существовать в реальности, Мизес вообще не видит никакой проблемы с экономическим расчетом. Фундаментальное значение работ Мизеса состояло как раз в том, что он доказал теоретическую невозможность того, чтобы центральный плановый орган принудительно координировал жизнь общества. В этом смысле открытие Мизеса не только показывает логическую невозможность социализма, но и представляет собой окончательное теоретическое опровержение доктрины Маркса.

Несомненно, только такой человек, как Мизес, обладавший глубоким и фундаментальным знанием того, что происходит на рынке в реальной жизни, мог понять, что вне рынка экономический расчет и социальная координация невозможны. Однако важно отметить, что когда Мизес говорит о «рыночной цене» и «конкуренции», отсутствие которых как раз и делает невозможным экономические расчеты вне рынка, он имеет в виду совсем не то, что имеют в виду неоклассические теоретики равновесия, когда говорят о «цене» и «конкуренции». Для Мизеса *цена* — это любое историческое условие торговли, которое неизбежно возникает в конкурентном процессе, движимом энергией предпринимательства; она не является простым *параметром*, указывающим на условия,

chap. 6, “Money and the Formation of Prices of Consumer Goods in a Socialist Society with Free Choice of Goods and Occupation,” esp. pp. 101–115. Хофф очень четко проводит мысль о том, что хотя термин «деньги» употребляется и в рыночной экономике, и в социалистических экономиках, на практике это слово обозначает два радикально отличных друг от друга понятия, не только потому, что в социалистических режимах деньги используются исключительно в качестве параметров (это означает, что они выполняют ретроспективную функцию или функцию коррекции, а не рыночную функцию в смысле создания и введения в оборот новой информации), но и потому, что в социалистической системе продаются только потребительские товары, а единственным магазином владеет государство.

на которых должен предлагаться каждый из вариантов относительно остальных. Еще существеннее то, что термин *конкуренция* означает для Мизеса нечто почти противоположное тому значению, которое приписывает этому слову неоклассическая школа. В то время как так называемая «модель совершенной конкуренции» отсылает к некоторому состоянию равновесия, когда все участники пассивно ограничиваются продажей одного и того же продукта по данной цене, для Мизеса *конкуренция* означает динамический процесс соперничества между предпринимателями, которые занимаются не тем, что продают по данной цене, а тем, что постоянно принимают решения, предпринимают новые действия и осуществляют новые обмены, что приводит к возникновению новой информации, постоянно материализующейся в виде *новых рыночных цен*.

Ниже, в главе, посвященной Оскару Ланге, мы гораздо подробнее рассмотрим разницу в представлениях Мизеса и неоклассиков о цене и конкуренции. Пока мы хотим подчеркнуть, что Мизес в своей статье 1920 г. сосредоточился на критике того представления о централизованном планировании, которое имплицитно содержалось в процитированных нами выше работах Маркса. Поскольку Маркс оспаривал необходимость денежных цен, то совершенно естественно, что Мизес специально подчеркивал, что для экономического расчета и цены, и деньги необходимы. Позже участвовавшие в споре социалисты признали, что деньги и цены (хотя они и воспринимали цены исключительно как параметры) незаменимы при экономических расчетах. Только тогда Хайек довел до логического завершения тезис (первоначально высказанный его учителем Мизесом) о том, что экономический расчет требует настоящих рыночных цен, а не просто параметрических цен и что, соответственно, ни предпринимательство, ни коррекция и координация, которых требует общество, невозможны без по-настоящему конкурентных рынков и частной собственности на факторы производства. Однако не следует забывать, что, как мы уже продемонстрировали, все ключевые элементы этого фундаментального тезиса о роли практической информации, то есть знания, рассеянного по рынку, который позже был развит и усовершенствован Хайеком и самим Мизесом, в эмбриональной форме уже содержались в первоначальной статье Мизеса 1920 г.

Денежный расчет прибылей и убытков

В разделе 2 своей статьи 1920 г., «Природа экономического расчета», Мизес выделяет три различных типа ценностных суждений, которые может сделать действующий человек или предприниматель: первичные оценки, оценки потребительских благ и оценки средств производства. В то время как первичные оценки и оценки потребительских благ человек совершает *непосредственно*, то есть с помощью натурального расчета, для которого от каждого человека требуется просто сравнить на собственной субъективной шкале ценностей разные цели и необходимые для их достижения предметы потребления, то оценка производственных факторов — гораздо более сложный процесс. Это особенно верно для современной производственной структуры, состоящей из необыкновенно разветвленной сети различных производственных этапов, которые переплетены друг с другом чрезвычайно сложным образом и требуют совершенно разного времени. Соответственно, как справедливо замечает Мизес, «ум отдельно взятого человека слишком слаб, чтобы постичь значение любого из бесчисленных благ высшего порядка»⁴⁵. Действительно, решения, относящиеся к факторам производства, настолько сложны, что требуют суждений, которые становятся возможны только тогда, когда человек обладает информацией, содержащейся в *денежных* ценах, возникающих из самого рыночного процесса. Только таким образом, посредством предпринимательства, могут быть устранены случаи рассогласованности в структуре производства; только так может возникнуть установка на координацию, которая делает возможной жизнь в обществе.

Ядро этого процесса состоит как раз в оценках *прибылей и убытков*, которыми постоянно занимаются предприниматели, когда они действуют на рынке факторов производства. Действительно, всегда, когда предприниматели обнаруживают прибыльную возможность, они используют ее, приобретая факторы производства по рыночной цене, то есть несут денежные издержки, которые, по их оценке, должны быть ниже цены продажи, которую они получают за потребительские блага после того, как произведут их. Убыток означает, что действуя,

⁴⁵ Ludwig von Mises, “Economic Calculation in the Socialist Commonwealth” in *Collectivist Economic Planning*, 102.

предприниматель совершил ошибку и потратил редкие ресурсы на производство каких-то потребительских благ и услуг в то время, как были либо важнее, либо срочно требовались другие блага и услуги (те, которые генерируют прибыль, а не убыток). Логически, когда предприниматели покупают или продают факторы производства, их «действия» состоят не в том, что они просто приспособляются к неким химерическим параметрическим «ценам» — они непрерывно и весьма активно занимаются формированием истинных *рыночных цен*, куда они бессознательно включают ту информацию, которую постоянно генерируют или открывают. Отсутствие денег, частной собственности и свободы предпринимательства препятствует непрерывному созданию, поиску и передаче этой информации и, следовательно, формированию рыночных цен, представляющих собой ключевое сырье для экономического расчета, который делает возможным существование в обществе координации.

Достаточность экономического расчета на практике

Мизес перечислил три преимущества экономического расчета в том виде, в каком он происходит в реальной рыночной экономике. Во-первых, экономический расчет позволяет учитывать оценки экономических субъектов, участвующих в социальном процессе. Во-вторых, экономический расчет дает предпринимателям ориентиры, в том смысле, что он указывает на типы производства, которыми они должны или не должны заниматься, основываясь на индикаторах, или «знаках», представленных оценками прибылей и убытков, которые постоянно делают предприниматели. В-третьих, экономический расчет позволяет свести многие оценки, связанные с деятельностью, к общему знаменателю — денежным единицам.

Мизес откровенно признает, что в рыночной экономике экономический расчет и деньги функционируют неидеально. На деньгах, которые являются средством обмена, отражаются постоянные, непредсказуемые и разнородные изменения в покупательной способности. Что касается экономического расчета, то достаточное количество благ и услуг не продаются и не покупаются на рынке, в основном потому, что они

представляют собой *res extra commercium* (вещи вне торговли) и, соответственно, их нельзя оценить в денежных ценах. (На самом деле все доказательство Мизеса основано на анализе последствий того, что неизбежно произойдет в случае, если все капитальные блага станут *res extra commercium*.) Кроме того, внешняя точность (финансового и управленческого) учета обманчива, так как цифры в отчетности скрывают, что они основаны на субъективных суждениях строго предпринимательского характера о том, в каком направлении будут развиваться события. В качестве примера Мизес приводит расчет норм амортизации, который, будучи отражением амортизации в бухгалтерии, всегда связан с приблизительным предпринимательским суждением относительно рыночной цены замены производственного фактора, когда в будущем он физически изнашивается или технологически устаревает.

Однако, несмотря на все свои несовершенства и недостатки, экономический расчет является единственным социальным ориентиром, позволяющим обнаружить возникающие в обществе нарушения координации. Это происходит потому, что он направляет действия людей на поиск и координацию этих нарушений и тем самым делает жизнь в обществе возможной. С учетом особенностей практической, рассеянной информации (знания), изложенных нами в главе 2, рыночный экономический расчет нельзя заменить ничем, и, хотя он всегда основан на субъективных оценках и на информации, выраженной в рыночных ценах, которых не существует в состоянии равновесия, он по крайней мере позволяет предпринимателям *исключить из рассмотрения бесчисленные возможности, варианты и проекты, которые были бы возможны технологически, но неоправданы экономически*. Иными словами, экономический расчет ограничивает возможности, рассматриваемые предпринимателями, очень небольшим количеством вариантов, которые априори представляются потенциально прибыльными; тем самым он радикально упрощает процесс принятия решений действующим субъектом. Итак, Мизес делает следующий вывод: «Действительно, у денежных расчетов есть свои неудобства и серьезные недостатки, но у нас определенно нет ничего лучше, и для практических жизненных целей денежного расчета в том

виде, в каком он существует при стабильной денежной системе, всегда хватает»⁴⁶.

*Расчет как фундаментальная экономическая
(а не техническая) задача*

Мизес считает, что установление социалистического режима подразумевает уничтожение рациональной экономической науки, поскольку при социалистическом режиме настоящие цены и деньги не могут существовать в том смысле, в каком они существуют в реальной рыночной экономике. В контексте изложенного нами выше первоначального марксистского плана, согласно которому цены и деньги будут отменены, ясно, что экономический расчет при этом исчезает целиком и полностью. Действительно, Мизес посвящает значительную часть своей статьи критике этого плана. Ниже мы увидим, что ситуация почти совсем не меняется, если социалисты, в качестве второй линии обороны, соглашаются на некие параметрические «цены», которые устанавливаются регулирующим органом, и на некие «денежные единицы», больше всего похожие на счетные единицы. В этом случае по-прежнему сохраняется невозможность создания и передачи новой практической информации в среде, где запрещено свободное предпринимательство. Систематическое использование институционального принуждения препятствует появлению и распространению этой информации, и, соответственно, она не может ни сконцентрироваться «в уме» руководящего органа, ни использоваться им.

Таким образом, социализм ставит не техническую или технологическую задачу; это не просто задача осуществления максимизации в условиях данных целей и средств, а также наличия остальной необходимой информации. Нет, задача, которую ставит социализм, чисто *экономическая*: она возникает тогда, когда имеется множество конкурирующих целей и средств, когда информация о них рассеяна в умах бесчисленного множества людей и непрерывно порождается их пово, и когда, соответственно, невозможно даже

⁴⁶ Ludwig von Mises, “Economic Calculation in the Socialist Commonwealth” in *Collectivist Economic Planning*, 109.

*узнать обо всех существующих возможностях и вариантах, а также о том, желание какой степени интенсивности связано с каждым из этих вариантов*⁴⁷. Когда инженер приступает к задаче максимизации, он всегда предполагает, что на рынке есть какие-то варианты и какие-то равновесные цены, и что и те, и другие известны. Однако, экономическая задача сильно отличается от задачи максимизации; она состо-

⁴⁷ Наше понимание термина «экономический», таким образом, не совпадает с более широко распространенным взглядом, которого, вслед за Роббинсом, придерживаются теоретики равновесия, считающие, что «экономическая задача» состоит в размещении редких, но известных ресурсов в соответствии с заданными целями. С нашей точки зрения, такое понимание «экономической теории» убого и не представляет особого научного интереса; оно сводит нашу науку к примитивному, ограниченному и краткосрочному сочетанию приемов максимизации. В то же время совершенно не удивительно, что легионы псевдоэкономистов, а на самом деле — простых технарей-максимизаторов, неспособны с помощью убогих инструментов своего ремесла осознать теоретические факторы, которые делают социализм невозможным. Развитие нашей науки будет сталкиваться с препятствиями до тех пор, пока те, кто ей занимается, не признают радикального различия между наукой и техникой в сфере экономики, и пока они не перестанут выдавать за научные достижения свои успехи в гораздо более уютной, доступной и надежной (вопреки видимости) сфере техники; эти достижения не имеют значения с точки зрения науки, так как их можно применять только тогда, когда действительно важные научные проблемы, связанные с поиском и порождением необходимой информации, считаются решенными. Наконец, следует добавить, что, поскольку экономическую задачу можно решить только стихийно и децентрализованно в процессе свободного человеческого взаимодействия или предпринимательства, мы рассматриваем экономическую теорию как общую науку о человеческой деятельности и ее последствиях (то есть как праксеологию), сырьем для которой являются не объективные вещи (блага, услуги и т.п.), а субъективные единицы духовной природы (мысли, оценки, информация). Свойственное австрийской школе понимание экономической теории как науки, не ограничивающейся максимизацией (в статичных математических единицах), восходит непосредственно к Менгеру. Действительно, Эндрес даже говорит о «менгеровском принципе немаксимизации». См.: A. M. Endres, "Menger, Wieser, Böhm-Bawerk, and the Analysis of Economic Behaviour" in *History of Political Economy* 23, no. 2 (summer 1991): 279–299, esp. p. 281, note 5.

ит как раз в том, чтобы понять, какие цели, средства, а также будущие цены рынка являются возможными. Это значит, что *вопрос в том, как получить информацию, необходимую для решения технической задачи*. Экономический расчет — это приблизительное суждение, которое делает возможным информация, постоянно порождаемая предпринимательским процессом; в случае, если этому процессу насильственно препятствуют, информация не возникает и возможность экономического расчета исчезает.

Укрупнение предприятий и экономический расчет

Доказательство Мизеса можно также использовать для анализа теоретического предела роста любого «бизнеса» в рыночной экономике. Действительно, компанию, или «фирму», можно рассматривать просто как *добровольный «остров планирования»* или «организованный остров» внутри рынка, стихийно возникающий в результате того, что его учредители в процессе предпринимательства обнаруживают, что при данных обстоятельствах такая система больше всего подходит для достижения их целей. В каждой фирме имеется по крайней мере некий минимум организации и планирования, и с помощью каждой фирмы конкретные экономические, человеческие и материальные ресурсы организуются согласно плану и приказам менеджмента. В контексте исходного доказательства Мизеса понятно, что размер компании неизбежно ограничивает возможность эффективной организации внутри нее: всегда будет существовать некий критический уровень, после достижения которого объем информации, необходимой менеджменту, чтобы управлять компанией, станет настолько огромен, а сама эта информация — настолько сложноорганизованной, что способности менеджеров к ее усвоению и интерпретации будут превышены, и, соответственно, дальнейший рост компании будет в основном избыточным и безрезультатным.

В терминах экономического расчета это можно выразить так: в любой фирме *вертикальную интеграцию* будет ограничивать тот факт, что после того как все этапы производства соединяются в одном предпринимательском производственном процессе, обмена, связанные с одним или несколькими

из них, могут исчезнуть с рынка, и, таким образом, рыночные цены на некоторые капитальные блага больше не будут возникать. Начиная с этого момента, внутри фирмы исчезнет возможность совершать вертикальные трансферты, ориентируясь на экономические расчеты, а следовательно, возникнет тенденция к систематическим ошибкам и неэффективным решениям, которая рано или поздно подтолкнет предпринимателя к мысли, что он должен децентрализовать и «вертикально дезинтегрировать» свою компанию, если не желает поставить под удар ее конкурентоспособность⁴⁸. Это означает, что на свободном рынке никогда не будет возможно полностью осуществить вертикальную интеграцию по отношению к этапам какого-либо производственного процесса, поскольку это помешало бы необходимым экономическим расчетам. Следовательно, на рынке действует экономический закон, ограничивающий максимальный относительный размер каждой компании⁴⁹.

⁴⁸ Как верно замечает Мюррей Ротбард, «если бы для какого-то продукта не было бы рынка и все связанные с ним обмены были бы внутренними, ни фирма, ни кто-либо еще не могли бы определить его цену. Фирма может оценить имплицитную цену, если существует внешний рынок, но если рынок отсутствует, то у блага не может быть цены, ни эксплицитной, ни имплицитной. *Любая цифра в этом случае — это не более чем произвольный символ.* Соответственно, если фирма не может рассчитать цены, она не в состоянии рационально распределить факторы и ресурсы между [производственными] этапами» (Murray N. Rothbard, *Man, Economy and State: A Treatise on Economic Principles* [Los Angeles: Nash Publishing, 1970], 2: 547–548).

⁴⁹ Это мнение уже в 1934 г. отстаивал Фриц Махлуп (Fritz Machlup). Он писал: «Всегда, когда фирма (или концерн) поставляет продукцию одного из подразделений другому подразделению в качестве сырья, а не продает ее на конкурентном рынке по цене, установленной спросом и предложением, возникает проблема искусственных трансфертных цен, или путаницы в цифрах издержек и запасов. В этой ситуации расчеты еще могут производиться, но они не будут соответствовать экономическим принципам того, что Мизес назвал “экономическим расчетом”» (Fritz Machlup, “Closing Remarks” in *The Economics of Ludwig von Mises: Toward a Critical Reappraisal*, ed. Laurence S. Moss (Kansas City: Sheed and Ward, 1976), особенно библиографию на с. 116. Ф. А. Хайек также пришел к очень похожему выводу в другом контексте: «Невозможно заставить монополиста брать с потребителей цену, ко-

На самом деле, по мере того как разделение знания становится масштабнее, глубже и подробнее, и в результате этого растет сложность социальных и экономических процессов, компании становятся все трудней вертикально интегрироваться и расширяться, потому что ее менеджмент должен интерпретировать и использовать возрастающие объемы все усложняющейся информации. Одним из самых ярких и типичных последствий неудачно названной «технологической революции», которая представляет собой просто характерный для современных рыночных экономик процесс расширяющегося и углубляющегося разделения знания, было сокращение тенденции роста, при прочих равных условиях, так называемой «экономии на масштабе». Становится все очевиднее, что часто бывает выгоднее инвестировать в разные компании по отдельности, а не создавать для этого холдинговые компании или конгломераты, а многие крупные фирмы обнаруживают, что единственный способ выдержать конкуренцию с небольшими фирмами — это поощрение и стимулирование предпринимательской инициативы внутри фирмы (intrapreneurship, внутринимательство)⁵⁰. В действительности мощности небольшого

торая соответствовала бы цене в ситуации конкуренции, или цену, равную необходимым издержкам, потому что конкурентные или необходимые издержки не могут быть известны, если нет конкуренции. Это не означает, что менеджер монополизированной отрасли при социализме будет, невзирая на распоряжения сверху, продолжать получать монопольные прибыли. Однако это означает, что, поскольку нельзя проверить экономические преимущества одного метода производства в сравнении с другим, место монопольных прибылей займут потери от неэкономичного использования ресурсов» (F. A. Hayek, “Socialist Calculation II: The State of the Debate (1935),” chap. 8 of *Individualism and Economic Order* [Chicago: Gateway Editions, 1972], 170 [Хайек Ф. Экономический расчет при социализме II // Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф; Начала-фонд, 2000. С. 66 и 101]).

⁵⁰ Эти рассуждения подтверждаются и дополняются проведенным Рональдом Коузом аналитическим исследованием природы «фирмы» (то есть добровольной внутренней «организации») и факторов, определяющих ее размеры и развитие, по сравнению с альтернативной системой, представленной внешними взаимосвязями, которые Коуз ошибочно описывает как связи, основанные на использовании рынка и системы цен. Коуз пишет: «Легко заме-

тить, что когда государство берет на себя управление какой-либо отраслью, оно, начиная ее планирование, берет на себя и роль, прежде выполнявшуюся механизмом цен. Обычно не осознают, что любой бизнесмен, организуя взаимоотношения между подчиненными ему подразделениями, также делает и нечто, что могло бы быть доверено механизму цен... Важное различие... В том, что отрасли навязывают планирование, а фирмы возникают добровольно, потому что они представляют более эффективный метод организации производства. В конкурентной системе существует «оптимальный» объем планирования!» (Ronald H. Coase “The Nature of the Firm” in *The Firm, the Market and the Law* [Chicago: University of Chicago Press, 1988], p. 37, note 14 [Коуз Р. Природа фирмы // Коуз Р. Фирма, рынок и право. М.: Дело, 1993. С. 36, сн. 14]). См. также: *The Nature of the Firm: Origins, Evolution and Development*, eds Oliver E. Williamson and Sidney G. Winter (Oxford: Oxford University Press, 1991), 30—31. Таким образом, тезис Мизеса дополняет утверждение Коуза, в том смысле, что с того момента, как рынок для некоторых факторов производства начинает исчезать, у предпринимательской организации не только будут уменьшаться прибыли и расти убытки, но и появляются чрезмерно высокие издержки. Следовательно, рыночные процессы снабжены внутренней защитой от потенциального уничтожения путем добровольной вертикальной интеграции, и эта защита состоит в том, что каждому предпринимателю жизненно необходимо планировать свою деятельность с помощью экономического расчета. Однако, несмотря на то что, по нашему мнению, отдельные элементы анализа, сделанного Коузом, очень важны, представляется, что ему не удалось преодолеть теоретическую границу и явным образом признать значение предпринимательства. Излагая свою теорию, Коуз демонстрирует странную одержимость «транзакционными издержками», что по умолчанию предполагает существование информации, необходимой, чтобы выделить и посчитать эти издержки. Однако фундаментальная экономическая проблема — это не проблема транзакционных издержек, это *предпринимательская* проблема, то есть вопрос поиска и создания необходимой информации с точки зрения новых целей и новых средств, необходимых для их достижения. Иными словами, теория Коуза продолжает оставаться статичной теорией, или теорией равновесия, которая подразумевает контекст предварительно заданных целей и средств и не учитывает, что проблеме «транзакционных издержек» предшествует куда более важный вопрос: понимает ли предприниматель, какие из планов действий больше всего подходят для его целей. Это означает, что если «транзакционные издержки» не замечать, то они могут отсутствовать, а то, что субъективно воспринимается в качестве

персонального компьютера оказалось достаточно, чтобы бесчисленные и часто крупные «добровольные плановые органы», которые до этого считались типичными и даже необходимыми для рынка, стали не нужны.

Этот довод демонстрирует также ошибочность теории Маркса, которая считает, что при капиталистической системе компании всегда стремятся к укрупнению: в типичном случае консолидация бизнеса не выходит за пределы, за которыми интеллект менеджеров перестает справляться с объемом требующейся им информации и знаний. Если фирма постоянно расширяется, то наступит время, когда она столкнется с возрастающими трудностями, потому что ее менеджеры будут вынуждены принимать решения «вслепую», не имея информации, необходимой для того, чтобы найти и оценить разные варианты производства или различные планы действий. Поведение менеджеров будет становится все более произвольным и неумеренным, так как они будут вынуждены обходиться без помощи информации, выраженной в ценах рынка и предпринимательском поведении конкурентов. В силу этого централизованное планирование нельзя рассматривать как неизбежный итог эволюции капитализма: само существование рынка ограничивает возможности для централизации в отдельно взятой компании. Предел для централизации определяется как раз способностью менеджмента компании усваивать информацию, а также изменениями в социальном раз-

транзакционных издержек, в любой момент может перестать быть таковым или претерпеть резкие изменения вследствие предпринимательских инноваций или открытий. Тем самым проблема не в том, что информация дана, хотя и носит рассеянный характер и ее очень «трудно» добыть, а в том, что информация не дана, и в случае, если предпринимательский процесс идет успешно, новая практическая информация может непрерывно создаваться или обнаруживаться *без каких-либо издержек*: в динамических социальных процессах экономическую проблему представляют не «транзакционные издержки», а разница между потенциально возможным эффективным поведением фирм и их практическим неэффективным поведением (*x-inefficiency*) и истинные предпринимательские ошибки; и эту проблему можно решить только посредством творческого предпринимательского процесса в отсутствие принуждения.

делении знания, которое постепенно становится все более глубоким, сложным и децентрализованным⁵¹.

5. Первые предложения социалистов по поводу того, как решить проблему экономического расчета

Экономический расчет в натуральном выражении

Как мы видели в предыдущем разделе, представление о том, что социалистическую экономику можно организовать без использования денег, восходит к Карлу Марксу. Действительно, в состоянии равновесия или нирваны, которое, как полагает Маркс, руководящий орган способен и обязан принудительно установить, не было бы потребности в деньгах, поскольку предполагается, что вся информация дана и никаких изменений не бывает. В такой ситуации нужно было бы просто постоянно производить одни и те же товары и услуги и распределять их одним и тем же способом между одними и теми же индивидами. Эту идею от Маркса усвоил Энгельс, а от него — множество теоретиков, которые с разной степенью откровенности утверждают, что даже в отсутствие денег нет никакой причины для возникновения каких бы то ни было проблем с экономическим расчетом⁵².

⁵¹ На этом теоретическое опровержение Маркса завершается. Хронологически оно началось тем, что Бём-Баверк критически проанализировал марксистскую теорию прибавочной ценности, или эксплуатации, а также трудовую теорию ценности, продемонстрировав бессодержательность марксистской критики капитализма. Людвиг фон Мизес завершил его, нанеся окончательный удар по теориям Маркса своим доказательством теоретической невозможности существования альтернативной капитализму социалистической системы, так как она не допускает экономического расчета. Из этого доказательства мы можем также извлечь важное побочное следствие, а именно, вывод, что марксистская теория процесса укрупнения при капитализме неверна.

⁵² Среди тех, кто верил в возможность экономического расчета в обществе без денег, можно упомянуть Карла Баллода, Николая Бухарина, Отто Нейрата, Карла Ландауэра и Александра Чайанова. В общих чертах идея, которой они придерживаются, состоит в том, что общество должно будет определять потреб-

ности каждого гражданина с помощью «объективных» критериев, установленных специалистами (биологами, агрономами и т.п.). Затем соответствующее управление статистики или институт запланирует количество потребительских благ (сапог, брюк, рубашек и т.п.), которые должны быть произведены в течение года. Позже эти потребительские блага будут таким же способом распределены между гражданами. Кроме работ Нейрата *Durch die Kriegswirtschaft zur Naturalwirtschaft* (которую мы уже цитировали) и *Wirtschaftsplan und Naturalrechnung: von der sozialistischen Lebensordnung und von kommenden Menschen* (Berlin: Laub, 1925), основные работы авторов-социалистов, защищавших расчеты в натуральном выражении, следующие: Alexander Tschayanoff, “Zur Frage einer Theorie der Nichtkapitalistischen Wirtschaftssysteme,” *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik* no. 51 (1923): 577—613 [Чаянов А. В. К вопросу теории некапиталистических систем хозяйства // Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды. М.: Экономика, 1989. С. 114—143]; N. I. Bukharin and E. Preobrazhensky, *The ABC of Communism: A Popular Explanation of the Program of the Communist Party of Russia* (Ann Arbor: University of Michigan Press, 1966) [Бухарин Н., Преображенский Е. Алфавит коммунизма. Популярное объяснение программы Российской Коммунистической партии (большевиков). Написана в октябре 1919 г. Став настольной книгой молодых членов партии, выдержала более 20 переизданий]; Karl Ballod, *Der Zukunftsstaat: Wirtschaftstechnisches Ideal und Volkswirtschaftliche Wirklichkeit*, 4 ed. (Berlin: Laub, 1927) [Баллод К. Взгляд в государство будущего. 1906; Баллод К. Государство будущего. М., 1920]; и, наконец, Carl Landauer, *Planwirtschaft und Verkehrswirtschaft* (Munich: Duncker & Humblot, 1931). Подробное изложение идей этих авторов см.: Trygve J. V. Hoff, *Economic Calculation in the Socialist Society*, 50—80. Об экономисте Карле Баллоде и его влиянии на зарождение планирования в СССР см.: François Seurot, *Les Economies Socialistes* (Paris: Presses Universitaires de France, 1983), pp. 12—13. На русском языке между 1903 и 1906 гг. книга Баллода вышла шестью изданиями, и Кржижановский строго следовал изложенным в ней принципам, когда в 1920 г. Ленин поручил ему подготовить план электрификации (план ГОЭЛРО). О Карле Баллоде (1864—1933), который использовал псевдоним Атлантикус, от утопии Френсиса Бэкона 1627 г. «Новая Атлантида», см. полезную книгу: Juan Martinez-Alier, *Ecological Economics*, 199—205. Однако, в своих выводах Мартинес-Альер не учитывает сути предпринимательства, которой мы посвятили главы 1 и 2; он также игнорирует то, что особенный ущерб природным ресурсам наносится тогда, когда

Если не учитывать того, что центральный орган принуждения в принципе не в состоянии получить необходимую ему информацию, проблема с предложениями осуществлять экономический расчет *в натуральном выражении* состоит в том, что *невозможно производить расчеты (умножение и вычитание), используя разнородные величины*. Действительно, если орган власти решает отдать в обмен на какую-нибудь машину 40 свиней, 5 мешков муки, тонну масла и 200 яиц, откуда он может узнать, не отдает ли он больше, чем должен, с точки зрения собственных оценок? Иными словами: если бы регулирующий орган потратил эти ресурсы на иные виды деятельности, не мог ли бы он достичь целей, которые имели бы большую ценность даже для него самого? Вероятно, можно простить социалистическим теоретикам то, что они не смогли с самого начала осознать неразрешимость проблемы, которую ставит перед социализмом субъективный, рассеянный и невыраженный в словах характер информации, но нельзя простить им ту вопиющую ошибку, которую представляет собой идея о том, что рациональный расчет возможен без использования какой-либо денежной единицы в качестве общего знаменателя.

Кроме того, проблема, которую ставит расчет в натуральной форме, влияет не только на производственные решения, но и на решения о распределении потребительских товаров. Ведь есть много таких потребительских благ и услуг, которые нельзя поровну разделить между абсолютно всеми гражданами, и поэтому абсурдно рассматривать систему их распределения, не включающую денежных единиц⁵³. В завершение мы про-

предпринимательству мешают институциональные преграды, и, следовательно, не порождается информация, необходимая для того, чтобы принять правильные решения относительно этих ресурсов. Подробнее об этом см. мою статью: "Derechos de Propiedad y Gestión Privada de los Recursos de la Naturaleza" in *Cuadernos del Pensamiento Liberal*.

⁵³ Даже теоретик социализма Карл Каутский высмеивал идеи Нейрата о расчетах в натуре, сделав вывод, что «бухгалтерский учет *in natura* быстро приведет к полному и окончательному хаосу». Цитата приводится по: Т. J. В. Хофф, *Economic Calculation in the Socialist Society*, 79. Хофф подробно показывает, что ни одно из тех предложений натурального распределения потребительских благ и услуг, которые выдвигались разными социалистическими

цитируем ироническое замечание Мизеса о Ландауэре, социалистическом теоретике, который считал натуральный расчет возможным: «Ландауэр не понимает, что (и почему) невозможно складывать или вычитать числа с разным измерением. Тут уж ничем не поможешь»⁵⁴.

Несмотря на сказанное выше, мы не должны поддаваться ложному впечатлению, что главная причина, по которой натуральный экономический расчет невозможен, состоит в том, что разнородные единицы нельзя складывать, вычитать и т.п. Основную причину, по которой экономический расчет в отсутствие рыночных цен и денег невозможен, мы подробно описали в главе 3; дело в субъективном, рассеянном и невербализуемом характере практического человеческого знания. Дело не в том, что даже если бы человеческое знание не обладало этими особенностями, экономические расчеты в натуре все равно были бы невозможны, потому что мы не можем производить математических операций с разнородными величинами: наоборот, суть в том, что даже если бы гипотетический субъект имел возможность производить такие расчеты в натуре, для него все равно было бы логически невозможно получить всю необходимую информацию. Таким образом, главный довод относится к информации, а довод, что расчет в натуральной форме невозможен, является очень наглядным, но вспомогательным.

Экономический расчет в рабочем времени

Объективная теория трудовой ценности Маркса является причиной, по которой разным социалистическим теоретикам казалось естественным попробовать решить интересующую нас проблему с помощью расчетов в рабочем времени. Хотя это «решение» и ведет нас непосредственно к обсуждению объективной теории ценности относительно субъектив-

теоретиками (8 таких предложений, объединенных в две равные группы, действительно рассматривались), не осуществимо на практике. См. с. 54—70 указанной работы. Русский экономист Борис Бруцкус тоже считал абсурдными предложения Бухарина и Чайанова производить экономические расчеты в натуральном выражении (см.: *Economic Planning in Soviet Russia*, 17.)

⁵⁴ Ludwig von Mises, *Socialism*, note on p. 119 [Мизес. Социализм. С. 93 сн.].

ной, в начале анализ возможности экономического расчета в рабочих часах не зависит от конкретной позиции по вопросу о том, какая теория ценности (объективная или субъективная) верна.

В общем, эти теоретики предлагали правительству учитывать рабочее время каждого гражданина и выдавать каждому работнику определенное количество чеков, которые соответствовали бы числу отработанных им часов и давали бы ему право на определенное количество произведенных потребительских благ и услуг. Распределение социального продукта происходило бы путем создания статистического регистра рабочих часов, необходимых для производства каждого из товаров или услуг, и предоставления благ и услуг тем работникам, которые готовы обменять на них соответствующие чеки. Таким образом, каждый рабочий час дал бы работнику право получить блага и услуги, которые стоят часа работы.

Очевидно, что такие чеки не являются деньгами и у товаров и услуг не было бы рыночных цен, или условий торговли, добровольно установленных покупателями и продавцами, поскольку пропорция обмена благ и услуг на чеки устанавливалась бы предварительно, в рабочих часах, необходимых для производства каждого блага⁵⁵.

⁵⁵ Описанный выше порядок экономического расчета в рабочем времени был приведен Карлом Марксом: «Он получает от общества квитанцию в том, что им доставлено такое-то количество труда (за вычетом его труда в пользу общественных фондов), и по этой квитанции он получает из общественных запасов такое количество предметов потребления, на которое затрачено столько же труда. То же самое количество труда, которое он дал обществу в одной форме, он получает обратно в другой форме» (Karl Marx, *Critique of the Gotha Programme*, vol. 3 of *Marx-Engels Selected Works* [Moscow: Progress Publishers, 1970] [Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 18]). Наиболее убедительно доказывал возможность экономического расчета в рабочем времени Отто Лейхтер, см.: Otto Leichter, *Die Sprengung des Kapitalismus: Die Wirtschaftsrechnung in der Sozialistischen Gesellschaft* (Vienna: Verlag der Wiener Vollsbuchhandlung, 1923). Любопытно, что в этой книге Лейхтер резко критикует предложения производить расчет в натуральном выражении. Позднее его идеи развил и усовершенствовал Вальтер Шифф: Walter Schiff, *Die Planwirtschaft und ihre ökonomische Hauptprobleme* (Berlin, 1932). Мизес подверг критике предло-

По мнению Мизеса, при экономических расчетах в рабочем времени возникают две неразрешимые проблемы. Во-первых, даже в рамках объективной теории ценности (стоимости) этот критерий невозможно применять к производственным процессам, в которых используются невозобновляемые *природные ресурсы*. Действительно, совершенно очевидно, что ни один природный ресурс (например уголь) невозможно обозначить конкретным количеством рабочего времени, так как он не просто позволяет достичь определенных целей и является редким ресурсом — его в принципе невозможно изготовить с помощью человеческого труда. Иными словами, поскольку для производства такого ресурса не используется труд, учет рабочих часов не дает возможность осуществить экономический расчет, который абсолютно необходим, чтобы принимать разумные, а не произвольные решения относительно этого ресурса.

Во-вторых, час труда не представляет собой чего-то однородного и единообразного. В действительности не бывает просто «труда», а есть бесчисленные разные виды или категории труда, которые в отсутствие рыночных денежных цен, приводящих их в каждом отдельном случае к общему знаменателю, нельзя складывать или вычитать в силу их принципиальной разнородности. Дело не просто в том, что производительность разных работников резко различается, и не в том, что даже производительность одного и того же работника меняется в зависимости от обстоятельств. Главное в том, что виды услуг, предоставляемых трудом, бесконечно разнообразны, и, кроме того, постоянно меняются; как следствие, они абсолютно разнородны и порождают ту же самую проблему, которую мы уже обсуждали в предыду-

женное Лейхтером решение в статье: Mises, “Neue Beiträge zum Problem der Sozialistischen Wirtschaftsrechnung,” *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik* no. 51 (1924): 488–500. Виллем Кейзер написал по-английски статью, посвященную, в частности, этому тексту Мизеса, см.: William Keizer, “Two Forgotten Articles by Ludwig von Mises on the Rationality of Socialist Economic Calculation,” *The Review of Austrian Economics* (Massachusetts: Lexington Books, 1987), 1: 109–122. Вторая статья Мизеса, которую обсуждает Кейзер, это “Neue Schriften zum Problem der Sozialistischen Wirtschaftsrechnung”, опубликованная в том же журнале (vol. 60 [1928]: 187–190); в ней Мизес рассматривает работы Джейкоба Маршака, Отто Нейрата и Бориса Бруцкуса.

щем разделе применительно к натуральному экономическому расчету. Она состоит в том, что невозможно произвести расчет, используя неоднородные величины.

Традиционная марксистская доктрина предложила в качестве решения этой проблемы попытку свести разные виды труда к так называемому «простому общественно необходимому труду». Однако, редукция часов, потраченных на труд разных видов, к часам простейшего труда возможна только тогда, когда существует рыночный процесс, в ходе которого оба вида труда обмениваются по цене, устанавливаемой различными экономическими субъектами. Без этого рыночного процесса любое сравнительное суждение о разных видах труда неизбежно произвольно и будет подразумевать исчезновение рационального экономического расчета. Вне результатов рыночного процесса свести различные виды труда к общему знаменателю невозможно. Кроме того, проблема сведения разнородных рабочих часов к общей единице представляет собой просто частный случай уже обсуждавшейся нами более общей проблемы, которую ставит перед нами натуральный экономический расчет — проблемы невозможности свести к общей единице разнородные факторы производства.

Наконец, повторим еще раз то, о чем мы уже говорили: даже если существовало бы решение этих двух конкретных проблем (экономического расчета в случае невозможности измерения природных ресурсов и невозможности найти общую единицу измерения рабочих часов), то главная проблема все равно осталась бы. Плановый орган в принципе неспособен получить всю необходимую ему информацию, поскольку она рассеяна в умах миллионов экономических субъектов, из которых состоит общество.

Экономический расчет в единицах полезности

Некоторые социалисты, благодаря возражениям Мизеса осознавшие невозможность расчета в рабочем времени, полагают, что проблему может решить расчет в «*единицах полезности*»⁵⁶. Однако это предложение еще более абсурдно, чем

⁵⁶ Станислав Струмилин (1877—1974) в статьях, опубликованных в «Экономической жизни», №№ 237, 284, и 290 (23 октяб-

предложение расчета в рабочих часах. Полезность — это строго субъективное понятие, вытекающее из восприятия индивидом каждой единицы доступных ему средств в контексте каждого конкретного действия, в котором он участвует. Полезность нельзя измерить; можно только *сравнивать* полезность, связанную с разными вариантами действий, в момент принятия решения. Мы также не можем наблюдать полезность для разных индивидов, потому что это предполагало бы в нас способность поселиться в сознании других людей и примерять на себя их личность, их опыт и оценки. Таким образом, никакой центральный орган принуждения не в состоянии наблюдать, ощущать или измерять полезность.

Кроме того, сам действующий человек в момент принятия решения тоже не «измеряет» полезность — он просто сравнивает между собой полезности, которые, как он считает, получает от каждого из возможных вариантов действий. Более того, рыночные цены не выражают эквивалентности и не измеряют полезность⁵⁷; они представляют собой просто исторические условия торговли, демонстрирующие исключительно то,

ря, 17 декабря и 24 декабря 1920 г.), писал, что он не считает возможным экономический расчет в рабочем времени, если не дополнить его использованием единиц полезности. Подробное описание этой системы экономического расчета, от которой Ленин отказался, вернувшись к рынку и деньгам в период НЭПа, содержится в статье Михеля Кэзера о Струмилине: M. C. Kaser in *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, vol. 4, 534. В упомянутой нами работе Борис Бруцкус разгромил возможность экономического расчета в единицах полезности. В свою очередь, Карл Каутский яростно отстаивал мысль о том, что экономический расчет в рабочем времени возможен только в том случае, если взять в качестве исходного пункта исторические цены рынка, сложившиеся в период до установления социалистической экономики (вероятно, как косвенный способ зафиксировать отношения полезности). См.: Karl Kautsky, *Die Proletarische Revolution und ihr Programm* (Berlin: Dietz Nachfolger, 1922). Мизес в упомянутой нами в предыдущей сноске статье 1924 г., опубликованной в *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, резко отменил предложение Каутского.

⁵⁷ *Todo necio / confunde valor y precio*. [«Все глупцы / путают ценность с ценой».] (Antonio Machado, “Proverbios y Cantares” 68, in *Poesías Completas, Poesías Completas*, Edición crítica Oreste Macrí [Madrid: Espasa Calpe], 1: 640, 820).

что участники обменов производили субъективные и различающиеся оценки, и эти различия в оценках обеспечивали возможность обменов.

Приходится сделать вывод, что попытка использовать полезность в качестве единицы экономического расчета порождает неразрешимую проблему не только потому, что полезность ненаблюдаема, но и потому, что не существует такой единицы интересубъектной полезности, или общего знаменателя разных субъективных полезностей, которую можно было бы использовать в качестве единицы измерения в экономических расчетах. Понятие полезности является до такой степени субъективным и ускользающим, что тезис о невозможности экономического расчета, основанного на единицах полезности, возвращает нас непосредственно к нашему главному аргументу: к тому, что центральный орган принуждения не в состоянии получить необходимую ему практическую информацию, рассеянную в умах всех экономических субъектов, которая в каждый отдельно взятый момент существует в виде бесконечного, непрерывно меняющегося ряда личных оценок и суждений о полезности конкретных целей и средств⁵⁸.

⁵⁸ Гюнтер Халоупек (Günther K. Chaloupek "The Austrian Debate on Economic Calculation in a Socialist Economy," *History of Political Economy* 22, no. 4 (winter 1990): 659–675) опубликовал блестящее исследование о различных попытках писавших по-немецки авторов (большинство из них мы упоминали в предыдущих сносках) возразить Мизесу; см. в особенности библиографию. «Немецкий» спор об экономическом расчете, менее известный, чем последовавшая за ним дискуссия в англоговорящем мире, завершили работы авторов, солидаризировавшихся с Мизесом, о которых Халоупек не упоминает. См. в особенности: Max Weber, "Wirtschaft und Gesellschaft," in *Grundriss der Sozialökonomie* (Tubingen, 1922), 3: 45–59 [см.: Вебер М. Хозяйство и общество М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2008 (готовится к печати)]; Adolf Weber, *Allgemeine Volkswirtschaftslehre*, 4th ed. (Munich and Leipzig, 1932), 2: 369; C. A. Verrijn Stuart, "Winstbejag versus behoeftenberediging," *Overdruk Economist* 76, no. 1, pp. 18 ff.; Pohle-Halm, *Kapitalismus und Sozialismus*, 4th ed. (Berlin, 1931), 237 ff.

Глава V

НЕОПРАВДААННЫЙ СДВИГ В СПОРЕ В СТОРОНУ СТАТИКИ: АРГУМЕНТЫ ФОРМАЛЬНОГО СХОДСТВА И ТАК НАЗЫВАЕМОЕ «МАТЕМАТИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ»

В этой главе мы узнаем, что, вскоре после того, как Мизес выступил со своим доказательством, участники спора — социалисты сосредоточили свои усилия на решении проблемы социализма в условиях статики. Эти усилия были совершенно бессмысленны, поэтому мы называем этот сдвиг социалистических теоретиков по направлению к статике «необоснованным»; ведь сам Мизес уже отметил, что, с точки зрения статики, экономический расчет при социализме вообще не является проблемой. Мы попробуем объяснить, почему социалисты до такой степени не поняли сути обсуждаемой проблемы. В частности, будет проанализировано деструктивное влияние, которое оказали на ход спора парадигма анализа экономического равновесия и доводы, которые демонстрируют формальное сходство, существующее между рынком и социалистической моделью, если описывать их строго в терминах статики. Затем будет рассмотрено «математическое доказательство», несколько вариантов которого предложили социалистические теоретики, и завершит главу анализ реакции Мизеса, Хайека и Роббинса на все эти «решения».

1. Аргументы формального сходства

В предыдущей главе мы видели, что самая старая школа внутри социалистической традиции наивно считала, что социалистическая система может обойтись без экономических поня-

тий ценности и процента, которые были открыты и проанализированы классическими экономистами применительно к капиталистическим экономикам. В ответ на это многие экономисты поспешили продемонстрировать, что фундаментальные понятия ценности и процента должны быть сохранены даже при идеальном социалистическом режиме, когда вся информация доступна, а изменения отсутствуют (модель равновесия). Этот довод, который сначала был сформулирован в терминах классической логики, а позже приобрел формально-математический вид, был следствием желания произвести впечатление на тех социалистических теоретиков, которые наивно считали, что в своих моделях они могут обойтись без понятия ценности. Итак, ради того, чтобы продемонстрировать, что идеальная коммунистическая система будет нуждаться в фундаментальных понятиях ценности и процента даже в состоянии равновесия, экономисты пошли на теоретическую уступку, предположив, что главная экономическая проблема (как получить необходимую информацию) уже решена. Однако, именно эта уступка привела к необоснованному переносу спора в область статики, где он не имел никакого смысла, что привело к большой неразберихе, жертвой которой стали и непосредственные участники спора, и те, кто позже анализировал его и делал из этого выводы. Действительно, как только модели равновесия начали опираться на предположение (формализованное посредством математических терминов или нет), что вся информация доступна и неизменна, стало практически неизбежным восприятие проблемы экономического расчета при социализме просто как алгебраической или *вычислительной* задачи, сводящейся к тому, чтобы найти способ решения соответствующей системы уравнений. Соответственно, *аргумент формального сходства, изначально направленный на опровержение утверждений социалистических теоретиков, позже был использован ими для того, чтобы избежать решения фундаментальной экономической проблемы, которую ставит социализм* (каким образом центральный плановый орган может получить жизненно необходимую ему практическую информацию, то есть данные, которые рассеяны в умах миллионов экономических агентов). Так экономисты совершили ошибку, сосредоточившись исключительно на практических трудностях, связанных с решением мно-

гочисленных сложных систем уравнений, и даже не заметив того, что существует проблема теоретической невозможности социализма как такового. Этот пример наглядно показывает, как велика опасность применения математических методов в экономической теории; дело в том, что их использование скрывает действительно важные экономические проблемы даже от самых блестящих умов¹.

*Аргументы формального сходства,
выдвинутые Ойгеном фон Бём-Баверком
и Фридрихом фон Визером*

Самым важным годом с точки зрения аргументов формального сходства был, вероятно, 1889 г. Действительно, в этом году была опубликована книга Фридриха вон Визера *Der Natürliche Wert*. Одной из главных целей автора было показать, что экономические блага не перестанут иметь ценность даже в сообществе или государстве, организованном на коммунистических принципах. Визер считал, что фундаментальные законы ценности не зависят от институционального и социального окружения и эти законы следует учитывать при любой социалистической системе. Визеровский анализ — это анализ равновесия; он показывает, что логика выбора должна быть одной

¹ Хотя Мизес считал математический метод разрушительным вне зависимости от того, в какой области экономической теории он применяется, возможно, вопрос экономического расчета был для него наиболее ясным доказательством того, что математический метод в принципе не может учесть рыночные процессы и скрывает фундаментальную теоретическую проблему социализма: проблему того, как возможна координация в обществе, где существуют препятствия для свободного предпринимательства. Понятно, почему он пишет об этом с такой смелостью и с такой суровостью: «Математические методы должны быть отвергнуты не только по причине их бессодержательности. Это абсолютно порочный метод, отталкивающийся от ложных предпосылок и ведущий к ошибочным выводам. Его силлогизмы не просто бесплодны; они уводят мысль от изучения реальных проблем и искажают взаимосвязи между явлениями». Ludwig von Mises, *Human Action*, 350 [Мизес. Человеческая деятельность. С. 329].

и той же и в рыночной, и в социалистической системе: в этом и состоит аргумент формального сходства двух систем².

² Friedrich von Wieser, *Der Natürliche Wert* (Vienna: A. Holder, 1889). Существует английский перевод Мэллока (С. А. Malloch), *Natural Value* (New York: Augustus M. Kelley, 1971). На с. 60 этого издания мы читаем: «Даже в сообществе или в государстве, экономические дела которого организованы на коммунистических принципах, блага не перестанут иметь ценность. ...Ценность, которая возникает из социальной взаимосвязи определенного количества благ и полезности, а также ценность, которая существовала бы в коммунистическом государстве, мы будем с этих пор называть “естественной ценностью”». Я внимательно прочитал книгу Визера, и лично мне его концепция «естественной ценности» кажется абсурдной и фантазмагорической. Она может применяться только к гипотетическому равновесию, которое никогда не достигается на практике. Соответственно, Визер совершает ошибку, полагая, что ценность объективна; в частности, он считает возможным межличностное сравнение полезностей. Визер избежал бы этой и других серьезных ошибок, если бы в большей степени придерживался истинной австрийской традиции, идущей от Менгера, и опирался в своем анализе не на фантазмагорическую модель равновесия, а на изучение динамических рыночных процессов. Мизес резко критикует Визера за то, что он предал подход Менгера, который состоит в общем и взаимоувязанном изучении рыночных процессов. Мизес приходит к выводу, что Визер не был «мыслителем-творцом и вообще принес больше вреда, чем пользы. Он так и не понял суть идеи субъективизма австрийской школы мысли и в результате совершил множество ошибок. Его теория вменения неверна. Его мысли о расчете ценности заставляют сделать вывод, что его следует причислять не к австрийской, а к лозаннской школе (Леон Вальрас *et al.* и идея экономического равновесия)» (Ludwig von Mises, *Notes and Recollections*, 36). В приведенном ниже замечании Марк Блауг блестяще резюмирует позицию австрийской школы, хотя совершенно игнорирует этот уклонизм Визера: «Австрийцы одновременно отвергали и концепцию частичного равновесия Маршала, и ту экономическую теорию, за которую выступал Вальрас: во-первых, экономическую теорию, сформулированную в математических терминах, а во-вторых, экономическую теорию «конечного состояния» (в отличие от «процесса»), то есть сосредоточенную на следствиях из равновесия, а не на процессе, посредством которого достигается равновесие. Австрийцы не одобряли Вальраса с его идеей существования уникального мультирыночного равновесия в качестве метафоры для системы совместных уравнений и еще меньше одобряли его рассуждения о мультирыночном равновесии в тер-

Также в 1889 г. Ойген фон Бём-Баверк во втором томе своего *opus magnum* «Капитал и прибыль», сформулировал аргумент, похожий на визеровский, но применительно к ставке процента. Бём-Баверк рассматривает ставку процента как базовое экономическое понятие, которое должно присутствовать в любой экономической системе, все равно: капиталистической или коммунистической. Поэтому вызывающая такую критику «прибавочная ценность», или «эксплуатация», типичная для капиталистической системы, не исчезнет при социалистическом режиме. На самом деле, верно как раз обратное: государство или контрольный орган обязательно сохраняют ее, потому что категории временного предпочтения и ставки процента нельзя уничтожить ни в какой системе хозяйствования³.

минах приспособления цен к чистому неудовлетворенному спросу. Действительно, *все до одного* австрийцы, включая Уикстида и Роббинса, тщательно избегали любых рассуждений о какой-либо теории ценообразования, подчеркивая ее дискретный и неделимый характер, и *полностью довольствовались существованием общей тенденции к равновесию, которое никогда не реализуется на практике* (Mark Blaug, "Comment on O'Brien's 'Lionel Robbins and the Austrian Connection'," in *Carl Menger and His Legacy in Economics*, ed. Bruce J. Caldwell, 186). Кстати, необходимо отметить, что Марк Блауг пережил вызвавшее большие пересуды обращение. Вначале он с порога отвергал австрийскую школу, но позже отрекся от своей веры в модель общего равновесия и в неоклассическую парадигму Вальраса. Он писал: «Я медленно и очень неохотно пришел к выводу, что они [австрийская школа] правы, а мы все неправы» (*Appraising Economic Theories*, ed. Blaug and De Marchi (London: Edward Elgar, 1991), 508. См. также менее эмоциональную работу Блауга: *Economics Through the Looking Glass*, Occasional Paper 78 (London: Institute of Economic Affairs, 1988), 37. См. также: *The Economic Journal* (November 1993): 1571.

³ См. сноску 39 в главе 4, где мы пересказали все возражения Бём-Баверка против марксистской теории эксплуатации. В частности, Бём-Баверк пишет: «В наши дни социалисты оскорбляют доход от капитала, называя его эксплуататорской выгодой, куском, хищнически вырванным из продукта труда. Но он не исчезнет при социализме. Наоборот, само социалистически организованное государство будет сохранять его в прежнем виде по отношению к рабочим — и оно будет вынуждено сохранять его... Ничто в мире не в состоянии изменить и не изменит того, что владельцы

Хотя эти аргументы предназначались для того, чтобы показать, что категории ценности и процента должны существовать и при социалистическом режиме, Визер и, в меньшей степени, Бём-Баверк (тем, что они опирались в своих рассуждениях на модель равновесия, которая предполагает, что вся необходимая информация дана) сделали включение своей точки зрения в неоклассическую парадигму относительно легким. Эта парадигма сосредоточена на равновесии, в ней проблема экономического расчета при социализме носит чисто технический характер и требует лишь решения очень большого количества очень сложных уравнений. Однако в защиту австрийцев следует сказать, что они по крайней мере осознали, что модель, которую они используют, будет очень тяжело или даже невозможно реализовать на практике. В частности, в 1914 г. Визер даже интуитивно приблизился к фундаментальному доказательству Мизеса, касающемуся экономического расчета при социализме и невозможности для центрального планового органа получить необходимую ему практическую информацию. Визер писал: «Частная экономическая система — это единственная опробованная исторически форма крупной социально-экономической организации. Опыт тысячелетий доказывает, что такая система обеспечивает более успешные совместные социальные действия, чем *подчинение всех одному центру власти*. Единая воля и единая власть, жизненно необходимые на войне и для обеспечения правового единства в качестве скрепы, связывающей общие силы, уменьшают эффективность совместной экономической деятельности. *В экономике, хотя она и стала общественной, работа всегда должна делаться по частям*. ...Такая, состоящая из множества частей работа, будет гораздо более эффективно исполнена тысячами и миллионами людей, которые смотрят тысячами и миллионами глаз и напрягают тысячи и миллионы воли: они будут гораздо в большей мере уравновешены

уже имеющихся благ получают премию, когда обменивают их на будущие блага... Доказано, что процент — это экономическая категория, возникающая по элементарным экономическим причинам, и, следовательно, он будет возникать везде, где продукты обмениваются на будущие блага, вне зависимости от типа социальной или правовой организации» (Böhm-Bawerk, *Positive Theory of Capital*, vol. 2 of *Capital and Interest*, section 5 [“Interest under Socialism”], 345— 346).

по отношению друг к другу, чем в случае, если бы всеми этими действиями, как некоей сложной машиной, *должен был руководить или управлять какой-либо контролирующий орган. Такой центральный распорядитель в принципе не мог бы быть в курсе бесчисленных возможностей*, позволяющих в каждом отдельном случае извлечь из данных обстоятельств максимальную полезность или предпринять наилучшие шаги с точки зрения будущего развития и прогресса»⁴.

*Статья Энрико Бароне как аргумент
формального сходства*

В первом разделе предыдущей главы мы обсудили некоторые аспекты статьи Энрико Бароне 1908 г. “Il Ministro della Produzione nello Stato Collettivista”, которую Ф. А. Хайек позже перевел на английский и опубликовал в сборнике *Collectivist Economic Planning*⁵. Сейчас нас интересует то, как Бароне, в духе Визера, развивает аргументы о формальном сходстве капитализма и социализма. Новым в позиции Бароне является то, что он критикует неуклюжесть и неопределенность тех аргументов формального сходства, которые использовали его предшественники (Визер и, в меньшей степени, Бём-Баверк). Бароне даже заявил, что ему удалось строго и формально изложить и доказать, используя математический анализ, то, что до тех пор было лишь несовершенной догадкой⁶. Однако мы вынуждены оспорить это самоуверенное заявление Бароне: по нашему мнению, так называемой математической точности можно достичь только за счет практически всего значимого и объяснительного, что осталось в модели с точки зрения экономического анализа. Действительно, в отличие от Визера, Бароне не рассматривает экономику как социальный процесс, состоящий в наборе взаимосвязей между различными

⁴ Friedrich von Wieser, *Social Economics* (New York: Augustus M. Kelley, 1967), 396–397. Эта книга представляет собой сделанный Альбертом Фордом Хинрикомсом английский перевод сочинения *Theorie der Gesellschaftlichen Wirtschaft* (Tübingen: J. C. B. Mohr, 1914).

⁵ См. выше, глава 4, сноска 9.

⁶ См.: *Collectivist Economic Planning*, ed. by F. A. Hayek, 257–258.

субъектами, которые сознательно действуют ради достижения собственных целей; он воспринимает ее просто как набор функциональных связей и количественных результатов. Более или менее строгий генетико-каузальный экономический анализ, учитывающий цели и средства каждого действующего субъекта, превращается в механический набор функциональных отношений, в которых люди не принимают участия, время не учитывается и «цены» не являются результатом человеческого взаимодействия, а возникают на пересечении двух кривых или представляют собой числовые решения системы совместных уравнений. Итак, Бароне является наглядным примером порочных последствий колонизации экономической теории корпусом инженеров и техников, воспитанных в механистической лапласовской традиции. Таким образом, нет ничего удивительного в том, что по своей сути анализ Бароне неизбежно статичен и, следовательно, нерелевантен в контексте критики социализма Мизесом. Действительно, на первых 40 страницах статьи Бароне исходит из предположения о том, что необходимая информация о размере капитала, а также о технических связях различных факторов производства со вкусами и целями индивидов, дана и известна⁷. Как мы видели в первом разделе предыдущей главы, только в конце статьи Бароне очень туманно и мимоходом замечает, что информация, предположение о доступности которой позволило ему формально развивать свои рассуждения в математических терминах, в принципе непознаваема.

Таким образом, очевидно, что на самом деле — в отличие от ошибочной интерпретации спора, которая господствует до сих пор благодаря тому, что он был описан Оскаром Ланге и Йозефом Шумпетером кое-как и с учетом конъюнктурных соображений — Энрико Бароне вовсе не опроверг мизесово доказательство невозможности экономического расчета при социализме еще до того, как Мизес его сформулировал. Дело в том, что, как мы уже показали, прямо процитировав Мизеса⁸, его доказательство является динамическим и опирается на то, что центральный плановый орган неспособен получить ту жизненно важную практическую информацию, которая нужна ему, чтобы заниматься планированием экономики.

⁷ *Collectivist Economic Planning*, 247.

⁸ См. цитату из Мизеса в тексте над сносками 29 и 30 главы 4.

Мизес сам счел нужным оговорить, что в воображаемой нирване равновесия не возникло бы никакой нужды в том, чтобы рассматривать проблему, на которую он указал. Итак, Бароне не опроверг доказательства Мизеса, поскольку свой анализ формального сходства Бароне начинает как раз с опоры на предположение, что вся информация дана и что, соответственно, экономическая проблема, выявленная Мизесом, решена изначально. Бароне не только не опроверг доказательство Мизеса — в конце статьи он явно выражает, пусть поверхностно и туманно, ту фундаментальную мысль, которая позже ляжет в основу доказательства Мизеса, мысль о том, что то знание, которое считается данным при формулировании соответствующей системы математических уравнений, логически невозможно приобрести иначе, чем наблюдая за результатами самих рыночных процессов. Как мы уже видели, Парето совершенно ясно выразил эту мысль даже раньше Бароне⁹.

*Другие теоретики формального сходства:
Кассель и Линдаль*

Упомянутые выше аргументы формального сходства в 1918 г. соединил Кассель, который рассматривал ситуацию в социалистической экономике как формально подобную ситуации в рыночной экономике и в отношении определения цен, и в отношении ставки процента. Кассель даже утверждал, что «принципы ценообразования действуют во всей экономике в целом, а в частности они не зависят от конкретного способа организации производства». Он также считал так называемую «совершенную конкуренцию» «крайне необходимой в качестве теоретического условия реализации принципа соответствия цены издержкам». Все это привело Касселя к заключению, что «теоретически социалистический строй даже проще», чем рынок. Идеи Касселя опосредованно оказали крайне негативное влияние на течение спора, послужив теоретической базой для докторской диссертации Клэре Тиш; научным руководителем Тиш в 1932 г. был Шумпетер, и ее работа существенно повлияла на его убежденность в том, что теоретики формального сходства (Парето, Бароне и др.) еще

⁹ См. сноску 8 главы 4.

до Мизеса решили поднятую Мизесом проблему экономического расчета. Идеи Касселя продолжали жить среди его учеников, и еще в 1939 г. Эрик Линдаль продолжал упорно защищать аргументы формального сходства, игнорируя все то, что было сказано на эту тему в ходе спора об экономическом расчете при социализме¹⁰.

2. Анализ «математического» решения

Выше, разбираясь с теорией Маркса, мы установили, что его идеальная модель общества в конце концов сводится к модели равновесия, которую, по его мнению, возможно и желательно навязать насильно посредством центрального планового органа. Затем мы видели, как различные теоретики вырабатывали формальные условия для этой модели равновесия и как, благодаря предположению, что фундаментальная экономическая проблема получения информации изначально решена,

¹⁰ Erik Lindahl, *Studies of the Theory of Money and Capital* (1939) (New York: Augustus M. Kelley, 1970). Линдаль посвящает целый раздел «проблеме ценообразования в сообществе с централизованным планированием» (pp. 69–73) и приходит к заключению, что «Центральная Власть должна будет решать проблему точно такой же природы, что и Центральный Банк в сообществе со свободным предпринимательством». Следует отдельно подвергнуть критике «динамический» анализ Линдаля, который подразумевает, что жизненно важная в каждый отдельный момент информация дана и, соответственно, представляет собой чисто статический анализ, где переменные и параметры относятся просто к разным моментам «времени» (понимаемого в детерминистском, ньютоновом смысле) и где понятия неопределенности, отсутствия информации, а также творческой мощи человеческой деятельности и предпринимательства, блистают своим отсутствием. Линдаль принадлежит к традиции аргументов формального сходства, начало которой положил Густав Кассель в 1918 г. и которую мы уже обсуждали в тексте. См.: Gustav Cassel, *Theoretische Sozialökonomie* (Leipzig, 1932). Имеется хороший английский перевод этой книги, сделанный Бэрреном: Gustav Cassel, *The Theory of Social Economy* (New York: Augustus M. Kelley, 1967). См. также ниже сноску 18 и критику взглядов Касселя в статье: George Halm, “Further Considerations on the Possibility of Adequate Calculation in a Socialist Community,” in *Collectivist Economic Planning*, 184–186.

они сформировали у многих убеждение, что социализм ставит просто алгебраическую проблему математического решения более или менее сложной системы многочисленных уравнений. Таким образом, постепенно вошло в привычку считать, что теоретики, видевшие формальное сходство между капитализмом и социализмом (Визер, Бароне и др.), доказали, что, в отличие от того, что утверждал Мизес, экономический расчет при социализме «теоретически» возможен и что если с ним и связаны какие-либо трудности, то они носят алгебраический характер и относятся к решению соответствующей системы уравнений. Тем не менее мы показали, что эта интерпретация неверна от начала до конца. Отождествлять экономическую теорию и равновесие недопустимо и абсолютно неправомерно, поскольку в любом случае анализ равновесия — это только часть (возможно, наименее важная) экономической теории. Как мы уже показали, мизесовский анализ — это *теоретический анализ*, но, в лучших традициях австрийской школы, он относится к динамическим социальным процессам, и, следовательно, к невозможности получить централизованным образом ключевую практическую информацию, которой обладают экономические субъекты, информацию, которую они постоянно используют и создают. Тем самым проблема не в том (как полагают многие), что расчет — в силу огромной практической сложности алгебраического решения соответствующих систем уравнений — был бы невозможен даже если бы центральный орган мог получить необходимую ему информацию. Наоборот, нам следует подходить к этой проблеме с совершенно другой стороны: *даже если в какой-то момент окажется, что можно решить все те чрезвычайно сложные и многочисленные системы уравнений, о которых говорят теоретики формального сходства, непреодолимая теоретическая и логическая проблема, связанная с получением информации, необходимой для формулировки этих уравнений, будет существовать всегда*. Таким образом, то, что теоретики формального сходства перенесли полемику в область статики, скрыло от многих блестящих умов характер фундаментальной экономической проблемы социализма, которую поднял Мизес, и породило ложное мнение о том, что можно обеспечить возможность экономического расчета простым улучшением алгебраических методов решения соответствующих систем уравнений. Теперь

мы перейдем к рассмотрению важнейших вариантов «математического решения» по существу.

Статья Фреда Тейлора

Первая серьезная попытка математически решить проблему централизованного планирования была предпринята Фредом Тейлором в лекции под названием «Управление производством в социалистическом государстве», прочитанной 27 декабря 1928 года по случаю вступления Тейлора в должность президента Американской экономической ассоциации¹¹. В короткой и противоречивой статье Тейлора анализ проблемы экономического расчета состоит из двух частей. В первой части он явным образом исходит из предположения, что вся необходимая информация (знание) доступна, а во второй, очень короткой, он пишет о системе сбора этой информации.

Статья Тейлора была первым после работы Мизеса случаем возврата к статическому анализу, или анализу равновесия, который был основан на предположении, что проблема экономического расчета является просто вопросом вычислений или математических методов. Согласно Тейлору, экономические расчеты можно производить с помощью арифметических таблиц, которые он называет «таблицами оценки факторов»; эти таблицы должны содержать относительные оценки всех факторов производства в численном выражении. Тейлор считал, что социализм должен опираться на продажу всех това-

¹¹ Это было обращение президента на сорок первой ежегодной конференции Американской экономической ассоциации в Чикаго (Иллинойс) 27 декабря 1928 года. Позже речь была опубликована в *American Economic Review* 19, no. 1 (march 1929). Она появилась также в сборнике *On the Economic Theory of Socialism*, ed. Benjamin E. Lippincott (New York: McGraw Hill, 1964), 41–54. Любопытно отметить, что Фред Менвилл Тейлор (1855–1932), который не имеет никакого отношения к Фредерик Уинслоу Тейлору, автору «Принципов научного менеджмента», был решительным сторонником *laissez faire* и золотого стандарта, но его методологическая приверженность анализу равновесия (в его случае — модели частичного равновесия Маршалла) неизбежно привела его к выводу, что проблему экономического расчета можно решить без особых усилий.

ров и услуг по ценам, соответствующим издержкам их производства, которые можно вычислить с помощью этих таблиц. С учетом того, что в большей части своей статьи Тейлор опирается на предположение о том, что власти социалистического государства в состоянии собрать достаточно правильные числовые данные для того, чтобы составить на их основании таблицы, он просто уклоняется от ответа на главный вопрос, поскольку имплицитно основывается в своих рассуждениях на том, что фундаментальная экономическая проблема социализма имеет решение. Итак, Тейлор был первым, кто совершил ошибку, которую будут воспроизводить массы авторов-социалистов: пытаясь избежать действительно важных динамических аспектов, связанных с экономическим расчетом при социализме, он сосредоточился на строго алгебраических, или математических, аспектах, присущих статичной модели равновесия.

Как отметил Джералд О’Дрискол, суть ошибки всех этих исследователей — не в том, какое решение проблемы они предлагают, а в том, какой вопрос они задают¹². Действительно, с научной точки зрения важно не то, возможно или нет с помощью алгебраических методов решить соответствующие математические формулы при условии, что вся информация, необходимая для их составления, доступна (вопрос, который формулируют социалистические теоретики модели равновесия), а то, можно ли, с теоретической и логической точки зре-

¹² В статье Gerald P. O’Driscoll, “A Tribute to F. A. Hayek,” *The Cato Journal* 9, no. 2 (fall 1989): 345—352, автор пишет: «Прогресс в науке редко случается тогда, когда на старые вопросы дают новые ответы. *Фундаментальные сдвиги происходят, когда кто-нибудь ставит новые вопросы.* Чтобы внести в экономическую теорию существенный вклад, нужно задать новый вопрос, открыть новое направление для исследований. ... Главная причина, по которой большинство экономистов не поняли теоретического доказательства невозможности социализма, состояла в том, что *они задавали не тот вопрос.* Противников Хайека интересовало, сможет ли экономический диктатор успешно размещать ресурсы, *если у него будет вся необходимая для этого информация.* Ответ на этот вопрос, конечно, «да». Следовательно, с точки зрения мифологии экономической истории, защитники социализма «опровергли» Мизеса и Хайека. На самом деле этого не было, защитники социализма просто поставили другой, бессмысленный вопрос, и дали на него ответ» (pp. 345, 348).

ния, получить информацию, необходимую для составления этих уравнений.

Наконец, Тейлор посвящает последние пять страниц статьи очень краткому изложению практического способа получить относительно точную информацию, необходимую для составления его «таблиц оценки факторов». Ниже мы рассмотрим его знаменитый метод «проб и ошибок» подробно и по существу, а пока нам достаточно лишь подчеркнуть, что сам Тейлор считал наиболее важной первую часть своей статьи, про статический анализ социализма, и рассматривал ее как свой вклад в решение вопроса экономического расчета при социализме.

Идеи Генри Диккинсона

В отличие от статьи Тейлора, которая прошла практически незамеченной, подробное «решение» проблемы экономического расчета при социализме, предложенное Генри Дугласом Диккинсоном в статье «Формирование цен в социалистическом сообществе»¹³, вызвало долгий и ожесточенный спор об экономическом расчете при социализме среди авторов, писавших по-английски; в частности, в нем приняли участие Морис Добб и Абба Лернер.

Диккинсон начинает с того, что если теоретически сформулировать систему совместных уравнений по Вальрасу было бы весьма сложно, то на практике эту задачу можно сильно упростить, *сгруппировав* тесно связанные друг с другом блага и услуги. Таким способом, полагает Диккинсон, можно было бы составить такую систему уравнений, которая решалась бы традиционными математическими методами, без обращения к рыночным процессам. Любопытно, что Диккинсон упоми-

¹³ Н. D. Dickinson, "Price Formation in a Socialist Community," *Economic Journal*, no. 43 (June 1933): 237–250. Диккинсон (1899–1969) был учеником Эдвина Кэннена и профессором в Бристольском университете (до 1964 г.). Дэвид Коллард писал: «Дика, как его называли, любили все; это был человек не от мира сего, чудаковатый мудрец с изумительным чувством юмора». См. статью об этом симпатичном представителе экономической науки на с. 536 *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, vol. 1. Сам Хайек относился к Диккинсону с определенным уважением и большой симпатией, даже когда жестко его критиковал.

нает о «проблеме» рассеянного характера знания, относящегося к рыночным процессам, когда говорит, что при социалистическом рынке типичное для рынка неведение о существующих экономических возможностях будет устранено благодаря систематическому обнародованию «информации» о производстве, издержках, продажах, запасах и вообще о любых статистических данных, могущих иметь какое-либо значение. В частности, Диккинсон делает вывод, что в социалистической системе все компании будут действовать так, как будто они «из стекла», то есть как будто у них нет никаких секретов, и будут совершенно «информационно прозрачны» для внешнего мира¹⁴.

¹⁴ Итак, мы видим, что одержимость социалистов и интервенционистов «информационной прозрачностью» имеет давнюю традицию. Это понятие, которым мы обязаны ошибочному пониманию того, какого типа информация используется в рыночных процессах, распространилось и завоевало большую популярность даже в западных странах; оно часто воплощается в чрезмерном регулировании, возлагающем почти невыносимое бремя на многие компании, которых обязывают предоставлять огромные, ненужные и дорогостоящие объемы статистической «информации» и финансовой отчетности, что, разумеется, не оказывает никакого положительного эффекта на уровень координации и эффективности в соответствующих обществах. В этой сфере, как и во многих других, интересы социалистов, считающих, что поощрение крупных компаний и «информационной прозрачности» облегчает им задачу координации жизни в обществе посредством приказов, совпали с интересами теоретиков равновесия, полагающих, что улучшение доступа к статистической «информации» может облегчить возникновение и сохранение «эффективных», то есть максимально приближенных к их модели рынков. Кроме того, такая практика пользуется поддержкой привилегированных групп интересов, которые получают от этого регулирования прямую выгоду (аудиторов, бухгалтеров, преподавателей бухгалтерских курсов, регистраторов юридических лиц и т.п.). Все они неправильно понимают, что такое информация, потому что статистика — это всегда то, что уже неактуально. Статистические данные могут субъективно интерпретироваться самыми разными способами; они не только не способствуют предпринимательским процессам координации, но и усложняют и искажают их в той степени, в какой их внешняя «достоверность» оказывает реальное влияние на предпринимателей. Кроме этого, у принудительного навязывания компаниям излишних обязательств по отчетности и раскрытию «информации», значительно превышающих уровень,

Эти утверждения Диккинсона столь же поразительны, сколь необоснованы. Его наивность можно сравнить лишь с его невежеством в вопросе о том, как работает рыночная экономика. Диккинсон не понимает того, что общая модель равновесия в том виде, как она была разработана Вальрасом и Парето, это просто модель формального сходства, и ее авторам известен исключительно *тип* информации, которая была бы необходима для установления и поддержания равновесия. Однако ни Парето, ни Вальрас не возлагали надежд на то, что необходимую информацию можно получить помимо рынка¹⁵. Следовательно, проблема не в вычислениях; ее нельзя решить, решив систему совместных уравнений по Вальрасу (даже если уравнения были сформулированы упрощенным способом, с помощью предложенной Диккинсоном группировки похожих благ и услуг) — для этого нужно получить субъективную практическую информацию, необходимую для установления параметров и переменных этой системы уравнений, а она существует и создается исключительно в рассеянной, дисперсной форме.

Что касается довода о том, что рассеянный характер знания не будет составлять проблемы в социалистической системе, где

который традиционно требуется для ведения бизнеса, есть еще такие последствия, как избыточные издержки и неверное размещение ресурсов. См. об этом блестящую статью: Benito Arruñada, “El coste de la información contable,” *España Económica* (May 1991): 8–11, в которой автор справедливо критикует по этим и иным причинам реформу отчетности и законодательства о предпринимательской деятельности, проведенную в начале 90-х годов социалистическим правительством Испании. См. также статью: Stephen Gillespie, “Are Economic Statistics Overproduced?” *Public Choice* 67, no. 3 (December 1990): 227–242.

¹⁵ «Абсолютно верно, что Вильфредо Парето и Энрико Бароне показали, какой информацией социалистический планирующий орган должен обладать, чтобы выполнить свою функцию. Но понимание того, какого рода информация нужна, чтобы решить проблему, не подразумевает, что проблема может быть решена, если эта информация рассеяна среди миллионов людей» (F. A. Hayek, “Two Pages of Fiction: The Impossibility of Socialist Calculation” in *The Essence of Hayek*, ed. Chiaki Nishiyama and Kurt R. Leube [Stanford, California: Hoover Institution Press, Stanford University, 1984], 58).

господствует принцип «информационной прозрачности» и все статистические данные общедоступны, то он совершенно ошибочен. Информация не является *статичной*, объективной и всегда доступной в каком-нибудь месте, и поэтому проблемы с ее распространением не сводятся исключительно к издержкам на ее передачу или к административным запретам. По своей сути информация субъективна и динамична, она постоянно создается *ex novo* вследствие предпринимательской активности в контексте рыночной экономики. Соответственно, если свободное предпринимательство запрещено, а экономика принудительно управляется сверху посредством приказов, то, как мы показали в главах 2 и 3 этой книги, необходимая для координации социального процесса практическая информация даже не будет возникать или генерироваться. Следовательно, если институциональные ограничения свободы предпринимательства препятствуют возникновению необходимой информации, совершенно бессмысленно декларировать пустые общие принципы «информационной прозрачности» и широкой публикации данных. Кроме того, постоянные перемены и динамический характер информации делают уже существующую, историческую «информацию» абсолютно бесполезной и не имеющей никакого значения. Несмотря на то, что ее можно собрать и потом совершенно прозрачно и бесплатно раздавать получившийся в итоге огромный и детализированный массив статистических данных, она сохраняет только историческую, или «археологическую», ценность, если, как это происходит во всех реальных, не застывших экономиках, обстоятельства меняются, обнаруживаются новые цели и средства, и новая информация постоянно возникает или создается. Уже в 1912 г. голландский экономист Николас Пирсон писал, что в реальной экономике даже доступность всем и каждому подробнейшей статистики не принесет никакой пользы, потому что из-за постоянных перемен статистическая информация устаревает еще до того, как она опубликована¹⁶.

¹⁶ «Что касается фиксации цен, то социалистическое государство вскоре должно будет обнаружить, что от математических формул нет никакого проку и единственный способ, с помощью которого оно могло бы надеяться решить эту задачу, это точные, многократные сравнения нынешних и будущих запасов с нынешним и будущим спросом; оно должно обнаружить, что цены

Наконец, в заключение мы должны отметить, что всего лишь 6 лет спустя, в 1939 г., Диккинсон сам признал, что, хотя первоначально (в 1933 г.) он считал, что его математическое решение может использоваться для экономических расчетов при социалистическом режиме, позже он резко поменял позицию. Он осознал свою ошибку: ведь «сами данные, которые нужно было бы вводить в устройство для решения уравнений, непрерывно меняются»¹⁷. Как мы помним, это именно тот аргумент, который с самого начала использовали представители австрийской школы для опровержения любых «математических решений».

Математическое решение у немецких авторов

Авторы, писавшие по-немецки, также пытались предлагать «математические» решения проблемы экономического расчета. Среди них следует выделить д-ра Клэре Тиш, научным руководителем которой был Йозеф Шумпетер. Мы уже упоминали о ней; в своей докторской диссертации, основанной на идеях Касселя и Вальраса, она сделала вывод о возможности построения системы уравнений, в которой число уравнений будет равным числу неизвестных, и о том, что решение этой системы уравнений будет означать решение проблемы экономического расчета. Ту же ошибку совершает Герберт Зассенхаус, хотя он и признает, что такую систему можно было бы использовать только в том случае, если бы министерство производства *заранее* располагало бы всей необходимой информацией и если бы эта информация не менялась на протяжении времени, пока решались бы уравнения. Итак, ни Тиш, ни Зассенхаус не осознавали, что основная проблема состоит как раз в том, как найти способ получать информацию, в кото-

нельзя зафиксировать раз и навсегда — их нужно будет часто менять. В большинстве случаев при фиксации цен ему пришлось бы пользоваться в качестве ориентира не теорией средних показателей, а ценностью обмениваемых вещей; и почему оно должно отказываться от этого ориентира?» (Nicolaas Gerard Pierson, *Principles of Economics*, trans. A. Wotzel [London: Macmillan, 1912], 2: 94).

¹⁷ Henry Douglas Dickinson, *Economics of Socialism* (Oxford: Oxford University Press, 1939), 104.

рой нуждается плановый орган для формулирования системы уравнений¹⁸.

3. «Математическое решение» и его негативное влияние на ход спора

Самым важным негативным последствием «математического решения» Тейлора и Диккинсона для хода спора об экономическом расчете при социализме было то, что это решение отвлекло внимание участников от сути вопроса и привлекло его к проблемам статической экономической теории. На самом деле «математическое решение» решает другой вопрос (возможен или нет экономический расчет в условиях статики, то есть при условии что вся необходимая информация доступна и ничего не меняется). В этом смысле «математическое решение», безусловно, резко снизило теоретический уровень спора и отвлекло его участников от той фундаментальной эконо-

¹⁸ Д-р Тиш излагает свое предложение в докторской диссертации (научный руководитель — Йозеф Шумпетер): *Kläre Tisch, Wirtschaftsrechnung und Verteilung im Zentralistisch Organisierten Sozialistischen Gemeinwesen* (Wuppertal-Elberfeld: University of Bonn, 1932). Хайек считает, что ошибочная позиция, высказанная в этой работе, а также незнакомство Шумпетера с математическим анализом и, как следствие, чрезмерное почтение к нему, стали причинами заблуждений Шумпетера в этой сфере и, в частности, того, что он активно поддерживал (Schumpeter, *Capitalism, Socialism, and Democracy* [London: George Allen and Unwin, 1950] [Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995]) миф о том, как еще до Мизеса Парето и Бароне удалось решить проблему экономического расчета при социализме. См.: *The Essence of Hayek*, 59, 60. Предложение Зассенхауса изложено в его статье: Herbert Zassenhaus, "On the Theory of Economic Planning," *International Economic Papers*, no. 6 (1956): 88—107. Это английский перевод написанной по-немецки статьи "Über die Ökonomische Theorie der Planwirtschaft," *Zeitschrift für Nationalökonomie* 5 (1934). Подробное изложение и критику предложений Тиш и Зассенхауса см.: Trygve J. V. Hoff, *Economic Calculation in the Socialist Society*, 207—210. Также заслуживают внимания критические замечания, изложенные в: G. Halm, "Further Considerations on the Possibilities of Adequate Calculations in a Socialist Community," *Collectivist Economic Planning*, 131—200.

мической проблемы, которую первоначально сформулировал Мизес. Фундаментальная экономическая проблема по существу представляла собой теоретический вопрос *экономической динамики* и касалась невозможности экономических расчетов в отсутствие рыночного процесса, движимого предпринимательством, поскольку только предпринимательство дает экономическим субъектам возможность непрерывно открывать рассеянную практическую информацию, необходимую для оценки издержек и выгод.

Другим негативным последствием «математического решения» было то, что оно создало *ложное впечатление*, будто бы Хайек и Роббинс в ответ на заявления Тейлора и Диккинсона отступили «на заранее подготовленные позиции» и признали, что экономический расчет теоретически возможен, хотя и продолжали придерживаться мнения, что он невозможен на практике, исключительно по причинам алгебраического характера, то есть из-за трудностей, связанных с решением соответствующих систем уравнений. Кроме того, что эта версия случившегося опирается на описанную нами выше серьезную методологическую ошибку, выразившуюся в отождествлении «теории» и «экономического анализа равновесия», мы не считаем ее соответствующей действительности по следующим причинам.

1. Для Хайека главный довод в пользу невозможности экономического расчета связан не с практическими сложностями алгебраического решения системы бесчисленных уравнений, а с неразрешимой в контексте динамической теории проблемой того, как центральный регулирующий орган может приобрести субъективную практическую информацию, которая создается в дисперсной форме и рассеяна в умах миллионов экономических субъектов. Действительно, в своей статье 1935 г. «К современному состоянию спора» (“The Present State of the Debate”) Хайек пишет о связанной с математическим решением принципиальной экономической проблеме так: «...Обычные теоретические абстракции, используемые для объяснения равновесия в конкурентной системе, включают предположение, что определенный набор технических знаний является “данным”... Вряд ли надо оговаривать, что эта идея абсурдна даже для случая, когда речь идет о знании, про которое можно буквально сказать, что оно “существует” в любой момент времени. Но большая часть реально использу-

емого знания никоим образом не “существует” в такой готовой форме»¹⁹. Итак, для Хайека *фундаментальная проблема экономического расчета не имеет ничего общего с узко «алгебраическими» трудностями при решении соответствующей системы уравнений.*

2. Когда Хайек упоминает о практической проблеме, связанной с решением системы уравнений, он ссылается на ее принципиально иной характер и ранг по сравнению с фундаментальной проблемой, которую мы изложили в пункте 1, и во всяком случае, он считает ее *второстепенной* и рассматривает практически «мимоходом»: «...масштаб этой главной математической операции будет зависеть от числа подлежащих определению неизвестных величин. Число неизвестных будет равно числу товаров, которые предстоит произвести. ...Сегодня мы вряд ли способны сказать, каково их число. Однако едва ли будет преувеличением предположить, что в достаточно развитом обществе его порядок составит по крайней мере сотни тысяч. Это означает, что в каждый последующий момент каждое решение должно будет основываться на одновременном решении такого же числа дифференциальных уравнений. Подобная задача не может быть выполнена известными в настоящее время способами за целую жизнь»²⁰. Следует также добавить, что даже если отвлечься от того, что проблему экономического расчета нельзя решить с помощью компьютерных технологий по причинам, о которых мы говорили в главе 3, и сосредоточиться исключительно на алгебраической проблеме, которую представляет собой система многочисленных уравнений, то мы увидим, что существенный прогресс компьютерных технологий и колоссальный рост мощности компьютеров за последнее время несколько не приблизили решение этой проблемы. Согласно Самуэльсону и Нордхаусу, с по-

¹⁹ F. A. Hayek, “The Present State of the Debate” in *Collectivist Economic Planning*, 210 [Хайек Ф. Экономический расчет при социализме II: состояние дискуссии (1935) // Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. С. 155—156].

²⁰ F. A. Hayek, “The Present State of the Debate,” in *Collectivist Economic Planning*, 212 [Хайек Ф. Экономический расчет при социализме II: состояние дискуссии (1935) // Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. С. 156—157]. Этот довод очень похож на мнение, высказанное Парето в 1897 г. (см. глава 4, сноска 8).

мощью самых современных компьютеров и разработанных в 60—70-е годы Г. Скарфом и Х. Кюном методов можно относительно просто решить проблемы экономического равновесия для 50 рынков и 10—20 различных типов потребителей. С помощью наиболее современных суперкомпьютеров можно решать системы уравнений, основанные на 100 различных типах производственных факторов, 10 000 товарах и 100 различных типах потребителей²¹. Эти величины все еще далеки от того количества разных товаров и услуг, которое существует даже в слаборазвитых экономиках типа экономики бывшего СССР, где количество товаров значительно превышало 12 млн. Алек Ноув упоминает о том, что, по мнению академика Николая Федоренко, потребовалось бы 30 000 лет, чтобы сформулировать и решить проблему экономического рас-

²¹ P. A. Samuelson and W. D. Nordhaus, *Economics*, 12th ed. (New York: McGraw-Hill, 1985). Похвально, что в этом издании своего знаменитого учебника Самуэльсон и Нордхаус признают правоту Хайека, о чем свидетельствует следующая сноска: «Но даже если бы появились компьютеры, в тысячи раз более быстрые, чем те, что есть сейчас, мы все равно столкнулись бы с другим непреодолимым препятствием: *Нам недоступна даже небольшая часть тех данных, которые необходимы для решения проблемы общего равновесия*». (Цит. по изданию на испанском языке: *Economía*, 12th ed. (Madrid: McGraw-Hill, 1986), 830.) Очень жаль, что Самуэльсон и Нордхаус не нашли для этой основополагающей идеи иного места, кроме как в хвосте сноски, и не включили ее в основной текст своего популярного труда. Кроме того, эта важнейшая идея вступает в противоречие с содержанием самой книги (pp. 839 и 840 исп. изд.), в которой имеется краткое и невнятное изложение спора, показывающее, что авторы не смогли понять сути поставленной Мизесом и Хайеком проблемы экономического расчета при социализме. Сверх того, в издании учебника Самуэльсона 1989 г. все еще можно было найти следующее утверждение: «Советская экономика является доказательством того, что несмотря на мнения скептиков, социалистическая командная экономика может функционировать и даже процветать». Это утверждение ставит авторов в довольно затруднительное положение в свете событий, которые именно тогда стали разворачиваться в Восточной Европе, а также в свете появившейся в тот момент информации из первых рук о том, как на самом деле функционировала социалистическая экономика. См.: Paul A. Samuelson, *Economics*, 13th ed. (New York: McGraw-Hill, 1989), 837.

чета применительно к последней советской пятилетке²². Вне зависимости от того, насколько фантастическими кажутся эти цифры, мы не должны обманывать себя, полагая, что в них кроется главная причина краха социализма. Даже если в будущем компьютеры дадут нам возможность решать системы из сотен миллионов уравнений за десятые доли секунды, возможность с помощью принуждения получить информацию, необходимую для того, чтобы формулировать такие системы уравнений, не появится никогда.

3. Одна из возможных причин, по которым можно неправильно понять позицию Хайека, состоит в порядке, в котором он излагает свои доводы²³. Действительно, когда Хайек

²² «Это лишь одна из сложностей, возникающих в силу необходимости координировать многие миллионы плановых распоряжений. Академик Федоренко шутил, что если бы план на следующий год нужно было бы полностью проверять и сводить, то он был бы готов через 30 тысяч лет». (Alec Nove, "Planned Economy", *The New Palgrave: A Dictionary of Economics* [London: Macmillan, 1987], 3: 879—885). Мы процитировали отрывок текста со с. 881. К сожалению, Алек Ноув также не может понять существо фундаментальной экономической проблемы, которую ставит социализм, и верит, что проблема сводится к трудностям алгебраического характера, связанным с решением соответствующей системы уравнений. В частности, следующая цитата из Ноува показывает, что он либо не читал Мизеса, либо не понял сути его доказательства: «Критики, например Бароне и Л. Мизес, отмечали значительные недостатки такого подхода к планированию при социализме... *Количество необходимых вычислений должно было бы быть колоссальным...*» Мы помним, что суть аргумента Мизеса против экономического расчета при социализме состоит не в этом (на самом деле Мизес никогда не утверждал прямо того, о чем пишет Ноув), а в том, что даже если бы настолько сложную систему уравнений было можно решить, *информация, необходимая для того, чтобы их сформулировать, при социализме принципиально недоступна.*

²³ Дон Лавой в прекрасной книге *Rivalry and Central Planning* (р. 91) добавляет, что, с его точки зрения, Хайек сделал стратегическую ошибку, включив в *Collectivist Economic Planning* (1935) свой перевод на английский статьи Бароне 1908 г., так как в этой статье упоминается (причем мимоходом), что планирование, основанное на системе уравнений Вальраса, *нереально* в основном в силу трудностей, связанных с решением соответствующей системы уравнений. Лавой был совершенно прав, когда писал: «Однако, если не для Роббинса, то, по крайней мере для Мизеса и Хайека,

критикует «математическое решение», он придерживается такого порядка изложения, как если бы речь шла о чисто алгебраической проблеме. Он начинает с проблемы, которую представляет формулировка уравнений. При этом он упоминает о фундаментальной теоретической проблеме: о невозможности получить информацию, необходимую, чтобы их сформулировать. Затем Хайек пишет, что даже если для чистоты рассуждений предположить, что можно было бы сформулировать уравнения, описывающие систему равновесия, *на практике* решить такую систему алгебраически было бы невозможно. Очевидно, что Хайека занимает фундаментальное теоретическое доказательство невозможности получить информацию, необходимую для того, чтобы сформулировать соответствующие уравнения, а проблема того, как их решить, для него вторична²⁴. Тем не менее, возмож-

проблему представляло *формулирование уравнений*, а не их решение. В сложноорганизованном и постоянно меняющемся мире у тех, кто занимается централизованным планированием, не было бы информации о коэффициентах, которые должны использоваться в этих уравнениях» (р. 91).

²⁴ Лайонел Роббинс, вероятно, наименее четко высказался по поводу чисто вспомогательного характера аргумента о практической сложности алгебраического решения уравнений Вальраса. Вероятнее всего, Роббинс был настолько убежден в абсурдности поисков практического решения такого типа, что он даже не позаботился о том, чтобы уточнить и детализировать фундаментальное теоретическое доказательство. Однако в защиту Роббинса говорят те замечания об экономическом расчете, которые можно найти в его книге, посвященной анализу иных проблем (причин Великой депрессии). На с. 151 книги *The Great Depression* (New York: Macmillan, 1934), упомянув о том, что «на бумаге» можно представить себе решение проблемы экономического расчета с помощью ряда математических вычислений, он пишет далее: «Но на практике это решение невозможно. Для него потребовалось бы составить миллионы уравнений на основании миллионов статистических таблиц, основанных на множестве миллионов отдельных вычислений. К тому времени как уравнения были бы решены, информация, на которой они основаны, устарела бы и нужно было бы начинать вычисления сначала. Утверждения о том, что практическое решение проблемы планирования возможно на основании уравнений Парето, указывает исключительно на то, что их авторы абсолютно незнакомы с этими уравнениями».

но, потому, что он излагает свои доводы в указанном выше порядке, многие комментаторы неверно решили, что Хайек отступил на предварительно подготовленную линию обороны и спрятался за практическими сложностями, связанными с решением системы уравнений, вместо того, чтобы заниматься теоретическими доводами в пользу логической невозможности социализма. Такая интерпретация ошибочна, и сам Хайек ее специально опровергал²⁵.

4. Людвиг фон Мизес особенно ясно показал, что довод о сложности алгебраического решения системы уравнений не просто вторичен, как полагал Хайек, но и совершенно избыточен и не имеет никакого теоретического значения²⁶.

²⁵ «Я чувствую себя обязанным однозначно заявить, что я никогда не соглашался с тем, что Ланге якобы предложил теоретическое решение этой проблемы, а также, что после выступления Ланге я не переводил дискуссию в область чисто практических трудностей, несмотря на то, что такие утверждения часто встречаются. Я говорил (см.: *Individualism and Economic Order*, p. 187 [Хайек. Индивидуализм и экономический порядок. С. 182]) исключительно о том, что из фактически ложной гипотезы, в соответствии с которой центральный планирующий орган способен собрать всю необходимую информацию, может логически вытекать то, что проблема в принципе имеет решение. *Увидеть в этом замечании «признание» того, что реальная проблема может иметь теоретическое решение, означает довольно грубо извратить его смысл.* Разумеется, никто не может передать другому все знание, которым он обладает, и, конечно, никто не может передать информацию, которую мог бы найти только в том случае, если бы цены рынка сказали ему, что стоит искать». См.: F. A. Hayek, "Two Pages of Fiction: The Impossibility of Socialist Calculation," *Economic Affairs*, April 1982, переиздана в качестве главы 4 книги *The Essence of Hayek*, ed. Chiaki Nishiyama and Kurt R. Leube (Stanford: Hoover Institution, Stanford University, 1984), 58.

²⁶ Действительно, для Мизеса «нет необходимости специально подчеркивать, что фантастическое количество уравнений, которые каждый должен решать каждый день заново, чтобы на практике использовать этот метод, лишает смысла всю эту затею, даже если бы она и была разумной заменой экономическому расчету рынка... *Поэтому создание электронных вычислительных машин не оказывает никакого влияния на нашу проблему*» (Ludwig von Mises, *Human Action*, p. 715 и последняя строка сноски на с. 715). Сходное мнение высказывается в замечательной кни-

По Мизесу, фундаментальная проблема состоит в том, что знание, необходимое для формулирования уравнений равновесия, в принципе не может быть доступным централизованно. Кроме того, в 1940 г. он выдвинул дополнительный аргумент, которого не было у Хайека: даже если бы можно было сформулировать систему уравнений, описывающих равновесие (что невозможно сделать, используя информацию, типичную для состояния неравновесия, то есть единственный вид информации, доступный в реальности), *это ничем бы не помогло ответственным за планирование или регулирование властям, которые должны определять, какие конкретно решения и шаги приведут экономику из текущего, реального состояния неравновесия к желаемому, идеальному состоянию равновесия*. Как пишет сам Мизес: «Было серьезной ошибкой полагать, что состояние равновесия можно рассчитать с помощью математических операций на основании информации об условиях в состоянии неравновесия. Было бы не менее ошибочно полагать, что информация об условиях в гипотетическом состоянии равновесия могла бы хоть как-то пригодиться действующему человеку в его поисках наилучшего решения проблем, с которыми он сталкивается в своих ежедневных занятиях и актах выбора»²⁷.

re: Esteban F. Thomsen, *Prices and Knowledge: A Market Process Perspective* (London: Routledge, 1992), 83–86.

²⁷ Этот блестящий дополнительный довод Мизеса, который никто не опровергал, впервые появился по-немецки в его книге *Nationalökonomie: Theorie des Handelns und Wirtschaftens* ([Geneva: Editions Union, 1940], 641–645), в разделе 4 (“Die Gleichungen der mathematischen Katallaktik”) главы, которую он посвятил опровержению попыток решения проблемы экономического расчета. Ранее, в 1938 г., основные тезисы этого раздела были опубликованы по-французски под названием “Les équations de l’économie mathématique et le problème de calcul économique en régime socialiste”. (Эта статья была опубликована в *Revue d’Économie Politique* [1938]: 1055–1062, и переиздана в том же журнале 50 лет спустя в no. 97 [6], November-December, 1987, с комментариями Жана Бенара, которые показывают, что и этот автор не понимает экономических проблем, связанных с экономическим расчетом при социализме.) Позже Мизес расширил и развил этот довод на английском языке, см.: Mises, *Human Action*, 710–715 [Мизес. Человеческая деятельность. С. 665–669].

4. Метод «проб и ошибок»

Еще в 1935 г. Хайек подозревал, что на самом деле Тейлор и Диккинсон, когда говорили о решении проблемы экономического расчета, не имели в виду метод, буквально основанный на математическом решении системы уравнений Вальраса. Хайек полагал, что в действительности Тейлор и Диккинсон в довольно неопределенных выражениях предлагали заняться поисками решения системы уравнений Вальраса с помощью процедуры, основанной на методе «проб и ошибок»²⁸.

В хронологическом отношении Тейлор — первый, кто прямо упоминает о методе «проб и ошибок». Действительно, он пишет: «Метод проб и ошибок... состоит в последовательном испытывании на практике гипотетических решений до тех пор, пока одно из них не приведет к успеху»²⁹. Диккинсон высказывался на эту тему менее определенно; он просто упомянул о «процессе последовательного приближения» к правильному решению³⁰.

²⁸ «Невероятно, чтобы кто-либо, осознав масштаб подобной задачи, всерьез предложил систему планирования на основе всеобъемлющей системы уравнений. Из чего действительно исходили те, кто разрабатывали такого рода анализ, так это из убеждения, что, начиная с состояния, унаследованного от существовавшего до того капиталистического общества, *адаптация* к повседневно происходящим мельчайшим изменениям *может быть достигнута постепенно, методом проб и ошибок*» (Ф. А. Hayek, “The Present State of the Debate”, *Collectivist Economic Planning*, 213 [Хайек Ф. Экономический расчет при социализме II: состояние дискуссии (1935) // Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. С. 157.] [Курсив мой. — У. de C.]).

²⁹ Fred M. Taylor, “The Guidance of Production in a Socialist State” in *On the Economic Theory of Socialism*, 51.

³⁰ Henry D. Dickinson, “Price Formation in a Socialist Community”, 241. В 1931 г., в промежутке между Тейлором (1928) и Диккинсоном (1933), другой американец, Уиллет Кросби Роупер, также предлагал использовать метод проб и ошибок, полагая при этом, что дефицит, который будет возникать в экономике в результате проб и ошибок, во всяком случае, будет ясно сигнализировать центральным властям, что они должны изменить свои распоряжения, и направлять их к «верному» решению. Однако, хотя Роупер не скрывает своих симпатий к социализму, он ясно осознает огромные практические трудности, которые возникнут в случае применения рекомендованного им метода проб и ошибок.

С учетом невнятности и неопределенности их текстов, довольно сложно ясно и подробно описать то, что Тейлор, Роупер и Диккинсон понимали под методом «проб и ошибок», хотя в принципе этот метод предлагался как *вариант* «математического решения», как попытка избежать тяжелой необходимости решать алгебраическими методами крайне сложную систему уравнений. На самом деле они, так же как и Ланге (как мы увидим позже), считали математическое решение наиболее подходящим, но полагали, что до тех пор, пока не найдено решение соответствующей системы уравнений, можно вплотную приблизиться к нему, используя процедуру «проб и ошибок». Для этого нужно лишь взять за основу унаследованные от капиталистической системы «равновесные решения» и затем вносить в них мелкие исправления, необходимые, чтобы «возвращать» систему в состояние равновесия после того, как в ней происходят какие-либо изменения.

В частности, он пишет: «В нашем описании это выглядит простым и легкоосуществимым. Казалось бы, все дело в том, чтобы вначале исправить несколько ошибок, а затем просто наблюдать за работой системы. Однако *мы не учитываем невероятную сложность экономического процесса...* Если при создании системы цен будет допущена всего лишь одна или две существенных ошибки (что практически невероятно), эти ошибки приведут к изменениям, которые затронут всю систему. Если ошибок было больше, понадобилось бы значительное время и большой объем вычислений, чтобы достичь состояния равновесия, когда цена факторов будет точно соответствовать их предельной производительности, цены факторов одинаковой эффективности будут равны и будет реализована вся теоретическая система стабильного равновесия. *Собственно говоря, такого равновесия можно достичь только в статичной экономике, существование которой невозможно.* ...Можно относительно уверенно сказать, что создание аппарата ценообразования, необходимого для успешного централизованного коллективистского порядка, является в лучшем случае отдаленной возможностью». В заключение он пишет: «Представляется, что максимальные шансы на успех для социалистического общества связаны с децентрализованной организацией, сохраняющей, насколько это возможно, основные черты капитализма» (Willet Crosby Roper, *The Problem of Pricing in a Socialist State* [Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1931], 58, 59, 60, 62).

На практике использование этого метода означало бы, что менеджеры и люди, ответственные за различные сектора, отрасли и фирмы, получили бы приказ непрерывно передавать центральному плановому органу информацию о различных связанных с производством обстоятельствах вообще и о различных сочетаниях факторов производства, в частности. На основании полученной информации центральный плановый орган предварительно устанавливал бы временные «цены» на все; эти цены доводились бы до менеджеров, чтобы они могли определить, какое количество продукции они в состоянии произвести по этим ценам, и действовали бы соответствующим образом. По результатам деятельности менеджеров можно было бы выявить ошибки, которые имели бы форму дефицита (когда спрос превышал бы предложение) или избытка (когда предложение превышало бы спрос). Дефицит или избыток того или иного продукта указывали бы центральному плановому органу на то, что цена была установлена неправильно и что ее нужно, в зависимости от обстоятельств, понизить или повысить. Этот процесс повторялся бы многократно вплоть до достижения столь желанного нового «равновесия». Такова суть «хваленного» метода «проб и ошибок».

Критика метода «проб и ошибок»

Метод проб и ошибок, который мы только что описали, не только кажется «простым» лишь на первый взгляд; в силу причин, изложенных ниже, он неспособен решить фундаментальную экономическую проблему социализма.

Во-первых, с теоретической точки зрения, мысль о том, что реальная капиталистическая система может достичь состояния «равновесия», абсурдна. В капиталистической системе цены, которые устанавливают стороны, это «рыночные цены», находящиеся в постоянном движении, вызванном творческой силой предпринимательства; они не являются «равновесными ценами», которые способна была бы «унаследовать» социалистическая система в качестве надежного отправного пункта. Таким образом, социалистические теоретики не только демонстрируют глубокое непонимание того, как работает рынок: как это ни парадоксально, с точки зрения их (ложной) концепции рынок

работает гораздо «лучше», чем на самом деле, потому что они полагают, что он обычно находится «в равновесии». В отличие от них, мы знаем, что рынок никогда не находится в «равновесии», и это не признак его «несовершенства», а его главная и наиболее типичная особенность. Поэтому особенно жалко выглядит то, что социалистические теоретики были вынуждены в тактических целях отказаться от критики рынка за отсутствие равновесия ради возможности утверждать, что функционирование социализма в состоянии обеспечить метод проб и ошибок, который может базироваться только на «равновесных ценах» так ненавистной им капиталистической системы.

Во-вторых, совершенно недопустимым является предположение, что изменения в экономической системе после того, как она была преобразована из капитализма в социализм, будут относительно несущественными. Наоборот, во всех экономических и социальных сферах изменения неизбежно будут настолько велики, что потребуются полная и всеобщая перестройка всей системы цен. Причиной этого будет исчезновение прав собственности на факторы производства и те резкие изменения в распределении дохода, которые происходят во время любой революционной смены одной экономической системы другой. Кроме того, изменятся цели экономических субъектов и доступные им средства — в связи с изменением положения каждого индивида на новой социальной лестнице, а также в свете колоссального уровня институционального принуждения и жесткости, направленных на разрушение свободного предпринимательства во всех социальных сферах. Итак, теоретически недопустимо утверждать, что существовавшие до установления социализма в капиталистической экономической системе цены можно взять в качестве отправного пункта и придерживаться их, просто внося мелкие «частные» поправки, необходимые для поддержания системы в равновесии³¹.

³¹ F. A. Hayek, "The Present State of the Debate" in *Collectivist Economic Planning*, 213 [Хайек Ф. Экономический расчет при социализме II: состояние дискуссии (1935) // Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. С. 157]. В этом вопросе Хайек просто следует за первоначальной догадкой Мизеса, который еще в 1920 г. писал: «Вследствие выравнивания всех различий в доходах и вытекающей из этого коррекции потребления, а следовательно, и производства, установление социа-

В-третьих, даже если допустить, в порядке дискуссии, что переход от капитализма к социализму несущественно влияет на систему цен, важно помнить, что лишь в редких случаях дефицит или избыток продукта представляют собой надежные индикаторы, указывающие центральному плановому органу на то, как он должен действовать по отношению к цене этого продукта. В частности, для того, чтобы дефицит или избыток какого-либо продукта могли указывать на то, необходимо или нет снизить или повысить предварительно установленную цену, у различных экономических субъектов должен быть выбор и они должны его осознавать. Иными словами, если вариантов выбора нет или они не осознаются, дефицит не имеет большого значения, потому что его вызывает отсутствие благ и услуг (или информации о них), которые похожи на дефицитные, но отличаются от них по качеству или цене, а также товаров и услуг, которые отличаются от дефицитных, но могут в какой-то степени использоваться вместо них. Поэтому дефицит не является симптомом, указывающим на то, что цену нужно повысить, так как во многих случаях наиболее рациональным способом реагирования была бы попытка разрабатывать, испытывать и внедрять новые, альтернативные продукты.

В четвертых, для того, чтобы дефицит какого-либо товара мог что-то означать и каким-то образом способствовать принятию решений центральным плановым органом, важно

лизма должно *изменить все экономические данные* в такой степени, что связь между ним и существовавшей до него конкурентной экономикой станет невозможной». См. также: Ludwig von Mises, "Economic Calculation in the Socialist Commonwealth" in *Collectivist Economic Planning*, 109—110. Если мы свяжем эти утверждения с тем, о чем говорится выше, в сноске 27, то увидим, что за 20 лет Мизес развил и усовершенствовал свой аргумент. В результате получилось следующее: 1) безусловно, неверно считать, что исходные условия соответствуют состоянию равновесия; 2) в силу отсутствия информации невозможно рассчитать конечное состояние равновесия; 3) даже если в порядке дискуссии предположить, что проблемы (1) и (2) уже решены, то все равно нет ничего, чем можно было бы руководствоваться, направляя движение бесконечного множества действий, необходимых, чтобы перейти от исходного состояния равновесия к конечному состоянию равновесия. (Высшая точка рассуждений Мизеса, см. выше, сноска 27.)

также, чтобы количество «чеков», выпущенных в обеспечение прав на приобретение производственных факторов и потребительских благ, не было бы чрезмерно большим. (Мы не говорим о «денежных единицах», поскольку, как мы объясняли ранее, представление о деньгах в социалистической и капиталистической системе сильно различается.) Если же выпущено слишком много «денежных» единиц, то возникает всеобщий дефицит благ, услуг и производственных ресурсов, который не может служить точным индикатором того, на сколько следует повысить цену каждого отдельного блага, услуги или фактора производства, а также того, насколько следует увеличить их производство³².

В-пятых, если, как это обычно бывает, дефицит становится хронической или регулярно проявляющейся чертой социалистической системы, то экономические агенты (потребители, менеджеры и др.) рано или поздно извлекут выводы из собственного опыта и их врожденные «предпринимательские» способности станут направляться на попытки добыть хоть какой-нибудь товар, доступный в обмен на «денежные единицы». Итак, налицо уход в реальные ценности всех экономических субъектов, которые пытаются купить все равно что, даже то, что им не нужно (в данный момент или вообще), потому что понимают, что дефицит является доминирующей чертой соответствующей экономической системы и им следует покупать любые, даже ненужные блага в качестве предосторожности: ведь в будущем это благо может оказаться и полезным, и недоступным одновременно. Это явление присуще и производственной сфере. Корнаи очень ясно объяснил, что в социалистической системе менеджеры промышленных предприятий очень быстро обнаруживают, что дефицит сырья и материалов, то есть факторов производства, носит хронический характер и составляет доминирующую особенность этой системы. Кроме того, менеджер осознает, что, поддерживая большой запас факторов производства, он ничего не теряет, так как в

³² Трюгве Хофф очень наглядно объясняет, что «как в теннисе счет 6-0, 6-0 не позволяет понять, насколько лучше играет победитель, чем проигравший, так и запасы нераспроданных благ не дают основания сделать выводы от том, насколько сильно стремление к отдельным благам». Trygve J. V. Hoff, *Economic Calculation in the Socialist Society*, 117—118.

силу отсутствия жестких бюджетных ограничений у него не возникает проблемы финансовых издержек. Напротив, если из-за нехватки какого-либо сырья или фактора производства менеджер не в состоянии достичь цели, принудительно навязанной ему плановым органом, это является для него очень существенным реальным риском. Следовательно, возникает повсеместная и постоянная установка на то, чтобы требовать и запасать в избыточных количествах сырье и материалы, то есть факторы производства, любого рода, в том числе те, которые не очень нужны; в результате повсеместный дефицит ресурсов неизбежно становится определяющей характеристикой социалистической экономической системы³³. Соответственно, очевидно, что если экономическая система характеризуется хроническим, абсолютным и постоянным дефицитом большинства экономических потребительских благ и факторов производства, то центральный плановый орган в принципе не может найти равновесное решение с помощью метода «проб и ошибок», основанного на наблюдении за возникновением в данной экономической системе *дефицита* конкретных благ³⁴.

В-шестых, нам следует подчеркнуть, что экономическая система является не просто конгломератом отдельных благ и услуг, где дефицит или избыток любого конкретного товара автоматически указывает на необходимость повысить или снизить цену. Экономическая система постоянно порождает некое множество тесно взаимосвязанных потребительских благ, услуг и факторов производства. Так, например, дефицит какого-то блага может иметься, но не замечаться из-за того, что он может быть скрыт наличием или отсутствием дру-

³³ См.: János Kornai, *Economics of Shortages* (Amsterdam: North Holland, 1980) [Корнай Я. Дефицит. М.: Экономика, 1990] и *Growth, Efficiency and Shortages* (Berkeley: University of California Press, 1982).

³⁴ Хофф также отмечает, что в этих обстоятельствах еще одна неразрешимая проблема связана со степенью повышения цены, которую должен установить центральный планирующий орган во всех тех случаях, когда возникает дефицит. По мнению Хоффа, сам факт наличия дефицита не содержит никакой информации о том, как осуществить соответствующее повышение цен (по отношению к каким конкретно благам и в какой степени). См.: Trygve J. В. Hoff, *Economic Calculation in the Socialist Society*, 119.

гих благ, прямо или косвенно дополняющих или заменяющих его. Может быть и так, что дефицит, скорее всего, существует, но в конкретных обстоятельствах разумнее более интенсивно использовать существующие товары-заменители, а не повышать цену. Это значит, что центральный плановый орган не может ориентироваться на дефицит или избыток отдельных благ, а должен замечать и мониторить дефицит или избыток *всех благ как одной группы*, с учетом взаимосвязей этих благ. Таким образом, метод, предназначенный для того, чтобы рассматривать каждое благо по отдельности, в частности, метод «проб и ошибок», совершенно бесполезен на практике³⁵.

В-седьмых, Людвиг фон Мизес доказывает, что метод проб и ошибок применим по отношению к таким задачам лишь тогда, когда верное решение можно найти по однозначным признакам и данным, не зависящим от самого метода проб и ошибок. Дело обстоит совершенно иначе, если единственный признак правильности решения — это как раз то, что оно было найдено с помощью метода или процедуры, которые считаются подходящими для решения данной проблемы. Иными словами, метод проб и ошибок может пригодиться, если взять за точку отсчета конкретные знания и приспособить к ним конкретное решение. Если, как это происходит в социалистической системе, точки отсчета не существует, потому что соответствующий предпринимательский рыночный процесс был устранен, то у центрального планового органа не будет ориентиров, необходимых для того, чтобы выработать правильное решение с помощью метода проб и ошибок. Неверно говорить, что такими «ориентирами» как раз и являются «объ-

³⁵ Этот довод я позаимствовал у Роберта Брэдли (кафедра экономической теории Хьюстонского университета). См.: Robert Bradley “Socialism and the Trial and Error Proposal,” часть 4 статьи “Market Socialism: A Subjectivist Evaluation,” *The Journal of Libertarian Studies* 5, no. 1 (winter 1981): 28—29. Брэдли пишет: «Логически возможна ситуация, когда цены какого-то блага и всех его заменителей взаимосвязаны, но не указывают на дефицит. В этом случае неверные цены просто служат друг другу взаимным прикрытием. Итак, мы видим, что просто мониторинга цен недостаточно; ЦПО (центральному плановому органу) необходимо контролировать все взаимосвязи между ценами. Таким образом, метод “проб и ошибок” теряет смысл, поскольку он распространяется лишь на цены, взятые по отдельности» (р. 29).

ективные» проявления перепроизводства и дефицита. Кроме того, что, как мы уже видели, такие ориентиры и не являются объективными, и не указывают однозначно на то, что следует делать, *они представляют собой эндогенный результат использования метода проб и ошибок* и поэтому в принципе не могут претендовать на объективность. Они представляют собой просто повторяющиеся произвольные и случайные проявления движущегося по кругу процесса нарушения координации и возникновения неэффективности — процесса, который никуда не ведет. Применительно к экономике, где люди обладают свободой предпринимательской деятельности, в каком-то смысле можно сказать, что, когда экономические субъекты действуют предпринимательно, они используют процедуру «проб и ошибок», чтобы приблизиться к приемлемым решениям, то есть чтобы найти и исправить возникающие в обществе случаи рассогласованности. Это происходит потому, что в ходе взаимосвязанной предпринимательской деятельности нескольких людей порождается информация, которая не могла бы возникнуть в ходе активности отдельно взятого человека, вне зависимости от того, насколько интенсивно используется метод проб и ошибок, и эта информация представляет собой необходимое «сырье» для оценки прибыли и издержек каждого человеческого действия. Таким образом, руководствуясь данными, полученными в результате расчета прибыли и убытков, экономические субъекты обычно действуют согласованно. Если же свобода предпринимательства принудительно ограничивается, то исчезает единственный процесс, обеспечивающий согласованную корректировку различных типов поведения, в совокупности образующих жизнь общества. Соответственно, исчезает единственный *внешний ориентир*, позволяющий каждому из действующих субъектов судить, становится ли он ближе к наиболее подходящему для него решению³⁶.

³⁶ Людвиг фон Мизес писал: «Метод проб и ошибок применим во всех случаях, когда правильность решения можно определить по безошибочным признакам, не зависящим от самого метода проб и ошибок. ... Иное дело, когда единственный признак правильного решения — это то, что оно было достигнуто с помощью метода, считающегося подходящим для решения проблемы. Правильность результата умножения двух сомножителей определяется как результат правильного применения процесса, предписываемого

В-восьмых, главный недостаток метода проб и ошибок: он подразумевает, что сообщество останется статичным, то есть, что пока будут продолжаться «пробы» и выявляться возможные «ошибки», большая часть социальных обстоятельств останется неизменной. Однако, если учесть, что (как это всегда бывает на самом деле) корректировки приводят к глобальным изменениям, которые до некоторой степени влияют на цены всех факторов производства, а также потребительских благ и услуг, то любая попытка «исправить» действительные или мнимые ошибки всегда будет происходить *слишком поздно* и, соответственно, будет вызывать глубокие искажения. Иными словами, как показал Хайек, использование метода проб и ошибок в реальной жизни, где постоянно происходят изменения, невозможно³⁷. Каждое из отдельных изменений ока-

арифметикой. Можно пытаться угадать правильный результат методом проб и ошибок. Но здесь метод проб и ошибок никак не заменит действий арифметики. Он будет совершенно бесполезен, если арифметическое действие не обеспечит критерий, отличающий правильное от неправильного. Если называть предпринимательскую деятельность применением метода проб и ошибок, то не следует забывать, что правильное решение легко опознается как таковое. Оно заключается в появлении избытка доходов над расходами. Прибыль говорит предпринимателю о том, что потребители одобряют его инициативу; убыток свидетельствует об обратном. Проблема социалистического экономического расчета именно в этом: при отсутствии *рыночных* цен на факторы производства расчет прибыли и убытков невозможен» (Mises, *Human Action*, 704—705 [Мизес. Человеческая деятельность. С. 759—660]).

³⁷ Вот что писал об этом сам Хайек: «Почти каждое изменение любой отдельной цены делало бы необходимым изменение сотен других цен, и большинство таких изменений никоим образом не были бы пропорциональны, но зависели бы от разной степени эластичности спроса, от возможностей замещения и иных изменений в методе производства. Безусловно, абсурдно думать, что все такие приспособления удавалось бы осуществлять с помощью последовательной серии приказов центральной власти, когда в том замечалась бы необходимость, и что тогда бы каждая цена назначалась, корректировалась, вновь менялась и так до тех пор, пока не достигалась бы какая-то степень равновесия. Что цены могут устанавливаться на основе полного видения ситуации, по крайней мере мыслимо, хотя и совершенно неосуществимо практически. Но основывать правильное назначение цен на изу-

зывает чрезвычайно разнообразное влияние на цены, качество и типы товаров, производящихся в обществе, и, таким образом, с помощью метода проб и ошибок абсолютно невозможно достичь гипотетического равновесного решения раньше, чем это решение совершенно устареет в результате новых изменений. Если бы реальный мир был неизменным и информация оставалась той же самой, то поиск равновесной системы цен с помощью метода проб и ошибок был бы куда более рациональным занятием — при условии господства мнения, что равновесие представляет собой ту самую более надежную точку отсчета, с которой сравниваются различные предварительные потенциально возможные решения. Однако, несмотря на то, что по умолчанию предполагают социалистические теоретики, реальный мир не пребывает в равновесии и, соответственно, найти решение пресловутой системы уравнений с помощью метода проб и ошибок невозможно.

Наконец, *в-девятых*, самый важный довод против метода проб и ошибок состоит в том, что этот метод полностью исключает предпринимательство (см. главу 2). Главный вопрос в том, *кто* будет применять метод проб и ошибок. Понятно, что

чени крохотной части экономической системы — это задача, которую нельзя выполнить рационально ни при каких условиях» (Hayek, “The Present State of the Debate”, *Collectivist Economic Planning*, 214 [Хайек Ф. Экономический расчет при социализме II: состояние дискуссии (1935) // Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. С. 158]). Спустя 5 лет, в 1940 г., отвечая Ланге, Хайек выразился еще более ясно: «Трудно подавить подозрение, что эти конкретные предложения родились из чрезмерной поглощенности проблемами чистой теории устойчивого равновесия. Если бы в реальном мире мы имели дело с почти постоянными данными, то есть если бы проблема состояла в том, чтобы найти систему цен, которую можно было бы оставлять более или менее неизменной на длительные периоды, тогда рассматриваемые предложения не были бы безрассудными. С заданными и неменяющимися данными действительно можно было бы методом проб и ошибок приблизиться к такому состоянию равновесия. Но далеко не так обстоит дело в реальном мире, где постоянное изменение — это правило» (Hayek, “Socialist Calculation III: The Competitive Solution” in *Individualism and Economic Order*, 188 [Хайек. Экономический расчет при социализме III: конкурентное решение // Хайек. Индивидуализм и экономический порядок. С. 183]).

если выбор предварительных решений будут осуществлять не отдельные экономические субъекты, которые владеют практической информацией, то метод проб и ошибок заведет в тупик по причинам, перечисленным нами в главе 3. К тому же у центрального планового органа будет отсутствовать жизненно важная практическая информация, которая создается только людьми, действующими в процессе предпринимательства, и доступна только их разуму. Кроме того, если у людей не будет свободы проявления предпринимательства, то информация, необходимая для осуществления координации и коррекции в обществе, просто не будет создаваться. А если эта информация даже не порождается, то ее вряд ли можно передать в центральный плановый орган. Как мы уже отметили, чтобы метод проб и ошибок имел какой-то смысл, его следует применять на уровне отдельного человека в контексте рыночной экономики, где люди могут совершенно свободно заниматься предпринимательством и пожинать плоды своего личного предпринимательского творчества. Не следует также забывать, что информация носит исключительно субъективный характер и разные люди будут по-разному интерпретировать одни и те же наблюдаемые события реального мира и тем самым будут порождать в связи с ними разную информацию, в соответствии с обстоятельствами жизни и контекстом деятельности каждого человека. С точки зрения экономической науки нет ничего хорошего в том, чтобы центральный плановый орган, сталкиваясь с дефицитом какого-нибудь продукта, автоматически применял бы какое-нибудь предустановленное правило (повысить производство блага X или увеличить его цену на определенный процент), потому что если оставить предпринимательский процесс в покое, творческий ум людей наверняка найдет радикально другое решение той же самой объективной проблемы. Поэтому в случае дефицита было бы правильно не повышать цену, а использовать предпринимательскую сметку, чтобы найти новые решения проблемы, разработав заменители, отыскав новые варианты, до которых еще никто не додумался и т.п. Итак, мы видим, что логически невозможно использовать метод проб и ошибок для успешной коррекции решения гипотетической системы уравнений, способной обеспечить возможность экономического расчета в обществе с запретом на свободное предпринимательство. В этих условиях у центрального планового органа будет отсутствовать жизнен-

но необходимая практическая информация, поскольку она даже не будет создаваться экономическими субъектами-участниками системы, и, как следствие, у него не будет ориентира, по которому можно было бы корректировать возникающую в обществе рассогласованность. Следовательно, централизованное использование метода проб и ошибок не приводит к равновесному решению и неспособно направлять гипотетический централизованный орган принуждения к тем решениям, которые позволят ему координировать социальный процесс³⁸.

5. Теоретическая невозможность планометрики³⁹

Вышеизложенные критические замечания по поводу использования метода «проб и ошибок» для решения проблемы экономического расчета при социализме распространяются на весь обширный массив текстов⁴⁰, который создали экономисты

³⁸ См. также в следующей главе критику варианта метода «проб и ошибок», предложенного Оскаром Ланге.

³⁹ Популяризатор этого термина Юзеф Вильчинский пишет: «Планометрика — это раздел экономики, посвященный методам построения экономических планов и их оптимизации с использованием современных математических методов и электронных вычислительных устройств» (J. Wilczynski, *The Economics of Socialism*, 3rd ed. [London: George Allen & Unwin, 1978], 17, 24, 46). Другие термины, которыми иногда обозначают этот раздел экономической теории, это «компутопия» и «теория механизмов размещения ресурсов»; ими мы обязаны соответственно Эгону Нойбергеру (Egon Neuberger, “Liberianism, Computopia and Visible Hand: The Question of Informational Efficiency,” *American Economic Review*, “Papers and Proceedings” [May 1966]) и Леониду Гурвицу (Leonid Hurwicz, “The Design of Mechanisms for Resource Allocation,” *American Economic Review*, no. 63 [May 1973]).

⁴⁰ См. в качестве примеров «планометрических» текстов: К. J. Arrow and L. Hurwicz, *Studies in Resource Allocation Processes* (Cambridge: Cambridge University Press, 1977); Leonid Hurwicz, “The Design of Mechanisms for Resource Allocation”, *American Economic Review* 2, no. 63 (May 1973); John P. Hardt and others, eds., *Mathematics and Computers in Soviet Economic Planning* (New Haven, Connecticut: Yale University Press, 1967); Benjamin N. Ward, “Linear Programming and Soviet Planning,” in *Math-*

школы общего равновесия в русле так называемой «планометрики». Эта дисциплина основана на крайне сложных математических методах, включая линейное и нелинейное программирование, целочисленное программирование, существенную часть кибернетической теории принятия решений, а также на множестве компьютерных процессов, связанных с итеративными алгоритмами. Главная цель этих моделей состоит в том, чтобы *предварительно* задать всю конфигурацию равновесных цен. Иными словами, делается попытка — до того, как рынок стихийно установит цены — найти решение, которое *заранее* обеспечило бы согласование всех планов экономических агентов и, соответственно, сделало бы ненужным реально происходящий на рынке процесс координации, который по своей природе всегда действует *a posteriori*, поскольку в движение его приводит сила предпринимательства. Итак, планометрические технологии направлены на то, чтобы заменить конкурентный предпринимательский процесс механизмом,

emetics and Computers in Soviet Economic Planning, а также: Idem., *The Socialist Economy: A Study of Organizational Alternatives* (New York: Random House, 1967). На с. 94 блестящей книги Дона Лавоя *Rivalry and Central Planning* можно найти исчерпывающий обзор всех существующих на английском языке книг на эту тему. Обзор литературы по планометрике на немецком языке см.: Christian Seidl, "Allokations Mechanismus Asymmetrische Information und Wirtschaftssystem," *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik* 3, no. 197 (1982), 193—220. Краткий, но ценный обзор того, что происходило в этой области до настоящего времени [1992] и связанных с этим проблем см.: John Bennett, *The Economic Theory of Central Planning* (London: Basil Blackwell, 1989), esp. chap. 2, pp. 9—37. Также см. статью: Peter Bernholz, "Information, Motivation and the Problem of Rational Economic Calculation in Socialism," chap. 7 of *Socialism: Institutional, Philosophical and Economic Issues*, ed. Svetozar Pejovich (Dordrecht, Holland: Kluwer Academic Publishers, 1987), 161—167. Наконец, нужно отметить советскую школу во главе с Леонидом Канторовичем, который был одержим развитием и усовершенствованием методов оптимизации, а также оказался неспособен осознать экономическую (в отличие от «технической») проблему, которую ставит социализм, и предложить решение, направленное против постепенного распада советской модели. См.: Roy Gardner, "L. V. Kantorovich: The Price Implications of Optimal Planning," *Journal of Economic Literature* 28 (June 1990), 638—648, в том числе все перечисленные там источники.

который сделал бы возможным централизованную предварительную координацию общества.

До сих пор ни одну из планометрических моделей было невозможно воплотить в жизнь, и даже социалистические теоретики согласны с тем, что вероятность их реализации крайне невысока. Однако, некоторые люди и по сей день утверждают, что это связано в основном с ограниченной мощностью существующих компьютеров, а также с нехваткой квалифицированных специалистов и техническими сложностями сбора необходимой информации. Однако с течением времени от представления о том, что рынок можно заменить всеобъемлющей системой компьютерного планирования, основанной на планометрических моделях, отказались даже сами разработчики этих моделей. Кроме того, неудачные попытки введения планометрических технологий в странах Восточной Европы в 1970-е годы привели не только к отказу от новых практических экспериментов в этом направлении, но и к глубокому разочарованию среди тех, кто наивно возлагал надежды на эти технологии⁴¹. Несмотря на все вышесказанное, есть два суще-

⁴¹ Майкл Эллман пишет о разочаровании, связанном с применением планометрических моделей: «Работы по внедрению систем управленческой информации и контроля широко велась в советской экономике в 70-е годы, но к 80-м к их полезности уже относились скептически. Это произошло в основном потому, что их внедрение не оправдало возлагавшихся на них преувеличенных надежд и не принесло ожидаемых экономических результатов». См.: Michael Ellman, "Economic Calculation in Socialist Economies," in *The New Palgrave: A Dictionary of Economics* (London: Macmillan, 1987), 2: 31. Те же утверждения можно найти в: Jan S. Prybyla, *Market and Plan Under Socialism* (Stanford: Hoover Institution Press, 1987), 55. В свою очередь, Мартин Кейв (Martin Cave) в книге *Computers and Economic Planning: The Soviet Experience* (Cambridge: Cambridge University Press, 1980), указав на глубокое различие между двумя типами исследователей: теми, чьи усилия направлены на формулирование абстрактных планометрических моделей, и теми, кого интересуют реально существующие системы, делает вывод о том, что рост скепсиса по отношению к планометрическим моделям как возможной замены рынку связан с тем, «что они не справляются с запутанной системой централизованной плановой экономики и не предназначены для этого» (р. 38). Кажется, даже Гурвиц признал, что планометрика полезна исключительно в качестве чистого интеллектуального упражнения, что применительно к решению проблемы экономического рас-

ственных фактора, благодаря которым отдельное рассмотрение планометрики все равно имеет смысл, и именно после того, как мы показали теоретическую неосуществимость метода «проб и ошибок».

Во-первых, различные авторы, пишущие на эту тему, продолжают наивно утверждать, что хотя до сих пор и не было ничего, кроме поражений и разочарований, в будущем, возможно, дальнейшее усовершенствование теории в сочетании с прогнозируемым увеличением мощности компьютеров позволит обеспечить то, что до сих пор оказывалось невозможным. Ричард Масгрейв, оценивая итоги спора об экономическом расчете, приходит к выводу, что возможно внедрить эффективную систему планирования, если позволить плановым органам имитировать конкурентный рынок, используя соответствующие компьютерные технологии. В свою очередь Эрроу утверждает, что благодаря развитию математического программирования и быстрым компьютерам система централизованного планирования больше не является чем-то невозможным, потому что появилась возможность имитировать работу децентрализованной системы, просто выбрав соответствующий централизованный алгоритм⁴². Согласно это-

чета соответствовало бы исходному теоретическому шагу (этапу «формулировки проблемы»). На следующем этапе следовало бы ввести рыночные силы и приспособить план к реальности рынка, а не приспособлять рынок к параметрам планометрической модели. См.: Leonid Hurwicz, "Centralization and Decentralization in Economic Processes," in *Comparison of Economic Systems: Theoretical and Methodological Approaches*, ed. Alexander Extain (Berkeley: University of California Press, 1971), 81.

⁴² Ошибка этих двух исследователей основана на непонимании ими основ функционирования рыночных процессов, которые мы объяснили в главе 2. Эрроу пишет даже такое: «Действительно, с развитием математического программирования и появлением быстродействующих компьютеров централизованный вариант перестал казаться нелепым. В конце концов, скорее всего будет возможно имитировать работу децентрализованной системы, правильно выбрав централизованный алгоритм» (Kenneth J. Arrow, "Limited Knowledge and Economic Analysis," *American Economic Review* 64 [March 1974]: 5). Даже самые блестящие умы, такие как Эрроу, практически неизбежно теряют способность воспринимать фундаментальные экономические проблемы, когда они одержимы математическим анализом равновесия. Действи-

тельно, ту же самую ошибку делает Масгрейв в статье: Richard A. Musgrave, "National Economic Planning: The U. S. Case", *American Economic Review*, no. 67 (February 1977): 50—54. Ошибку, похожую на ошибки Эрроу и Масгрейва, совершает Вильчинский; правда, с учетом его приверженности социалистической идеологии ее легче понять. Вильчинский утверждает: «Реальная возможность вычисления оптимальных цен окончательно лишает всякого основания заявления о том, при социализме не может существовать рационального ценообразования. Хотя в практическом отношении многое еще нужно сделать, солидное теоретическое основание уже имеется. На самом деле в некоторых аспектах социализм предоставляет возможность улучшить ситуацию по сравнению с капитализмом» (Wilczinski, *The Economics of Socialism*, 138). Французский экономист Морис Алле — еще один исследователь, который на основании общей теории равновесия пришел к выводу, что из модели Вальраса легко выводятся главные принципы организации централизованной плановой экономики. Алле, сочетающий спутанность мышления, которая является естественным результатом использования математических методов в экономической теории, с некоторыми чрезвычайно своеобразными идеями, договорился до того, что в равновесной экономике с совершенной конкуренцией исчезает процент на капитал. (Эта идея абсолютно нелепа, так как даже при указанных условиях будут иметь значение амортизация основного капитала, а также субъективные временные предпочтения.) Алле предлагает национализировать землю и выражать «цены» в счетных единицах, основанных на единице «профессионального» рабочего времени. См.: Maurice Allais, "Le problème de la planification dans une économie collectiviste," *Kyklos* (July—October 1947), vol. 1: 254—280, vol. 2: 48—71. По поводу этих абсурдных предположений Мориса Алле Карл Прибрам в своей монументальной работе (Karl Pribram, *A History of Economic Reasoning* [Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1983, 459]) пишет: «Один из странных эпизодов в истории экономической мысли был связан с тем, что радикальные мыслители, стремившиеся разрушить существующий экономический порядок, в то же время верили — или притворялись, что верят — что, вопреки всему имеющемуся историческому опыту, "плановую" экономику можно организовать, опираясь на модель вальрасовского типа, основанную на полном доверии к автоматическому функционированию уравновешивающих друг друга сил». Наконец, о том же пишут два известных восточноевропейских экономиста, Владзимеж Брус и Казимир Ласки, в недавно опубликованной книге, в которой они, о чем мы будем говорить подробнее несколько позже, недвусмысленно показывают, что в споре об экономическом расчете при социа-

му мнению, которое высказывали также и другие исследователи, развитие линейного программирования и компьютерных технологий могло бы обеспечить решение сформулированной Мизесом и Хайеком проблемы экономического расчета при социализме.

Во-вторых, другие теоретики планометрики во главе с Гурвицем утверждают, что они не просто опровергли довод Хайека о сложности вычислений (как мы знаем, для Хайека он имел лишь второстепенное значение), но и якобы включили в свои планометрические модели фундаментальный аргумент, отражающий рассеянный характер информации⁴³. Так, Гурвиц

лизме Мизес с Хайеком были правы, а Оскару Ланге и остальным их оппонентам не удалось убедительно возразить им. Брус и Ласки возлагают вину на неоклассическую модель и, в частности, на модель Вальраса, за то, что они игнорируют главную фигуру в капиталистической системе — предпринимателя. Они также критикуют модель совершенной конкуренции за то, что она не допускает между предпринимателями борьбы и соперничества, которые существуют в реальности и приводят к непрерывному созданию новой информации. Они пишут: «Модель Вальраса не обращает внимания на поистине центральную фигуру в капиталистической системе, а именно на *предпринимателя* в узком смысле слова. Формально в модели Вальраса есть предприниматели, но они ведут себя как *роботы*, минимизируя издержки или максимизируя прибыль *при существующих данных*. Они ведут себя исключительно как оптимизаторы, действующие в рамках чисто пассивной конкуренции, которая сводится к *пассивному* приспособлению своих позиций к экзогенным изменениям. Такая картина вряд ли может считаться адекватным обобщением феномена конкуренции, которая в *действительности* представляет собой непрерывную борьбу, оказывающую влияние на сами данные. Именно здесь особенно ярко выражается статичность подхода теории общего равновесия, который противоречит *динамическому* характеру реальной капиталистической системы». (Włodzimierz Brus and Kazimierz Lasky, *From Marx to the Market: Socialism in Search of an Economic System* [Oxford: Clarendon Press, 1989], 57). См. также мою статью на ту же тему: “La Crisis del Paradigma Walrasiano,” *El País*, 17 December 1990, p. 36.

⁴³ См.: Leonid Hurwicz, “The Design of Mechanisms for Resource Allocation,” 5. Гурвиц похвалялся тем, что учел в своих моделях открытия Хайека и Мизеса, например: «Идеи Хайека (лекции которого я слушал в Лондонской школе экономике в 1938/39 учебном году) оказали на меня огромное влияние, и я это с удо-

исходит из предположения, что каждый экономический субъект изначально обладает только той информацией, которая доступна исключительно ему (потребители — информацией о собственных предпочтениях, производители — о доступных им технологиях и т.п.). Соответственно, в его планометрических моделях производственные функции никогда не бывают известны центральному бюро планирования — только экономиче-

вольствием признаю. Но на мои идеи оказали влияние также Оскар Ланге (Чикагский университет, 1940—1942) и Людвиг фон Мизес (я был участником его женевского семинара в 1938—1939)». (Leonid Hurwicz, “Economic Planning and the Knowledge Problem: A Comment,” *The Cato Journal* 4, no. 2 [Fall 1984]: 419). Из приведенной цитаты становится совершенно ясно, что, как чрезвычайно убедительно показал Дон Лавой, несмотря на то, что Гурвиц, по его собственному утверждению, посещал лекции и семинары Хайека и Мизеса, он ничего не понял в их идеях. В работах Гурвица не просто совершенно игнорируется теория предпринимательства — он также постоянно исходит из предположения, что информация *объективна* и, несмотря на то, что она носит рассеянный характер, ее можно передать любому человеку без потери смысла. Таким образом, он не замечает ключевой особенности предпринимательской информации, которая находится в центре рыночных процессов; короче говоря, он не учитывает ее субъективной и невербализуемой природы. См. интересную работу: Don Lavoie, *The Market as a Procedure for Discovery and Conveyance of Inarticulate Knowledge*, working paper, Department of Economics, George Mason University, November 1982. Кроме того, как Гурвиц ясно формулирует в своем ответе Кирцнеру, опубликованном в *Cato Journal* (который мы процитировали выше), он рассматривает проблему рассеянного характера знания исключительно в аспекте передачи имеющейся информации и даже не затрагивает проблему, возникающую в связи с *созданием новой информации* — а это важнейшая проблема для рыночного процесса, являющаяся центральным элементом всей теории предпринимательства Кирцнера. Те же ошибки, что и Гурвиц, совершает высокочтимый Фрэнк Хан, который еще в 1988 г. осмеливался уверенно заявлять, что раньше или позже разработанный Ланге и Лернером «рыночный социализм» продемонстрирует свое превосходство над рыночной экономикой капиталистической системы. См.: Frank Hahn, “On Market Economics” in Robert Skidelsky, ed., *Thatcherism* (Chatto & Windus, 1988), esp. p. 114. Прекрасную подробную критику позиции Фрэнка Хана можно найти в: Arthur Seldon, *Capitalism* (Oxford: Basil Blackwell, 1990), chap. 6, 124—144.

ским субъектам по отдельности. Более того, в некоторых моделях предполагается, что даже производителям известны не все их производственные функции, а только те, в отношении которых у них имеется определенный опыт. С учетом природы цен как эффективного способа передачи информации, единственное знание, которое, согласно этим моделям, должно передаваться от центрального бюро планирования к экономическим субъектам — это список «цен» на *все* блага и услуги в экономике, который центральное бюро планирования должно публиковать в ответ на другой список, включающий количество каждого блага или услуги, произведенного каждым из экономических субъектов. По мнению теоретиков планометрики, передача этого огромного объема информации (о ценах) от центрального планового органа к экономическим субъектам и от экономических субъектов к центральному плановому органу (о количестве произведенного) не составит особого труда, особенно с учетом современного прогресса в сфере дистанционной передачи данных. Наконец, различные итеративные компьютерные процедуры позволят модифицировать цены по мере возникновения дефицита или избытка, и в итоге благодаря им появится система уравнений равновесия, представляющая собой решение поставленной экономической проблемы. Таким образом, между центральными властями, которые будут устанавливать предварительные цены, и экономическими субъектами, которые будут получать распоряжение произвести как можно больше с учетом сохранения цены на уровне предельных издержек (то есть в условиях, когда предельные доходы равны предельным издержкам), будет происходить «компьютерный диалог». Экономические субъекты будут сообщать, сколько они способны произвести, центральным властям, которые будут пересматривать цены, менять их и вновь передавать информацию об этом экономическим агентам и так до тех пор, пока случаи дефицита или излишка не исчезнут.

Планометрическое предложение, которое мы только что пересказали, с точки зрения фундаментального содержания не слишком сильно отличается от предложений Оскара Ланге 1930-х годов, которые подробно рассматриваются в следующей главе. Несмотря на «хитроумие» изложенной выше планометрической стратегии, сейчас мы продемонстрируем, что на самом деле планометрические модели совершенно не учитывают того, что Хайек говорил о проблеме рассеянно-

го характера знания и потому они совершенно неспособны решить проблему экономического расчета при социализме. Кроме того, мы сделаем небольшое отступление по поводу возможной роли в этой сфере компьютеров и компьютерных технологий, чтобы найти подтверждение тому, что мы доказали в главе 2: что прогресс компьютерных технологий не просто не решает проблему экономического расчета при социализме, а делает ее еще более сложной и запутанной.

Несмотря на то, что наша критика (в предыдущем разделе) математического метода «проб и ошибок» относится ко всей современной планометрической теории, необходимо отдельно затронуть два конкретных аспекта, которые мы только что выделили. Многие специалисты по планометрике считают, что в теоретическом отношении проблема была решена, рассеянный характер информации был учтен и теперь остается только ждать того момента, когда мощность компьютеров позволит воплотить эти модели в жизнь. Мы увидим, что на самом деле планометрические модели не учитывают некоторых ключевых особенностей реального мира, уже описанных экономистами австрийской школы, в то время как эти особенности делают функционирование этих моделей теоретически невозможным вне всякой зависимости от будущего роста мощности и быстродействия компьютеров, а также будущих достижений программистов.

Во-первых, планометрические модели как таковые и теория Гурвица, в частности, учитывают принцип рассеянной природы информации в *искаженном и фальсифицированном* виде. Это происходит потому, что тот факт, что информация рассеяна в умах всех экономических субъектов, принципиально неотделим от субъективного и строго личного характера информации, как мы видели в главе 2 этой книги. Если информация носит не просто рассеянный, но еще и личный и субъективный характер, она будет означать разные вещи для каждого из экономических агентов, и потому ее будет невозможно передать плановому органу, сохранив при этом ее смысл. Иными словами, одна и та же цена, один и тот же материальный объект внешнего мира, одно и то же количество чего-либо и один и тот же опыт будет означать разное для разных людей и по-разному интерпретироваться ими. То же самое можно сказать о разных потенциальных вариантах, рассматривающихся, когда речь идет о реализации конкретного про-

екта, достижении конкретной цели или производстве конкретного блага или услуги. Дефицит или избыток какого-либо продукта также может означать разные вещи в зависимости от того, кто является наблюдателем, и, с учетом конкретных обстоятельств, это может порождать совершенно разное поведение (попытку сократить спрос, создание замещающих благ, поиск новых возможностей, какие-то сочетания этих вариантов и т.п.). Итак, субъективный характер информации лишает смысла модель Гурвица, основанную на непрерывном диалоге или на непрерывной передаче информации, которая ошибочно считается объективной и где обмен происходит между субъектами (владельцами гипотетически рассеянного, но объективного знания) и центральным бюро планирования.

Во-вторых, с этим тесно связано то, что необходимое для человеческой деятельности знание в основном бывает *неявным* и неартикулируемым, о чем мы тоже уже говорили в главе 2. Если большую часть знания, которое человек использует, когда он действует, нельзя выразить словами, то вряд ли его возможно передать кому-либо объективным образом. Дело не просто в том, что экономические агенты очень по-разному понимают одни и те же цены или исторические условия торговли; дело в том, что эти цены сообщают некую информацию конкретным действующим субъектам потому, что у них в большей или меньшей степени есть общий запас практического, неартикулируемого знания об особенностях благ и услуг, обмен которыми породил эти цены, а также о множестве других обстоятельств, по мнению этих действующих лиц, субъективно значимых в контексте действий, в которых они участвуют. Например, вербализованная или формализованная часть информации, которую интерпретирует человек, когда узнает, что фунт картошки продается за 30 денежных единиц (вербально это выражается как «цена фунта картошки 30 д.е.»), составляет очень малую часть всего объема информации, которой владеет человек в контексте этого конкретного действия, информации, которую он знает, порождает и использует (в том числе информации о его желании купить картошку, о том, какого качества она бывает, о том, картошку какого качества обычно предлагает его поставщик, о том, что он очень хочет приготовить что-то с картошкой, о блюде, которое он планирует для праздничного ужина, о других блю-

дах, которые он подаст вместе с картошкой и о тысяче других подробностей)⁴⁴.

В-третьих, если посмотреть с более динамической точки зрения, то цена или набор цен сообщают нечто действующему субъекту только потому, что он погружен в какой-то проект или в какую-то деятельность, то есть принял решение достичь конкретных целей или идеалов, которые может представить себе во всей их полноте и сложности (и, соответственно, стремиться к ним) только он один. Человек верит в конкретный проект, представляет себе его и с энтузиазмом осуществляет его на основании субъективных ожиданий и чувств, которые практически не поддаются выражению и поэтому их нельзя передать никакому центру планирования. Предприниматель, который верит в свою идею и осуществляет ее, несмотря на все трудности, часто — в очень тяжелых условиях и вопреки мнению большинства, в конце концов может достичь своей цели и получить соответствующую прибыль. Цель, к которой он стремится, прибыль, на которую он рассчитывает, или истина, которую он ищет, не являются чем-то данным, чем-то, что можно ясно и определенно увидеть — это скорее что-то, о чем он догадывается, что он воображает себе или создает. Именно это *творческое напряжение* позволяет находить и создавать информацию, которая поддерживает существование общества и способствует его развитию. Творческое напряжение возникает из разнообразия, представленного на рынке,

⁴⁴ «Вербализованная информация, которую предоставляют цены, информативна исключительно потому, что цены существуют на фоне колоссального объема невербализованного знания, источником которого служит обширный опыт обычной производимой деятельности. Цена — это не просто число. Она указывает на относительную редкость данного конкретного блага или услуги, *прочие свойства и качества которых мы осознаем во вторую очередь*. Но стоит этим качествам измениться хотя бы чуть-чуть — и это может оказать существенное влияние на решения по поводу использования этого блага, а также на его цену. ...Хайек не считал, что цены (как числа) — это единственная информация, которую передает рынок. *Напротив, цены сами по себе могут передать какое-то знание только потому, что за ними стоит невербализованная информация, относящаяся к тем благам и услугам, о ценах на которые идет речь*» (Don Lavoie, *The Market as a Procedure for Discovery and Conveyance of Inarticulate Knowledge*, 32—33).

или, точнее, из разных мнений и интерпретаций одних и тех же фактов, событий и обстоятельств, которые, тем не менее, разные экономические субъекты толкуют по-разному. Теоретики планометрики пренебрегают этим творческим напряжением или явным образом исключают его из своих моделей, предназначенных для достижения априорной координации всей экономической системы и поэтому абсолютно не допускающих творческой реакции людей на стимулы, которые предоставляют рассогласованность⁴⁵. Неизбежный вывод из этого состо-

⁴⁵ В статье, о которой мы уже упоминали выше, Дон Лавой, вслед за Поланьи, проводит достойную внимания аналогию между ролью, которое невербализованное знание играет в области научных исследований и в сфере рынка. Он пишет: «Участники рынка не являются “пассивными ценополучателями” [price takers] и не могли бы ими быть, точно так же, как ученые не могли бы быть «получателями теорий» [theory takers]. И в том, и в другом случае предприниматель и ученый, несомненно, черпают поддержку в неоспоримых ценах и теориях, но главное в их деятельности то, что они *не соглашаются* с некоторыми рыночными ценами и научными теориями. Предприниматели (или ученые) активно не соглашаются с существующими ценами (или теориями) и стремятся реализовать собственные проекты (идеи), повышая или снижая цены (критикуя существующие теории). Исключительно благодаря сложноустроенному давлению, которое оказывает конкурентная борьба (или критика), делаются новые, жизнеспособные и продуктивные (или приемлемые с точки зрения науки) открытия и отбрасываются нежизнеспособные (неприемлемые с точки зрения науки). ...Без “давления”, которое такая личная заинтересованность оказывает на науку и рынок, обе сферы потеряли бы свою “определяющую рациональность”. Именно то, что репутация ученого — и богатство капиталиста — стоят *на кону*, побуждает их делать выбор в пользу какого-либо научного (производственного) направления или против него. Итак, частная собственность и личная свобода ученого играют аналогичную роль. Когда эти формы личной заинтересованности разрушаются, например, когда научная репутация и экономическое благополучие зависят от верности линии партии, а не от личного стремления к истине или от реализации того, что субъективно осознается как возможность извлечения прибыли, происходит подрыв двух этих великих достижений человечества, науки и развитой экономики» (Don Lavoie, *The Market as a Procedure for Discovery and Conveyance of Inarticulate Knowledge*, 34–35). Поланьи проводит ту же самую аналогию между рынком и научным прогрессом в статье: “The Republic of Science: Its Political and Economic Theory”

ит в том, что диалог, а также обмен рассеянной информацией между экономическими субъектами и центральным плановым органом в таком виде, как предлагает Гурвиц, теоретически невозможны. Это связано с двумя факторами: во-первых, в значительной степени у экономических субъектов нет того знания, которое должно передаваться⁴⁶, поскольку такое знание возникает только в ходе процесса свободного предпринимательства; во-вторых, они не могли бы передать знание, которым они владеют, поскольку оно носит по большей части неявный, невербализованный характер. Знания предпринимателя не выражаются в словах, это в большей степени «приемы мышления», которые могут применяться исключительно тогда, когда человек находится в контексте, типичном для рыночной экономики — и человек может научиться

in *Knowing and Being*, ed. Marjorie Grene (Chicago: The University of Chicago Press, 1969).

⁴⁶ Fritz Machlup, *Knowledge: Its Creation, Distribution and Economic Significance*, vol. 3, *The Economics of Information and Human Capital*, chap. 6, “New Knowledge, Disperse Information and Central Planning”. См. особенно с. 200, где Махлуп упоминает о том, что «знание о предпочтениях людей не просто рассеяно по миллионам умов и не просто постоянно меняется, но, кроме того, в нем слишком много пробелов, чтобы его можно было передавать в количественном виде или в виде цен. Описанная система планирования не может дать людям то, чего они хотят, потому что они сами не могут знать, чего хотят, если не знают, что они могут иметь. Постоянный поток инноваций в системе, основанной на свободном предпринимательстве, непрерывно меняет “производственные возможности”, в том числе связанные с новыми продуктами и с новыми качествами существующих продуктов. Надежные живым воображением предприниматели в предвкушении прибылей (временных) предлагают потребителям возможности, которые не существовали до того и которые, как ожидается, должны вызвать реакцию, отличную от тех, чьим символом является обычная модель рыночного равновесия или модели равновесия распределения ресурсов. Доступность новых продуктов резко отличает рыночную систему от схемы, когда центральный совет официально объявляет индикаторы уровня производства или цен, получая в ответ от общественности конкретные предложения по ценам или объемам производства. *Организованная система возвратно-поступательной обратной связи, позволяющая плановому органу принимать информированные решения, не оставляет места для феномена инновации*».

этим приемам только интуитивно, используя их на практике. То, что умы масштаба Эрроу и Гурвица не смогли понять главные особенности того типа знания, которое используют и создают экономические субъекты, и то, что эти умы не имеют понятия о наиболее фундаментальных принципах функционирования рынка, оправдывает резкость замечания, сделанного Хайеком в 1982 г. У него просто не было иного выбора, кроме как назвать обоих этих исследователей «безответственными», особенно за веру в то, что практическое, субъективное и невербализованное знание может передаваться посредством «диалога» между экономическими субъектами и центральным бюро планирования; по мнению Хайека, эта «бредовая» идея «достойно венчает весь фарс», который представляет собой планометрика⁴⁷.

В-четвертых, нам следует иметь в виду, что планометрические модели корректировки цен требуют, чтобы, после того, как информация передана центральному плановому органу, на то время, пока этот орган решает проблему оптимизации и рассылает экономическим агентам новую информацию о равновесных ценах, вся торговая и производственная деятельность прекращалась. Некоторые экономисты, например, Бенджамен Уорд, даже делают из этого нелепый вывод, что

⁴⁷ «Вероятно, именно влияние доктрины Шумпетера — в большей степени, чем прямое влияние Оскара Ланге — привело к возникновению обширной литературы по математическим исследованиям «процессов размещения ресурсов» (недавно в этой области вышел обобщающий труд: K. J. Arrow and L. Hurwicz, *Studies in Resource Allocation Processes*, Cambridge University Press, 1977). Насколько я понимаю, они обращаются с вымышленными «данными», никак не связанными с теми, которые реально доступны действующему индивиду, не менее безответственно, чем Ланге» (Hayek, “Two Pages of Fiction: The Impossibility of Socialist Calculation,” in *Economic Affairs* (April 1982), переиздано в: *The Essence of Hayek*, ed. Chiaki Nishiyama and Kurtz R. Leube (Stanford, California: Hoover Institution Press, Stanford University, 1984), 60. На с. 61 этой работы Хайек добавляет, что «*весь этот фарс достойно венчает бредовая рекомендация плановому органу: дать менеджерам конкретных заводов возможность, используя собственные специальные знания, установить на конкретные группы благ единые цены, которые будут действовать до тех пор, пока плановый орган не выяснит, растут ли при этих ценах запасы или уменьшаются*».

такая система гораздо эффективнее, чем реально существующая рыночная экономика, где постоянно происходят обмены по ценам, которые не совпадают с равновесными ценами и поэтому, с его точки зрения, являются «неправильными». То, что *реальные* цены рынка считаются «неправильными» из-за того, что они отличаются от каких-то никому не известных гипотетических «цен», которые существуют исключительно в затуманенном сознании теоретиков равновесия, мягко говоря, поразительно. Нелепо считать неправильным то, что существует и является результатом свободной человеческой деятельности, и ощущение нелепости усугубляется тем, что истинные равновесные «цены» невозможно установить в принципе. Кроме того, огромным преимуществом рыночного процесса по сравнению с планометрической моделью корректировки является как раз практическая возможность совершать якобы «неправильные» обмены. В планометрической модели все действия и обмены приостанавливаются на то время, пока информацию передают плановому органу и он решает соответствующую систему уравнений, а значит, все это время миллионы экономических агентов не могут находить и создавать новую информацию и миллионы действий остаются несовершенными, что наносит ущерб происходящим в обществе процессам корректировки, координации и развития. В отличие от этого, в ходе реального рыночного процесса, мотором которого является предпринимательство, несмотря на то, что равновесие никогда не достигается (таким образом, в этом смысле все акты обмена, происходящие в реальности, «неправильны»), постоянно порождается новая информация и все случаи рассогласованности или диспропорций обычно выявляются с помощью предпринимательской бдительности, а потом исправляются и корректируются. Главное преимущество реальных рыночных процессов по сравнению с планометрическими моделями «аукционера Вальраса» в том, что реальные процессы, несмотря на постоянные обмены, из которых не один не совершается по ценам равновесия (соответственно, в этом смысле реальные цены являются «неправильными»), хорошо работают и на практике, и с точки зрения теории, так как любой случай рассогласования или диспропорции создает стимул, необходимый для того, чтобы эти диспропорции были обнаружены и устранены с помощью предпринимательства. Таким образом, огромный объем информации создает-

ся и постоянно передается обществу в целом. Напротив, планометрическим моделям, чтобы они работали, требуется не только приостанавливать на определенное время человеческую деятельность и создание новой информации, но и полностью устранить творческую силу предпринимательства, которая является ключом к социальной координации⁴⁸.

⁴⁸ Benjamin N. Ward, *The Socialist Economy: A Study of Organizational Alternatives* (New York: Random House, 1967), 32—33. В этой работе Уорд время от времени мимоходом делает замечания об упрощенном характере этих математических моделей (в основном в связи с их статичным, линейным характером); однако он предполагает, что заторов на пути информации от различных секторов экономики к плановому органу не возникнет, потому что «в каждой итерации будет участвовать не больше — а в общем случае значительно меньше — чем n^2 данных для каждой единицы, где n — количество секторов» (р. 61). Тем не менее он добавляет, что если для завершения каждой итерации понадобится слишком продолжительное время, то процесс может быть остановлен до ее завершения, и результатом этого будет план, хотя и не оптимальный, но такой, который на практике будет «лучше» предыдущего состояния. Как отметил Дон Лавой, трудно поверить, что Уорд не осознает, что, предлагая такой вариант, он отказывается от самого главного обоснования необходимости процесса нащупывания по Вальрасу. Если экономические субъекты должны прекращать свою активность на то время, пока специалисты по линейному программированию калькулируют равновесное решение, которое будет воплощаться в жизнь, и если полученное таким образом решение является к тому же приблизительным и промежуточным, то зачем вообще затевать планометрический процесс, когда децентрализованные рыночные механизмы и соответствующие им правовые системы предлагают более точный результат, не требуя приостановки активности, не мешая созданию новой информации и к тому же, без дополнительных издержек на оплату труда планометрических теоретиков? См.: Don Lavoie, *Rivalry and Central Planning*, 99. Очень похожую ошибку совершает Эдмон Маленво, когда, начав с исследования процесса определения оптимального уровня производства общественных благ, он концентрируется на анализе итеративных процессов приближения к оптимальному равновесному решению для социалистической системы. См.: Edmond Malinvaud, “A Planning Approach to the Public Good Problem,” *The Swedish Journal of Economics* 73 (March 1971): 96—112; “Decentralized Procedures for Planning,” in *Activity Analysis in the Theory of Growth and Planning*, ed. E. Malinvaud and M. Bacharach (London: Macmillan, 1967). Чес-

В-пятых, основная фундаментальная слабость всех планометрических моделей связана с тем, что они минимизируют и тривиализируют проблему постоянных рыночных изменений, которые происходят в современной, сложноорганизованной экономике. В реальности современное общество не может позволить себе роскоши ждать, пока не будет найдено «решение» задачи программирования, которое должно повлиять на жизнь и деятельность всех его членов. Кроме того, такое решение невозможно теоретически, поскольку, с учетом невозможности передать и породить необходимую информацию, проблему нельзя даже начать рассматривать без диктаторского вмешательства и насилия по отношению к реальности. В качестве наглядного примера Майкл Элман ссылается на то, что потребовалось 6 лет, чтобы по заказу планового управления министерства черной металлургии СССР собрать информацию, необходимую для формулировки задачи по линейному программированию, и что для этого использовалось более 1 000 000 неизвестных и 30 000 ограничений⁴⁹. Как и подсказывает логика, «решение» этой задачи было чисто воображаемым, поскольку за 6 лет значимая информация резко поменялась (или должна была поменяться). Таким образом, к тому времени, как задача была решена, она полностью поменялась и найденное «решение» совершенно устарело. Поскольку у специалистов по планометрике нет нужной им информации, они будут вынуждены искать несуществующее равновесное решение наобум — искать и не находить, сталкиваясь с процессом непрерывных изменений. Поэтому вслед за Питером Бернгольцем, можно сделать вывод, что при использовании планометрической системы централизованного планирования в реальных условиях меняющейся экономики рациональный экономический расчет невозможен⁵⁰.

тно говоря, очень трудно понять, почему все эти исследователи с такой настойчивостью стремятся заменить бесконечное разнообразие и богатство социальной жизни людей на совершенно ригидную, холодную и механистическую модель.

⁴⁹ Michael Ellman, "Economic Calculation in Socialist Economies" in *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, 2: 31.

⁵⁰ «С учетом разнообразных и меняющихся производственных функций размер фирм и структура отраслей становятся проблемой. Новые товары и меняющиеся предпочтения также ставят проблему, какие фирмы и отрасли следует развивать, лик-

В-шестых, планометрические теоретики демонстрируют не только глубокое непонимание функционирования реальных рыночных процессов; они незнакомы с основными элементами теории компьютерных систем. Вспомним, что «информация», которую можно хранить в компьютере, полностью отличается от той, которую экономические субъекты сознательно используют на рынке. Одна — объективная и формальная «информация», другая — субъективная, неявная, практическая информация. Чисто логически, информацию второго типа, жизненно необходимую для решения экономических проблем, нельзя ни хранить с помощью компьютера, ни подвергать компьютерной обработке. Кроме того, очевидно, что ту информацию, которая еще не порождена экономической системой, тоже нельзя ни хранить, ни обрабатывать с использованием компьютерных процедур. Иными словами, и невербализованная, практическая информация, и существенная часть вербализованной информации являются результатом социального рыночного процесса, и, пока этот процесс не породил эту информацию, ее нельзя передавать и хранить в компьютерных системах хранения данных. Также — и это, может быть, самое главное — если исходить из того, что даже наиболее мощные компьютеры данного поколения могут использоваться децентрализованно самими экономическими субъектами (различными действующими субъектами, предпринимателями, агентствами и институтами), то становится ясно, что на уровне децентрализованного, персонального использования эти мощные машины создадут среду, где будет можно генерировать практическое невербализованное знание, которое будет несравненно более разнообразным, сложным и глубоким, чем сегодня, и сложность организации этой информации будет такова, что ее будет невозможно централизованно обрабатывать, используя компьютеры. Иными словами, вероятно,

видировать или создавать... В этих условиях Центральное бюро планирования в силу характера и сложности ситуации не сможет получать необходимую информацию для надежного планирования *ex ante*. *При использовании централизованного планирования рациональный расчет прерывается* (Peter Bernholz, "The Problem of Complexity under non Stationary Conditions" in "Information, Motivation and the Problem of Rational Economic Calculation in Socialism," in *Socialism: Institutional, Philosophical and Economic Issues*, ed. Svetozar Pejovich, 154).

компьютерная система может работать и отвечать за системы контроля, которые проще, чем она сама, но она определенно не сможет отвечать за системы или процессы, которые сложнее ее самой (и предлагать им решения), за системы, в которых сложность каждого из элементов в качественном отношении соответствует уровню сложности системы центрального бюро планирования. Наконец, очевидно, что ни один компьютер не может и никогда не сможет заниматься типично человеческой, предпринимательской деятельностью. Имеется в виду, что компьютер никогда не будет способен осознать, что какая-то часть объективной информации была неправильно интерпретирована и что, следовательно, существуют неиспользованные возможности извлечения прибыли. Компьютер будет не в состоянии придумать новые проекты, которые еще никому не приходили в голову. Компьютер не сможет создавать новые цели и средства, упорно заниматься чем-то немодным, мужественно бороться за успех компании, в которую никто не верит и т.п. В лучшем случае компьютер может быть мощным и полезным инструментом для обработки формальной «информации» и может облегчить предпринимательскую активность людей, как мы описали ее в главе 2, но компьютеры никогда не уничтожат и не заменят эту предпринимательскую активность⁵¹. На самом деле, информатика не только не поможет заменить сложноорганизованные процессы стихийной координации, функционирующие в экономике, более того, наоборот, когда информатика ощутит потребность в развитии теории, на помощь ей придет экономическая теория рыночных процессов. Действительно, теоретическое развитие в области

⁵¹ Ассар Линдбек пишет: «Очевидно, что компьютеры не могут отнять у рынков задачу генерирования информации (о потребительских предпочтениях и эффективных технологиях), а также задачу *создания* стимулов, поощряющих успешную деятельность, соответствующую предпочтениям потребителей». Он делает вывод: «Вероятность того, что компьютеры заменят децентрализованную рыночную конкуренцию и станут обрабатывать информацию и рассчитывать приближенные величины оптимального размещения ресурсов, чрезвычайно мала» (Assar Lindbeck, *The Political Economy of the New Left* [New York: Harper & Row, 1971]. Цит. по испанскому изданию: *La Economía Política de la Nueva Izquierda* [Madrid: Alianza Editorial, 1971]). В свете доводов, приведенных в тексте, я бы сказал, что она равна нулю.

информационных технологий, связанное с системами искусственного интеллекта и утопической концепцией «искусственного разума», показало, что к существенному прогрессу в этих сферах привел только глубокий анализ механизмов создания и передачи информации⁵².

Наконец, мы не можем завершить наши замечания по поводу планометрики, не подчеркнув еще раз, что использование в экономической науке математических методов может привести к большой путанице и существенному вреду, если не обращаться с ними крайне осторожно. Говоря конкретнее, математический метод подходит только для описания систем равновесия или, в лучшем случае, для описания грубых, монотонных и механических карикатур на реальные процессы изменений и творческого предпринимательства, происходящие на рынке. Кроме того, математический метод не позволяет формально выразить сущность предпринимательства, которое является основным ключевым элементом всей экономической и социальной жизни. Экономист, использующий математические элементы, постоянно подвергает себя риску поверив в то, что цены и издержки определяются пересекающимися кривыми и функциями, а не последовательностью конкретных человеческих действий и взаимодействий. В конце концов, он может поверить, что функции, с которыми он работает — реальны и познаваемы. У него может возникнуть представление, что информация, которую он рассматривает как данность исключительно в контексте моделирования, действительно существует в объективной форме где-то на рын-

⁵² См. в особенности: Don Lavoie, Howard Baetjer, and William Tulloh, “High-Tech Hayekians: Some Possible Research Topics in the Economics of Computation,” *Market Process* (George Mason University) 8 (spring 1990): 120—146, а также библиографию к этой статье. Мы не станем заниматься перечислением и рассмотрением пороков планометрической модели с точки зрения методологии, используемой самой экономической теорией равновесия, а также экономикой благосостояния. Критические возражения такого рода не имеют никакого значения по сравнению с фундаментальными аргументами, изложенными выше; кроме того, их можно найти в любом учебнике, посвященном этой теме, например: John Bennet, *The Economic Theory of Central Planning*, chap. 2. См. также статью: D. F. Bergum, “Economic Planning and the Science of Economics,” *American Economic Review* (June 1941).

ке и, соответственно, ее можно собрать. В свете того влияния, которое математический метод обычно оказывал на различные сферы экономической теории, особенно в случае рассмотренных нами предложений, касавшихся экономического расчета при социализме, начинаешь задумываться над тем, чего этот метод принес больше нашей науке: вреда или пользы⁵³. Аргументация Мизеса и Хайека в защиту рыночной экономики и против социализма коренным образом отличается от тех рассуждений, которые экономисты «благосостояния» — приверженцы математических методов используют для оправдания «частного предпринимательства»; основой рассуждений последних служит «совершенная конкуренция» как выражение идеала эффективности по Парето. Наш основной аргумент состоит не в том, что конкуренция создает «оптимальное» сочетание ресурсов, а в том, что это динамический процесс, развивающийся благодаря энергии реальных людей, процесс, обеспечивающий в обществе корректировку и координацию. Главный аргумент — не в том, что система «совершенной конкуренции» лучше, чем монополярная система, а в том, что рынки и человеческая деятельность, не стесненная принуждением, обеспечивают координацию. Поэтому наша позиция действительно радикально *отличается* от стандарт-

⁵³ Как пишет Мизес: «Экономист математического направления, ослепленный предубеждением, что экономическая наука должна строиться по образцу ньютоновской механики и быть доступной для изучения с помощью математических методов, абсолютно неверно истолковывает предмет своих исследований. *Теперь он имеет дело не с человеческой деятельностью, а с бездушным механизмом, приводящимся в действие непостижимыми силами, не доступными для дальнейшего анализа.* В идеальной конструкции равномерно функционирующей экономики, разумеется, нет места для предпринимательской функции. *Таким образом, экономист-математик не включает предпринимателя в свое учение.* Он не испытывает необходимости в этом инцидаторе и возмутителе спокойствия, никогда не прекращающееся вмешательство которого мешает идеальной системе достигнуть состояния совершенного равновесия и статических условий. *Он ненавидит предпринимателя как возмущающий элемент. Цены факторов производства в представлении экономиста-математика определяются пересечением двух кривых, а не человеческой деятельностью»* (Mises, *Human Action*, 702 [Мизес. Человеческая деятельность. С. 657] [Курсив мой. — У. de С.]).

ного подхода учебников по микроэкономике, который мы по всем изложенным выше причинам считаем несущественным и ошибочным, вне зависимости от того, считать ли его позитивным анализом реальной экономики или нормативным анализом того, как она должна функционировать. Самым ярким признаком того, что «теория благосостояния» ошибочна, является то, что, как это ни странно, она породила представление, что с помощью ее моделей и методов механизм размещения ресурсов может быть построен в плановой экономике, где нет рынка. Экономическое равновесие и теория благосостояния, которые вначале представляли собой дескриптивную, позитивную теорию функционирования рынка, пришли к тому, что стали, посредством своих математических методов и моделей, инструментом продвижения системы экономического расчета, уничтожающей рыночный процесс и его главную особенность: предпринимательство⁵⁴.

⁵⁴ Вероятно, первым теоретиком равновесия, признавшим радикально иной характер доводов Мизеса и Хаека в пользу рынка, был Ричард Нельсон; см.: Richard R. Nelson, "Assessing Private Enterprise: An Exegesis of Tangled Doctrine," *Bell Journal of Economics* 1, no. 12 (spring 1981). Мы согласны с Нельсоном в том, что «ортодоксальная» теория благосостояния бесполезна, но не разделяем его мнения, что теории Хайека, в частности, и австрийской школы вообще, хотя и важны, но находятся на очень ранней стадии развития. Это утверждение имеет смысл, только если считать «развитой» любую теорию с высоким уровнем формализации, даже если она неверна и бесполезна, а также если пренебречь важным вкладом австрийской школы во все сферы экономической науки. Как мы упоминали в сноске 2, даже Марк Блауг сумел полностью осознать фундаментальные различия между австрийской и неоклассической парадигмой, а также бесполезность последней.

Глава VI

ОСКАР ЛАНГЕ

И «КОНКУРЕНТНОЕ РЕШЕНИЕ»

В этой и в следующей главе мы рассмотрим различные попытки социалистических экономистов сформулировать «конкурентное решение» проблемы экономического расчета при социализме. С учетом этого в данной главе мы ставим перед собой две цели: во-первых, мы сделаем несколько вступительных замечаний по поводу того, какое место занимают наиболее существенные следствия из этой новой модели в общем контексте спора, а также рассмотрим исторические корни этой идеи; во-вторых, мы тщательно изучим то «решение», которое предложил Оскар Ланге. Хотя, вероятно, может показаться, что мы уделяем Ланге слишком много внимания и места, его идеи — а они из идей социалистических теоретиков известны лучше всего и на них чаще всего ссылаются — подверглись настолько неверной интерпретации, что подробный и тщательный их анализ абсолютно необходим. Мы завершим наше исследование «конкурентного решения» в следующей главе, где изучим, в частности, идеи Диккинсона, Дурбина и Лернера.

1. Вступительные замечания

Все варианты так называемого «конкурентного решения» являются, в большей или меньшей степени, попыткой создать нечто вроде «квазирынка» (как выражался Мизес), на котором поведение экономических субъектов напоминает поведение экономических субъектов в капиталистической системе настолько, насколько это возможно. Рассматривая разные предложения, мы увидим, что они обычно носят двусмысленный и неопределенный характер, и в той мере, в какой рекомендуемые системы остаются социалистическими, то есть систематически ограничивают свободное предпринимательство с помощью принужде-

ния, в этих предложениях не содержится ответа на изначально поставленный Мизесом и Хайеком вопрос о том, каким образом экономический расчет возможен тогда, когда необходимая для этого информация не создается.

Мы также увидим, что имеется два основных типа «конкурентных решений». Первый включает простые, вспомогательные решения, направленные на обеспечение возможности алгебраического расчета цен равновесия, предусмотренных математическим решением, которое мы проанализировали в предыдущей главе. Ко второму относятся полностью автономные решения, стремящиеся соединить лучшие черты двух систем, социализма и капитализма, посредством «рыночного социализма». Рыночный социализм в его наиболее смягченной форме трудно отличить от демократического социализма, или социальной демократии, а в наиболее «оригинальной» форме он представляет собой попытку найти «квадратуру круга», то есть решить все проблемы общества.

Пока, во всяком случае, нужно подчеркнуть, что широкая поддержка социалистическими теоретиками идеи «конкурентного решения» представляет собой не что иное, как неявное признание верности исходной позиции Мизеса 1920 г., то есть тезиса о невозможности экономического расчета в социалистических экономиках. Иными словами, атака австрийцев в лице Мизеса и Хайека на социализм привела к таким разрушениям, что социалистические теоретики были вынуждены отойти на (довольно слабо укрепленную) вторую линию обороны, построенную на ключевых элементах как раз той экономической системы, которую они так ненавидели и которой желали гибели. Как показал Фриц Махлуп, на самом деле победа Мизеса была настолько подавляющей, что в наше время никто ни теоретически, ни практически не сомневается в том, что в отсутствие децентрализованной системы цен планирование невозможно. Несмотря на это, большинство теоретиков, мягко говоря, все еще проявляют загадочное нежелание признать ценность достижений Мизеса. Кроме того, они пока не вполне поняли суть его открытия и не отреагировали на него; между тем, оно состоит в теоретическом доказательстве того, что в системе, где отсутствуют частная собственность на средства производства и свобода предпринимательства, практическая, рассеянная, субъ-

ективная информация, которая обеспечивает координацию в обществе, не может быть создана¹.

Неудивительно поэтому, что главные представители австрийской школы, участвовавшие в споре, подчеркивали принципиальную важность того, что их оппоненты - социалисты отказались от традиционного для них представления, будто бы система централизованного планирования, которое осуществляет правительственный орган, — это единственный «рациональный» способ организации общества, и, совершив поворот на 180 градусов, начали с различной степенью энтузиазма рекомендовать возврат к конкуренции². Итак, по мнению Мизеса³, доказательство того, что при социалистическом режиме

¹ «При нынешнем состоянии спора те, кто пишет о теории или практике централизованного экономического планирования, больше не сомневаются, что ценовой механизм представляет собой необходимый инструмент для планирующего органа. По этому пункту точка зрения Мизеса явно одержала победу, как и по другому: сегодняшние сторонники планирования явным образом выступают за “децентрализованные” процедуры» (Fritz Machlup, “The Economics of Information and Human Capital,” vol. 3 of *Knowledge: its Creation, Distribution and Economic Significance*, 191). На с. 190 читаем: «...эта полемика не затрагивала сути позиции Мизеса. Вопрос не в том, возможен ли расчет (в том числе практически) при условии доступности всех “данных”, а в том, могут ли значимые данные быть доступными центральному плановому органу. Суть открытия Мизеса состоит в том, что информацию, необходимую для рационального централизованного планирования, невозможно получить, и что для рационального размещения ресурсов нужны и сами продукты, и рыночные цены на находящиеся в частной собственности средства производства».

² Trygve J. Hoff, *Economic Calculation in the Socialist Society*, 238. Хофф пишет даже, что некоторые варианты «конкурентного решения» вообще находятся за пределами строгого определения социализма и соответственно, на них даже не следует реагировать. Утверждение Хоффа не оправдано в контексте нашего определения социализма (как любой системы институциональной агрессии против свободного предпринимательства), которое является одновременно широким и точным, и потому позволяет нам использовать сформулированные выше возражения против социалистической системы во всех тех случаях, когда агрессия такого типа совершается в любой, сколь угодно малой степени по отношению к любой социальной сфере.

³ «То, что интеллектуальные лидеры социализма сейчас занимаются разработкой проектов социалистической системы, в которой

экономический расчет невозможен, завоевало умы со скоростью, не имеющей себе равных в истории экономической мысли; социалисты были не в состоянии уклониться от признания своего окончательного поражения и перестали проповедовать традиционное марксистское учение о том, что социализм превосходит капитализм тем, что он позволяет обходиться без рынка,

сохраняются рынок, рыночные цены на факторы производства и катаклическая конкуренция, представляет собой не что иное, как полное признание правильности и неопровержимости анализа экономистов и уничтожающей критики социалистических планов. Необыкновенно быстрый триумф наглядного доказательства того, что в социалистической системе невозможен никакой экономический расчет, не имеет прецедентов в истории экономической мысли. Социалисты не могут не признать своего окончательного сокрушительного поражения. Они больше не заявляют, что социализм несравненно лучше капитализма, так как устраняет рынки, рыночные цены и конкуренцию. Напротив, сейчас социалисты стремятся оправдать социализм, указывая на то, что эти институты можно сохранить и при социализме. Они разрабатывают планы социализма, в котором присутствуют цены и конкуренция» (Ludwig von Mises, *Human Action*, 706 [Мизес. Человеческая деятельность. С. 661]). Между прочим, когда Мизес писал эти слова в 1949 г., они могли показаться чересчур смелыми, но они оказались пророческими, и спустя сорок лет история, по признанию известного ученика Оскара Ланге, социалиста Роберта Хейлбронера, подтвердила правоту Мизеса: «Менее, чем через 75 лет после официального старта, соревнование капитализма и социализма закончилось. *Капитализм победил*. СССР, Китай и Восточная Европа дали нам неопровержимейшее доказательство того, что капитализм устраивает материальные дела людей лучше, чем социализм. ... Действительно, наблюдая за происходящим сегодня в мире, трудно не прийти к заключению, что верблюд капитализма просунул морду в палатку социализма так глубоко, что главный вопрос сегодня состоит в том, как быстро произойдет трансформация социализма в капитализм, а не наоборот, как это казалось еще 50 лет назад» (*The New Yorker*, January 23, 1989). См. также: Robert Heilbroner, "Analysis and Vision in the History of Modern Economic Thought", *Journal of Economic Literature* 28 (September 1990): 1097–1114, esp. pp. 1097, 1110–1111. Хейлбронер приходит к выводу о том, что «социализм был величайшей трагедией нашего века» и «Мизес был прав». См. также интервью Роберта Хейлбронера Марку Скоузену от 18 апреля 1991 г. Это интервью опубликовано в 1991 г. журнале *Liberty* (vol. 4, no. 6 (July 1991): 45–50, 63). (Сокращенный вариант этого увлекательного интервью опубликован в *Forbes* [May 27, 1991].)

цен и конкуренции. Наоборот, теперь они с комической серьезностью стремятся оправдать социализм тем, что он позволяет сохранить рынок, и даже пытаются доказывать, что рынок и капитализм являются различными и не обязательно связанными друг с другом экономическими категориями⁴.

В статье 1935 г., посвященной тогдашнему состоянию полемики⁵, и в работе 1940 г., которую он специально посвятил

⁴ Именно в текстах Оскара Ланге мы впервые сталкиваемся с трагикомическими усилиями теоретиков «рыночного социализма», направленными на то, чтобы убедить своих попутчиков-социалистов и общественность в том, что «рынок» — это институт, не имеющий ничего общего с капитализмом, и при социализме его можно использовать в качестве инструмента. Действительно, Ланге даже писал, что рынок «это древний институт, который настолько типичен для капитализма, что его часто смешивают с капитализмом, но на самом деле он значительно старше капитализма», а «цены и деньги, кроме того, что они типичны для современного капитализма, являются институтом, который следует сохранить в социалистическом обществе» (Lange, “The Economic Operation of a Socialist Society: I & II,” *Contributions to Political Economy*, no. 6 [1987]: 7, 13.) Современные «рыночные социалисты» повторяют это, как попугаи. См., напр.: *Market Socialism*, ed. by Julian Legrand and Saul String (Oxford: Clarendon Press, 1989). В своем блестящем критическом анализе рыночного социализма *Market Socialism: A Scrutiny. This Square Circle* (London: Institute of Economic Affairs, Occasional Paper 84, 1990), Энтони де Ясаи иронически описывает позицию «рыночных социалистов» в этом пункте следующим образом: «Апологеты капитализма узурпируют рынок, присваивая его, как если бы функционирование рынка — эффективного института — зависело от капитализма — отвратительной системы отчуждения. Однако представление о том, что рынок и капитализм тесно связаны, — это всего-навсего ловкий трюк. Традиционные социалисты попадают на него и считают, что они не любят рынки и не доверяют им, тогда как на самом деле они отвергают капитализм. В этом смешении проявляется их неспособность понять, что рынок можно научить обслуживать социалистические цели, подобно тому, как сегодня он обслуживает капиталистические цели. Действительно, хотя такие авторы и не говорят этого прямо, они неявно рассматривают рынок как нейтральный инструмент в руках его политического повелителя, который может использовать его для создания такого общества, какое пожелает».

⁵ «Многие социалисты более молодого поколения, серьезно изучавшие сопряженные с социализмом экономические проблемы, оставили веру в централизованно планируемую экономическую

критике «конкурентного решения», Хайек, в типичной для него изысканной манере, не смог удержаться от того, чтобы сделать по этому поводу несколько саркастических замечаний⁶. Хайек привлекает внимание к важности того, что молодые социалисты, добросовестно и серьезно изучившие экономические проблемы, которые ставит социализм, отказались от мыслей о потенциальной работоспособности экономики, основанной на централизованном планировании, и вместо этого доказывали, что конкуренцию можно сохранить, даже когда частная собственность на средства производства будет уничтожена. Таким образом, они расстались с традиционным марксистским представлением о том, что планирование не просто является противоположностью конкуренции, но что его главная цель состоит в том, чтобы устранить конкуренцию, тем самым обеспечив реализацию истинно социалистического «идеала».

2. Исторические корни «конкурентного решения»

До того, как Ланге, Диккинсон, Дурбин и Лернер изящно изложили свои варианты «конкурентного решения», похожие идеи

систему и возложили надежды на то, что конкуренцию можно сохранить, даже если будет отменена частная собственность» (F. A. Hayek, “The Present State of the Debate” in *Collectivist Economic Planning*, 238 [Хайек Ф. Экономический расчет при социализме II: состояние дискуссии (1935) // Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. С. 174]).

⁶ «С первым и наиболее общим вопросом можно разобраться достаточно быстро, хотя он весьма важен, если иметь намерение видеть новые предложения в правильном свете. Это просто напоминание о том, сколько первоначальных претензий на превосходство планирования над конкуренцией отбрасывается, если плановое общество теперь должно в большой мере полагаться на конкуренцию в управлении своими отраслями. Вплоть до недавнего времени по крайней мере, планирование и конкуренция обычно считались противоположностями, и это бесспорно все еще верно в отношении почти всех сторонников планирования, кроме немногих экономистов из их числа» (F. A. Hayek, “Socialist Calculation III: The Competitive Solution” in *Individualism and Economic Order*, 186 [Хайек. Экономический расчет при социализме III: конкурентное решение // Хайек. Индивидуализм и экономический порядок. С. 181]).

развивали и другие теоретики, по-английски и по-немецки, хотя и в менее завершённом и довольно корявом виде. В странах немецкого языка теоретическое развитие в этой области началось в 1920-е годы в ответ на фундаментальную статью Мизеса; этим занимались главным образом Эдуард Хейман и Карл Поланьи. Их объединяло то, что оба отстаивали решение, предполагавшее некоторый уровень «конкуренции» между монополиями и трестами, которые, находясь под надзором профсоюзов или государства, должны были стать основой экономической организации социализма. За исключением нескольких замечаний Роупера на эту тему, на английском первоначально было очень мало работ о «конкурентном решении», и то, что Мизес и Хайек обсуждали и критиковали его до того, как были опубликованы утонченные работы Ланге, Диккинсона, Дурбина и Лернера, показывает, что эта концепция, вероятно, формировалась в устной традиции, на семинарах, по мере того как последствия спора становились все более серьезными. Этим объясняется также то, почему многие из идей, которые упомянутые исследователи позднее включили в свои работы, уже «носились в воздухе» академического мира за несколько лет до их публикаций.

Идеи Эдуарда Хеймана и Карла Поланьи

Эдуард Хейман был одним из первых теоретиков, кто писал по-немецки о «конкурентном решении», конкретно — в книге 1922 г. «Прибавочная стоимость и коллективная экономика: критические и положительные замечания о теории социализма»⁷. Хейман понимает ключевое значение цен и рынка, но стремится во что бы то ни стало создать социалистическую систему. Он пытается разрешить это противоречие с помощью того, что он называет *freundlichen Wettbewerb* [мирной, или дружеской, конкуренцией]. Такая упорядоченная и подконтрольная «конкуренция» могла бы существовать между менеджерами разных предпринимательских и отраслевых организаций, на которые, согласно Хейману, была бы разделена экономическая система. Во всяком случае, Хейман, социалист с христи-

⁷ Eduard Heimann, *Mehrwert und Gemeinwirtschaft: Kritische und Positive Beiträge zur Theorie des Sozialismus* (Berlin: Robert Englemann, 1922).

анскими корнями, продолжает испытывать серьезные сомнения насчет того, совместимы ли в конечном счете конкуренция и социализм. Его научная честность не подлежит сомнению, так как он признает значительные преимущества капиталистической конкуренции; он также был одним из первых теоретиков, кто, вскоре после самого Маркса, признал серьезность проблемы экономического расчета, которая неизбежно затрагивает всякую социалистическую систему. Тем не менее Хейман придерживается мнения, что если бы у менеджеров разных отраслевых монополий просто были разные цели, идеалы и интересы, то результат их деятельности был бы таким же «конкурентным», как и тот, который непрерывно производит настоящая рыночная экономика. Он полагает, что так можно было бы избежать проблем с экономическим расчетом и сохранить конкурентную систему даже в отсутствие частной собственности на средства производства и при эгалитарном распределении дохода. Кроме того, Хейман предлагает отменить арендную плату, проценты с капитала и дивиденды и направлять их прямо центральному органу принуждения. Наконец, менеджеры отраслевых монополий получают указание держать цены на уровне издержек, и у них в принципе не будет возможности использовать ту власть монополистов, которую обеспечивает им их положение.

В своем подробном критическом анализе предложений Хеймана Георг Хальм отметил⁸, что «конкуренция» между менеджерами отраслевых монополий будет конкуренцией в кавычках. Невозможно представить, как менеджеры отраслевых монополий смогли бы оценить свои издержки, не только из-за запрета на свободную конкуренцию и предпринимательство внутри каждой отрасли, но и потому, что ключевым фактором для определения издержек являются нормы амортизации, которые рассчитываются, исходя из ставки процента, которая не была бы в данном случае результатом конкурентного процесса, а устанав-

⁸ См. критический анализ позиции Хеймана в: *Collectivist Economic Planning*, p. 189–200. На этих страницах находится раздел 25 опубликованной в этом сборнике статьи Георга Хальма. Статья называется «Некоторые дополнительные замечания о возможности корректного расчета в социалистическом сообществе» (Georg Halm, “Further Considerations on the Possibility of Adequate Calculation in a Socialist Community”); Хайек включил ее в сборник потому, что хотел, чтобы Хальм обобщил состояние дел в этой области в контексте полемики в германской академической среде до 1935 г.

ливалась бы — совершенно произвольно — центральной властью. Кроме того, Хейман не понимает, что суть работы рынка состоит в осуществлении предпринимательства, и только оно обеспечивает возможность непрерывно искать и создавать практическую информацию, необходимую для экономического расчета в каждом конкретном случае. В модели Хеймана запрет на свободное предпринимательство охватывает очень широкую сферу экономической жизни, и, таким образом, его модель не допускает создания этой информации и не решает проблему экономического расчета. Непонятно, как менеджеры различных монополий смогут действовать подобно предпринимателям, не только потому, что они не смогут получить предпринимательскую прибыль (которая будет исключена по определению, и, соответственно, не будет работать как предпринимательский стимул, поощряющий их находить и создавать необходимую для экономического расчета информацию), но и потому, что они не смогут развивать конкуренцию даже внутри отрасли.

За десять лет до Хальма Мизес уже указал⁹ на то, что предложения Хеймана отличаются крайней неопределенностью, в основном потому, что он не объясняет характер связи, которая будет существовать между разными промышленными группами и государством (или центральным плановым органом). Ведь если разные монополизированные отрасли ведут себя как настоящие собственники средств производства, то мы получим систему синдикалистского типа, подобную той, с которой экспериментировали в Югославии, со всеми ее пороками и с характерным для такой системы отсутствием координации. В то же время, если профсоюзные организации будут выполнять исключительно управленческую функцию, а конечная ответственность за экономическую координацию системы в целом будет лежать на государственном центре планирования, то типичные проблемы с экономическим расчетом, подробно описанные Мизесом, расцветут во всей красе. Итак, теоретически невозможно предсказать себе конкуренцию «контролируемого и мирного типа», отличную от свободной конкуренции. Конкуренция либо есть,

⁹ Мизес критиковал Хеймана в статье “Neue Beiträge zum Problem der Sozialistischen Wirtschaftsrechnung,” *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, no. 51 (1924): 488—500. Расширенная версия этой статьи включена в приложение к книге Мизеса *Socialism*, 475—478 [Мизес. Социализм. С. 330—332].

либо ее нет, в зависимости от того, есть свобода предпринимательства или ее нет (кроме того, как мы объяснили в главе 2, она всегда подчиняется традиционным принципам частного права), и предложения Хеймана могли бы иметь смысл только в статичном, нереальном мире, в котором не происходит никаких изменений и доступна вся информация, необходимая для экономического расчета. Наконец — и это возражение Мизеса, которое систематически и демонстративно игнорировали теоретики «рыночного социализма» следующего поколения, является чрезвычайно важным — нелепо считать, как Хейман, что цены можно определить в терминах издержек. С точки зрения Мизеса, эта идея абсурдна не только потому, что издержки абсолютно субъективны и их можно оценить исключительно в контексте конкретной деятельности, неявно и «предпринимательски», но также потому, что те денежные издержки, которые рассматриваются во время личных экономических расчетов, это просто оценки цен на факторы производства (и это значит, что их нельзя ни «объективно» передать в бюро планирования, ни сгенерировать непосредственно в этом органе), и поэтому любое предложение определять цены с помощью издержек — это всегда пример рассуждений в кругу, неспособных разрешить проблему экономического расчета.

Карл Полян¹⁰ в статье 1922 г. об экономическом расчете при социализме¹¹ переходит от заявления о невозможности

¹⁰ Карла Полян¹⁰ (1886—1964) не следует путать с его братом Майклом Полян¹⁰, который, как мы видели, был одним из создателей теории о том, что неявный, рассеянный характер знания делает экономический расчет невозможным в любой системе, где люди не могут свободно действовать или заниматься предпринимательством. Может показаться странным, что два брата занимали противоположные позиции, однако то же самое относится к Людвигу фон Мизесу и его брату Рихарду; Рихард разработал позитивистскую концепцию вероятности и защищал применение математических и статистических методов в общественных науках, что Людвиг всегда резко осуждал. Разница в теоретических взглядах в обоих случаях повлияла на личные отношения между братьями; и братья Полян¹⁰, и братья Мизес¹⁰ относились друг к другу довольно холодно и отчужденно.

¹¹ Предложение Карла Полян¹⁰ изложено в его статье “Sozialistische Rechnungslegung,” *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, no. 49 (1922): 377—420. Позже Карл попытался ответить на критику, в основном со стороны Мизеса и Феликса Вайля, в дру-

экономического расчета в системе централизованного планирования к туманной идее «гильдейского социализма», где «собственностью» на средства производства будет обладать центральное бюро планирования, в то время как правом использовать продукцию, потребительские блага и услуги будут обладать гильдейские производственные ассоциации. Поланьи, подобно Хейману, предлагает двусмысленное решение, а также, подобно Хейману, не сообщает, кому будет принадлежать окончательное право принятия решений: центральному органу принуждения или гильдейским ассоциациям. Если право окончательного решения принадлежит центральному плановому органу, тогда перед нами вновь возникает проблема, как получить рассеянное знание, недоступность которого препятствует экономическому расчету в централизованных системах. С другой стороны, если окончательные решения принимают профессиональные синдикалистские организации, использующие систематическое принуждение по отношению к своим членам, то тогда мы имеем дело с разновидностью синдикалистского социализма, который неспособен ни к какой координации¹².

Первые критические возражения Мизеса, Хайека и Роббинса против «конкурентного решения»

Перейдем теперь к англоговорящей научной среде. До работ Ланге, Диккинсона, Дурбина и Лернера, за исключени-

гой статье, опубликованной в том же журнале, no. 52 (1924): 218—228. Эта статья называлась “Die Funktionelle Theorie der Gesellschaft und das Problem der Sozialistischen Rechnungslegung (Eine Erwiderung an Prof. Mises und Dr. Felix Weil)”.

¹² Критика предложений Карла Поланьи в основном исходила от Мизеса; с ней можно ознакомиться в тех же статьях, где он критикует Хеймана (см. сноску 9). В книге Мизеса *Socialism* критике Поланьи посвящены с. 473—475 (англ. изд.) [Мизес. Социализм. С. 329—330]. См. также критическую статью Феликса Вайля: Felix Weil, “Gildensozialistische Rechnungslegung. Kritische Bemerkungen zu Karl Polanyi ‘Sozialistische Rechnungslegung’; in diesem Archiv 49/2, s. 377ff.,” *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, no. 52 (1924): 196—217. Хофф (Hoff, *Economic Calculation in the Socialist Society*, 243) отмечает, что Феликс Вайль назвал предложение Карла Поланьи «невозможным и даже бессмысленным».

ем кратких замечаний У. Роупера¹³, по-английски мало что было написано о «конкурентном решении». Однако, как мы уже отмечали, в научных кругах имела хождение относительно развитая доктрина на этот счет, давшая Мизесу и Хайеку возможность высказать ряд критических замечаний по отношению к предложениям такого рода. Первые замечания в связи с «конкурентным решением» принадлежат Мизесу; они опубликованы в посвященном «искусственному рынку» разделе его книги «Социализм», вышедшей по-немецки в 1922 и переведенной на английский (а также расширенной) в 1936 г. Мизес считает рынок «фокусом» и сутью капиталистической системы, и полагает, что рынок может расцвести только при капитализме, а при социализме невозможно «искусственно» симитировать ни рынок, ни конкуренцию. То, как Мизес обосновывает это утверждение, целиком и полностью согласуется с тем, как мы в главе 2 объясняли координирующий характер предпринимательства, а также показывает, что, хотя между 1920 г., временем опубликования исходной статьи, и 1922 г., когда он написал книгу (исправленную и дополненную для издания, вышедшего по-английски в 1936 г.), его идеи не изменились, он стал намного лучше формулировать их в письменном виде.

Действительно, как мы уже видели, Мизес утверждает, что именно предприниматель создает необходимую для экономического расчета практическую информацию. Он пишет: «Именно спекулирующие капиталисты [то есть предприниматели] создают данные, к которым он должен приспособивать свой бизнес, и которые, соответственно, определяют направление его торговых операций»¹⁴. Однако, информацию можно создать, обнаружить или «увидеть», только если предприниматель преследует какую-либо цель, которая стимулирует его на поиск этой информации. Таким образом, стимулом является цель или прибыль, которой предприниматель

¹³ Willet Crosby Roper, *The Problem of Pricing in a Socialist State*. См. с. 60 и 62, где он рассуждает о необходимости сохранения конкуренции и прямо говорит, что степень эффективности, которой можно ожидать от социалистической системы, будет зависеть от степени, в какой эта система сможет имитировать конкуренцию, присущую капиталистическому режиму. См. также сноску 30 в главе 5.

¹⁴ Ludwig von Mises, *Socialism*, 121 [Мизес. Социализм. С. 94].

стремится достичь посредством своей деятельности; если права собственности не признаются и, соответственно, предприниматель не может достичь своей цели или получить прибыль, то он и не будет порождать необходимую для экономического расчета информацию, так что и типичный для рыночной экономики процесс координации не будет запускаться. Мизес пишет: «Без стремления предпринимателей... к прибыли... об успешном функционировании всего механизма не приходится и думать... Ибо движущей силой всего процесса, который порождает рыночные цены на факторы производства, является неустанное стремление части капиталистов и предпринимателей к максимизации прибыли...»¹⁵ Поэтому невозможно отделить рынок и его типичные функции — относящиеся к ценообразованию и способности координировать отдельные действия его участников — от института частной собственности на средства производства. Иными словами, с того момента, как частная собственность на средства производства отменяется, бесполезно требовать от менеджеров компаний, чтобы они вели себя как предприниматели, потому что они оказываются «во мраке неведения» сразу, как только утрачивают возможность достигать того, что они субъективно оценивают как свою потенциальную прибыль¹⁶.

Кроме того, с точки зрения Мизеса, гипотетическому «государственному банку» бессмысленно распределять свои ресурсы между теми менеджерами, которые предлагают наиболее высокую «прибыль». «Такое положение дел просто означает, что капитал для расширения своих начинаний получают наименее осторожные и наиболее оптимистичные управляющие, а более осторожные, склонные к сомнениям, останутся с пустыми руками. При капитализме капиталист принимает решение, кому доверить свой собственный капитал»¹⁷. Следовательно, этот процесс основан не на том, чтобы предложить максимально высокую прибыль, а на практической информации, которая генерируется на капиталистическом рынке, когда

¹⁵ Ludwig von Mises, *Socialism*, 119 [Мизес. Социализм. С. 93].

¹⁶ «Если исчезает надежда на прибыль, механизм рынка теряет главную пружину, ибо только эта надежда приводит его в движение и поддерживает его работу» (Mises, *Socialism*, 119 [Мизес. Социализм. С. 93]).

¹⁷ Ludwig von Mises, *Socialism*, 121 [Мизес. Социализм. С. 95].

предприниматели действуют соответственно своим представлениям о будущем, движимые *психологическим напряжением*, возникающим между их желанием получить прибыль и тем, как они субъективно оценивают свои шансы понести убыток. На свободном рынке менеджер, по сравнению с предпринимателем, находится в принципиально иных условиях и никогда не будет иметь доступа к той же практической информации, что предприниматель; поэтому в социалистической системе окончательное «предпринимательское» решение будет принимать центральный орган планирования, который уполномочен решать, кто получит соответствующие фонды и ресурсы. Как нам уже известно, центральный орган в принципе не может получить практическую информацию, которая необходима ему, чтобы действовать рационально. Мизес делает вывод, что существует «альтернатива: *либо социализм, либо рыночная экономика*», но считать промежуточным «решением» «рыночный социализм» совершенно нереально¹⁸.

В последних пяти разделах (то есть на 25 страницах) своей статьи 1935 г., посвященной «текущему состоянию спора», под заголовком «псевдоконкуренция» Хайек критикует и модели, предложенные исследователями, писавшими по-немецки, которые мы подробно описали, когда говорили о Хеймане и Поланьи, и другие проекты «рыночного социализма», которые устно формулировали социалистические экономисты младшего поколения из лондонских экономических кругов (проекты, которые на тот момент еще не были опубликованы).

Анализируя «лежащую в русле германской традиции» модель конкуренции отраслевых монополий, каждая из которых должна придерживаться правила соответствия цены издержкам, а конкретно, производить такое количество продукции, при котором предельные цены совпадают с издержками, Хайек повторяет и расширяет сформулированные первоначально Мизесом, Хальмом и Вайлем аргументы, которые мы приводили в ответ на предложения Хеймана и Поланьи. Хайек отмечает, что когда межотраслевая конкуренция запрещена, внутри каждого сектора исчезает возможность появления необходимой для экономического расчета информации о ценах и издержках. Кроме того, он критикует идею о том, что

¹⁸ Ludwig von Mises, *Socialism*, 123 [Мизес. Социализм. С. 96].

издержки можно использовать в качестве ориентира для установления цен или для определения объема производства. Дело не только в том, что цены субъективны и могут быть установлены только в контексте рынка, где можно корректно оценить все потенциальные возможности, от которых человек отказывается, когда начинает действовать; существенно также то, что издержки всегда зависят от будущих ожиданий. Как говорит Хайек, «конкурентные, или необходимые, издержки не могут быть известны, если нет конкуренции»¹⁹, и здесь имеется в виду не только подлинная конкуренция между разными отраслями, но и, в особенности, конкуренция между различными компаниями на внутриотраслевом уровне. Таким образом, издержки не являются чем-то, что может стать «объективно» доступным центральному бюро планирования или менеджерам отраслевых монополий, а представляют собой субъективные оценки, зависящие от предпринимательских возможностей каждого экономического субъекта, который принимает решения на рынке.

Кроме того, критерий предельных издержек, как уже показал Мизес, порождает порочный круг, и в силу этого его невозможно применить на практике. Издержки не просто представляют собой субъективные, альтернативные издержки: дело в том, что они рассчитываются в абсолютных цифрах на основании прогнозируемых цен на факторы производства. Поэтому цены вряд ли можно определить, исходя из издержек; ведь издержки тоже представляют собой цены. Это становится особенно ясно видно, если обратиться к роли амортизации основного капитала как компонента издержек. Капитал — это просто текущая ценность будущей последовательности рентных платежей или цен, соответствующих услугам, получаемым от данного капитального блага, и эти рентные платежи или цены нужно оценить, чтобы вычислить текущую ценность этого блага; таким образом, нормы амортизации основного капитала являются одним из компонентов издержек. Следовательно, невозможно определить цену через издержки, так как амортизационный компонент издержек требует предва-

¹⁹ F. A. Hayek, "The Present State of the Debate," *Collectivist Economic Planning*, 227 [Хайек Ф. Экономический расчет при социализме II: состояние дискуссии (1935) // Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. С. 168].

рительной оценки будущих цен. Хайек писал по этому поводу: «Большая часть того, что обычно обозначается как “издержки производства”, фактически не является элементом стоимости, данным независимо от цены продукта, но квазиарентой, или нормой амортизации, начисляющейся на капитализированную величину ожидаемых квазиарент, и потому зависит от ожидаемых в будущем цен»²⁰.

Более того, Хайек настаивает на том, что невозможно установить иначе как совершенно произвольно, какой монополизированный сектор или отрасль должен служить основой для обсуждаемой социалистической модели. Будет ли каждый из секторов включать все промежуточные отрасли и стадии, которые участвуют в изготовлении какого-то потребительского блага или услуги? Или, может быть, каждый из секторов будет включать все отрасли и компании, которые производят одно и то же промежуточное благо? Или же будет использоваться сочетание этих двух вариантов? Очевидно, что, в силу того, что каждое потребительское благо или услуга имеют для каждого индивида или органа разное субъективное значение, концепция сектора или отрасли, вне зависимости от выбора критерия, будет совершенно произвольной. Кроме того, такие сектора должны будут изменяться с течением времени, поскольку изменения в наборе производимых товаров и услуг или в самих технологиях и капитальных благах при неизменности критерия приведут к тому, что список компаний, входящих в состав каждого сектора, будет постоянно меняться. Таким образом, концепция отрасли теоретически абсурдна: отрасль невозможно объективно определить, она может иметь различные формы. Она имела бы смысл только в статичном мире, где вся информация дана и никаких изменений не происходит²¹.

Хайек критикует также модель, в которой псевдоконкуренция признается желательной не только на межотрасле-

²⁰ F. A. Hayek, “The Present State of the Debate,” *Collectivist Economic Planning*, 227 [Хайек Ф. Экономический расчет при социализме II: состояние дискуссии (1935) // Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. С. 167].

²¹ F. A. Hayek, “The Present State of the Debate,” *Collectivist Economic Planning*, 231 [Хайек Ф. Экономический расчет при социализме II: состояние дискуссии (1935) // Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. С. 169].

вом уровне, но и внутри отраслей, то есть между компаниями внутри одной отрасли. В этой второй модели центральное бюро планирования функционирует как некий «супербанк», присваивающий прибыль всех компаний и отраслей и распределяющий между ними соответствующие инвестиционные ресурсы. Средства производства принадлежат государству, но предполагается, что отдельные компании будут действовать «конкурентно», то есть стремиться получить «прибыль» и избежать «убытка».

Критические замечания Хайека по поводу второй группы проектов конкурентного социализма, где сфера действия конкуренции расширяется до степени, максимально возможной в системе с государственной собственностью на средства производства, и где центральный плановый орган вмешивается только для того, чтобы присвоить прибыль и распределить инвестиционные ресурсы, представляют некоторый интерес, в основном с точки зрения их значения для современной теории прав собственности и с точки зрения анализа поведения бюрократов и государственных чиновников школой общественного выбора²². Однако они не включают основных теоретических возражений, уже сформулированных Мизесом. Хайек отмечает, что даже если «конкуренция» разрешена на всех уровнях, в отсутствие частной собственности на средства производства будет необходимо создать или найти иную систему для подтверждения того, что соответствующие менеджеры поступают правильно. Хайек перечисляет и анализиру-

²² Связь с современной школой общественного выбора ясно видна по следующему замечанию Хайека о проблеме бюрократии: «В лучшем случае это будет системой квазиконкуренции, где реально ответственным лицом будет не предприниматель, а одобряющий его решения чиновник и где поэтому в связи с проявлением инициативы и определением ответственности возникнут все те трудности, которые обыкновенно порождает *бюрократия*» (F. A. Hayek, "The Present State of the Debate," *Collectivist Economic Planning*, 237 [Хайек Ф. Экономический расчет при социализме II: состояние дискуссии (1935) // Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. С. 173] [Курсив мой. — *Уде С.*]). Здесь можно было бы повторить все те тезисы, позже сформулированные школой общественного выбора в ходе экономического анализа негативных эффектов политического и бюрократического поведения, которые мы уже приводили (глава 3, сноска 26).

ет несколько возможных систем, которые могли бы представлять собой альтернативу частной собственности на средства производства²³. Успехи и удачи менеджеров в прошлом не могут использоваться в качестве критерия, потому что интерес представляет не прошлое, а будущее поведение этих менеджеров. Кроме того, невозможно объективно определить, действует ли менеджер безрассудно в тот момент, когда возникает впечатление, что он несет «убытки», потому что с точки зрения долгосрочной перспективы он может действовать разумно, ожидая, что в будущем «убытки» превратятся в «прибыль». Те же самые трудности возникли бы в случае создания для менеджеров системы бонусов или «денежных стимулов»: распределение бонусов требует предварительного объективного и однозначного знания того, привел ли конкретный план действий к успеху или потерпел неудачу, что невозможно из-за рассеянного и невербализованного характера связанной с этим информации, а также из-за неопределенности всех будущих событий. Кроме того, система «бонусов» привела бы лишь к чересчур оптимистичным и неосторожным поступкам, если не включать в нее «негативных бонусов» на случай ошибок и убытков. Однако введение денежных или иных наказаний в зависимости от серьезности убытков, порождает риск, что предпринимательское поведение станет чрезмерно консервативным. Хайек считает, что не существует такой системы,

²³ Хайек рассматривает различные предложения относительно стимулов или систем мониторинга достижений менеджеров в «социалистической рыночной экономике» как важную теоретическую проблему, так как «здесь с предельной ясностью обнажается вопрос о рациональном обосновании частной собственности — его наиболее общий и фундаментальный аспект» (F. A. Hayek, “The Present State of the Debate,” *Collectivist Economic Planning*, 219 [Хайек Ф. Экономический расчет при социализме II: состояние дискуссии (1935) // Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. С. 161]). Кажется, что в этой фразе Хайек предвосхищает исследовательскую программу современной экономической теории прав собственности, которая в настоящее время добилась значительных успехов, несмотря на то, что ее ограничивают пороки неоклассического подхода с его представлениями о полноте информации и равновесии. В следующей главе мы завершим наш критический анализ предложений о создании системы бонусов и стимулов, обеспечивающих возможность существования социалистического режима.

которая могла бы воспроизводить или имитировать в социальной системе типичное конкурентное поведение, вытекающее из частной собственности на средства производства²⁴.

Ни одно из приведенных выше возможных решений и ни одно из возражений по их поводу не относится к сути проблемы, которая возникает не только из-за отсутствия стимулов, необходимых, чтобы система работала так, как работают рыночные процессы в капиталистической системе. Действительно, проблема также состоит в *рассеянном характере знания*, который невозможно устранить. На самом деле, если факторы производства находятся в общественной собственности, и сообщество через центральный принуждающий орган присваивает соответствующую прибыль, дивиденды и проценты, ясно, что ни один отдельный субъект не может приобрести ту же самую прибыль, так как это противоречило бы предлагаемой модели социализма и означало бы возврат к капиталистической системе и к частной собственности на средства про-

²⁴ См.: Ф. А. Хайек, "The Present State of the Debate," *Collectivist Economic Planning*, 238 [Хайек Ф. Экономический расчет при социализме II: состояние дискуссии (1935) // Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. С. 174]. Тем не менее мы полагаем, что Хайек чрезмерно мягок со своими оппонентами и не можем согласиться с его утверждением: хотя и «неправоммерно говорить, что эти предложения абсолютно невозможны, тем не менее существуют очень серьезные препятствия для достижения поставленной цели и, как представляется, не видно никакого способа их преодолеть». Напротив, по причинам, указанным в тексте, мы считаем, что проблему экономического расчета применительно к системе, где конкуренция расширена до максимально возможного предела, однако средства производства находятся в государственной собственности, решить невозможно. Приведенные выше слова Хайека могут создать впечатление, что такие предложения не являются логически невозможными, а речь идет о практической проблеме поиска стимулов, которые могли бы заменить стимулы, существующие на капиталистическом рынке. Проблема, однако, не в том, чтобы найти подходящие стимулы, а в том, что в отсутствие частной собственности решение проблемы экономического расчета теоретически невозможно, так как действующие субъекты не порождают необходимой для этого информации, а центральный орган, отвечающий за распределение соответствующих ресурсов, не имеет доступа к практической информации, которая позволила бы распределять их не совершенно произвольно.

изводства. Если каждому из экономических агентов насильственно препятствуют в его стремлении к собственной цели или к собственной прибыли, то он никогда не обнаружит большое количество практической информации, которая жизненно необходима для экономического расчета и для координации социальных процессов. Кроме того, даже когда экономический агент обманывает себя и верит в то, что его положение «идентично» тому, каким оно было бы в капиталистическом обществе, и даже когда он считает, что стремится к собственной цели или к собственной выгоде (например, если он не против того, чтобы, получив прибыль, отдать ее сообществу; если ему повезло; и по любой другой причине), очевидно, что, для того чтобы достичь этой цели, реализовав определенный план действий, он должен будет обратиться за ресурсами в центральный плановый орган, который «представляет» сообщество, так как он по определению не имеет собственных ресурсов. Именно этот плановый орган будет в конечном счете решать, предоставлять или нет запрошенные ресурсы; однако, как нам известно, у этого органа нет самой главной практической (неявной и субъективной по самой своей сути) информации, которая *рассеяна* в умах экономических субъектов, и поэтому государственное агентство всегда будет действовать произвольно, а не как координатор. Иными словами, в отсутствие частной собственности на факторы производства (то есть, когда человек не имеет права на плоды или прибыль от собственного творчества, на то, чтобы накопить первичный капитал и черпать оттуда ресурсы, необходимые для осуществления новых действий) возникает вынужденная диспропорция между индивидуальными субъектами, потенциально обладающими рассеянным знанием (мы употребляем слово «потенциально», так как творческого порождения знания не происходит, если людям препятствуют владеть прибылью, которую они сами получили), и центральным плановым бюро. Несмотря ни на какие благие намерения, этот орган в принципе не в состоянии получить доступ к рассеянному знанию, которое потенциально могли бы создать граждане, и, следовательно, он будет вынужден принимать произвольные, а не способствующие координации решения о том, кому он будет предоставлять имеющиеся в его распоряжении ресурсы.

Наконец, нельзя упускать из виду того, что когда Лайонел Роббинс в 1934 г. писал свою книгу «Великая депрес-

сия» (Robbins, *The Great Depression*), он воспользовался этой возможностью, чтобы высказать, за год до Хайека, несколько критических замечаний в адрес «конкурентного социализма». По мнению Роббинса, недостаточно, чтобы менеджеры в социалистической системе пытались «играть» в конкуренцию и «конкурировать» друг с другом при продаже и покупке собственных продуктов, имитируя капиталистическую систему. По его мнению, в основе таких предложений лежит упрощенное представление об экономической системе, как будто это статическая система, в которой цены и другая информация генерируются *ipso facto*, объективным образом, силой потребительского спроса. Роббинс, напротив, подчеркивает, что в реальности вкусы, технологии, ресурсы и знание как таковое находятся в процессе постоянных изменений и поэтому «предприниматель должен иметь право по своей воле изъять свой капитал из отрасли (продать завод или акции) и вложить вырученные средства в другие отрасли. Он должен иметь право по своей воле расформировывать административно-хозяйственные единицы»²⁵. Итак, чтобы могла создаваться информация, необходимая для функционирования рынка, человек должен иметь право продать свою собственность, что абсолютно несовместимо с государственной собственностью на средства производства и централизованным контролем за экономикой, который следует из нее в конечном счете. Таким образом, мы видим, что Роббинс не только приводит доводы против вычислительного, или чисто алгебраического, решения, которые мы обсуждали ранее, но и делает ряд кратких, но близких к истине замечаний об «искусственной конкуренции»²⁶.

²⁵ Lionel Robbins, *The Great Depression* (London: Macmillan, 1934), 154.

²⁶ Дон Лавой (*Rivalry and Central Planning*, 159, note 10) указывает, что, странным образом, в этом коротком анализе Роббинс отклоняется от своей собственной теоретической концепции, согласно которой экономический субъект — это в чистом виде максимизатор. Хотя Лавой склонен считать, что на практике Роббинс был большим австрийцем, чем в восприятии Кирцнера и других авторов, лично мне кажется, что у Роббинса динамическая, австрийская интерпретация рыночных процессов всегда была очень слабой и путаной, так как он был не в состоянии разделить две интерпретации [статическую и динамическую] и тем более не мог

На этом завершается наш анализ первых критических возражений Мизеса, Хайека и Роббинса против так называемого «конкурентного решения», которые были основаны на том, что рассеянный характер знания делает невозможным экономический расчет во всех тех случаях, когда средства производства не находятся в частной собственности. Теперь мы перейдем к подробному анализу «конкурентного решения» по версии Оскара Ланге.

3. Позиция Оскара Ланге: вступительные замечания

Причина, по которой мы подробно изучим позицию польского экономиста Оскара Ланге, связана не только с выдающимся местом этого исследователя в споре об экономическом расчете при социализме, но и с потребностью оценить добросовестность наиболее распространенного описания этого спора в версии вторичных источников — учебников, авторы которых в большинстве случаев по сей день уверены в том, что Оскар Ланге убедительно опроверг теоретические выводы Мизеса и Хайека относительно социализма. Мы увидим, что эта интерпретация, превратившаяся в подлинную мифологию экономической науки, не соответствует действительности²⁷.

И действительно, все больше профессиональных экономистов начинает осознавать, что миф о том, что «Ланге смог опровергнуть Мизеса», совершенно ни на чем не основан.

В научной карьере Оскара Рышарда Ланге (Oskar Ryszard Lange, 1904—1965) с точки зрения его концепции социалистической системы можно выделить четыре четко различающихся этапа. На первом этапе социалистическая модель, которую он отстаивал, находилась под колоссальным влияни-

предотвратить того, что его работы почти всегда воспринимались в духе статической концепции.

²⁷ «Стряпня Ланге заслуживает названия мифа о споре об экономическом расчете при социализме, мифа, который, при пособничестве и подстрекательстве Йозефа Шумпетера, был усвоен практически всеми экономистами, вне зависимости от их идеологической окраски» (Murray N. Rothbard, “The End of Socialism and the Calculation Debate Revisited,” *The Review of Austrian Economics* 5, no. 2 [1991]: 53).

ем модели, разработанной австрийскими марксистами, в частности, Эдуардом Хейманом и Карлом Поланьи, чьи позиции мы уже имели возможность изучить. На втором этапе Ланге создал свою «классическую модель», основанную на неоклассической теории благосостояния, на методе «проб и ошибок» и на введении децентрализованных механизмов «конкуренции» ради того, чтобы найти равновесные решения. Третий этап был весьма противоречивым; в то время Ланге, находившийся под большим впечатлением от критики своей системы Хайеком, на которую он так и не смог ничего ответить, достиг в своих предложениях наиболее высокого уровня «либерализма», хотя ему и не удалось примирить их со своим социалистическим идеалом. Четвертый и последний этап, начавшийся со вступления Ланге в польскую коммунистическую партию и продолжавшийся до его смерти, характеризовался отказом от предыдущих позиций: Ланге закончил похвалами по адресу теории и практики сталинизма, публично отрекся от своих «конкурентных решений» (которые приводили его к неявному отказу от социалистической системы) и предложил ригидную, сталинистского типа систему централизованного планирования, в которой, как он считал, с учетом колоссального темпа развития компьютерных технологий, не было необходимости в конкурентных решениях. Мы подробно рассмотрим каждый из этих этапов.

Модель Ланге — Брейта

Первый текст Оскара Ланге о том, каким образом может функционировать социалистическая система, был написан в 1934 г. совместно с Марекком Брейтом. Это была глава под названием «Дорога к социалистической плановой экономике» в коллективной монографии *Political Economy and Tactics for Socialist Organization*, которая вышла в 1934 г. в Варшаве²⁸. Модель Ланге—Брейта 1934 г. — это практически копия модели «кон-

²⁸ Oskar Lange and Marek Breit, “Droga do Socjalistycznej Gospodarki Planowej” in *Gospodarka-Polityka-Taktyka-Organizacja Socjalizmu*, Warsaw, 1934. Второе издание этой работы вышло в 1973 г.: в 1-м томе «Трудов» [*Dziela*] Оскара Ланге (ed. Polski Wydawnictwo Economiczne, Warsaw, 1973).

курентных» отраслевых монополий, которую пытались развивать Хейман и Поланьи в 1920-е гг. Действительно, Ланге и Брейт представляют себе экономику как множество обладающих высокой степенью автономности «отраслевых трестов», менеджмент которых должен находиться под сильным влиянием представителей профсоюзов. Тресты должны «координировать» центральный банк, который будет не только контролировать их и наблюдать за их деятельностью, но и возьмет на себя снабжение трестов необходимыми финансовыми ресурсами. Каждая из этих отраслевых монополий будет обязана вести тщательный учет и устанавливать цены с учетом себестоимости. Естественно, всеми средствами производства будет владеть государство, а прибыль и дивиденды будут передаваться центробанку. Для Ланге и Брейта было важно в максимальной степени отделить экономические организации от политической власти, а также предотвратить превращение отраслевых трестов в эксплуатирующие потребителя монополии; они считали, что необходимо будет ввести правовую норму, предписывающую отраслевым монополиям предоставлять работу каждому желающему.

Очевидно, что предложения Ланге и Брейта почти полностью совпадают с предложениями, высказанными Хейманом и Поланьи в 1920-е годы, и соответственно, на них распространяются описанные нами ранее критические доводы, которые были сформулированы в основном Мизесом и Хайеком. Хотя мы не будем повторять здесь все доводы против такого типа модели, ее наивность и двусмысленность очевидна, в особенности потому, что она не учитывает того, что отсутствие настоящей конкуренции на межотраслевом уровне делает экономический расчет абсолютно невозможным. То же самое относится к неразрешимой задаче объективного выделения монопольных промышленных секторов таким способом, который не был бы совершенно произвольным. Кроме того, у менеджеров, ответственных за эти сектора, не будет предпринимательской свободы, необходимой для того, чтобы находить и создавать информацию, которая требуется для экономического расчета. Это особенно важно, потому что превращает указание «производить по ценам, которые соответствуют издержкам» в абсолютно нереалистичное требование, так как издержки не являются объективными и в конечном счете представляют собой просто цены, ставшие чем-то неосязаемым в

силу самой этой нормы, которая неизбежно заводит в порочный круг (особенно из-за невозможности рассчитать ту часть издержек, которая связана с амортизацией). Наконец, у центрального банка, отвечающего за предоставление средств компаниям и отраслям, будет — в связи с неразрешимой проблемой рассеянного и субъективного характера знания — отсутствовать информация, необходимая для того, чтобы выполнять свои обязанности не чисто произвольным образом, а так, чтобы способствовать координации.

Итак, Ланге и Брейт не учли ни одного из критических возражений Мизеса на модели «конкурентных» монополий Хеймана и Поланьи, которые он высказал за 10 лет до этого, и не ответили ни на одно из них. Ланге и Брейт, скорее всего, не читали работ Мизеса, опубликованных им в 1920—1928 гг.; вследствие этого они не осознавали массы проблем, связанных с их предложениями — в силу идеологической слепоты, а также оттого, что недостаточно тщательно продумали свою позицию. Не исключено также, что они просто предпочли не заметить возражений Мизеса и не стали упоминать о них по идеологическим или политическим причинам.

4. Оскар Ланге и его классическая модель «рыночного социализма»

Вслед за Тадеушем Коваликом²⁹ второй этап научного пути Ланге мы будем называть этапом его *классической* модели «рыночного социализма». Этот этап начался с того, что в октябре 1936 и в феврале 1937 г. он опубликовал статью в двух частях под названием «Об экономической теории социализма». В 1938 г. эта статья была переиздана в сборнике под тем же названием, где также была опубликована статья Фреда Тейлора о социализме. Предисловие к сборнику написал Бенджамин Липпинкот³⁰. Получив стипендию от Фонда Рокфеллера,

²⁹ См.: Tadeusz Kowalik, "Oskar Ryszard Lange," in *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, 3: 126.

³⁰ Часть первая статьи "On the Economic Theory of Socialism" была опубликована в: *Review of Economic Studies* 4, no. 1 (October 1936): 53—71. Часть 2 также была опубликована в: *Review of Economic Studies* 4, no. 2 (February 1937): 123—142. Обе части

Ланге продолжил свое образование в Лондонской школе экономики, в Чикаго, Беркли и особенно в Гарварде, где провел два года, находясь под сильным влиянием Шумпетера, с которым он в это время интенсивно общался. Кроме того, Ланге общался и работал с социалистическими экономистами, братьями Аланом и Полом Суизи, а также с Василием Леонтьевым. Продуктом этой «интеллектуальной атмосферы» и стала статья «Об экономической теории социализма», в которой Ланге стремился выразить свое убеждение в том, что неоклассическая теория равновесия и, в особенности, «экономика благосостояния» предоставляет наиболее фундаментальное теоретическое основание для социалистической системы. Ланге также желал, исходя из этой идеи, опровергнуть мизесово доказательство теоретической и практической невозможности рационального экономического расчета в социалистической системе. Посмотрим, как Ланге развивал свои аргументы и удалось ли ему действительно опровергнуть Мизеса.

Рыночные цены versus «параметрические цены»

Заветная мечта Ланге состояла в том, чтобы можно было имитировать конечное состояние, к которому стремятся рыночный процесс и конкурентная экономика, но без капиталистического рынка, то есть без частной собственности на средства производства и свободы предпринимательства. Эта надежда была основана на вере в то, что возможно составить список «параметрических цен», которые, хотя и не будут определяться на свободном рынке, смогут обеспечить рациональный экономический расчет, так как будут содержать необходимую для этого информацию и тем самым дадут возможность различным экономическим субъектам в обществе действовать согласованно. Мы увидим, что концепция Ланге основана на ошибочном понимании того, как работают рыночные процессы (точнее, на его полном игнорировании этих процессов, поскольку Ланге обращается исключительно к неоклассиче-

опубликованы в: *On the Economic Theory of Socialism*, ed. with an introduction by Benjamin M. Lippincott (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1938); переиздано New York: McGraw Hill, 1964, 55–143.

ской парадигме равновесия, к экономической теории благосостояния и к модели «совершенной конкуренции»). Кроме того, у нас будет возможность найти подтверждение тому, что предложенная им процедура никоим образом не решает проблему координации и рационального экономического расчета в социалистической экономике — в полном соответствии с тем, что открыл и обосновал Мизес за 15 лет до статьи Ланге.

Под «параметрическими ценами» следует понимать условия предложения разных благ и услуг, стимулирующие чисто пассивную либо приспособительную реакцию экономических субъектов. На самом деле, Оскар Ланге считает, что основная функция цен — параметрическая, иными словами, что каждый экономический субъект «индивидуально воспринимает реальные цены как данность, к которой он должен приспособиться»³¹. Соответственно, параметрические цены представляют собой своего рода пропорции, или абстрактные «условия торговли», к которым в принципе можно прийти посредством какой-либо процедуры, произвольной или рациональной. Кроме того, параметрические цены позволяют вести «отчетность», пусть и чрезвычайно упрощенную с формальной или инструментальной точки зрения. Однако, с точки зрения логики, сами по себе параметрические цены не обеспечивают возможности «рационального» экономического расчета, то есть расчета, который координирует поведение различных экономических субъектов. Это будет возможно только в том случае, если эти цены будут содержать информацию или знание, необходимые для обеспечения координации и экономического расчета.

Фундаментальное доказательство Мизеса не имеет ничего общего с этим «параметрическим» понятием цен; оно основано на понятии *рыночных цен*, то есть цен, установленных в процессе свободного предпринимательства, в отсутствие которого информация, необходимая для того, чтобы обеспечивать координацию поведения экономических субъектов, и дающая им возможность использовать рациональный экономический расчет, не порождается. Напротив, Ланге считает, что рыночные цены по Мизесу не являются необходимыми для экономического расчета, и рациональный расчет был бы возможен и при использовании параметрических цен, которые не устанав-

³¹ Oskar Lange, *On the Economic Theory of Socialism*, 2nd ed., 70.

ливаются на конкурентном рынке в условиях частной собственности на средства производства и свободного предпринимательства. Иначе говоря, он полагает, что необходимая для расчета информация была бы доступна и этот расчет позволил бы обеспечить координацию поведения различных действующих субъектов. Рассмотрим же по очереди каждый из пунктов рассуждений Ланге.

Первый пункт Ланге

Оскар Ланге начинает свои теоретические возражения против Мизеса так: «Тезис профессора Мизеса о том, что социалистическая экономика не в состоянии решить проблему рационального размещения ресурсов, основан на путанице в вопросе природы цен. Как отметил Уикстид, у термина “цена” есть два значения. Он может означать либо цену в обычном смысле, то есть пропорцию обмена двух товаров на рынке, либо может иметь обобщенное значение “условий, на которых предлагаются различные варианты”. Уикстид пишет: “Таким образом, цена в более узком значении ‘денег, за которые можно получить некий материальный предмет, услугу или привилегию’ — это просто частный случай ‘цены’ в широком значении: условий, на которых нам предлагаются разные варианты” [P. H. Wicksteed, *The Common Sense of Political Economy*, 2nd ed. (London, 1933), 28]. Для решения проблемы размещения ресурсов необходимы лишь цены в обобщенном значении»³².

Посмотрим внимательно на этот текст. Для начала: когда Уикстид говорит, что для его конкретных целей, в основном связанных с анализом равновесия, имеет смысл употреблять термин «цена» в широком смысле, то есть в значении «пропорции или условия, на которых предлагаются разные варианты», это совершенно не означает, что он считает, будто бы такие параметрические «цены» могли адекватно заменить рыночные цены там, где их нет, или там, где они неизвестны. Напротив, будучи действующими людьми, мы постоянно вынуждены принимать решения и оценивать разные варианты, и, с точки зрения Мизеса, мы не в состоянии принимать эти решения рационально, не учитывая «истинные цены

³² Oskar Lange, *On the Economic Theory of Socialism*, 59–60.

рынка», которые содержат необходимую для нас информацию. Утверждать, что обоснование Мизесом невозможности экономического расчета при социализме ошибочно, потому что его концепция цены («рыночная цена») слишком узка или ограничена — это то же самое, что утверждать, что поднятая Мизесом проблема связана просто с невозможностью производить какие бы то ни было «вычисления» или «алгебраические расчеты» в силу отсутствия соответствующей системы отчетности, вне зависимости от реального содержания используемых в ней данных, а не с невозможностью производить обеспечивающий координацию рациональный экономический расчет в отсутствие цен, которые содержат необходимую для него информацию, как это было на самом деле. Как писал Хайек, заявление Ланге о том, что Мизес ошибается, когда зачем-то ставит экономический расчет в зависимость от «рыночных цен» в строгом и узком значении этого термина, в то время, как любая система параметрических цен дает возможность для осуществления расчетов, настолько наивно, что кажется «непростительным обманом, на который исследователь, не находящийся в плену собственных политических предрассудков, был бы неспособен»³³.

³³ «То, что “предлагаемые нам варианты” в большинстве случаев известны нам только в виде денежных цен, является главным доводом Мизеса. Обратить этот довод против него — непростительный обман, на который исследователь, не находящийся в плену собственных политических предрассудков, был бы неспособен» (Hayek, “Two Pages of Fiction: The Impossibility of Socialist Calculation” in *The Essence of Hayek*, 58). Эта статья очень важна в контексте нашей критики Ланге в этом разделе, и мы будем неоднократно обращаться к ней. Кстати, Артур Селдон пишет о том, как она появилась на свет. Он объясняет, что в 1982 г. Хайек послал ему текст статьи вместе с письмом, в котором он, в частности, заметил, что его «чрезвычайно возмущают постоянные идиотские упоминания о том, что Оскар Ланге якобы опроверг Мизеса». Первоначально статья была опубликована в журнале *Economic Affairs* (April 1982). Загадочные «Две страницы выдумок» (“Two Pages of Fiction”) — это страницы 60 и 62 статьи Ланге, опубликованной в обсуждаемой нами книге под редакцией Липпинкота. Эти две страницы многократно (некритически) использовались в качестве обоснования мифа о том, что Ланге якобы опроверг Мизеса. См.: “Recollections” in Hayek, *Serfdom*”

Следовательно, главное — это установить, могут ли параметрические цены, которые не являются рыночными ценами, содержать необходимую информацию для того, чтобы обеспечивать рациональный расчет и координацию рассогласованных поступков действующих в социуме субъектов; как мы увидим, Оскар Ланге не смог найти удовлетворительного решения этой задачи.

Кэрен Вон отметила, что в этом пассаже Оскар Ланге продемонстрировал полное непонимание того, что писал Уикстид о ценах³⁴. Действительно, с точки зрения Уикстида, любой, кто желает принять экономическое решение, столкнется с принципиально субъективной по своему характеру проблемой оценки альтернативных издержек, связанных с действием, которое он намерен совершить. Таким образом, когда человек, к примеру, собирается совершить покупку, разумеется, он в том числе выясняет цену на данный товар, то есть пропорцию, в которой он обменивается на деньги на рынке. Человек субъективно оценивает «условия, на которых ему предлагаются различные варианты», и эти условия включают не только условия торговли, обозначенные ценой, но и все остальные субъективные факторы, которые он обдумывает, когда принимает свое решение, одни — в большей, другие — в меньшей. Следовательно (как мы вполне оправданно ожидали от Уикстида, одного из наиболее выдающихся представителей субъективной теории), невозможно отличить параметрическую функцию цены от ее непараметрических функций, поскольку два аспекта неразторжимо соединены в понятии «рыночной цены» и люди всегда оценивают их одновременно — и субъективно³⁵.

Revisited (Institute of Economic Affairs, Hobart Paperback no. 18, 1984), 26, 27.

³⁴ См.: Wicksteed, *Common Sense of Political Economy* (London: Routledge and Kegan Paul, 1933), 28.

³⁵ Вероятно, имеет смысл процитировать здесь то, что пишет по этому поводу Кэрен Вон: «Поучительно то, что Ланге решил процитировать в начале своей статьи слова Уикстида о значении термина «цена»; главным образом потому, что демонстрирует полное непонимание Ланге как раз того, что пытался показать Уикстид. В книге *Common Sense of Political Economy* (London: Routledge and Kegan Paul, 1933) Уикстид описал субъективный по своей сути характер альтернативных издержек, с которым сталкивается любой, кто пытается принять рациональное эко-

Второй пункт Ланге

Перейдем к тому, как Ланге объясняет, каким образом при социалистической системе менеджеры отраслей и центральный плановый орган могли бы узнать цены в «обобщенном» смысле (параметрические цены) и каким образом такие цены

номическое решение. Это означает, что когда человек обдумывает покупку, то цена для него представляет рыночную меновую ценность, однако «условия, на которых предлагаются различные варианты», включают не только рыночную цену, но и все субъективные элементы, которые должны учитываться при выборе, то есть *субъективную ценность всех тех вариантов, от которых он отказывается* [р. 28]. Разумеется, это не имеет ничего общего с различием, которое пытался провести Ланге между рыночными ценами и ценами при централизованном планировании. Цены, которые устанавливал бы плановый орган у Ланге, вовсе не были бы ценами в более широком смысле, они играли бы в субъективных расчетах индивида точно такую же роль, которую обычно играют рыночные цены. Люди все равно должны были бы лично оценивать все доступные им варианты, все «условия, на которых им предлагаются различные варианты», но место рыночной цены занимала бы административная цена. *Таким образом, реальную проблему — как заставить административно установленные цены соответствовать реально существующей относительной редкости доступных для обмена товаров — нельзя решить магическими заклинаниями.* Ланге должен был доказать, что рекомендованное им нащупывание может дать на выходе меру относительной редкости, подобно обменам на рынке. *Это у него не получилось»* (Karen I. Vaughn, “Introduction” to Trygve J. B. Hoff, *Economic Calculation in the Socialist Society*, xxii—xxiii). Вероятно, главным недостатком блестящего в других отношениях текста Вон является то, что она даже не упоминает об аргументации Мизеса, изложенной в «Человеческой деятельности»; в другом месте она неверно и несправедливо оценивает эту книгу, когда пишет, что «так называемое окончательное опровержение, которое Мизес изложил в «Человеческой деятельности», в основном представляет собой полемику и смазывает реальные проблемы» (Karen I. Vaughn, “Critical Discussion of the Four Papers,” in *The Economics of Ludwig von Mises: A Critical Reappraisal* [Kansas City: Sheed and Ward, 1976], 107). Наконец, см. также: Karen I. Vaughn, “Economic Calculation under Socialism: the Austrian Contribution,” *Economic Inquiry* 18 (October 1980): 535—554, переиздано в: *Austrian Economics*, ed. Stephen Littlechild [London: Edward Elgar, 1990], 3: 332—351).

смогли бы успешно заменить существующие при капитализме денежные цены рынка. Он пишет: «Экономическая проблема — это проблема выбора из доступных вариантов. Чтобы решить ее, необходимы следующие *данные*: 1) шкала предпочтений, в соответствии с которой происходит выбор; 2) *знание* «условий, на которых предлагаются разные варианты»; 3) *знание* о количестве доступных ресурсов. Если эти *данные* (*data*) *даны* (*given*), проблема выбора решаема» [курсив мой. — У. де С.]³⁶.

Для начала следует заметить, что последняя фраза Ланге содержит откровенный плеоназм. Как известно любому относительно образованному человеку, английское слово «*data*» происходит от латинского *datum* — *data*, которое относится как раз к той информации, которая «дана» (*given*). «Даны» — это, в свою очередь, причастие прошедшего времени глагола «давать» (*give*). Итак, в этом предложении Ланге утверждает буквально, что если информация, которая дана, дана, то проблема выбора решаема. Хайек отмечает, что не характерные для научного текста выражения (такие, как «данные данные», *given data*) или «семантическая избыточность» (в более мягкой формулировке Дона Лавоя), постоянно появляются в текстах Ланге. Такие выражения вообще неотразимо привлекательны для экономистов, использующих математические методы, особенно для тех, кто работает в рамках модели равновесия в русле неоклассической парадигмы Вальраса; подобные обороты (по крайней мере семантически) приносят им некое утешение, создавая у них иллюзию, будто бы они знают что-то, чего на самом деле не знают и знать не могут³⁷. В действительности путаница, возникающая в связи с этим плеоназмом, лежит в основе всего хваленого «опровержения» Оскаром Ланге аргументов Мизеса, относящихся к невозможности экономического расчета в социалистической экономике. Действительно, для Мизеса главная экономическая проблема состоит в том, как получить необходимую информацию в отсутствие рынка, рыночных цен и свободы предпринимательства. Однако, если мы заранее предполагаем, что эта информация «дана», то из этого логически вытекает, что никакой проблемы экономического расчета

³⁶ Oskar Lange, *On the Economic Theory of Socialism*, 60.

³⁷ *The Essence of Hayek*, 54.

не существует, потому что с самого начала считается, что она уже решена. Так, в последней фразе данного отрывка Ланге в конце концов сообщает: «Если предположить, что проблема экономического расчета решена заранее, то проблема экономического расчета является решенной».

Ланге развивает упомянутый выше плеоназм в первом предложении следующего за обсуждаемым абзаца таким образом: «Очевидно, что в социалистической экономике *данные, относящиеся к пунктам 1) и 3), могут быть даны* по крайней мере в той же степени, в которой они даны в рыночной экономике»³⁸.

Хочется задать вопрос: почему? Вопреки тому, что, не приводя никаких доказательств, утверждает Ланге, совершенно неочевидно, что в социалистической экономике информация (любая, а не только относящаяся к пунктам (1) и (3)) может быть «дана» (или, скорее «известна», поскольку, на наш взгляд, Ланге имеет в виду именно это) таким же образом и в той же степени, как она «дана» (или, скорее, «создается», «обнаруживается») в рыночной экономике. Главный вопрос таков: кто, с чьей помощью и каким образом приобретает эту информацию? Ведь, как мы подробно объяснили в главе 2, информация отнюдь не «дана». Совсем наоборот: ее постоянно создают, обнаруживают и замечают тысячи экономических субъектов, которые, взаимодействуя друг с другом, осуществляют предпринимательство в контексте рынка (включая права собственности на факторы производства). Недопустимо предполагать с самого начала, как это делает Ланге, что процесс, с помощью которого непрерывно создается новая информация, может имитироваться или воспроизводиться в социалистической системе, где по определению уничтожена свобода предпринимательства и права собственности. Кроме того, если в таких обстоятельствах даже сами действующие субъекты не в состоянии создавать или находить эту информацию, то вряд ли можно ожидать, что ее сможет получить центральное бюро планирования. Нельзя считать, что информация «дана» на уровне центра, не только из-за ее субъективного, практического, рассеянного и невербализованного характера, но и потому, что она не порождается даже на уровне отдельных действующих субъектов, если они

³⁸ Oskar Lange, *On the Economic Theory of Socialism*, 60.

не могут свободно заниматься предпринимательством. У нас нет нужды подробно развивать эти рассуждения, так как мы уже неоднократно объясняли это во всех подробностях с разных точек зрения.

Третий пункт Ланге

Ланге продолжает следующим образом: «Данные, относящиеся к пункту 9, могут быть *даны* на основании учета запросов индивидов, или же могут бы установлены органом, администрирующим экономическую систему. Остается под вопросом, доступны ли администраторам социалистической экономики данные, относящиеся к пункту 2. Профессор Мизес это отрицает. Однако, тщательное изучение *теории цены и теории производства* убеждает нас в том, что, поскольку данные, относящиеся к пунктам (1) и (3), *даны*, «условия, на которых предлагаются разные варианты», в конечном счете определяются техническими возможностями трансформации одного товара в другой, то есть производственными функциями»³⁹.

В этом отрывке больше всего привлекает внимание ссылка (которую мы выделили курсивом) на «теорию цены» и «теорию производства», «тщательное» изучение которых приводит Ланге к заявлению о том, что если необходимая информация (относящаяся к пунктам 1 и 2) дана, то проблемы экономического расчета не существует, потому что условия, на которых предлагаются или обмениваются разные варианты, будут даны в технических возможностях трансформации, которые содержатся в соответствующих производственных функциях. То, что Ланге открыто возводит свой тезис к неоклассической «теории цены» Вальраса и «теории производства», не просто раскрывает «научный империализм» этой парадигмы (то, что она игнорирует другую теорию цены, ту, которая не строится на нелепом предположении, будто бы вся необходимая информация дана заранее) — это демонстрирует колоссальные опасности и существенные несовершенства методологии, основанной на чрезмерном использовании математики и анализа равновесия, а также на предположении, что фундаментальная задача экономической науки состоит в том, чтобы максимизировать дан-

³⁹ Oskar Lange, *On the Economic Theory of Socialism*, 60—61.

ные функции применительно к данным ограничениям. Дело не просто в том, что, как отмечает Мизес, «экономическая теория равновесия» представляет собой бессмысленную интеллектуальную игру, но также в том (и это гораздо серьезнее), что она наносит ущерб даже самым блестящим научным умам, заставляя их исходить из нереальных допущений и неизбежно приводя к ошибочным выводам, причем наносит этот ущерб так, что он остается незаметным для всех, за исключением наиболее проницательных и глубоких теоретиков. Экономическая теория равновесия и неоклассическая модель Вальраса — это «опиум экономиста»; они отрывают его от реальности, которую он должен исследовать, наполняют его ощущением полнейшего самодовольства и прививают ему специфический иммунитет, не позволяющий увидеть своих ошибок. Ланге попытался показать, что наиболее важным из возможных теоретических оснований социалистической системы является экономическая теория благосостояния, разработанная в рамках неоклассической парадигмы Вальраса. То, что большинство теоретиков равновесия согласны, что эту аналитическую модель можно применять как к капиталистической, так и к социалистической системе, а также использовать для обоснования возможности экономического расчета в социалистической системе, по нашему мнению, лишает неоклассическую теорию цены всякой научной убедительности. Один из самых важных тезисов этой книги как раз и состоит в том, что содержащийся в ней теоретико-критический анализ социализма, который в странах Восточной Европы воплотился на практике в конкретных исторически значимых событиях, и с теоретической, и с практической точки зрения означает крах и полную потерю авторитета и социализма в качестве экономической и социальной системы, и неоклассической экономической теории в качестве серьезной и заслуживающей внимания научной парадигмы.

Кроме того, неудивительно, что Ланге и большинство представителей неоклассической экономической теории не в состоянии понять, как Мизес может утверждать, что экономический расчет в социалистической экономике «теоретически невозможен». Это происходит потому, что для этих исследователей «теория» означает исключительно их собственную теорию, и, как мы видели, они строят ее на допущениях, которые изначально устраняют всякую потребность в экономическом расчете. Это означает, что с точки зрения неоклассической теории,

экономический расчет при социализме теоретически возможен по определению. Эти люди не могут представить себе никакой иной теории, кроме той, которую они сами построили на концепциях равновесия и максимизации. В частности, они совершенно игнорируют парадигму, созданную представителями австрийской школы, в особенности Мизесом и Хайеком, которая изначально основана на *теоретическом* изучении реально возникающих в обществе институтов и рыночных процессов, приводящихся в движение предпринимательством. В пределах австрийской парадигмы информация никогда не считается «данной», так как она постоянно порождается в конкретном институциональном контексте, обеспечивающем координацию рассогласованных поступков разных людей⁴⁰.

⁴⁰ Итак, неоклассики не понимают, что экономический расчет зависит от существования конкретных, связанных друг с другом исторически институтов (таких как деньги, рынок и свобода обмена), от исторических категорий, которые «являются отличительной чертой определенного способа экономической организации общества, которого не существовало в первобытной цивилизации и который, возможно, исчезнет в ходе будущих исторических изменений» (*Human Action*, 201, основной текст и сноска 1 [Мизес. Человеческая деятельность. С. 191]). Далее Мизес добавляет, что «немецкая историческая школа выразила это утверждением, что частная собственность на средства производства, рыночный обмен и деньги являются историческими категориями». Поэтому становится совершенно ясно, что в идеях Мизеса нет того разительного противоречия, которое приписывает им Ланге просто потому, что видит в Мизесе «институционалиста», в то же самое время отстаивающего универсальный характер экономической теории. Ланге не может понять, почему австрийская школа со времени ее основания Карлом Менгером сосредоточила свои исследовательские интересы на *теоретическом* (общем, абстрактном и не зависящем от исторических обстоятельств) *анализе институтов* (моделей поведения и человеческой деятельности, таких, как деньги, рынок, право и т.п.) и процессов, происходящих в обществе. В самом деле, Менгер посвятил свои *Grundsätze* Рошеру, потому что считал, что субъективизм Рошера и его работы об эволюционном происхождении институтов представляли собой необходимый первоначальный теоретический фундамент для школы историцизма (Савиньи, Бёрк), в отличие от картезианского рационализма, который начинал завоевывать всю сферу научной мысли. Теоретические очки неоклассиков подобраны настолько плохо, что они мешают Ланге различить даже наиболее

Как отмечал в связи с этим Дон Лавой, в силу того, что неоклассические теоретики в своих моделях рыночной экономики подразумевают, что экономическим субъектам доступна вся необходимая информация и что в определенных статических условиях рынок достигает специфического равновесия, эти теоретики почти неизбежно, и практически не осознавая этого, в конце концов делают шагжок, позволяющий им подразумевать то же самое относительно социалистической модели и соответственно делать выводы о возможности достижения некоего равновесия в социалистической системе⁴¹. Кирцнер добавляет к этому, что Ланге не уловил суть критики Мизесом социализма потому, что знания Ланге в области экономической теории в целом ограничивались неоклассической теорией цены и, в частности, моделью «совершенной конкуренции». В этой модели, которую даже сегодня большинство базовых пособий представляют в качестве одного из наиболее важ-

яркие черты научной среды, в которой он живет, воспринимая ее в искаженном черно-белом изображении (см. сноску на с. 6 *On the Economic Theory of Socialism*). Любопытно отметить, что книга Ричарда Ланглуа «Экономическая теория как процесс» (Richard N. Langlois, *Economics as a Process* [New York: Cambridge University Press, 1986]), которая явно написана под «австрийским» влиянием, имеет подзаголовок «Эссе о новой институциональной экономической теории» (“Essays in the New Institutional Economics”) и явно представляет собой, как и работы Мизеса, исследование по экономической (а не «институционалистской» и не исторический) теории институтов. Несмотря на Ланге, экономическая теория социальных процессов и институтов и «институционализм» — это разные вещи. Также большой интерес представляет статья: Peter J. Boettke, “Evolution and Economics: Austrians as Institutionalists” in *Research in the History of Economic Thought and Methodology*, no. 6 (1988). Наконец, следует вспомнить сноску 2 к главе 5, в особенности, критические замечания Марка Блауга о неоклассической парадигме Вальраса и переход Блауга на позиции австрийской школы.

⁴¹ «Участовавшие в споре неоклассики по умолчанию подразумевают, что существенное знание дано участникам рынка, и главным аналитическим выводом из этого является то, что при некоторых статических допущениях капиталистическое равновесие определено. Требуется небольшой шагжок, чтобы от этого анализа перейти к похожим допущениям и похожим выводам относительно социализма» (Don Lavoie, *Rivalry and Central Planning*, 115).

ных инструментов «постижения» реально существующей экономической системы, полностью элиминирована роль предпринимательства в открытии и использовании возможностей извлечения прибыли в ходе динамического процесса постоянных изменений, который обеспечивает координацию в экономике. Поскольку доказательство Мизеса основано на концепции предпринимательства, которая полностью отсутствует в неоклассической парадигме, неудивительно, что Ланге, не располагавший ни одним из необходимых для его целей аналитических инструментов, в конце концов поверил, что рынок ведет себя точно так, как говорится в учебниках, и, следовательно, в социалистической экономике можно симитировать модель равновесия, которая представлена в этих учебниках с таким изяществом⁴².

Как мы уже продемонстрировали, несмотря на то, что Ланге не видит препятствий для сбора информации, относящейся к пунктам 1 и 3, это теоретически невозможно сделать в отсутствие свободного предпринимательства, потому что в этом случае соответствующая информация не будет ни заме-

⁴² Кирцнер пишет: «То, что Ланге не понимал этой непараметрической функции цен, безусловно, следует отнести на счет его восприятия рыночных систем и их функционирования в первую очередь в контексте *совершенно конкурентного равновесия*. (Действительно, Ланге прямо говорит о том, что именно этот взятый из учебников подход к теории цены послужил ему моделью для социалистического ценообразования.) В пределах этой парадигмы целиком и полностью игнорируется роль предпринимательской погони за чистой прибылью, которая является ключевой причиной приспособления цен. Нетрудно понять, каким образом Ланге мог сделать вывод о том, что такую систему (без предпринимательства) возможно имитировать при социализме» (Kirzner, *Discovery and the Capitalist Process*, 128–129). Об экономической теории рыночных процессов, в центре которой находится концепция предпринимательства (а также совершенно не связанной с неоклассической парадигмой Вальраса и чрезвычайно критически настроенной по отношению к ней), см. не только работы Мизеса и Хайека, на которые мы здесь ссылаемся, но и, в особенности, все работы Кирцнера, а также остальных представителей австрийской школы. В качестве примера критического анализа концепции равновесия, принадлежащего перу авторитетного экономиста из стран бывшего восточного блока, см.: János Kornai, *Anti-Equilibrium: On Economic Systems Theory and the Task of Research* (Amsterdam: North Holland, 1971).

чаться, ни порождаться (кроме того, неявный и субъективный характер этой информации не позволит передать ее центральным властям). По мнению Ланге, проблему составляет информация по пункту 2, то есть условия торговли и производственные функции; тем не менее он немедленно заявляет, что эту проблему можно «решить» очень просто, при условии, что информация по пунктам 1 и 3 дана (что, повторимся, невозможно в принципе). С «необыкновенной» легкостью Ланге «решает» эту проблему одним росчерком пера, просто заявляя — не приводя ни доказательств, ни резонов — что «администратор социалистической экономики будет обладать в точности тем же самым знанием или незнанием в отношении производственных функций, что и капиталистические предприниматели»⁴³.

Это догматическое (то есть не подкрепленное никакими теоретическими и эмпирическими доказательствами или доводами) заявление — главное, на чем основано «опровержение» Мизеса Оскаром Ланге. Как нам известно, рассуждения Мизеса демонстрируют, что информацию, которая порождается в ходе свободного предпринимательства, невозможно воспроизвести в системе, где предпринимательство отсутствует, и что, соответственно, теоретически невозможно, чтобы «администратор социалистической экономики» владел «в точности» той же информацией, которая доступна предпринимателям в капиталистической экономике. Нам известно, что информация субъективна и динамична, она непрерывно создается по мере того, как те, кто в состоянии использовать возможности для извлечения прибыли благодаря предпринимательству, замечают эти возможности. Поскольку с уничтожением частной собственности на средства производства предпринимательство по определению исчезает, и в результате люди теряют возможность свободно выбирать свои цели и стремиться к их достижению, то эти цели перестают функционировать как стимулы и информация, необходимая для их достижения, больше не создается. Следовательно, по определению во всех тех случаях, когда свободного предпринимательства не существует, нельзя исходить из того, что информация, возникающая исключительно в ходе процесса, мотором которого является предпринимательство, вообще будет порождаться. Поэтому неудиви-

⁴³ Oskar Lange, *On the Economic Theory of Socialism*, 61.

тельно, что в 1982 г. Хайек писал о поразительном заявлении Ланге следующее: «Это *бесстыдное* утверждение — главное, на чем строится опровержение Оскаром Ланге доказательства Мизеса, и при этом он не приводит никаких доказательств и никаких доводов в его пользу, даже применительно к ограниченной области производственных функций. Однако ученики Ланге расширили его до *еще более фантастического утверждения* о том, что центральный плановый совет “будет получать от социалистической экономической системы в точности ту же самую информацию, что получали предприниматели в рыночной системе”. (Так пишет Роберт Хейлбронер: Robert L. Heilbroner, *Between Capitalism and Socialism*, New York 1980, p. 88) ...Боюсь, это откровенная неправда; это утверждение настолько нелепо, что трудно понять, как его может выдвинуть честный человек. В нем провозглашается нечто абсолютно невозможное, такое, что могло бы произойти исключительно чудом»⁴⁴.

Кроме того, следует иметь в виду, что так называемых «производственных функций» в реальности не существует. В реальной жизни имеется поток новой, непрерывно порождаемой информации о различных возможностях сочетания производственных факторов, которые дают в итоге конкретное благо или услугу. Экономические агенты, участвующие в производстве, постепенно обнаруживают эту информацию по мере

⁴⁴ F. A. Hayek, “Two Pages of Fiction: The Impossibility of Socialist Calculation,” in *The Essence of Hayek*, 55, 56. Ссылка на Хейлбронера была необходима; ведь когда он сообщает, что информация будет доступна не только менеджерам компаний, как утверждает Ланге, но и центральному бюро планирования, он доходит, если можно так сказать, до еще большей логической невероятности. К невероятности того, что менеджеры, не являясь предпринимателями, смогут порождать предпринимательскую информацию, он добавляет еще более серьезную проблему передачи и централизованного усвоения бесконечного объема субъективной, неявной, невербализованной и рассеянной информации, которая постоянно изменяется. В пользу Хейлбронера, однако, говорит его отказ от своей позиции и признание триумфа капитализма над социализмом (см. сноску 3 к этой главе), хотя мы не знаем, рассматривает ли он этот триумф как неожиданное эмпирическое событие, не имеющее теоретического объяснения, или же он начал осознавать грубые ошибки, которые совершал на протяжении всей своей интеллектуальной жизни.

того, как они проявляют предпринимательство и экспериментируют с различными идеями. Эти действующие субъекты все время замечают то, что они считают новыми прибыльными возможностями, и это заставляет их не только модифицировать товары и услуги (как в отношении цены и качества, так и в отношении того, как они выглядят и для чего служат), но и внедрять коммерческие и технологические инновации. То же самое, только еще сложнее, происходит со средствами производства, применительно к которым постоянное открытие небольших, не замечавшихся ранее изменений приносит большие прибыли. Вряд ли гипотетические «производственные функции» можно считать существующими, если информация, необходимая для их описания, не существует. Это означает, что экономические агенты, участвующие в процессе производства, не обладают этой информацией (как и любые плановые органы, а тем более эксперты и экономисты, в том числе специалисты по теории производства), за исключением случаев, когда они постепенно создают ее неявным, субъективным и *нецентрализованным* образом. Проблема производства не является технической проблемой функций, которую можно решить объективно. Наоборот, это чисто предпринимательская и человеческая проблема: предприниматели постоянно испытывают новые, чрезвычайно разнообразные сочетания и варианты в контексте различных действий, что в условиях рыночной экономики, с учетом ожидаемых рыночных цен и огромного разнообразия иной субъективной информации, оказывающей влияние на действующего субъекта, непрерывно заставляет его *замечать* возможности для получения субъективной (то есть, при прочих равных, денежной) прибыли, которые он считает достойными осуществления.

Ланге не видит фундаментального различия между двумя радикально отличающимися друг от друга типами знания: «научным» и «практическим». Он до такой степени смешивает «практическое знание», которым обладают в рассеянной форме действующие в обществе экономические агенты, непрерывно его порождающие, с «научным знанием», которое, по мнению экономистов, позволяет им строить теории социальных процессов, что в результате у него формируется наивная убежденность в том, что в реальной жизни и экономист, и плановый орган способны легко получить это «практическое знание». Однако по своей природе эти два типа зна-

ния («практическое» и «научное») принципиально различны. Ведь даже тогда, когда «научное знание» трансформируется в теорию «практического знания», как это происходит в экономической науке, речь идет в лучшем случае о *формальной* теории процессов, с помощью которых знание создается и передается. Кроме того, эта теория обязательно должна учитывать, что теоретические рассуждения о «практическом знании» никоим образом не позволяют внешнему наблюдателю — будь он хоть экономист, хоть плановый орган — преодолеть теоретическую недоступность конкретной практической информации. Именно по этой причине (в силу того, что теоретику в принципе недоступно «материальное» содержание практического знания, о котором он теоретизирует, а также из-за его неспособности различать «практическое» и «научное» знание) экономический расчет при социализме невозможен, а «экономическая теория», разработанная в рамках неоклассической парадигмы, имеет очень мало отношения к реальности.

Четвертый пункт Ланге

Ланге переносит путаницу в двух типах знания на две связанных с ними концепции цены. Действительно, к «практическому знанию» относятся рыночные цены, которые содержат существенную часть этого знания, а также непрерывно создаются и модифицируются энергией предпринимательства. К области «научного знания» (точнее, исключительно к убогой, ограниченной и узкой научной версии равновесия) можно бы отнести «параметрические цены»; если исходить из предположения, что вся существенная информация дана, эти «цены» отражают условия, на которых предлагаются разные варианты, а также требуют, чтобы каждый человек пассивно подчинял им собственное поведение. Самая большая ошибка Ланге связана с его верой в то, что параметрические цены могут включать информацию, которую содержат цены рынка. При этом Ланге с невероятной наглостью обвиняет Мизеса в ошибке, которую совершает сам: «Профессор Мизес, вероятно, спутал цены в узком смысле, то есть пропорции обмена товаров на рынке, с ценами в более широком значении “условий, на которых предлагаются разные варианты”». Поскольку, в силу государ-

ственной собственности на средства производства, в социалистической экономике нет рынка, на котором обмениваются капитальные блага, там, разумеется, нет и цен на капитальные блага в смысле пропорций обмена на рынке. Поэтому профессор Мизес утверждает, что отсутствует и список потенциальных вариантов, доступных в сфере капитальных благ. Однако эта путаница основана на том, что он путает “цену” в узком смысле с “ценой” в широком смысле, то есть со списком вариантов. Для размещения ресурсов необходимы лишь “цены” в широком смысле, и *на основании технических возможностей трансформации одного товара в другой* они также даны и в социалистической экономике»⁴⁵.

Очевидно, что Ланге запутался: ведь он считает, что параметрические цены в социалистической экономике будут (в силу соответствующих технических возможностей трансформации, то есть «уже известных» производственных функций) включать информацию, идентичную той, которая возникла бы в рыночной экономике. *Иными словами, Ланге путает параметрические цены с рыночными ценами.* Израэль Кирцнер со свойственной ему пронизательностью остановился на этом более подробно и привлек внимание к принципиальной ошибке Ланге: тот предполагает, что рынок стремится к равновесию посредством процесса, в ходе которого неизменные цены выполняют параметрическую функцию, и, соответственно, в течение этого процесса все экономические субъекты воспринимают цены как «данность», то есть пассивно приспособляются к ним и не имеют возможности их изменить. Ланге со своей интерпретативной моделью рынка, к сожалению, заблуждается, так как на настоящем рынке ключевая роль цен связана не с их параметрической, а с их непараметрической функцией, которая реализуется в том, что предприниматели непрерывно обнаруживают неравенство в ценах и действуют так, чтобы воспользоваться вытекающими из этого возможностями извлечения прибыли, продавая и покупая, и, следовательно, непрерывно модифицируя и создавая цены *ex novo*⁴⁶. *Поэтому рыночные цены — «непара-*

⁴⁵ Oskar Lange, *On the Economic Theory of Socialism*, 61.

⁴⁶ Кирцнер пишет следующее: «Ланге не сумел понять, что отличительной особенностью рынка является то, каким образом *меняются* цены, иначе говоря — то, что рыночные цены на практике

метрические», в том смысле, что они предоставляют информацию о текущих диспропорциях, создают стимулы для покупки и продажи и, в конечном счете, подвергаются постоянной модификации под воздействием энергии предпринимательства и вследствие его осуществления. Экономические агенты не ведут себя пассивно, отвечая на импульсы извне, они действуют в типично предпринимательской манере, то есть наступательно, и постоянно находятся на чеку, стремясь первыми обнаружить либо создать новые прибыльные возможности и воспользоваться их преимуществами. Цены — это не данность, к которой люди приспособляются. Наоборот, люди постоянно действуют, создавая цены и изменяя их. Кроме того, только эта предпринимательская (и непараметрическая) функция цен приводит к выявлению существующей рассогласованности в поведении членов общества и запускает общий процесс (тенденцию), направленный на социальную координацию. Поэтому, разумеется, нелепо было бы считать, подобно Ланге, что непараметрическую функцию цен в рыночной экономике, которая всегда зависит от свободного предпринимательства и является единственным, что обеспечивает функционирование координирующего тренда в социальном процессе, возможно имитировать в системе, где свободное предпринимательство по определению полностью уничтожено и цены рассматриваются исключительно с параметрической точки зрения⁴⁷.

воспринимаются как непараметрические. Одно дело — представлять себе, что можно замотивировать социалистических менеджеров так, чтобы они подчинялись правилам, установленным на основании введенных из центра «цен», и совсем другое — считать, что *непараметрическую* функцию цены (когда цена не воспринимается как данность и ее могут менять отдельные участники рынка), которая зависит исключительно от открытия предпринимателем новых возможностей для извлечения чистой прибыли, можно имитировать в системе, где целиком и полностью отсутствует частнопредпринимательская функция» (Israel M. Kirzner, *Discovery and the Capitalist Process*, 31. См. также: *Ibid.*, 126—129).

⁴⁷ Эту ошибку также сделали все комментаторы, утверждавшие, вслед за Шумпетером, что еще до того, как Мизес опубликовал свою статью, Вильфредо Парето и Энрико Бароне «доказали», что экономический расчет при социализме возможен. Как мы видели, изучая позицию этих исследователей, в их работах можно

найти исключительно аргумент формального сходства. Иными словами, они формально определили, какого типа информация должна быть доступна социалистической власти для того, чтобы экономический расчет был возможен в условиях статике. Тем не менее совершенно очевидно, что одно дело — определить тип и объем информации, необходимой для достижения этой цели, и совсем другое — решить теоретическую проблему того, как получить эту информацию, что, по мнению Мизеса и Хайека, при социализме невозможно в силу типичных особенностей этой системы. Кроме того, мы видели (см. сноски 8 и 9, глава 4), как и Вильфредо Парето, и, в меньшей степени, Энрико Бароне, упоминали, что в отсутствие рынка интересующую нас информацию или знание получить в принципе невозможно. Наконец, как нам уже известно, ту же самую ошибку совершают представители современной планометрической теории, начиная с Эрроу и Гурвица. (См. подробный анализ этой теории в разделе 5 главы 5.) Экономисты Восточной Европы, которых Джон Грей (John Gray, *Liberalisms: Essays in Political Philosophy* [London: Routledge, 1989], 174) относит к наиболее образованным представителям экономической науки в том, что касается истории экономической мысли, начали повсеместно признавать тезис Мизеса и Хайека о том, что уничтожение капиталистических рыночных институтов делает экономический расчет невозможным, в отличие от своих коллег в западных странах, остающихся в плену неоклассической парадигмы Вальраса. Среди этих экономистов особого внимания заслуживают Влодзимеж Брус и Казимир Ласки, в основном потому, что они некогда были учениками Оскара Ланге и даже его соавторами (См.: *Problems of Political Economy of Socialism* [New Delhi: People's Publishing House, 1962]. Ласки написал для этого сборника статью об условиях общего равновесия между производством и потреблением, pp. 108—151; в статье Бруса говорится о проблемах маржинального (т.е. на основе предельных величин. — *Ред.*) учета в социалистической экономике, pp. 175—194.) Я был глубоко тронут более поздними высказываниями этих экономистов о том, что неоклассическая модель Вальраса бесполезна в качестве теоретического фундамента для социалистической экономики, потому что она не включает предпринимательства, и в силу этого широко распространенное до сих пор мнение, будто бы Ланге опроверг Мизеса, совершенно беспочвенно. В самом деле, Брус и Ласки пишут: «Технологические знания, необходимые для заполнения элементов системы уравнений Вальраса, являются не исходными данными, а информацией, которую можно обнаружить исключительно в процессе конкурентной борьбы. Таким образом, то, что имеет значение, — это особые «приемы предпринимательского мышления», своего рода

интуиция, которая срабатывает тогда, когда человек действительно находится в ситуации конкуренции. ... В модели рыночного социализма Оскара Ланге все эти аспекты отсутствуют, и это *подтверждает, что претензии этой модели на то, чтобы быть убедительным опровержением доказательства Мизеса—Хайека, были необоснованными*» (Włodzimierz Brus, Kazimierz Laski, *From Marx to the Market: Socialism in Search of an Economic System* [Oxford: Clarendon Press, 1989], 58.) Мы могли бы также упомянуть венгерского исследователя Яноша Корнаи, который в своей статье «Венгерский процесс реформ» (János Kornai, “The Hungarian Reform Process,” *Journal of Economic Literature* 24, no. 4 [December 1986]: 1726—1728, переиздана в качестве главы 5 книги *Vision and Reality: Market and State* [New York: Harvester Wheatsheaf, 1990]) прямо пишет, что «Ланге жил в бесплодном мире чистой теории Вальраса» (p. 1727) и критикует роль неоклассической школы в споре об экономическом расчете за то, что «центр тяжести переместился в сторону вычисления правильных ценовых сигналов. При этом была утрачена главная идея Мизеса—Хайека, связанная с *соперничеством*. В настоящем рыночном процессе участвуют те действующие субъекты, которые хотят и могут использовать свои *специфические знания* и возможности. Они являются соперниками. В этом смысле рынок всегда находится в состоянии динамического неравновесия. Кто-то выигрывает, а кто-то проигрывает. Победа приносит плоды: выживание, рост, больше прибыли, больше дохода. Поражение приносит потери: убытки, сокращение доходов и в конечном счете уход с рынка. Если использовать нашу терминологию, то рынок по Мизесу—Хайеку подразумевает *жесткие бюджетные ограничения* и рынок покупателя. Пока система и политический режим не обеспечивают этих двух условий, настоящего рынка нет. *Главный недостаток модели Ланге состоит в том, что она даже не рассматривает эти два условия, и ту же самую ошибку совершили многие из последователей Ланге*» (pp. 1727—1728). Наконец, русский экономист Габриэль Темкин в статье «Об экономических реформах в социалистических странах: возвращение к спору об экономическом расчете при социализме» (Gabriel Temkin, “On Economic Reforms in Socialist Countries: The Debate on Economic Calculation under Socialism Revisited,” *Communist Economies* 1, no. 1 [1989]: 31—59), утверждает, как и остальные процитированные нами восточноевропейские исследователи, что «в модели Ланге нет никаких следов предпринимательства, ни в чисто теоретическом, ни в практическом аспекте. Предпринимательство тесно привязано к модели Общего Равновесия и фактически игнорируется, потому что в таком контексте нет места для теории предпринимательского выбора... И, поскольку в

5. Критический анализ классической модели Ланге

Вводные терминологические разъяснения

Мы приступаем к описанию и критическому анализу модели «конкурентного решения» Оскара Ланге. Однако сначала необходимо сделать некоторые разъяснения относительно терминологии. Как мы видели в предыдущем разделе, описывать «решение» Ланге как «конкурентное» можно только, если понимать под «конкуренцией» то узкое значение этого термина, которое используется для описания носящей парадоксальное название модели «совершенной конкуренции». Иными словами, решение Ланге является «конкурентным» лишь в том смысле, что оно не подразумевает никакой конкуренции, потому что «конкуренция» рассматривается исключительно с точки зрения статичной ситуации, которую описывает неоклассическая модель общего равновесия. То же самое можно сказать по поводу использования Ланге и его последователями выражения «рыночный социализм». В нем слово «рынок» не относится к реальному рынку, то есть к социальному процессу, движимому энергией предпринимательства, который обладает общими характеристиками, подробно описанными нами в главе 2 этой книги. Наоборот, у Ланге этот

социалистической экономике, основанной на государственной собственности, не может быть корректной имитации рынка и предпринимателя, в лучшем случае можно воспроизвести лишь рутинные задачи менеджера. Но и в этом случае имитация не будет ни точной, ни близкой к оригиналу». Темкин завершает здравицей в честь Мизеса: «Возможно, памятник Мизесу, по поводу которого Ланге язвил полвека назад, в конце концов будет воздвигнут: если не на Красной площади, то в Будапеште, поближе к его родной Австрии» (р. 53). Я хотел бы добавить от себя лично, что в свете исторических событий, произошедших в остальных восточноевропейских странах, такие памятники должны поставить в столицах всех стран, которые официально перестали быть социалистическими, в первую очередь — в Берлине, Варшаве, Праге, Будапеште, а также в Москве. (Как мы отмечали в сноске 21 к главе 4, памятник Мизесу уже стоит как минимум в библиотеке экономического факультета Варшавского университета, рядом с бывшим кабинетом Оскара Ланге.)

термин относится к пассивному поведению экономических агентов. Любое творческое предпринимательство исключено, а вся информация, как предполагается, доступна для действующих субъектов. Итак, классическая модель «рыночного», или «конкурентного», социализма у Оскара Ланге и его последователей содержит эти термины именно потому, что она основана на неоклассической экономической теории Вальраса, где понятия «рынка» и «конкуренции» теряют свое значение и не имеют связи с реальной сущностью и характером этих институтов. Теперь, после разъяснения этого терминологического вопроса, перейдем к подробному рассмотрению классической модели Ланге в том виде, в каком он сформулировал ее в первоначальной версии своей статьи «Об экономической теории социализма»⁴⁸.

Описание модели

Считая неоклассическую теорию цен и «совершенной конкуренции» идеальным теоретическим фундаментом для социалистической системы, Ланге начинает свою статью с подробного обзора типичных элементов теории экономического равновесия в том виде, как ее обычно излагают в учебниках. С точки зрения неоклассической теории в модели «совершенной конкуренции» равновесие достигается при выполнении следующих трех условий: во-первых, говоря «субъективно», при рыночных ценах все участники экономической системы должны достичь своего «максимума»; во-вторых, говоря «объективно», при равновесных ценах предложение и спрос на каждое из благ и услуг должны быть равны; в-третьих, доход всех потребителей должен быть равен доходу, полученному от использования их производственных факторов.

Как хорошо известно, первое условие выполняется во всех случаях, когда потребители максимизируют полезность, а производители — прибыль, а для этого, в свою очередь, требуется, чтобы потребители равномерно распределили предельную полезность, взвешенную по ценам, на все потребительские блага и услуги, а производители уравнили взвешенные коэф-

⁴⁸ См. pp. 65–89 репринта 1964 года статьи “On the Economic Theory of Socialism,” с предисловием Липпикота.

фициенты предельной производительности с ценами на все факторы производства и производили такой объем продукции, при котором предельные издержки равны цене (или предельному доходу). Кроме того, если предположить, что вход на рынок и выход с него полностью свободны, то на уровне сектора или отрасли цена товара должна равняться средним производственным издержкам. С учетом того, что доходы потребителей будут определяться ценами на услуги факторов производства, а также того, что спрос всегда должен быть равен предложению, с помощью типично вальрасовского процесса «нащупывания» (или проб и ошибок) можно будет «определить» тот набор цен, при котором рынок будет находиться в равновесии. Если в ходе «нащупывания» объем предложения будет отличаться от объема, на который есть спрос, цены будут изменяться под воздействием «конкуренции» между покупателями и продавцами до тех пор, пока не будет достигнута точка равновесия⁴⁹. Предъявив это объяснение того, каким образом равновесие «теоретически» и «практически» достигается в «капиталистической системе», Ланге пытается показать, что его можно таким же образом достигнуть в социалистическом сообществе.

По мнению Ланге, первое условие, которое мы назвали «субъективным», будет выполнено применительно к потребителям, если им будет разрешено максимизировать полезность на полностью «конкурентном» рынке потребительских благ и услуг, точно так же, как это происходит в капиталистической системе. Однако у производителей больше не будет возможности максимизировать прибыль; вместо этого они должны будут соблюдать два *правила*; центральное бюро планирования принудительно навяжет им эти правила и будет следить за тем, как они их выполняют. Два этих правила разработаны для того, чтобы *имитировать* результаты максимизирующего поведения производителей на рынке; таким образом, они должны обеспечивать замену принципа максимизации прибыли теми результатами, которые дает этот принцип в рамках модели «совершенной конкуренции».

Первое правило требует от производителей, чтобы они выбирали такое сочетание факторов, которое минимизирует

⁴⁹ Takashi Negishi, “Tonnement and Recontracting,” in *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, 4: 589–595.

средние производственные издержки. *Второе правило*, распространяющееся также на менеджеров различных предприятий, требует от них производить столько, чтобы предельные издержки были равны ценам. На уровне отрасли общий уровень производства также будет определяться с помощью второго правила, но отвечать за его соблюдение будут не менеджеры отдельных фирм, а менеджеры каждой из отраслей, которых обяжут в соответствии с этим правилом увеличивать или сокращать производство в отрасли. Следовательно, по мнению Ланге, выполнение второго правила на уровне каждой отрасли функционально будет играть роль, которую принцип свободы входа и выхода играет на конкурентном рынке.

В модели Ланге и цены на потребительские блага и услуги, и ставки заработной платы определяются рынком, а центральный плановый орган «устанавливает» только цены на факторы производства. В этом смысле, изначально центральному плану требуется просто установить какие-нибудь «цены» на факторы производства, определив их интуитивно или произвольно. Менеджеры фирм и отраслей, так же как потребители и наемные работники, принимают все решения пассивно, то есть приспособливают их к упомянутым «ценам» и выполняют вышеописанные правила; таким образом определяется величина спроса и предложения для каждого отдельно взятого блага или услуги. Если для некоторых производственных благ спрос и предложение не совпадают, то центральный плановый орган должен пересмотреть и изменить цены посредством «процесса проб и ошибок», который прекращается в момент достижения окончательной цены равновесия, иными словами, тогда, когда спрос становится равен предложению, или наоборот. Соответственно, цены, которые центральное бюро планирования устанавливает на факторы производства, являются чисто «параметрическими»: они задают пассивность поведения экономических субъектов, которые должны просто приспособиться к этой данности, а также «объективно» порождают определенные индикаторы (дефицит или избыток товара), «однозначно» побуждающие центральный орган принуждения модифицировать цены так, чтобы достичь равновесия. Итак, центральный плановый орган заменяет рынок в том, что касается размещения капитальных благ, и социалистическая система формально в состоянии достичь равновесия модели «совершенной конкуренции» с помощью того самого метода «проб и ошибок»,

который Вальрас разработал для «конкурентной системы» и который Тейлор уже предлагал на 8 лет раньше Ланге в качестве «решения» для социалистической системы.

Две интерпретации модели Ланге

На этом этапе можно было бы выдвинуть две интерпретации модели Ланге: широкую и узкую. Эту модель можно рассматривать как попытку «решения» второстепенной задачи (мы называли ее «вычислительной», или задачей алгебраических вычислений): системы уравнений равновесия по Вальрасу, которую мы обсуждали в процессе анализа «математического решения». С этой точки зрения, главное достоинство модели Ланге состоит в том, что в ней не нужно решать такую систему уравнений, ни на бумажке, ни с помощью компьютера. Однако в связи с тем, что в модели Ланге вся информация, необходимая для того, чтобы сформулировать и обсчитать эту задачу или систему уравнений, уже порождена и считается заданной (то есть предполагается, что она уже существует где-то на рынке), эта модель не решает фундаментальную проблему, поставленную Мизесом (проблему невозможности создания и передачи информации, необходимой для экономического расчета, в условиях отсутствия частной собственности на средства производства и свободы предпринимательства).

Модель Ланге можно также рассматривать как попытку решить фундаментальную проблему, поставленную Мизесом, но тогда мы видим, что, поскольку эта модель предполагает, что в чрезвычайно значимых сферах рынка существуют препятствия для свободного предпринимательства, информация, без которой экономический расчет невозможен, не порождается, и, следовательно, модель не может быть ответом Мизесу. Как мы увидим ниже⁵⁰, имеются крайне убедительные доказательства того, что Ланге считал свою модель просто инструментом для вычислений (это было неизбежно, потому что он так и не понял смысла открытия Мизеса, в ос-

⁵⁰ См. в особенности отрывок из статьи Ланге «Компьютер и рынок», который мы цитируем в конце этой главы, в разделе, посвященном «четвертому этапу» научного пути Ланге. См. также комментарии на этой и следующих страницах.

новном из-за искаженного представления об экономической науке, почерпнутого из неоклассической теории Вальраса, под гипнозом которой Ланге находился всю свою жизнь). Тем не менее, поскольку те, кто интерпретировал творчество Ланге и его учеников, воспринимали его модель как попытку решить фундаментальную проблему создания и передачи информации, поставленную Мизесом, наш критический анализ модели Ланге будет исходить из наиболее широкой интерпретации; это означает, что мы будем рассматривать ее как попытку решить ту проблему, которую сформулировал Мизес.

Критический анализ максимально широкой интерпретации модели Ланге

Прежде чем продолжить, следует отметить, что идеи Ланге включают многочисленные элементы (метод «проб и ошибок», установление цен в соответствии с предельными издержками, центральное бюро планирования, отдающее распоряжения менеджерам и т.п.), из которых почти все, как мы видели, уже предлагались социалистическими теоретиками, хотя и по отдельности. Новизна подхода Ланге состояла главным образом в том, что он более логично увязал их с неоклассической моделью Вальраса. Поэтому мы могли бы повторить здесь все комментарии и критические замечания, уже высказанные нами применительно к различным компонентам разных «решений» проблемы экономического расчета при социализме, которые мы уже проанализировали и которые Ланге в той или иной степени включает в свою модель. Кроме того, на этом этапе читателю должно быть нетрудно самому понять, что, поскольку модель Ланге связана с запретом на свободное предпринимательство в ключевых сферах рынка и на различных уровнях, она в принципе не может быть решением проблемы экономического расчета в социалистической системе. Если свободное предпринимательство не разрешается в одной из фундаментальных областей (например, в области капитальных благ), то предпринимательству не позволяют находить, генерировать и передавать базовую (практическую, субъективную, рассеянную и невербализованную) информацию, необходимую людям для того, чтобы они могли производить рациональные расчеты и согласованным образом корректировать свое поведение. Тем

не менее в контексте модели Ланге крайне необходимо сделать некоторые особенно важные критические замечания, которые, мы полагаем, послужат иллюстрацией применения нашего главного аргумента к этой конкретной модели.

1) Невозможность составить список капитальных благ

Во-первых, следует задать вопрос: каким образом центральный плановый орган может параметрически устанавливать цены на капитальные блага, если их тип, число, количество, качество и характеристики неизвестны даже самим участникам процесса производства? Капитальным благом является *любая промежуточная стадия* в процессе производства, субъективно расцениваемая как таковая участником этого процесса. Иными словами, всё, что, по мнению действующего субъекта, полезно для достижения его цели, является капитальным благом (если это не просто услуги наемного труда). Следовательно, различить то, что составляет капитальное благо, способен только участник процесса, который будет обнаруживать эту информацию постепенно в ходе предпринимательства; тем самым субъективный, практический, рассеянный и неартикулируемый характер этой информации сделает ее недоступной для центрального планового органа. Кроме того, не следует считать, что опыт, то есть знания о том, что в прошлом составляло капитальные блага, может помочь в составлении их списков. Дело в том, что концепция капитальных благ — субъективная и исключительно *потенциальная*; действующий субъект определяет ее в зависимости от того, как, по его мнению, события будут происходить в будущем. Если что-то сработало в прошлом, нет никакой гарантии, что в будущем это повторится. Только те блага, которые человек субъективно считает потенциально полезными (благодаря их особым качествам, их наличию в нужное время в нужном месте и т.п.) для достижения конкретной цели и осуществления конкретного проекта, будут капитальными благами.

Однако дело не только в том, что центральный орган принуждения в принципе не может получить рассеянную информацию, необходимую для того, чтобы опознать существующие капитальные блага. Дело также в том, что в той степени, в какой обычные экономические субъекты будут лишены возмож-

ностей для свободного проявления предпринимательства, на практике эта информация даже не будет замечаться и порождаться. Если экономические субъекты не могут действовать как предприниматели, то есть не могут придумывать новые цели, преследовать новые прибыльные возможности и использовать их по максимуму, то прибыль не будет служить стимулом и, следовательно, необходимая практическая информация о целях и средствах, которая возникала бы на свободном рынке, даже не будет создаваться.

Этого довода достаточно для демонстрации того, что модель Ланге теоретически и практически неосуществима и соответственно она никак не может быть решением поставленной Мизесом проблемы экономического расчета. На практике, как отметил Мизес в опубликованном в 1940 г. пространном ответе на статью Ланге, фиксация параметрических цен центральным плановым советом была бы чистым произволом не только с точки зрения выбора конкретных цифр, но также (что гораздо хуже) с точки зрения типа и количества благ, на которые устанавливались бы цены. Кроме того, результатом фиксации этих цен стал бы набор грубых, однородных категорий «капитальных благ» под неудачными названиями, которые отражали бы мнение о капитальных благах, якобы существовавших в прошлом; эти категории не учитывали бы необходимых различий между специфическими обстоятельствами времени, места, качества и т.п. А ведь именно эти различия — когда на них субъективно смотрит предприниматель — делают те блага, которые мы наблюдаем во внешнем мире, капитальными благами, и дарят им их самую сокровенную, тонкую и существенную особенность⁵¹.

⁵¹ Хайек пишет: «Процесс установления цен будет ограничиваться назначением единообразных цен на целые классы товаров и поэтому различия, основанные на особых обстоятельствах времени, места и качества, не будут находить в этих ценах никакого отражения. Без какого-то подобного упрощения число различных товаров, на которые пришлось бы устанавливать отдельные цены, практически достигало бы *бесконечности*. Однако это означает, что у руководителей производства не будет никакого стимула и даже реальной возможности пользоваться уникальными благоприятными обстоятельствами, особыми договоренностями и всеми мелкими преимуществами, предоставляемыми специфическими местными условиями, поскольку все это не могло бы вхо-

2) Абсолютно произвольная продолжительность периода времени, на которое устанавливаются параметрические цены

Во-вторых, не только «параметрические цены» и список «капитальных благ» будут устанавливаться произвольно, но и период времени, в течение которого плановый орган будет считать, что цены должны остаться неизменными, тоже будет абсолютно произвольным. Это один из тех пунктов, где противоречивость позиции Ланге проявляется особенно четко, потому что в одном месте он утверждает, что корректировка цен всегда будет происходить «в конце отчетного периода», а в другом — пишет, что цены будут корректироваться «постоянно»⁵². В обоих случаях продолжительность этого периода будет абсолютно произвольной, потому что у бюро планирования не будет той информации, которой обладают предприниматели в действительно конкурентной экономике, информации, позволяющей им менять цены тогда и так, когда и как они считают это наиболее правильным и полезным с точки зрения достижения своих целей. У центрального планового органа никогда не будет доступа к такой информации; поэтому, если власть установит какой-либо отчетный период, он, несомненно, окажется слишком долгим, а если решения принимаются *ad hoc*, в зависимости от оценки хода событий, они все равно будут приниматься на чисто произвольных

дить в их расчеты». См.: F. A. Hayek, “Socialist Calculation III: The Competitive Solution” in *Individualism and Economic Order*, 193 [Хайек. Экономический расчет при социализме III: конкурентное решение // Хайек. Индивидуализм и экономический порядок. С. 187] [Курсив мой. — У. де С.]. Тем не менее мы полагаем, что в этой статье Хайек не приводит тот фундаментальный довод (со всеми его следствиями из него), который мы изложили в нашем тексте.

⁵² Ланге защищает первое решение на с. 82 своей статьи «Об экономической теории социализма»: «Любая цена, отличная от цены равновесия, продемонстрирует в конце отчетного периода излишек или дефицит соответствующих товаров». Через 4 страницы (с. 86) он мимоходом высказывается в пользу второго решения: «Корректировка цен будет происходить постоянно». Несмотря на первое впечатление стройности изложения, идеи Ланге крайне беспорядочны. Стоит только присмотреться — и хаотичность и неясность его рассуждений становятся очевидными.

основаниях, так как центральный орган не может обладать тем непосредственным знанием об этих событиях, которым обладают экономические субъекты.

3) Отсутствие настоящего рынка труда, потребительских благ и услуг

В-третьих, несмотря на слова Ланге о том, что должен обязательно существовать полностью свободный конкурентный рынок потребительских благ и услуг, а также труда, возникает впечатление, что этот «рынок» будет «свободным» и «конкурентным» лишь номинально⁵³. Дело в том, что для действительно конкурентного рынка потребительских товаров и услуг требуется ничем не стесненное присутствие настоящих предпринимателей, или свободных действующих субъектов, не только со стороны спроса, но и со стороны предложения. Если на любой из этих сторон возникает принуждение, рынок перестает быть конкурентным. Итак, невозможно представить себе,

⁵³ Генри Диккинсон, который несколько позже, чем Ланге, стал одним из главных защитников «конкурентного решения», открыто признает, что существование свободного и конкурентного рынка потребительских благ при рыночном социализме будет скорее фиктивным, чем реальным, а также без тени стыда пишет, что государственный аппарат рекламы и пропаганды создаст у граждан ложное впечатление свободного выбора потребительских благ и услуг. Цитируем: «Мощный инструмент пропаганды и рекламы в руках государственных воспитательных и просветительских служб... мог бы отвлечь спрос, направив его в желательном с социалистической точки зрения отношении, при этом *сохранив субъективное впечатление свободы выбора*». См.: Henry Douglas Dickinson, *Economics of Socialism* (Oxford: Oxford University Press, 1939), 32. Оскар Ланге тоже продемонстрировал свое истинное лицо, когда посвятил целиком 4-й раздел своей статьи «Об экономической теории социализма» объяснениям, что его модель будет работать, даже если центральный орган принуждения решит запретить свободный выбор трудовой деятельности и потребительских товаров и услуг, навазав вместо этого всему обществу частные предпочтения властей. Поэтому не вызывает удивления, что, как мы увидим, на завершающем этапе своей академической карьеры Ланге восхвалял и оправдывал сталинскую систему.

каким образом менеджеры социалистической системы, которые не являются настоящими предпринимателями, так как не могут свободно стремиться к (субъективно определенной) прибыли или выгоде, могли бы генерировать информацию о непрерывном запуске в производство новых потребительских благ и услуг, об усовершенствовании существующих благ, об изменениях, присходящих с их качественными характеристиками, дистрибуцией, физическим размещением, рекламированием и т.п., — информация, которая постоянно создается в капиталистической системе. Соответственно, потребители были бы вынуждены выбирать из ограниченного «меню» потребительских благ и услуг, которые предлагают им социалистические менеджеры. Без сомнения, «рыночные социалисты» и, в особенности, Ланге так много говорят о «конкурентном рынке потребительских благ» (и даже злоупотребляют термином «суверенитет потребителя» применительно к социалистической системе) потому, что в социалистической системе «суверенитета» и свободы не больше, чем, например, у заключенного, считающего себя свободным тогда, когда он ограничивает свою деятельность пространством камеры⁵⁴.

4) Бессмысленность предложенных Ланге «правил»

В-четвертых, правила Ланге о том, что нужно выбирать то сочетание факторов, при котором минимизируются средние издержки, и производить такое количество продукции, при котором цены равны предельным издержкам, невозможно использовать на практике. То, что Ланге считал свои «правила» очевидными и работающими, является еще одним свидетельством вредного влияния на его взгляды неоклассической тео-

⁵⁴ Этой аналогией мы обязаны работе: Robert Bradley, "Market Socialism: A Subjectivist Evaluation" in *The Journal of Libertarian Studies*, 39, note 86. То же самое можно сказать о якобы конкурентном «рынке труда». Для конкурентного рынка труда требуется непрерывное появление новых рабочих мест в результате новых инвестиционных проектов, создания новых компаний, возникновения новых предпринимательских идей и т.п. Все это неосуществимо в модели Ланге, где нет предпринимателей, а есть только менеджеры, которые, подобно роботам, ограничены совокупностью правил, предварительно установленных сверху.

рии издержек и конкретно широкораспространенного мнения о том, что издержки «объективны» и определяются функциями, связанными с «данной» информацией. Однако, как мы со всей определенностью выяснили в главе 2, издержки — это просто субъективные оценки ценности, приписываемой действующим субъектом целям, от которых он отказывается, когда выбирает определенный план действий, принимает решение его осуществить или реализует его. Издержки — это субъективные оценки упущенных возможностей, и, таким образом, они являются типичной предпринимательской информацией, которую непрерывно оценивает и создает каждый действующий субъект во всех тех случаях, когда он может свободно реализовывать свою предпринимательскую функцию и предпринимательскую бдительность. Кроме того, эта информация обладает всеми особенностями, которые мы выявили у предпринимательской информации: она субъективна, носит практический, рассеянный и неартикулируемый характер. Очевидно, что, раз издержки не даны (то есть функция издержек отсутствует), а в ходе реализации каждого плана действий субъективно оцениваются методом проб и ошибок, то вряд ли можно приказать отраслевым менеджерам выполнять «правила» Ланге, и уж конечно, центральное бюро планирования не способно объективно следить за их исполнением.

Предложение Ланге просто демонстрирует, что на практике неоклассическая теория издержек не смогла усвоить открытия субъективистской революции, кроме как чисто номинально, и на самом деле продолжает опираться на прежний, устаревший «объективизм» Рикардо и Маршалла⁵⁵. Поэтому нас

⁵⁵ К сожалению, в современных учебниках все еще излагается совершенно некритический взгляд на неоклассическую парадигму Вальраса и условия оптимума, сформулированные для модели «совершенной конкуренции» в рамках экономической теории благосостояния. Кроме того, многие знаменитые учебники даже ссылаются на «правила Ланге», прямо утверждая, что они позволили бы обеспечить этот оптимум в социалистической экономике. Делая такие заявления, авторы учебников не снисходят до каких-либо разъяснений и пренебрегают всеми обсуждавшимися нами проблемами, о которых они даже не упоминают. На то, чтобы исправить ущерб, который наносится тем самым экономическому образованию, могут потребоваться годы, а, возможно, причиненный вред уже необратим. В качестве примера можно при-

не должно удивлять заявление Джеймса Бьюкенена о том, что причиной полемики о возможности экономического расчета в социалистических экономиках является непонимание социалистическими теоретиками подлинной, субъективной природы издержек, хотя, возможно, он слегка преувеличивает⁵⁶. Покойный Джек Уайзмен в заслуживающей внимания статье 1959 г. о проблеме издержек в связи с экономическим планированием при социализме, подчеркивает субъективный характер издержек и определяет их как оценку возможностей, которые утрачиваются в результате предпочтения одного плана действий остальным потенциальным планам и проектам. Только тот, кто предпринимает эти инициативы, спосо-

вести известный учебник Гоулда и Фергюсона (J. P. Gould and S. E. Ferguson, *Microeconomic Theory* [Illinois: Richard D. Irwin, 1980], 445), где мы читаем буквально следующее (без каких-либо дополнительных разъяснений и комментариев): «*Теорема (правило Ланге—Лернера)*: Для достижения максимального общественного благосостояния в децентрализованной социалистической экономике государственный плановый орган должен решить проблему условной максимизации и получить *невяные цены* на все виды сырья и конечной продукции, чтобы *дать указание* всем потребителям и всем менеджерам заводов действовать так, как если бы они *занимались максимизацией прибыли или удовлетворения на совершенно конкурентных рынках*» (курсив мой. — У. де С.). Итак, мы обнаруживаем совершенную нелепость, выраженную в категорической форме и возведенную на уровень «научного вывода» в «авторитетном» учебнике.

⁵⁶ См. введение Джеймса Бьюкенена к *L. S. E. Essays on Costs*, 3—10, а также *Cost and Choice* (Chicago: Marckham Publishing, 1969), 21—26, 34—35, 41, 96. Нам кажется, что Бьюкенен несколько преувеличивает, потому что оценка издержек, хотя и необходима для рационального экономического расчета, представляет собой только часть всей информации, создаваемой и передаваемой в процессе предпринимательства (который включает также оценку целей). По нашему мнению, главная причина полемики — не столько непонимание подлинной, субъективной природы издержек, сколько фундаментальное отсутствие всякого понятия об истинной природе человеческой деятельности и предпринимательства, о чем шла речь в главе 2. Бьюкенен приходит к выводу: «Уровень путаницы в голове у современных экономических теоретиков измеряется тем, до какой степени они готовы согласиться с утверждением о победе Ланге над Мизесом, несмотря на многочисленные эмпирические доказательства обратного» (*L.S.E. Essays on Costs*, 5).

бен произвести эту субъективную оценку, воплощением которой является решение (часто неявное) о том, приступать или нет к реализации конкретного плана. Этот процесс никогда не приводит к появлению информации, позволяющей объективно зафиксировать цены, приравняв их к объективно установленным предварительно данным об издержках. Таким образом, Уайзмен приходит к выводу о том, что «правила» Ланге не могут служить руководством для менеджеров социалистических отраслей и что, соответственно, любое подобное правило будет произвольным — как в отношении его конкретного содержания, так и с точки зрения усилий центрального бюро планирования по практическому и действенному контролю за его соблюдением⁵⁷.

⁵⁷ Уайзмен пишет: «Если согласиться с тем, что неопределенность существует, то больше невозможно считать проблему альтернативных издержек исключительно проблемой редкости, которая решается выбором между вариантами затрат производственных факторов и выпуском продукции при данных ценах. Это значит, что альтернативные издержки больше не представляют собой результат суммирования и сравнения известных данных. Цены и другие переменные следует оценивать: в решениях по поводу альтернативных издержек участвует неопределенность (и, следовательно, человеческие суждения), а не только редкость. Проблема издержек теперь возникает как проблема выбора из *возможных планов действий*... Поскольку с альтернативными издержками нельзя обращаться так же, как с известными денежными издержками, а следует рассматривать их как *оценки упущенного потенциального дохода*, то в условиях неопределенности больше не имеет смысла говорить, что эффективное распределение ресурсов происходит тогда, когда цены равны предельным денежным издержкам». В заключение Уайзмен делает вывод, что в социалистической системе «правило предельных издержек в его обычной формулировке не является ясным ориентиром для тех, кто отвечает за организацию производства в такой экономике. Попытки переформулировать это правило с учетом неопределенности исключают возможность прямого контроля над тем, как менеджеры в коллективистской экономике выполняют это правило. Любой косвенный, объективный контроль, который будет использоваться в качестве дополнения к правилу предельных издержек, на практике заменит это правило в качестве директивы для менеджеров; кроме того, *в любом случае, абсолютно объективный контроль невозможен*» (Jack Wiseman, "Uncertainty, Costs, and Collectivist Economic Planning," *Economica*

Следовательно, очень мало смысла в том, чтобы приказывать менеджерам заводов и компаний использовать то сочетание факторов, с которым связаны самые низкие издержки. С учетом субъективного характера издержек, это правило лишено смысла и означает то же самое, что приказывать менеджерам «поступать наилучшим возможным образом», при этом не разрешая им совершать предпринимательские действия, которые только и могут обеспечить желаемый результат — снижение издержек⁵⁸. Действительно, в рыноч-

[May 1953], переиздано в качестве 9 главы книги *L. S. E. Essays on Costs*, 229, 234—235). Дж. Тирлби пришел к тем же выводам несколько раньше; в своей знаменитой статье «Правитель» (G. F. Thirlby, “The Ruler,” *South African Journal of Economics* [December 1946], переиздана в качестве главы 7 книги *L. S. E. Essays on Costs*) он пишет, что любое правило, устанавливающее существование объективной и различимой связи между доходом и издержками (например, что предельный доход равен предельным издержкам, или что цена равна предельным издержкам, или что совокупный доход равен предельным издержкам и т. п.) «не обладает объективностью, которая приписывается ему по умолчанию; следовательно, применение этого правила невозможно». Между прочим, из этого объяснения следует, что у значительной части так называемой «теории образования цен на услуги государственных предприятий коммунального хозяйства» (см.: Jack Wiseman, “The Theory of Public Utility Price: An Empty Box,” in *Oxford Economic Papers* [Oxford: Oxford University Press, 1957], no. 9) и «экономического анализа [антимонопольного] законодательства» отсутствует теоретическое обоснование.

⁵⁸ Пол Крейг Робертс (Paul Craig Roberts, “Oskar Lange’s Theory of Socialist Planning: An Obscurant of Socialist Aspirations” in *Alienation and the Soviet Economy* [New York: Homes and Meir, 1990], esp. pp. 96—98) также приходит к выводу о том, что «правила» Ланге невозможно применять на практике. Хотя мы обязаны Робертсу многими важными наблюдениями, например, доказательством несовместимости марксизма с «рыночным социализмом», а также демонстрацией того, что в так называемом советском «централизованном планировании» рационализация присутствует исключительно *ad hoc* и *a posteriori*, мы считаем его анализ социализма неверным, так как он недостаточно субъективистский, то есть не основан на изучении последствий систематического принуждения для людей и социальных процессов. Кроме того, самих по себе противоречий между марксизмом и моделью Ланге недостаточно для того, чтобы поставить эту модель под сомнение; если модель Ланге воплощает «надежды» многих людей, для ее

ной экономике со свободным предпринимательством у предпринимателей постоянно возникают новые идеи, догадки и т. п. относительно создания новых сочетаний капитальных благ, а также новых, более дешевых и более производительных технических параметров, которые можно проверить в процессе предпринимательства и которые, если оказываются успешными, приводят к соответствующей предпринимательской прибыли и постепенному устранению конкурентов. Эти конкуренты, если они хотят выжить, вынуждены вводить те усовершенствования и новшества, которые уже были обнаружены и успешно опробованы. В предложенной Ланге системе этот процесс полностью отсутствует: там нет возможности для свободного предпринимательства и поэтому информация о способах сокращения издержек, связанных с капитальными благами, даже не порождается. И даже если бы она вдруг возникла случайным образом, это не имело бы значения, так как центральное бюро планирования заранее устанавливает цены

опровержения нужны более сильные аргументы, чем те, которые использует Робертс. Кроме того, Робертс нигде не учитывает предпринимательства; у него ограниченные и путанные представления о причинах возникновения спора и позиции Мизеса и Хайека; у Майкла Поланьи его больше интересует довольно слабый (в силу его «объективистского» характера) анализ «полицентричных и иерархических» структур общества, чем теория о неявном и неартикулируемом характере практического знания, которая, как нам известно, гораздо важнее для теоретического изучения социализма. Наконец, Робертс не осознает, что навязывание сверху модели социалистического равновесия, «подобной нирване», где отсутствуют любые изменения и исправления, полностью совместимо с целями Маркса (с уничтожением отчуждения за счет того, что участники любого социального процесса будут хорошо понимать его корни и ход развития, а также за счет сознательного управления экономикой). Соответственно, нас не должно удивлять «роковое влечение», которое теоретики равновесия обычно испытывают к социализму (и интервенционизму), хотя мы согласны с Робертсом в том, что разрыв с Марксом происходит именно в тот момент, когда делается попытка, как, например, в модели «конкурентного социализма», ввести некоторые рыночные институты, чтобы облегчить достижение равновесия. Более позднее объяснение несовместимости характерных для рынка критериев размещения ресурсов с традиционной социалистической идеологией см.: Pawel H. Dembinski in *The Logic of the Planned Economy: The Seeds of the Collapse* (Oxford: Clarendon Press, 1991), esp. pp. 68–69.

на эти товары, и поэтому единственным вариантом действий, доступным для менеджера, которому повезло с «предпринимательской идеей», было бы попытаться убедить соответствующий орган централизованного планирования в том, что данное конкретное благо дешевле и эффективнее производить другим способом и, следовательно, цену на него нужно снизить. Разумеется, это было бы невозможно — не только из-за трудностей с передачей практического, рассеянного, субъективного и неартикулируемого знания, но и потому, что, по определению и в соответствии с моделью Ланге, центральный плановый орган снижает цены только тогда, когда *a posteriori* становится ясно, что существует перепроизводство, а не тогда, когда более или менее «талантливый» и «самобытный» менеджер считает, что в будущем лучше было бы поступать по-другому⁵⁹.

⁵⁹ «При обсуждении проблем такого рода, как и в большей части современных дискуссий по экономической теории, этот вопрос часто трактуется так, как если бы кривые издержек были объективно данными фактами. При этом забывается, что наиболее дешевый при существующих условиях метод предпринимателю надо *открывать и переоткрывать заново*, зачастую изо дня в день; а также что, несмотря на сильные стимулы, далеко не всегда наилучший способ открывает обязательно авторитетный предприниматель, руководитель уже существующего завода. В конкурентном обществе силой, вызывающей снижение цены до самого низкого уровня издержек, с какими можно произвести количество продукции, на которое при таких издержках найдутся покупатели, является возможность для каждого, кому известен более дешевый метод, пойти на риск и привлечь потребителей, установив цену ниже, чем другие производители. *Однако этот путь исключен, если цены зафиксированы властью.* Любое усовершенствование, любое приспособление технологии производства к изменившимся условиям будет зависеть от чьей-то способности убедить ВЭС в том, что данный товар можно производить дешевле и что, следовательно, цену следует понизить. Поскольку у человека с новой идеей не будет возможности заявить о себе, снизив цену, то новую идею нельзя будет доказать экспериментально, если только он не убедит ВЭС, что его метод производства данного изделия дешевле. Или, другими словами, каждый расчет аутсайдера, уверенного, что он способен на большее, должен будет изучаться и одобряться властями, которым в таком случае придется брать на себя все функции предпринимателя» (F. A. Hayek, «Socialist Calculation III: The Competitive Solution» in *Individualism and Economic Or-*

Все эти аргументы относятся и ко второму «правилу» Ланге, так же как и возражение, которым Мизес и Хайек ответили на предложение немецких теоретиков Хеймана и Карла Поланьи использовать «критерий предельных издержек» и разработавших для этого модель социалистической организации, основанную на множестве «конкурентных монополий или трестов». Не следует забывать, что правило предельных издержек не имеет смысла, потому что в любом случае не издержки определяют цены, а цены определяют издержки. Соответственно это правило сомнительно, как и любые рассуждения в жанре порочного круга. Кроме того, одним из самых существенных компонентов издержек является норма амортизации капитальных благ, и поэтому, чтобы вычислить издержки, нужно знать стоимость будущей замены капитального блага. В предложенной Ланге системе было бы невозможно получить эту информацию, потому что она зависела бы либо от той произвольно выбранной параметрической цены, которая будет установлена в будущем, либо от будущего результата произвольного процесса приспособления, основанного на рекомендованном Ланге методе «проб и ошибок».

Кроме того, Ланге пишет о «предельных издержках так, как если бы они не зависели от периода времени, на который

der, 196—197 [Хайек. Экономический расчет при социализме III: конкурентное решение // Хайек. Индивидуализм и экономический порядок. С. 190][Курсив мой. — *У. де С.*]. В статье «Роль планирования в социалистической экономике» (“*Role of Planning in Socialistic Economy*,” in *Problems of Political Economy of Socialism*) Ланге признается, что он никогда не понимал фундаментального доказательства Хайека; хотя Ланге согласен с тем, что установление цен на базе предельных издержек связано с огромными практическими трудностями, он полагает, что переменные средние издержки компаний с самыми высокими издержками для каждой отрасли могли бы служить надежным и реалистическим приблизительным ориентиром (pp. 32—34). Ланге не понимает, что предложенный им практический подход означает использование чисто произвольной цифры, которая извлекается из интерпретации событий прошлого и не имеет ничего общего с тем понятием издержек, без которого невозможен рациональный экономический расчет. Поэтому с помощью предложенного им «правила» можно лишь приравнять цены к «номинальным» издержкам в абсолютных цифрах, которые будут преувеличенными, так как они включают и маскируют разнообразные виды низкой производительности и избыточности.

должен ориентироваться менеджер конкретной отрасли или компании. Правда, в работах теоретиков «рыночного социализма» содержится различие «краткосрочного» правила (хотя, что такое «короткий» период, не указывается) приравнивания цен к предельным издержкам и «долгосрочного» инвестирования, когда увеличение или уменьшение технической оснащенности учитывается непосредственно. Однако, если цель в том, чтобы установить практическое, действующее правило, и плановый орган должен следить за его выполнением, то абсолютно необходимо установить период времени, который должен учитываться в каждом конкретном случае, чтобы была возможность понять, какие факторы на протяжении этого периода будут постоянными, а какие — переменными, и соответственно рассчитать предельные издержки. Очевидно, что не существует объективного, рационального критерия, чтобы решить, какой период времени следует выбрать, и это еще один признак того, что «правило Ланге», которое мы обсуждаем, невозможно ввести на практике⁶⁰.

Итак, что касается издержек, то предложение Ланге просто источает дух статической концепции экономической теории, которая подразумевает по умолчанию, что никаких изменений не происходит и вся информация, необходимая для калькуляции издержек, уже доступна. При наличии этих двух условий «правила» Ланге можно было бы применять, если бы мы могли допустить, что в будущем никакие изменения не повлияют на заданные издержки. Однако в реальной жизни, где информация не является заранее данной, а издержки субъективны и постоянно меняются, ни одно из двух правил, сформулированных Оскаром Ланге, нельзя использовать для того, чтобы сделать социализм возможным⁶¹.

⁶⁰ По этому поводу Абрам Бергсон писал: «На практике мы должны считаться не с уникальными предельными издержками для каждого уровня использования материалов, а с совокупностью материальных издержек, где каждая единица соответствует определенному периоду времени. По мере того как начинает рассматриваться все более продолжительный период времени, все больше «постоянных факторов» становятся переменными» (Abram Bergson, "Socialist Economics" in *A Survey of Contemporary Economics*, ed. Howard S. Ellis [Illinois: Richard D. Irwin, 1948], 427).

⁶¹ Вероятно, самое простое объяснение дал Дон Лавой: «Правило $MC=P$ будет оптимизировать размещение ресурсов в данной

5) Теоретическая невозможность использования
«метода проб и ошибок»

В-пятых, Ланге в своей модели придает настолько большое значение использованию метода «проб и ошибок», что мы вынуждены вернуться к этой теме. Хотя уже высказанных нами возражений, несомненно, достаточно, чтобы продемонстрировать, что «решение» Ланге неосуществимо на практике, нам придется снова указать на каждый из девяти критических доводов против метода «проб и ошибок», которые мы подробно изложили в предыдущей главе.

В частности, давайте вспомним, что простота «правила», требующего наблюдать за состоянием ресурсов и запасов, чтобы отмечать любой избыток или дефицит и соответственно корректировать цены, обманчива, потому что не существует объективной точки отсчета для таких наблюдений; кроме того, невозможно ни генерировать, ни передавать ту информацию, которая необходима, чтобы модифицировать цены в нужном направлении. На самом деле просто обратившись к статистическим данным о запасах, невозможно объективно распознать дефицит или избыток товара. Дело в том, что, вне зависимости от расчетов или цифр, отраженных в статистике, «дефицит» или «избыток» существует тогда, когда действующий субъект на основании каких-либо конкретных обстоятельств считает, что он существует. «Избыток товара» может вовсе не быть избытком, если человек субъективно рассматривает более долгий период времени или ожидает увеличения спроса в течение этого периода. В этих обстоятельствах со стороны центрального планового органа было бы серьезной ошибкой снизить параметрические «цены» на том основании,

структуре средств и целей до тех пор, пока ожидаемые в будущем издержки будут равны текущим издержкам. Это мир статичных ожиданий, которые разумны в статичном мире. Однако в мире постоянных изменений предприниматель должен стараться предугадать спрос, формируя ожидания и действуя соответствующим образом. Он будет рассматривать свои издержки на базе специфических альтернативных вариантов, которые будет считать потенциально возможными в момент выбора. И то, как он оценивает доходы, и то, как он оценивает издержки, зависит от его ожиданий в момент принятия решения» (Don Lavoie, *Rivalry and Central Planning*, 141).

что эта мера приблизит их к гипотетическим ценам равновесия, которое должно сформироваться на рынке. Точно так же то, что выглядит как «дефицит», может не быть дефицитом, если человек предполагает падение спроса или, хотя бы и ошибочно, полагает, что разумный способ справиться с этой проблемой — с помощью инноваций и использования заменителей, а не посредством повышения цены. Поскольку понятия «избытка» и «дефицита» чисто субъективны, они могут возникнуть лишь в контексте свободного проявления предпринимательства и представляют собой часть субъективной, практической, рассеянной и неартикулируемой информации, которая, соответственно, не может быть передана центральному плановому органу. Кроме того, как мы уже знаем, если менеджеры не могут быть совершенно свободными в проявлении предпринимательства, то информация, без которой невозможен рациональный экономический расчет, даже не будет порождаться на их уровне. Поэтому решения центрального планового совета повысить цену, когда «наблюдается» дефицит товара, и снизить цену, когда «ощущается» его избыток, чисто произвольны и никоим образом не могут обеспечить рациональный экономический расчет.

В мире реальной экономики не существует «функций» спроса и предложения, волшебным, но объективным образом указывающих на количество товара, которое будет произведено и востребовано по каждой конкретной цене, и позволяющих любому внешнему наблюдателю, понаблюдав за уровнем запасов, установить, каким образом нужно изменить цену, чтобы достичь равновесной цены. Цены не являются итогом пересечения кривых (или функций) спроса и предложения — они возникают из множества человеческих взаимодействий в процессе предпринимательства, посредством которого действующие субъекты непрерывно пытаются предсказать условия, которые сложатся в будущем, и действовать так, чтобы максимально использовать эти условия.

Кроме того, в отношении производственного оборудования, или сектора капитальных благ, метод, предложенный Ланге, часто вообще теоретически неприменим; например, это всегда так в случае с оборудованием, которое заказывают специально и производят в небольших количествах, в отличие от стандартных капитальных благ массового производства. Нам совершенно непонятно, как Оскар Ланге мог считать, что в отноше-

нии таких видов оборудования, как крупные заводы, большие проекты в области недвижимости, доменные печи, суда специального назначения и т.п. можно объективно выявить избыток или дефицит конкретного блага, просто наблюдая за тем, что происходит с запасами. Если решение об изменении цены откладывается на то время (несколько лет), которое необходимо для того, чтобы корректно оценить степень и продолжительность наблюдаемого дефицита или избытка, то к тому моменту, как правильное решение будет принято, будет уже слишком поздно. Однако, если решения принимаются поспешно, на основании пристрастных догадок центральных плановых органов, то, вероятно, неизбежно будут происходить серьезные и непоправимые ошибки⁶².

⁶² Хайек пишет: «...я также убежден, что поглощенность понятиями чистой экономической теории ввела в серьезное заблуждение обоих наших авторов. В данном случае, несомненно, именно понятие совершенной конкуренции заставило их упустить из вида очень важную сферу, к которой их метод, по-видимому, просто неприменим. Когда мы имеем дело с рынком вполне стандартизованного товара, то по крайней мере можно представить, что все цены следовало бы декретировать заранее сверху на определенный период. Совершенно иная ситуация складывается, однако, в отношении товаров, не поддающихся стандартизации, особенно производимых сегодня по индивидуальным заказам, возможно, после участия в тендерах. К этой категории принадлежит большая часть продукции “отраслей тяжелой промышленности”, которые, конечно, были бы обобществлены в первую очередь. Большая часть оборудования, зданий и судов, многие виды другой продукции вряд ли вообще производятся на рынок иначе, кроме как по специальным контрактам. Это не означает, что на рынке не может быть интенсивной конкуренции за продукцию таких отраслей, хотя она может не быть “совершенной конкуренцией” чистой теории. Дело просто в том, что в них идентичные продукты редко производятся дважды за короткий период. И круг производителей, конкурирующих как альтернативные поставщики любого продукта, будет различным почти в каждом отдельном случае, так же как и круг потенциальных покупателей, конкурирующих за услуги конкретного завода, будет различаться от недели к неделе. Из чего же следует исходить во всех подобных случаях при назначении цен на продукцию с тем, чтобы “уравновесить спрос и предложение”?» (Hayek, “Socialist Calculation III: The Competitive Solution,” in Hayek, *Individualism and Economic Order*, 188—189 [Хайек. Экономический расчет при социализме III:

Наконец, модель Ланге предусматривает две возможности: либо все транзакции приостанавливаются на то время, пока центральный плановый совет выясняет, существует ли дефицит или избыток, какие цены нужно поменять, в какую сторону и насколько, либо разрешаются транзакции по «неправильным ценам». В первом случае, который мы рассматривали, когда анализовали планометрические модели, вся экономическая активность прекращается и в этот период система полностью теряет гибкость и способность осуществлять расчеты. Ланге, вероятно, не приходило в голову, что если сделки по «неправильным ценам» разрешаются, то система в целом получит множество искаженных сигналов, что помешает достижению «равновесия», которого он так страстно желает. Этой проблемы не возникает в реальной рыночной экономике, в которой рассогласованность транзакций стимулирует постоянно стремящихся к прибыли предпринимателей к тому, чтобы находить и выявлять случаи отсутствия координации. Если все экономические агенты не могут свободно проявлять предпринимательство и свободно стремиться к прибыли, то нет никакой гарантии, что возникнет общий процесс координации, который корректирует поведение всех участников в системе. Скорее всего, Ланге этого так и не понял.

б) Произвольная фиксация ставки процента

В-шестых, важно отметить, что фиксация ставки процента (понимаемой как цена настоящих благ относительно будущих, или как отношение ценности, приписываемой текущему потреблению, к ценности, приписываемой будущему потреблению) в социалистической модели Ланге будет чисто произвольной. Держателям и поставщикам настоящих благ не дадут возможности принимать рациональные экономически обоснованные решения о том, как распределить свои ресурсы между текущим и будущим потреблением, в силу ограниченности «меню» настоящих благ, предлагаемых им системой, а также в силу невозможности в будущем иметь в распоряжении такое же изобилие потребительских товаров и услуг,

конкурентное решение // Хайек. Индивидуализм и экономический порядок. С. 183]).

как то, которое порождает система, где можно свободно проявлять предпринимательство, чтобы открывать и удовлетворять растущие потребности. При этом мы исходим из предположения, что центральный орган принуждения не настаивает на введении политики «принудительных сбережений», как это обычно происходит в действительности, к большому ущербу для настоящих потребителей.

Эта проблема, возможно, является еще более серьезной для тех, кто предъявляет спрос на настоящие блага. В настоящих благах нуждаются менеджеры различных социалистических компаний для того, чтобы выполнить свои инвестиционные планы. Они должны использовать наемный труд, а также получить сырье и капитальные блага, необходимые для того, чтобы изготовить различные части капитальных благ и произвести с их помощью те потребительские товары и услуги, которые станут доступны в будущем. Здесь мы снова сталкиваемся с двойной проблемой, которая находится в центре нашего теоретического анализа. Поскольку эти менеджеры не могут свободно проявлять предпринимательство, они не смогут даже создать ту практическую информацию, которая нужна им для рационального размещения ресурсов. Иными словами, поскольку они не могут воспользоваться прибылью от своих предпринимательских проектов, то не будут даже порождать нужных для этого идей. Кроме того, вопрос о том, какому менеджеру в итоге предоставят займы фонды, в каком количестве и на каких условиях, будет решать центральный плановый орган, а именно центральный банк, отвечающий за распределение таких ресурсов. Это значит, что окончательное решение будут принимать люди, не владеющие практической информацией из первых рук, которая для этого необходима (не только потому, что на уровне менеджеров эта информация даже и не порождается, но еще и потому, что ее преимущественно субъективный, практический, рассеянный и неартикулируемый характер помешал бы передать ее центральному органу принуждения даже в случае ее наличия). Соответственно, экономические расчеты, производимые в момент принятия решений о том, как центральный плановый орган будет распределять фонды, окажутся совершенно произвольными. Итак, модель Оскара Ланге является препятствием для существования настоящего рынка капитала и, в особенности, рынка ценных бумаг, отражающих право собствен-

ности в компаниях. Как отмечал Лахман⁶³, это, несомненно, один из наиболее серьезных недостатков модели Ланге.

7) Игнорирование поведения, характерного для бюрократических органов

Наконец, *в-седьмых*, модель Оскара Ланге неработоспособна потому, что она не считается с реальным будущим поведением различных экономических агентов, в особенности — менеджеров национализированных компаний и бюрократов, руководящих центральным плановым органом, в том институциональном контексте, который создает сама эта модель. В модели Ланге экономический расчет теоретически невозможен, так как модель запрещает деятельность настоящих предпринимателей (см. главу 2), и к данному моменту мы рассмотрели эту проблему с разных точек зрения. Однако мы еще не уделили внимания тем специфическим типам поведения, которые модель Ланге будет стимулировать у предусмотренных ею экономических и социальных субъектов. Итак, наша задача состоит том, чтобы включить в наши рассуждения точку зрения школы «общественного выбора», активно развивающаяся в последнее время и занимающаяся в основном исследованием процессов взаимодействия людей в политических и бюрократических контекстах, где по определению преобладают принудительные институциональные отношения. Имея это в виду, нам следует учесть мнение Джеймса Бьюкенена, который критикует Ланге за то, что тот не рассматривает один из наиболее важных аспектов проблемы, а именно, то, как стали бы себя вести экономические агенты в построенной им инс-

⁶³ «Биржа — это, вероятно, наиболее характерный для рыночной экономики институт. Капиталистическую экономику от социалистической на самом деле отличает не размер «частного сектора», а то, что у индивида есть возможность свободно покупать и продавать доли в материальных ресурсах производства. Возможно, самое существенное ограничение прав граждан в социалистических обществах связано с тем, что они не могут проявлять свою изобретательность в этой сфере» (Ludwig M. Lachmann, “Methodological Individualism and the Market Economy,” in *Capital, Expectations and the Market Process* [Kansas: Sheed, Andrews and McNeel, 1977], 161).

титucionalной структуре: «В третьем десятилетии нашего века в экономической теории возобладал интерес к прикладной математике, а не к каталлактике. Даже рынки стали рассматриваться как «инструменты для вычислений» и «механизмы», позволяющие или не позволяющие обеспечить идеализированные результаты размещения ресурсов. В сущности, рынки не рассматривались как институты обмена, где результаты возникают из сложноорганизованного взаимодействия в ходе обмена. Только благодаря этой современной парадигме экономической теории такой чудовищный абсурд, как идеализированная социалистическая структура Ланге—Лернера, мог быть серьезно воспринят практикующими экономистами (к сожалению, это до сих пор так). Мы можем с полным на то основанием спросить, почему экономистам не пришло в голову задаться вопросом о том, по какой причине социалистические менеджеры станут подчиняться идеализированным правилам. *Где найти экономических евнухов, которые должны действовать в этой системе?*»⁶⁴

Основы школы «общественного выбора», несомненно, заложил сам Мизес с его концепцией экономической теории как очень широкой области знания, предметом которой является теоретическое изучение всех связанных с человеческой деятельностью процессов. Концепция Мизеса побудила исследователей начать применять экономический анализ к тем человеческим действиям, которые происходят за пределами рынка в узком, традиционном значении этого термина, например, в политической и бюрократической сфере. В связи с этим нам следует упомянуть опубликованную в 1944 г. работу Мизеса о бюрократии, в которой он впервые доказал, что бюрократия неизбежно возникает во всех социальных сферах, где существует запрет на свободное предпринимательское стремление к прибыли⁶⁵. В этой работе Мизес исследует многое из того, что позже более детально рассмотрел, напри-

⁶⁴ См.: James M. Buchanan, “The Public Choice Perspective,” chap. 3 of *Liberty, Market and State: Political Economy in the 1980’s* (Sussex: Harvester Press, 1986), 25. См. также: David M. Levy, “The Bias in Centrally Planned Prices,” *Public Choice* 67, no. 3 (December 1990): 213–226.

⁶⁵ Ludwig von Mises, *Bureaucracy* (New Rochelle, New York: Arlington House, 1944) [Мизес Л. фон. Бюрократия. Челябинск: Социум, 2006].

мер, венгерский экономист Янош Корнаи в своем экономическом анализе реального функционирования экономик бывших стран Восточного блока. Чрезвычайно поучительно то, как Корнаи, стоя на позиции школы общественного выбора, формулирует в связи с моделью Ланге выводы относительно поведения центрального планового органа и менеджеров социалистических компаний. Корнаи пишет: «*Модель Ланге основана на ошибочных предположениях относительно “планировщиков”*». Люди в его Центральном Плановом Совете — это воскресшие платоновские философы, воплощение честности, альтруизма и мудрости. Они полностью удовлетворены своей ролью, состоящей исключительно в том, чтобы обеспечивать исполнение “Правил”, приводя цены в соответствие со спросом. *Такой не от мира сего бюрократии никогда не было и не будет*. Политические бюрократии раздираемы внутренними конфликтами, которые являются отражением разделения в обществе и давления различных социальных групп. Они преследуют свои личные и групповые интересы, в том числе интересы конкретного специализированного органа, к которому они принадлежат. Власть неотделима от непреодолимого соблазна ее использования. *Бюрократ обязан быть интервенционистом, потому что в этом состоит его роль в обществе; это продиктовано его положением*. Модель Ланге основана еще на одном неверном предположении, которое касается поведения фирм. Он ожидает от фирмы подчинения Правилу, сформулированному создателями системы. Но общество — это не настольная игра, где изобретатель может устанавливать правила, как пожелает. Организациям и лидерам, которые идентифицируются со своими организациями, присущи фундаментальные влечения: к выживанию, росту, расширению организации, согласию внутри организации, к власти и авторитету, к созданию условий, которые облегчают достижение всех этих целей. Им можно дополнительно навязать сверху искусственную схему стимулирования посредством наград и наказаний. Схема может поддерживать некоторые из только что упомянутых неявных мотивов. Но если она вступает с ними в конфликт, следствием этого могут быть неопределенность и колебания. Лидеры организации попытаются либо повлиять на тех, кто навязал им схему стимулирования, либо уклониться от следования правилам. ...Результатом всего этого будет *не успешная имитация рынка, а обычный кон-*

фликт между регуляторами и фирмами, регулируемые бюрократией»⁶⁶.

Хайек в своем ответе Ланге 1940 г. также затронул эти проблемы. Он доказал, что модель Ланге неизбежно приводит к наихудшей форме бюрократии, потому что центральный плановый орган будет обязан следить за тем, как менеджеры следуют правилам, исполнение которых невозможно объективно проконтролировать. Система всегда будет изобиловать произвольными решениями органа принуждения и «неправильными» поступками менеджеров, озабоченных тем, чтобы продемонстрировать, по крайней мере на бумаге, уважение к установленным правилам, а также тем, чтобы с помощью разнообразных коррупционных технологий обеспечить себе связи и поддержку в плановом органе⁶⁷.

Кроме того, и сам Ланге — по крайней мере отчасти — осознал эти проблемы и даже написал, что «бюрократизация экономической жизни представляет собой реальную опасность для социализма»⁶⁸. Однако Ланге демонстрирует непонимание реального масштаба этой опасности, добавляя в следующих строках, что, во всяком случае, опасность бюрократизации при социализме будет не больше, чем в капиталистической системе, где принимающие решения менеджеры-предприниматели — это почти что государственные служащие, потому что они обычно не являются владельцами капитала и практически ни перед кем не отвечают. Сложно представить себе более узкое и более ошибочное понимание капитализма. Любой настоящей рыночной экономике присуща полная свобода проявления предпринимательства, вне зависимости от того, кто осуществляет предпринимательство с позиции лидера в конкретный момент и при конкретных условиях (акционеры, менеджеры и т.п.); последнее обстоятельство зависит от конкретных исторических факторов и не имеет никакого теоретического значения. В отличие от этого, при социалистическом режиме всем

⁶⁶ János Kornai, “The Hungarian Reform Process,” 1726–1727. (Статья вошла в качестве главы 5 в книгу: János Kornai, *Vision and Reality: Market and State* [New York: Harvester, 1990].)

⁶⁷ F. A. Hayek, “Socialist Calculation III: The Competitive Solution,” in *Individualism and Economic Order*, 198–199 [Хайек. Экономический расчет при социализме III: конкурентное решение // Хайек. Индивидуализм и экономический порядок. С. 192].

⁶⁸ Oskar Lange, “On the Economic Theory of Socialism”.

людям насильственно препятствуют проявлять предпринимательство как минимум в сфере капитальных благ, и принятие главных решений недоступно как раз тем, кто в условиях свободы предпринимательства мог бы создать или обнаружить информацию, необходимую для того, чтобы принимать рациональные решения.

Тем не менее Ланге передал свою озабоченность бюрократизацией социализма ученикам, которые создали огромное количество текстов, посвященных разработке и внедрению «бонусов» и систем стимулирования. Им не удалось решить поставленные проблемы, а на практике такие системы полностью провалились, несмотря на возлагавшиеся на них большие надежды, о чем сегодня мало кто помнит⁶⁹. Система «бонусов и поощрений», предназначенная для того, чтобы заставить социализм работать, сама неработоспособна с теоретической точки зрения, потому что для нее требуется, чтобы центральный плановый орган, отвечающий за предоставление поощрений и распределение бонусов, заранее обладал информацией, которая недоступна ему в принципе. Действительно, представление о том, что третья сторона может распределять поощрения и бонусы, неявно подразумевает, что до того, как наградить или оштрафовать, эта сторона знает, успешно ли была внедрена новая технология, удалось ли произвести новый товар или услугу, были ли выполнены правила. Однако, центральный плановый совет в принципе не может этого знать по причинам, уже неоднократно перечислявшимся выше. За координацией рассогласованных поступков внутри общества невозможно объективно и непосредственно наблюдать со стороны; об этом процессе можно только рассуждать теоретически, отмечая, что возникновение предпринимательской прибыли будет указывать на то, что координация (которую нельзя наблюдать непосредственно) успешно осуществлена. Кроме того, если для каждой конкретной ситуации координирую-

⁶⁹ Возможно, бесполезно упомянуть следующие работы: Martin L. Weitzman, "The New Soviet Incentive Model," *Bell Journal of Economics* 7, no. 1 (Spring 1976): 251–257; Vinson Snowberger, "Comment on the New Soviet Incentive Model," *Bell Journal of Economics* 8, no. 2 (autumn 1977); William G. Rosenberg, "Observations on the Soviet Incentive System," *ACES Bulletin* 19, nos. 3–4 (1977): 27–43.

щий эффект нельзя увидеть непосредственно и он становится заметен внешнему наблюдателю только по истечении продолжительного времени, причем только в общих чертах, частично, без подробностей и не до конца, то совершенно очевидно, что система бонусов и стимулов, подразумевающая объективные знания о событиях, для которых эти стимулы предназначены, и теоретически, и практически бесполезна для имитации функционирования предпринимательского процесса, в основе которого находится стремление к прибыли, возникающее в любой действительно конкурентной рыночной экономике. Кроме того, нелепо присуждать вознаграждение на основании того, что была создана какая-то особенно ценная информация, так как эта информация была приобретена *до того*, как было принято решение вознаграждения⁷⁰. Иными словами, задача состоит не в том, чтобы вознаградить «за оказанные услуги», а в том, чтобы создать для людей мощную мотивацию, которая побуждала бы их в будущем создавать и находить необходимую, но сегодня еще отсутствующую информацию (и поскольку эта информация неизвестна, никто не может даже вообразить себе ни возможность ее существования, ни ее потенциальную ценность; следовательно, связанную с ней систему бонусов, вероятно, нельзя разработать). Таким образом, нам нужна «система стимулов и бонусов», которые будут предоставляться в будущем во всех тех случаях, когда действия будут иметь координирующий эффект, при-

⁷⁰ Мыслью о том, что система бонусов и стимулов не имеет значения в социалистической системе, мы обязаны Израэлю Кирцнеру, который пишет: «Поощрение менеджеров за то, что они достигли или превзошли какой-то установленный уровень производства продукции подразумевает, что *уже известно* о том, что общество испытывает насущную потребность в увеличении уровня производства этой продукции. ...Но если предполагается, что такие вещи уже известны, то этим подразумевается, что *потребность в предпринимательском открытии вообще отсутствует...*» Кирцнер приходит к выводу, что в силу этого «стимулирование социалистических менеджеров представляет собой отрицание значения предпринимательского открытия» (Kirzner, *Discovery and the Capitalist Process*, 34—35). Мы вернемся к теме бонусов и стимулов в следующей главе и проанализируем некоторые дополнительные факторы, когда будем рассматривать предложения Диккинсона. Эти дополнительные факторы актуальны и для модели Ланге.

чем с учетом того, что объективный результат этой коррекции или координации в большинстве случаев может быть неочевидным для третьей стороны или может быть виден ей лишь отчасти и по истечении очень длительного периода времени. Такую «систему» может обеспечить только конкурентная экономика с частной собственностью на средства производства, где у людей есть полная предпринимательская свобода. В этих условиях, как нам уже известно, субъективная цель каждого действия представляет собой *мотив*, или *прибыль*, которая ожидается от этого действия, и эта цель оправдывает действие, приводит к возникновению необходимой информации и, в случае успеха, воплощается в реальную прибыль для действующего человека; а субъективный эффект от этой прибыли не может сравниться ни с какой искусственной системой «бонусов», как бы «прекрасно организована» и как бы совершенна она ни была.

Другие замечания о классической модели Ланге

Наш критический анализ классической модели Ланге был бы неполон без учета его утверждений на с. 89 и 116 обсуждаемой статьи.

На с. 89 Ланге пишет, что знания центральных плановых органов об экономической системе будут заведомо превосходить знания любого отдельно взятого частного предпринимателя, и поэтому процесс корректировки с помощью используемого государством метода «проб и ошибок» будет быстрее и эффективнее процесса корректировки в капиталистической системе. Трудно представить себе большее непонимание функционирования капиталистической системы, чем то, которое проявляет Ланге, когда с полной серьезностью формулирует это утверждение. Хотя и не исключено, что центральный плановый орган может иметь более верное общее представление об экономике, чем любой отдельно взятый предприниматель, проблема состоит не в этом, а в том, что центральный плановый орган в принципе не может получить доступ ко всему объему рассеянной информации, которую в капиталистической системе стихийно генерирует, использует и передает целиком вся сеть, состоящая из тысяч и тысяч предпринимателей. *Следовательно, знания центрального планового*

органа нужно сравнивать не со знаниями отдельно взятого предпринимателя, а с тем знанием, которое генерирует и использует вся сеть, состоящая из отдельных предпринимателей, которые свободно занимаются предпринимательством в свободном обществе. Поэтому процесс корректировки в социалистической системе не только не будет быстрее — он никогда не будет приводить к успеху, потому что плановый орган в принципе не способен овладеть информацией, необходимой для того, чтобы изменить цены в направлении гипотетического «равновесия». Так или иначе, мы не можем представить себе, как Ланге мог поверить в то, что его метод приспособления обязательно будет быстрее и эффективнее по сравнению с тем, что происходит в рыночной экономике — ведь в его модели менеджеры должны пассивно приспосабливаться к параметрическим ценам на капитальные блага, а цены могут меняться исключительно по решению центра. Иными словами, до тех пор, пока необходимая «информация» не будет получена и обработана и пока центр не определится со своим решением, менеджеры никак не могут изменить свое поведение по отношению к ценам, в отличие от предпринимателей в капиталистической системе, которые и могут это делать, и постоянно делают, хватаясь за попадающиеся им прибыльные возможности и постоянно стимулируя процесс приспособления без всякого излишнего временного лага.

На с. 106 Ланге утверждает, что его модель устраняет экономические циклы. Он считает, что «принципиально более высокий уровень информированности» контрольного органа позволит ему вовремя реагировать на предпринимательские ошибки и тем самым предотвращать циклические экономические кризисы, от которых страдают рыночные экономики. Однако, если Ланге действительно полагает, что контрольный орган обладает достаточным объемом информации, чтобы принимать успешные антикризисные меры, то почему он хочет доверить менеджерам принимать решения децентрализованно в очень важных социальных сферах (таких как потребительские блага, рынок труда, приспособление к параметрическим ценам и др)? Кроме того, у Ланге нет объяснения экономической депрессии, которую Мизес и Хайек⁷¹ рассмат-

⁷¹ Параллельно с исследованиями экономического расчета при социализме Мизес и Хайек разработали «теорию экономических

ривают просто как этап, на котором происходит корректировка структуры производства, искаженной государственным интервенционизмом (налоговым, монетарным и любого другого типа). С этой точки зрения, депрессия — просто неизбежная реакция рынка на любое принуждение в сфере размещения ресурсов и производственных факторов, чьи результаты не совпадают с желаниями потребителей. Она возможна исключительно в контролируемой экономике, где вмешательство государства (финансовое, фискальное или иное) приводит к неэффективному размещению ресурсов в крупном масштабе. С этой точки зрения, модель Ланге не только не предотвращает возникновение экономических депрессий — она будет неизбежно вызывать интенсивное, хроническое и масштабное непроизводительное инвестирование производственных факторов и капитальных благ общества. В результате общество погрузится в «хроническую депрессию», то есть в состояние постоянного непроизводительного инвестирования производственных ресурсов; этот феномен, включавший в том числе признаки циклической деградации, реально существовал и был довольно подробно изучен⁷² теоретиками из стран бывшего восточного блока⁷³.

циклов австрийской школы», которая объясняет, что общей особенностью всех циклов является нарушение координации в обществе вследствие агрессии государства по отношению к рынку. Обзор наиболее значительных работ по австрийской теории цикла см. в моей статье “La teoría austríaca del ciclo económico,” *Moneda y Crédito*, no. 152 (March 1980), включенной также в мою книгу *Lecturas de Economía Política* (Madrid: Unión Editorial, 1986), 1: 241—256.

⁷² См., напр.: Tomasz Stankiewicz, “Investment under Socialism,” *Communist Economies* 1, no. 2 (1989): 123—130.

⁷³ В основном тексте мы не стали касаться четырех дополнительных замечаний Ланге о капиталистической системе, поскольку они либо не связаны непосредственно с проблемой экономического расчета при социализме, либо уже так или иначе обсуждались в книге. Кроме того, аргументы Ланге довольно неоригинальны, они относятся к общим местам социалистической риторики и многократно опровергнуты другими исследователями. Так, он утверждает: 1) что социализм перераспределит доходы и тем самым позволит «максимизировать общественное благосостояние» (как будто это благосостояние можно измерить, как будто функции индивидуальной полезности существовали и поддавались вычислению и как

6. Третий и четвертый периоды научной деятельности Ланге

Третий период: 1940-е годы

Оскар Ланге был глубоко потрясен статьей 1940 года, в которой Хайек подробно, пункт за пунктом, разобрал и раскритиковал компоненты его модели и ее возможные последствия. В итоге, как пишет Габриэль Темкин⁷⁴, Ланге начал все больше сомневаться в своей модели «конкурентного развития», о чем свидетельствует следующее: во-первых, в своей переписке с Хайеком Ланге признал, что Хайек правильно указал на ряд существенных ошибок и проблем, которые его модель, будучи статичной, решить не в состоянии, и пообещал, что вскоре напишет статью в ответ на критику Хайека⁷⁵; во-вторых, несмотря на это обещание, Лан-

будто вся эта информация могла достичь регулирующего органа; 2) что в ходе принятия решений планирующий орган в состоянии учесть «истинные» социальные и внешние издержки (те же самые ошибки, плюс то, что «провалы рынка» возникают именно потому, что отсутствие прав собственности (или неправильное понимание их государством) препятствует проявлению предпринимательства и осуществлению экономических расчетов в важнейших областях рынка); 3) что предприниматели в капиталистической системе ненастоящие (как в этом случае назвать тех «беделог», которые носят имена менеджеров и государственных служащих в социалистической системе?); и, самое удивительное, 4) что капитализм больше не совместим с экономическим и технологическим развитием общества (см.: “On the Economic Theory of Socialism”). Нет нужды повторять, что самым большим тормозом для прогресса является институциональное принуждение по отношению к свободному и творческому проявлению предпринимательства, и что, к счастью, через поколение после смерти Ланге эта проблема даже в восприятии самих социалистов совершила поворот на 180 градусов; в наши дни никто не сомневается в том, что социалистическая, а не капиталистическая система несовместима с технологическими инновациями и систематически препятствует экономическому развитию.

⁷⁴ Gabriel Temkin, “On Economic Reforms in Socialist Countries: The Debate on Economic Calculation under Socialism Revisited,” p. 55, note 6.

⁷⁵ Мы имеем в виду письмо Оскара Ланге Фридриху Хайеку от 31 августа 1990 г., написанное после получения им статьи Хайека «Рас-

ге так и не написал статьи, которая, как он утверждал в письме к Хайеку, будет ответом на критику последнего; в-третьих, в 1944 г. Ланге отказался вносить изменения в свой исходный текст о социализме 1936—1937 гг. для его дальнейшей публикации, мотивируя это тем, что его идеи так сильно изменились, что требуется совершенно новая статья, и что он планирует изложить свою новую концепцию социализма в отдельной главе экономического трактата, который уже начал писать⁷⁶. Часть трактата была опубликована, но главы о социализме, ожидавшейся читателями с большим нетерпением, там не было, как не было ничего похожего и в многочисленных книгах и статьях, опубликованных Ланге после этого, за единственным исключением не оправдавшей ожиданий статьи 1967 г. «Компьютер и рынок», которую мы подробно рассмотрим ниже.

Итак, совершенно очевидно (и, вероятно, это является наиболее характерной особенностью позиции Ланге в 1940-е годы), что он сам наконец понял то, что его «решение» ничего не решает, потому что оно чисто статическое. Одна-

чет при социализме: конкурентное решение» (“Socialist Calculation: The Competitive Solution”). Это письмо опубликовано во 2-м томе собрания сочинений Ланге (*Complete Works; Dziel* по-польски), который вышел в 1973 г. В нем мы читаем: «Несомненно, вам удалось поставить важные проблемы и указать на лакуны в *моем чисто статическом решении*. Я намерен поработать над этой темой и ответить вам... этой осенью» (р. 567). Ланге наконец понимает, в чем дело, и обещает разобраться с принципиальными научными проблемами. В 1920 г. Мизес доказал, что с точки зрения статистики социализм не является проблемой. Поэтому признание Ланге, что его решение «чисто статическое» означает признание в том, что это вообще не решение. (К сожалению, Ланге не выполнил своего обещания и так и не стал заниматься истинной, динамической проблемой экономического расчета при социализме).

⁷⁶ «Эта статья настолько далека от того, что я написал бы об этом сегодня, что, боюсь, результат любых поправок будет неудовлетворительным и не будет отражать мою нынешнюю позицию. Поэтому я склоняюсь к тому, чтобы не перепечатывать эту статью и выразить мои сегодняшние взгляды в принципиально иной форме. Сейчас я пишу книгу по экономической теории, где этой теме будет посвящена отдельная глава. Это, вероятно, лучше, чем пытаться перекроить старье». Эта заметка Оскара Ланге относится к 1944 г., опубликована в: *Dziel*, 1975 (vol. 3); она цитируется также в: Tadeus Kowalik, “Oskar Lange,” in *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, vol. 3, pp. 127, 129.

ко Ланге не хватило научной честности, чтобы публично признать, что его модель не является ответом на теорию Мизеса и Хайека, которая носит «динамический» характер. Хуже того, в упомянутом письме к Хайеку Ланге даже упоминает применительно к динамическим проблемам «третью линию обороны», то есть аргументы, которые Хайек якобы высказал *ex novo* в статье 1940 г. Ланге отказывается признавать, что проблема была исключительно динамической с самого начала, с того момента, когда Мизес впервые сформулировал ее в 1920 г.

Во всяком случае, очевидно, что Ланге в основном отказался от своей классической модели и в том самом письме к Хайеку, которое мы процитировали, признал необходимость, насколько это возможно позволить действовать, процессам свободного рынка. Однако его одержимость неоклассической моделью «совершенной конкуренции» осталась прежней; об этом свидетельствует то, что в качестве критерия для разрешения рыночного поведения он выбирает (отказываясь тем самым от системы «параметрических» цен и метода «проб и ошибок», используемого регулирующим органом) требование, чтобы в каждом секторе присутствовало достаточно большое число компаний (предполагая, в полном соответствии с традиционной моделью «совершенной конкуренции», что это обстоятельство указывает на успешное приближение к «реальной» конкуренции, которая существует на рынке). Согласно этой новой точке зрения на социализм, государственная собственность на средства производства должна бы распространяться только на наиболее вопиющие случаи монополии, олигополии, олигопсонии и тому подобные ситуации⁷⁷.

Еще более поучительны, если можно так выразиться, две лекции об экономическом функционировании социалистиче-

⁷⁷ «С практической точки зрения я должен, разумеется, порекомендовать, чтобы цены устанавливались в ходе рыночного процесса везде, где это возможно, то есть во всех тех случаях, когда количество производящих и покупающих единиц достаточно велико. Только там, где их количество так мало, что возникает ситуация олигополии, олигопсонии или двусторонней монополии, я выступал бы за установление цен государственным органом» (из письма к Хайеку от 30 августа 1940 г., воспроизведенного Коваликом на с. 127 его статьи об Оскаре Ланге).

ского общества, которые Ланге прочитал в Чикаго в 1942 г.⁷⁸: в них он не только попытался примирить рыночный принцип в чрезвычайно широком понимании с государственной собственностью на средства производства, но и практически не упомянул о том, что, вероятно, было наиболее яркой особенностью его модели в 1930-е годы, а именно об установлении центральным плановым советом параметрических «цен» и о внедрении метода «проб и ошибок», который на основе наблюдений за дефицитом и избытком запасов должен обеспечить модификацию этих «цен», чтобы они стали ближе к «точке равновесия». В своих рассуждениях Оскар Ланге продолжал опираться исключительно на неоклассическую теорию благосостояния и равновесия, и поэтому у него не было теоретических инструментов, необходимых для исследования «интересных динамических вопросов», которые, по его собственному признанию, поставил Хайек. Кроме того, в этих лекциях Ланге говорил, что ценообразование на социалистическом рынке должно опираться на принцип фиксации цен в соответствии с понесенными издержками, включающими не только частные издержки, но и «социальные издержки», которые несет каждая компания, причем и те, и другие издержки, по мнению Ланге, носят «объективный» характер. Обескураживает, что Ланге не смог осознать теоретической и практической неприемлемости этого принципа, и, следовательно, то, что критика со стороны Хайека не принесла ему никакой пользы.

Тем не менее, вероятно, самая существенная перемена во взглядах Оскара Ланге в этот период отражена в его статье 1943 г. «Экономические основы демократии в Польше» (“Economic Foundations of Democracy in Poland”), где он прямо отстаивает ограничение национализации только самыми существенными стратегическими отраслями (включая банковский сектор и транспорт). Кроме того, Ланге осознает вред

⁷⁸ См.: *Contributions to Political Economy*, no. 6 (1987), pp. 11–24, где Ковалик опубликовал полностью эти две лекции Оскара Ланге. По причинам, о которых мы писали, Ковалик считает, что в 1940-е годы Оскар Ланге «перешел от защиты целостного социализма к проповеди смешанной государственной (государственной и частной) экономики, функционирующей посредством развернутого рыночного механизма». См. pp. 1 и 2 статьи “Oskar Lange’s Lectures on the Economic Operation of the Socialist Society”, опубликованной Тадеушем Коваликом в том же издании.

от предоставления таким государственным монополиям особых привилегий и считает эти привилегии очень опасными для демократической системы в Польше. Частная собственность на средства производства должна быть гарантирована по крайней мере фермерам, ремесленникам, мелкому и среднему бизнесу, поскольку «это позволило бы сохранить гибкость и способность к адаптации, которой обладают только полностью частные предприятия»⁷⁹.

Четвертый этап: со Второй мировой войны до смерти. Отказ от рынка и оправдание сталинистской системы

Благотворное влияние Хайека на Ланге было недолгим. Начиная со Второй мировой войны и вступления Ланге в польскую коммунистическую партию, а также по мере увеличения политической активности, в своей концепции социализма Ланге начал постепенно отказываться от рынка, и эти постепенные изменения во взглядах привели его к теоретическому и практическому оправданию сталинистской экономической модели, которая применялась в СССР и которую эта страна решила навязать и своим новообретенным «сателлитам»⁸⁰.

⁷⁹ “Gospodarcze Podstawy Demokracji W Polsce” [Economic Foundations of Democracy in Poland], in *Ku Gospodarce Planowej* [К экономике централизованного планирования], London, 1943; цит. по: Kowalik, “Oskar Lange” in *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, vol. 3, p. 127.

⁸⁰ Карл Прибрам отметил, что перемена в теоретических взглядах Ланге совпала с его вступлением в польскую коммунистическую партию (Karl Pribram, *A History of Economic Reasoning*, p. 708, note 32). В свою очередь, Ковалик (Kowalik, “Oskar Lange,” *The New Palgrave*, vol. 3, p. 127) пытается оправдать этот переворот в мировоззрении Ланге, подобный отречению Коперника, тем, что по тактическим причинам, с учетом политических условий и атмосферы в польских научных кругах того времени противостоять тренду сталинизма было крайне неблагоприятно, а также тем, что свобода слова ученых-обществоведов была крайне ограниченной. По нашему мнению, аргументация Ковалика продиктована исключительно жалостью, и ничем иным, особенно в свете многочисленных статей опубликованных Ланге в авторитетных международных журналах, где он объяснял и оправдывал пере-

Кульминацией отказа Ланге от «конкурентного решения» и «рыночного социализма» стала его работа 1953 г., в которой он расхваливает сталинскую экономическую систему как с теоретической, так и с практической стороны⁸¹.

Как объясняет Ковалик, перемена во взглядах Ланге могла произойти под влиянием идеи о том, что модель «военной экономики», диктаторски навязанная сверху Сталиным, может облегчить ускоренную принудительную «индустриализацию» экономической системы и «эффективную» мобилизацию всех ресурсов на службу социалистическому идеалу (что означает полное предательство того демократического и «либерального» духа, которым ранее гордился Ланге). Однако позиция, которой придерживался Ланге в последние десятилетия своей жизни, была естественным следствием из теоретической модели равновесия, на которой он целиком и полностью построил свою концепцию социализма. В самом деле, мы уже видели, что марксистский идеал можно интерпретировать как сознательное желание принудительно навязать на всех уровнях и во всех социальных сферах нирвану равновесия и тем самым насильственно создать утопию, уничтожив реальные механизмы, обеспечивающие социальную координацию, в основе которых находится предпринимательство. У Оскара Ланге был выбор: он мог признать правоту Мизеса и Хайека, отказаться от своего арсенала, почерпнутого из теории равновесия, осознать принципы реального функционирования рынка и в итоге отказаться от своих социалистических идеалов, основанных на государственной собственности на средства производства;

мену в своих взглядах, а также защищал и восхвалял сталинизм. (См., напр.: “The Practice of Economic Planning and the Optimum Allocation of Resources,” *Econometrica* [July 1949]: 166 ff.) Итак, в конце позиция Ланге практически полностью совпала с позицией Мориса Дobbа, чьи взгляды мы проанализируем в следующей главе. Дobb считал «рыночных социалистов» отъявленными лицемерами и полагал, что триумф социализма возможен только тогда, когда он будет представлен таким, каков он есть, без «масок» и «конкурентных» косметических ухищрений.

⁸¹ “Zagadnienia Ekonomii Politycznej W Swietle Pracy J. Stalina ‘Ekonomiczne Problemy Socjalizmu W ZSRR’ ” [Проблемы политэкономии в свете работы И. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР»], Warsaw, 1953; цит. по: Kowalik, “Oskar Lange,” in *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, vol. 3, p. 129.

либо он мог любой ценой хранить верность идеалу равновесия, отказаться от введения конкурентных критериев (которые неизбежно привели бы его к отказу от социализма) и найти убежище в утопической модели равновесия, которую можно наиболее «эффективно» реализовать с помощью систематического применения сталинистского принуждения. В 1956—1957 гг. Ланге не дал разрешения на перевод на польский своей классической статьи 1936—1937 гг., поскольку, как пишет Ковалик, «не хотел поддерживать “социалистических рыночников”»⁸². Ланге действительно полностью отказался от «конкурентного решения» и совершил поворот на 180 градусов.

В связи с этим не следует удивляться, что в последней работе Ланге, где идет речь об экономическом расчете при социализме, в статье, посмертно опубликованной в 1967 г. (Ланге умер на операционном столе в Лондоне в 1965 г.), он собственно-ручно написал: «Менее 30 лет назад я опубликовал статью «Об экономической теории социализма». Парето и Бароне доказали, что условия экономического равновесия в социалистической экономике можно выразить в виде системы совместных уравнений. Цены, вычисленные на основании этих уравнений, создают базу для рационального экономического расчета при социализме (в это время рассматривался исключительно связанный со статическим равновесием аспект проблемы расчета). Позже Хайек и Роббинс заявили, что уравнения Парето—Бароне не имеют практического значения. Решение системы, состоящей из тысяч и тысяч уравнений, на практике невозможно, и, следовательно, практическая проблема экономического расчета при социализме оставалась нерешенной... В своей статье я опроверг аргументы Хайека—Роббинса, продемонстрировав, каким образом в социалистической экономике можно создать рыночный механизм, который приведет к решению совместных уравнений с помощью эмпирической процедуры проб и ошибок... Сегодня я ответил бы Хайеку и Роббинсу так: “В чем проблема? Давайте введем систему уравнений в электронно-вычислительное устройство и меньше, чем через минуту получим решение. Рыночный процесс можно рассматривать как вычислительное устройство докомпьютерной эры”»⁸³.

⁸² Kowalik, “Oskar Lange,” in *The New Palgrave*, vol. 3, p. 128.

⁸³ Oskar Lange, “The Computer and the Market” (1967), переиздано в: *Socialist Economics*, ed. Alec Nove and D. M. Nuti (Middlesex:

Эти слова Ланге глубоко разочаровывают. Они свидетельствуют о колоссальном откате назад в вопросе об экономическом расчете при социализме: Ланге возвращается к чисто статическому взгляду на проблему (если сравнивать с его собственным признанием в частном письме Хайеку 1940 г.). Кроме того, он выступает с неполным и пристрастным описанием спора (как будто спор шел о статических проблемах, а не о динамике и предпринимательском процессе) и в целом приходит к выводу, что в рынке, который он описывает как архаический механизм для вычисления равновесных цен, присущий стадиям, предшествующим появлению компьютерных систем, нет необходимости. Нет нужды повторять здесь все доводы, выказанные нами ранее в пользу теоретической невозможности — как сегодня, так и в будущем — обеспечить в обществе организацию и осуществление экономического расчета посредством централизованного планирования при поддержке любых сколь угодно мощных компьютерных систем⁸⁴. Таким

Penguin Books, 1972), 401—402. Впервые статья была опубликована в: *Socialism, Capitalism and Economic Growth: Essays Presented to Maurice Dobb*, ed. С. Н. Feinstein (Cambridge: Cambridge University Press, 1967). Наивная и необоснованная вера Ланге в то, что компьютеры способны обеспечить экономический расчет при социализме, ярко проявляется также в лекции о роли науки в развитии социалистического общества, которую он прочитал перед общим собранием польской Академии наук 19 мая 1962 г. Лекция опубликована в: *Ensayos sobre Planificación Económica (Barcelona: Ariel, 1970)*, 143—166, esp. 156—157, 162—163.

⁸⁴ О невозможности использования компьютеров для решения проблемы экономического расчета при социализме см. главу 3. Также представляют интерес наблюдения Нормана Барри: Norman Barry, "The Economics and Philosophy of Socialism," *Il Politico*, year 49, no. 4 (1984): 573—592; автор подчеркивает, что вера Ланге в компьютеры основана на непонимании главного различия между научной информацией и той практической, субъективной и неартикулируемой информацией, которую используют экономические агенты в обществе (см. особенно р. 588). Ротбард в связи с этим отметил, что компьютеры и компьютерные программы, какими бы мощными они ни были, бесполезны, если базовая информация, которую в них вводят, неверна из-за того, что проявление предпринимательства принудительно ограничено. Он пишет: «Сегодня и экономисты, и народы социалистического лагеря, ставшие свидетелями того, как экономика их стран деградировала, несмотря на использование компьютеров, могут

образом, мы с грустью и разочарованием констатируем, что, как может подтвердить любой историк экономической мысли, в конце своей жизни Ланге цеплялся за статику и верил в то, что в обществе можно реализовать идеальную модель равновесия посредством плановой системы, основанной на компьютерных расчетах... и навязанной грубой силой сталинизма»⁸⁵.

рассматривать наивный энтузиазм Ланге по отношению к планировочным способностям компьютеров его времени исключительно как скверную шутку. Ланге, скорее всего, не был знаком с известным выражением программистов: GIGO (*garbage in, garbage out* — мусор на входе — мусор на выходе)» (Murray N. Rothbard, “The End of Socialism and the Calculation Debate Revisited,” *Review of Austrian Economics* 5, no. 2 (1991): 72).

⁸⁵ Итак, суть открытия Ланге состояла в том, что он обнаружил огромное сходство нормативных выводов из теории равновесия и традиционной марксистской модели (цель которой состоит в том, чтобы навязать обществу такое равновесие) и, соответственно, в конце своей научной карьеры стремился создать синтез неоклассической модели равновесия и марксистской теории, что ему отчасти удалось сделать. (См. его книги: *Political Economy*, vol. 1: *General Problems* [London: Pergamon Press, 1963] и *Ekonomia Polityczna*, vol. 2 [Warsaw: Panstwowe Wydawnictwo Naukowe, 1968].) Как это ни странно, в этих работах Оскар Ланге отдал должное своему давнему оппоненту Людвигу фон Мизесу, признав, что в области экономической науки синтез должен будет принять форму «праксеологии», или «общей теории человеческой деятельности» (*Political Economy*, vol. 1). Однако, воспринимая человеческую деятельность исключительно как совокупность реакций пассивных субъектов, действующих в среде, где вся информация является данностью, Ланге сводит фундаментальную проблему экономической теории к задаче эффективного размещения ресурсов и в силу этого ему не удается создать праксеологическую науку, уже созданную Мизесом в его главной книге «Человеческая деятельность», где проанализированы все следствия из общей теории человеческой и предпринимательской деятельности в том виде, в какой ей занимаются живые люди в реальной жизни. На эту тему см.: Murray N. Rothbard, “Lange, Mises and Praxeology: The Retreat from Marxism” in *Toward Liberty: Essays in Honor of Ludwig von Mises on the Occasion of his 90th Birthday*, vol. 2 (Institute for Humane Studies, 1971), 307—321. Бруна Инграо и Джорджио Израэль в своем блестящем историческом исследовании происхождения неоклассической вальрасианской парадигмы (см.: Bruna Ingraio and Giorgio Israel, *The Invisible Hand: Economic Equilibrium in the History of Science* [Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1990], 253,

Ланге: эпилог

Выбор, перед которым стоял Оскар Ланге (либо отказаться от социалистического идеала ради нормальной рыночной экономики, либо найти убежище в окопах теории равновесия и стабильности), сохранял актуальность и для ведущих социалистических теоретиков вообще, и для ближайших учеников Ланге в Польше, в частности. Однако только через 25 лет после смерти Ланге два его самых талантливых ученика, Влодзимеж Брус и Казимир Ласки, признали, что их учитель потерпел поражение в споре о социализме с представителями австрийской школы. Они подтвердили, что никто из «наивных реформаторов» (включая их самих) не добился успеха, и виновата в этом была их вера в то, что существует такое сочетание рынка с принудительным планированием, которое сделает социализм возможным. Эта

перевод с итальянского книги: *La Mano Invisibile* [Roma-Bari: Laterza & Figli, 1987]) называют позицию Ланге «нормативным» подходом к общему равновесию, в отличие от более «описательного подхода» Хикса и Самуэльсона. Нам, однако, кажется, что это различие не следует преувеличивать, потому что Ланге предлагал «нормативно» использовать модель общего равновесия в качестве основы социализма именно потому, что считал эту модель приемлемым «описанием» рынка в «позитивных» терминах. И Мизес, и Хайек отвергали эту идею Ланге именно потому, что считали модель общего равновесия фундаментально ошибочной в дескриптивном отношении. Австрийская теория рыночных процессов основана на куда менее рестриктивных и куда более реалистических предпосылках, чем модель общего равновесия; соответственно она является гораздо более мощным и полезным в позитивном отношении объяснительным инструментом, а с нормативной точки зрения — обеспечивает иную по сравнению с теорией равновесия, гораздо более действенную и серьезную защиту рыночной экономики и «невидимой руки». Представители австрийской школы воспринимают проблемы существования, единственности и стабильности общего равновесия как своего рода игру в бисер, поскольку реальность гораздо лучше описывается с помощью предпринимательства, и все, что необходимо для того, чтобы построить завершённый экономический анализ — это понимание координирующей силы чистого акта предпринимательства. И это не просто игра в бисер — это очень опасная игра, о чем свидетельствует то, что модель общего равновесия постоянно используется в нормативных целях, в том числе, как у Ланге, в качестве основания для неудачных попыток построить социалистическую систему.

теоретическая ошибка была исправлена лишь недавно, когда в результате драматических событий, произошедших в странах бывшего Восточного блока, экономические теоретики из этих стран наконец смогли понять теорию Людвиг фон Мизеса и осознать, насколько он был прав. Для экономиста из западного мира, где открытия австрийской школы в области экономического анализа социализма в основном остаются спрятанными в абсурдных хитросплетениях вальрасианской неоклассической парадигмы, это признание из уст двух наиболее талантливых учеников Оскара Ланге звучит настолько волнующе и завораживающе, что его хочется процитировать здесь целиком: «...как свидетельствует написанная незадолго до смерти статья “Компьютер и рынок”, он [Оскар Ланге] так и не смог ничего возразить на доводы австрийцев... Другим польским экономистам и экономистам из других социалистических стран в их работах по теории социализма это тоже не удалось; те, кто не был марксистами, в основном следовали за Вальрасом, в то время, как марксисты-рыночники — в том числе и мы сами — составляли группу объединившихся вокруг Корнаи «наивных реформаторов», которые с чрезмерным оптимизмом смотрели на перспективу соединения рынка с планом. В какой-то степени эти *теоретические неудачи*, возможно, были связаны с политическими и идеологическими ограничениями, но даже там и тогда, где и когда ограничения были минимальными (например, в Польше в 1956—1957 гг. и в Чехословакии перед советским вторжением 1968 г.), *весь спектр проблем, затронутых в критических возражениях Мизеса — Хайека, никогда не обсуждался открыто*. Эти вопросы выступили на передний план исключительно — или, выражаясь более осторожно, преимущественно — под воздействием в основном негативно-го опыта рыночных реформ*»⁸⁶.

* Имеются в виду попытки построения «рыночного социализма». — *Прим. перев.*

⁸⁶ Włodzimierz Brus and Kazimierz Laski, *From Marx to the Market: Socialism in Search of an Economic System*, 60.

Глава VII

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Мы начнем заключительную главу книги с анализа предложений трех теоретиков — Дурбина, Диккинсона и Лернера, которые пытались сформулировать «конкурентное» решение проблемы экономического расчета при социализме в русле «классической модели» Ланге. Нас в особенности будет интересовать то новое, что эти исследователи стремились привнести в модель Ланге, а также ответ на вопрос, смогли ли они понять суть проблемы, исходно поставленной Мизесом, и решить ее. В итоге мы придем к выводу, что «рыночный социализм» в сущности сводится к противоречивой и безнадежной попытке достичь абсурдной цели, подобной «квадратуре круга». Это мнение разделяют некоторые социалистические теоретики во главе с Морисом Доббом, которые всегда отмечали наличие конфликта между традиционным социализмом и «конкурентной моделью»; это означает, что существовал и дополнительный спор: между сторонниками и критиками «рыночного социализма» в пределах социалистического лагеря. В конце этой главы мы выскажем несколько заключительных соображений о невозможности социализма и значении научных открытий представителей австрийской школы.

1. Другие теоретики «рыночного социализма»

Большую часть предыдущей главы мы посвятили тщательному анализу предложений Оскара Ланге. Вообще говоря, именно на них чаще всего ссылаются вторичные источники, описывавшие и комментировавшие, чаще всего — пристрастно и неверно — спор об экономическом расчете при социализме. В то же время другие теоретики «рыночного социализма» обычно повторяют исходные доводы Ланге, слегка модифицируя некоторые детали. Мы изучим несколько подробнее позиции Дурбина, Диккинсона и Лернера. В частности, выясним, смог ли кто-либо из них понять суть сформулиро-

ванной Мизесом и Хайеком проблемы и выдвинуть ее теоретическое решение. В конце концов, мы увидим, что, предложения этих рыночных социалистов являются всего лишь воспроизведением, с небольшими отклонениями, «классической модели» Ланге, а их попытки решить экономическую проблему, связанную с социализмом, увенчались весьма жалким результатом.

Ивен Фрэнк Моттрэм Дурбин

В принципе на Дурбина можно было бы возлагать определенные надежды, поскольку он находился в контакте с теоретическими идеями австрийской школы и был в состоянии отличить австрийскую парадигму от неоклассической парадигмы Вальраса. Кроме того, находясь под большим влиянием идей Ф. А. Хайека, он написал трактат об экономической депрессии¹. Однако мы увидим, что, несмотря на здоровое «австрийское» влияние, Дурбин не смог понять суть поставленной Мизесом и Хайеком проблемы социализма и, как и решение Ланге, его «решение» сформулировано в сугубо статических терминах.

Позиция Дурбина изложена в основном в статье под названием «Экономический расчет в плановой экономике» (“Economic Calculus in a Planned Economy”), опубликованной в декабре 1936 г.² Дурбин выражает «почти полную уверенность» в том, что проблема экономического расчета в социалистической экономике могла бы быть решена, если бы центральный плановый совет потребовал от производственных единиц соблюдения двух *правил*: во-первых, вычислять предельную производительность всех движимых факторов производства; во-вторых, размещать факторы производства таким образом, чтобы максимизировать их предельную производи-

¹ E. F. M. Durbin, *Purchasing Power and Trade Depression* (London: Chapman & Hall, 1933).

² Статья была опубликована в *Economic Journal* (December 1936) и перепечатана в сборнике: *Problems of Economic Planning* (London: Routledge & Kegan Paul, 1968), 140–155. Интерес также представляет статья Дурбина “A Note on Mr. Lerner’s ‘Dynamical’ Propositions,” *Economic Journal*, no. 47 (September 1937): 577–581.

тельность. Компании при этом получают приказ производить максимальный объем продукции, совместимый с «нормальной» прибыльностью («правило средних издержек»). Чтобы минимизировать возможность ошибок при расчете предельной производительности, Дурбин считает необходимым вычисление соответствующих кривых спроса. Кроме того, он считает, что ставка процента должна устанавливаться «свободным» новым рынком капитала, хотя нигде не объясняет, как такой рынок будет функционировать внутри системы с запретом частной собственности на средства производства. Наконец, Дурбин считает, что экономика должна быть разделена на крупные сектора, «тресты» или монополии, которые получают указание «конкурировать» между собой.

Нет нужды повторять здесь аргументы, которые мы уже приводили в связи с идеей конкурирующих «трестов» (исходно выдвигавшейся Хейманом и Поланьи) и организации настоящего рынка капитала на базе монополистического государственного банка в отсутствие частной собственности на средства производства. Мы уже подробно проанализировали эти вопросы. В данный момент мы хотим подчеркнуть, что предложение Дурбина содержит ту же самую ошибку, которую до него совершал Ланге и другие: оно основано на презумпции равновесия, при котором не происходит, никаких изменений а вся информация, необходимая для расчета предельной производительности факторов производства, дана и легко достижима.

Действительно, сформулированные Дурбином «правила» могли бы служить рациональным ориентиром для экономических расчетов при условии, что информацию, необходимую для расчета предельной производительности каждого фактора производства, возможно было бы получить в среде, где нет частной собственности на средства производства и неограниченной свободы предпринимательства. Следует помнить, что в ходе вычислений предельной производительности мы должны делать чисто предпринимательскую оценку следующих факторов: во-первых, спрос на какие товары и услуги, и в каких количествах, предъявят потребители в будущем; во-вторых, какие спецификации, характеристики, технологические инновации и т.п. должны быть учтены; в-третьих, каковы могут быть максимальные цены рынка на эти потребительские товары и услуги после того, как они будут произведены; в-четвертых, за сколько

в среднем будет производиться каждое благо и какую ставку процента нужно использовать, чтобы определить текущую ценность будущих маргинально-производительных ценностей. Чисто логически, такая информация может генерироваться исключительно на конкурентном рынке его участниками — различными экономическими агентами, в процессе проявления ими предпринимательства без всякого институционального принуждения. Чтобы это происходило, должна существовать настоящая конкуренция, а не «конкуренция» между таинственными трестами и монополиями (непонятно, как они будут организованы: по вертикали или по горизонтали), на всех отраслевых и межотраслевых уровнях. Кроме того, необходимо, чтобы каждый человек имел возможность свободно использовать свою творческую способность к предпринимательству, чтобы в своем стремлении получить предпринимательскую прибыль и избежать убытка находить и порождать (практическую, субъективную, рассеянную и невербализованную) информацию, необходимую ему для того, чтобы действовать в максимальном соответствии со своими целями.

Следует также помнить, что в реальности тип и количество производственных факторов не являются данностью и что не всё можно разделить на однородные единицы; вместо этого, в зависимости от воображения, желаний и целей каждого отдельного предпринимателя, а также в зависимости от конкретной информации, которую он порождает в соответствии со специфическими обстоятельствами времени и места, представления о том, что составляет «движимый» фактор производства и значимую единицу этого фактора, будут меняться в каждом конкретном случае, то есть будут зависеть от субъективного восприятия конкретного предпринимателя. Презумция того, что будущие кривые спроса известны, или что их можно каким-то образом рассчитать, тоже демонстрирует полное непонимание Дурбином принципов функционирования реальных рыночных процессов.

На самом деле на конкурентном рынке нет предложения и спроса, так же как нет и любых других «кривых» и «функций». Ведь информации, необходимой для их вычисления или описания, не существует, и, следовательно, она в принципе недоступна (менеджеру компании или отрасли, тем более — исследователю или центральному плановому органу): не только потому что информация, нужная для расчета «кривой спро-

са», носит рассеянный характер, но и потому, что она даже не формируется в умах отдельных участников рынка. Иными словами, кривые спроса и предложения невозможно обнаружить на рынке по той простой причине, что их там нет. В лучшем случае они имеют эвристическую или интерпретативную ценность в пределах экономической теории; и любой человек — и вне зависимости от того, занимается он экономической наукой профессионально или нет — который незаметно для себя начинает думать о функциях и кривых так, как если бы они существовали на самом деле, совершает серьезную ошибку. Дело в том, что информация об объемах, которые будут куплены или проданы по каждой конкретной цене, не рассматривается экономическими агентами абстрактно и не хранится в памяти каждого человека на всякий случай. Напротив, такая информация носит сугубо субъективный и рассеянный характер; она возникает исключительно в тот конкретный момент, когда экономический агент принимает решение о покупке или продаже, как результат самого предпринимательского процесса, одновременно с многочисленными частными факторами и обстоятельствами, которые субъективно воспринимает участник конкретной транзакции. Следовательно, в этот момент такая информация создается *ex novo*; до этого ее не существовало и она никогда не будет воспроизводиться еще раз. Тем самым в реальной экономике предприниматели в лучшем случае пытаются оценить то, что можно рассматривать как отдельные изолированные точки на гипотетических «кривых» будущего спроса и предложения. Однако этот подход не является обязательным условием для создания теории цены, и мы не считаем его правильным, поскольку он может по умолчанию предполагать признание того, что такие кривые и функции существуют или могут возникнуть в будущем. Если предприниматель действует правильно, он получает чистую предпринимательскую прибыль; если заблуждается, то несет убытки. Именно стремление к достижению прибыли или избеганию убытков стимулирует тенденцию предпринимательства к тому, чтобы постоянно создавать и находить нужную информацию. Без этих стимулов свободное проявление предпринимательства невозможно и, соответственно, невозможно и создание необходимой для принятия координирующих решений и осуществления рациональных расчетов информации. Социально-экономическая жизнь во всех своих проявлениях,

включая цены, возникает из сочетания многочисленных человеческих действий, а не из пересечения таинственных «функций» и «кривых», не существующих в реальности, исподтишка протасненных в нашу науку ордами «специалистов», которые пришли из мира точных наук и прикладной математики и еще не успели осознать того пагубного влияния, которое использование их методов оказывает на экономику³.

³ Поэтому следует отказаться от «функциональной теории» ценообразования, которая со времен Маршалла утвердилась в учебниках по экономической теории. Карл Менгер предостерегал от этой теории еще в своем письме Леону Вальрасу в феврале 1884 г., в котором он сделал вывод о том, что «математический метод неверен». (См.: E. Antonelli, "Léon Walras et Carl Menger à travers leur correspondance," *Économie Appliquée* 6 [April-September 1953]: 282, а также комментарии в: Emil Kauder, "Intellectual and Political Roots of the Older Austrian School," *Zeitschrift für Nationalökonomie*, no. 17, pp. 411–425, переиздано в: Stephen Littlechild, *Austrian Economics* [Vermont: Edward Elgar, 1990], vol. 1, esp. 10–11.) Позже об опасности этой теории предупреждал Бём-Баверк, см.: Böhm-Bawerk, *Capital and Interest*, vol. 2, pp. 233–235, где он критикует механистическое понимание спроса и предложения как простых «количеств», зависящих от независимой переменной (цены), тогда как в реальной жизни спрос и предложение являются результатом реальных, конкретных человеческих решений и действий. Следовательно, функциональную, сциентистскую теорию цены должна сменить «генетико-каузальная» или, точнее, прагматическая теория цены, в которой цены являются итогом последовательности предпринимательских действий людей. Такая теория сохранит и усовершенствует то верное, что есть в функциональной модели, и в то же время предотвратит вытекающие из нее серьезные риски и ошибки. См.: Hans Mayer, "Der Erkenntniswert der Funktionellen Preistheorien" in *Die Wirtschaftstheorie der Gegenwart* (Vienna: Springer, 1932), 2: 147–239b. См. также: Israel M. Kirzner, "Austrian School of Economics," in *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, vol. 1, p. 148. Идеи Мизеса по этому поводу см.: Mises, *Human Action*, 327–333 [Мизес. Человеческая деятельность. С. 308–313]. Кроме того, см. цитату и наш комментарий к ней, приведенные в сноске 53 к главе 5. В Испании в качестве относительно недавнего примера вредной сциентистской методологии, основанной на «социальной инженерии» и использовании математических методов в сфере экономической теории, можно привести книгу социалиста Хосе Борреля Фонтельеса: José Borrell Fontelles, *La República de Taxonia* (Madrid: Ediciones Pirámide, 1992).

Итак, подобно Ланге и другим социалистическим теоретикам, Дурбин по умолчанию предполагает, что экономические субъекты имеют доступ к информации, выраженной в объективной форме, тогда как в отсутствие частной собственности на средства производства и свободного предпринимательства само создание такой информации теоретически невозможно. Без этих институтов информация не будет порождаться, отраслевые менеджеры не смогут объективно соблюдать правила Дурбина и, разумеется, центральный плановый орган не будет иметь возможности мониторинга и контроля того, правильно или нет функционируют отрасли с точки зрения этих правил. Поэтому Дурбин совершает главную из своих ошибок, когда прямо пишет: «Способность находить маржинальные продукты не зависит от конкретного набора социальных институтов»⁴. Кроме того, если Дурбин считает, что информация, необходимая для расчета предельной производительности, всегда доступна, вне зависимости от имеющихся общественных институтов (капиталистических, социалистических или какого-то их сочетания), то непонятно, почему он отвергает предложенный Ланге метод Вальраса, основанный на том же самом предположении, что необходимая информация доступна в объективной, однозначной форме. Далее, Дурбин полагает, что «технические» сложности расчета предельной производительности различных факторов одинаковы для капиталистической системы и для плановой экономики; он отказывается признавать, что проблема эта — экономическая, а не «техническая», и обсуждать любые ее «практические» аспекты, выходящие за пределы его собственных «теоретических» наблюдений⁵.

Таким образом, мы видим, что, подобно Ланге, Дурбин считает «теорией» исключительно маргиналистскую модель равновесия (хотя в его случае речь идет не об общем равновесии по Вальрасу, а о частичном равновесии по Маршаллу и о

⁴ E. F. M. Durbin, "Economic Calculus in a Planned Economy" in *Problems of Economic Planning*, 145.

⁵ «Расчет предельного продукта может быть очень сложен. Но технические сложности одинаковы и для капиталистической, и для плановой экономики. Те сложности, которые не относятся к бухгалтерии, не поддаются теоретическому разрешению» (E. F. M. Durbin, "Economic Calculus in a Planned Economy" in *Problems of Economic Planning*, 143).

теории предельной производительности), в которой предполагается, что информация, необходимая для расчета соответствующих предельных производительностей, «дана». Он не понимает, что его теория основана на столь жестких предположениях, что практически нерелевантна. Дурбин незнаком не только с формальной теорией социальных процессов, в основе которых лежит предпринимательство, но и с той ролью, которую исполняют конкретные социальные институты, поощряющие или ограничивающие предпринимательство, с экономическим анализом прав собственности и с той теоретической проблемой, которую в отсутствие предпринимательской конкуренции представляет рассеянный и субъективный характер информации. Неудивительно, что попытка Дурбина решить проблему экономического расчета при социализме была неудачной: он использовал теоретический инструментарий, непригодный ни для того, чтобы понять проблему в том виде, как ее первоначально сформулировал Мизес, ни для того, чтобы найти работающее решение этой проблемы. Итак, мы приходим к тому же заключению, которое сделал Хофф в своем блестящем критическом анализе позиции Дурбина⁶: «в своем стремлении не «догматизировать практические вопросы» он

⁶ После Второй мировой войны Дурбин (который трагически утонул в 1948 г. в Корнуолле, находясь в самом расцвете сил) вместе с Джеймсом Мидом, Хью Гейтскеллом и, в меньшей степени, Диккинсоном и Лернером участвовал в создании идеологии лейбористской партии (в основном через так называемое Фабианское общество); его дочь Элизабет проанализировала роль отца в этом в книге: *Elisabeth Durbin, New Jerusalem: The Labour Party and the Economics of Democratic Socialism* (London: Routledge and Kegan Paul, 1985). Большинство этих «идеологов» стали сторонниками модели, основанной на интервенционизме и кейнсианском макроэкономическом планировании в контексте социальной демократии. Элизабет Дурбин также написала об отце краткую статью, которая опубликована на с. 945 *The New Palgrave: A Dictionary of Economics, vol. 1*. См. также ее книгу *The Fabians, Mr. Keynes and the Economics of Democratic Socialism* (New York: Routledge and Kegan Paul, 1984). Между прочим, Элизабет Дурбин была членом экзаменационной комиссии (наряду с Израэлем Кирцнером, Фрицем Махлупом, Джеймсом Беккером и Джералдом О’Дрисколом), когда Дон Лавой защищал в Нью-Йоркском университете свою диссертацию, посвященную спору о возможности экономиче-

[Дурбин] упустил из виду суть проблемы, а именно то, каким образом будут получены данные, на которых социалистические тресты должны строить свои расчеты»⁷.

Книга Генри Дугласа Диккинсона «Экономическая теория социализма»

Казалось, что у Диккинсона были все основания для того, чтобы в книге, которую он опубликовал в 1939 г., наконец разобраться в исходных тезисах Мизеса и Хайека, осознать их смысл и попробовать на них ответить⁸. То, что в этой книге Диккинсон отказался от заявлений, которые он сделал в своей статье 1933 г. о ценообразовании в социалистической системе, и к тому же именно по той причине, на которую обратили его внимание его оппоненты из австрийской школы (то есть из-за того, что информация, необходимая для внедрения его математического решения, всегда будет недоступна), казалось, дает надежду на то, что Диккинсон сможет осознать все выводы, следующие из его «прозрения»⁹. К тому же Диккинсон был очень симпатичным и талантливым человеком. Коллард пишет, что «его любили все; это был человек не от мира сего, чудака с изумительным чувством юмора и необычайно острым умом»¹⁰; Хайек в статье 1940 г. хвалит работу Диккинсона не только за ее полноту, но и за четкую структуру, краткость и ясность, и прибавляет, что читать ее и обсуждать

ского расчета при социализме, которая легла в основу его блестящей книги *Rivalry and Central Planning*.

⁷ Т. J. В. Hoff, *Economic Calculation in the Socialist Society*, 224–229, особенно, начиная с заголовка на с. 227.

⁸ H. D. Dickinson, *The Economics of Socialism* (London: Oxford University Press, 1939).

⁹ Dickinson, *The Economics of Socialism*, 104, — на этой странице Диккинсон пишет, что предложенное им в 1933 г. математическое решение неосуществимо: не потому, что невозможно решить соответствующую систему уравнений, а потому, что «сами данные, которые должны вводиться в ЭВМ для решения уравнений, постоянно меняются».

¹⁰ См. статью Колларда о Диккинсоне в: *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, vol. 1, p. 836.

ее содержание было истинным удовольствием для ума¹¹. Наконец, искренность и научная честность Диккинсона ярко проявились в той чрезвычайно благоприятной рецензии, которую он в 1940 г. написал на исходную норвежскую версию книги Трюгве Хоффа¹². Однако, к сожалению, можно отметить, что многие предложения Диккинсона полностью совпадают с ранее высказанными предложениями Ланге, которого Диккинсон прямо упоминает в библиографии. По этой причине значительная часть нашей критики по адресу Ланге распространяется и на Диккинсона.

Как пронизательно отметил Дон Лавой¹³, несмотря ни на что, в основном Диккинсон сохраняет в этой книге приверженность статике, и поэтому он по-прежнему не в состоянии решить проблему экономического расчета в том виде, как ее сформулировали Мизес и Хайек. Это особенно ясно видно по тому, что Диккинсон пишет о роли, которую неопределенность и предпринимательская функция должны будут играть в социалистической системе. Он считает одним из преимуществ социалистической системы то, что в ней сократится неопределенность, свойственная капитализму, где она возникает в

¹¹ F. A. Hayek, "Socialist Calculation III: The Competitive Solution," in *Individualism and Economic Order*, 185 [Хайек. Экономический расчет при социализме III: конкурентное решение // Хайек. Индивидуализм и экономический порядок. С. 180].

¹² В этой рецензии, опубликованной в *Economic Journal* (no. 50 (June/September 1940): 270—274), речь шла об опубликованной по-норвежски книге Хоффа *Okonomisk Kalkulasjon i Socialistiske Samfund* (Oslo: H. Ashekovg: 1938). (Позже она была переведена на английский М. Майклом и опубликована под названием *Economic Calculation in the Socialist Society*, London, William Hodge, 1949.) Диккинсон завершает свою рецензию следующим образом: «Автор дает критический обзор практически всей литературы, написанной на эту тему по-немецки и по-английски, сделав его на очень высоком теоретическом уровне».

¹³ Don Lavoie, *Rivalry and Central Planning*, 135—139. Между прочим, статической концепции экономической теории, ведущей к неспособности понять характер и значение неопределенности в рыночной экономике, приверженцем которой был Диккинсон, сегодня с тем же результатом придерживаются такие влиятельные авторы, как, например, Кеннет Эрроу, который, как мы увидим в сноске 55, считает неопределенность очевидным «провалом» рынка и рыночной системы цен.

результате взаимодействия многочисленных единиц, самостоятельно принимающих решения. Это предполагаемое «уменьшение» неопределенности будет достигнуто за счет вмешательства центрального планового органа, который, сознательно навязав в приказном порядке определенные явным образом пропорции производства, неизбежно уменьшит характерный для рынка высокий уровень неопределенности. Здесь Диккинсон снова ссылается на открытость, которая будет существовать в социалистической системе, в отличие от типичного поведения компаний в капиталистической системе, которая, по его мнению, характеризуется чрезмерной «секретностью» и отсутствием «информационной прозрачности».

По этим заявлениям Диккинсона понятно, что он по умолчанию считает, будто бы центральное бюро планирования способно получить доступ к информации, которая позволяет сверху обеспечивать координацию в обществе, и тем самым уменьшить уровень неопределенности и количество ошибок, которые в норме совершают предприниматели. Однако Диккинсон нигде не объясняет, как это станет возможным, особенно в свете того, что информация, в которой нуждается плановый орган для того, чтобы уменьшить неопределенность, порождается не наверху, а «внизу», то есть на уровне самих экономических субъектов. Нам также известно, что эта информация носит субъективный, практический, рассеянный и невербализованный характер, и поэтому ее в принципе невозможно передать центральному плановому органу и даже нельзя создать в отсутствие полной свободы предпринимательства. Кроме того, когда Диккинсон призывает к полной «информационной прозрачности» и обнародованию всех «коммерческих секретов», которые хранятся в тайне в капиталистической системе, он неявно подразумевает, что информация носит объективный характер и что, как только все данные и «секреты» различных экономических субъектов распространятся по всей социальной сети, уровень неопределенности резко упадет. Однако следует учитывать, что любой экономический субъект в состоянии просто завалить конкурентов или коллег полной информацией о своих планах, и при этом уровень неопределенности необязательно снизится. Причина в том, что других можно завалить только той информацией, которую можно вербализовать или передать в формализованном виде. Кроме того, данные необходимо будет интерпретировать; любая интерпретация субъективна; в

бесчисленном количестве случаев экономические субъекты и их конкуренты будут субъективно интерпретировать данные по-разному и, следовательно, данные будут иметь иное субъективное значение по сравнению с тем, которое они имели для первоначально «опубликовавшего» их предпринимателя. Возможно ограничить число интерпретаций при условии, что предприниматель не просто передает информацию, но и сообщает о том, как, с его субъективной точки зрения, события будут развиваться в будущем и какой план действий он считает оптимальным. В таком случае то, что экономические агенты решают принять на веру «догадки» источника информации, означает, что они просто отказываются от возможности самим интерпретировать данные, то есть лично проявлять предпринимательство, и подчиняются предпринимательскому лидерству других. В социалистической системе неопределенность можно устранить только с помощью «метода страуса»; это значит, что люди должны, подобно страусу, засунуть головы в песок, отказываясь признавать существование неопределенности и то, что она представляет собой не «проблему» (неопределенность является проблемой только в нелепых интеллектуальных конструкциях замороженных теоретиков равновесия), а свойство социальной жизни, имманентно присущее человеческой природе, свойство, с которым человек непрерывно сталкивается в процессе предпринимательства.

Другим свидетельством того, что модель Диккинсона в сущности остается статичной, является то, как он пытается поступить с той неопределенностью, которую централизованное планирование не может устранить. Диккинсон предлагает установить надбавку за неопределенность, которая должны быть одним из элементов совокупных производственных издержек, наряду с другими «типичными» компонентами издержек. Хотя Диккинсон признает, что надбавку за неопределенность будет сложно рассчитать, он считает, что это можно сделать, если исходить из частоты колебаний продаж и цен для каждого отдельно взятого блага (услуги). Предложение Диккинсона свидетельствует о том, что он не понимает принципиальной разницы между риском и неопределенностью, о которой мы говорили в главе 2¹⁴. Неопределенность

¹⁴ См. в главе 2 раздел под заголовком «Творчество, внезапность и неопределенность» и сноски 11 и 12.

связана с уникальными событиями, применительно к которым нельзя говорить о возможном распределении вероятности. Информация, которую экономические субъекты создают и испытывают в соответствии с тем, как они представляют себе будущее, является типично предпринимательской, невербализованной, творческой, приспособленной к возможным изменениям, и, следовательно, ее в принципе невозможно централизованно собрать и использовать для расчета вероятностного распределения.

Подход Диккинсона к роли «предпринимательства» в социалистической системе еще менее удовлетворителен, если так можно выразиться. В модели Диккинсона имеется, по сути дела, двусмысленная и грубая карикатура на предпринимательство. Частная собственность на средства производства запрещена и центральный плановый орган обладает широкими полномочиями в сфере установления ориентиров для координации индивидуальных планов и в том, что касается распределения соответствующих финансовых ресурсов, вмешательства в функционирование рынка труда, монополизации рекламы и пропаганды, контроля и управления внешней торговлей и т.п. Кроме того, Диккинсон считает этот орган принуждения, который он называет «Высшим Экономическим Советом», не только «вездесущим и всеведущим», но еще и «всемогущим» с точки зрения его возможности вносить изменения во всех тех случаях, когда его члены ощущают необходимость в них¹⁵. Однако, то, что в социалистической системы менеджеры предприятий подчиняются плановому органу, не

¹⁵ См.: Dickinson, *The Economics of Socialism*, 103, 113, 191. По поводу этих эпитетов (всеведущий и вездесущий) Мизес иронически замечает: «Бесполезно тешить себя надеждой, что органы коллективной экономики будут “вездесущи” и “всеведущи”. В рамках праксиологии мы имеем дело с действиями не вездесущего и всеведущего божества, а людей, наделенных лишь человеческим разумом. Этот разум не может планировать без экономического расчета» (Ludwig von Mises, *Human Action*, 710 [Мизес. Человеческая деятельность. С. 664]). Чуть выше, на с. 696 [русс. изд: с. 653], он пишет: «Можно признать, что руководитель или совет руководителей — это люди выдающихся способностей, мудрые и преисполненные благих намерений. Но ничем, кроме как идиотизмом, нельзя назвать предположение о том, что они всеведущи и непогрешимы».

означает, по Диккинсону, что у них нет возможности в некоторых случаях свободно делать выбор¹⁶. Действительно, он считает, что при социалистической системе каждая компания должна иметь собственный капитал, собственные прибыли и убытки и «управляться» таким образом, который должен быть как можно ближе к тому, как управляются компании в капиталистической системе.

Диккинсон хорошо понимает, что менеджеры должны отвечать за финансовые результаты своих компаний и иметь долю в прибылях и убытках. Однако он не объясняет, как можно достичь финансовой ответственности в системе, где частная собственность на средства производства насильственно запрещена. Как мы узнали в главе 2, если не существует частной собственности на средства производства и человек не может свободно распоряжаться плодами своей деятельности, то предпринимательства, координирующего социальные процессы, не возникает. Кроме того, Диккинсон утверждает, что, хотя прибыль не обязательно является признаком предпринимательского успеха, убыток всегда является признаком управленческой неудачи или ошибки¹⁷. Чисто логически, если возвести эту «догадку» Диккинсона в ранг принципа, то в норме менеджерами будут консервативные чиновники, которые будут бояться предпринимать что-либо новое, внедрять технические и коммерческие нововведения, вносить изменения в процессы производства и т. п., потому что убыток всегда будет рассматриваться как ошибка, негативно влияющая на карьеру чиновника, а прибыль может не считаться успехом.

Диккинсон пытается решить проблему мотивации и вознаграждения менеджеров с помощью системы «бонусов», или финансовых выплат, привязанных к итогам производственной деятельности компании, которой руководит данный чиновник. Конечно, эти бонусы не будут идентичны предпринимательской прибыли, не только потому, что на практике это будет

¹⁶ «Из того, что выбор менеджеров социалистической индустрии частично будет направляться директивами плановых органов, не следует, что у них вообще не будет выбора» (Dickinson, *The Economics of Socialism*, 217).

¹⁷ По Диккинсону, основной принцип будет состоять в том, что, «хотя прибыль не обязательно является признаком успеха, убыток является признаком неудачи» (Dickinson, *The Economics of Socialism*, 219).

означать возврат к ненавистному капитализму, но и потому, что, как мы только что упомянули, Диккинсон считает, что прибыль не всегда является признаком эффективности. Это предложение Диккинсона снова загоняет его в ловушку статической модели. Действительно, как нам уже известно¹⁸, система бонусов по умолчанию исходит из того, что у органа, ответственного за распределение бонусов, есть доступ к той информации, которая, в силу своего субъективного, рассеянного и невербализованного характера, в принципе не может быть ему доступна. Распределение бонусов по итогам деятельности подразумевает, что можно узнать, позитивны или негативны эти итоги. А если плановый орган может узнать, какие итоги деятельности успешны, а какие — нет, то из этого следует, что предпринимательский процесс для порождения такой информации не нужен. Однако, если нужно разрешить свободное предпринимательство, чтобы такая информация возникла, нет смысла создавать систему бонусов, поскольку до тех пор, пока такой информации нет, никто знает, увенчается предпринимательство успехом или нет. В этом состоит главный довод Кирцнера, направленный против различных попыток (на данный момент все они завершились неудачей) социалистических стран создать системы стимулирования¹⁹.

¹⁸ См. все критические доводы против системы бонусов и стимулов, приведенные в главе 6 (критический анализ классической модели Ланге, пункт 7).

¹⁹ Кирцнер пишет (см. также сноску 70 в главе 6): «Стимулирование социалистических менеджеров представляет собой отрицание принципиальной роли предпринимательского открытия» (см.: Kirzner, *Discovery and the Capitalist Process*, 34—37). Дон Лавой, в свою очередь, резюмирует доводы австрийской школы против социалистической системы бонусов и стимулов следующим образом: «Это подразумевает, что планирующий орган, рассматривающий отчеты компаний о прибылях и убытках, должен быть в состоянии отличать настоящую прибыль от монопольной прибыли в обычном значении этого термина. Однако, здесь мы имеем дело с уклонением от рассматриваемого вопроса, потому что у планирующего органа не будет знания, которое генерируют децентрализованные инициативы, а также осознания того, что это знание выражается исключительно в отчетах о прибылях и убытках. *Не существует такой информации более высокого порядка, с которой можно было бы сравнивать данные о прибыли, так, чтобы в соответствии с полученным резуль-*

Предпринимательский успех можно оценить лишь субъективно, с точки зрения самого предпринимателя. Действующий субъект измеряет его в общем контексте и включает в рассмотрение не только финансовую прибыль, но и все остальные обстоятельства, которые он субъективно оценивает как прибыль. Кроме того, эта прибыль возникает непрерывно, ее величина и характер меняются, и она постоянно руководит действиями предпринимателя, предоставляя ему информацию о том, какое направление ему следует избрать. В отличие от этого, система бонусов в лучшем случае может принести пользу на управленческом, но не на предпринимательском уровне. Бонусы распределяются *a posteriori* на основании объективной информации, в соответствии с подготовленным и утвержденным заранее планом, выраженным в однозначной форме. Бонусы не служат руководством к действию, поскольку они присуждаются по итогам деятельности на основании ригидных и объективных критериев. И, что самое главное, предоставление бонусов подразумевает интерпретацию событий, то есть суждения, которые имеют смысл только в контексте предпринимательской деятельности, а не тогда, когда они являются приказами центрального планового органа (у которого нет информации для того, чтобы распределять бонусы иначе, кроме как по собственному произволу) или были установлены заранее и зависят от конкретных, более или менее измеримых критериев.

Итак, Диккинсон не может понять того, что у термина «стимул» есть два резко различающихся смысла. Можно представить себе четкий, узкий и не имеющий практического значения смысл термина «стимул», относящийся к устройству механизма, мотивирующего экономических агентов правильно (в соответствии с установленным заранее «правилом») пользоваться *уже находящейся в их распоряжении объективной информацией*. В этой книге мы пользовались термином «стимул» не в этом значении, а в гораздо более широком и одновременно — более точном и более существенном с точки зрения экономической теории: по нашему мнению, к *стимулам* относятся все цели, которые в принципе можно вообразить и создать *ex novo*; стимулы не просто приво-

татом изменять вознаграждение менеджеров» (Don Lavoie, Rivalry and Central Planning, 138–139).

дят к тому, что люди передают ту объективную информацию, которая у них уже есть, но, что гораздо важнее, они побуждают людей *непрерывно создавать и обнаруживать субъективную информацию, которой у них еще нет*, но которая необходима для достижения поставленных целей. Хотя в социалистической системе можно с грехом пополам попытаться создать «стимулы» в узком смысле этого слова, в ней каждому человеку систематически и насильственно препятствуют свободно распоряжаться всеми плодами его собственной предпринимательской деятельности, и в силу этого в ней, по определению невозможно создать стимулы в подлинном, широком значении этого слова.

Диккинсон, вдобавок, рекомендует ввести бонусы или стимулы, направленные на поощрение технологических экспериментов и инноваций, как будто центральный плановый орган может обладать информацией (и в количественном, и в качественном отношении), необходимой для того, чтобы его члены могли определить, какие проекты достойны финансирования, а какие — нет, какие результаты экспериментов свидетельствуют об успехе, а какие — о провале. Однако, как пишет Дон Лавой: «Идея использования конкретных стимулов в качестве сознательного инструмента планирования противоречит идее эксперимента как действительно децентрализованной процедуры, приводящей к открытиям. Если у центрального планового совета нет знаний, необходимых, чтобы отличить смелую инициативу от безрассудного риска, то он не может распределять стимулы среди менеджеров так, чтобы поощрять первое и противодействовать второму»²⁰. Именно с этой проблемой неизбежно сталкиваются те западные правительства, которые стремятся стимулировать научные исследования, искусство и культуру с помощью субсидий и других государственных «поощрений». Во всех таких случаях кончается тем, что правительственные учреждения начинают распределять бонусы и субсидии чисто произвольным образом, что полностью соответствует предсказаниям школы общественного выбора. В отсутствие иных критериев более высокого порядка государственные агентства распределяют стимулы в зависимости от связей, политического влияния и т.п., и им совершенно не

²⁰ Don Lavoie, *Rivalry and Central Planning*, 139.

удается стимулировать ценные технологические изобретения или подлинное культурное развитие.

Подход Диккинсона к предпринимательству явно и неявно предполагает доступность полной информации, статичность общества и отсутствие изменений. Благодаря этим предпосылкам все экономические проблемы превращаются в технические вопросы, которые могут решить обычные управленцы. В нашей книге мы резко критиковали такие утверждения; они демонстрируют неспособность Диккинсона взглянуть в глаза проблеме экономического расчета в социалистических экономиках. Как пишет Мизес, «капиталистическая система является не управленческой, а предпринимательской системой»²¹, а Диккинсон относится к числу тех, кто смешивает управленческую функцию с предпринимательской и, следовательно, неизбежно закрывает глаза на фундаментальную экономическую проблему.

Наконец, любопытно отметить наивную веру Диккинсона в то, что его система впервые в истории человечества сможет обеспечить подлинный «индивидуализм» и «свободу», иными словами, его своеобразный «либертарианский социализм», обладающий большой интеллектуальной привлекательностью²². Однако, с учетом огромной власти, которую центральный плановый совет будет иметь в модели Диккинсона, в сочетании с присущим ему произволом, пропагандистским манипулированием и неспособностью к осуществлению экономического расчета, его социализм был бы, по меньшей мере крайне авторитарной системой, в которой личная свобода была бы ужасно ограничена и не было бы никаких

²¹ Ludwig von Mises, *Human Action*, 708 [Мизес. Человеческая деятельность. С. 663]. На с. 709 [русск. изд: с. 663— 664] Мизес добавляет: «В спекуляции и инвестиции *шрать* невозможно. Спекулянты и инвесторы ставят на карту собственное богатство и судьбу. ...Если их освободить от этой ответственности, то это изменит саму их природу. Они больше не будут являться бизнесменами, а будут всего лишь группой людей, которым руководитель поручил свою основную задачу, верховное руководство ведением дел. Тогда они, а не номинальный руководитель, становятся истинными руководителями и должны решать ту же проблему, которую не смог решить номинальный руководитель: проблему расчета».

²² Dickinson, *The Economics of Socialism*, 26.

шансов на функционирование по-настоящему демократической системы. Действительно, даже сам Диккинсон признает (и это его точные слова), что «в социалистическом обществе искусственное различие между экономикой и политикой будет стерто; экономический и политический аппарат общества сольются воедино»²³. Как показал Хайек²⁴, эта формулировка Диккинсона прекрасно описывает одну из доктрин, которая вызывает огромный энтузиазм у нацистов и фашистов. Если мы не можем отличить политику от экономики, возникает необходимость навязать одну-единственную господствующую шкалу ценностей всем действующим субъектам и всем членам общества, и, в полном согласии с логикой, этого можно достичь исключительно с помощью масштабного применения силы и принуждения. На самом деле слово «политика» всегда отсылает к систематическому институционализированному принуждению, насилию и приказам (то есть к *социализму* в нашем понимании), в то время как «экономика» всегда отсылает к добровольным контрактам, свободному предпринимательству и мирному стремлению всех людей к разнообразным целям в правовом контексте обмена и сотрудничества. Чудо жизни в капиталистическом обществе, движимом силой предпринимательства, состоит в том, что в нем каждый человек и каждый экономический агент научается добровольно ограничивать и приспособливать свое поведение к нуждам и желаниям других, все это — в среде, где каждый человек стремится к разнообразным, многочисленным и непредсказуемым целям. Очевидно, Диккинсон никогда не стремился это понять или оказался на это неспособен.

Участие в споре Аббы Лернера

Участие Лернера в споре не выразалось в виде прямой реакции на книги и статьи Мизеса и Хайека; его идеи были изложены в серии статей, опубликованных им в 1930-е годы, где

²³ Ibid., 235.

²⁴ См.: F. A. Hayek, "Socialist Calculation III: The Competitive Solution," in *Individualism and Economic Order*, 206–207 [Хайек. Экономический расчет при социализме III: конкурентное решение // Хайек. Индивидуализм и экономический порядок. С. 199].

он обсуждал и критиковал предложения других социалистических теоретиков, участвовавших в споре, в частности, Ланге, Дурбина, Диккинсона и Добба²⁵. Кроме того, позже Лернер высказал некоторые замечания, имеющие отношение к нашей теме, в книге *The Economics of Control*, опубликованной в 1944 г.²⁶

В своих статьях Лернер пытается разобраться не только в статических, но и в «динамических» проблемах социалистической экономики. Кроме того, в книге *The Economics of Control*, он прямо упоминает²⁷, что для тотального планирования потребовалась бы централизованная информация о том, что происходит на каждой фабрике, о ежедневных колебаниях спроса и предложениях, а также об изменениях технических знаний во всех производственных отраслях. Лернер также объясняет, что, поскольку невозможно себе представить, чтобы центральный плановый орган получил доступ к этому знанию, единственная возможность, которая остается, — это опираться на «механизм» цен. Однако, несмотря на эти замечания, идеи Лернера, так же как и других рыночных социалистов, все равно явно и неявно основаны на предпосылке, что вся информация, необходимая для реализации его предложения, непременно будет доступна, и, таким образом, Лернеру не удастся ни возразить Мизесу и Хайеку, ни решить проблему экономического расчета при социализме. Кроме того, можно отметить, что Лернер был крайне радикальным защитником модели равновесия в качестве «теоретического» основания для социализма, упорно игнорировавшим и отрицавшим необходимость изучения действительно интересных проблем,

²⁵ С точки зрения спора об экономическом расчете при социализме существенны следующие статьи Лернера: “Economic Theory and Socialist Economy,” *Review of Economic Studies*, no. 2 (October 1934): 51–61; “A Rejoinder,” *Review of Economic Studies*, no. 2 (February 1935): 152–154; “A Note on Socialist Economics,” *Review of Economic Studies*, no. 4 (October 1936): 72–76; “Statics and Dynamics in Socialist Economics,” *Economic Journal*, no. 47 (June 1937): 253–270; наконец, “Theory and Practice of Socialist Economics,” *Review of Economic Studies*, no. 6 (October 1938): 71–75.

²⁶ Abba P. Lerner, *The Economics of Control: Principles of Welfare Economics* (New York: Macmillan, 1944).

²⁷ A. P. Lerner, *The Economics of Control*, 119.

связанных с предпринимательством. Рассмотрим три конкретных примера, которые очень наглядно иллюстрируют специфику взглядов Лернера.

Во-первых, нужно упомянуть о критическом анализе, которому Лернер подверг правила издержек, сформулированные до него рыночными социалистами вообще и Тейлором, Ланге и Дурбином, в частности. Действительно, Лернер критикует Тейлора за использование принципа приравнивания цен к средним совокупным издержкам. Он также критикует Ланге за то, что его правила направлены в основном на имитацию «механизма» рынка, а не на достижение конечного состояния, к которому стремится рынок; и особенно он критикует Дурбина за то, что применение его правил означало бы на практике возврат к установлению цен на уровне средних издержек, поскольку в модели Дурбина от менеджеров требуют производить максимальное количество продукции, которое совместимо с «нормальным» уровнем прибыли²⁸.

По мнению Лернера, важно не столько найти работающее на практике правило, сколько стремиться непосредственно к достижению конечной цели социалистической системы, что возможно лишь при условии, что ни один фактор или ресурс не используется для производства какого-либо блага или услуги, если он может быть использован для производства какого-либо блага и услуги, которые оцениваются выше. Единственный способ добиться этого — это заставить менеджеров уравнивать цены с предельными издержками ($MC=P$); хотя этот принцип и соответствует второму правилу Ланге, Лернер считает, что следует придерживаться исключительно его, не увлекаясь, подобно

²⁸ Tibor Scitovsky, "Lerner's Contribution to Economics," *Journal of Economic Literature* 22, no. 4 (December 1984): 1547–1571, esp. p. 1552. Подготовленный Ситовски обзор спора об экономическом расчете при социализме и вклада в него Лернера демонстрирует не только полное непонимание Ситовски сути спора, но и то, что он опирался исключительно на те вторичные источники, которые описывают события не так, как они происходили на самом деле. То, что отдельные влиятельные экономисты продолжают писать так и сегодня, вызывает глубокое разочарование. О Лернере см. в представляющем большой интерес введении Кэрен Вон к книге Т. J. В. Hoff, *Economic Calculation in the Socialist Economy*, pp. 24–26, а также главу 12 этой книги, pp. 224–236.

Ланге, имитацией функционирования конкурентного рынка. Согласно Лернеру, не имеет смысла настаивать, как это делает Дурбин, на том, чтобы менеджеры сохраняли «нормальный» уровень прибыли, потому что такая прибыль является не более чем признаком статического равновесия, а то, в чем действительно нуждается социалистическая система, — это ориентиры для размещения производственных ресурсов в «динамическом» мире. Таким образом, мы видим, что так называемый «динамический анализ» Лернера ограничивается попыткой найти правило, которое, с его точки зрения, можно было бы применить во всех обстоятельствах, возникающих в повседневном функционировании социалистической экономики. Как это ни странно, предложенное Лернером решение не менее статично, чем решения Дурбина, Ланге и Диккинсона; соответственно, мы могли бы повторить здесь все критические возражения против правила приравнивания цен предельным издержкам, подробно сформулированные выше. На этом этапе достаточно повторить, что предельные издержки не являются «объективными» в том смысле, что они не даны и что их не может однозначно оценить третья сторона. Наоборот, они представляют собой типичный пример предпринимательской информации, то есть информации, постепенно порождаемой субъективным, рассеянным, неявным, практическим и невербализованным образом в умах тех, кто свободно осуществляет свою человеческую деятельность или предпринимательство, и, соответственно, неверно предполагать, будто информацию об издержках создают или находят менеджеры, которые, в силу запрета частной собственности на средства производства, не могут свободно проявлять предпринимательство. Еще более нелепо предположение, что такую информацию можно передать центральному плановому органу и что этот орган способен каким-то образом контролировать соблюдение отраслевыми менеджерами правила ($MC=P$).

Во-вторых, любопытно, что Лернер и сам понимает, что цены, которые следует учитывать, применяя его правило ($MC=P$) — это не «текущие» цены (которые уже возникли на рынке, пусть и совсем недавно), а будущие цены, какими их видят экономические субъекты («ожидаемые в будущем цены») ²⁹. Следовательно, фундаментальное правило Лернера

²⁹ Abba P. Lerner, "Statics and Dynamics in Socialist Economics," 253, 269, 270.

следует использовать таким образом, чтобы каждый менеджер приравнивал цены к предельным издержкам в соответствии с собственными *ожиданиями*. Однако таким ожиданиям не только неоткуда возникнуть, если менеджеры не могут свободно проявлять предпринимательство (из-за отсутствия частной собственности на средства производства) — теоретически невозможно и то, чтобы инспектор-бюрократ или член центрального бюро планирования мог объективно контролировать соблюдение этого правила (того, правильно ли менеджер ведет себя «в соответствии со своими собственными ожиданиями»). Итак, интуиция в принципе не обманывает Лернера, однако, он не понимает, что то верное, что есть в его позиции, разрушает всю его модель и сводит ее к полному абсурду.

В-третьих, Лернер рассматривает вопрос о том, в состоянии ли центральный плановый орган оценить будущие предельные издержки точнее, чем действующие в конкурентном обществе предприниматели, как «социологический», или «практический», вопрос, не относящийся к сфере «экономической теории»³⁰. Кроме того, Лернер прямо критикует попытку Дурбина проанализировать практическое влияние социализма на стимулы и поведение менеджеров в социалистической системе³¹. Очевидно, что Лернер и есть тот самый исследователь, который отвечает на неверный вопрос и пользуется неподходящим аналитическим инструментарием и «теоретическим» багажом, чтобы справиться с проблемой невозможности рационального экономического расчета при социализме, поставленной Хайеком и Мизесом. Действительно, прячась за гипотетической системой, где от экономических субъектов требуют, чтобы они действовали определенным образом, игнорируя то, в состоянии ли они действовать таким образом с учетом собственной мотивации и той информации, кото-

³⁰ Лернер пишет: «Тогда встает социологический вопрос о том, в состоянии ли социалистический трест оценить эту будущую ценность точнее, чем собственник арендованного инструмента в условиях конкуренции, и здесь мы выходим из сферы экономической теории» (Lerner, *Statics and Dynamics in Socialist Economics*, 269).

³¹ Лернер в шутку сравнил Дурбина со «школьником, который написал в экзаменационном сочинении: “Я не знаю про социальные последствия Французской революции, но знаю всех английских королей”» (Lerner, “A Rejoinder,” 1938, p. 75).

рую они могут создать, Лернер сознательно уходит от теоретических проблем, имеющих отношение к делу, и находит убежище в стерильной нирване общего равновесия и экономики благосостояния.

Одержимость Лернера равновесием и статикой особенно ярко проявляется в том, как он критикует Оскара Ланге за то, что Ланге зачем-то стремится воспроизвести и симитировать механизмы конкуренции, в то время, как, по мнению Лернера, по-настоящему важная задача — это сформулировать условия, необходимые, чтобы дать определение «социалистического идеала» в контексте «экономики благосостояния», вне зависимости от метода, который используется для достижения этого идеала. Цель уже даже не в том, чтобы создать модель «совершенной» конкуренции (несмотря на то, что такая модель «конкуренции» не имеет ничего общего с конкуренцией между предпринимателями в реальности), а в том, чтобы дать максимально четкое определение нирваны (или «рая»), описанного «экономикой благосостояния», в то время, как создание практических систем, в наибольшей степени подходящих для того, чтобы достичь этого «рая», отдается на усмотрение социологии, психологии и политики³². Итак, Лернер настаивает на том, что важно не имитировать систему «совершенной конкуренции в условиях равновесия» с помощью метода проб и ошибок или какого-нибудь другого метода, а попытаться достичь социального оптимума непосредственно, приказав менеджерам установить цены на уровне предельных издержек.

³² На с.74 статьи 1936 г. «Заметка по поводу экономической теории социализма» (“A Note on Socialist Economics”) Лернер пишет: «В методологическом отношении меня не устраивает то, что д-р Ланге рассматривает состояние конкурентного равновесия как *цель* своих усилий, в то время, как на самом деле это только *средство* достижения истинной цели. Ему не удастся пойти дальше этапа совершенного конкурентного равновесия и направить свои усилия на то, что действительно является желанным. Даже если верно, что в случае возникновения и стабильного существования классического, статического и совершенно конкретного равновесия будет достигнут социальный оптимум, являющийся *истинной целью*, из этого не следует, что *стремление к этому равновесию* позволяет подойти максимально близко к *желаемому социальному оптимуму*».

Из всех теоретиков, чьи взгляды мы анализировали до сих пор, Лернер, вероятно, был больше всех заигнорирован неоклассической моделью общего равновесия и экономической теории благосостояния — до такой степени, что считал любой анализ, не включавший формального изложения экономики благосостояния, ее постулатов и следствий из нее, выходящим за пределы «теории». Этим объясняется настойчивость его единственной рекомендации — обязать менеджеров компаний следовать догмам экономики благосостояния; именно с этой целью он написал в 1944 г. книгу «Экономическая теория регулирования» (*Economics of Control*) — практическое руководство по интервенционизму [государственному вмешательству в экономику. — *Ред.*], поваренную книгу неоклассического равновесия и экономики благосостояния, предназначенную для непосредственного использования чиновниками из центрального органа вмешательства или планирования в процессе социальной инженерии, чтобы облегчить их «тяжелый труд» по организации систематического принуждения в сфере экономики против остальных граждан³³.

³³ Статический характер анализа Лернера, вытекающий из его предположения о том, что орган вмешательства или планирования имеет доступ ко всей нужной ему информации, проявляется и в созданной им теории «производительного спекулянта», выполняющего полезную функцию, которого следует сохранить в «контролируемой» экономике, в отличие от «монополистического или агрессивного спекулянта», чью функцию следует нейтрализовать с помощью механизма, который Лернер именует «контрспекуляцией» (Lerner, *Economics of Control*, 69, 70). О чем Лернер не упоминает, так это о том, что, поскольку различие, которое он намерен установить, целиком и полностью основано на субъективных мотивах для спекуляции, то возможности объективно разграничить два типа спекуляции в принципе не существует, поскольку не существует цели — однозначного критерия, позволяющего нам выделять и интерпретировать субъективные мотивы людей. Как показывает Мюррей Ротбард в своем анализе монополии в *Man, Economy and State* (Los Angeles: Nash Publishing, 1972), vol. 2, chap. 10, pp. 586—620, различие «конкурентных» и «монопольных» цен с теоретической точки зрения абсурдно. «Монопольные» цены определяются через «конкурентные», а цены равновесия, которые гипотетически установились бы на рынке с «совершенной конкуренцией», не встречаются в реальности, и поэтому нет объективных теоретических критериев, позволяющих устано-

Лернер не понимает, что, рассуждая таким образом, он загоняет себя в собственноручно построенную ловушку. Действительно, в своей великолепной башне из слоновой кости экономики благосостояния, где царит совершенная стагнация, он изолирован от реальных экономических проблем, встающих при социализме, и совершенно «защищен» (по крайней мере, ему так кажется) от теоретических возражений, сформулированных Мизесом и Хайеком. Однако вид из башни не очень хороший, и окна в ней матовые. У Лернера нет аналитических инструментов, позволяющих ему не то что решить, а даже заметить фундаментальные экономические проблемы. Его изоляция, достигнутая с помощью экономики благосостояния, носит настолько тотальный характер, что он рассматривает отличия реального мира от равновесной модели «совершенной конкуренции» как «пороки» и «провалы» капиталистической системы (которые социализм, по крайней мере потенциально, способен исправить насильственным путем), а не как пороки аналитического инструментария этой модели. Иными словами, если мир ведет себя не так, как предсказывает теория нирваны, следует разрушить мир и построить нирвану, но разумеется, не пытаться изменить теорию таким образом, чтобы понять и объяснить, как работает реальный мир и что в нем происходит³⁴. Таким образом, критика Коваликом Ооска-

вить, существует ли монополия. Кроме того, как отметил Кирцнер (Kirzner, *Competition and Entrepreneurship*, chap. 3, pp. 88–134 [Кирцнер. Конкуренция и предпринимательство. Гл. 3.]), проблема противопоставления «конкуренции» и «монополии», где оба термина понимаются статически как состояния или модели равновесия, одновременно несущественна и абсурдна; что действительно важно с теоретической точки зрения — так это понять, существует или нет *реальный процесс*, приводящийся в движение конкурентной силой предпринимательства и не сталкивающийся с ограничениями, наложенными государством, независимо от того, что порой результат предпринимательского творчества имеет форму «монополии» или «олигополии».

³⁴ См.: Don Lavoie, *Rivalry and Central Planning*, p. 129 (note 8), где Лавой пишет о статье Лернера: Abba P. Lerner, “The Concept of Monopoly and the Measurement of Monopoly Power,” *Review of Economic Studies*, no. 1 (1934): 157–175. См. также мою статью “La Crisis del Paradigma Walrasiano,” *El País* (Madrid, December 17, 1990): 36.

ра Ланге полностью относится и к Лернеру³⁵: Ковалик демонстрирует, что у Ланге не было ни аналитических инструментов, позволяющих решить проблему экономического расчета при социализме, ни инструментов, которые дали бы ему возможность осознать и анализировать действительно важные экономические проблемы³⁶.

³⁵ Ковалик утверждает, что незадолго до смерти Ланге он получил от него письмо (датированное 14 августа 1964). В нем Ланге писал: «Так называемое оптимальное размещение ресурсов — вопрос второстепенный, самое главное — это *стимулы развития производительных сил* (накопление и развитие технологий); в этом состоит смысл, так сказать, “рациональности”». Ковалик делает из этого следующий вывод: «Представляется, что у него не было необходимых инструментов для того, чтобы решить этот вопрос или даже подробно его изложить» (Kowalik, “Lange—Lerner Mechanism,” *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, vol. 3, p. 131). Ковалик также отмечает, что в некоторые периоды своей жизни, Ланге, вероятно, разделял взгляды Лернера. В статье 1938 г. «Аргументы экономиста в пользу социализма» (“The Economist’s Case for Socialism”) Ланге писал: «Самое главное в обсуждении экономических достоинств социализма заключается не в сравнении состояния равновесия в социалистической и капиталистической экономиках по параметру общественного благосостояния. Хотя такое сравнение представляет интерес для экономиста-теоретика, вопрос совсем не в этом. Он состоит в том, *совместимо ли дальнейшее существование капиталистической системы с экономическим прогрессом*». На самом деле, Ланге не верил, что капиталистическая система в состоянии сохранить те колоссальные темпы экономического роста и технологического прогресса, которые отличали ее в период между промышленной революцией и Великой депрессией. Он вряд ли бы мог представить себе, что спустя всего лишь десятилетие после его смерти эта фундаментальная экономическая проблема приобретет прямо противоположную формулировку, поскольку станет ясно: несовместим с экономическим прогрессом и технологическими инновациями (и, разумеется, со свободой и демократией) социализм, а не капитализм.

³⁶ Особый интерес представляют взгляды Милтона Фридмена, поскольку он, с одной стороны, использует аналитические инструменты теории равновесия, что типично для экономиста современной неоклассической школы, а с другой, является страстным защитником капитализма по сравнению с социалистической системой. Вследствие этого в теоретических работах, посвященных критике социализма, Фридмену не удается ни понять суть тео-

ретической проблемы, поставленной Мизесом (Фридмен часто отзывается о ней пренебрежительно и почти никогда не ссылается на аргументы Мизеса), ни объяснить теоретическое содержание тезиса о невозможности экономического расчета при социализме. На самом деле, у Фридмена нет развитой теории предпринимательства и, соответственно, нет объяснения того, как функционируют действующие на рынке динамические процессы, которые основаны на предпринимательстве. Поэтому его «критический анализ» социализма — это не более чем собрание историй из жизни, истолкований того, что происходит при реальном социализме, и туманных замечаний об отсутствии «стимулов» (в узком смысле; мы приводили аргументы против использования термина «стимул» в узком смысле, когда анализировали взгляды Диккинсона) в социалистических экономиках. Недостатки аналитического аппарата Милтона Фридмена применительно к этой сфере ярко проявляются в его работе *Market or Plan?* (London: Center for Research into Communist Economies, 1984). В этом небольшом памфлете Фридмен даже хвалит тексты Ланге и называет работу Лернера *The Economics of Control* «восхитительной книгой, из которой можно узнать многое о том, как устроен свободный рынок — гораздо больше, чем о том, как управлять социалистическим государством, что собственно говоря, является задачей ее автора» (р. 12). Фридмен не понимает, что тексты Лернера и Ланге не имеют отношения к задаче создания теоретического фундамента социалистической системы именно потому, что их авторы совершенно не представляют себе, как на самом деле работает капиталистическая система. Иначе говоря, Мизесу и Хайеку удалось построить целую теорию вокруг невозможности социализма именно потому, что они обладали глубокими теоретическими знаниями о том, как на практике работает капиталистическая система. Соответственно, у нас есть сильное подозрение, что похвалы Фридмена по адресу книги Лернера объясняются теоретической ограниченностью его собственного восприятия динамических рыночных процессов, приводимых в действие предпринимательством. Кроме того, Фридмен зачем-то объективирует систему цен, рассматривая ее в качестве чудесного «передатчика» (явно объективной) информации и одновременно — «стимула», поощряющего правильное использование этой информации. Ему не удалось понять, что проблема не в этом, что цены не «создают» и не «передают» «информацию», что на это способен только человеческий разум в контексте предпринимательского действия. Он не понял, что чудо рынка состоит не в том, что система цен «эффективно» передает информацию (Friedman, 9—10), а в том, что рынок — это процесс, под давлением врожденной предпринимательской энергии каждого человека непре-

ривно создающий новую информацию в свете новых целей, которые каждый из людей ставит перед собой, а также порождающий в ходе взаимодействия людей между собой процесс координации, с помощью которого все мы бессознательно обучаемся приспосабливать наше поведение к целям, желаниям и обстоятельствам других людей. Иными словами, цены не передают информацию, а создают прибыльные возможности, которые можно реализовать с помощью предпринимательства, силы, создающей и передающей новую информацию, и тем самым обеспечивающей координацию социального процесса в целом. Наконец, Фридмен отмечает (р. 14), что фундаментальная проблема социалистической системы — это проблема контроля за тем, как экономические субъекты соблюдают заранее установленные «правила». Проблема не в этом. Главная проблема, как нам известно, в том, что отсутствие свободы предпринимательства препятствует порождению информации, необходимой для того, чтобы в ходе принятия решений играли роль рациональные экономические расчеты и описанный выше координирующий процесс. Только дважды, и то между делом, Фридмен упоминает об этой фундаментальной экономической проблеме, но он считает ее второстепенной и, соответственно, не занимается ни подробным анализом самой этой проблемы, ни изучением всех следствий из нее. В одном месте он упоминает, что центральному бюро планирования было бы сложно получить информацию, необходимую для контроля за менеджерами (р. 14), не осознавая при этом, что информация такого типа не будет создаваться даже на уровне менеджеров. В рецензии на книгу Лернера *The Economics of Control* (см. *Journal of Political Economy*, no. 55 [October 1947]: 405—416), где Фридмен изучает «институциональные механизмы» для достижения оптимума, он невнятно критикует Лернера за то, что тот не учитывает роли прибыли как руководства к действию и как фактора, определяющего способность предпринимателя распоряжаться ресурсами. Однако ни в этом, ни в остальных случаях Фридмен не в состоянии объяснить, почему с теоретической точки зрения предложенная Ланге и Лернером система не может работать и что за этим стоит. Этим объясняется склонность Фридмена к аргументам, основанным на неэкономических (политических, экономических и связанных с личной свободой) последствиях предлагавшихся социалистами институциональных реформ; этим объясняется также явная теоретическая слабость его критики социализма. Этот длинный список замечаний был необходим из-за того, что Фридмена часто отождествляют с Мизесом и Хайеком, причисляя к той же школе, и это привело к большому смятению в умах тех экономистов Запада и Восточного блока, которые еще не изучили проблему как следует, и, соответственно, еще не осо-

2. «Рыночный социализм»: квадратура круга

В свете нашего анализа предложений Оскара Ланге и остальных «рыночных социалистов» его школы³⁷ можно сделать вывод, что и в теории, и на практике есть только два вариан-

знали глубоких и радикальных различий между теоретической парадигмой Фридмена, с одной стороны, и Мизеса и Хайека — с другой. Наша критика позиции Фридмена распространяется на всех чикагских теоретиков, одержимых эмпирией и помешанных на фантазмагорическом объективистском равновесии (восходящем к Маршаллу и Рикардо); в силу этого они не в состоянии представить, что возможны и другие проблемы с информацией, кроме высоких «транзакционных издержек» на ее приобретение. Их ошибка связана с неясным предположением, будто человек априори способен оценить ожидаемые выгоды и издержки процесса поиска информации. Иными словами, речь идет об абсурдной идее, что человеку априори известна будущая ценность информации, которой он еще не обладает; это абсурдное представление не дает чикагцам осознать роль в экономике предпринимательства и вытекающих из него последствий. Ошибки чикагской школы восходят к Фрэнку Найту, который писал: «Социализм — это политическая проблема, которая должна обсуждаться в терминах социальной и политической психологии, а экономическая теория мало что может сказать по его поводу» (Frank H. Knight, “Review of Ludwig von Mises’ *Socialism*” *Journal of Political Economy*, no. 46 [April 1938]: 267—268). Ротбард блестяще объяснил, что в основе этой концептуальной ошибки лежит не только одержимость равновесием, но и отсутствие настоящей теории капитала, так как вслед за Джоном Бейтсом Кларком чикагская школа всегда рассматривала капитал в качестве мифического ресурса, который не имеет временной структуры и воспроизводится автоматически, вне зависимости от предпринимательских решений людей. См.: Murray N. Rothbard, “The End of Socialism and The Calculation Debate Revisited,” *The Review of Austrian Economics* 5, no. 2 (1991): 60—62.

³⁷ В 1948 г., вскоре после опубликования работ Ланге и Лернера, вышла книга Джеймса Мида «Планирование и ценовой механизм: либерально-социалистическое решение» (James E. Meade, *Planning and the Price Mechanism: The Liberal-Socialist Solution* [London: George Allen and Unwin, 1948]); в ней Мид высказывает свои предложения и формулирует позицию, очень близкую к идеям Ланге и Лернера; соответственно, нам следует рассматривать Мида как члена группы, чьи взгляды мы проанализировали в основном тексте.

та: либо люди обладают полной свободой предпринимательства (в среде, где частная собственность на средства производства признается, ее защита гарантируется, а ограничения сводятся к минимуму традиционных норм частного и уголовного права и нужны, чтобы предотвращать несистематическое насилие против человеческой деятельности и нарушение договоренностей); либо существует систематическое и повсеместное принуждение, направленное против предпринимательства, которое затрагивает более или менее обширные сферы рынка и общества, в частности, запрет на частную собственность на средства производства. Во втором случае проявлять предпринимательство в затронутых принуждением социальных сферах, особенно в сфере средств производства, невозможно, и это неизбежно приводит к тому, что во всех этих сферах становится невозможным подробно описанный нами выше рациональный экономический расчет. Как мы продемонстрировали, в системе второго типа невозможны ни социальная координация, ни экономический расчет, поскольку и то, и другое может иметь место только там, где человеческая деятельность полностью свободна. «Рыночные социалисты» попытались — с фантазмагорическим результатом — создать «теоретический синтез», где установлена социалистическая система (которая характеризуется систематической агрессией против человеческой деятельности и государственной собственностью на средства производства), но при этом продолжает существовать «рынок». По идеологическим, романтическим, этическим и политическим мотивам они упорно не желают отказываться от социализма, но, поскольку возражения Мизеса и Хайека произвели на них сильное впечатление, они стремятся включить рынок в свои модели, в тщетной надежде соединить «лучшее из двух миров» и придать своему идеалу бóльшую привлекательность и популярность.

Однако социалисты не желают понимать, что примитивного насильственного ограничения человеческой деятельности в любой сфере, особенно в сфере средств и факторов производства, достаточно, чтобы помешать рынку, который является базовым социальным институтом, функционировать согласованным образом и порождать необходимую для экономического расчета практическую информацию. Итак, «рыночные социалисты» не понимают, что нельзя безнаказанно применять систематическое насилие против самой сути

того, что делает нас людьми: против нашей способности свободно действовать в любых конкретных обстоятельствах, в любое время и в любом месте.

По крайней мере, «рыночные социалисты» до недавнего времени не понимали этого, поскольку Брус и Ласки (которые в течение длительного времени защищали «рыночный социализм» и рекомендуются «бывшими наивными реформаторами») вслед за Темкиным признали правоту слов Мизеса: «То, что предлагают неосоциалисты, крайне парадоксально. Они хотят упразднить частное управление средствами производства, рыночный обмен, рыночные цены и конкуренцию. Но в то же самое время неосоциалисты хотят организовать социалистическую утопию таким образом, чтобы люди могли вести себя, как *если бы* все эти вещи существовали. Они хотят, чтобы люди играли в рынок, как дети играют в войну, железную дорогу или школу. Неосоциалисты не осознают, насколько такая детская игра отличается от реальности, которую она пытается имитировать. ... *Социалистическая система с рынком и рыночными ценами внутренне противоречива, как понятие треугольного квадрата*». Позже, развивая образы Мизеса, Энтони де Ясаи писал, что «рыночный социализм» — это «прямое противоречие в терминах, подобно горячему снегу, блудливой девственнице, жирному скелету, круглому квадрату»³⁸.

То, почему это помешательство на «квадратуре круга» (к чему неизбежно сводится всякий «рыночный социализм») длительное время было объектом острого научного интереса и значительных научных усилий, можно понять, только если учитывать следующие три фактора: во-первых, сильную и упорную политико-идеологическую мотивировку, которая препятствует отказу от социалистического идеала по эмоциональным, романтическим, этическим или политическим причинам; во-вторых, использование неоклассической модели равновесия, которая описывает реальное существование капиталистического рынка крайне скупо, примитивно и туман-

³⁸ Włodzimierz Brus and Kazimierz Laski, *From Marx to the Market: Socialism in Search of an Economic System*, 167–168. Цит. по: *Human Action*, 706–707, 710 [Мизес. Человеческая деятельность. С. 662, 665] (курсив мой. — *У. де С.*), а также: Anthony de Jasay, *Market Socialism: A Scrutiny. This Square Circle*, 35.

но и по умолчанию включает представление о доступности всей необходимой информации, тем самым создавая впечатление, что социалистическая система могла бы функционировать на основании тех же теоретических предпосылок, что и классическая модель; в-третьих, явный отказ от теоретического анализа того, каким образом реально протекает человеческая деятельность в среде, где нет частной собственности на средства производства, и даже осуждение таких исследований под предлогом, что обсуждение стимулов и мотивации якобы «чуждо» экономической «теории».

Некоторые социалистические исследователи в лучшем случае предлагают введение «бонусов» и «стимулов», неумело имитирующих предпринимательскую прибыль на рынке, искренне не понимая, почему менеджеры социалистической системы не смогут вести себя так, как менеджеры в рыночной экономике, если в общих выражениях приказать этим менеджерам сделать то-то и то-то, «действовать согласованно», «ради общего блага» и т.п. (И если эту ошибку делают экономисты, чего можно ждать от неспециалистов?) Эти теоретики не понимают, что общие директивы, пусть даже они продиктованы самыми благими намерениями, бесполезны, когда должны приниматься конкретные решения в связи с конкретными проблемами, возникающими в конкретное время в конкретном месте. Они не понимают того, что если бы даже все люди посвятили себя выполнению (одновременно «очевидных» и «бессодержательных») приказов вроде «работай ради общего блага», «координируй социальные процессы» или даже «возлюби ближнего своего», то в результате мы стали бы действовать рассогласованно, вопреки общему благу и к большому ущербу для ближних и дальних. Это случилось бы потому, что было бы невозможно, действуя творчески, обнаруживать в каждом сочетании конкретных обстоятельств различные возможности для извлечения прибыли, а также оценивать и сравнивать их с точки зрения потенциальных субъективных издержек.

Представители австрийской школы, напротив, неустанно развивали и улучшали другой подход в сфере экономической науки; они разрабатывали, с помощью формальных и абстрактных (но нематематических) терминов общую теорию (реальной, а не механической) деятельности людей в обществе и различные следствия из нее. Ключевым элементом этой теории является само осуществление человеческой деятельности,

или предпринимательства, процесса, в ходе которого постоянно обнаруживаются новые цели и средства, а также генерируется информация, обеспечивающая рациональное, децентрализованное принятие решений и тем самым координацию поведения всех людей, что, в свою очередь, приводит к возникновению чрезвычайно сложноорганизованной социальной сети. В частности, теоретики из бывших стран Восточного блока сегодня уделяют все больше внимания изучению, анализу и популяризации этого подхода; они считают теоретические труды Мизеса и Хайека более важными, чем труды других теоретиков, и ссылаются на них чаще, чем на работы таких выдающихся западных неоклассических теоретиков, как Самуэльсон, и даже чаще, чем на работы представителей чикагской школы, например Фридмена. В связи с этим неудивительно, что все больше «рыночных социалистов» отказывается от своих прежних взглядов³⁹. «Рыночный социализм» в качестве

³⁹ Мы должны согласиться с Артуром Селдоном: удивительно, что наиболее известные из «рыночных социалистов» вообще продолжают оставаться социалистами. Селдон пишет: «Мне совершенно непонятно, почему Ноув остается социалистом. Это недоумение относится и к другим рыночным социалистам: к чехословацкому экономисту Оте Шики (преподающему в Швейцарии), Брусу из Польши (сейчас — в Оксфорде), Корнай из Венгрии (Будапешт), Колаковски (Оксфорд) и др.». См.: Brian Crozier and Arthur Seldon, “After a Hundred Years: Time to Bury Socialism” in *Socialism Explained* (London: The Sherwood Press, 1984), 61. Однако необходимо сказать, что на данный момент практически все выдающиеся экономисты, упомянутые Селдоном (за возможным исключением Ноува), перестали быть социалистами. Ноув может присоединиться к остальным, если прекратит воспринимать рынок в терминах «совершенно-го равновесия», характерных для неоклассической парадигмы, и, подобно своим бывшим единомышленникам, усвоит теорию рыночных процессов австрийской школы. Вероятно, наиболее известная его книга: Alec Nove, *The Economics of Feasible Socialism* (London: Allen and Unwin, 1983). Пожалуй, самое замечательное в ней — это типология пороков социалистических систем. Главный ее недостаток связан с теоретической ущербностью представленного в ней критического анализа капиталистических систем (применительно к которым Ноув указывает на неравенство доходов, инфляцию, отсутствие «демократии» и провал в области “экстерналий”), возникающей в результате ошибок в интерпретации, обусловленных неподходящим ана-

решения проблемы экономического расчета при социализме потерпел поражение и в теории, и на практике (все неоднократные попытки такого рода реформ в странах Восточной Европы провалились), и, соответственно, те самые теоретики,

литическим инструментарием (неоклассическим подходом и концентрацией на равновесии), который Ноув использует для истолкования ситуации в капиталистических системах. Соответственно, по мере того, как Алек Ноув будет знакомиться с динамической австрийской теорией социальных процессов, его взгляды, скорее всего, станут развиваться в том же направлении, что и взгляды других замечательных исследователей, таких, как Корнай и Брус. Что касается типа социализма, который предлагает Ноув (он называет его «осуществимым», так как считает, что его можно построить в течение жизни одного поколения), то в нем нет ничего нового; это беспорядочное сочетание национализации базовых секторов, концентрации планирования там, где существуют «экстерналии», поощрения кооперативов в мелкой и средней промышленности и стимулирования «конкуренции», насколько это возможно. В модели Ноува разрешается функционирование рынков, но в сочетании с многочисленными контрольными мерами. В любом случае, сегодня книга Ноува уже устарела: не только потому, что он считал идеальным путем к социализму тот, на который Венгрия вступила в 1968 г., но и потому, что он не смог предвидеть тех исторических событий, которые произошли между 1989 и 1991 гг., и не смог ничего противопоставить тому критическому анализу социализма, который мы подробно изложили в нашей книге. Наконец, следует упомянуть о благоприятных признаках, указывающих на изменение позиции Ноува. В статье, написанной в марте 1988 и посвященной тому, как он сегодня видит свою книгу 1983 г. *The Economics of Feasible Socialism* (“‘Feasible Socialism’ Revisited,” chap. 16 of *Studies in Economics and Russia* [London: Macmillan, 1990]), Ноув прямо признает справедливость «некоторых» «критических возражений представителей австрийской школы против “рыночного социализма”» и неоклассической парадигмы. Он пишет: «Таким образом, имеет смысл согласиться с тем, что критические замечания, подобные кирцнеровским, верны» (р. 237). Через 9 месяцев, в декабре 1988 г., в статье “Soviet Reforms and Western Neoclassical Economics” (*Studies in Economics and Russia*, chap. 17) Ноув полностью соглашается с тем, что «австрийская теория, разумеется, имеет большее значение для советских реформ, чем неоклассическая парадигма», и заканчивает свой текст следующей загадочной фразой: «Необязательно соглашаться с их [австрийцев] выводами, однако нужно воспринимать их доводы серьезно» (!) (р. 250).

которые до недавнего времени защищали его, сегодня отказываются от этой модели⁴⁰.

⁴⁰ О том, до какой степени влияние Мизеса и Хайека распространяется в том числе на бывших марксистов, можно судить по статьям типа: Geoff Mulgen, "The Power of the Weak," December 1988, *Marxism Today* (вероятно, это наиболее авторитетный журнал британских социалистов). В этой статье Малген констатирует, что те институты, которые были издавна дороги социалистам (государство, профсоюзы, политические партии и т.п.) представляют собой жесткие, негибкие, централизованные, иерархические и, тем самым, глубоко *антигуманные* управленческие системы. Поэтому, следуя в русле размышлений Хайека, он склоняется к тому, что сам он называет «системами со слабой властью», потому что они расходуют впустую гораздо меньше «человеческой энергии», основаны на сотрудничестве и конкуренции, являются децентрализованными, могут быть соединены в сложную систему или сеть и эффективно передают информацию. Он считает, что в будущем британские лейбористы должны переориентироваться на эти децентрализованные структуры и рынок, отказавшись от тех институтов, которые они традиционно защищали. Более того, Малген даже высказывает догадку, близкую к нашему фундаментальному возражению против возможности использования текущей или будущей мощности компьютеров для обеспечения экономического расчета при социализме (децентрализованное использование любых компьютерных мощностей создаст такое разнообразие информации и такой ее объем, что ее нельзя будет использовать централизованно, опираясь на эти же мощности), когда пишет: «Ланге был неправ, потому что технология наталкивается на контекст, в котором порождается информация». Малген добавляет, что централизованные компьютерные системы искажают информацию, в то время как децентрализованные системы, наоборот, создают стимулы для создания и корректной передачи информации, не считая того, что предприниматели совершают непрерывную революцию в сфере компьютерной обработки и мониторинга данных, в то время, как центральные плановые органы в лучшем случае плетутся у них в хвосте. В свете этих признаков теоретического демонтажа социализма, прискорбно, что исследователи вроде Дэвида Миллера (David Miller, *Market, State and Community: Theoretical Foundations of Market Socialism* [Oxford: Clarendon Press, 1989]) до сих пор упорно стремятся создать утопический идеал «рыночного социализма». Трудно найти что-либо оригинальное в предложениях Миллера, основанных на принудительном создании «конкурентной» системы кооперативов, которой должны «демократически» управлять работники. Миллер не экономист, он не изучал спора об эконо-

3. Морис Добб и полное уничтожение индивидуальной свободы

В самом конце нашей книги мы проанализируем представляющую определенный теоретический интерес позицию, главным выразителем которой с самого начала был Морис Добб. Добб начинает с того, что более или менее открыто признает невозможность экономического расчета при социализме, однако затем он приходит к выводу, что и невозможность рационального расчета, и вытекающая из нее неэффективность социализма не имеют значения. Иными словами, по его мнению, это «издержки», которые не должны учитываться, потому что к социалистическому идеалу следует стремиться как к таковому, по этическим, идеологическим и политическим причинам и вне зависимости от результатов. Соответственно, сторонники этой позиции называют «лицемерными» или «наивными» тех «рыночных социалистов», которые хотят внедрить в социалистическую систему как можно больше капиталистических механизмов. Защитники этих взглядов желают называть вещи своими именами, никого не обманывая: либо социализм означает полное уничтожение автономии и индивидуальной свободы, либо это не социализм⁴¹.

мическом расчете при социализме и совершенно не осознает, что его система не может работать (люди в ней не могут свободно заниматься предпринимательством, так как средства производства не находятся в частной собственности и информация, необходимая для рациональных расчетов и согласованных действий всей системы, не порождается). Однако Миллер достаточно честен, чтобы признать, что такая система вряд ли будет столь же эффективной, как конкурентный капитализм; соответственно, по его мнению, главные аргументы в пользу его «рыночного социализма» должны быть иного сорта, а именно, последний будет представлять больше «справедливости», «свободы» и «демократии» на рабочем месте (р. 14). В связи с этим, скорее всего, лучше перенести полемику с такими авторами из области экономической науки в область политической философии или этики. См. критику этой и других недавних попыток возродить «рыночный социализм» в книге: Anthony de Jasay, *Market Socialism: A Scrutiny. This Square Circle*. См. также сноску 4 в главе 4, а также: Martin Feucht, *Theorie des Konkurrenz-Sozialismus* (Stuttgart: G. Fischer, 1983).

⁴¹ Как писал сам Добб: «Либо планирование означает отказ от автономии в сфере личных решений, либо оно вообще ничего

Эти теоретики в лучших традициях социализма желают насильно навязать всем людям свое частное мнение о том, каким должен быть мир. Кроме того, эти теоретики осознали, что убогая частичная имитация в социалистической системе некоторых характерных для рыночной экономики элементов не только не упрощает проблему экономического расчета, но делает ее более выпуклой и сложной. Действительно, если на каком-то уровне допускается децентрализованное принятие решений, то проблема, связанная с невозможностью централизовать рассеянное знание, проявляется гораздо острее и заметнее, что создает впечатление ухудшения социальной координации (если это и не так на самом деле). Напротив, если все свободы (в том числе свобода выбора товаров потребителями и свобода выбора рабочих мест наемными работниками) уничтожены и экономическим субъектам насильственно мешают принимать любые самостоятельные решения, то, хотя, как мы знаем, проблема экономического расчета все равно остается неразрешимой, она почти незаметна и внешне уровень социальной «координации» и «коррекции» кажется гораздо выше⁴².

не означает». См. главу под названием «Экономический закон в социалистической экономике» (“Economic Law in the Socialist Economy”) в *Political Economy and Capitalism: Some Essays in Economic Tradition* (London: Routledge and Kegan Paul, 1937), 279.

⁴² Пол Суизи считает, что попытки ввести элементы децентрализации в социалистическую систему могут привести исключительно к воспроизведению «некоторых из худших черт капитализма и не позволят воспользоваться конструктивными преимуществами экономического планирования». См.: Paul M. Sweezy, *Socialism* (New York: McGraw-Hill, 1949), 233. Итак, Суизи имеет в виду систему тотального планирования, включающую конкретные указания для менеджеров разных отраслей насчет того, как они должны выполнять соответствующие отраслевые и предпринимательские планы. По мнению Суизи, любая теория планирования основана на политических решениях (то есть на насильственном навязывании критериев, установленных диктатором). Он не понимает сути проблемы экономического расчета при социализме (принятия произвольных решений) и в практическом отношении это не имеет для него значения, так как он считает, что, после того, как цели планирования установлены, качество и количество соответствующих факторов производства будет «автоматически»

Представим себе общество, функционирующее на уровне простого выживания и основанное на простых экономических связях, навязанных сверху с помощью насилия и уничтожения противников «режима». Можно даже предположить, что жестокому диктатору будет помогать контролировать выполнение приказов какой-нибудь суперкомпьютер. В этих обстоятельствах экономический расчет будет значительно проще: люди исполняют приказы диктатора, он выбирает сочетания товаров, а все остальные рабски повинуются и следуют инструкциям, полученным сверху. Как ясно показал Мизес⁴³, даже в таких исключительных условиях, которые в максимальной степени «благоприятствуют» осуществлению экономического расчета при социализме, проблему расчета решить невозможно, потому что у диктатора все равно не будет рациональных ориентиров для принятия решений. Иными словами, он не в состоянии будет узнать, нет ли возможности быстрее и эффективнее достичь поставленных им целей с помощью других сочетаний факторов и товаров или других решений. Однако, *если диктатору все равно*, то есть, если данный тип социализма не просто уничтожает свободу потребителей выбирать из потребительских товаров и услуг, свободу работников выбирать место работы и частную собственность на средства производства, но у него (явно или неявно) еще и нет экономической цели, или если эффективность рассматривается как несущественная уступка во имя необходимости сохранения системы как таковой, то проблему экономического расчета можно считать «решенной», хотя и не потому, что он действительно возможен, а в результате натянутого переопределения «расчета» как отсутствия расчета и непрерывного навязывания капризов и желаний диктатора всем остальным.

Неудивительно, что теоретики этой школы, считающие конкуренцию и социалистическое централизованное планирование принципиально несовместимыми, критиковали так

определено планирующими органами и насильно навязано отраслям и компаниям. См. комментарии по поводу позиции Суизи в статье: Elisabeth L. Tamedly, "The Theory of Planning According to Sweezy," *Socialism and International Economic Order* (Caldwell, Idaho: The Caxton Printers, 1969), 143–145.

⁴³ Ludwig von Mises, *Human Action*, 695–701 [Мизес. Человеческая деятельность. С. 652–656].

называемый «рыночный социализм» особенно жестко. Вследствие этого между Морисом Доббом и «рыночными социалистами», и в особенности Аббей Лернером⁴⁴, возник любопытный спор. Забавно, что в этом пункте Добб соглашается с теоретиками австрийской школы; он даже иронически критикует рыночных социалистов за то, что они используют модель равновесия, и за то, что они предполагают, в рамках неоклассической парадигмы, будто между капиталистической и социалистической «системами» имеется столько «сходства», что между ними нет никакого формального различия. Добб рассматривает эту проблему не в рамках неоклассического анализа равновесия; с его точки зрения, она связана с радикальным отличием «институтов» социалистической системы от институтов капиталистической системы и конкретно с тем, что социализм включает насильственное уничтожение всех институтов, присущих капиталистической системе⁴⁵. Добб даже указыва-

⁴⁴ Основные статьи Мориса Добба, связанные с этим спором, таковы: “Economic Theory and the Problems of a Socialist Economy,” *Economic Journal*, no. 43 (1933): 588–598; “Economic Theory and Socialist Economy: A Reply,” *Review of Economic Studies*, no. 2 (1935): 144–151. Эти статьи и другие относящиеся к спору тексты собраны в книге *On Economic Theory and Socialism: Collected Papers* (London: Routledge and Kegan Paul, 1955).

⁴⁵ Добб пишет: «Разумеется, если пользоваться достаточно формальными формулировками, то “сходство” между любыми двумя экономическими системами будет полным, а их “отличия” исчезнут. Сегодня в сфере экономической теории модно конструировать модели настолько формальные и настолько лишённые практического содержания, что фундаментальные различия исчезают. Качественные отличия законов социалистической экономики от законов капиталистической экономики... разумеется, выражены не в алгебраических правилах, а в утверждениях, которые основаны на реально существующих различиях». См.: “Economic Theory and Socialist Economy: A Reply,” 144–145. Интересно отметить, что, по собственному признанию Добба, сначала он считал, что проблему экономического расчета при социализме можно решить примерно так, как предлагал Диккинсон, однако потом, проанализировав последствия этого для социалистической системы, он отказался от этой точки зрения. Действительно, в статье 1933 г. Добб критикует модель Диккинсона за «статичность» в выражениях, которые могли бы принадлежать Хайеку. Добб утверждает, что попытка приложить постулаты статического равновесия к постоянно меняющемуся миру — это «бесплодные и абстрактные

ет на фундаментальную противоречивость «решений», предложенных «рыночными социалистами», которые стремятся соединить несоединимое и, в зависимости от собственных интересов, текущих обстоятельств и типа выбранной ими аргументации, подчеркивают в своих моделях то характеристики, типичные для рынка, то преимущества социалистического планирования. В ходе дискуссии с Лернером Дobb обозвал его «невидимым оппонентом», поскольку Лернер при любой возможности с большим искусством использовал для того, чтобы уклониться от ответа, простой, но любопытный диалектический прием, который мы только что описали⁴⁶.

В общем и целом, Дobb утверждает, что центральная власть должна устанавливать все цены, которые должны быть насильственно навязаны на всех уровнях и никакого суверенитета потребителя и свободы выбора места работы быть не должно. Если учесть к тому же, что единственная цель центральной власти заключается в том, чтобы сохранить свои полномочия, то вопрос о том, возможен или невозможен «экономический расчет», действительно может показаться не очень существенным. В этом отношении позиция Дobbа и менее противоречива, и ближе к реальности, и честнее, чем позиция многих «рыночных социалистов». Она менее противоречива и ближе к реальности, потому что основана не на формальном анали-

потуги»; что экономическая теория — это гораздо больше, чем «формальный набор приемов... чем система функциональных уравнений, чем раздел прикладной математики, постулирующий формальную взаимосвязь между определенными количественными параметрами». См.: “Economic Theory and the Problems of a Socialist Economy,” 589.

⁴⁶ Точнее, Дobb заметил, что его «не покидает чувство, что он борется с невидимым оппонентом». (См.: “Reply,” 1935, p. 144.) Некоторые замечания Лернера об установлении системы цен при социализме демонстрируют эту стратегию уклонения. В статье 1934 г. “Economic Theory and Socialist Economy” он пишет: «Конкурентная система цен должна быть приспособлена к социалистическому обществу. Если ее просто воспроизвести, мы получим не социалистическое, а конкурентное общество» (p. 55). Однако вскоре после этого в статье “A Rejoinder” (1935, p. 152) Лернер противоречит сам себе: «Под системой цен я имею в виду систему цен. Не просто фокусы с цифрами *a posteriori*, а цены, которые должны учитываться менеджерами фабрик в процессе организации производства».

зе равновесия, а на реальных институтах социализма, который, как мы знаем, состоит в систематическом и глобальном принуждении, в точном соответствии с политической конструкцией этой модели со времени ее возникновения. Позиция Добба честнее, чем позиция «рыночных социалистов», потому что он не прилагает усилий, чтобы скрыть истинное лицо социализма, а прямо и открыто строит эту систему на грубом подавлении и ограничении свободной человеческой деятельности⁴⁷.

Хофф в ходе критического анализа позиции Добба приводит следующий иллюстрирующий ее пример⁴⁸. Он пишет, что использование молибдена для производства игрушечных мечей и высококачественных оптических линз в микроскопах, предназначенных для детского сада, разумеется, воспринималось бы как неоптимальное размещение ресурсов в таком обществе, где удовлетворение желаний потребителей (или самого диктатора) имеет значение и где этот металл и эти линзы могли бы принести гораздо больше удовлетворения (потребителям или самому диктатору), если их использовать в других целях. Однако такое размещение ресурсов не считалось бы «неэффективным» и «неэкономным», если бы цель состояла, например, в том, чтобы снабдить детей приборами максимально высокого качества или в том, чтобы любой ценой создать наилучшие условия для тех, кто производит линзы. Итак, мы видим, что алогичные и неоптимальные решения не кажутся такими, если цель в каждом случае устанавливается произвольно или если целей вообще нет. Кроме того, как мы знаем, между реальным и «демократическим» социализмом существует разница в степени, а не по сути; следовательно, произвольное поведение такого рода не является исключительной особенностью радикальных социалистичес-

⁴⁷ Годы спустя Добб слегка изменил свою позицию, добавив некоторой децентрализации и даже конкуренции на уровне принятия решений. Однако Добб не сформулировал конкретно, в чем будет состоять эта незначительная децентрализация, а с теоретической точки зрения интерес, по нашему мнению, представляет та позиция, которой он придерживался в 1930-х годов; именно ее мы в дальнейшем будем называть «классической моделью Добба».

⁴⁸ Trygve J. B. Hoff, *Economic Calculation in the Socialist Society*, chap. 14. Пример с молибденовыми мечами см. на с. 278—279.

ких обществ: оно постоянно встречается в западных странах в форме интервенционистских мер⁴⁹.

В свою очередь Хайек посвящает подробному анализу позиции Мориса Дobbа целый раздел⁵⁰ своей статьи 1935 г. о текущем состоянии полемики. Он высоко оценивает мужество и честность, которые проявил Дobb, описывая реальные последствия социализма⁵¹. Однако Хайек стремится подчеркнуть,

⁴⁹ Амартия Сен интерпретирует позицию Дobbа следующим образом: Дobb считал, что равенство результатов гораздо важнее, чем эффективность (именно поэтому его не интересовали проблемы, связанные с эффективностью). Сен также упоминает о том, что для Дobbа принудительное планирование инвестиций было гораздо важнее, чем совершенство на уровне микроэкономической коррекции. Тезис о том, что вопросы «эффективности» должны быть подчинены принципу равенства стал расхожей монетой в кругах левых интеллектуалов, смирившихся с тем, что социализм не может конкурировать с капитализмом в сфере создания богатства. Однако те интеллектуалы, которые занимают такую позицию, забывают что: 1) эффективность (то есть действенность) и мораль это две стороны одной медали, то, что не работает на практике, не может быть справедливым и нет ничего практичнее морали; 2) издержки той эгалитарной модели, которую они предлагают, — это не только бедность, но и грубейшее подавление человеческой деятельности; 3) история учит тому, что принуждение не уменьшает неравенства, а часто, наоборот, увеличивает и углубляет его; 4) наконец, нет ничего более несправедливого, аморального и неэтичного, чем насильственное установление равенства, потому что каждый человек от рождения имеет естественное и неотчуждаемое право придумывать новые цели и распоряжаться плодами собственного предпринимательского творчества. См.: Amartya Sen, “Maurice Herbert Dobb,” *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, vol. 1, pp. 910–912.

⁵⁰ “Abrogation of the Sovereignty of Consumers,” раздел 4, “The Present State of the Debate,” *Collectivist Economic Planning*, 214–217 [Хайек Ф. Экономический расчет при социализме II: состояние дискуссии (1935) // Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. С. 158–160].

⁵¹ «Морис Дobb недавно довел этот взгляд до логического завершения, заявив, что стоило бы отказаться от свободы потребителя, если такая жертва позволит сделать возможным социализм. Несомненно, это очень мужественный шаг. В прошлом социалисты всегда протестовали против утверждения, что жизнь при социализме будет, как в казарме, подчинена требованиям уставов, регламентирующим абсолютно все. Д-р Дobb считает

что, для того чтобы в модели Добба стал возможен экономический расчет, недостаточно просто отобрать у потребителей и наемных работников свободный выбор; мы должны также *предположить, что у социалистического диктатора нет никакой иерархии целей*. Ведь если предположить, что диктатор поставил перед собой цель, то можно со всей определенностью утверждать, что рациональный экономический расчет невозможен даже в модели Добба, так как у него не будет объективных ориентиров, позволяющих ему узнать, не жертвует ли он иными, более ценными с его точки зрения целями, когда принимает решения, направленные на то, чтобы достичь данной конкретной цели. Таким образом, и в этом отношении точка зрения Хайека полностью совпадает с точкой зрения Мизеса, который прямо говорит, что проблема экономического расчета требует, чтобы диктатор, как минимум, решил, каковы его цели и какова их относительная значимость на его шкале ценностей⁵². Если мы будем исходить из этого предположения, то экономический расчет невозможен, так как у диктатора не будет рационального ориентира, который указал бы ему на то, что, принимая те или иные решения, он тем самым становится дальше от достижения тех целей, которые он ценит больше (или наоборот, ближе к ним)⁵³.

эти взгляды устаревшими» (F. A. Hayek, “The Present State of the Debate” in *Collectivist Economic Planning*, 215 [Хайек Ф. Экономический расчет при социализме II: состояние дискуссии (1935)] // Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. С. 158.] [Курсив мой. — У. де С.].

⁵² «Мы предполагаем, что руководитель уже сформулировал свои оценки конечных целей» (Ludwig von Mises, *Human Action*, 696 [Мизес. Человеческая деятельность. С. 653]).

⁵³ Хайек пишет: «Диктатор, сам выстраивающий по порядку различные потребности членов общества в соответствии со своими суждениями об их достоинствах, избавляет себя от хлопот по выяснению человеческих предпочтений и избегает невыполнимой задачи сведения индивидуальных шкал в согласованную единую шкалу, выражающую общие представления о справедливости. Но если он захочет хоть в какой-то степени рационально и последовательно исходить из этой установки, если он захочет реализовать то, что, как он считает, должно быть целями общества, ему придется решать все те проблемы, что мы только что обсуждали» (Hayek, “The Present State of the Debate” in *Collectivist Economic Planning*, 216—217 [Хайек Ф.

И в случае, когда экономический расчет невозможен из-за того, что диктатор предварительно устанавливает свои цели и их иерархию, и тогда, когда мы делаем вид, что проблемы

Экономический расчет при социализме II: состояние дискуссии (1935) // Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. С. 159—160. [Курсив мой. — У. де С.]. Таким образом, кстати, мы видим, что уже в 1935 г. Хайек как бы упоминает о еще не сформулированной в то время «теореме невозможности Эрроу», когда пишет о невозможной задаче объединения персональных шкал ценности в единую шкалу, выражающую общие представления о справедливости, в шкалу, с которой согласились бы все. Однако, Хайек, разумеется, не объяснял эту невозможность чисто логически для статической среды, где вся необходимая информация рассматривается как данная и заранее обусловленная (как в теореме Эрроу); его объяснение является гораздо более глубоким и универсальным: индивидуальные предпочтения в принципе не могут формироваться и передаваться вне предпринимательского контекста (и эта фундаментальная проблема, возникающая в связи с рассеянным, субъективным и невербализованным характером информации, лежит в основе критических аргументов австрийской школы против возможности экономического расчета при социализме). Таким образом, имеются следующие варианты: во-первых, социалистический диктатор может непрерывно навязывать обществу свои произвольные желания в отсутствие какой-либо предустановленной цели (согласно произвольному, анархическому деструкционизму «классической модели» Добба); во-вторых, диктатор может предварительно выстроить свою собственную систему ценностей с соответствующей иерархией целей (в этом случае рациональный экономический расчет будет невозможен для самого диктатора; в-третьих, диктатор может попытаться обнаружить общие цели, которых граждане стремятся достичь в соответствии с разделяемой всеми шкалой ценностей (это теоретически невозможно с учетом рассеянной природы знания, сугубо субъективного и предпринимательского способа его порождения, а также того, что в статических условиях будет действовать теорема невозможности (теорема Эрроу)); в-четвертых, диктатор может установить государственную собственность на средства производства, но при этом поощрять экономических субъектов принимать решения децентрализованно (это будет решение «рыночных социалистов», и оно тоже теоретически невозможно, потому что из-за отсутствия полной свободы предпринимательства необходимая для рационального экономического расчета информация не будет порождаться, а прибыль не будет работать как стимул, что происходит в капиталистической системе).

экономического расчета не существует, поскольку у диктатора нет сколько-нибудь значительных целей, связанных с другими людьми, очевидно, что размещение ресурсов в модели Добба будет чисто произвольным и ее неэффективность будет настолько велика, что эту модель можно смело назвать, как выражался Мизес, *деструкционистской* моделью, то есть моделью тотального разрушения и уничтожения цивилизации и сползания человечества в состояние невообразимого рабства и террора⁵⁴.

⁵⁴ Мизес считает *деструкционизм* сутью социализма: «На деле социализм ни в малейшей степени не является тем, на что претендует. Это не открыватель нового и лучшего мира, но грабитель и разрушитель того, что накопили тысячелетия цивилизации. Он не строит, а разрушает. По результатам его действий он должен быть назван деструкционизмом. Разрушение — его сущность» (Ludwig von Mises, *Socialism*, 44 [Мизес. Социализм. С. 292]). Поэтому любая попытка введения систематического институционального принуждения по отношению к свободе предпринимательства воистину является преступлением против человечества, поскольку в долгосрочной перспективе такие социальные эксперименты всегда приводят к ужасным последствиям. Действительно, источником всех величайших трагедий человечества в нашем веке, если они не были связаны с природными катаклизмами (но даже последствия таких катастроф во многих случаях могли бы быть менее ужасны, если бы существовала свобода предпринимательской инициативы), стало — прямо или косвенно — желание (часто — продиктованное самыми благими намерениями) построить социалистическую утопию. Конечно, *различия в степени* усердия, с которым можно стремиться к достижению этого идеала, очень важны, но никогда не нужно забывать, что различия, к примеру, между геноцидом собственного народа, совершенным советским государством, национал-социализмом, коммунистическим Китаем или Пол Потом, и деструктивными последствиями (приводящими к непрерывным конфликтам, вспышкам насилия в обществе и моральному разложению), свойственными «демократическому социализму» и тому, что парадоксальным образом зовется «государством всеобщего благосостояния», — это различия в степени, а не по сути. И в основе «реального» социализма, и в основе «демократического» социализма, или интервенционизма, лежат интеллектуальные ошибки и деструкционизм принципиально одного и того же рода. См. об этом мою статью “El Fracaso del Estado ‘Social’,” *ABC (Madrid)*, 8 April 1991, pp. 102–103.

Действительно, невозможно судить с чисто экономической точки зрения⁵⁵ об индивиде, для которого в принципе не имеют значения издержки социалистической системы, лишь бы ее удалось построить, и, как мы видели, в конце своей фундаментальной статьи 1920 г. Мизес соглашается, что в этом случае его аргументы против экономического расчета при социализме не будут братья в расчет.

Любопытно, сколько сторонников социалистического идеала из числа политиков и рядовых активистов продолжали бы его поддерживать после того, как осознали бы, к чему он на самом деле приводит⁵⁶. Следует также поставить вопрос о том, насколько

⁵⁵ Дobb к тому же пишет: «Преимущество плановой экономики как таковой либо в том, что она уничтожает неопределенность, присутствующую рынку с его рассредоточенными и автономными решениями, либо ни в чем» (Maurice H. Dobb, "Review of Brutzkus and Hayek," *Economic Journal*, no. 45 (1935): 535). Это заявление Дobbа прекрасно вписывается в его диктаторскую модель социализма, в которой он пытается обойти проблему экономического расчета, просто навязав обществу насильственное повиновение произвольным желаниям диктатора. Действительно, как мы видели в главе 2, одна из главных особенностей человеческой деятельности — это творческая природа ее результатов, и поэтому будущее всегда является неопределенным и открыто для творческого воображения предпринимателей. Таким образом, единственный способ избавиться от неопределенности будущего — это силой раздавить способность людей действовать свободно. «Преимущество» централизованного планирования, о котором говорит Дobb, основано на устранении неопределенности путем уничтожения свободной человеческой деятельности и, следовательно, приводит к тому, что общество застывает на месте. Это типичный случай лечения насморка (к тому же воображаемого) гильотиной. Любопытно, что подход Дobbа к неопределенности очень схож с позицией экономистов-неоклассиков, которые рассматривают неопределенность как неприятный «недостаток» рынка из-за того, что она не вписывается в их «модели». Например, Кеннет Эрроу пишет: «Я хотел бы обратить внимание на один конкретный провал системы цен. Я имею в виду наличие неопределенности» (см.: Arrow, *The Limits of Organization* [New York, 1974], 33.)

⁵⁶ Не следует забывать, что Оскар Ланге в статье *On the Economic Theory of Socialism* также упоминает о возможности уничтожения «свободного» рынка потребительских товаров и услуг и утверждает, что и в этих обстоятельствах его система проб и ошибок в сочетании с параметрическими ценами прекрасно продолжала бы работать: понадобилось бы только расширить область применения

ко долго можно силой поддерживать социалистическую модель на каждом конкретном историческом этапе и какие возможности существуют для изоляции какой-либо страны или географической области от остального мира, чтобы люди там не узнали, от чего они отказываются, когда позволяють дурачить и обманывать себя государственной пропаганде. Все эти вопросы очень важны и интересны, особенно в части оценки в каждом конкретном случае вероятности смены власти демократическим или революционным путем по отношению к вероятности сохранения социалистического режима. Однако ни один из этих вопросов не ставит под сомнение правоту теоретического открытия Мизеса и Хайека, доказавших, что социализм неизбежно ведет к обнищанию масс, поскольку не позволяет производить расчета экономической эффективности, и что в конечном счете социализм — это неработающая система, неспособная достичь тех «славных целей» (представляющих собой обман общественности), с которыми она до сих пор обычно ассоциировалась.

параметрических цен, включив туда не только производственные блага и факторы, но и потребительские блага и услуги. В этом случае планирующему органу следует также изменять цены тогда, когда в отсутствие карточной системы возникает дефицит либо избыток потребительских благ. (Разумеется, в этой системе, по причинам, которые мы изложили, когда анализировали предложения Ланге, нет возможности для существования экономического расчета.) Хотя в упомянутой статье Ланге оговаривает, что обсуждение теоретической возможности уничтожения свободы для потребителя не означает, что он сторонник этой меры (он считает ее недемократичной), нам уже известно, как в конце жизни он постепенно пришел к сталинистскому решению, которое практически не учитывает желаний потребителей и лицемерно сводит проблему экономического расчета к принудительному навязыванию плана на всех уровнях. Что касается литературы на немецком языке, то Герберт Зассенхауз (Herbert Zassenhaus) в книге “Über die Ökonomische Theorie der Planwirtschaft,” *of Zeitschrift für Nationalökonomie*, vol. 5, 1935 (английский перевод: “On the Theory of Economic Planning,” *International Economic Papers*, no. 6 [1956]: 88—107), также защищает систему экономического расчета при социализме, основанную главным образом на уничтожении свободы выбора предпринимателей и на решении математического типа с частичным сохранением децентрализованной конкуренции. Для текстов Зассенхауза характерно отсутствие ясности и, в особенности, реалистичности, поскольку, с его точки зрения, сообщества в принципе статичны.

4. В каком смысле социализм невозможен?

В главе 3 мы показали, что социализм является интеллектуальным заблуждением, потому что, с теоретической точки зрения, невозможно корректировать социальное поведение посредством системы институционального принуждения, направленного против свободного взаимодействия людей. Иными словами, главный тезис этой книги состоит в том, что в отсутствие свободы предпринимательства информация, необходимая для рационального экономического расчета (то есть для процесса принятия таких решений, которые не будут произвольными, поскольку в каждом конкретном случае субъективно значимая информация будет учтена), не создается, а экономические субъекты не имеют возможности научиться согласовывать свое поведение с потребностями и обстоятельствами других (то есть не возникает социальная координация). Этот тезис точно соответствует мнению, которое высказывал Людвиг фон Мизес, начиная со статьи 1920 г. Для Мизеса определение «рациональный» относится к принятию решений, которое основано на необходимой, значимой информации о целях, средствах и альтернативных издержках. Мизес доказывает, что эта информация постепенно генерируется и передается исключительно в ходе процесса предпринимательства в конкурентной среде, где существует свобода предпринимательства и частная собственность на средства производства. Следовательно, в отсутствие свободных рынков, частной собственности на средства производства и свободы предпринимательства информация не порождается и (централизованно или децентрализованно) принимаются произвольные решения. Именно таким образом следует интерпретировать слова Мизеса: «Как только происходит отказ от концепции свободного формирования денежных цен на блага высшего порядка, *рациональное производство становится совершенно невозможным*. Каждый шаг по направлению от частной собственности на средства производства и использования денег — это шаг в сторону от рациональной экономической теории»⁵⁷. Он также пишет, по уже приводившимся причинам, что «социализм есть уничтожение рациональной эко-

⁵⁷ Ludwig von Mises, "Economic Calculation in the Socialist Commonwealth," *Collectivist Economic Planning*, 104.

номики»⁵⁸. Однако о чем Мизес никогда не писал, вопреки частичному и ложному истолкованию его текстов некоторыми его оппонентами, так это о том, что невозможно пытаться воплотить утопию и, в частности, социалистическую систему с помощью насилия. Как раз наоборот: Мизес считал, что теоретическое доказательство невозможности осуществления расчетов в социалистической системе подействует только на тех, кто ошибочно считает, что эта система в состоянии достичь более высокого уровня успешности, экономического роста и развития цивилизации, чем капиталистическая система, но

⁵⁸ Ludwig von Mises, "Economic Calculation in the Socialist Commonwealth" in *Collectivist Economic Planning*, 110. Следует признать, что в написанной по-немецки книге о социализме Мизес выражается несколько резко. Так, на с. 197 второго немецкого издания, опубликованного в 1932 г. и переизданного в 1981 г. (Munich: Philosophia Verlag), читаем: «Der Kapitalismus ist die einzig denkbare und mögliche Gestalt arbeitsteilenden gesellschaftlichen Wirtschaft» (Капитализм — это единственная представляемая и возможная форма общественного хозяйства с разделением труда). В английском переводе заявление, что «капитализм это единственно возможная форма общественного хозяйства» слегка смягчено за счет добавления фразы, которую мы выделили курсивом: «Капитализм — это единственно возможная форма общественного хозяйства, подходящая для исполнения требований, предъявляемых обществом к экономическому устройству» (стр. 194 издания на английском языке). Английская формулировка чуть-чуть точнее немецкой, хотя немецкий вариант полностью согласуется с тем, что Мизес писал ранее в статье об экономическом расчете, так как для Мизеса «общественное хозяйство» означает «рациональное хозяйство». На с. 117 немецкого текста есть другая фраза, которая слегка смягчена в английском переводе. По-немецки мы читаем: «Der Versuch, die Welt sozialistisch zu gestalten, könnte die Zivilisation zertrümmern, er wird aber nie zur Aufrichtung eines sozialistischen Gemeinwesens führen können» (Попытка преобразовать мир в соответствии с социалистическим идеалом могла бы разрушить цивилизацию, но была бы в принципе не в состоянии привести к созданию социалистического сообщества). На с. 118 английского перевода видим: «Она никогда бы не привела к созданию *успешного* социалистического сообщества». Было добавлено прилагательное «успешный». Несмотря на эти небольшие отличия английской версии книги Мизеса о социализме от немецкой, мы считаем, что позиция Мизеса прекрасно отражена в его статье 1920 г. и не претерпела в дальнейшем существенных изменений.

не повлияет на тех, кто защищает социализм из зависти или по эмоциональным, «этическим» и «аскетическим» причинам. В 1920 г. Мизес писал так: «Знание о том, что в социалистическом сообществе разумная экономическая активность *невозможна*, конечно, нельзя использовать в качестве довода “за” или “против” социализма. На того, кто готов стать приверженцем социализма по *этическим* причинам, несмотря на то, что в системе общей собственности на средства производства благ низшего порядка станет меньше, или на того, чье стремление к социализму основано на *аскетическом* идеале, сказанное нами не подействует. *Но тот, кто ожидает от социализма разумной экономики, будет вынужден пересмотреть свои взгляды*»⁵⁹.

Хайек точно так же, как и Мизес, считает, что в некотором «смысле» возможно избрать любой план действий, в том числе безумный и абсурдный, и с этой точки зрения можно сделать даже попытку осуществить на практике социалистическую систему, но с точки зрения теории вопрос о «невозможности социализма» относится исключительно к тому, насколько совместим социализм с теми целями, для достижения которых он предназначен, а именно, с социально-экономическим развитием, как минимум настолько же скоординированным и гармоничным, как при капитализме, а по возможности более скоординированным и более гармоничным. Однако, если цель состоит в том, чтобы покончить с «рыночной анархией», преодолев «несовершенство» рынка посредством принуждения и централизованного, рационального экономического плана, то очевидно, что социализм с этой точки зрения *невозможен*, так как он не способен достичь этой цели. Иными словами, в связи с тем, что социалистическая система одновременно делает *невозможным* рациональный экономический расчет и согласование поведения экономических субъектов, эта система в принципе не может превзойти в сфере координации и эффективности капиталистическую систему. Наконец, Хайек признает, что невозможность достижения экономической эффективности и общее замедление экономического развития, неизбежно вытекающее из невозможности осуществления расчета при социализме, не обязательно изменит желания тех, кто продолжает поддержи-

⁵⁹ Ludwig von Mises, “Economic Calculation in the Socialist Commonwealth,” *Collectivist Economic Planning*, 130.

вать социализм по другим причинам (религиозным, эмоциональным, этическим или политическим), несмотря на то, что в данном конкретном случае экономическая наука предоставляет полезную информацию и оказывает важную услугу даже этой группе людей, так как она демонстрирует им истинные *издержки* их политического, этического или идеологического выбора и может помочь им либо пересмотреть свои взгляды, либо укрепиться в них, что тоже вполне возможно⁶⁰.

Во всяком случае, нет сомнений, что предложенный Мизесом и Хайеком анализ социализма оказался громом среди ясного неба для всех тех специалистов и профанов в экономике, кто охотно и наивно поддерживал социализм, считая его лекарством от всех социальных проблем, которое обеспечит невиданный при капитализме уровень экономических успехов и развития. Также нет сомнений, что для большинства людей то, что социализм ведет к общему обеднению и снижению эффективности — это мощный, и часто окончательный довод в пользу того, чтобы расстаться с идеалом социализма. Однако нельзя не видеть того, что у социалистического идеала есть значительный этический, даже «религиозный» компонент, и что в силу

⁶⁰ Хайек упрекает Мизеса за то, что он часто использует выражение «социализм невозможен», имея в виду невозможность рационального экономического расчета в социалистической системе. В свете некоторых явно сформулированных утверждений Мизеса, включенных нами в основной текст, мы не считаем этот упрек вполне заслуженным. (Мизес пользуется выражениями, похожими на упомянутое Хайеком, исключительно в своей книге о социализме, но их значение совершенно ясно из общего контекста): «Многие первоначальные замечания были на самом деле придирками к словам, и это произошло потому, что Мизес время от времени использовал неточное выражение, будто бы социализм невозможен, имея в виду, что социализм делает невозможным экономический расчет. Конечно, в узком смысле слова реализация любых предложений, который хоть что-то означают, возможна (можно попробовать). Вопрос лишь в том, приведет ли это к ожидаемым результатам, то есть в том, совместим ли предложенный план действий с теми целями, на осуществление которых он направлен» (Ф. А. Хайек, «Nature and History of the Problem,» *Collectivist Economic Planning*, 36). Забавно, что в наши дни, когда революционные перемены в странах бывшего Восточного блока покончили с социализмом, выражение «социализм невозможен» стало широко употребляться в повседневном обиходе.

этого его следует рассматривать с точки зрения социальной этики. Поэтому все большее и большее внимание исследователей привлекает вопрос об этической допустимости социализма, вне зависимости от теоретических проблем экономической эффективности. В самом деле, по крайней мере с точки зрения одной из областей социальной этики (естественного права), есть серьезные основания считать, что социалистический идеал радикально чужд человеческой природе (и это неизбежно, так как социализм основан на применении насилия и систематического принуждения по отношению к наиболее сокровенной и фундаментальной особенности людей: к их способности свободно действовать). Если рассматривать ее с этой точки зрения, социалистическая система не только теоретически неверна, но и этически неприемлема (то есть аморальна и несправедлива); «в долгосрочной перспективе» ее невозможно будет поддерживать и в конечном счете она обречена на провал, поскольку противоречит человеческой природе. С этой точки зрения, наука и мораль — просто две стороны одной медали, а мир логически упорядочен, о чем неизменно свидетельствуют все выводы науки, а также все заключения, сделанные в историко-эволюционной сфере и в сфере морали⁶¹.

⁶¹ В связи с этим мы должны отметить работы по социальной этике Израэля Кирцнера (Israel M. Kirzner; *Discovery, Capitalism and Distributive Justice* [London: Basil Blackwell, 1989]) и Ганса-Германа Хоппе (Hans-Hermann Hoppe; *A Theory of Capitalism and Socialism* [Holland: Kluwer Academic Publishers, 1989]). Оба (вероятно, следует добавить к этим работам слегка устаревшую, но достойную внимания книгу Нозика: Robert Nozick, *Anarchy, State and Utopia* [New York: Basic Books, 1974] [Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН, 2008]) доказывают, что социализм не только теоретически невозможен, но и этически неприемлем. Кирцнер выводит это заключение из теории о том, что каждый человек имеет естественное право распоряжаться плодами собственной предпринимательской активности. Хоппе исходит из аксиомы Хабермаса о том, что спор с другим человеком всегда означает приятие и неявное признание индивидуальности «другого Я», его прав собственности на самого себя, на свои мысли и достижения, и выстраивает на этом логическом основании целую теорию прав собственности и капитализма. Про мою теорию *трех* различных, но дополняющих друг друга *уровней* исследования социальной реальности (теоретического, историко-эволюционного и этического) можно прочитать в на-

Если экономическая наука доказывает, что в социалистической системе невозможен экономический расчет и если теоретический анализ социальной этики доказывает, что социализм невозможен также потому, что он противоречит человеческой природе, то какие выводы в этом случае можно сделать из исторического исследования и интерпретации практики социализма? Задача состоит в том, чтобы выяснить, вписываются или нет, те исторические события, которые происходили в социалистических странах, в теоретическую концепцию социализма, предложенную Мизесом и Хайеком. На основании этой концепции мы можем ожидать в результате введения социалистической системы, где люди не могут свободно проявлять предпринимательство, широкого распространения феномена неоптимального размещения ресурсов и факторов, который будет находиться в четкой зависимости от степени ограничения этой свободы и выражаться в том, что в некоторых отраслях производство будет чрезмерно расширяться за счет других отраслей, производящих блага и услуги, в которых население будет нуждаться больше. Кроме того, для этой системы будет характерна чрезмерная концентрация на нескольких конкретных проектах, в оправдание которой будут приводиться исключительно аргументы технического и технологического характера, и такие проекты будут осуществляться вне зависимости от издержек. Как это ни странно, эта неконтролируемая склонность к осуществлению проектов по чисто «техническим» причинам будет препятствовать широкому внедрению новых, более

писанном мной введении к полному собранию сочинений Хайека: F. A. Hayek's *Obras Completas* (Madrid: Unión Editorial, 1990), 23—24. В зависимости от уровня, аморальность социализма раскрывается по-разному. Во-первых, с теоретической точки зрения, социализм аморален, поскольку как социальная система он препятствует порождению информации, которая требуется самой этой системе для достижения избранных ей целей. Во-вторых, с эволюционной точки зрения, нет ничего более аморального, чем социализм, поскольку он представляет собой конструктивистскую утопию, пренебрегающую ценностями традиционных законов и обычаев (*mos-moris*, обычай). В-третьих, с этической точки зрения, социализм представляет собой агрессию против наиболее фундаментальной особенности человеческой природы: способности человека действовать свободно и творчески, а также распоряжаться плодами своего предпринимательского творчества.

эффективных в экономическом отношении технологий и методов производства, которые могли бы быть найдены и испытаны на практике в условиях абсолютной свободы предпринимательства⁶². Иначе говоря, произвольно заниженная процентная ставка вызовет избыточное инвестирование в наиболее капита-

⁶² Хофф подчеркивал, что любое движение от предпринимательства в направлении социализма приводит к тому, что на всех социальных уровнях повышается — явно и неявно — роль технического, инженерного подхода. Как только мы устраняем факторы предпринимательской прибыли и издержек, почти неизбежно «техническим» факторам начинает придаваться непропорционально большое значение. Это происходит не только на уровне отдельных отраслей и секторов, но и на уровне общества в целом. Действительно, социалистические политики и чиновники неизбежно начинают верить, что они — выдающиеся «социальные инженеры», способные по собственному желанию корректировать недостатки общества и внедрять изменения, необходимые для повышения уровня социально-экономического развития. В заключение Хофф пишет: «Понятно, что технически совершенный продукт идеально подходит для своей цели с технической точки зрения: он приносит радость инженерам и техническим специалистам и может даже доставлять эстетическое удовольствие обычным людям, но нужно четко осознавать, что производство технически совершенного товара может быть экономически нерациональным и представляет собой, в экономическом отношении, напрасную трату труда и сырья, если, используя их для другой цели, можно удовлетворить большее количество потребностей» (Hoff, *Economic Calculation in the Socialist Society*, p. 141, note 8]). Парадоксальным образом, стремление внедрять последние технологические новшества во всех отраслях, не считаясь с издержками, на практике будет тормозить технологическое развитие общества, поскольку те технологические инновации, которые действительно принесут обществу пользу (то есть те, которые обнаруживаются и реализуются в процессе предпринимательства) нельзя будет найти и применить в нужное время в нужном месте. В свою очередь, Доминик Арментано настаивает на том, что социалистический плановый орган в принципе не может узнать, какой из проектов более экономичен и эффективен, и, соответственно, в среднем его решения будут рассогласованными (как в пространстве, так и во времени), вне зависимости от того, попытается ли он оправдать или «украсить» свое решение техническими соображениями. Обращаясь к знаменитому примеру Мизеса про социалистического менеджера, который должен выбрать между строительством электростанции, использующей нефть, и атомной электростанции, Арментано делает вывод, что «если и когда электростанция строится в конкретном месте с использо-

лоемкие отрасли в ущерб производству потребительских благ и услуг. Иррациональность и рассогласованность будут проявляться на всех уровнях и соответственно при прочих равных, то же самое количество усилий и общественного ресурса в социалистической системе даст в итоге гораздо более низкий уровень жизни и гораздо меньшее количество и более низкое качество потребительских благ и услуг, чем в капиталистической системе. Иными словами, при прочих равных условиях социалистическая система может приблизиться к капиталистической только за счет более высоких издержек для людей, окружающей среды и всех факторов производства, в том числе ненужных и непропорциональных по отношению к результатам.

Хотя здесь не место для подробного анализа исторического опыта социалистических систем, нам стоит упомянуть о том, что историческая интерпретация соответствующих событий служит наглядной иллюстрацией априорных выводов экономической теории социализма Мизеса и Хайека и полностью согласуется с ними. Социалистические правительства продемонстрировали свою неспособность рационально координировать свои экономические и социальные решения, а также поддерживать минимальный уровень корректировки и эффективности⁶³, удовлетворять потребности граждан в потребительских товарах и услугах и стимулировать экономическое, технологическое и культурное развитие соответствующих обществ. Искажения и противоречия, свойственные социалистическим системам бывшего Восточного блока, действительно стали настолько очевидны для большинства населения, что социалистические режимы один за другим пали перед

ванием конкретных ресурсов, решение о ее строительстве будет «произвольным», а не экономическим», поскольку информация

о ценах и издержках, которая на свободном рынке, приводимом в движение предпринимательством, генерировалась бы стихийно, недоступна. См.: D. T. Armentano, "Resource Allocation Problems under Socialism" in *Theory of Economic Systems: Capitalism, Socialism, Corporation*, ed. William P. Snavely (Columbus, Ohio: Merrill, 1969), 133–134.

⁶³ В соответствии с нашей общей логикой, мы рассматриваем «эффективность» не с точки зрения максимизации по Парето, а в качестве свойства предпринимательской координации в творческих средах, где присутствует неопределенность.

лицом требования народа отказаться от социализма и вернуться к капитализму. В этом отношении крушение социализма в странах Восточного блока действительно может считаться триумфом науки и не имеющей прецедента в истории общественных наук иллюстрацией верности теоретического анализа социализма, которым австрийская школа занималась с 1920-х годов. Тем не менее после того, как мы указали на значение этих исторических событий, ставших иллюстрацией теоретических доводов Людвиг фон Мизеса и источником удовлетворения для Хайека, представителей австрийской экономической школы и немногих других, следует добавить, что, поскольку австрийский теоретический анализ заранее доказал, что социализм не может работать, так как основан на интеллектуальной ошибке, и доказал также, что социализм неизбежно вызовет разнообразные искажения и проявления раскогласованности в обществе, то, что миллионы людей были вынуждены многие годы выносить тяжелейшие страдания, чтобы продемонстрировать на исторических примерах то, что с самого начала сформулировала австрийская теория, — это ужасная трагедия. Ответственность за эти человеческие страдания несут не только большинство представителей научного сообщества, с пренебрежением относившихся к австрийскому анализу социализма и даже мошеннически *скрывавших* его содержание, но и убогий, устаревший, хоть и господствующий до сих пор позитивизм, подход которого заключается в том, что способность любой социальной системы к выживанию можно установить только опытным, а не теоретическим путем⁶⁴. За славным исключением Мизеса, Хайека, остальных исследователей

⁶⁴ Например, этот убогий «позитивистский сциентизм», доходящий до степени помешательства, пронизывает американскую систему образования и научные круги, а в особенности труды чикагской школы, включая работы одного из ее наиболее выдающихся представителей Джорджа Стиглера, по мнению которого, обе стороны, участвовавшие в споре, не видели «эмпирических» последствий собственной позиции в то время, как только «эмпирические доказательства» способны разрешить существующие противоречия между защитниками капитализма и защитниками социализма. (George Stigler, *The Citizen and the State* [Chicago: University of Chicago Press, 1975], 1—13.) См. блестящую критику позиции Стиглера: Norman P. Barry, “The Economics and Philosophy of Socialism,” *Il Politico* (University of Pavia) year 49, no. 4 (1984): 573—592.

их школы и немногих других, почти все сообщество специалистов по социальным наукам совершило предательство по отношению к человечеству, потому что им не удалось выполнить свой долг ученого, который состоял как минимум в том, чтобы предостеречь граждан об опасностях, связанных с социалистическим идеалом. Поэтому очень важно, полезно и поучительно провести *аудит* научной ответственности, который поставил бы каждого теоретика на его законное место в глазах общественности и в истории экономической мысли, вне зависимости от славы, имени и популярности, приобретенных им в иное время и в иных обстоятельствах.

Нужно сделать оговорку в связи с замечаниями относительно исторической интерпретации практики социализма. Дело в том, что в отличие от многих теоретиков-«позитивистов», мы не считаем и не предполагаем, что самих по себе эмпирических доказательств достаточно, чтобы подтвердить или опровергнуть научную экономическую теорию. Мы сознательно утверждали, что исторические исследования «иллюстрируют» теоретические выводы и «согласуются» с ними, но не писали, что они «подтверждают» их или «доказывают их правоту»⁶⁵. Собственно, хотя мы и не будем заниматься здесь анализом логических противоречий в «позитивистской методологии»⁶⁶, очевидно, что в социальном мире

⁶⁵ См. интересные замечания Фрица Махлупа по этому поводу: Fritz Machlup, *The Economics of Information and Human Capital, of Knowledge: Its Creation, Distribution and Economic Significance*, vol. 3: "Testing versus Illustrating," 231—232.

⁶⁶ Краткий критический анализ позитивистской методологии и обзор наиболее значимой литературы на эту тему см. в моей статье "Método y Crisis en la Ciencia Económica," *Hacienda Pública Española*, no. 74 (1982): 33—48, опубликованной также в моей книге: *Lecturas de Economía Política*, vol. 1 (Madrid: Unión Editorial, 1986), 11—33. Методологические представления австрийской школы уточнялись по мере развития спора об экономическом расчете при социализме, и полный критический анализ позитивистской методологии можно считать одним из наиболее ценных побочных результатов этого спора, поскольку по тем же самым причинам, по которым социализм является интеллектуальной ошибкой (невозможно приобрести необходимую практическую информацию централизованно), в сфере экономической теории невозможно непосредственно наблюдать эмпирические события и невозможно эмпирически проверять какую бы то ни было тео-

опыт всегда носит исторический характер, а значит, всегда связан с чрезвычайно сложными событиями, где действует бесчисленное количество «переменных», и его нельзя наблюдать непосредственно, а можно только интерпретировать в свете предварительно сконструированной теории. Кроме того, поскольку интерпретация исторических событий зависит от теории, чрезвычайно важно предварительно сформулировать, используя непозитивистские методологические процедуры, теории, позволяющие корректно интерпретировать реальность. Соответственно, не существует неоспоримых исторических доказательств, тем более — доказательств, способных подтвердить или опровергнуть какую-либо теорию. Кроме того, даже если бы это было не так, теоретическая полемика вообще и полемика по поводу социализма, в частности, привела к чрезвычайно ценным выводам, и если

рию, — в общем, невозможно делать конкретные предсказания относительно времени и места будущих событий. Это объясняется тем, что объект исследования экономической теории включает представления и знания, которые люди создают в связи с тем, что они делают; эта информация постоянно меняется, обладает высоким уровнем сложности и ее не в состоянии измерять, наблюдать или собирать ни один исследователь (или централизованное бюро планирования). Если бы можно было измерять социальные события и эмпирически подтверждать экономические теории, то социализм был бы возможен; и наоборот, социализм невозможен именно по тем причинам, по которым не работает позитивистская методология. Итак, с учетом их «духовной» природы, «события» социальной реальности возможно интерпретировать только исторически, что всегда требует предварительного наличия теории. В связи с этой захватывающей темой см. библиографию из 33 пунктов в моей упомянутой выше статье “Método,” и особенно: Mises, *Theory and History* (Yale: Yale University Press, 1957) [Мизес Л. фон. Теория и история. Челябинск: Социум, 2007]; Hayek, “The Facts of the Social Sciences,” in *Individualism and Economic Order*, 57–76 [Хайек Ф. Факты общественных наук // Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. С. 72–88], а также *The Counter-Revolution of Science* (Glencoe, Illinois: Free Press, 1952 [Хайек Ф. Контрреволюция науки. М.: ОГИ, 2003]), работу великолепно переизданную в 1979 г. (Indianapolis: Liberty Press). Полезное и беспристрастное описание методологической парадигмы австрийской школы см.: Bruce Caldwell, *Beyond Positivism: Economic Methodology in the Twentieth Century* (London: George Allen and Unwin, 1982), esp. pp. 117–138.

бы их смогли вовремя принять к сведению, можно было бы избежать, как мы уже говорили, не только десятилетий безуспешных экспериментов, но и многочисленных конфликтов, и колоссальных человеческих страданий. Таким образом, *ждать*, пока история не «подтвердит», работает или нет экономическая система, не только бессмысленно с точки зрения логики, поскольку история не может ни подтвердить, ни опровергнуть никакую теорию; это приводит к абсурдному поведению — *заведомому* пренебрежению правильными теориями, сформулированными вне опыта, а кроме того, стимулирует к экспериментам с любыми дикими идеями или утопиями, влекущими за собой колоссальные человеческие жертвы⁶⁷, под предлогом необходимости анализа соответствующих «результатов эксперимента».

Необходимость данных замечаний связана с тем, что, хотя в то время, когда мы начинали писать эту книгу (1990—1991), крушение социалистических систем в странах Восточной Европы и их развитие в предшествовавшие десятилетия действительно в основном полностью подтвердили «предсказания», которые можно было бы сделать на основании теории социализма Мизеса и Хайека, это не всегда было так⁶⁸, и в некоторые исторические периоды существовало даже мас-

⁶⁷ Мизес подчеркивает, что уроков советского опыта недостаточно для формулировки теоретических аргументов в отношении социализма и делает вывод, что «недостатки в системе абстрактных построений — каков и есть социализм — не могут быть вскрыты иначе, чем путем абстрактных же рассуждений» (Mises, *Socialism*, 535 [Мизес. Социализм. С. 370]).

⁶⁸ Популярная интерпретация исторических событий изредка бывает сравнительно «несложной». Например, так было в случае явного провала так называемого «военного коммунизма» (неудачное название), который вынудил Ленина в 1921 г. перейти к НЭПу (новой экономической политике). Интерпретация исторических событий последнего времени, кульминацией которых стало падение всех коммунистических режимов в странах бывшего Восточного блока, тоже довольно очевидна. Вероятно, применительно к другим периодам задача интерпретации исторических событий более сложна, однако даже в этих случаях тщательные исследования всегда подтверждают теорию невозможности экономического расчета при социализме. См. об этом, например, раздел под названием «Опровергает ли Мизеса опыт России?» (“Does Russia Refute Mises?”) в статье: David Ramsay Steel, “The

совое убеждение в обратном, то есть в том, что ход событий в восточноевропейских странах явно «опровергает» теорию невозможности социализма, сформулированную австрийской школой. Кроме того, иногда писали, что даже Хайек⁶⁹

Failure of Bolshevism and its Aftermath,” *Journal of Libertarian Studies* 5, no. 1 (winter 1981): 105–106.

⁶⁹ Хайек считал эту версию «бесстыдным искажением» фактов (см. сноску 25 в главе 5), и это действительно так, особенно, если учесть, что те фразы Хайека, которые его критики используют в качестве доказательства его «отступления» с исходных позиций — это не просто оброненные мимоходом замечания, а очевидная дань традиционным нормам академической вежливости, которая была так свойственна Хайеку по отношению к оппонентам, что он позволял им избежать полного разгрома, по крайней мере на бумаге. Именно так следует понимать не только замечания на с. 187 *Individualism and Economic Order* [Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. С. 182], но также текст на с. 238 и 242 статьи “Present State of the Debate” (*Collectivist Economic Planning*), где говорится: «Но хотя это не дает оснований говорить, что подобные предложения “невозможны” в некоем абсолютном смысле, тем не менее остается справедливым, что очень серьезные препятствия к достижению желанной цели существуют и что, по-видимому, их никак нельзя преодолеть» (р. 238 [см.: Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. С. 173]). «Никто не помышляет отбросить всякую вероятность, что решение все-таки будет найдено. Но при нынешнем состоянии нашего знания все же должны оставаться серьезные сомнения в том, что его можно найти» (р. 242 [Там же. С. 176]). Поэтому совершенно неудивительно, что спустя 40 лет после наиболее важных событий спора об экономическом расчете Хайек в своей статье 1982 г. не смог сохранить присущих ему терпения и вежливости по отношению к оппонентам, которые продолжали грубо извращать реальность в связи с его якобы «отступлением» на «вторую линию обороны». Сам Хайек прямо писал, что его вежливость и рыцарское поведение были недобросовестно использованы оппонентами и что он вряд ли желал бы повторить эту ошибку и рисковать остаться непонятым ради сохранения хороших манер: «Вероятно, я мог бы добавить, что в связи с этой книгой Й. Шумпетер в то время обвинил меня в “чрезмерной вежливости” за то что я “практически никогда не употреблял по отношению к оппонентам более сильных выражений, чем ‘интеллектуальное заблуждение’ ”». Я упоминаю об этом в качестве извинения за то, что, встретившись с теми же пустыми фразами более, чем 30 лет спустя, я, возможно, не смогу сохранить такое же терпение и выдержку». См.: “The New Confusion about Plan-

и Роббинс⁷⁰, с учетом опыта практического функционирования социализма в СССР, отказались от радикальной позиции, занятой Мизесом, и отошли на «вторую линию обороны», состоящую в утверждении, что, хотя социализм и может «работать» (то есть не является «невозможным»), на практике у него неизбежно возникнут большие проблемы с эффективностью. Как мы уже знаем, это совершенно ошибочная интерпретация: ни Мизес, ни Хайек никогда не отошли от своих первоначальных позиций. Напротив, они всегда считали, что события в СССР полностью подтверждают выдвинутую Мизесом теорию социализма, даже в те исторические периоды, когда провалы и пороки социалистической системы были лучше скрыты и менее заметны⁷¹.

ning,” chap. 14, *New Studies in Philosophy, Politics, Economics and the History of Ideas*, 235.

⁷⁰ Нет никакого основания полагать, что Роббинс, столкнувшись с практическими примерами, отошел на «вторую линию обороны» в каком бы то ни было смысле. Роббинс не только прямо признает (*The Great Depression*, note 1, p. 148), что его рассуждения очень близки к рассуждениям Мизеса в книге *Socialism* (в переводе которой на английский Роббинс принял большое участие: он сделал черновой перевод наиболее важных глав и передал его своему другу Джеку Кахане, завершившему эту работу): почти сорок лет спустя в своей автобиографии лорд Роббинс продолжал придерживаться этого мнения и вновь прямо признал верность утверждения Людвиг фон Мизеса о невозможности экономического расчета при социализме, первоначально сформулированного в 1920 г. Роббинс пишет: «Главные тезисы Мизеса — что без системы цен сложно организованное коллективистское общество теряет необходимые ориентиры и в общей рамке такого общества попытки создать такие системы цен, которые имели бы смысл и служили бы стимулами в динамическом контексте, неизбежно вступают в конфликт с главной целью коллективизма — по-прежнему кажутся мне верными и подтверждаются всей историей тоталитарных обществ с того момента, как Мизес сформулировал их» (Lionel Robbins, *Autobiography of an Economist* [London: Macmillan, 1971], 107). См. также: *Political Economy, Past and Present* (New York: Columbia University Press), 135—150.

⁷¹ Такие значительные колебания в уровне сложности интерпретации опыта тех или иных событий также, и даже в большей степени, имеют место применительно к последствиям интервенционизма и социальной демократии в западных странах, и поэтому в таких случаях помощь теории, при наличии этой возможности, является

5. Заключение

В свете всего, что было сказано о споре об экономическом расчете при социализме, можно сделать вывод о том, что ни один из социалистических теоретиков не смог удовлетворительно ответить на доводы Мизеса и Хайека. В большинстве случаев они даже не поняли сути того, о чем говорили Мизес и Хайек. Социалистические теоретики рассуждали в рамках неоклассической парадигмы Вальраса, используя аналитический инструментарий, сильно мешавший им понять истинные проблемы, которые возникают в системе без частной собственности на средства производства и без свободы предпринимательства. Кроме того, перенос спора в область статики (который, в свою очередь, произошел по описанным выше причинам) не дал им увидеть и рассмотреть реально существующие проблемы и создал у них ложное впечатление о том, что эти проблемы были «теоретически решены». Соответственно, выдвинутые Мизесом и Хайеком на самом деле теоретические постулаты остались без ответа и остаются без ответа до сих пор, как это начинают признавать даже сами теоретики социализма. Кроме того, произошедшие в XX в. социальные, экономические и политические события полностью соответствуют тезисам, выдвинутым в теоретических работах Мизеса и Хайека по теории социализма, несмотря на то, что большинство экономистов в западных странах до сих пор считает, что спор завершился в начале 1940-х годов, начиная с этого времени, происходили исследования в области «сравнительного анализа систем» и в сфере теории «реформы социалистических систем», а также развивалась планометрика. Тем не менее этой исследовательской работе нанесло большой ущерб полное игнорирование теоретических проблем, проанализированных в ходе спора об экономическом расчете Мизесом и Хайеком, и это невежество стало одной из основных причин, по которой все эти исследования оказались бесплодными и провалились.

Что касается австрийской школы, то не только теоретики, принимавшие участие в споре с самого начала (в основном Мизес и Хайек), но и все новые и новые их последовате-

еще более существенной, чем в случае так называемого «реального» социализма».

ли продолжали развивать обладающие высокой объяснительной способностью теории, научным источником которых стал этот спор. В этом отношении у спора было множество научных последствий, принесших существенную пользу экономической науке, и в связи с этим особенно важно проанализировать различные области экономической теории, которые уже испытали положительное влияние работ, задуманных и написанных в результате спора об экономическом расчете при социализме. Мы ссылались на многих исследователей младшего поколения в разных местах нашей книги, там где это было существенно для нашей темы, несмотря на то, что более глубокое и подробное изучение их работ мы должны отложить до другого раза.

Текущая ситуация, которая, несомненно, возникла вследствие недавних исторических событий, связанных с крушением социалистических режимов в странах Восточной Европы, за которым следил весь мир, стала стимулом для переосмысления «традиционной» версии спора в соответствии с основными тезисами, изложенными в этой книге. Огромную роль в процессе этого переосмысления играют не только западные экономисты, которые все больше и больше обращаются к этому спору, но и большинство из тех исследователей, которые недавно считались наиболее влиятельными теоретиками в социалистических странах. Мы надеемся на то, что если исследовательский интерес к этому сюжету из истории экономической мысли сохранится, то будет достигнут консенсус, в результате которого господствующие представления о сути и основных последствиях «спора об экономическом расчете при социализме» изменятся. Если это случится, мы будем считать высокой честью и радостью то, что нам удалось внести посильный вклад в разрушение одного из пагубных и не соответствующих действительности мифов, до сих пор бытующих в экономической науке.

БИБЛИОГРАФИЯ

Alchian, A. A. "Corporate Management and Property Rights." In *Economic Policy and the Regulation of Corporate Securities*, pp. 342 ff. Washington, D. C.: American Enterprise Institute, 1969.

Alchian, A. A., and W. R. Allen. *University Economics: Elements of Inquiry*. 3rd ed. Belmont, California: Wadsworth Publishing, 1971.

Alvarez, V. A. "El Camino hacia la Servidumbre' del Profesor Hayek." *Moneda y Crédito*, no. 13 (June 1945). Reprinted as chap. 2 of *Libertad Económica y Responsabilidad Social*, ten essays in an edition which commemorates the centenary of the birth of D. Valentín Andrés Alvarez, pp. 69—86. Madrid: Centro de Publicaciones del Ministerio de Trabajo y Seguridad Social, 1991.

Allais, M. "Le problème de la planification dans une économie collectiviste." *Kyklos* 1, no. 3 (1947): 254—280; 2, no. 1 (1948): 48—71.

Anderson, T. L., and D. R. Leal. *Free Market Environmentalism*. San Francisco: Pacific Research Institute for Public Policy, 1991.

Antonelly, E. Léon Walras et Carl Menger à travers leur correspondance." *Économie Appliquée* 6 (April-Sept. 1953).

Aquinas, St. T. *Suma Teológica [Summa Theologiae]*. Vol.4. Madrid: B.A.C., 1954.

Aranson, P. H. "Bruno Leoni in Retrospect." *Harvard Journal of Law and Public Policy* (summer 1988).

Armentano, D. T. "Resource Allocation Problems under Socialism." In *Theory of Economic Systems: Capitalism, Socialism, Corporatism*, ed. William P. Snavely, pp. 133 ff. Columbus, Ohio: Merrill, 1969.

Arnold, N. S. *Marx's Radical Critique of Capitalist Society: A Reconstruction and Critical Evaluation*. Oxford: Oxford University Press, 1990.

Arrow, K. J. "Limited Knowledge and Economic Analysis." *American Economic Review* 64 (March 1974): 1—10.

Arrow, K.J. *The Limits of Organization*. New York: Norton, 1974.

Arrow, K. J., and L. Hurwicz. *Studies in Resource Allocation Processes*. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.

Arru ada, B. "El Coste de la Información Contable." *Espa a Económica* (May 1991): 8–11.

Bagehot, W. *Economic Studies*. London: Longmans Green, 1898.

Bailey, S. *A Defense of Joint-Stock Banks and Country Issues*. London: James Ridgeway, 1840.

Ballesteros, A. *Alfonso X. El Sabio*. Barcelona: Ediciones "El Albir," 1984.

Ballod, K. *Der Zukunftsstaat. Wirtschaftstechnisches Ideal und volkswirtschaftliche Wirklichkeit*. 4th ed. Berlin: E. Laubsche, 1927. First edition published in Stuttgart in 1919.

Barone, E. "Il Ministro délia Produzione nello Stato Collettivista." *Giornale degli Economist*, no. 37 (Sept. 1908). Translated into English by F. A. Hayek, as "The Ministry of Production in the Collectivist State." App. A of *Collectivist Economic Planning*, ed. F. A. Hayek, 245–290. Clifton: Augustus M. Kelley, 1975.

Barrow, J. D., and F. J. Tipler. *The Anthropic Cosmological Principle*. Oxford: Oxford University Press, 1986.

Barry, N. P. "The Economics and Philosophy of Socialism." // *Politico*, year 49, no. 4 (1984): 573–592.

Barry, N. P. *The Invisible Hand in Economics and Politics. A Study in the Two Conflicting Explanations of Society: End-States and Processes*. London: Institute of Economic Affairs, 1988.

Bauer, O. *Der Weg Zum Sozialismus*. Vienna: Ignaz Brad, 1919.

Bennett, J. *The Economic Theory of Central Planning*. Oxford: Basil Blackwell, 1989.

Bergson, A. "Socialist Economies." In *A Survey of Contemporary Economies*, ed. Howard S. Ellis. Homewood, Illinois: Richard D. Irwin, 1948.

Bergson, H. *Oeuvres*. Paris: Presses Universitaires de France, 1959.

Bergum, D. F. "Economic Planning and the Science of Economies." *American Economic Review* (June 1941).

Bernholz, P. "Information, Motivation, and the Problem of Rational Economic Calculations in Socialism." In *Socialism: Institutional, Philosophical and Economic Issues*, ed. Svetozar Pejovich. Dordrecht, Holland: Kluwer Academic Publishers, 1987.

Blaug, M. *Economics Through the Looking Glass*. London: Institute of Economic Affairs, 1988.

Blaug, M. "Comment on O'Brien's 'Lionel Robbins and the Austrian Connection.'" In *Carl Menger and His Legacy in Economics*, ed. Bruce J. Caldwell. Annual supplement to volume 22, *History of Political Economy*. Durham: Duke University Press, 1990.

Blaug, M. "Book Review." *Economic Journal* 103, no. 421 (November 1993): 1570 ff.

Blaug, M. and N. Marchi. *Appraising Economic Theories*. Aldershot, England: Edward Elgar, 1991.

Block, W. and I. Hexham. *Religion, Economics and Social Thoughts*. Vancouver: Fraser Institute, 1989.

Boettke, P. J. "Evolution and Economics: Austrians as Institutionalists." *Research in the History of Economic Thought and Methodology*, no. 6 (1988).

Boettke, P. J. *The Political Economy of Soviet Socialism: The Formative Years 1918–1928*. Dordrecht, Holland: Kluwer Academic Publishers, 1990.

Böhm-Bawerk, E. von. "The Exploitation Theory." Chap. 12 in *History and Critique of Interest Theories*. Vol. 1 of *Capital and Interest*, 241–321. South Holland, Illinois: Libertarian Press, 1959. This is an English translation of *Geschichte und Kritik der Kapitalzins-Theorien* (1884, 1900, 1914, and 1921). Vol. 1 of *Kapital und Kapitalzins*.

Böhm-Bawerk, E. von. *Capital and Interest*. Vol. 2, *The Positive Theory of Capital*. South Holland, Illinois: Libertarian Press, 1959.

Böhm-Bawerk, E. von. "Zum Abschluss des Marxchen Systems." In *Staatswissenschaftliche Arbeiten-Festgaben für Karl Knies zur Fünfundsiebzigsten Wiederkehr*, 85–205. Berlin: Haering, 1896. There is an English translation entitled "Unresolved Contradiction in the Marxian Economic System." Chap. 4 in *Shorter Classics of Eugen von Böhm-Bawerk*. South Holland: Libertarian Press, 1962.

Böhm-Bawerk, E. von. "Macht oder Ökonomisches Gesetz?" *Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung* (Vienna) 23 (December 1914): 205–271. Translated into English in 1931 by J. R. Mez and published with the title "Control or Economic Law?" In *Shorter Classics of Eugen von Böhm-Bawerk*. Vol. 1. South Holland, Illinois: Libertarian Press, 1962.

Borrell, J. *La República de Taxonia*. Madrid: Ediciones Pirámide, 1992.

Bradley, R. "Market Socialism: A Subjectivist Evaluation." *The Journal of Libertarian Studies* 5, no. 1 (winter 1981): 23–39.

Brus, W. "Observaciones sobre los problemas de contabilidad marginal en la economía socialista." In *Problemas de Economía Política del Socialismo*, ed. Oskar Lange, 175–194. Mexico: Fondo de Cultura Económica, 1974. This book was translated into English as *Problems of Political Economy of Socialism*. New Delhi: People's Publishing House, 1962.

Brus, W. and K. Laski. *From Marx to the Market: Socialism in Search of an Economic System*. Oxford: Clarendon Press, 1989.

Brutzkus, B. *Economic Planning in Soviet Russia*. London: Routledge, 1935. There is a reissue (Westport, Connecticut: Hyperion Press, 1982). English translation of *Die Lehren des Marxismus im Lichte der Russischen Revolution*. Berlin: H. Sack, 1928.

Buchanan, J. M. *Cost and Choice*. Chicago: Marckham Publishing, 1969.

Buchanan, J. M. "The Public Choice Perspective." Chap. 3 in *Liberty, Market and State*. Sussex: Harvester Press, 1986.

Buchanan, J. M., and G. F. Thirlby, eds. *L.S.E. Essays on Cost*. New York: New York University Press, 1981.

Bukharin, N. I., and E. Preobrazhensky. *The ABC of Communism: A Popular Explanation of the Program of the Communist Party of Russia*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1966.

Caffé, F. "Barone." In *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, 195–196. Vol. 1. London: Macmillan, 1987.

Caldwell, B. *Beyond Positivism: Economic Methodology in the Twentieth Century*. London: Allen and Unwin, 1982.

Caldwell, B., ed. *Carl Menger and His Legacy in Economics*. Annual supplement to volume 22, *History of Political Economy*. Durham and London: Duke University Press, 1990.

Campos, J. G., and A. Barella. *Diccionario de Refranes*. Appendix 30 to the *Boletín de la Real Academia Española*. Madrid, 1975.

Cassel, G. *Teoristische Sozialökonomie*. 5th ed. Leipzig, 1932. (First edition, 1918.) Translated into English by S. L.

Barron as *The Theory of Social Economy*. New York: Augustus M. Kelley, 1967.

Cave, M. *Computers and Economic Planning: The Soviet Experience*. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.

Cela, C. J. "El Dragon de Leviatán." (Lecture delivered before UNESCO, July 1990.) In "Los Intelectuales y el Poder," *ABC* (Madrid), 10 July 1990, pp. 4, 5.

Cervantes, M. *Don Quixote*. Trans. John Ormsby. London, 1885.

Cicero, M. T. *De Re Publica*. Cambridge, Massachusetts: The Loeb Classical Library, 1961.

Coase, R. H. "The Nature of the Firm." In *The Firm, the Market and the Law*, 33–55. Chicago: University of Chicago Press, 1988. Reprinted from *Económica*, no. 4 (November 1937).

Collard, D. "Henry Douglas Dickinson." In *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, 836. Vol. 1. London: Macmillan, 1987.

Crozier, B. and A. Seldon. *Socialism Explained*. London: The Sherwood Press, 1984.

Chaloupek, G. K. "The Austrian Debate on Economic Calculation in a Socialist Economy." *History of Political Economy* 22, no. 4 (winter 1990): 659–675.

Charemza, W., and M. Gronicki. *Plans and Disequilibria in Centrally Planned Economies*. Amsterdam: North Holland, 1988.

Dembinski, P. H. *The Logic of the Planned Economy: The Seeds of the Collapse*. Oxford: Clarendon Press, 1991.

Di Lorenzo, T. J. "Competition and Political Entrepreneurship; Austrian Insights into Public Choice Theory." In *The Review of Austrian Economics*, ed. Murray N. Rothbard and Walter Block, 59–71. Vol. 2. Lexington: Lexington Books, 1988.

Dickinson, H. D. "Price Formation in a Socialist Economy." *Economic Journal*, no. 43 (1933): 237–250.

Dickinson, H. D. *Economics of Socialism*. Oxford: Oxford University Press, 1939.

Dobb, M. H. "Economic Theory and the Problems of a Socialist Economy." *Economic Journal*, no. 43(1933): 588–598.

Dobb, M. H. "Economic Theory and Socialist Economy: A Reply." *Review of Economic Studies*, no. 2(1935): 144–151.

Dobb, M. H. "Review of Brutzkus and Hayek." *Economic Journal*, no. 45 (1935).

Dobb, M. H. "Economic Law in the Socialist Economy." In *Political Economy and Capitalism: Some Essays in Economic Tradition*. London: Routledge and Kegan Paul, 1937.

Dobb, M. H. *On Economic Theory and Socialism: Collected Papers*. London: Routledge and Kegan Paul, 1955.

Dolan, E. G., ed. *The Foundations of Modern Austrian Economics*. Kansas City: Sheed and Ward, 1976.

Durbin, E. *The Fabians, Mr. Keynes and the Economics of Democratic Socialism*. New York: Routledge and Kegan Paul, 1984.

Durbin, E. *New Jerusalems: The Labour Party and the Economics of Democratic Socialism*. London: Routledge and Kegan Paul, 1985.

Durbin, E. F. M. *Purchasing Power and Trade Depression*. London: Chapman and Hall, 1933.

Durbin, E. F. M. "Economic Calculus in a Planned Economy." *Economic Journal* (December 1936). Reprinted in *Problems of Economic Planning*, 140–155. London: Routledge and Kegan Paul, 1968.

Durbin, E. F. M. "A Note on Mr. Lerner's 'Dynamical' Propositions." *Economic Journal*, no. 47 (Sept. 1937): 577–581.

Eatwell, J., M. Milgate, and P. Newman. *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*. 4 vols. London: Macmillan Press, 1987.

Elliot, J. H. *El Conde-Duque de Olivares*. Barcelona: Crítica, 1990. *The Count-Duke of Olivares, The Statesman in an Age of Decline*. New Haven, CT: Yale University Press, 1986.

Ellman, M. "Changing Views on Central Economic Planning 1958/1983." *The ACES Bulletin*, no. 25(1983): 11–29.

Ellman, M. "Economic Calculation in Socialist Economies." In *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, 31. Vol.2. London: Macmillan, 1987.

Ellman, M. *Socialist Planning*. 2nd ed. Cambridge University Press, 1989.

Enders, A. M. "Menger, Wieser, Böhm-Bawerk and the Analysis of Economic Behaviour." *History of Political Economy* 23, no. 2 (summer 1991): 279–299.

Engels, F. *Anti-Dühring: Herr Eugen Dühring's Revolution in Science*. Trans. Emile Burns. Moscow: Progress Publishers, 1947.

Extain, A., ed. *Comparison of Economic Systems: Theoretical and Methodological Approaches*. Berkeley: University of California Press, 1971.

Felipe, L. *Obras Completas*. Buenos Aires: Losada, 1963.

Ferguson, A. *An Essay on the History of Civil Society*. London: T. Caddel in the Strand and Edinburgh: A. Kincaid, W. Creech, and J. Beel, 1767.

Feucht, M. *Theorie des Konkurrenzsozialismus*. Stuttgart: G. Fischer, 1983.

Friedman, D. *The Machinery of Freedom*. 2nd ed. Illinois: Open Court, 1989.

Friedman, M. "Lerner on the Economics of Control." *Journal of Political Economy* (October 1947): 405–416.

Friedman, M. *Market or Plan?* London: Centre for Research into Communist Economies, 1984.

Furubotn, E. and S. Pejovich. "Property Rights, Economic Decentralization and the Evolution of the Yugoslav Firm." *Journal of Law and Economics*, no. 16 (1973): 275–302.

Garello, J. "Cultural Protectionism." *Mont Pèlerin Regional Meeting (Paris, 1984)*.

García Villarejo, A., and J. Salinas Sánchez. *Manual de Hacienda Pública, General y de España*. Madrid: Tecnos, 1985.

Gardner, R. "L. V. Kantorovich: The Price Implications of Optimal Planning." *Journal of Political Literature* 28 (June 1990): 638–648.

Gillaspie, S. "Are Economic Statistics Overproduced?" *Public Choice* 67, no. 3 (December 1990): 227–242.

Gödel, K. "Über formal unentscheidbare Sätze der 'Principia Mathematica' und verwandter Systeme I." *Monatshefte für Mathematik und Physik*, no. 38, pp. 173–198. Appears in English in the *Collected Works of Kurt Gödel*. Oxford: Oxford University Press, 1986.

Gossen, H. H. *Entwicklung der Gesetze des Menschlichen Verkehrs und der daraus fliessenden Regeln für menschliches Handeln*. Braunschweig: Friedrich Vieweg & Sohn, 1854. English translation by Rudolph C. Blitz, *The Laws of Human Relations*

and the Rules of Human Action Derived Therefrom. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1983.

Gould, J. P., and C. E. Ferguson. *Microeconomic Theory*. 5th ed. Illinois: Richard D. Irwin, 1980.

Le Grand, J., and S. Estrin, eds. *Market Socialism*. Oxford: Clarendon Press, 1989.

Granick, D. "Central Physical Planning Incentives and Job Rights." In *Comparative Economic Systems: Present Views*, ed. A. Zimbalist. Boston: Kluwer-Nijhoff, 1984.

Gray, J. *Liberalisms: Essays in Political Philosophy*. London: Routledge, 1989.

Hahn, F. "On Market Economics." In *Thatcherism*, ed. Robert Skidelsky. London: Chatto & Windus, 1988.

Halm, G. "Further Considerations on the Possibility of Adequate Calculation in a Socialist Community." Trans. H. E. Batson. In *Collectivist Economic Planning*, ed. F. A. Hayek. 1935, pp. 131–200.

Hardin, G. "An Operational Analysis of Responsibility." In *Managing the Commons*, ed. Garret Hardin and John Baden. San Francisco: W. H. Freeman, 1977.

Hardt, J. P. and others, eds. *Mathematics and Computers in Soviet Economic Planning*. New Haven, Connecticut: Yale University Press, 1967.

Hayek, F. A. "Nature and History of the Problem." In *Collectivist Economic Planning*. London: Routledge, 1935.

Hayek, F. A. "The Present State of the Debate" (1935). In *Collectivist Economic Planning*, 201–243. Clifton: Augustus M. Kelley, 1975. Reprinted as "Socialist Calculation II: The State of the Debate (1935)." In *Individualism and Economic Order*. Chicago: Gateway Edition, 1972.

Hayek, F. A., ed. *Collectivist Economic Planning*. London: Routledge & Sons, 1935. Reprinted by Augustus M. Kelley, Clifton, 1975.

Hayek, F. A. "Economics and Knowledge." *Económica* 4 (1937): 33–54. Reprinted in *Individualism and Economic Order*. Gateway Edition. Chicago, Henry Regnery, 1972.

Hayek, F. A. "Socialist Calculation III: The Competitive 'Solution.'" *Económica* 3, no. 26 (May 1940). Reprinted in *Individualism and Economic Order*, 181–208. Gateway Edition. Chicago: Henry Regnery, 1972.

Hayek, F. A. "The Use of Knowledge in Society." *American Economic Review* 35, no. 4 (September 1945): 519–530. Also in *Individualism and Economic Order*. Gateway Edition. Chicago: Henry Regnery, 1972.

Hayek, F. A. *The Counter-Revolution of Science*. Glencoe, New York: Free Press, 1952. There is an excellent reprint by Liberty Press, Indianapolis, 1979.

Hayek, F. A. *The Constitution of Liberty*. Chicago: University of Chicago Press, 1959.

Hayek, F. A. "The Results of Human Action but Not of Human Design." In *Studies in Philosophy, Politics and Economics*. New York: Simon and Schuster, 1969.

Hayek, F. A. *The Road to Serfdom*. Chicago: University of Chicago Press, 1972. (First edition, 1944.)

Hayek, F. A. *Law, Legislation and Liberty*. Vol. 1, *Rules and Order*. Vol. 2, *The Mirage of Social Justice*. Vol. 3, *The Political Order of a Free People*. Chicago: University of Chicago Press, 1973, 1976, and 1979.

Hayek, F. A. "Competition as a Discovery Procedure." In *New Studies in Philosophy, Politics, Economics and the History of Ideas*. London: Routledge and Kegan Paul, 1978.

Hayek, F. A. *The Sensory Order*. Midway Reprint. Chicago: University of Chicago Press, 1976. (First edition, 1952.)

Hayek, F. A. "Dr. Bernard Mandeville." In *New Studies in Philosophy, Politics, Economics and the History of Ideas*. London: Routledge and Kegan Paul, 1978.

Hayek, F. A. "The New Confusion about Planning." In *New Studies in Philosophy, Politics, Economics and the History of Ideas*. London: Routledge and Kegan Paul, 1978.

Hayek, F. A. "Two Pages of Fiction: The Impossibility of Socialist Calculation." *Economic Affairs* (April 1982). Reprinted in *The Essence of Hayek*, ed. Chiaki Nishiyama and Kurt R. Leube, 53–61. Stanford: Hoover Institution Press, 1984.

Hayek, F. A. "The Moral Imperative of the Market." In *The Unfinished Agenda: Essays on the Political Economy of Government Policy in Honour of Arthur Seldon*. London: Institute of Economic Affairs, 1986.

Hayek, F. A. *The Fatal Conceit: The Errors of Socialism*. Chicago: University of Chicago Press, 1988.

Hayek, F. A. *The Trend of Economic Thinking: Essays on Political Economists and Economic History*. Vol. 3 of *The Collected Works of F. A. Hayek*. London: Routledge, 1991.

Hayek, F. A. *Socialismo y guerra*. Vol. 10 of *Obras Completas de F. A. Hayek*. Madrid: Unión Editorial, 1998.

Heertje, A. "Nicolaas Gerard Pierson." *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, 87. Vol. 3. London: Macmillan, 1987.

Heilbronner R. "The Triumph of Capitalism." *The New Yorker* (January 23, 1989).

Heilbronner, R. "Analysis and Vision in the History of Modern Economic Thought." *Journal of Economic Literature* 28 (September 1990): 1097–1114.

Heimann, E. *Mehrwert und Gemeinwirtschaft. Kritische und Positive Beiträge zur Theorie des Sozialismus*. Berlin: Robert Engelmann, 1922.

Hilferding, R. "Böhm-Bawerks Marx-Kritik." In *Marx-Studien*. Vol. 1. Vienna: I. Brand, 1904.

Hoff, T. J. B. *Okonomisk Kalkulanjon i Socialistiske Samfund*. Oslo: H. Ashekovg, 1938. Translated into English by M. A. Michael as *Economic Calculation in the Socialist Society*. London: William Hodge, 1949, and Indianapolis: Liberty Press, 1981.

Hoff, T. J. B. *Economic Calculation in the Socialist Society*. Indianapolis: Liberty Press 1981.

Hoppe, H. H. *A Theory of Socialism and Capitalism*. Amsterdam and London: Kluwer Academic Publishers, 1989.

Hoselitz, B. F. "The Early History of Entrepreneurial Theory." *Explorations in Entrepreneurial History* 3, no. 4 (April 1956).

Huberman, B. A., ed. *The Ecology of Computation*. Amsterdam: North Holland, 1988.

Huerta De Soto, J. "La Teoría Austríaca del Ciclo Económico." *Moneda y Crédito*, no. 152 (March 1980). Reprinted in *Lecturas de Economía Política*, ed. J. Huerta de Soto, 241–256. Vol. 1. Madrid: Unión Editorial, 1986.

Huerta De Soto, J. "Derechos de Propiedad y Gestión Privada de los Recursos de la Naturaliza." *Cuadernos del Pensamiento Liberal* (Madrid: Unión Editorial), no. 2 (Marh 1986): 13–30. Reprinted in *Lecturas de Economía Política*, ed. J. Huerta de Soto, 25–45. Vol. 3. Madrid: Unión Editorial, 1987.

Huerta De Soto, J., ed. *Lecturas de Economía Política*. 3 vols. Madrid: Unión Editorial 1986–1987.

Huerta De Soto, J. "Conjectural History and Beyond." In "'The Fatal Conceit' by F. A. Hayek, A Special Symposium." *Humane Studies Review* 6, no. 2 (winter 1988–1989): 10.

Huerta De Soto, J. "Prólogo" to *Hayek: Su contribución al pensamiento político y económico de nuestro tiempo*, by Eamonn Butler, 9–15. Madrid: Unión Editorial, 1990.

Huerta De Soto, J. "La Crisis del Paradigma Walrasiano." *El País* (Madrid), 17 December 1990, p. 36.

Huerta De Soto, J. "Prólogo" to *La Fatal Arrogancia: Los Errores del Socialismo*. Vol. 1 of *Obras Completas de F. A. Hayek*, 13–27. Madrid: Unión Editorial, 1990.

Huerta De Soto, J. "El Fracaso del Estado 'Social.'" *ABC* (Madrid), 8 April 1991, pp. 102–103.

Huerta De Soto, J. "F. A. Hayek: Los Fundamentos de la Economía Liberal." *Revista de Economía* (Madrid: Consejo General de Colegios de Economistas de España), no. 12 (1992): 121–125.

Huerta De Soto, J. "The Economic Analysis of Socialism." Chap. 14 in *New Perspectives on Austrian Economics*, ed. Gerrit Meijer. London and New York: Routledge, 1995.

Hume, D. *A Treatise of Human Nature*. Oxford: Oxford University Press, 1981.

Hurwicz, L. "Centralization and Decentralization in Economic Processes." In *Comparison of Economic Systems: Theoretical and Methodological Approaches*, ed. Alexander Extein. Berkeley: University of California Press, 1971.

Hurwicz, L. "The Design of Mechanisms for Resource Allocation." *American Economic Review* 2, no. 63 (May 1973).

Hurwicz, L. "Economic Planning and the Knowledge Problem: A Comment." *Cato Journal* 4, no. 2 (autumn 1984).

Ingrao, B. and G. Israel. *La Mano Invisible*. Roma-Bari: Laterza & Figli, 1987. Translated into English by Ian McGilvray as *The Invisible Hand: Economic Equilibrium in the History of Science*. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1990.

Jaffé, W. *Correspondence of Léon Walras and Related Papers*. Amsterdam: North Holland, 1965.

Jasay, A. *De Market Socialism: A Scrutiny. This Square Circle*. Occasional Paper 84. London: Institute of Economic Affairs, 1990.

John Paul, II. *Laborem Exercens*. 1981.

John Paul, II. *Centesimus Annus*. 1991.

Käser, M. C. "Strumilin." *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, 534. Vol. 4. London: Macmillan, 1987.

Kauder, E. "Intellectual and Political Roots of the Older Austrian School." *Zeitschrift für Nationalökonomie*, no. 17, pp. 441–425. Reprinted in *Austrian Economics*, ed. Stephen Littlechild. Vermont: Edward Elgar, 1990.

Kautsky, K. *The Social Revolution and On the Morrow of the Social Revolution*. London: Twentieth Century Press, 1907.

Kautsky, K. *Die Proletarische Revolution und ihr Programm*. Dietz Nachfolger, 1922.

Keynes, J. M. *Two Memoirs*. London: Rupert Hart-Davies, 1949.

Keizer, W. "Two Forgotten Articles by Ludwig von Mises On the Rationality of Socialist Economic Calculation." *The Review of Austrian Economics* (Massachusetts: Lexington Books) 1, no. 1 (1987): 109–122.

Keizer, W. "Recent Reinterpretations of the Socialist Calculation Debate." In *Austrian Economics: Roots and Ramifications Reconsidered*, ed. J. J. Krabbe, A. Wentjes, and H. Visser. Bradford: MCB University Press, 1989.

Keizer, W. "The Property Rights Basis of von Mises' Critique of Socialism." Manuscript awaiting publication. Presented at the First European Conference on Austrian Economics, Maastricht, 9–10 April 1992.

Kirzner, I. M. *Competition and Entrepreneurship*. Chicago: University of Chicago Press, 1973.

Kirzner, I. M. *Perception, Opportunity and Profit*. Chicago: University of Chicago Press, 1979.

Kirzner, I. M. "Prices, the Communication of Knowledge and the Discovery Process." In *The Political Economy of Freedom: Essays in Honor of F. A. Hayek*. Munich: Philosophia Verlag, 1984.

Kirzner, I. M. *Discovery and the Capitalist Process*. Chicago: University of Chicago Press, 1985.

Kirzner, I. M. "Austrian School of Economics." In *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, 145–151. Vol. 1. London: Macmillan, 1987.

Kirzner, I. M. "The Economic Calculation Debate: Lessons for the Austrians." In *The Review of Austrian Economics*, 1–18. Vol. 2. Massachusetts: Lexington Books, 1988.

Kirzner, I. M. *Discovery, Capitalism and Distributive Justice*. Oxford: Basil Blackwell, 1989.

Kirzner, I. M. *The Meaning of Market Process: Essays in the Development of Modern Austrian Economics*. London: Routledge, 1991.

Knaack, R. "Comparative Economics: Lessons from Socialist Planning." In *Comparative Economic Systems: Present Views*, ed. A. Zimbalist. Boston: Kluwer-Nijhoff, 1984.

Kornai, J. *Antiequilibrium: On Economic Systems Theory and the Task of Research*. Amsterdam: North Holland, 1971.

Kornai, J. *Economics of Shortage*. Amsterdam: North Holland, 1980.

Kornai, J. *Growth, Efficiency, Shortages*. Berkeley: University of California Press, 1982.

Kornai, J. "The Hungarian Reform Process." *Journal of Economic Literature* 24, no. 4 (December 1986).

Kornai, J. *Vision and Reality: Market and State*, New York: Harvester Wheatsheaf, 1990.

Kotarbinski, T. *Praxiology: An Introduction to the Sciences of Efficient Action*. Warsaw: Polish Scientific Publishers, 1965.

Kowalik, T. "Oskar Lange's Lectures on the Economic Operation of a Socialist Society." *Contributions to Political Economy*, no. 6 (1986): 1–24.

Kowalik, T. "Lange-Lerner Mechanism." In *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, 129–131. Vol. 3. London: Macmillan, 1987.

Kowalik, T. "Oskar Ryszard Lange." In *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, 123–129. Vol. 3. London: Macmillan, 1987.

Kripke, S. *Wittgenstein. On Rules and Private Language*. Harvard: Harvard University Press, 1982.

Kukathas, Ch. *Hayek and Modern Liberalism*. Oxford: Clarendon Press, 1989.

Lachmann, L. M. "Methodological Individualism and the Market Economy." In *Capital, Expectations and the Market Process: Essays on the Theory of the Market Economy*. Kansas City: Sheed, Andrews & McMeel, 1977.

Landauer, C. *Planwirtschaft und Verkehrswirtschaft*. Munich: Duncker & Humblot, 1931.

Lange, O., and M. Breit. "Droga do socjalistycznej gospodarki planowej" (The road to a socialist planned economy). Chap. in *Gospodarka-polityka-taktyka-organizacja socjalizmu* (Political economy and strategy of the organization of socialism).

Warsaw, 1934. Reprinted in *Dziela* (Works). Vol. 1. Warsaw: Polski Wydawnictwo Economiczne, 1973.

Lange, O. "On the Economic Theory of Socialism: Part I." *Review of Economic Studies* 4, no. 1 (October 1936): 53–71.

Lange, O. "On the Economic Theory of Socialism: Part II." *Review of Economic Studies* 4, no. 2 (February 1937): 123–142.

Lange, O. "On the Economic Theory of Socialism." In *On the Economic Theory of Socialism*, edited with an introduction by Benjamin M. Lippincott. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1938. Second edition, New York: McGraw Hill, 1964, pp. 55–143.

Lange, O. "The Economic Operation of a Socialist Society: I & II." Lectures delivered May 8 and 15, 1942, and edited and published by Tadeusz Kowalik in *Contributions to Political Economy*, no. 6 (1987): 1–24.

Lange, O. "Gospodarcze podstawy demokracji w Polsce" (Economic foundations of democracy in Poland). In *Ku gospodarcze planowej* (Toward a centrally-planned economy). London, 1943.

Lange, O. "The Practice of Economic Planning and the Optimum Allocation of Resources." *Econometrica* (July 1949): 166 ff.

Lange, O. *Zagadnienia ekonomii politycznej w swietle pracy J. Stalina* "Ekonomiczne problemy socjalizmu w ZSRR" (Economic policy problems in light of J. Stalin's work, "Economic Problems of Socialism in the USSR»). Warsaw, 1953.

Lange, O. *Political Economy*. Vol. 1, *General Problems*. London: Pergamon Press, 1963.

Lange, O. "The Computer and the Market" (1967). In *Socialist Economics*, ed. Alec Nove and D. M. Nuti. Middlesex: Penguin Books, 1972. Originally published in *Socialism, Capitalism and Economic Growth: Essays Presented to M. Dobb*, ed. C. H. Feinstein. Cambridge University Press, 1967.

Lange, O. *Ensayos sobre Planificación Económica*. Barcelona: Ariel Quincenal, 1970. Lange, O., ed. *Problems of Political Economy of Socialism*. New Delhi: People's Publishing House, 1962.

Lange, O. *Ekonomia Polityczna*. Vol. 2. Warsaw: Panstwowe Wydawnictwo Naukowe, 1968.

Langlois, R. N., ed. *Economies as a Process: Essays in the New Institutional Economics*. New York: Cambridge University Press, 1986.

Laski, K. "Condiciones para el Equilibrio General entre Producción y Consumo." In *Problemas de Economía Política del Socialismo*, ed. Oskar Lange. Mexico: F. C. E., 1974. In English, *Problems of Political Economy of Socialism*. New Delhi: People's Publishing House, 1962.

Lavoie, D. "A Critique of the Standard Account of the Socialist Calculation Debate." *The Journal of Libertarian Studies: An Interdisciplinary Review* 5, no. 1 (winter 1981): 41–87.

Lavoie, D. *The Market as a Procedure for Discovery and Conveyance of Inarticulate Knowledge*. Working Paper, Department of Economics, George Mason University, November 1982. See also *Comparative Economic Studies* 28, no. 1 (1986): 1–19.

Lavoie, D. "Leontief and the Critique of Aggregative Planning." In *National Economic Planning: What is Left?* Cambridge, Massachusetts: Ballinger Publishing Company, 1985.

Lavoie, D. *Rivalry and Central Planning*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

Lavoie, D. *National Economic Planning: What is Left?* Cambridge, Massachusetts: Ballinger, 1985.

Lavoie, D., H. Baetjer, and W. Tulloh. "High-Tech Hayekians: Some Possible Research Topics in the Economics of Computation." *Market Process* (George Mason University) 8 (spring 1990): 120–146.

Leichter, O. *Die Sprengung des Kapitalismus: Die Wirtschaftspolitik der Sozialisierung*. Vienna: Verlag der Wiener Volksbuchhandlung, 1923.

Lenin, V. I. *Die nächsten Aufgaben der Sowjetmacht*. Berlin, 1918.

Leoni, B. *Freedom and the Law*. Enlarged 3rd edition. Indianapolis: Liberty Press, 1991. (First edition 1961).

Lépage, H. "Peut-on planifier une économie de marché?" In *Demain Le Libéralisme*. Paris: Librairie Générale Française, 1980.

Lépage, H. *Planification et Économie de Marché*. Paris: Institut Économique, 1983.

Lerner, A. P. "Economic Theory and Socialist Economy." *Review of Economic Studies*, no. 2 (October 1934).

Lerner, A. P. "A Rejoinder." *Review of Economic Studies*, no. 2 (February 1935).

Lerner, A. P. "A Note on Socialist Economics." *Review of Economic Studies*, no. 4 (October 1936).

Lerner, A. P. "Statics and Dynamics in Socialist Economics." *Economic Journal*, no. 47 (June 1937).

Lerner, A. P. "Theory and Practice of Socialist Economies." *Review of Economic Studies*, no. 6 (October 1938).

Lerner, A. P. *The Economics of Control*. New York: Macmillan, 1944.

Levy, D. M. "The Bias in Centrally Planned Prices." *Public Choice* 67, no. 3 (December 1990): 213–226.

Lindahl, E. *Studies in the Theory of Money and Capital*. New York: Augustus M. Kelley, 1970.

Lindbeck, A. *The Political Economy of the New Left*. New York: Harper and Row, 1971.

Lippincott, B. M., ed. *On the Economic Theory of Socialism*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1938. Second edition, New York: McGraw Hill, 1964.

Littlechild, S. *Austrian Economics*. 3 vols. London and Vermont: Edward Elgar, 1990.

Lorenz, K. *Aspects of Form*. London: L. L. Whyte, 1951.

Lugo, J. De. *Disputationes de iustitia et lure*. Lyon, 1643.

Lutz, V. *Central Planning for the Market Economy*. London: Longmans, 1969.

Maarseveen, J. G. *Nicolaas G. Pierson*. Rotterdam: Erasmus University, 1981.

Machado, A. *Poesías Completas*. Oreste Macri Critical Edition. Madrid: Espasa Calpe, 1989.

Machlup, F. "Closing Remarks." In *The Economics of Ludwig von Mises: Toward a Critical Reappraisal*, ed. Laurence S. Moss. Kansas City: Sheed and Ward, 1976.

Machlup, F. *Knowledge: Its Creation, Distribution and Economic Significance*. Vol. 3, *The Economics of Information and Human Capital*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1984.

Mackay, Th., ed. *A Plea for Liberty: An Argument against Socialism and Socialistic Legislation, Consisting of an Introduction by Herbert Spencer and Essays by Various Writers*. Indianapolis: Liberty Classics, 1981.

Malinvaud, E. "Decentralized Procedures for Planning." In *Activity Analysis in the Theory of Growth and Planning*. London: Macmillan, 1967.

Malinvaud, E. "A Planning Approach to the Public Good Problem." *The Swedish Journal of Economics* 73 (March 1971): 96–112.

Mallock, W. H. *A Critical Examination of Socialism* (1908). Reprinted in 1990 by Transaction Publishers, New Brunswick.

Mara ón, G. *Cajal: Su Tiempo y el Nuestro*. In *Obras Completas*. Vol. 7. Madrid: Espasa Calpe, 1971.

Mara ón, G. *El Greco y Toledo*. In *Obras Completas*. Vol. 7. Madrid: Espasa Calpe, 1971.

Marchi, N. De and M. Blaug. *Appraising Economic Theories: Studies in the Methodology of Research Programs*. Aldershot, England: Edward Elgar, 1991.

Marcos De La Fuente, J. *El empresario y su función social*. 3rd ed. Madrid: Fundación Cánovas del Castillo, 1983.

Martínez-Alier, J. *Ecological Economics: Energy, Environment and Society*. 2nd ed. Oxford: Basil Blackwell, 1990.

Marx, K. *Capital: A Critique of Political Economy*. Vol. 1, *The Process of Capitalist Production*. New York: International Publishers, 1967. (First edition 1867).

Marx, K. *Grundrisse: Foundations of the Critique of Political Economy*. New York: Random House, 1973.

Marx, K. "The Civil War in France: Address of the General Council." In *The First International and After: Political Writings*, ed. D. Fernbach, 187–268. Vol. 3. New York: Random House, 1974.

Marx, K. "Critique of the Gotha Programme" (1891). In *The First International and After: Political Writings*, 339–359. Vol. 3. New York: Random House, 1974. Also published in vol. 3 of *Marx-Engels Selected Works*. Moscow: Progress Publishers, 1970.

Matte Larrain, E., ed. *Cristianismo, Sociedad Libre y Opción por los Pobres*. Chile: Centro de Estudios Públicos, 1988.

Mayer, H. "Der Erkenntniswert der Funktionellen Preistheorien." In *Die Wirtschaftstheorie der Gegenwart*, 147–239b. Vol. 2. Vienna: Verlag von Julius Springer, 1932.

Meade, J. E. *Planning and the Price Mechanism: The Liberal Socialist Solution*. London: George Allen and Unwin, 1948.

Meade, J. E. *The Controlled Economy*. London: George Allen and Unwin, 1971.

Meade, J. E. *The Theory of Indicative Planning*. Manchester: Manchester University Press, 1990.

Menger, C. Untersuchungen über die Methode der Socialwissenschaften und der Politischen Ökonomie insbesondere. Leipzig: Duncker & Humblot, 1883.

Menger, C. *Investigations into the Method of the Social Sciences with Special Reference to Economics*. New York: New York University Press, 1985. Foreword by Lawrence H. White and translation by Francis J. Nock.

Migué, J. L., and G. Bélanger. "Toward a General Theory of Managerial Discretion." *Public Choice*, no. 17 (1974): 27–43.

Mill, S. *Principles of Political Economy*. Fairfield: Augustus M. Kelley, 1976.

Miller, D. *Market, State and Community: Theoretical Foundations of Market Socialism*. Oxford: Clarendon Press, 1989.

Miller, M. S., and K. E. Drexel. "Market and Computation: Agoric Open Systems." In *The Ecology of Computation*, ed. B. A. Huberman. Amsterdam: North Holland, 1988.

Mises, L. von. *Theorie des Geldes und der Umlaufsmittel*. Munich and Leipzig: Duncker & Humblot, 1912 and 1924. Translated into English by H. E. Batson, with an introduction by Murray N. Rothbard, *The Theory of Money and Credit*. Liberty Classics. Indianapolis: Liberty Press, 1980.

Mises, L. von. "Die Wirtschaftsrechnung im sozialistischen Gemeinwesen," In *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, no. 47 (1920): 86–121. Translated into English by S. Adler as "Economic Calculation in the Socialist Commonwealth." In *Collectivist Economic Planning*, ed. F. A. Hayek. Clifton: Augustus M. Kelley, 1975.

Mises, L. von. *Socialism: An Economic and Sociological Analysis*. 3rd ed. Indianapolis: Liberty Press, 1981. English translation by J. Kahane of *Die Gemeinwirtschaft: Untersuchungen über den Sozialismus*. Jena: Gustav Fischer, 1922.

Mises, L. von. "Neue Beiträge zum Problem der sozialistischen Wirtschaftsrechnung." In *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, no. 51 (1924): 488–500.

Mises, L. von. "Neue Schriften zum Problem der sozialistischen Wirtschaftsrechnung." In *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, no. 60 (1928): 187–190.

Mises, L. von. *Kritik des Interventionismus*. Jena: Gustav Fischer Verlag, 1929 and 1976. English translation, *A Critique of Interventionism*. New York: Arlington House Publishers, 1977.

Mises, L. von. "Les équations de l'économie mathématique et le problème de calcul économique en régime socialiste." *Revue de Économie Politique* (1938): 1055–1062. Reprinted in the same journal, vol. 6, no. 97 (November–December 1987).

Mises, L. von. *Nationalökonomie: Theorie des Handelns und Wirtschaftens*. 2nd ed. The International Carl Menger Library. Munich: Philosophia Verlag, 1980. (First edition, Geneva: Editions Union, 1940).

Mises, L. von. *Theory and History*. Yale: Yale University Press, 1957.

Mises, L. von. *Human Action: A Treatise on Economics*. 3rd revised ed. Chicago: Henry Regnery Company, 1966.

Mises, L. von. *Bureaucracy*. New Rochelle, New York: Arlington House, 1969.

Mises, L. von. *Liberalism*. San Francisco: Cobden Press, 1985.

Mises, L. von. *Notes and Recollections*. South Holland, Illinois: Libertarian Press, 1978.

Mises, L. von. *Economic Calculation in the Socialist Commonwealth*. 1990 reprint, with an introduction by Yuri N. Maltsev and Jacek Kochanowicz, and a postscript entitled "Why a Socialist Economy is Impossible," by Joseph T. Salerno. Alabama: Ludwig von Mises Institute, Auburn University.

Mitchel, W. *The Anatomy of Government Failures*. Los Angeles: International Institute of Economic Research, 1979.

Montesquieu. *Oeuvres Complètes*. Avec des notes de Dupin, Crevier, Voltaire, Mably, Servan, La Harpe, etc. Paris: Chez Firmin Didot Frères, Libraires, 1843.

Moreno, F. "El Trabajo según Juan Pablo II." In *Cristianismo, Sociedad Libre y Opción por los Pobres*, ed. Eliodoro Marte Larrain. Santiago de Chile: Centro de Estudios Públicos, 1988.

Moss, L. S., ed. *The Economics of Ludwig von Mises: A Critical Reappraisal*. Kansas City: Sheed and Ward, 1976.

Mulgen, G. "The Power of the Weak." *Marxism Today* (December 1988).

Musgrave, R. A. "National Economic Planning: The U. S. Case." *American Economic Review*, no. 67, part one (February 1977): 50—54.

Naishul, V. A. *The Supreme and Last Stage of Socialism*. London: Centre for Research into Communist Economies, 1991.

Nelson, R. R. "Assessing Private Enterprise: An Exegesis of Tangled Doctrine." *Bell Journal of Economics* 1, no. 12 (spring 1981).

Negishi, T. "T tonnement and Recontracting." In *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, 589—595. Vol. 4. London: Macmillan, 1987.

Neuberger, E. "Liebermanism, Computopia and Visible Hand: The Question of Informational Efficiency." *American Economic Review*. Papers and Proceedings (May 1966).

Neurath, O. *Durch die Kriegswirtschaft zur Naturalwirtschaft*. Munich: G. D. W. Callwey, 1919. English translation, "Through War Economy to Economy in Kind." In *Empiricism and Sociology*. Dordrecht, Holland: D. Reidel, 1973.

Neurath, O. *Wirtschaftsplan und Naturalrechnung von der sozialistischen Lebensordnung und vom kommenden Menschen*. Berlin: E. Laubsche, 1925.

Nishiyama, Ch. and K. R. Leube, eds. *The Essence of Hayek*. California: Hoover Institution Press, Stanford University, 1984.

Niskanen, W. *Bureaucracy and Representative Government*. Chicago: Adine-Atherton Press, 1971.

Novak, M. *The Catholic Ethic and the Spirit of Capitalism*. New York: Free Press, 1993.

Nove, A. "Planned Economy." In *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, 879—885. Vol. 3. London: Macmillan, 1987.

Nove, A. "Socialism." In *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, 398—407. Vol. 4. London: Macmillan Press, 1987.

Nove, A. *The Economics of Feasible Socialism*. London: Allen and Unwin, 1983.

Nove, A. *Studies in Economics and Russia*. London: Macmillan, 1990.

Nozick, R. *Anarchy, State and Utopia*. New York: Basic Books, 1974.

Nozick, R. *The Examined Life*. New York: Simon and Schuster, 1989.

Nutter, G. W. "Central Economic Planning: The Visible Hand." Chap 15 in *Political Economy and Freedom: A Collection of Essays*. Indianapolis: Liberty Press, 1983.

Nutter, G. W. "Markets Without Property: A Grand Illusion." In *Political Economy and Freedom: A Collection of Essays*. Indianapolis: Liberty Press, 1983.

Oakeshott, M. *Rationalism in Politics*. London: Methuen, 1962.

Oakeshott, M. *On Human Conduct*. Oxford: Oxford University Press, 1975. Clarendon Paperbacks Reprint, Oxford: Clarendon Press, 1991.

Oakeshott, M. *Rationalism in Politics and Other Essays*. With a foreword by Timothy Fuller. Indianapolis: Liberty Press, 1991.

O'Driskoll, G. P., and M. J. Rizzo. *The Economics of Time and Ignorance*. Oxford: Basil Blackwell, 1985.

O'Driskoll, G. P. "A Tribute to F. A. Hayek." *The Cato Journal* 9, no. 2 (autumn 1989): 345–352.

Ortega y Gasset, J. *Mirabeau o el Político*. Vol. 3 of *Obras Completas*. Madrid: Revista de Occidente, 1947.

Pareto, V. *Manuel d'Economie Politique*. Geneva: Librairie Droz, 1966. English translation by Ann S. Schwier, *Manual of Political Economy*. New York: Augustus M. Kelley, 1971.

Pejovich, S. "The Case of Self-Management in Yugoslavia." In *Socialism: Institutional, Philosophical and Economic Issues*, 239–249. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1987.

Penrose, R. *The Emperor's New Mind: Concerning Computers, Minds and the Laws of Physics*. Oxford: Oxford University Press, 1989.

Pierson, N. G. "The Problem of Value in the Socialist Community." In *Collectivist Economic Planning*, English translation by G. Gardiner of the article "Het waardeprobleem in een socialistische Maatschappij." In *De Economist*. Vol. 1. 1902.

Pierson, N. G. *Principles of Economics*, trans. A. Wotzel. Vol. 2. London: Macmillan, 1912.

Pohle, L., and G. Halm. *Kapitalismus und Sozialismus*. 4th ed. Berlin, 1931.

Polanyi, K. "Sozialistische Rechnungslegung." *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, no. 49 (1922): 377–420.

Polanyi, K. “Die funktionelle Theorie der Gesellschaft und das Problem der sozialistischen Rechnungslegung. (Eine Erwiderung an Prof. Mises und Dr. Felix Weil).” *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, no. 52 (1924): 218–228.

Polanyi, M. *The Logic of Liberty*. Chicago: The University of Chicago Press, 1951.

Polanyi, M. *Personal Knowledge*. Chicago: The University of Chicago Press, 1958.

Polanyi, M. *The Study of Man*. Chicago: The University of Chicago Press, 1959.

Polanyi, M. *Knowing and Being*. Chicago: The University of Chicago Press, 1969.

Polanyi, M. “The Republic of Science: Its Political and Economic Theory.” In *Knowing and Being*, ed. Marjorie Grene. Chicago: University of Chicago Press, 1969.

Polanyi, M. “Ciencia, Fe y Sociedad.” *Estudios Públicos* (Journal of the Centro de Estudios Públicos de Santiago de Chile) 29 (summer 1988): 271–330.

Pribram, K. *A History of Economic Reasoning*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1983.

Prybila, J. S. *Market and Plan under Socialism*. Stanford, California: Hoover Institution Press, 1987.

Raga, J. T. “Proceso Económico y Acción Empresarial.” In *Homenaje a Lucas Beltrán*, 597–619. Madrid: Moneda y Crédito, 1982.

Real Academia Española. *Diccionario de la Lengua Española*. 20th ed. Madrid: Espasa Calpe, 1984.

Revel, F. *El estado megalómano*. Madrid: Planeta, 1981.

Roberts, P. C. *Alienation and the Soviet Economy*. New York: Homes & Meier, 1990. (First edition 1971).

Robertson, E. S. “The Impracticability of Socialism.” In *A Plea for Liberty*, ed. Thomas MacKay, 35–79. Indianapolis: Liberty Classics, 1981.

Robbins, L. *The Great Depression*. New York: Macmillan, 1934.

Robbins, L. *Politics and Economics*. London: Macmillan, 1963.

Robbins, L. *Autobiography of an Economist*. London: Macmillan, 1971.

Robbins, L. *An Essay on the Nature and Significance of Economic Science*. London: Macmillan, 1972.

Robbins, L. *Political Economy, Past and Present*. New York: Columbia University Press, 1976.

Rodríguez Braun, C. “Entrevista a F. A. Hayek.” *Revista de Occidente*, no. 58 (March 1986): 124–135.

Roper, W. C. *The Problem of Pricing in a Socialist State*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1931.

Rosenberg, W. G. “Observations on the Soviet Incentive System.” *ACES Bulletin* 19, nos. 3,4(1977): 27–43.

Rothbard, M. N. *Ludwig von Mises: Scholar, Creator and Hero*. Alabama: The Ludwig von Mises Institute, Auburn University, 1988.

Rothbard, M. N. *Man, Economy and State: A Treatise on Economic Principles*. Vol. 2. Los Angeles: Nash Publishing, 1970.

Rothbard, M. N. *Power and Market: Government and the Economy*. 2nd ed. Menlo Park, California: Institute for Humane Studies, 1970.

Rothbard, M. N. “Lange, Mises and Praxeology: The Retreat from Marxism.” In *Toward Liberty: Essays in Honor of L. von Mises on His 90th Birthday*, 307–321. California: Institute for Humane Studies, 1971.

Rothbard, M. N. *For a New Liberty*. New York: Macmillan Publishing, 1973.

Rothbard, M. N. “New Light on the Prehistory of the Austrian School.” In *The Foundations of ‘Modern Austrian Economics*, 52–74. Kansas City: Sheed & Ward, 1976.

Rothbard, M. N. *Individualism and the Philosophy of Social Sciences*. San Francisco: Cato Institute, 1980.

Rothbard, M. N. “Lo Ilusorio del Precio de Monopolio.” In *Lecturas de Economía Política*. Vol. 1. Compiled by Jesús Huerta de Soto. Madrid: Unión Editorial, 1986.

Rothbard, M. N. “The End of Socialism and the Calculation Debate Revisited.” *The Review of Austrian Economics* 5, no. 2 (1991): 51–76.

Rothschild, M. “*Bionomics*”: *The Inevitability of Capitalism*. New York: Henry Holt, 1990.

Rudolf, Archduke (Crown Prince of Austria). Handwritten notes on *Politische Oekonomie*. Heft, January-August, 1876. Österreichisches Staatsarchiv.

Ryle, G. “Knowing How and Knowing That.” In *The Concept of Mind*. London: Hutchinson’s University Library, 1949.

Salas, J. De. *Comentara in Secundam Secundae divi Thomae de Contractibus*. Lyon, 1617.

Salerno, J. T. "Ludwig von Mises as Social Rationalist." *The Review of Austrian Economics*, no. 4 (1990): 36–48.

Salerno, J. T. "Why a Socialist Economy is Impossible." Postscript to Mises, *Economic Calculation in the Socialist Economy*. Alabama: Ludwig von Mises Institute, Auburn University, 1990.

Samuelson, P. A. *Economics*. 13th ed. New York: McGraw Hill, 1989.

Say, J. B. *Traité d'Économie Politique* (1804). Reprint, Geneva: Slatkine, 1982. Translated into English in 1880 by C. R. Princep, *A Treatise on Political Economy*. New York: Augustus M. Kelley, 1971.

Scaramozzino, P. *Omaggio a Bruno Leoni*. Milan: A. Giuffrè, 1969.

Scitovsky, T. "Lerner's Contribution to Economics." *Journal of Economic Literature* 22, no. 4 (December 1984).

Schäffle, A. *Die Quintessenz des Sozialismus*. 13th ed. Gotha: F. A. Berthes, 1891.

Schiff, W. *Die Planwirtschaft und ihre Ökonomischen Hauptprobleme*. Berlin, 1932.

Schumpeter, J. A. *Capitalism, Socialism and Democracy*. London: George Allen and Unwin, 1950.

Schwartz, P. *Empresa y Libertad*. Madrid: Unión Editorial, 1981.

Seco, M. *Diccionario de Dudas y Dificultades de la Lengua Española*. 9th ed. Madrid: Espasa Calpe, 1990.

Seidl, CH. "Allokationsmechanismus, asymmetrische Information und Wirtschaftssystem." *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik* 197, no. 3 (1982): 193–220.

Seldon, A. "Recollections: Before and after 'The Road to Serfdom.' Reflections on Hayek in 1935, 1944, 1960, 1982." In *Hayek's "Serfdom" Revisited: Essays by Economists, Philosophers and Political Scientists on "The Road to Serfdom" after 40 Years*. Hobart Paperback no. 18. London: Institute of Economic Affairs, 1984.

Seldon, A. *Capitalism*. Oxford: Basil Blackwell, 1990.

Sen, A. "Maurice Herbert Dobb." In *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, 910–912. Vol. 1. London: Macmillan, 1987.

Seurot, F. *Les Économies Socialistes*. Presses Universitaires de France, 1983.

Shackle, G. L. *Epistemics and Economies*. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.

Shakespeare, W. *As You Like It*. In *The Riverside Shakespeare*. Boston: Houghton Mifflin Company, 1974.

Sheanan, J. "Planning in France." *Challenge* (March-April 1975).

Skidelsky, R. *John Maynard Keynes*. Vol. 1, *Hopes Betrayed*. London: Macmillan, 1983.

Skousen, M. "Conversation with Robert Heilbroner." *Liberty* 4, no. 6 (July 1991): 45–50, 63, and in *Forbes* (27 May 1991).

Smith, A. *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*, ed. R. K. Campbell and A. S. Skinner. Textual editor W. B. Todd. In *The Glasgow Edition of the Works and Correspondence of Adam Smith*. Indianapolis: Liberty Press, 1981.

Snavely, W. P. *Theory of Economic Systems: Capitalism, Socialism, Corporation*. Columbus, Ohio: Merrill, 1969.

Snowberger, V. "Comment on the 'New Soviet Incentive Model.'" *Bell Journal of Economics* 8, no. 2 (autumn 1977).

Sorman, G. *Esperando a los bárbaros*. Barcelona: Seix Barrai, 1993.

Soto, H. De. *El Otro Sendero: La Revolución Informal*. México: Diana, 1987.

Sowell, T. *Knowledge and Decisions*. New York: Basic Books, 1980.

Stankiewicz, T. "Investment under Socialism." *Communist Economies* 1, no. 2 (1989): 123–139.

Steele, D. R. "The Failure of Bolshevism and its Aftermath." *The Journal of Libertarian Studies: An Interdisciplinary Review* 5, no. 1 (winter 1981): 99–111.

Steele, D. R. "Posing the Problem: The Impossibility of Economic Calculation under Socialism." *The Journal of Libertarian Studies: An Interdisciplinary Review* 5, no. 1 (winter 1981): 7–22.

Stigler, G. *The Citizen and the State*. Chicago: Chicago University Press, 1975.

Streissler, E. W. "The Influence of German Economics on the Work of Menger and Marshall." In *Carl Menger and His Legacy in Economics*, ed. Bruce J. Caldwell, 31–68. Annual

supplement to volume 22, *History of Political Economy*. Durham: Duke University Press, 1990.

Streissler, E. W. "Carl Menger on Economic Policy: the Lectures to Crown Prince Rudolf." In *Carl Menger and His Legacy in Economics*, ed. Bruce J. Caldwell, 107–130. Annual supplement to volume 22, *History of Political Economy*. Durham: Duke University Press, 1990.

Strumilin, S. *Ekonomitscheskaja Shishni*. Nos. 237, 284, and 290. October 23, December 17, and December 24, 1920.

Stuart, V. "Winstbejag versus behoeftenbevrediging." *Overdruk Economist* 76, no. 1. Pp. 18 ff.

Sulzer, G. *Die Zukunft des Sozialismus*. Dresden, 1899.

Sweezy, P. M. *Socialism*. New York: McGraw Hill, 1949.

Tamedly, E. L. *Socialism and International Economic Order*. Caldwell, Idaho: The Caxton Printers, 1969.

Taylor, F. M. "The Guidance of Production in a Socialist State." *American Economic Review* 19, no. 1 (March 1929). Reprinted in *On the Economic Theory of Socialism*, ed. Benjamin E. Lippincott. New York: McGraw Hill, 1964.

Taylor, R. *Action and Purpose*. New Jersey: Humanities Press, 1980.

Temkin, G. "On Economic Reforms in Socialist Countries: The Debate on Economic Calculation under Socialism Revisited." *Communist Economies* 1, no. 1 (1989): 31–59.

Tipler, F. J. "A Liberal Utopia." In "A Special Symposium on 'The Fatal Conceit' by F. A. Hayek." *Humane Studies Review* 6, no. 2 (winter 1988–1989): 4–5.

Tisch, K. *Wirtschaftsrechnung und Verteilung im zentralistisch organisierten sozialistischen Gemeinwesen*. Wuppertal-Elberfeld: University of Bonn, 1932.

Thirlby, G. F. "The Ruler." *South African Journal of Economics* (December 1946). Reprinted in *L. S. E. Essays on Cost*, ed. J. Buchanan and G. F. Thirlby. New York: New York University Press, 1981.

Thomsen, E. F. *Prices and Knowledge: A Market Process Perspective*. London: Routledge, 1992.

Trigo Pórtela, J., and C. Vázquez Arango. *La Economía Irregular*. "Textos i Documents" Collection, 2. Barcelona: Generalitat de Catalunya, Servei Central de Publicacions, 1983.

Trigo Pórtela, J. *Barreras a la Creación de Empresas y Economía Irregular*. Madrid: Instituto de Estudios Económicos, 1988.

Tschayanoff, A. "Zur Frage einer Theorie der Nichtkapitalistischen Wirtschaftssysteme." *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, no. 57 (1923): 577–613.

Turgot, A. R. J. "Éloge de Gournay." In *Ouvres*, 262–291. Vol. 1. Paris: Guillaumin, 1844.

Tullock, G. *The Politics of Bureaucracy*. Washington D. C.: Public Affairs Press, 1965.

Vaughn, K. I. "Economic Calculation under Socialism: The Austrian Contribution." *Economic Enquiry* 18 (October 1980). Reprinted in vol. 3 of *Austrian Economics*, ed. Stephen Littlechild, 332–351. London: Edward Elgar, 1990.

Vaughn, K. I. "Critical Discussion of the Four Papers." In *The Economics of Ludwig von Mises: A Critical Reappraisal*, pp. 107 ff. Kansas City: Sheed and Ward, 1976.

Vaughn, K. I. "Introduction" to *Economic Calculation in the Socialist Society*, by Trygve J. B. Hoff. Indianapolis: Liberty Press, 1981.

Vecchio, G. Del. "L'Opéra Scientifica di Enrico Barone." *Giornale degli Economisti* (November 1925).

Villapalos, G. "Serendipidad." *ABC* (Madrid), 3 January 1992, p. 3.

Ward, B. "Linear Programming and Soviet Planning." In *Mathematics and Computers in Soviet Economic Planning*, ed. John P. Hardt, et. al. New Haven, Connecticut: Yale University Press, 1967.

Ward, B. *The Socialist Economy: A Study of Organizational Alternatives*. New York: Random House, 1967.

Weber, A. *Allgemeine Volkswirtschaftslehre*. 4th ed. Munich and Leipzig, 1932.

Weber, M. *Economy and Society*. Berkeley: University of California Press, 1978. English translation, by several authors, of the work *Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriss der verstehenden Soziologie*. Tübingen, 1921.

Weber, M. "Wirtschaft und Gesellschaft." In *Grundriss der Sozialökonomie*. Vol. 3. Tübingen, 1922.

Weber, M. *The Theory of Social and Economic Organization*. New York: The Press of Glencourt, 1964.

Weil, F. "Gildensozialistische Rechnungslegung. Kritische Bemerkungen zu Karl Polanyi: 'Sozialistische Rechnungslegung' in diesem Archiv 49/2, s.377 ff." *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, no. 52 (1924): 196–217.

Библиография

Weitzman, M. L. "The New Soviet Incentive Model." *Bell Journal of Economics* 8, no. 2 (autumn 1977).

Wicksteed, P. H. *The Common Sense in Political Economy*. 2nd ed. London: Routledge, 1933. There is also a reprint from Augustus M. Kelley, New York, 1967.

Winiiecki, J. *Economic Prospects: East and West. A View from the East*. London: Centre for Research into Communist Economies, 1987.

Winiiecki, J. *The Distorted World of Soviet-Type Economies*. London: Routledge, 1988 and 1991.

Wieser, F. von. *Der natürliche Wert*. Vienna: A. Holder, 1889. English translation by C. A. Malloch, *Natural Value*. New York: Augustus M. Kelley, 1971.

Wieser, F. von. *Social Economics*. New York: Augustus M. Kelley, 1967. English translation by A. Ford Hinnichs of *Theorie der gessellschaftlichen Wirtschaft*. Tübingen: J. C. B. Mohr, 1914.

Wilczynski, J. *The Economics of Socialism: Principles Governing the Operation of the Centrally Planned Economies in the USSR and Eastern Europe under the New System*. London: George Allen and Unwin, 1978.

Williamson, O. E., and S. G. Winter. *The Nature of the Firm: Origins, Evolution and Development*. Oxford: Oxford University Press, 1991.

Wiseman, J. "Uncertainty, Costs, and Collectivist Economic Planning." *Económica* (May 1953): 234–235. Reprinted in *L. S. E. Essays on Cost*, ed. J. Buchanan and G. F. Thirlby. New York: New York University Press, 1981.

Wiseman, J. "The Theory of Public Utility Price: An Empty Box." In *Oxford Economic Papers*. Oxford: Oxford University Press, 1957. Reprinted in *L. S. E. Essays on Cost*, ed. J. Buchanan and G. F. Thirlby. New York: New York University Press, 1981.

Wood, J. C., and R. N. Woods, eds. *Friedrich A. Hayek: Critical Assessments*. London: Routledge, 1991.

Zassenhaus, H. "Über die ökonomische Theorie der Planwirtschaft." *Zeitschrift für Nationalökonomie* 5 (September 1934). Translated into English as "On the Economic Theory of Planning." *International Economic Papers* 6 (1956): 88–107.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Австрийская школы: главный вклад по Мизесу 199; содержание альтернативной парадигмы 415–416; рост влиятельности 416–417 сн.; обращение Марка Блауга 237 сн.; молодые представители 445

Аморальность как отсутствие принципов: типична для социализма 148–148; самохарактеристика Кейнса как имморалиста 148–149; три смысла, в которых социализм аморален 437 сн.

Анархо-капитализм 103 сн.

Арбитраж 78–79

Б

Байеса теорема 54

Безответственность (типичное последствие социализма): концепция 133; последствия для экологии 134

Безработица (скрытая), как неизбежное следствие социализма 132

Бонусов, или стимулов, система 310, 367–369, 396–399

Бюрократия: игнорирование в модели Ланге типичного поведения бюрократических органов 363–369; тенденция к неограниченному расширению 140; теория Мизеса о пагубном и неизбежном появлении бюрократии при социализме 364–365

В

Вальрас (модель В.), критика статической природы 276

Вальрасианской парадигмы кризис 275 сн.

Вездесущность и всеведение государства 395, 395 сн.

Вероятность: класса 54 сн.; уникального события 54 сн.

Волюнтаризм, как типичная характеристика социализма 134

Временное настоящее, определение Мизеса 79 сн.

Временного предпочтения закон 58

Время, субъективная концепция 52–53

Всеведение и вездесущность государства 395, 395 сн.

Вычислительный, или алгебраический аргумент у Хайека: второстепенное значение по сравнению с эпистемологическим аргументом 253–255; его ненужность и нерелевантность по Мизесу 257–258

Г

Гёделя теорема 68 сн.

Д

Демархия 157

Деньги 79 сн.; определение 83; Менгерова теория происхождения д. 83 сн.; исчезновение в равновесной модели 210; отсутствие настоящих денег в социалистической системе 210–211

Деструкционизм 428; неизбежный результат социализма 428 сн.

Дефицит: как типичное последствие социализма 131; ложный автоматический индикатор метода «проб и ошибок» 263–264; хроническая, повторяющаяся черта социализма 264
Дурбина правила 385–386

З

Закон образования связей 93 сн.
Закон, критика концепции Фомы Аквинского 82 сн. *См. тж:*
Право

И

Издержки, как субъективная концепция 55
Изономия 157
Институты: определение 80; теория возникновения и. Менгера 81
Институциональная агрессия, теория 29. *См. тж:* Принуждение
Интервенционизм 41; как тип социализма 171–173
Информационная прозрачность, одержимость социализма ею 247 сн., 393
Информация. *См.:* Предпринимательское знание
Искусственный интеллект 122 сн.

К

Капитал и процент: субъективистская теория 40; критика теории эффективности капитала 40
Капитализм, как предпринимательская, а не управленческая система 400
Капиталист как предприниматель 86

Капиталистическая система, ее предпринимательская, а не управленческая природа 400
Капитальные блага, определение 345
Кейнс, отсутствие принципов и его имморизм 148–149
Компьютеризация: критика теории Ланге о 378–380; развитие к. и невозможность социализма 119–125
Компьютопия. *См.:* Планометрика
Конкурентное решение (проблемы экономического расчета): исторические прецеденты (Хейман и К. Полани) 298–303; ранняя критика со стороны Мизеса и Хайека 303–314; неявное признание правильности доводов Мизеса 294–298; противоречие 412–415. *См.* Рыночный социализм
Конкуренция: искусственная 299–300; концепция 90–91; этимологическое определение 90 сн.; «мирная» или «дружеская», концепция Хеймана 299–300; и координация 91; и предпринимательство 90–91. *См.:* Псевдоконкуренция
Консерватизм: правый социализм 158–160; критика со стороны Хайека 160
Конструктивистский рационализм 178; и социальная инженерия. *См.:* Сциентизм
Контрспекуляция, концепция Лернера 407 сн.
Координация и приспособление 76; конкуренция 90; как ядро социального процесса 76

Л

Ланге правила 341–342
Ланге, его классическая модель: ее критика 443–471; ее описа-

ние 340–343; две возможные интерпретации 443–444
Ланге–Брейта модель 315–317
Ланге–Лернера правило 351 сн.
Лернера правило 403–404

М

Максимизация, критика 216–218
Маркс: социализм по М. 201–209; его динамическая критика капитализма, включая его взгляды на роль институтов 203; диктатура пролетариата как навязывание нормативного равновесия 202; главная ошибка М. 202; опровержение Мизесом анализа М. 209–212, 223 сн.
Марксизм: как обоснование нормативного равновесия 202; как утопический социализм 205
Математика, критика использования в экономической науке 234–235, 290–291, 291 сн., 387, 388 сн.
Математических экономистов ошибки 290, 291 сн., 388, 388 сн.
Математического равновесия анализ, порождаемые им ошибки и путаница 388, 388 сн.
Математическое решение (проблемы экономического расчета) 242–258; вклад Фреда Тейлора 244; вклад Диккинсона 246; вклад Клэре Тиш 250–251, 251 сн.; негативное влияние на спор 251–258
Межличностный обмен, мостик между внутренней (ординальной) и внешней (кардинальной) реальностями 190 сн.
Метод экономической науки 39; критика позитивизма 440, 440–441 сн.

Механизма распределения ресурсов теория. См.: Планометрика
Мизес: начало спора об экономическом расчете при социализме 177–190; важнейший вклад 177–201; его концепция рыночной цены 211–212; его концепция конкуренции 212; эволюция и резюме его аргументов по поводу невозможности экономического расчета 263 сн.; его первоначальный аргумент против метода проб и ошибок 266–267
Мысленные образы будущего. См.: Ожидания

Н

Нарушение координации и социального хаос 116–132
Население: социализм не способен поддерживать растущую численность н. 187; рост н. как причина и необходимое условие экономического развития 93–96
Научное знание, неявный характер 61, 62 сн., 69 сн.
Нащупывание 341
Неведение (неизбежное), свойственное руководящему органу социалистической системы 106
Неопределенность: перманентный характер 53; ошибка Эрроу в отношении н. 392

О

Обтекаемые фраз 146 сн.
Общественного выбора школа 138, 363–369; критика статистического характера теории 42
Общество: понятие 98; и рынок 98 сн.
Обязательная статистическая отчетность, избыточность 247 сн.

- Ответственность: экономическая концепция 118, 133–134 сн.; отсутствие в социалистических системах 132–133
- Отрасль или сектор, невозможность однозначного определения 308
- П
- Парадокс планирования 52 сн., 119 сн., 130
- Параметрические цены, определение 319
- План, понятие и типы 52 сн.
- Планирование: централизованное 52 сн.; индикативное 37, 51 сн.; парадокс 51 сн., 119 сн., 130
- Планометрика; определение 271 сн.; цели 271–278; разочарование, вызванное п. 273–274 сн.; критика 278–292
- Позитивизм, критика 440–441
- Позитивное законодательство и социализм, аналогии между ними 179
- Полезность: определение 51; предельная (закон п. п.) 58
- Полицентрические и иерархические структуры (теория Полани) 354
- Порядок: понятие 127–128; стихийный 150–151; иерархия и этимология 150–151
- Потребитель как предприниматель 86
- Потребительский рынок, настоящий п. р. отсутствует в модели Ланге 348–349
- Правило средних издержек: критика Дернером Ланге и Дурбина 402
- Право 79; материальное 144, 178. *См. тж:* Закон
- Правящий, или принуждающий, орган, высший уровень в социалистической системе 115–119
- Праксеология 57 сн., 97 сн.
- Предельных издержек правило: ранняя критика со стороны Мизеса и Хайека 303–308; версия Ланге и ее критика 349–358; версия Дернера и ее критика 402–406
- Предпринимательская бдительность 59–60
- Предпринимательская инициатива внутри фирмы (intrepreneurship, внутринимательство) 220
- Предпринимательская ошибка по Кирцнеру 78 сн.
- Предпринимательская прибыль: определение 55–56; и папа Иоанн Павел II 56 сн.; «чистая» предпринимательская прибыль 71
- Предпринимательские убытки 57
- Предпринимательское знание; характеристики 59–78; субъективный и практический характер 60; соотношение между практическим и научным знанием 61–62 сн.; эксклюзивная и рассеянная природа 63–64; неявная и неартикулируемая природа 67–69
- создание и передача 75
- Предпринимательство, как синоним «деятельности» 47–50
- Предпринимательство: широкое определение 47; этимология 48–49; бдительность 59; принципиально творческая природа 70; теологическое отступление 72; вездесущность 85; и конкуренция 90; и концепция социализма 99
- Предприятие, как «фирма» или единица экономической организации 83–84
- Прибавочной ценности теория, критика 205–207, 206 сн.
- Принуждение; типы систематического и несистематического 102–103; определение 101–102 сн.; последствия 106–107

- Проб и ошибок метод 259–271; описание 259–261; критика 261–271; дополнительные ошибки совершенные Ланге 358–361
- Производственные функции 333
- Пропаганда, избыточность в социалистических системах 139
- Профсоюзы, систематическое принуждение и насилие с их стороны 105 сн.
- Процент. См. Ставка процента
- Псевдоконкуренция 306. См. Конкуренция искусственная
- Р**
- Рабочий (как предприниматель) 85
- Разделение знания 93–96; рост населения 94
- Разделение труда. См. Разделение знания
- Разделение умственного труда 193
- Разложение, как неизбежный результат социализма 135–139
- Редкость, предпосылка человеческой деятельности 5
- Рынок и обычное право, аналогия 178
- Рынок труда, настоящий р. т. отсутствует в модели Ланге 348–349
- Рынок: понятие 98; взгляд Ланге на р. как на механизм доэлектронной эпохи 378–379; критика взгляда Ланге 379–380 сн.
- Рыночная цена, понятие, принципиально отличное от понятия параметрической цены 212, 334–338
- Рыночный социализм: критика со стороны Мориса Дobbа 422–423; фарс 297 сн.; внутренняя противоречивость 412–415. См. тж.: Конкурентное решение
- С**
- Солидарность, корректная и ложные концепции 146–147 сн.
- Социализм: основанный на самоуправлении 30; его экспансионистская и волонтаристская природа 134; типы социализма 154–167; как интеллектуальная ошибка 107–110; как опиум народа 151–152; деградация традиционных концепций закона и справедливости 144–148; реальный 154–155; отставание в экономическом, технологическом и культурном развитии 141–144; историческое поражение 25; теоретическая невозможность с точки зрения общества 110–115; теоретическая невозможность с точки зрения общества 115–118; теория предотвращения и демонтажа 44–45; и компьютеры 119–125; его концепция общества 99
- Социалистическая мегаломания 140
- Социальная демократия 155–158
- Социальная инженерия 160–165
- Социальная справедливость, критика концепции 146–147, 146–147 сн., 150
- Социальная этика, новейший вклад представителей австрийской школы 435–436 сн.
- Социальный «большой взрыв» 92 сн.
- Социальный беспорядок 127–132
- Спекуляция 79
- Спор об экономическом расчете при социализме: контекст и предыстория 177–190; итоги 32–33; следствия для будущей экономической теории 38–43
- Справедливая цена 106

Справедливость, неизбежное разложение при социализме 144–149

Спроса и предложения функции: критика функциональной теории цены 388 сн.; не существуют 359, 386–388

Средства, определение 50–51

Ставка процента, произвольное определение в модели Ланге 361–363

Сталинизм, восхваление со стороны Ланге 376–380

Статистика, перепроизводство при социализме 134

Стимулы: определение 87 сн.; два различных смысла термина 398–399

Субъективизм, поредделение 28

Сциентизм 160–165; определение 160 сн.; позитивистский сциентизм чикагской школы 439

Т

Творчество 55; сущность 70; по определению Фомы Аквинского 70 сн.; и предпринимательство (теологическое отступление) 72–73 сн.; творчество versus максимизация 96–98

Теневая экономика 141

Теоретическая невозможность социализма: «статический» аргумент 110–112; динамический аргумент 112–115

Теория и практика, ложная дихотомия 197–198

Техника и социальная инженерия 160–166, 437–438

Техника и экономическая теория, различие 216

Технологическая революция 220

Транзакционные издержки, критика теории 220–221 сн., 412 сн.

У

Удивление, определение 55 сн.

Укрупнение предприятий 218–223

Учет (статистика) и реформа ведения бизнеса: главная ошибка 247–248 сн.; социалистические основания 247, 394

Ф

Финансовый учет 69: учет издержек 69

Формальное сходство: аргумент (между капитализмом и социализмом) 233–242; невозможность исключения категории ценности 235, 236 сн.; невозможность исключения категории процента 237, 237–238 сн.; аргумент Бароне 239–241; аргумент Касселя и Линдаля 241–242

Функциональная теория определения цены 39–40: критика и необходимость замены прагматической теорией 259–360, 387, 388 сн.

Х

Хайек; второстепенное значение, которое он присваивает алгебраическому, или вычислительному, аргументу по сравнению с эпистемологическим 253–255; критическое отношение к фарсу планометрики 284; его концепция «порядка» 227–228; его ключевое различие между рассеянным и централизованным знанием 62 сн., 63–66; его критика неограниченной власти демократии 157; его критика консерватизма 160 сн.

Предметный указатель

Ц

- Цена: динамическая теория 30–40; критика функциональной теории 388 сн.
Ценность: определение 50; отсутствие необходимости в стоимости согласно Энгельсу 208; экономическая категория социализма 237–238

Ч

- Частичное равновесие, маршаллианское 161–162 сн., 274 389–390
Человеческая деятельность: определение 50–51; и редкость 51; предельная полезность и временное предпочтение 58
Чикагская школа: критика 409–412 сн., 416; грубый позитивистский сциентизм 440–441 сн.

Э

- Экономическая проблема: определение (различие между экономической и технологической проблемами) 216–218; нетехнический характер 97
Экономическая теория благосостояния 41–42; ее ошибки 292
Экономическая теория и техника, различие между ними 216–218
Экономическая теория: избыточное определение 51 сн.; объективный характер 57 сн.; цель 98–99 сн.; интересуется духовной реальностью (идеями и знанием), а не объектами 196 сн., 217 сн.
Экономический анализ права, критика этатистской модели 42–43
Экономический расчет: общее определение 66; этимологическое определение 78 сн.;

- деньги и экономический расчет 84; строгое определение 84; определение Мизеса 84–85; невозможность экономического расчета при социализме 107–117; мостик между внутренней (ординальной) и внешней (кардинальной) реальностями 190 сн.; невозможность, вычислительный, или алгебраический, аргумент и эпистемологический аргумент 200; практическая достаточность экономического расчета 214; невозможность расчета в натуральном выражении 213, 223–226; расчет в рабочем времени 226–229; расчет в единицах полезности 229–231
Экономическое равновесие 182; нерелевантность этой теории 197–198
Эксплуатации теория. См.: Прибавочная ценность
Этика: и социализм 44; и эффективность 425 сн.; ожидания 53–54
Эффективность и этика, ложное противопоставление 425 сн.

С

- Ciencismo* 160–161 сн.
Cientificismo 160–161 сн.

К

- Kosmos*, естественный, стихийный порядок 178

§

- Serendipity: определение 55 сн.; история образования термина 55 сн.

Х

- X-inefficiency* 222 сн.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Алле М. (Allais M.) 275
Аллен У. (Allen W. R.) 173
Алчиан А. (Alchian A. A.) 84, 173
Альварес В. А. (Alvarez V. A.) 140
Антонелли (Antonelly E.) 388
Арансон П. (Aranson P. H.) 179
Аргандонья А. (Argandoña A.) 22
Арметано Д. Т. (Armentano D. T.) 437
Арнольд Н. С. (Arnold N. S.) 202

Б

- Баллестерос А. (Ballesteros A.) 162
Баллод К. (Ballod K.) 223, 224
Бароне Э. (Barone E.) 182—185, 239—242, 248, 251, 255, 337, 378
Барри Н. (Barry N. P.) 165, 279, 439
Бауэр О. (Bauer O.) 189, 207
Бейли С. (Bailey S.) 88
Беккер Г. (Becker G.) 26
Беккер Дж. (Becker J.) 390
Бельтран Л. 21 (Beltrán L.)
Бём-Баверк О. (Böhm-Bawerk E. von) 130, 189, 199, 201, 206, 217, 223, 235—239, 388
Бергсон А. (Bergson A.) 357
Бергсон А. (Bergson H.) 53, 59, 103
Бёрк Э. (Burcke E.) 328
Блауг М. (Blaug M.) 18? 237, 292, 329
Блок У. (Block W.) 166
Брейт М. (Breit M.) 315—317
Брус В. (Brus W.) 275, 276, 337, 381, 382
Бруцкус Б. (Brutzkus B.) 188, 226, 228, 230, 429

- Брэдли Р. (Bradley R.) 266, 349
Бухарин Н. И. (Bukharin N. I.) 224, 226
Бьюкенен Дж. (Buchanan J. M.) 56, 364
Бэдджот У. (Bagehot W.) 182
Бэкон Ф. 224
Бэрроу Дж. (Barrow J. D.) 92

В

- Вайль Ф. (Weil F.) 303, 306
Вальрас Л. (Walras L.) 181, 236, 237, 248, 250, 255, 256, 259, 275, 276, 285, 286, 324, 326, 327, 329, 330, 337, 338, 341, 342, 343, 344, 350, 380, 382, 384, 388, 389, 445,
Вебер М. (Weber M.) 186, 187, 189, 231
Визер Ф. фон (Wieser F. von) 186, 217, 236, 238, 239, 243
Вильчинский Ю. (Wilczynski J.) 271, 275
Вильяпалос С (Villapalos C.) 21
Винецкий Я. (Winiecki J.) 132
Вон К. (Vaughn K. L.) 312, 313, 403

Г

- Гандара-Труэба Э. (Gándara Trueba E.) 21
Гарелло Ж. (Garello J.) 143
Гёдель (Gödel K.) 68
Гильфердинг Р. (Hilferding R.) 189, 207
Гонсалес Ф. (González F.) 129
Гонсалес-Перес С. (González Pérez S.) 21
Госсен Г. Г. (Gossen H. H.) 180—181
Гоулд Дж. (Gould J. P.) 351
Грей Дж. (Gray J.) 327

- Гриндер У. (Grinder W.) 20
 Гурвиц Л. (Hurwicz L.) 271, 273,
 276—277, 279, 283, 284, 337
- Д
- Де Мигель К. (De Miguel C.) 21
 Диккинсон Г. (Dickinson H.
 D.) 34, 246—253, 259, 293,
 298—299, 303, 348, 368, гл. 7
 (*passim*)
 Дилоренцо Т. (Di Lorenzo T. J.)
 138
 Добб М. (Dobb M. H.) 35, 246,
 377, 379, 383, 419—429
 Дрекслер К. (Drexler K. E.) 126
 Дурбин (Durbin E. F. M.) 35,
 293, 298, 303, 383—391, 402,
 403, 404, 405
 Дурбин Э. (Durbin E.) 390
- Е
- Егер Л. (Yeager L.) 17
- З
- Зассенхаус Г. (Zassenhaus H.)
 250, 251
 Зульцер Г. (Sulzer G.) 189
- И
- Ильяна-Родригес Э. (Illana Ro-
 dríguez E.) 21
 Инграо Б. (Ingrao B.) 381
 Иоанн Павел II (John Paul II) 56,
 70, 73, 104, 106, 108, 116,
 147
- К
- Кабрильо Ф. (Cabrillo F.) 22
 Каноса-Пенаба Х. Р. (Canosa
 Penaba J. R.) 20
 Канторович Л. В. (Kantorovich L.
 V.) 272
 Кассель Г. (Cassel G.) 241, 242,
 250
- Каутский К. (Kautsky K.) 188—
 189, 225, 230
 Кейв М. (Cave M.) 273
 Кейзер В. (Keizer W.) 196, 228
 Кинг Ч. (King C.) 22
 Кирцнер И. (Kirzner I. M.) 21,
 23, 39, 48, 57, 59, 63, 64, 72,
 78, 84, 90, 98, 130, 137, 165,
 165, 169, 172, 267, 313, 329,
 330, 335, 368, 388, 390, 397,
 408, 435
 Кларк Дж. Б. 412
 Ковалик Т. (Kowalik T.) 317,
 373—378, 408—409
 Коллард Д. (Collard D.) 391
 Корнай Я. (Kornai J.) 132, 264,
 320, 338, 365, 366, 382, 417
 Котарбинский Т. (Kotarbinski
 T.) 50
 Коуз Р. (Coase R. H.) 84, 221
 Кржижановский Г. М. 224
 Кун Х. (Kuhn H.) 254
 Кэзер М. (Käser M. C.) 230
- Л
- Лавой Д. (Lavoie D.) 22, 27, 37,
 38, 70, 126, 202, 255, 272,
 277, 282, 282, 286, 290, 313,
 324, 329, 358, 390—391, 392,
 397, 399, 408
 Ланге О. (Lange O.) 35, 174,
 192, 212, 240, 257, 269, 271,
 275, 276, 278, 284, гл. 6—7
 (*passim*)
 Ланглуа Р. (Langlois R. N.) 329
 Ландауер К. (Landauer C.) 223
 Ласки К. (Laski K.) 275, 337,
 381, 382, 414
 Лейхтер О. (Leichter O.) 192,
 227, 228
 Ленин В. И. 135, 224, 230, 442
 Леони Б. (Leoni B.) 179
 Леонтьев В. (Leontief W.) 37,
 318
 Лепаж А. (Lépage H.) 22
 Лернер А. (Lerner A. P.) 35, 246,
 277, 293, 299, 303, 351, 364,
 гл. 7 (*passim*)

Лиджио Л. (Liggio L.) 20
 Линдаль Э. (Lindahl E.) 242
 Линдбек А. (Lindbeck A.) 289
 Лоренц К. (Lorenz K.) 69
 Луго Х де (Lugo J. de) 116

М

Маарсеveen (Maarseveen J. G.)
 185
 Мальцев Ю. Н. 191
 МанDEVиль Б. (Mandeville B.) 82,
 178
 Мараньон Г. (Marañon G.) 55,
 69, 89
 Маркс К. (Marx K.) 201—212,
 226, 354
 Мартинес-Алиер Х (Martínez-
 Alier J.) 189, 224
 Маршак Дж. (Marshak J.) 228
 Маршалл А. 243, 388, 412
 Масгрейв Р. (Musgrave R.) 274,
 274—275
 Махлуп Ф. (Machlup F.) 219,
 283, 295, 390, 440
 Менгер К. (Menger C.) 80, 81,
 83, 178, 181, 194, 195, 199,
 217
 Мид Дж. (Meade J. E.) 390, 412
 Мизес Л. фон (Mises L.) von
passim
 Миллер Д. (Miller D.) 418
 Милль Дж. С. (Mill J. S.) 49
 Монтескье (Montesquieu) 82,
 180
 Морено Ф. (Moreno F.) 73
 Муссолини Б. 114

Н

Найт Ф. 412
 Найшуль В. А. 142
 Нейрат О. (Neurath O.) 189—
 190, 223, 224, 228
 Нельсон Р. (Nelson R. R.) 292
 Нойбергер Э. (Neuberger E.) 271
 Ноув А. (Nove A.) 173, 254, 255,
 416, 417

О

О'Дрискол Дж. (O'Driscoll G. P.)
 22, 53, 245, 390
 Оукшот М. (Oakeshott M.) 61,
 62

П

Паке К. (Paqué K. H.) 22
 Паредес Х. (Paredes J.) 23
 Парето В. (Pareto V.) 182—185,
 241, 248, 251, 253, 337, 378
 Пастор С (Pastor S.) 22, 23
 Пенроуз Р. (Penrose R.) 68, 122
 Перес де Айала Х. Л. (Pérez de
 Ayala J. L.) 23
 Пирсон Н. (Pierson N. G.)
 185—186, 188, 249
 Полаanyi К. (Polanyi K.) 67, 302,
 303, 306, 315, 316, 317, 356
 Полаanyi М. (Polanyi M.) 61, 62,
 67, 68, 120, 121, 129, 282,
 354
 Поле Л. (Pohle L.) 231
 Преображенский Е. 224
 Прибрам К. (Pribram K.) 265

Р

Рага Х. (Raga J. T.) 22
 Райл Г. (Ryle G.) 67
 Рейг Альбиоль Л. (Reig Albiol L.)
 20, 22, 122
 Рейг Альбиоль Х. (Reig Albiol J.)
 20
 Рикардо Д. 93, 243, 412
 Роббинс Л. (Robbins L.) 93, 97,
 98, 199, 233, 237, 252, 256,
 312—313, 314, 378, 444
 Робертс П. К. (Roberts P. C.)
 353
 Родригес-Браун К. (Rodríguez
 Braun C.) 23, 126
 Ротбард М. (Rothbard M. N.) 20,
 58, 85, 102, 104, 116, 121,
 130, 190, 197, 200, 219, 314,
 380, 407, 412

- Роупер У. (Roper W. C.) 260, 299, 304
 Рудольф, эрцгерцог (Rudolf, Archduke) 194
- С**
 Савиньи 328
 Салас Х. де (Salas J. de) 116
 Салерно Дж. (Salerno J. T.) 17, 191, 196, 199, 200
 Самуэльсон П. А. (Samuelson P. A.) 253, 381, 254, 416
 Секо М. (Seco M.) 161
 Селдон А. (Seldon A.) 416
 Сен А. (Sen A.) 425
 Сервантес М. (Cervantes M.) 49, 152
 Скарф Г. (Scarf H.) 254
 Скидельски Р. (Skidelsky R.) 149, 277
 Скоузен М. (Skousen M.) 296
 Смит А. (Smith A.) 64—65, 94, 178
 Сото Э. де. (Soto H. de) 141—142
 Соуэлл Т. (Sowell T.) 63—64
 Сталин И. В. 377
 Стиглер Дж. (Stigler G.) 439
 Стил Д. Р. (Steele D. R.) 17, 190—191, 442
 Струмилин С. Г. 229—230
 Суизи П. (Sweezy P. M.) 318, 420, 421
 Сэй Ж.-Б. (Say J. B.) 48, 49
- Т**
 Тейлор Р. (Taylor R.) 50
 Тейлор Ф. М. (Taylor F. M.) 34, 244—246, 259, 260, 317, 343
 Темкин Г. (Temkin G.) 338, 372, 414
 Типлер Ф. (Tipler F. J.) 92
 Тирлби Г. (Thirlby G. F.) 56, 353
 Тиш К. (Tisch K.) 241, 250—251
 Триго-Портела Х. (Trigo Pórtela J.) 23, 141
- Тюрго А. Р. Ж. (Turgot A. R. J.) 180
- У**
 Уикстид Ф. Г. (Wicksteed P. H.) 237, 320, 322
 Уорд Б. (Ward B.) 271, 284, 286
 Уэрта-Бальестер Х. (Huerta Bal-lester J.) 20
- Ф**
 Федоренко Н. П. (Fedorenko N.) 254
 Фелипе Л. (Felipe L.) 89
 Фергюсон (Ferguson C. E.) 351
 Фергюсон А. (Ferguson A.) 81
 Фереро-Андерс М. А. (Ferrero Andrés M. A.) 21
 Фома Аквинский (Aquinas St. T.) 52, 61, 70, 82
 Фридмен Д. (Friedman D.) 104
 Фридмен М. (Friedman M.) 409—411, 416
- Х**
 Хайек Ф. А. (Hayek F. A.) *passim*
 Халоупек Г. (Chaloupek G. K.) 231
 Хальм Г. (Halm G.) 242, 251, 300, 301, 306
 Хан Ф. (Hahn F. 277)
 Хейлбронер Р. (Heilbronner R.) 296, 332
 Хейман Э. (Heinmann E.) 299—303, 306, 315, 316, 317, 356
 Хикс Дж. Р. (Hicks J. R.) 381
 Хоппе Г.-Г. (Hoppe H. H.) 17, 136, 159, 169, 435
 Хофф Т. (Hoff T. J. B.) 192, 210, 224, 225, 251, 264, 295, 303, 323, 391, 392, 403, 424, 437
 Хюльсманн Г. (Hülsmann G.) 17

Именной указатель

- Ц
 Цицерон М. Т. (Cicero M. T.)
 179
- Ч
 Чаянов А. В. 223, 224, 226
- Ш
 Шварц П. (Schwartz P.) 22, 48
 Шекспир У. (Shakespeare W.)
 146
 Шеффле А. (Schäffle A.) 181,
 182
 Шифф В. (Schiff W.) 227
 Штрейслер Э. (Streissler E. W.)
 195
 Шумпетер Й. А. (Schumpeter J.
 A.) 240, 241, 250, 251, 284,
 314, 318, 336, 443
- Э
 Элман М. (Ellman M.) 273, 287
 Энгельс Ф. (Engels F.) 208, 209,
 223, 227
 Эндрес (Endres A. M.) 217
 Эрроу К. (Arrow K. J.) 271, 274,
 274—275, 284, 327, 392, 429
- Ю
 Юм Д. (Hume D.) 80, 178
- Я
 Ясаи Э. де (Jasay A. de) 297, 414,
 419
- А
 Arru ada В. 248
- В
 Baetjer H. 126, 290
 Varella A. 152
 Bélanger G. 139
- Bennet J. 272, 290
 Bergum D. F. 290
 Bernholz P. 272, 288
 Boettke P. J. 188
 Borrell J. 388
- С
 Caffé F. 184
 Caldwell B. 440
 Campos J. G. 152
 Cela C. J. 141
 Crozier B. 416
- Д
 Dembinski P. H. 354
- Е
 Elliot I. H. 163
- Ф
 Feucht M. 419
 Furubotn E. 167
- Г
 García Villarejo A. 51
 Gillespie S. 135, 248
- Н
 Hardin G. 134
 Heertje A. 185
 Hoselitz B. F. 49
 Israel G. 381
- Ж
 Jaffé W. 181
- К
 Kauder E. 388
 Kukathas C. 200
- Л
 Lachmann L. M. 363

Именной указатель

M

Malinvaud E. 286
Mallock W. H. 191
Marcos de la Fuente J. 48
Mayer H. 388
Miller M. S. 126
Mitchel W. 139
Mulgen G. 418

N

Negishi T. 341
Niskanen W. 139
Novak M. 74
Nozick R. 71, 104, 435

O

Ortega y Gasset J. 128

P

Pejovich S. 167
Prybyla J. S. 273

R

Revel F. 140
Rizzo M. J. 53
Robertson E. S. 182

Rosenberg W. G. 367
Rothschild M. 134

S

Salinas Sánchez J. 51
Scitovsky T. 403
Seidl C. 272
Seurot F. 224
Shackle G. L. 55
Snowberger V. 367
Sorman G. 144
Stankiewicz T. 371
Stuart V. 231

T

Tamedly E. L. 421
Tullock G. 139
Tulloh W. 126, 290

V

Vázquez Arango C. 141
Vecchio G. del 184

W

Weitzman M. L. 367
Williamson O. E. 221
Winter S. G. 221
Wiseman J. 352, 353

Хесус Уэрта де Сото

СОЦИАЛИЗМ,
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РАСЧЕТ
И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ФУНКЦИЯ

Редактор *Т. Данилова*
Корректоры *А. Андреева*
О. Михайлова
Дизайнер *Е. Тулунова*
Верстка *Д. Зотов*

Подписано в печать 03.12.2008. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Объем 31,0 печ. л. Тираж 2500 экз. Заказ №

АНО «Институт распространения информации
по социальным и экономическим наукам»
Москва, Бизнес-парк «Румянцево»
тел./факс (495) 739-71-75, 739-71-74
www.irisen.ru ; info@irisen.ru

ISBN 978-5-91066-015-5

9785910660155

ВЫШЛИ В СВЕТ

Котликофф Л., Бёрнс С.
Пенсионная система перед бурей
Серия «Экономика»

В этой книге исследуются глубокие структурные пороки современных систем пенсионного обеспечения, действующих в развитых странах. Тщательно анализируя эту проблему на примере США, авторы показывают, что в одной лишь этой стране фискальный разрыв — разница между планируемыми расходами и доходами государства — превышает 51 трлн долл. Это грозит вызвать не только трудности в обеспечении престарелым достойного существования, но и тяжелейший кризис всей международной финансовой системы, который затронет все страны без исключения. Авторы предлагают набор политических мер, позволяющих если не предотвратить грядущую бурю, то, по крайней мере, смягчить ее удар.

Доминик Арментано
Антитраст против конкуренции
Серия «Экономика»

Автор книги — принципиальный противник антимонопольного регулирования. Он убедительно показывает несостоятельность основных постулатов неоклассической теории монополии и конкуренции и на основании этого анализа делает вывод об ошибочности базовых предпосылок антимонопольного регулирования в целом. Основная мысль, которую отстаивает автор, революционна по своей сути: антимонопольное регулирование — это проявление интервенционистской власти государства, используемой частными компаниями в собственных интересах и во вред обществу, а монополистические злоупотребления неразрывно связаны с государственным вмешательством в производство и товарный обмен. Государство — единственный источник монопольной власти и связанных с нею проблем, утверждают профессор Арментано и его единомышленники.

Олаф Герземанн
Ковбойский капитализм
Серия «Экономика»

В книге немецкого исследователя проводится сопоставление американской модели «ковбойского» капитализма и европейской модели «уютного капитализма». Первая модель в большей степени полагается на использование рыночных сил; вторая — на государственную регламентацию различных сторон экономической и социальной жизни в целях достижения большей «социальной справедливости». Сравнение оказывается не в пользу европейской модели, причем не только по показателям, характеризующим экономический рост и эффективность, но и по степени социальной защищенности граждан. Основной вывод состоит в том, что европейская модель, основанная на жесткой регламентации экономической жизни, оказывается гораздо менее конкурентоспособной в современном мире.

Бринк Линдси
Глобализация: повторение пройденного
Серия «Экономика»

Автор предлагает новый взгляд на проблему глобализации, идущий вразрез с расхожими штампами. Экономическая глобализация последних 15—20 лет не является ни уникальной, ни необратимой. Нынешняя волна вызвана не развитием технологий и мифической политикой «рыночно-фундаментализма», а всеобщим разочарованием в практике всеобъемлющего государственного регулирования. Проводившаяся с конца 70-х гг. XX в. правительствами разных стран прагматическая политика дерегулирования дала неожиданный эффект в виде бурного развития международной торговли и финансовых рынков. Но дальнейшее движение в этом направлении вовсе не гарантировано. Поступательное развитие мировой экономики и повышение благосостояния широких масс требует более фундаментальных политических и идеологических изменений.

Фридрих фон Хайек
Право, законодательство и свобода
Серия «Политическая наука»

Книга является наиболее развернутым изложением идей автора, лауреата Нобелевской премии по экономике 1974 г., относительно эволюции социальных норм и институтов. Существующие правила и обычаи, институты собственности и контракта, а также такие ценности, как честность и мир, укоренились в обществе в силу своей целесообразности. Но мы не вполне понимаем, как они работают; они установились сами, а не благодаря сознательным усилиям людей. Именно потому, что связь между индивидуальным поведением и всеобъемлющим порядком так трудно поддается предсказанию, не следует думать, что, заставляя людей действовать определенным образом, можно создать действительно жизнеспособное общество. На социально-политической концепции автора основывается его доктрина конституционализма, весьма оригинальная и при этом критическая по отношению к существующим институтам либерально-демократического государства.

Роберт Нисбет
Прогресс: история идеи
Серия «Социология»

Идея прогресса в значительной степени определила облик западной цивилизации. Человечество развивается, «движется вперед», причем это движение понимается в двух аспектах — как накопление знания и как наращивание материального богатства. Рождение идеи прогресса — результат взаимодействия христианства с античными представлениями. Первоначально она была вариацией на тему линейного представления об истории, свойственного иудео-христианской религиозной традиции. В период с 1750 примерно до 1900 г. происходит отделение идеи прогресса от религиозных корней и «срастание» понятий прогресса и науки. Этот процесс сопровождался угрожающими явлениями: если первоначаль-

чально прогресс трактовался как расширение человеческой свободы, то примерно со второй половины XIX в. он все более стал пониматься как расширение «управляемости» — попросту говоря, власти абстрактного государства над человеком и природой.

Дипак Лал
Непреднамеренные последствия
Серия «Экономика»

Книга посвященная одному из наиболее актуальных вопросов современной экономической науки — значению культурных предпосылок для экономического роста в разных странах. Это попытка междисциплинарного и кросс-культурного объяснения экономического возвышения Запада (в сравнении и на фоне китайской, индийской и исламской цивилизаций). Обозревая тысячелетний период экономического развития Евразии, автор ищет ответ на вопрос: должна ли модернизация неизбежно сопровождаться вестернизацией, и приходит к выводу о том, что хотя эти два показателя были тесно связаны в экономическом развитии Запада, это условие не всегда выполнялось в остальном мире. В книге разработана новая аналитическая схема, позволяющая инкорпорировать «культуру» в экономический анализ.

Мартин ван Кревельд
Расцвет и упадок государства
Серия «Политическая наука»

Институт государства (state), как он существует в наше время, обладает целым рядом свойств, которые мы считаем само собой разумеющимися. Государство является корпорацией в исконном смысле этого слова — обладает собственным юридическим лицом, отличным от личности правителей; включает в себя правительственный аппарат и совокупность граждан (подданных), но не совпадает ни с тем, ни с другим; имеет четко определенные границы и существует только при условии признания другими государствами и т.д. Но институт такого рода — довольно позднее явление в истории человечества, и нет никаких оснований считать его вечным. Мартин ван Кревельд, известный израильский историк и военный теоретик, описывает процесс зарождения, вызревания и расцвета государства-корпорации. Значительная часть книги посвящена кризису этого института, происходящему на наших глазах. Причина — в потере государством легитимности ввиду его неспособности исполнять взятые на себя обязательства по поддержанию правопорядка, защите от внешних угроз и обеспечению населения «социальными благами». Упадок государства может в обозримом будущем привести к радикальной трансформации всего современного мира.

Мартин ван Кревельд
Трансформация войны

Серия «Военная мысль»

В книге предпринят пересмотр всей парадигмы военно-теоретической мысли, господствующей со времен Клаузевица. Автор предлагает новое видение войны как культурно обусловленного вида человеческой деятельности, в рамках которого организованное насилие ограничено правилами, и тем самым отличающегося от неорганизованного насилия. Современная ситуация связана с фундаментальными сдвигами в социо-культурных характеристиках вооруженных конфликтов. Этими изменениями в первую очередь объясняется неспособность традиционных армий вести успешную борьбу с иррегулярными формированиями в локальных конфликтах. Отсутствие адаптации к этим изменениям может дорого стоить современным государствам и угрожать им полной дезинтеграцией.

Томас Шеллинг
Стратегия конфликта

Серия «Международные отношения»

Книга посвящена исследованию общей логики поведения участников конфликтных ситуаций — теории игр. Впервые вышедшая в 1960 г., она стала фундаментальным вкладом в эту науку, заложив основы теории стратегического поведения. Автор обходит без сложного математического аппарата и посвящает значительную часть объема книги практическим приложениям теории, в первую очередь — к сфере международной политики. Предметом рассмотрения являются неантагонистические конфликтные ситуации, когда интересы сторон, хотя и противоречат друг другу, не являются в точности противоположными и требуют определенной кооперации. К числу таких ситуаций относятся, например, военные действия, переговоры о контроле над вооружениями, политика взаимных угроз и т. д.

Лон Л. Фуллер
Мораль права

Серия «Право»

Известный американский правовед Лон Фуллер (1902 — 1978) является одним из крупнейших современных представителей естественноправового направления в теории права. Данная книга, ставшая классикой, представляет собой систематическое изложение концепции права, основанной на специфических моральных требованиях к праву как таковому. Автор показывает, что к числу этих требований относятся такие, как непротиворечивость, общий характер норм, ясные и понятные нормы, общеизвестность, отсутствие ретроактивных норм, отсутствие неисполнимых требований, стабильность, соответствие административных и судебных действий законам. Эти требования соответствуют самой природе права и являются внешними по отношению к правоустанавливающим институтам. Данная концепция представляет собой разработанную альтернативу распространенной в наше время позитивистской концепции права.

Роберт Нозик
Анархия, государство и утопия
Серия «Политическая наука»

Работа современного американского политического философа Роберта Нозика посвящена обоснованию неизбежности и справедливости существования «мини-мального государства». В качестве отправной точки автор рассматривает «естественное состояние» общества, в котором еще нет государства, и действуют базовые этические нормы — право человека распоряжаться самим собой, присваивать никому не принадлежащие материальные объекты и добровольно обмениваться с другими людьми своим имуществом. Нозик доказывает, что государство, т. е. организация, обладающая монополией на насилие, может возникнуть из «естественного состояния» путем добровольного делегирования ими первичных прав. Это государство будет иметь своей функцией исключительно защиту жизни и собственности граждан от насильственных посягательств. Всякое расширение его функций (в том числе создание институтов «социального государства») будет означать нарушение базовых прав и вести к отрицательным последствиям для общества. Все необходимые общественные функции, кроме защитной, должны осуществляться на основе добровольного сотрудничества.

Том Бетелл
Собственность и процветание
Серия «История»

Книга в популярной форме рассказывает об истории частной собственности со времен Древнего Рима и до наших дней. Эта тема рассматривается сразу с двух точек зрения: истории института и истории идеи. Показана фундаментальная роль института частной собственности в общественном развитии. В то же время в книге собрана богатая коллекция исторических примеров того, как ослабление этого института вело к распаду и гибели сообществ или к увековечению низкого уровня жизни: судьба первых североамериканских колоний в Джеймстауне и Плимуте, история коммуны Роберта Оуэна, картофельный голод в Ирландии, социалистические эксперименты в СССР и Китае, проблемы арабского мира, земельные реформы в развивающихся странах и т. д. Автор анализирует экономическую логику стимулов и демонстрирует пагубность общего пользования ресурсами. Особое внимание уделено взаимосвязям между институтом собственности и состоянием окружающей среды, а также проблемам интеллектуальной собственности. В своем исследовании истории идеи частной собственности автор опирается на философские и юридические основы этого института. Если политический философ или экономист когда-либо написал что-то важное о связи прав собственности и процветания, то изложение его идей обязательно найдется в этой книге, где представлены взгляды Адама Смита, Иеремии Бентама, Карла Маркса и Фридриха Энгельса, Кеннета Эрроу, Милтона Фридмана и многих других мыслителей. Особое внимание уделено возрождению интереса к правам собственности в экономической теории в 1950—1960-е годы (А. Алчиан, Г. Демсец, Р. Коуз).

Бруно Леони
Свобода и закон
Серия «Право»

«Свобода и закон» — главное сочинение выдающегося итальянского юриста Бруно Леони, увидевшее свет в 1961 г. В этой книге автор утверждает, что главным препятствием для реализации принципа верховенства права является избыточное законодательство. На основе обзора римского права автор показывает, что, по мнению древних римлян, право представляло собой процесс открытия, а не набор официально принятых приказов. То есть исторически и традиционно «право» рассматривалось как нечто, открываемое судьями и юристами, а не отождествлялось с тем, что создают и за что голосуют группы законодателей. Это то, что использовали частные стороны судебного процесса для урегулирования разногласий и конфликтов друг с другом, а не воля государства или некоторых групп людей, силой навязываемая остальной части общества. Широко распространенное сегодня смешение права и законодательства совпадает по времени с эпохой постепенного укрепления позиций социализма, в которой довелось жить нам. Автор демонстрирует близкие параллели между рынком и обычным правом, с одной стороны, и социализмом и законодательством, с другой.

Вторая книга, входящая в этот том, называется «Закон и политика» и состоит из нескольких лекций, прочитанных автором в 1960-х годах. В них он анализирует идеи только что появившейся в то время школы общественного выбора, представленной Дунканом Влеком, Джеймсом Бьюкененом и Гордоном Таллоком.

Гельмут Шёк
Зависть: теория социального поведения
Серия «Социология»

В работе немецкого социолога Гельмута Шёка, ставшей классической, представлен всесторонний анализ зависти, как социального-психологического и социального явления и как мотива социального поведения человека. Исследуется роль этой эмоции в поддержании социальной структуры традиционного общества, в возникновении радикальных уравнилельных и социалистических движений. Показано, что институционализируемая зависть является одним из главных препятствий на пути экономического роста развивающихся стран. На обширном материале изучается также роль зависти в современной политике и институтах развитых обществ. Предмет исследования рассматривается с междисциплинарных позиций с привлечением материалов антропологии, этнографии, психологии (психоанализа), литературоведения и других дисциплин.

ГОТОВИТСЯ К ВЫХОДУ

Энтони де Ясаи
Государство

Серия «Политическая наука»

Энтони де Ясаи — один из самых оригинальных политических философов современной Европы. В данной книге развивается теория политической динамики государства. В отличие от большинства распространенных политико-философских концепций, де Ясаи рассматривает государство не как пассивный инструмент, служащий интересам общества в целом, класса или социальной группы и т.д., а как активно действующий субъект, преследующий собственные интересы. Такая трактовка аналогична подходу экономистов к изучению производственной фирмы, однако в отличие от последней, государство стремится максимизировать не прибыль, а объем властных полномочий и использовать последние для достижения собственных конечных целей, каковы бы они ни были. Главным инструментом государства при этом является, завоевание поддержки тех или иных групп подданных путем перераспределения в их пользу богатства, отбираемого у других. Внутренняя логика развития государства со временем неизбежно приводит к тому, что оно приобретает тоталитарные черты, причем, независимо от субъективных качеств и намерений конкретных правителей.

Лоуренс Харрисон

Кто процветает:

*как культурные ценности формируют экономический
и политический успех*

Серия «Экономика»

Почему одни нации и этнические группы живут лучше, чем другие? Американский экономист Лоуренс Харрисон в своей книге пытается дать ответ на этот вопрос, опираясь на свой опыт работы в Агентстве экономического развития США в качестве директора программ экономического развития в Гватемале, Гаити, Никарагуа и Коста-Рики. К определяющим факторам экономического и политического успеха, безусловно, относятся климат, ресурсная обеспеченность, географическое положение и размеры страны, выбор той или иной политики и просто удача. И все же, по мнению автора, именно система ценностей и мировоззрений (то, что совокупно именуется культурой) отличает этнические группы друг от друга. Именно она определяет в первую очередь такие феномены, как нестабильность и неравенство стран Латинской Америки, экономическое «чудо» Тайваня и Южной Кореи, достижения японцев — в самой Японии, в Бразилии и Америке.

Стивен Ф. Уильямс
***Либеральные реформы при нелиберальном режиме:
создание частной собственности в России, 1906–1915***
Серия «История»

В книге американского юриста Стивена Ф. Уильямса рассказывается о том, как, начиная с 1906 г., накануне мировой войны и катастрофической революции, русское правительство предприняло, вероятно, самую массовую «приватизацию» в истории, радикально изменив режим собственности, в условиях которого жили 90 миллионов крестьян. Предпринятое автором исследование реформ в сфере прав собственности раскрывает преимущества и слабости радикальных преобразований, направленных к созданию либеральной демократии и проводимых правительством, которое никак нельзя охарактеризовать ни как либеральное, ни как демократическое.

С. Уильямс ищет ответ на вопросы: может ли истинно либеральная реформа успешно быть внедрена «сверху» или она должна осуществляться через «низовую» активность путем формирования общественных групп, которые вырывают у государства? Или же либеральная демократия является продуктом исключительных исторических обстоятельств и не может быть создана нигде, кроме небольшого числа стран?

Автор исследует влияние столыпинской реформы на экономическую производительность и социальные отношения, а также слабости процесса авторитарного реформирования — политическую пассивность заинтересованных групп населения, размытость базовых прав и риск ограничиться полумерами.

Мартин ван Кревельд
Американская загадка
Серия «Международные отношения»

Книга израильского историка Мартина ван Кревельда посвящена исследованию США, как уникального исторического, социального и политического явления. Особенности США автор объясняет фундаментальными идеологическими предпосылками, положенными в основу американского государства. В книге анализируются такие аспекты американской жизни, как государственное управление, экономика, взаимоотношения между поколениями и полами, внешняя политика, методы ведения войны и политика безопасности. В последней главе рассматриваются различные сценарии будущего США и их последствия для роли этой страны в мировой системе. М. ван Кревельд исследует США с позиции непредвзято настроенного иностранца, не склонного ни к восторгам, ни к огульной критике. Тем самым, он продолжает традицию, заложенную еще «Демократией в Америке» Алексиса де Токвиля.